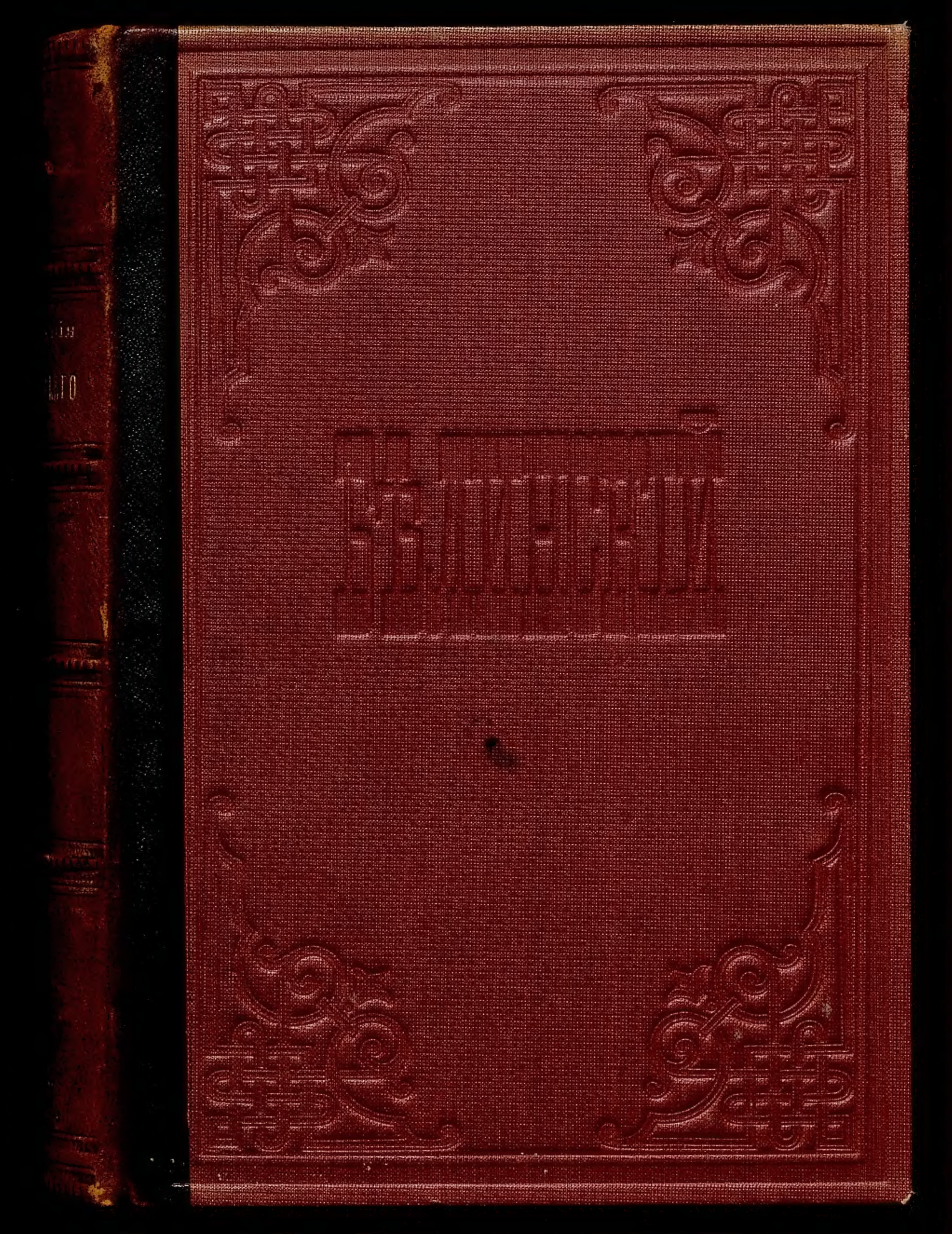
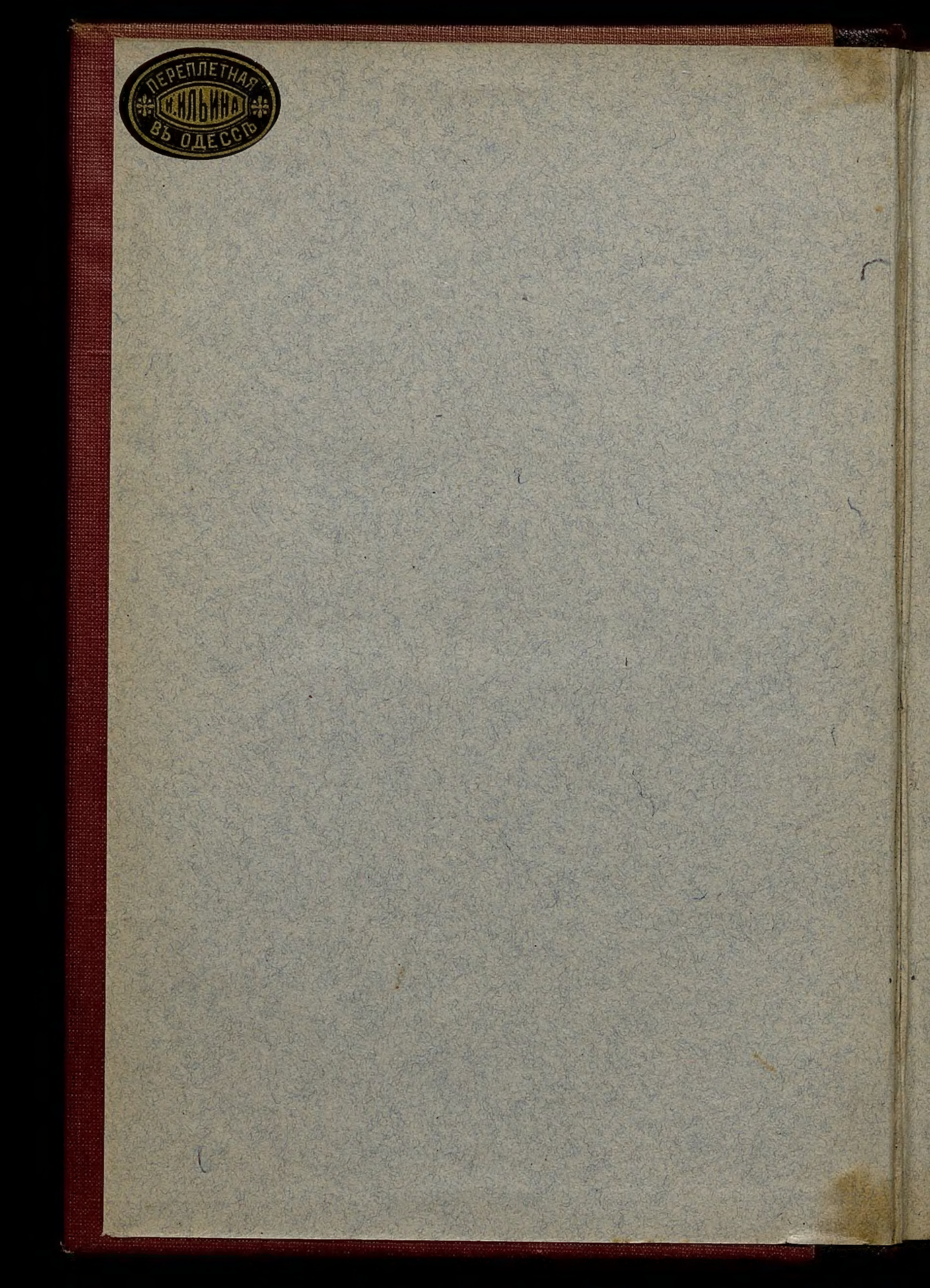

Сочиненія
В. БѢЛИНСКАГО
3
Н. И.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. ИЛЬИНА
ВЪ ОДЕССѢ

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И ЕГО ФАКСИМИЛЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изданіе пятое.

ЦѢНА ЗА КАЖДУЮ ЧАСТЬ 1 Р. 25 К.

МОСКВА.
«Русская» типо-литографія, Большая Дмитровка, д. Шаблыкина.
1884.

1839.

—

МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

I.

КРИТИКА.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ. *Соч. И. И. Лажечникова. Москва 1833—1837. Четыре части.*

БАСУРМАНЪ. *Соч. И. Лажечникова. Москва. 1838. Четыре части.*

Вотъ уже третій романъ изданъ г. Лажечниковымъ, — и слава его растетъ все болѣе и болѣе. Общій голосъ утвердилъ за нимъ почетное титло перваго русскаго романиста, и добросовѣстная критика, чуждая личныхъ отношеній и литературнаго пристрастія, всегда подтвердитъ приговоръ публики, если только она—добросовѣстная критика. Разумѣется, это первенство, по сущности своей, есть, относительное, хотя, по хронологіи исторіи нашей литературы, и безусловное. Мы хотимъ этимъ сказать, что, говоря о г. Лажечниковѣ, какъ о первомъ русскомъ романистѣ, мы отнюдь не имѣемъ въ виду писателей повѣстей, но только однихъ романистовъ, и отнюдь не видимъ въ немъ идеала романистовъ, но только лучшаго русскаго романиста. Мы не будемъ сравнивать его съ Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ, потому что можно и не тягаясь съ этими двумя вѣковыми исполинами-художниками, быть примѣчательнымъ романистомъ вообще и первымъ, то есть, лучшимъ во всякой литературѣ, кромѣ англійской. Мы не будемъ также говорить съ лукавою ироніею, что романы г. Лажечникова лучше романовъ Евгенія Сю, Виктора Гюго, Бальзака и прочихъ, потому что еслибы его романы были не только хуже, но даже не были бы лучше романовъ этихъ корифеевъ безпутной французской литературы, то мы не почли бы ихъ слишкомъ завиднымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы

и не стали бы о нихъ много хлопотать. Еще менѣе намѣрены мы, выписавши изъ романовъ г. Лажечникова нѣсколько изысканныхъ выраженій или вычурныхъ фразъ, которыхъ они въ самомъ дѣлѣ очень не чужды, изречь ему грозный приговоръ, или—что еще хуже—побранивши его за недостатки, похвалить за достоинства, какъ учитель бранитъ и хвалитъ своего ученика за ученическую задачу, пополамъ съ грѣхомъ, оконченную. Отъ послѣдней продѣлки съ нашей стороны, г. Лажечникова защищаетъ его огромная извѣстность, и громкій авторитетъ у публики, а еще болѣе одно повидимому маленькое, но въ самомъ-то дѣлѣ очень важное обстоятельство, а именно: мы сами не пишемъ романовъ, и г. Лажечниковъ не перебиваетъ у насъ дороги. Вотъ, если бы мы вздумали написать, или (все равно!) дописать какой-нибудь романъ, что-нибудь въ родѣ Евгенія Сю, примиреннаго съ Августомъ Лафонтеномъ, и въ этомъ романѣ вывели бы героемъ какого-нибудь недопеченаго поэта, который «хочетъ заняться чѣмъ-нибудь высокимъ» и жалуется, что «свѣтская чернь его не понимаетъ», бранитъ гражданское устройство, которое мѣшаетъ безъ актовъ и записей жениться, однимъ словомъ, презираетъ бѣдною землею, на которой если забудешь дней пятокъ поѣсть, то непремѣнно умрешь, и смотритъ заживо на небо, гдѣ нѣтъ ни формъ, ни обрядовъ... О, тогда плохо бы пришлось отъ насъ г. Лажечникову: мы умѣли бы его отдѣлать въ коротенькой библіографической статейкѣ... Но чего нѣтъ, о томъ нечего и говорить, и такъ какъ намъ ничто не мѣшаетъ наслаждаться прекраснымъ поэтическимъ талантомъ г. Лажечникова и цѣнить его, то и приступимъ къ дѣлу,—назовемъ хорошее хорошимъ, а дурное дурнымъ; за первое отъ души поблагодаримъ автора, а за второе отъ души извинимъ его, ради перваго.

Въ самомъ дѣлѣ, при оцѣнкѣ романовъ г. Лажечникова главный и первый трудъ долженъ состоять въ отдѣленіи достоинствъ отъ недостатковъ. Намъ скажутъ: да въ этомъ-то

и состоитъ задача всякой критики. Не будемъ возражать на подобное возраженіе: у насъ понятія о критикѣ совсѣмъ другія, но мы пока побережемъ ихъ про себя, потому что излишняя отчетливость повела бы насъ слишкомъ далеко и отбила бы отъ предмета. И потому, пока мы условимся, что дѣло критики есть отдѣленіе красотъ отъ недостатковъ въ произведеніи искусства, а мѣрка при этомъ химическомъ процессѣ—личное ощущеніе критика. Дюпенъ издалъ карту народнаго просвѣщенія Франціи, оттѣнивъ колоритомъ отношенія образованности въ различныхъ департаментахъ, т. е. самые образованные департаменты, означивъ свѣтлою краскою, а невѣжественные—темною. Вотъ такую карту желаемъ мы составить, изъ нашей критической статьи, для романовъ г. Лажечникова. Пусть всякій повѣряетъ наше мнѣніе собственнымъ своимъ мнѣніемъ.

Еще не успѣли мы забыть удовольствія, которымъ насладились при чтеніи «Ледянаго дома», вышедшаго въ 1835 году, какъ взялись, кажется, за третье, если не за четвертое, чтеніе этого романа, по случаю втораго его изданія въ концѣ прошлаго года,—и прочли его еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели въ первый разъ: лица, которыя начали уже, отъ времени, представляться нашимъ глазамъ подъ какими-то туманными дымками, снова ожили передъ нами, и мы радушно и весело встрѣтились съ старыми знакомцами, и нашли ихъ такъ-же интересными, милыми и любезными, какъ и въ пору перваго знакомства; прекрасныя ощущенія, которыя, отъ времени, уже начинали терять свою предметность и повторялись въ душѣ нашей, какъ напѣвы какой-то забытой, но прекрасной пѣсни, вновь воскресли въ ней, живыя, свѣжія, могучія, и снова взволновали ее своими очаровательными потрясеніями... И однакожь—странное дѣло!—при послѣднемъ чтеніи, романъ доставилъ намъ несравненно большее наслажденіе, чѣмъ при первомъ; но при первомъ чтеніи мы ставили его гораздо выше, давали ему гораздо бо́льшее зна-

ченіе, бóльшую цѣну, нежели какія даемъ ему теперь... Помню, какъ мучилъ меня этотъ «Ледяной Домъ», какъ какая-то неразгаданная загадка, какъ сбирался я тогда написать о немъ огромную статью, а въ ней тепло, живо и увлекательно раскрыть всѣ его красоты, и какъ — не могъ написать ни строки... Тяжесть подвига подавляла силы... По крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ тогда. Помню, что больше всего меня затрудняла и мучила двойственность романа: то представлялся онъ мнѣ выше всего, что можно себѣ представить въ этомъ родѣ, то я не видѣлъ въ немъ почти ничего... Первое ощущеніе оправдывалось моимъ сознаніемъ, которому я не вѣрилъ, какъ дьявольскому навожденію, и упрекалъ себя въ немъ, какъ въ грѣхѣ... Странно, а понятно: только тогда можно вполнѣ насладиться литературнымъ произведеніемъ, когда поставишь его на свое мѣсто и не будешь требовать отъ него ни больше, ни меньше того, что оно можетъ дать; такъ точно, можно ужиться со всякимъ человѣкомъ, если только поймешь его на его мѣстѣ и будешь требовать отъ него ни больше, ни меньше того, что можно и должно отъ него требовать. Какая истинная и, въ то же время, простая мысль, а между тѣмъ, какъ трудно и какъ не скоро понимается она!...

Не будемъ излагать содержанія «Ледянаго Дома»: оно и безъ того всякому образованному читателю знакомо и перезнакомо; но поговоримъ о лицахъ, образующихъ своими соотношеніями его драму. Герой—Волынскій. Какъ историческое лицо, онъ и теперь еще загадка. Одни видятъ въ немъ героя, мученика за правду; другіе отрицаютъ въ немъ не только патріота, но и порядочнаго человѣка. Но мы оставимъ историческаго Волынскаго—намъ до него нѣтъ дѣла: мы пишемъ не объ исторіи, а о романѣ. Тутъ представляется другой вопросъ: имѣетъ ли право поэтъ исказить историческое лицо? Да и нѣтъ, отвѣчаемъ мы. Да будетъ проклятъ, кто бы нанесъ святотатственную руку на искаженіе Петра Великаго и умыш-

лепно осмѣлился бы сдѣлать уродливаго карлу изъ великана человѣчества; но анахронизмы, искаженіе событій, вслѣдствіе требованій ткани и механизма романа—но только безъ искаженія идеи лица,—могутъ казаться непозволительными или преступными только внікающему разсудку, а не живому эстетическому чувству. Что же касается до сомнительныхъ, или неважныхъ историческихъ лицъ, то и говорить нечего: въ произведеніи искусства должно искать соблюденія художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллеръ изъ Карлоса, непокорнаго сына и дурнаго человѣка, сдѣлалъ идеалъ возвышеннаго, благороднаго человѣка? Худо не это, а то, что его драма есть произведеніе риторики, а ея лица—риторическія аллегоріи, а не живыя созданія. Что намъ за нужда, что Гёте изъ восьмидесятилѣтняго старика Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ молодого, кипящаго избыткомъ жизни юношу? Онъ хотѣлъ изобразить не Эгмонта, а кипящаго избыткомъ душевныхъ силъ юношу въ положеніи Эгмонта. Исторія услужила ему только «поэтическимъ положеніемъ», а главное дѣло въ томъ, что его драма—великое произведеніе великаго художника. Кто хочетъ знать исторію, тотъ учись ей не по романамъ и драмамъ. Поэтому, для насъ смѣшны нападки нѣкоторыхъ аристарховъ на г. Лажечникова, что онъ снялъ десятка два или три лѣтъ съ плечъ Волынскаго (добро бы еще исказилъ историческій характеръ!). Что же такое Волынскій Лажечникова?—Это человѣкъ глубокій, могучій духомъ, пламенный патріотъ, душа чистая, благородная, но легкій, вѣтреный; тонкій политикъ и мальчикъ, не умѣющій совладать съ самимъ собою; государственный мужъ—и волокита, гуляка праздный. Соединеніе такихъ противоположностей въ одномъ человѣкѣ очень возможно,—и задача творчества именно въ томъ и состоитъ, чтобы эти противоположности не бросались въ глаза читателю, но составляли бы одно цѣлое, слитое. Характеръ Волынскаго у г. Лажечникова очерченъ мѣстами очень удачно, но мѣстами

онъ двоится. Это произошло, сколько мы понимаемъ, совсѣмъ не оттого, чтобы у автора не достало таланта, но отъ нравственной точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на человѣка. То, что въ Волынскомъ было играніемъ жизни, широкимъ разметомъ души, съ бѣшенымъ восторгомъ и безграничнымъ упоеніемъ отзывавшейся на зовъ обольстительницы жизни,—на то авторъ смотрѣлъ глазами ментора, какъ на слабости, на заблужденія, и какъ будто бы самъ колебался во мнѣніи о героѣ своего романа. Отъ этого, любовь Волынскаго къ Маріорицѣ далеко не возбуждаетъ въ читателѣ того участія, какое бы она должна была возбуждать. Вы смотрите на нее, какъ на школьническую шалость взрослаго человѣка. Мы очень понимаемъ, что любовь къ Маріорицѣ Волынскаго, женатаго на прекрасной, страстно любящей его и прежде нѣжно любимой имъ женщинѣ, должна была тревожить его, какъ преступленіе, и, доставляя ему минуты высочайшаго, упоительнаго блаженства, давать ему лютыя минуты вникапія въ себя; скажемъ больше—Волынскій былъ бы существо чисто безправственное, неспособное возбудить участія къ себѣ, еслибы онъ не чувствовалъ своей вины передъ женою, и не страдалъ отъ ея сознанія. Гдѣ любовь, тамъ нѣтъ эгоизма, а гдѣ нѣтъ эгоизма, тамъ всегда есть сознаніе своей вины, хотя бы и невольной, передъ другими; любящее сердце страдаетъ за всѣхъ, а тѣмъ больше за тѣхъ, кого оно само заставило страдать; безправственность только тамъ, гдѣ нѣтъ любви. Итакъ, мы нападаемъ на автора не за то, что его герой чувствуетъ свою вину передъ женою, но за то, что онъ сознаетъ свою вину какъ бы не самъ, не своею волею, а по приказу автора. Всякое лицо, созданное поэтомъ, должно быть для него предметомъ (объектомъ), совершенно ему внѣшнимъ, и задача автора состоитъ въ томъ, чтобы представить этотъ предметъ (объектъ) какъ можно вѣрнѣе, соотвѣтственнѣе ему, т. е. самому предмету (объекту), что и называется объективнымъ изображеніемъ, т. е. такимъ, въ которое авторъ не вноситъ ничего

своего—ни понятій, ни чувствъ. Но пока довольно о Волынскомъ. Мы еще обратимся къ нему.

Второе—самое лучшее—лицо въ романѣ есть Маріорица. Дитя пламеннаго юга, дочь цыганки, питомица гарема, дивный цвѣтокъ Востока, разцвѣтшій для нѣги, упоенія чувствъ, и перенесенный на хладный сѣверъ—эта Маріорица, по идеѣ, чудное созданіе. Нѣсколькихъ типическихъ чертъ, еще дватри взмаха художническаго рѣзца—и это былъ бы одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ въ сокровищницѣ нашей литературы. Но не дивная красота, не роскошь и нѣга движеній, не молнія черныхъ глазъ, зовущихъ къ наслажденію и восторгамъ, составляютъ ароматическое благоуханіе этого пышнаго цвѣта восточныхъ странъ; но... да нѣтъ!—мы лучше словами самого автора опишемъ вамъ плѣнительную Маріорицу. «Отъ христіанской вѣры, въ которой она родилась, остались у ней тайныя понятія и золотой крестъ на груди. Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ къ ней, она не помнила; только не забыла, что женщина, которая вынесла ее изъ пожара, когда горѣлъ отцовскій домъ, строго наказывала ей никогда не покидать святаго знаменія Христа и, какъ она говорила, благословенія отцовскаго. Эта самая женщина продала ее хотинскому пашѣ. Француженка (учительница Маріорицы въ гаремѣ паши), узнавъ, что Маріорица родилась христіанкою, старалась бесѣдами на языкѣ, непонятномъ для черныхъ стражей, ознакомить ученицу свою съ главными догматами своей вѣры. Отъ этого ученія и гаремнаго воспитанія ея, сочетались въ душѣ Маріорицы, пламенной, мечтательной, и фатализмъ магометанскій, и мистицизмъ православія, такъ что въ небѣ, созданномъ ею, обитали и чистѣйшіе духи и обольстительныя дѣвы пророка, а на землѣ всѣ дѣйствія человѣка подчинялись предопредѣленію».

Читателямъ знакома эта обворожительная Маріорица, знакома имъ и ея чудная судьба. Дочь цыганки и молдаванскаго князя, она воспитывалась сперва въ цыганскомъ таборѣ, по-

томъ подкинута была своею матерью къ своему отцу, а наконецъ была продана ею хотинскому пашѣ, который берегъ ее въ подарокъ султану, ничего не щадилъ для ея воспитанія, любовался ею, сдерживая желанія дряхлой старческой души, сносилъ ея прихоти, свойственныя женщинѣ и избалованному ребенку вмѣстѣ. По взятіи Хотина Минихомъ, она попалась плѣнницею знаменитому вождю, а имъ была подарена Государынѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая любовалась ею, какъ игрушкой, и любила ее, какъ дочь. Фатализмъ былъ источникомъ любви Маріорицы къ Волынскому—прекрасная поэтическая мысль, которая могла родиться только въ прекрасной, поэтической душѣ... Года за два до ея плѣна, когда Русскіе вели съ Турками переговоры въ Немировѣ, старый паша говорилъ въ шутку Маріорицѣ, что онъ уступитъ ее русскому послу Волынскому, о которомъ слава прошла тогда до Хотина. Надобно было, чтобы этотъ самый Волынскій, ловкій, статный, красивый, съ черными кудрями разсыпающимися по плечамъ, съ пронзающими взорами, первый изъ мущинъ встрѣтилъ ее по пріѣздѣ ея въ Петербургъ. «При имени Волынскаго княжна затрепетала. Фатализмъ, которымъ она съ малолѣтства была напитана, сказалъ ей, что это самый тотъ, неизбѣжимый ею, суженый ей рокомъ, что она введена съ пепелища отцовскаго дома въ Хотинъ и оттуда въ страну, о которой и не мыслила никогда, потому единственно, что еще при рожденіи назначено ей любить русскаго, именно Волынскаго». Такъ говоритъ авторъ, и мы очень жалѣемъ, что вслѣдъ за этими простыми, но много заключающими въ себѣ словами, онъ, увлекшись духомъ прошлаго вѣка, прибавляетъ о какомъ-то рецептѣ любви, прописанномъ маленькимъ докторомъ въ блондиновомъ паричкѣ и съ двумя крылышками за плечами..

Къ Волынскому, на святкахъ, подъ видомъ друзей, забрались переряженные враги; между ними былъ измѣнникъ, который шепнулъ ему о продѣлкѣ. Лихой, разгульный Волынскій шепнулъ слугамъ отослать ихъ кучеровъ, отпотчивалъ

дорогихъ гостей дорогими винами, посадилъ на свои сани и велѣлъ слугамъ отвести ихъ на Волково-поле и тамъ бросить, а самъ, наряженный кучеромъ, повезъ оттуда брата Бирона, и, пристыженнаго, униженнаго, ссадилъ его у дворца, давши ему этимъ добрый урокъ шутить осторожнѣе. Потомъ Волынскій два раза проѣхалъ мимо дворца, гдѣ жила его Маріорица. Вдругъ слышитъ голоса—это дѣвушки; одна спрашиваетъ его: «Какъ тебя зовутъ, дружокъ»? Волынскій задрожалъ отъ звуковъ этого голоса, и снявши шапку, отвѣчалъ: «Артеміемъ, сударыня»! — Артемій! смѣясь, закричали дѣвушки, какое дурное имя! — Не правда! оно мнѣ нравится! — подхватила княжна. А Волынскій?—лихой ямщикъ, онъ вздохнулъ, надѣлъ шапку на бекрень и, тронувъ шагомъ лошадей, затянулъ пріятнымъ голосомъ—

Вдоль по улицѣ мятелица мятетъ,
За мятелицей и милый другъ идетъ...

Это природа чисто русская, это русскій баринъ, русскій вельможа старыхъ временъ!... Вообще вся эта глава (VII) одно изъ лучшихъ мѣстъ романа и не испортила бы никакого и ничьего романа.

Итакъ, Маріорица уже успѣла перенять русскіе святочные обычаи, они понравились ея пылкому, суевѣрному воображенію... Проѣзжій ямщикъ назвался Артеміемъ — новая причина любить Артемія Петровича Волынскаго, новое доказательство, что она рождена для него, обречена ему рокомъ!... Фатализмъ чудеситъ!...

Какъ-же любила она его?

Вотъ что́ писала она къ нему въ одномъ изъ писемъ своихъ: «Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ—я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растенье при землѣ. Дѣлай изъ меня что́ хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и — бросить!... Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ».

Она любила его, какъ восточная женщина, любила его, какъ существо высшее, и какъ о недосягаемомъ блаженствѣ, мечтала быть его рабою, служить его прихотямъ, безропотно повиноваться его волѣ... А онъ?—онъ не любилъ, онъ только увлеченъ ею наврени. Это чувство было для него не вся жизнь съ ея радостями и страданіями, не вся судьба, а мгновенная вспышка, прихоть сердца, играніе жизни... Авторъ называетъ его любовь чувственною.

Здѣсь мы рады придраться къ случаю, чтобы сказать, что мы рѣшительно не вѣримъ ни идеальной, ни чувственной любви. Та и другая существуетъ, но обѣ они ложны, какъ двѣ противоположныя крайности, двѣ противоположныя отвлеченности. Такъ называемая идеальная любовь есть палочка, на которой ѣздятъ верхомъ школьники, воображая, что они скачутъ на богатырскомъ конѣ; это своего рода донъ-кихотство. Такъ называемая чувстенная любовь есть удѣлъ животныхъ съ человѣческимъ образомъ. Но всякое чувство, что бы оно ни было—любовь, или увлеченіе, мгновенная прихоть сердца,—но если только оно волнуетъ душу сладкимъ восторгомъ и растворяетъ ее трепетнымъ ощущеніемъ таинства жизни, если оно возбуждено созерцаніемъ идеи абсолютной красоты въ живомъ образѣ, — это чувство уже любовь, а не чувственность. Всякая любовь есть одухотворенная чувственность; любовь одна, но степени ея безконечно-разнообразны, и съ каждой степенью измѣняется ея характеръ, а степени ея состоятъ въ постепенно большемъ и большемъ проникновеніи чувственности духовнымъ просвѣтлѣніемъ. Есть люди, которые отъ всей души убѣждены, что красота возбуждаетъ чувственность: бѣдные не понимаютъ, что красота есть явленіе духа, и что гдѣ красота родитъ любовь, тамъ уже нѣтъ чувственности. Для животныхъ красота не существуетъ—это составляетъ одно изъ преимуществъ человѣка надъ животными. Только красота не составляетъ условія любви, но безъ красоты любовь невозможна.

Характеръ Маріорицы обрисованъ удачнѣе всѣхъ прочихъ. Это рѣшительно лучшее лице во всѣмъ романѣ. Она нигдѣ не измѣняетъ себѣ. Она сходитъ со сцены, какъ вошла на нее: какъ звѣзда любви, которая ярче и прекраснѣе всѣхъ небесныхъ свѣтилъ—и вечеромъ, когда является, и утромъ, когда скрывается. Послѣднее ея свиданіе съ Волынскимъ было апотеозомъ всей ея жизни, и мы рѣшительно отрицаемъ всякое человѣческое, не только эстетическое, чувство въ томъ, кто бы, увлеченный сухимъ, какъ ариѳметика, морализмомъ, увидѣлъ въ послѣднемъ мгновеніи ея жизни паденіе, а не просвѣтлѣніе, не торжественное просвѣтлѣніе, не торжественное свершеніе подвига жизни.... Словомъ, Маріорица есть самый красивый, самый душистый цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ нашего даровитаго романиста.

Послѣ этихъ двухъ лицъ, съ особенною любовію и стараніемъ обрисовано лице цыганки Маріуллы, матери Маріорицы. По нашему мнѣнію, это лице также дурно, какъ хороша Маріорица. Авторъ хотѣлъ олицетворить идею матери; но вѣдь олицетворить значитъ—отвлеченную идею воплотить въ образъ, а этого-то и не сдѣлалъ авторъ: его цыганка мать осталась отвлеченною идеею. Все что ни говоритъ она, ни чувствуетъ, все это нисколько не сообразно ни съ ея званіемъ, ни съ ея положеніемъ, а главное—ничему этому какъ-то не вѣрится. Изуродованіе лица крѣпкой водкой, чѣмъ авторъ хотѣлъ показать образецъ самоотверженія и высокой любви матери, возбуждаетъ не участіе, а отвращеніе. Вообще, эта цыганка есть лице совершенно лишнее, которое не помогаетъ ходу романа, а только и путаетъ и затрудняетъ его. Безъ нея, романъ былъ бы короче, сжатѣе и лучше. Ея слуга и товарищь, цыганъ Василій, несравненно лучше, но тоже совершенно лишнее лице въ романѣ. Тоже думаемъ мы и о лѣкаркѣ, ея дочери, и о всей IV главѣ второй части. Конечно, все это характеризуетъ Петербургъ тогдашняго времени; но подобныя характеристики должны выходить изъ хода романа,

изъ сущности дѣла, и авторъ не имѣетъ права прибѣгать для нихъ къ натяжкамъ.

Теперь о другихъ лицахъ. Превосходно обрисованъ Остерманъ, сынъ бѣднаго нѣмецкаго пастуха, въ молодости своей студентъ енскаго университета, повѣса и волокита, а потомъ сподвижникъ великаго преобразователя Россіи, вице-канцлеръ, дипломатъ, интриганъ. Онъ играетъ въ романѣ роль менѣе, чѣмъ второстепенную, но гдѣ ни является, вездѣ является живымъ лицемъ, и это лице одно изъ лучшихъ созданій нашего поэта.

Биронъ, въ романѣ, вездѣ вѣренъ самому себѣ и тоже принадлежитъ къ удачнымъ изображеніямъ автора; но это лице только слегка очерчено карандашемъ, и по прочтеніи романа, для читателя остается загадкою и историческій и романическій Биронъ. Что онъ такое, этотъ человѣкъ, изъ курляндскаго конюха преобразившійся въ курляндскаго герцога?— Не будемъ обвинять его, тѣмъ болѣе, что и его благородный соперникъ, патріотъ Волынскій—остается еще загадкою (мы говоримъ это въ историческомъ значеніи). Клевреты Бирона очерчены очень удовлетворительно; жаль только, что всѣмъ имъ авторъ придалъ и рыжіе волосы и рты до ушей. Злодѣйство и порокъ безобразны, но только не въ такомъ смыслѣ. Одинъ художникъ нарисовалъ дьявола красавцемъ, но самъ сошелъ съ ума, вглядѣвшись въ ужасное безобразіе этой красоты.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ мы встрѣчаемъ двухъ шутовъ — Кульковскаго и Тредьяковскаго. Оба они были бы прекрасно изображены, еслибы авторъ не сердился на нихъ и не высказывалъ къ нимъ своего отвращенія и презрѣнія. Повторяемъ: поэтъ не судья, а свидѣтель, и свидѣтель безпристрасный. Онъ говоритъ: такъ было, а хорошо или худо—не мое дѣло! Для него всѣ люди и хороши и интересны, онъ всѣми любуется, всѣхъ любитъ, и любитъ ихъ такими, каковы они есть. Такъ натуралистъ не брезгаетъ никакою га-

диною, равно дорожитъ чучелою отвратительной лягушки, какъ и чучелою миловиднаго голубя. Какъ хорошъ у г. Лажечникова этотъ Тредьяковскій—его образъ выраженія, манеры—словомъ, все превосходно; но насмѣшки автора надъ педантомъ разрушаютъ все очарованіе. Моральная точка зрѣнія на жизнь и поэтическій взглядъ на нее—это вода и огонь, взаимно себя уничтожающіе. Безспорно, Тредьяковскій былъ душонка низенькая: образцовая бездарность, соединенная съ чудовищными претензіями на геніальность, необходимо предполагають въ человѣкѣ или глупца или подлеца. Но загляните въ «Ревизора» Гоголя: дивный художникъ не сердится ни на кого изъ своихъ оригиналовъ, сквозь грубыя черты ихъ невѣжества и лихоимства, онъ умѣлъ выказать и какую то доброту по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ. Загляните въ его дивную «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», посмотрите, съ какою любовію описалъ онъ этихъ чудаковъ, съ какимъ сожалѣніемъ расстался онъ съ ними, а между тѣмъ и нисколько не прикрасилъ, но показалъ ихъ совершенно «въ натурѣ».

Подачкинъ и матушка его «барская барыня» изображены превосходно.

Эйхлеръ и Зуда рисуются на первомъ планѣ романа. По идеѣ, оба превосходны, но исполненіемъ нельзя удовлетвориться. Сонный, долговязый и чѣмъ-то особенно странный Эйхлеръ еще мерещится въ глазахъ вашихъ и послѣ прочтенія романа; но съ тѣхъ поръ, какъ срываетъ съ себя маску притворства—онъ теряетъ всякую личность. Зуда съ трудомъ помнится даже и при чтеніи романа.

Изъ соучастниковъ Волынскаго особенно хорошъ Щурховъ: никогда не забудете вы этого милаго, благороднаго чудака, въ его фуфайкѣ изъ синеполосатаго тика и въ красномъ шолковомъ колпакѣ, окруженнаго четырьмя польскими собаками, мѣшающаго въ печки кочергою уголья и бесѣдующаго съ своимъ слугою, дятькою и наставникомъ вмѣстѣ.

Заключимъ наше сужденіе о романѣ общимъ взглядомъ на него. Онъ раздѣленъ на главы, которыя можно раздѣлить на три разряда: главы, написанныя превосходно; главы, въ которыхъ золото перемѣшано съ большимъ количествомъ руды, и главы, состоящія изъ одной руды, развѣ съ нѣсколькими блестками золота. Къ послѣднимъ принадлежатъ безъ исключенія всѣ тѣ, въ которыхъ выходитъ на сцену цыганка Маріулла: натянутость положеній и фразистость выраженія составляютъ ихъ отличительное свойство. Главы втораго разряда ознаменованы участіемъ Зуды, любовію Волынскаго и нѣкоторыми растянутостями. Главы перваго разряда суть тѣ, въ которыхъ является Волынскій, какъ противникъ Бирона, потомъ, всѣ, гдѣ является и сама императрица. Таковы слѣдующія главы: «Смотръ», «Ледяная статуя», «Переряженные», «Западня», «Сцена на Невѣ», «Съ передняго и съ задняго крыльца», «Соперники», «Во Дворцѣ», «Ледяной домъ», «Родины козы», «Любовь повѣренная», «Ударъ». Не менѣе прекрасны, хотя и въ другомъ значеніи, и слѣдующія: «Фатализмъ», «Педантъ», «Обезьяна герцогова», «Куда вѣтеръ подуетъ», «Свадьба шута» и «Ночное свиданіе». Но «Ледяная статуя», «Соперники», «Родины козы», и «Ночное свиданіе» — выше всякихъ похвалъ. Читая главы, которыя такъ рѣзко отличаются отъ исчисленныхъ нами, и видя съ какою нерѣшительностію, какъ бы ощупью, идетъ этотъ талантъ, — невольно изумляешься, видя его возставшимъ въ какомъ-то львиномъ могуществѣ... Читателямъ извѣстно, какую важную роль играетъ въ романѣ ледяная статуя, они живо помнятъ это энергическое лице Малороссіянина, такъ рѣзко и могуче очерченное двумя тремя штрихами, какъ будто невзначай наброшенными; помнятъ они и сцену обливаній, въ которой авторъ умѣлъ изобразить ужасное событіе, не сдѣлавъ его отвратительнымъ. А «Соперники»? Вспомните этого хитраго политика Остермана въ гостяхъ у Бирона, эту бесѣду лисицы съ волкомъ, гдѣ лиса такъ искусно умѣетъ

недослышать, жалуясь на глухоту, и недоговорить, жалуясь на подагру въ ногѣ.

«Родины Козы» не меньше этой превосходная глава. Мысль, положеніе, слогъ—здѣсь все это согласно: высоко, глубоко, и просто! О главѣ «Ночное свиданіе» мы не будемъ распространяться, и скажемъ только, что чисто-романическая часть романа развита и оправдана въ ней совершенно. Волынской тутъ является опять двусмысленнымъ лицомъ, какъ и во всей исторіи своей любви; но Маріорица возстаетъ тутъ со всѣмъ величіемъ любящей женщины, для которой любовь есть цѣль и подвигъ жизни. Конечно, ея любовь не есть идеалъ любви, она любила по своему; ей не было нужды до мнѣній, вѣрованій ея милаго; взаимный обмѣнъ мыслей и убѣжденій не былъ нуженъ для ея чувства, какъ масло для лампы; повторяемъ—она любила по своему, но любила истинно и глубоко, потому что все принесла въ жертву своему чувству, и кромѣ его ничего не понимала и не видѣла въ жизни. И послѣ событія въ ледяномъ домѣ, Маріорица умерла: больше ей незачѣмъ было жить, потому что она взяла у жизни все, что только могла ей дать жизнь...

И вотъ моя дюпеневская карта кончена. Романъ г. Лажечникова не представляетъ собою цѣлаго зданія, части котораго заранѣе вышли бы, въ головѣ художника, изъ единой и общей идеи: въ немъ много пристроекъ, сдѣланныхъ послѣ. Но теплое, поэтическое чувство, которымъ проникнуто все сочиненіе, множество отдѣльныхъ превосходныхъ картинъ, прекрасныхъ частностей, основная мысль—все это дѣлаетъ «Ледяной Домъ» однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской литературѣ и вмѣстѣ, съ «Послѣднимъ Новикомъ», украшаетъ чело своего автора прекраснымъ поэтическимъ вѣнкомъ.

Теперь о «Басурманѣ».

Въ этомъ романѣ авторъ вышелъ на совершенно новое для себя поприще, вступилъ въ состязаніе съ г. Загоскинымъ,

какъ авторомъ «Юрія Милославскаго» и г. Полевымъ, какъ авторомъ «Клятвы при гробѣ Господнемъ». Исторія Россіи перерѣзана Петромъ Великимъ на двѣ части, столь не похожія одна на другую, что онѣ представляютъ собою какъ бы два различныхъ міра. Для двухъ первыхъ своихъ романовъ, г. Лажечниковъ взялъ содержаніе изъ эпохи, начатой Петромъ; въ третьемъ онъ рѣшился перенестись своимъ воображеніемъ дальше и глубже, въ эпоху, гдѣ вся надежда на одну фантазію, гдѣ собственное свидѣтельство, или разсказы отца, дѣда—невозможно. Признаемся, это было для насъ не совсѣмъ добрымъ предвѣстіемъ. Изобразить въ романѣ Россію при Іоаннѣ III, совсѣмъ не то, что изобразить ее въ исторіи: долгъ романиста—заглянуть въ частную, домашнюю жизнь народа, показать, какъ въ эту эпоху онъ и думалъ, и чувствовалъ, и пилъ, и ѣлъ, и спалъ. А какіе у насъ для этого факты?... Гдѣ литература, гдѣ мемуары того времени?... Остаются лѣтописи — но съ ними далеко не уѣдешь, потому что онѣ факты для исторіи, а не для романа. Но для художника достаточно одного намека, чтобы живо представить себѣ полную картину жизни народа въ извѣстную эпоху. Такъ... но это такъ относится только къ тому, кто оправдалъ дѣломъ свою мысль... Посмотримъ, какъ оправдалъ ее г. Лажечниковъ въ новомъ своемъ романѣ.

Русская исторія есть неистощимый источникъ для романиста и драматика; многіе думаютъ напротивъ, но это потому, что они не понимаютъ русской жизни и мѣряютъ ее нѣмецкимъ аршиномъ. Какъ писатели XVIII вѣка изъ русскихъ Малашекъ дѣлали Меланій, а русскихъ пастуховъ заставляли состязаться въ игрѣ на свирѣляхъ въ подражаніе эклогамъ Виргилія, — такъ и теперь многіе наши романисты съ русскою жизнію дѣлаютъ то же, что Вальтеръ-Скоттъ дѣлалъ съ шотландскою. Вездѣ есть герой, который и храбръ, и красавецъ, и благороденъ, непремѣнно влюбленъ и послѣ—или, побѣдивши всѣ препятствія, женится на своей возлюбленной, или

«смертію оканчиваетъ жизнь свою». А вѣдь никому не прійдетъ въ голову представить лихаго молодца, который сперва пламенно любилъ свою зазнобушку (что впрочемъ не мѣшало ему и колотить ее временемъ), а потомъ, обливаясь кровавыми слезами, бросилъ ее, чтобы жениться на богатой и пригожей, т. е. румяной и дородной, но нисколько не любимой имъ дѣвушкѣ, и черезъ то достигнуть цѣли своихъ пламеннѣйшихъ желаній, а между тѣмъ сослужить службу царю-батюшкѣ и обнаружить могучую душу. Какъ можно это?—нисколько не поэтически, хотя и совершенно въ духѣ русской жизни, въ которой любовь издревле была контрабандою и никогда не почиталась условіемъ брака. Оттого-то у насъ и нѣтъ еще ни одного истинно-русскаго романа, и оттого-то герои почти всѣхъ нашихъ романовъ лишены всякой силы характера, всякаго индивидуальнаго колорита. Русская жизнь до Петра Великаго имѣла свои формы—поймите ихъ, и тогда увидите, что она заключаетъ въ себѣ для романа и драмы, такіе же богатые матеріялы, какъ и европейская. Да что говорить о романистахъ, когда и историки наши ищутъ въ русской исторіи приложеній къ идеямъ Гизо о европейской цивилизаціи, и первый періодъ мѣряютъ норманскимъ футомъ, вмѣсто русскаго аршина!... Боже мой, а какія эпохи, какія лица! Да ихъ стало бы нѣсколькимъ Шекспирамъ и Вальтеръ-Скоттамъ. Вотъ періодъ до Ярослава — это періодъ сказочный и полусказочный. Г. Вельтманъ первый намекнулъ, какъ должна пользоваться имъ фантазія поэта. Вотъ періодъ удѣловъ, періодъ, въ который великанъ-младенецъ, путемъ раздробленія, разбросывался въ длину и ширину и захватывалъ себѣ побольше мѣста на Божьемъ свѣтѣ, чтобъ было ему гдѣ развернуться и поразгуляться, когда прійдетъ его время....

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!

Вотъ періодъ татарщины — этой внѣшней силы, которая должна была сдавить Русь, спаять ее ея же кровію, пробудивъ въ ней чувство единовѣрія и единокровности... А характеры?... Вотъ могучій Іоаннъ III, первый царь русскій, замыслившій идею единовластія и самодержавія, установившій придворный этикетъ, сокрушившій представителей издыхавшаго удѣльничества, и поставившій власть царскую наравнѣ съ волею Божіею... Вотъ Іоаннъ IV, этотъ Петръ I, не во-время явившійся и грозою доканчившій идею своего великаго дѣла... Вотъ добрый Ѳедоръ I, отшельникъ и постникъ на престолѣ... Вотъ хитрый, ловкій Годуновъ, жертва неудачной попытки попасть въ великіе... Вотъ удалецъ Димитрій... Вотъ Шуйскій, низкій на престолѣ, гордый въ паденіи... И чѣмъ дальше, тѣмъ жизни кипитъ больше и больше, характеры толпятся — и наконецъ, много ли было у Петра дней, изъ которыхъ каждаго не хватило бы на романъ или драму?...

Г. Лажечниковъ, кажется, самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія въ избранной для своего романа эпохѣ и потому герой его романа — Нѣмецъ. Не будемъ пересказывать содержанія, тѣмъ болѣе, что оно, мы увѣрены, всякому извѣстно. Дѣйствіе романа не только двоится—троится даже. Оно начинается съ темницы внука Іоанна, несчастнаго Димитрія, который къ роману нисколько не относится. Впрочемъ, это одна только глава. Потомъ дѣйствіе происходитъ въ Богеміи, оттуда идетъ въ Италію, чтобъ снова возвратиться въ Богемію. Для сущности романа, оно тянется слишкомъ долго и медленно и вообще роману, кромѣ обширности, ничего не придастъ. Герой романа лице совершенно безцвѣтное, безхарактерное. Авторъ говоритъ намъ, что Антонъ Эренштейнъ любилъ науку, былъ прекрасенъ, храбръ, уменъ, великодушенъ, но сами мы ничего этого не видимъ и вѣримъ автору на-слово. Онъ влюбляется въ Анастасію, дочь боярина Образца, а она влюбляется въ него, и любовь эта возбуждаетъ въ читателѣ слишкомъ слабое участіе. Если хотите,

она описана очень, даже слишкомъ подробно, но въ этомъ описаніи нѣтъ этихъ рѣзкихъ типическихъ чертъ, которыя, повидимому, ничего не показывая, все даютъ видѣть, и еще такъ, что посмотрѣвши на нихъ разъ, никогда не забудешь. Конечно, тутъ есть черты, очень вѣрно схваченныя. Напримѣръ: влюбленная Анастасія думаетъ, что басурманъ сглазилъ, околдовалъ ее, и рѣшается идти къ нему просить его, чтобы онъ сжалился надъ нею — отворожилъ ее отъ себя. Черта прекрасная—безспорно; но вѣдь это черта народная, общая, а въ поэзіи требуется, чтобы общія народныя черты проявлялись въ частныхъ лицахъ, индивидахъ, а не были привязаны, или, лучше сказать, навязаны какимъ-то именамъ безъ лицъ. Вообще, надо признаться, что всѣ почти лица въ новомъ романѣ г. Лажечникова какъ-то безцвѣтны, такъ что самыя лучшія изъ нихъ—силуеты, а не портреты. Знаменитый Аристотель Фіоравенте, архитекторъ, розмыслъ, литейщикъ, и каменьщикъ Іоанна III, гооритъ, какъ художникъ; но ему какъ-то не вѣрится, въ его словахъ видишь самого автора, а не лице романа. Сынъ его, Андрюша, что-то такое, чего невозможно ни вообразить себѣ при чтеніи, ни вспомнить послѣ чтенія романа. Коли хотите, каждое изъ этихъ лицъ не противорѣчитъ самому себѣ, т. е. говоритъ одно и то же, въ словахъ не путается, да только все и ограничивается у нихъ одними словами. Изъ лицъ лучшіе—бояринъ Образецъ и сынъ его, Хабаръ, особенно первый, съ его патріархальностію, чистою жизнію и ненавистію къ Нѣмцамъ. Очень удачно обрисованъ еще бояринъ Русалка.

Самая лучшая сторона въ романѣ—историческая, а самое лучшее лицо—Іоаннъ III. Душа отдыхаетъ и оживаетъ, когда выходитъ на сцену этотъ могучій человѣкъ, съ его геніяльною мыслію, его желѣзнымъ характеромъ, непреклонною волею, электрическимъ взоромъ, отъ котораго слабонервныя женщины падали въ обморокъ... Въ немъ мы снова увидѣли сильный талантъ г. Лажечникова. Онъ глубоко вѣрно понялъ идею Іоанна и вѣрно очертилъ его характеръ.

Кромѣ того, описанія пріема пословъ, казней, политическихъ операцій Іоанна, разныхъ русскихъ обычаевъ того времени, составляютъ одну изъ блестящихъ сторонъ новаго романа. Поэтическихъ мѣстъ много; интересъ вездѣ поддержанъ. Не понимаемъ, для чего авторъ опять повелъ своихъ читателей въ Богемію: романъ кончился въ Москвѣ...

Заключая нашъ разборъ увѣреніемъ, что новый романъ г. Лажечникова есть болѣе, нежели пріятный подарокъ для публики, обратимся къ предмету, чуждому поэзіи и самому прозаическому. Мы хотимъ сказать слова два о новомъ, небываломъ и до чрезвычайности странномъ правописаніи автора «Басурмана». Положимъ, что окончаніе прилагательныхъ на «ова», и «ева», вмѣсто «аго», и «яго», и «его», имѣетъ свое основаніе, и даже, когда къ этому попривыкнутъ, можетъ быть принято всѣми; что̀-же касается до «можетбыть», «можетстаться», «какскоро» и тому подобныхъ—то мы не знаемъ, что̀ и сказать объ этомъ. Будь это принято всѣми, тогда сбудется сказка о старухѣ, которая, замѣтивъ, что ея госпожа, колдунья, молодѣетъ отъ какого-то элексира, такъ несоразмѣрно хватила его, что сдѣлалась семилѣтнимъ ребенкомъ...

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ «Колдуна на Сухоревой Башнѣ»: въ этомъ романѣ авторъ снова будетъ въ своей сферѣ, и напомнитъ намъ имъ «Новика» и «Ледяной Домъ». Кстати о напоминаніи: пользуемся случаемъ напомнить, отъ лица публики, даровитому автору, что за нимъ есть должокъ—и очень большой: на 74 стр. IV части «Ледянаго Дома» онъ обѣщалъ разсказать исторію Липара и мужа Анны Леопольдовны, а на 75-й про чудесную смерть С***вой и про сердце ея, выставленное въ церкви на золотомъ блюдѣ, подъ стеклянным колпакомъ, и пр.

Не легко отказаться отъ такихъ обѣщаній, и кому же будетъ писать, если писатели съ такимъ талантомъ, какъ авторъ «Новика» и «Ледянаго Дома», будутъ оставаться только при обѣщаніяхъ!

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

КАЛЬЯНЪ, *стихотворенія Александра Полежаева. Москва. 1838.*

АРФА, *стихотворенія Александра Полежаева 1838.*

Обѣ эти книжки содержатъ въ себѣ послѣдніе, уже замирающіе, глухіе звуки и полузвуки нѣкогда звонкой и гармонической лиры. Полежаевъ прославился своимъ талантомъ, который рѣзко отдѣлился своею силою и самобытностію, отъ толпы многихъ знаменитостей, повидимому, затѣмнявшихъ его собою; но волнуемый пылкими необузданными страстями, онъ присовокупилъ къ своей поэтической славѣ другую славу, которая была проклятіемъ всей его жизни и причиною утраты таланта и ранней смерти... Миръ праху его... никто не смѣетъ изречь приговоръ ближнему... Миръ праху твоему, поэтъ!...

Невольно взялись мы за «Стихотворенія Полежаева», изданныя въ 1832 году, и прочли ихъ. Въ созданіяхъ поэта—его духъ, его жизнь. Полежаевъ былъ рожденъ великимъ поэтомъ, но не былъ поэтомъ: его творенія—вопли души, терзающей самое себя, стонъ не стерпимой муки субъективнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселыя и радостныя, то важныя и торжественныя, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркущая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный, гармоническій разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія... Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ плача и скре-

жета зубовъ—въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть только грустная радость... Поэтъ есть гражданинъ этого безконечнаго и святаго царства: ему Богъ далъ плодотворную силу любви проникать въ таинства «полнаго славы творенья», и потому онъ долженъ быть его о̀рганомъ... Вопли разстерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни, доказываютъ пребываніе на землѣ и только тщетное порываніе къ свѣтлому, голубому небу—подножію престола Вездѣсущаго... Вотъ почему мы не оставляемъ имени поэта за Полежаевымъ, и думаемъ, что его пѣсни, нашедшія отзывъ въ современникахъ, не перейдутъ въ потомство. Плачевныхъ и скорбящихъ поэтовъ великій поэтъ Гёте характеризовалъ эпитетомъ лазаретныхъ, и этимъ вполнѣ опредѣлилъ ихъ отрицательное значеніе въ области искусства...

И однакожъ, природа одарила Полежаева могучимъ талантомъ: только этому таланту не суждено было развернуться и разцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ. Жизнь сдѣлала его субъективнымъ, а субъективность—смерть поэзіи, и ея произведенія—поэтическій пустоцвѣтъ, который тѣшитъ взоръ минутнымъ блескомъ и запахомъ, а плода не приноситъ. Почему было такъ, а не иначе, почему поэту не суждено было прозрѣть, и въ безконечномъ чувствѣ безконечной любви найдти разрѣшеніе и примиреніе противорѣчій бытія?...На это одинъ отвѣтъ—да будетъ благословенна воля Провидѣнія!...

Съ содроганіемъ сердца читаешь эту страшную исповѣдь жизни — въ стихахъ: «О для чего судьба меня сгубила»; но это ужасное признаніе могло быть навѣяно минутою отчаянія,—тихо и скорбно высказываетъ онъ сознаніе своего паденія въ стихотвореніи «Вечерняя Заря». Это грустное убѣжденіе въ необходимости и неизбѣжности своего паденія безъ надежды на возстаніе, съ неменьшею силою выразилось и въ прекрасныхъ стихахъ—«Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ».

Характеръ мрачнаго отчаянія и тяжелой скорби лежитъ на большей части сочиненій Полежаева, но съ его лиры срывались и торжественные звуки примиренія и гармоническіе акорды явленій жизни. Кому неизвѣстно его стихотвореніе «Провидѣніе», въ которомъ, послѣ ужасовъ паденія, онъ такъ торжественно воспѣлъ свое мгновенное возстаніе? Подобный же моментъ возстанія съ меньшею поэзіей выраженъ въ стихахъ—

О нѣтъ! свершилось!... жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ: и т. д.

Кому неизвѣстно его стихотвореніе «Пѣснь плѣннаго Ирокезца»—это поэтическое созданіе, достойное великаго поэта? Кому неизвѣстно его «Море», которое «измѣрилъ онъ жадными очами» и «предъ лицемъ котораго повѣрилъ онъ силы своего духа»? Кому неизвѣстенъ его «Вальтасаръ», переведенный изъ Байрона? Нѣкоторыя пѣсни его также принадлежатъ къ перламъ его поэзіи. Но самое лучшее, можно сказать, гигантское созданіе его генія, вышедшее изъ души его въ свѣтлую минуту откровенія и міроваго созерцанія, есть стихотвореніе «Грѣшница».

Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что Полежаевъ, котораго главная мука и отрава жизни состояла въ сомнѣніи, съ жадностью переводилъ водяно-краснорѣчивыя лирическія поэмы Ламартина; но это очень понятно, если взглянуть на предметъ попристальнѣе. Крайности соприкасаются, и ничего нѣтъ естественнѣе, какъ переходъ изъ одной крайности въ другую... Кромѣ того, Полежаевъ явился въ такое время, когда стихотворное ораторство и риторическая шумиха часто смѣшивалась съ поэзіей и творчествомъ. Этимъ объясняются его лирическія произведенія, написанныя на случаи, его «Коріоланъ» и другія піесы въ этомъ родѣ. Недостатокъ въ развитіи заставилъ его писать въ сатирическомъ родѣ, къ которому онъ нисколько не былъ способенъ. Его остроуміе—тяжело и грубо. Недостатокъ же развитія, помѣшалъ

ему обратить вниманіе на форму, выработать себѣ послушный и гибкій стихъ. И потому, отличаясь часто энергическою сжатостію выраженія, онъ иногда впадаетъ въ прозаическую растянутость, и между прекрасными стихами вставляетъ стихи, отличающіеся странностію, изысканностію и неточностію выраженія.

Кто не идетъ впередъ, тотъ идетъ назадъ: стоячаго положенія нѣтъ. Второе собраніе стихотвореній Полежаева, изданное въ 1833 году подъ титуломъ «Кальянъ», было несравненно ниже перваго. Даже лучшія піесы—пополамъ съ риторическою водою. Только одна «Цыганка» блещетъ яркимъ цвѣтомъ художественной формы. Сколько игры, переливовъ поэтическаго блеска и въ стихотвореніи «Ахалукъ», не совсѣмъ впрочемъ выдержанномъ! Только этими двумя стихотвореніями «Кальянъ» напомянулъ о прежнемъ Полежаевѣ: остальное все или прѣсная вода, или виномъ пополамъ съ прѣсною водою. Теперь «Кальянъ» изданъ во второй разъ, въ 16-ю долю листа, на сѣрой бумагѣ, неуклюжими и слишкомъ крупными для формата буквами, съ ужаснѣйшими опечатками и грамматическими ошибками, и наконецъ, съ дурно-вылитографированнымъ портретомъ автора.

Въ «Арфѣ» заключаются послѣдніе стихи Полежаева, еще болѣе свидѣтельствующіе о постепенномъ замираніи его таланта. Только въ стихотвореніи «Грусть», извѣстномъ читателямъ нашего журнала, видѣнъ прежній Полежаевъ, съ его бойкимъ разгульнымъ стихомъ и неизмѣнною грустью... Въ піесѣ «Черные глаза», которой половина тоже напечатана въ «Наблюдателѣ», искры поэзіи сверкаютъ сквозь массу грубой руды; вторая половина ея—голая риторика. Въ «Коріоланѣ», поэмѣ, заключающей въ себѣ болѣе трехъ-сотъ стиховъ, не наберется и десяти поэтическихъ стиховъ. Изъ уваженія къ памяти поэта, издателямъ не слѣдовало бы помѣщать такихъ піесъ, какъ «Авторъ и Читатель»—піеса, исполненная грубаго и тупаго остроумія. Замѣчательно въ «Арфѣ» стихо-

твореніе «Батюшки-баю», невыдержанное, мѣстами дико-грубое, но мѣстами же и превосходное.

Изданіе «Арфы» ничѣмъ не лучше «Кальяна»—только бумага почище. Для каждой піесы заглавіе на особенномъ листѣ, пробѣлы ужасные, словомъ—все, что́ нужно для плохаго изданія. Тѣ же опечатки, грамматическія ошибки и тотъ же портретъ, что́ и при «Кальянѣ» и съ тѣмъ же пошлымъ выраженіемъ въ лицѣ. И это красавецъ Полежаевъ!...

СОВРЕМЕННИКЪ. *Томы одиннадцатый и двѣнадцатый Спб. 1838.*

Это двѣ послѣднія книжки «Современника» за прошедшій годъ. Мы немного опоздали отчетомъ о нихъ, но это потому, что мы читали ихъ не торопясь, какъ читаемъ мы все, чтеніе чего доставляетъ намъ удовольствіе; кромѣ того, въ этихъ двухъ книжкахъ «Современника» такъ много хорошаго и занимательнаго, что всего скоро прочесть нельзя, и обо всемъ поговорить слегка и мимоходомъ тоже невозможно. По прежнему, «Современникъ» постоянно продолжаетъ быть интереснымъ журналомъ, достойнымъ славы своего основателя; по прежнему, онъ есть сборникъ оригинальныхъ статей, интересныхъ по содержанію и изложенію и стихотвореній, между которыми бываютъ иногда и поэтическія, кромѣ посмертныхъ сочиненій Пушкина. Въ «Современникѣ» есть даже и критика, по большей части очень снисходительная, и библіографія, отличительный характеръ которой, въ противоположность всѣмъ нашимъ журналамъ, составляютъ мягкость, нѣжность, снисходительность и краткость. Тутъ выписываются заглавія всѣхъ новыхъ книгъ, но говорится только о нѣкоторыхъ; большею частію всѣ выхваляются, а если иныя и осуждаются, то съ такою деликатностію, что нерѣдко самое порицаніе можно при-

нять за похвалу. Мягкость, по истинѣ, удивительная въ нашей жесткой журналистикѣ! И какъ жаль, что это прекрасное отдѣленіе «Современника» совсѣмъ не читается!

Поговоримъ о хорошемъ въ обѣихъ книжкахъ «Современника». Томъ XI начинается статьею, очень интересною по изложенію и еще болѣе по содержанію: «Младенческіе пріюты въ Санктпетербургѣ». За этою статьею слѣдуютъ «Очерки Швеціи», статья, не означенная никакимъ именемъ, но своимъ характеромъ, достоинствомъ своего содержанія и изложенія, невольно выдающая тайну имени своего автора. Она не кончена и остановилась, или, лучше сказать, прервалась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Къ величайшему нашему, равно какъ и всѣхъ читателей, неудовольствію, въ XII томѣ нѣтъ ея окончанія, ни продолженія. Отъ «Очерковъ Швеціи», пропуская критики и рецензіи, переходимъ къ статьѣ «Отрывокъ изъ исторіи американско-испанскихъ партизановъ», чтобы сказать, что мало встрѣчается въ русскихъ журналахъ статей, проникнутыхъ такою одушевленностію изложенія, картинностію слога, такимъ присутствіемъ мысли, такою свѣтлостію взгляда и такою живою занимательностію содержанія... Какъ жаль, что почтенный издатель ни строкою, ни словомъ не даетъ знать, изъ какого сочиненія этотъ отрывокъ, и въ началѣ статьи г. Николая Невѣдомскаго не сдѣлалъ краткаго предисловія о ея содержаніи. Для незнакомыхъ съ дѣлами Южной-Америки, эта статья можетъ показаться темною и сбивчивою, именно потому, что она отрывокъ изъ середины сочиненія. «Путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ», статья г-жи Ишимовой соединяетъ въ себѣ историческую вѣрность содержанія съ романическою прелестью изложенія.

XII томъ «Современника» начинается статьею «Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи». «Очерки Испаніи» маленькая, но живая и интересная статейка. «Старинныя русскія странности. Отрывки біографіи ***». Эта статейка такъ странно помѣщена, что вы непремѣнно пропустите ее безъ

вниманія, если не замѣтите имени, выставленнаго подъ нею— Александръ Пушкинъ. Но когда вы прочтете ее, вами овладѣетъ горькое чувство: вы бы съ наслажденіемъ прочли, или вѣрнѣе сказать, проглотили бы и романъ въ 10 частяхъ, написанный такъ, а между тѣмъ должны удовольствоваться двумя страничками. Увы! грустное чувство возбуждаютъ эти двѣ странички: сколько было начато имъ!... Его геній только сталъ развертываться во всей силѣ, во всей своей неистощимой дѣятельности... Что̀ бы мы прочли, чѣмъ бы мы владѣли!.

Возвращаемся снова къ XI тому. Послѣ исчисленныхъ нами статей, въ немъ помѣщена «Маруся», повѣсть Грицка Основьяненка, съ малороссійскаго нарѣчія переведенная (и переведенная прекрасно) на русскій языкъ. Мы не въ состояніи выразить того наслажденія, съ какимъ прочли ее. Общій восторгъ публики, единодушныя похвалы всѣхъ журналовъ, вполнѣ оправдываютъ впечатлѣніе, которое произвела на насъ эта чудная повѣсть. Но всему должно давать настоящую оцѣнку, сужденіе о предметѣ должно браться изъ самаго судимаго предмета, а не придаваться ему личнымъ вкусомъ и субъективностію судящаго. Похвала, хотя сколько-нибудь превышающая истинное достоинство произведенія, не возвышаетъ, а унижаетъ его, и вообще преувеличенныя похвалы, послѣ, когда пройдетъ восторгъ, нерѣдко бываютъ причиною столь же, или еще и болѣе несправедливыхъ и незаслуженныхъ порицаній. Признаемся, мы видимъ въ «Марусѣ» не художественное, а только поэтическое произведеніе, разумѣя подъ словомъ «поэтическое» все проникнутое душею, согрѣтое чувствомъ. Наумъ Дротъ, Маруся, Василь — что̀ такое всѣ эти лица?—это типы Малороссіянъ образцовыхъ, цвѣтъ національной жизни народа. Что̀ такое типъ въ творчествѣ?—человѣкъ-люди, лице-лица, то есть такое изображеніе человѣка, которое замыкаетъ въ себѣ множество, цѣлый отдѣлъ людей, выражающихъ ту же самую идею. Объя-

симъ примѣромъ нашу мысль. Что́ такое Отелло?—Человѣкъ великій духомъ, но съ страстями необузданными образованіемъ, неодухотворенными мыслію до степени чувства, и потому ревнивецъ, задушающій жену свою по одному подозрѣнію въ невѣрности съ ея стороны. Отелло есть типъ, есть представитель цѣлаго рода, цѣлаго отдѣла, разряда такихъ ревнивцевъ. Отеллы были всегда и могутъ быть теперь, хотя и въ другихъ формахъ; нынѣшніе не станутъ душить жены или любовницы, а скорѣе задушатся сами. Возьмемъ примѣръ изъ другаго міра. Вы знакомы съ майоромъ Ковалевымъ?—Отчего онъ такъ заинтересовалъ васъ, отчего такъ смѣшитъ онъ васъ несбыточнымъ происшествіемъ съ своимъ злополучнымъ носомъ?—Оттого, что онъ есть не майоръ Ковалевъ, а майоры Ковалевы, такъ-что, послѣ знакомства съ нимъ, хотя бы вы за́разъ встрѣтили цѣлую сотню Ковалевыхъ,—тотчасъ узнаете ихъ, отличите среди тысячей. Типизмъ есть одинъ изъ основныхъ законовъ творчества, и безъ него нѣтъ творчества. Слѣдовательно, Наумъ, Маруся и Василь — типическія лица, а если такъ—то и художественныя?.. Такъ, но не совсѣмъ. Въ творчествѣ есть еще законъ: надобно, чтобы лице, будучи выраженіемъ цѣлаго особаго міра лицъ, было въ тоже время и одно лице, цѣлое, индивидуальное. Только при этомъ условіи, только чрезъ примиреніе этихъ противоположностей, и можетъ оно быть типическимъ лицомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ назвали мы типическими лицами Отелло и майора Ковалева. А этого-то колорита личности и индивидуальной особенности и недостаетъ Науму, Марусѣ и Василю. Первый изъ нихъ есть идеалъ Малороссіянина, простаго мужика, который простымъ религіознымъ чувствомъ возвысился до рѣшенія важнѣйшихъ задачъ жизни и до проявленія въ себѣ, своею жизнію, человѣка и христіянина, и притомъ Малороссіянина, потому-что, будучи Русскимъ, онъ, неизмѣняясь въ своей идеѣ, измѣнился бы въ формахъ. Что̀ Наумъ какъ мужъ и отецъ, то̀ Василь какъ молодой чело-

вѣкъ, и то самое Маруся какъ молодая дѣвушка. Въ этомъ отношеніи они выполняютъ всѣ требованія искусства; но имъ недостаетъ чертъ индивидуальности; передъ вами рисуются силуеты, очерки, а не портреты; бюсты, а не живыя лица. Поэтому-то повѣсть кажется вамъ растянутою, хотя, еслибы самъ авторъ далъ вамъ право исключать изъ его повѣсти все, что́ кажется вамъ лишнимъ,—вы не нашли бы строки, которую бы можно было исключить. Художественность въ томъ и состоитъ, что одною чертою, однимъ словомъ, живо и полно представляетъ то, чего, безъ нея, никогда не выразишь и въ десяти томахъ. Отъ этой причины и происходитъ чрезвычайная плодовитость и многословіе всѣхъ произведеній, не запечатлѣнныхъ печатію художественности. Художникъ же, напротивъ, не нуждается въ многословіи: ему достаточно черты, слова, чтобы выразить мысль, на одно изъясненіе которой иногда нуженъ цѣлый томъ. Помните ли вы, какъ майоръ Ковалевъ ѣхалъ на извощикѣ въ газетную экспедицію и, не переставая тузить его кулакомъ въ спину, приговаривалъ: «Скорѣй, подлецъ! скорѣй, мошенникъ!» И помните ли вы короткій отвѣтъ и возраженіе извощика на эти понуканія—«Эхъ, баринъ!», слова, которыя приговаривалъ онъ, потряхивая головой и стегая вожжей свою лошадь?... Этими понуканіями и этими двумя словами «Эхъ, баринъ!» вполнѣ выражены отношенія извощиковъ къ майорамъ Ковалевымъ. Потомъ, помните ли вы еще сцену въ газетной экспедиціи?—Лакей съ галунами и наружностію, показавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ, и почелъ за нужное показать свою общительность: «Повѣрите ли, сударь, что собаченка не сто́итъ восьми гривенъ, то есть я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей Богу, любитъ;—и вотъ тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужь когда охотникъ

то держи лягавую собаку, или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но зато ужь чтобъ была собака хорошая».

Въ этихъ немногихъ словахъ характеризовано цѣлое сословіе, весь лакейскій людъ, съ его образомъ мыслей и его образомъ выраженія; и кромѣ этого, въ этихъ немногихъ словахъ, выражено одно лице, которое, будучи похоже на множество лицъ этого разряда, въ тоже время похоже только на самого себя, и больше ни на кого. Много могли бы мы привести здѣсь въ примѣръ такихъ типическихъ чертъ и очерковъ, но это слишкомъ далеко завлекло бы насъ и отдалило бы отъ предмета. И потому скажемъ, что въ Наумѣ, Марусѣ и Василѣ не видимъ мы этихъ типическихъ рѣзкихъ чертъ и индивидуальныхъ особенностей, и потому не видимъ въ ихъ обрисовкѣ художественнаго выполненія. Своими соотношеніями они образуютъ не драму дѣйствительности, а оперу-лирику, гдѣ, пользуясь положеніемъ, высказываютъ довольно поэтически, если не художественно, все что можно почувствовать въ подобномъ положеніи. Въ этомъ отношеніи — какая великая разница повѣсти Гоголя!... Впрочемъ эти мысли не всѣмъ и не для всѣхъ понятны—особенно для людей, которые, по причинѣ неподвижнаго сидѣнія на синтезѣ и анализѣ, недовольны любезностію казаковъ Гоголя...

Кромѣ Наума, Маруси, Василя и Насти, въ повѣсти «Маруся» есть еще герой—и герой первый, который важнѣе и Наума, и Василя, и Насти, и самой Маруси: это—Малороссія, съ ея поэтическою природою, съ ея поэтическою жизнію простаго народа, съ ея поэтическими обычаями. Этотъ-то герой и составляетъ всю заманчивость, всю поэтическую прелесть повѣсти. Авторъ, въ лицахъ этой повѣсти, передалъ извѣстныя черты этого героя, не какъ художникъ, а какъ описатель и человѣкъ глубоко-чувствующій. Поэтому, каждая страница, каждое слово его проникнуто, согрѣто чувствомъ. Кромѣ того, разсказъ его отличается народнымъ малороссій-

скимъ простодушіемъ, которое очень удачно передано переводчикомъ. Бытъ сельскихъ жителей, ихъ нравы, обычаи, поэзія ихъ жизни, ихъ любовь, все это изображено такъ, что стоило бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Взглядъ автора на человѣческое сердце очень простъ, даже простоватъ; но это простота накидная, притворная — сквозь нея проглядываетъ глубина и могущество мысли... Издатель «Современника» оказалъ своимъ читателямъ неоцѣненную услугу, давши имъ возможность насладиться этою прекрасною повѣстью, которая была имъ недоступна, по причинѣ нарѣчія, на которомъ написана своимъ авторомъ.

Обратимся снова къ XII тому. «Отрывки изъ Жанъ-Поля», прекрасно переведенные г. Бецкимъ, составляютъ живую и интересную статью. Они даютъ полное понятіе объ этомъ уродливомъ, дикомъ геніи Германіи, который, въ своихъ поэтическихъ созерцаніяхъ, то возвышался до вѣчныхъ звѣздъ поэзіи, то впадалъ въ изысканность и совершенное безмысліе, если не въ безсмысліе. Статья г. Даля «Объ Омеопатіи» какъ-то странно попала подъ одну нумерацію съ поэтическими мыслями Жанъ-Поля. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ ей быть въ высшей степени интересною статьею и по содержанію и по изложенію. Статья «О греческой эпиграммѣ» имѣетъ ученое и литературное достоинство. Повѣстями XII томъ не блистателенъ. Тутъ помѣщена «Мачиха и Панночка» г. Гребенки, которая... но — виноваты! — мы обѣщали говорить только о хорошемъ...

Теперь о стихотвореніяхъ.

Въ XI томѣ помѣщена цѣлая поэма «Казначейша». Стихъ бойкій, гладкій, разсказъ веселый, остроумный — поэма читается съ удовольствіемъ. Потомъ замѣтно, теплотою чувства, стихотвореніе «Освободительница», подписанное буквою Г. — «Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина» интересны, какъ все, вышедшее изъ-подъ пера Пушкина. «Опричникъ», отрывокъ, должно быть, изъ большаго сочиненія, служитъ новымъ

доказательствомъ, какъ много чудныхъ надеждъ унесъ Пушкинъ въ свою безвременную могилу...

И для насъ
Погибъ животворящій гласъ!

«Великое Слово», дума г. Кольцова заключаетъ собою XI томъ «Современника». Эта дума, по глубокой мысли, по возвышенности выраженія, принадлежитъ къ роскошнѣйшимъ перламъ русской поэзіи.

Отдѣленіе стихотвореній въ XII томѣ тоже начинается поэмою. Это поэма г. Ершова—«Сузге»; къ содержанію ея подало поводъ событіе завоеванія Сибири Ермакомъ. Стихъ бойкій, плавный, — мѣстами гармоническій и поэтическій, составляетъ достоинство поэмы, а отсутствіе сжатости и силы—ея недостатокъ. Еслибы г. Ершовъ, написавши свою поэму, отложилъ ее въ сторону, и потомъ въ минуты вдохновенія, дѣлалъ бы поправки, замѣняя десять стиховъ—двумя, четырьмя,—тогда его поэма была бы прекраснымъ поэтическимъ цвѣткомъ на пустынномъ и мертвомъ полѣ современной русской поэзіи. «Къ Равнодушной» стихотвореніе гр.—ни Ев. Р—ной, замѣчательно болѣе по мысли, нежели по художественной отдѣлкѣ. «Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина»—къ чему похвала и восклицанія.—Читайте сами. Послѣ прекраснаго стихотворенія г. Кольцова «Къ Милой», перепечатаннаго «Современникомъ» изъ 2 № «Московскаго Наблюдателя» за прошлый годъ,—можно еще упомянуть о стихотвореніи «Къ Венерѣ Медицейской».

СТРАННЫЙ БАЛЪ, *повѣсть изъ разсказовъ на станціи, и восемь стихотвореній. Соч. В. Олина. Спб. 1838.*

Г. Олинъ написалъ фантастическій романъ, подъ названіемъ «Разсказы на станціи», и до напечатанія его, рѣшился

отдѣльно издать изъ него отрывокъ, составляющій одну изъ его четырехъ частей. «Странный балъ» есть этотъ отрывокъ, судя по величинѣ котораго, можно заключить съ достовѣрностію, что весь романъ будетъ величиною съ повѣсть для книжки журнала, а достоинствомъ не уступитъ многимъ оригинальнымъ повѣстямъ и въ журналахъ помѣщаемыхъ и отдѣльно издаваемыхъ. И такъ, въ добрый часъ, г. Олинъ! Не вы первые, не вы и послѣдніе! Благія предпріятія всегда будутъ имѣть своихъ дѣятелей. Намъ странно только то, что вы относите свою повѣсть къ роду фосфорическихъ повѣстей Гофмана и Вашингтона-Ирвинга. Вопервыхъ по нашему мнѣнію, оба эти писателя ничего общаго между собою не имѣютъ, и совсѣмъ не слѣдуетъ Вашингтона-Ирвинга, талантливаго разскащика ставить на одну доску съ Гофманомъ, великимъ, геніальнымъ художникомъ; вовторыхъ,—въ фосфорическихъ повѣстяхъ Гофмана заключается не одинъ только фосфоръ, черти и привидѣнія, но еще и мысль, которая даетъ эту волшебную, обаятельную силу надъ духомъ человѣка; въ третьихъ, мы никакъ не можемъ понять, что за отношеніе между фосфорическими повѣстями Гофмана и фосфорическою повѣстью г. Олина... Намъ кажется, что мысль и талантъ уничтожаютъ рѣшительно всякое соотношеніе между ними... Ошибка большая со стороны г. Олина—издать отрывокъ изъ романа прежде всего романа: отрывокъ-то, положимъ, что прочтутъ—за то романъ-то останется безъ читателей... Потомъ: что за безпрестанные эти толки о романтизмѣ, какъ поэзіи кладбищъ, чертей, вѣдьмъ, колдуновъ и привидѣній? Только въ двадцатыхъ годахъ понимали такъ романтизмъ, въ то блаженное время, когда еще всѣ журналы и альманахи украшались стихотвореніями г. Олина, и когда появилась его трагедія «Корсаръ», сдѣланная изъ поэмы Байрона, произведеніе великое, но теперь совершенно забытое...

Но мы отвлеклись отъ предмета и забыли о «Странномъ Балѣ» г. Олина. Что же это за балъ такой?—А вотъ—

видите ли, одному генералу сгруснулось дома отъ бездѣйствія и стошнилось отъ неумѣреннаго куренія табаку—и онъ пошелъ прогуляться по улицѣ. Дѣло было въ Петербургѣ и ночью. Въ прогулкѣ этой попался ему знакомый, Вельскій-чортъ. Тѣмъ и сѣмъ заманилъ онъ генерала на балъ; на этомъ балѣ такъ много красавицъ, что старый генералъ разнѣжился и пустился плясать. Странно ему показалось, что у всѣхъ красавицъ ножки гусиныя и козьи, а у мущинъ рожки на лбахъ; да такъ-какъ тутъ былъ и маскарадъ, то Вельскій-чортъ и легко разсѣялъ безпокойство генерала. Послѣ танцевъ стали играть въ фанты. Генералу по вынувшемуся фанту, присудили спрыгнуть съ коммода. Взобрался на него генералъ, а спрыгнуть боится—надъ нимъ всѣ шутятъ—онъ творитъ молитву, ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ—и ни гостей, ни великолѣпно-освѣщенной залы какъ не бывало; а самъ онъ, вмѣсто коммода, стоитъ на лѣсахъ строящагося дома на четвертомъ этажѣ. Эту дивную повѣсть разсказывалъ г. Олину самъ генералъ, выздоровѣвши отъ бѣлой горячки.

И это фантастическое, гофманическое? Если такъ, то фантастическій родъ самый легкій, и ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлаться Гофманомъ: стбитъ только дурнымъ слогомъ пересказать въ тысячу-первый разъ какую-нибудь ходячую простонародную нелѣпость...

Нѣтъ, господа, фантастическое совсѣмъ не это. Оно есть одинъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ глубокихъ элементовъ человѣческаго духа; мысль великая мерцаетъ въ таинственномъ сумракѣ царства фантастическаго... Но мы забылись—заговорили о мысли: къ чему это и зачѣмъ это!...

Какъ бы предчувствуя, что «Странный Балъ» не удовлетворитъ читателей, г. Олинъ, чтобы вознаградить ихъ хоть сколько-нибудь, приложилъ къ нему восемь стихотвореній своей работы. Въ одномъ изъ нихъ, несмотря на его нехудожественную обработку, есть теплота, чувство. Оно называет-

ся «Монха» и похоже на отрывокъ изъ какого-нибудь драматическаго произведенія. — Мы вездѣ ищемъ хорошаго, и, найдя, его, съ радостію указываемъ на него другимъ. Жалѣемъ, что не можемъ сказать того же объ остальныхъ семи стихотвореніяхъ г. Олина. Да и можетъ ли быть у г. Олина много хорошихъ стихотвореній, когда онъ говоритъ о себѣ такъ:

Прошла пора очарованій
Пора безумства и надеждъ;
Погасъ въ груди огонъ желаній,
Люблю ничтожность и невѣждъ!

Въ такомъ состояніи духа не много напишешь хорошаго.

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ЕСТЬ ИЛИ ХРАМЪ БОЖІЙ ИЛИ ЖИЛИЩЕ САТАНЫ. *Представлено, для удобнѣйшаго понятія, въ десяти фигурахъ, для поощренія и способствованія къ христіанскому житію. Спб. 1838.*

Основаніе христіанскаго ученія есть любовь, или то живое, трепетное проникновеніе въ вѣчныя истины бытія, какъ явленія духа Божія, которое наполняетъ душу человѣка неизрѣченнымъ, безконечнымъ блаженствомъ. Но до такого духовнаго погруженія въ таинственную сущность источника и виновника бытія—Бога, до такого живаго и трепетнаго проникновенія въ вѣчныя истины бытія, невозможно дойдти чрезъ посредство слабаго, ограниченнаго и конечнаго разсудка человѣческаго, который, куда ни оглянется — вездѣ видитъ одни противорѣчія, и, безсильный примирить ихъ—или отчаявается познать истину, или принимаетъ за истину свои призрачныя, ложныя заключенія. Нѣтъ, не разсудкомъ, холоднымъ и ограниченнымъ, дается познаніе евангельской истины, выше которой нѣтъ истины въ мірѣ, но благодатію, которою вдохновляетъ Духъ Божій свое слабое созданіе, чтобы прі-

общить его къ своей вѣчной жизни и сдѣлать его органомъ и тимпаномъ своей славы... Да, только тотъ постигалъ и чувсовалъ въ себѣ откровеніе вѣчныхъ тайнъ бытія, только тотъ вкусилъ отъ безсмертнаго хлѣба божественной истины, — кто отрекался отъ самого себя, отъ своихъ личныхъ интересовъ, кто погружался въ сущность Божества до уничтоженія своей личности, и свою личность, какъ жертву, добровольно приносилъ Богу.... Только тотъ воскреснетъ въ Богѣ, кто умеръ въ немъ.... Вѣчная жизнь достигается путемъ смерти, путемъ уничтоженія.... А благодать дается только тому, кто, смиривъ порывы буйнаго разсудка и съ корнемъ вырвавъ изъ сердца своего сѣмена гордости и самообольщенія, билъ себя въ грудь и повторялъ съ мытаремъ: «Грѣшенъ, Господи, отпусти мнѣ грѣхи мои!» Да, только тотъ прозрѣетъ и просвѣтлѣетъ и возблаженствуетъ въ трепетномъ сознаніи истины всѣхъ истинъ, кто, распростертый передъ Крестомъ въ таинственный часъ полуночи, молясь, плача и рыдая, взывалъ къ невидимому свидѣтелю нашихъ тайныхъ помышленій: «Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!»... И тогда кончится брань духа съ плотію, кончится борьба истины со страстями, просвѣтлѣетъ страдальческое лице избранника кроткимъ свѣтомъ тихой и безмятежной радости, той свѣтлой радости, которая питаетъ не пресыщая, крѣпитъ не обременяя, той безконечной радости, отъ которой кротко движется духъ, не волнуясь мятежно, видитъ даль безъ границъ, глубину безъ дна — и не возмущается страхомъ; въ сердцѣ своемъ ощутитъ онъ ту безмятежную тишину въ которой слышатся отдаленные хоры ангеловъ, тотъ священный сумракъ, сквозь который сіяетъ заря безсмертія и тусклымъ, таинственнымъ мерцаніемъ своимъ сулитъ вѣчное успокоеніе, потому что его сердце сдѣлается уже храмомъ Божіимъ, гдѣ величіе размѣровъ и благолѣпіе украшеній возвышаетъ и окриляетъ духъ, а не подавляетъ его, гдѣ тишина не пугаетъ духа своимъ мертвымъ безмол-

віемъ, а настроиваетъ его къ торжественности и благоговѣнію, какъ провозвѣстница таинственнаго присутствія Вездѣсущаго.... И укрѣпитъ Богъ слабое твореніе свое и не будетъ въ немъ больше страха: любовь побѣдитъ и изгонитъ страхъ.... И кончатся его ежедневныя заботы, и опасенія, за свой грядущій день, за свое настоящее и будущее счастіе, за свои личные и конечные интересы: пусть будетъ мрачно небо надъ его головою, пусть бушуютъ вѣтры и раздаются громы—они не за глушатъ для него голоса Бога, не прервутъ его собесѣдованія съ нимъ въ молитвѣ — онъ никогда не забудетъ, что онъ сынъ Бога живаго, что у него есть Отецъ, который хранитъ его своею любовію и безъ воли котораго не спадаетъ и волосъ съ главы его,—а такъ-какъ эта воля свята и справедлива, то съ любовію и безъ страха, онъ подвергнется всѣмъ ея опредѣленіямъ... Не устрашитъ его и мысль о смерти: не отвратительный скелетъ уничтоженія, а свѣтлаго ангела успокоенія увидитъ онъ въ ней... Не возмутится душа его и потерею кровныхъ и ближнихъ: разлука съ ними будетъ для него залогомъ свиданія въ новомъ, лучшемъ бытіи, на новой землѣ и подъ новымъ небомъ.... Въ колыбеляхъ и могилахъ будутъ видѣться ему волны великаго океана бытія: волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну — волны проходятъ и изчезаютъ, а океанъ все также великъ и глубокъ, и также живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ, — а въ его кристалѣ все также торжественно отражается лучезарное солнце, и все также колышется и трепещетъ ночное небо, усыпанное миріадами звѣздъ, — а тѣ звѣзды своимъ таинственнымъ блескомъ какъ-будто говорятъ о новыхъ мірахъ, гдѣ также приходятъ и проходятъ волны бытія, можетъ-быть, уже прошедшія здѣсь....

Да, истинный христіянинъ есть тотъ, для кого на землѣ нѣтъ уже страданія, нѣтъ грѣха, нѣтъ страха, нѣтъ смерти; онъ еще здѣсь, на землѣ, живетъ уже въ небѣ, потому что въ его

духѣ живетъ любовь и блаженство—ибо душа его есть храмина Бога. Длится жизнь его, обремененная годами—онъ благодаритъ за нее Бога; смерть застигаетъ его на полудорогѣ жизни—онъ съ любовію бросается въ объятія тихаго ангела успокоенія, потому что онъ понимаетъ значеніе словъ: «Въ дому Отца моего обители много суть». Онъ знаетъ, потому что любитъ: ибо любовь есть высшее значеніе... Онъ знаетъ: цѣлый, яко голубь, онъ мудръ, яко змій, ибо за страданія, за жертву, за борьбу съ сомнѣніями разсудка, за вѣру, которая не оставляла его и среди сомнѣній—ему дана высшая мудрость, высшее знаніе. Истинно-вѣрующій есть въ то же время и знающій... Но — повторяемъ—это знаніе не принадлежитъ человѣку, не есть плодъ его человѣческой мудрости, но дается, ниспосылается ему свыше, какъ откровеніе, какъ благодать, какъ любовь. Отъ него зависитъ только неослабное стремленіе къ этому знанію, а это стремленіе выражается въ жертвахъ, въ борьбѣ, въ трудѣ, въ молитвѣ, въ отреченіи отъ себя для Бога отъ благъ земныхъ для небесныхъ... Только тогда внутри его въ таинственномъ святилищѣ его духа восходитъ свѣтлое солнце истины и лучами своими просвѣтляетъ свой темный, плотской горизонтъ, и даетъ человѣку сокровище, котораго ни червь не точитъ, ни ржа ни ѣстъ, ни тать не похищаетъ...

Распространеніе евангельскихъ истинъ есть святая обязанность всякаго христіанина, возлагаемая на него убѣжденіемъ въ нихъ и любовію къ истинѣ; но не всякой долженъ принимать ее на себя, потому что для этого требуется духовное посвященіе, которое состоитъ въ глубокомъ проникновеніи въ евангельскія истины путемъ любви, откровенія и благодати, и еще въ способности передавать свои мысли съ жаромъ, убѣжденіемъ и силою. Кто возьмется за эту высокую миссію безъ этого внутренняго посвященія, тотъ высокія религіозныя истины обратитъ въ сухое правоученіе—плодъ человѣческой мудрости, конечнаго человѣческаго разсудка. Самый высочай-

шій, самый истинный, единственный образецъ и примѣръ для этого есть Евангеліе; божественный искупитель нашъ говорилъ фарисеямъ: «Горе вамъ, книжницы и фарисеи», грозилъ заблудшимъ и ожесточеннымъ вѣчнымъ огнемъ и вѣчною смертію; но это было только одною стороною его ученія, необходимымъ средствомъ для потрясенія окаменѣлыхъ и ожесточенныхъ сердецъ, потому что, грозя адомъ, онъ указывалъ и на небо, говоря о наказаніи, говорилъ и о прощеніи и искупленіи, о вѣчномъ блаженствѣ, и говорилъ это словами, въ которыхъ вѣялъ духъ вѣчной, божественной любви, безконечнаго небеснаго блаженства. Поэтому-то всѣ проповѣди, всѣ объясненія христіанскихъ истинъ, не проникнутыя духомъ трепетной, животворной любви, никогда и никакого не производятъ дѣйствія. Сверхъ того, Евангеліе отличается еще и тѣмъ, что оно равно убѣдительно, равно ясно и понятно говоритъ всѣмъ сердцамъ, всѣмъ душамъ, всѣмъ умамъ, искренно жаждущимъ напитаться его истинами; его равно понимаетъ и царь и нищій, и мудрецъ и невѣжда. Да, каждый изъ нихъ пойметъ равно, потому что одинъ пойметъ больше, глубже, нежели другой; но всѣ они поймутъ одну и ту же истину,—и еще такъ, что мудрый, но гордый своею мудростію, пойметъ ее меньше, нежели простолюдинъ, въ простотѣ и смиреніи своего сердца, жаждущаго истины и по тому самому отзывающагося на нее...

Такія мысли возбудила въ насъ маленькая книжка, подъ названіемъ «Сердце человѣческое есть или храмъ Божій или жилище сатаны». Книжка эта первоначально написана на французскомъ языкѣ, съ котораго переведена была на нѣмецкій, а съ него уже на русскій. Въ ней предлагается сухое изложеніе христіанскихъ истинъ, разсудочно, а не сердцемъ понятыхъ; для лучшаго же уразумѣнія приложено нѣсколько рисунковъ, а на тѣхъ рисункахъ сердца человѣческія, наполненныя діаволами и грѣхами, въ видѣ козловъ, змѣй и другихъ животныхъ. Непонимаемъ, къ чему все это. Евангеліе просто,

доступно для всякаго излагаетъ свои святыя и высокія истины; къ чему же эти мистическіе и аллегорическіе рисунки... Только любовь родитъ любовь, и только любовь говоритъ сердцу языкомъ живымъ и понятнымъ. Хитросплетенія затемняютъ истину, сбивая съ толку бѣдный разсудокъ и охлаждая сердце. Нѣтъ, не такимъ образомъ проповѣдывала всегда и проповѣдуетъ теперь истины Евангелія наша православная церковь. Эта же книжка явно написана на французскомъ языкѣ...

ИСКУССТВО БРАТЬ ВЗЯТКИ. *Восточная сказка. Соч. В. Серебренникова. Москва. 1838.*

ТРИ БЕЗДѢЛКИ. *Соч. В. Серебренникова. Москва. 1838.*

Добро и зло по необходимости такъ тѣсно перемѣшаны другъ съ другомъ, что одно необходимо предполагаетъ и условливаетъ другое, и оба вмѣстѣ образуютъ третье, единое и цѣлое, а взятыя каждое само по себѣ представляютъ собою двѣ отвлеченныя противоположности. Такъ точно воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота, изъ которыхъ первый убиваетъ человѣка своею доброкачественностію, а второй своею злокачественностію; но соединенные вмѣстѣ чудотворною и живительною силою природы, они взаимно модифируютъ другъ друга и, теряясь другъ въ другѣ, образуютъ воздухъ, безъ котораго не можетъ существовать ничто живое въ природѣ. Поэтому, гдѣ добро—тамъ и зло, и наоборотъ; поэтому же, всякой предметъ имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону. Сердцу человѣческому сродно желать одного добра и оскорбляться созерцаніемъ зла; долгъ человѣка есть—стремиться къ добру и бороться со зломъ: это желаніе, это стремленіе и эта борьба составляютъ механическій рычагъ, могущественный двигатель, часовую пружину жизни; но не должно забывать, что безъ зла не было бы движенія, а слѣдовательно

и жизни, и что надежда видѣть міръ совершенно освобожденнымъ отъ зла—есть мечта воображенія, мечта прекрасная, по ея источнику, но пустая и безплодная, по ея сущности. Итакъ, вездѣ есть зло, вездѣ есть свои дурныя стороны. Петербургскіе журналы (особенно одинъ изъ нихъ) нападаютъ на Москву, за дурную сторону ея литературы—за плохія изданія, за множество вздорныхъ сочиненій, ежегодно появляющихся въ ней. Дѣйствительно, въ Москвѣ образовался особенный родъ литературы, особенный литературный міръ. Эта литература ходитъ во фризовой шинели, рѣдко брѣетъ бороду, умывается и причесывается развѣ по торжественнымъ праздникамъ; печатается она въ типографіяхъ гг. Кузнецова, Смирнова и Кирилова; ея поприще и кругъ дѣйствія—толкучій рынокъ: тамъ процвѣтаютъ книжные магазины ея Лавока и Мурраевъ; ея посредники—ходебщики; ея публика—сидѣльцы «авощныхъ» лавокъ и вообще люди, для которыхъ все печатное должно быть хорошо. Такъ—это правда; но развѣ этого нѣтъ въ Петербургѣ, конечно, въ петербургской формѣ? Вся разница въ бумагѣ и печати, и развѣ—и то не всегда—въ бóльшей грамотности. По крайней мѣрѣ, мы беремся цыфрами доказать, что разница не въ числѣ, а только въ лучшей бумагѣ и лучшихъ буквахъ. Но во всякомъ случаѣ, зло совсѣмъ не такъ велико, какъ думаютъ: стóитъ только взглянуть на предметъ съ другой стороны, чтобы въ злѣ увидѣть добро. Не всѣ же могутъ читать Вальтеръ-Скотта и Купера: есть люди, которымъ нужны и «Милордъ Англійскій» и «Гуакъ или непобѣдимая вѣрность» и «Филатки» съ «Мирошками». Вѣдь имъ надо же что-нибудь читать, а кто читаетъ что-нибудь, уже гораздо выше того, кто ничего не читаетъ. Чтеніе должно быть по плечу чтецу, и въ чтеніи должна быть своя постепенность, свой ходъ, свое развитіе: иной отъ «Англійскаго Милорда» доходитъ до «Ивана Выжигина» и на немъ останавливается; а иной, начавъ «Гуакомъ или непоколебимою вѣрностію» и перешедши чрезъ все многочисленное поколѣніе

«Выжигиныхъ», доходитъ до Вальтеръ-Скотта и Купера. Но и тотъ, кто, начавши съ «Милордовъ» и «Гуаковъ», на нихъ и остановился—и тотъ, говорю я, уже далеко опередилъ того, кто ничего не читаетъ. И такъ пусть читаетъ во здравіе нашъ православный народъ, пусть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется въ немъ жажда къ чтенію!... Что́ бы ни пробуждало и не питало эту жажду — все хорошо! Долгъ рецензента — показать, для какого класса читателей писана та или другая книга, а не бранить эти добренькія сѣренькія книжки, которыя распространяются по своему читающему міру не въ кипахъ и не черезъ почту, а въ мѣшкахъ и черезъ ходебщиковъ. Я, какъ рецензентъ, даже люблю эти сѣренькія книжки: читать ихъ не нужно, а писать о нихъ можно сколько угодно, и для этого нужно только заглянуть туда-сюда, чтобы для потѣхи, выписать какую-нибудь курьёзность, или придравшись къ какой-нибудь диковинкѣ, посмѣяться надъ добренькою сѣренькою книжкою... Вотъ другое дѣло — эти бездарные и многотомные романы, опрятно изданные, со смысломъ написанные, съ претензіями на талантъ! Тутъ уже рецензенту плохо: читай себѣ отъ доски до доски, чтобы вычитать какую-нибудь нелѣпость; а между тѣмъ все обстоитъ благополучно — нѣтъ ни отмѣнно глупаго, нѣтъ и ничего умнаго — вездѣ середка на половинѣ... Охъ, эта золотая середина!...

«Искусство брать взятки» и «Три Бездѣлки» г. Серебренникова не принадлежатъ, по счастію, къ золотой посредственности: это книги, въ своемъ родѣ образцовыя. Для доказательства, выписываемъ изъ одной изъ «Трехъ Бездѣлокъ» мѣсто прозою и стихами, съ строжайшимъ соблюденіемъ орфографіи почтеннѣйшаго г. В. Серебренникова:

Конечно вы знаете, что значитъ фантастическій часъ?... Это часъ явленія духовъ и привидѣній; часъ колдовства, часъ заклинаній; время разгула домовыхъ и вѣдьмъ; словомъ, таинственная и мрачная полночь!... Говоря вообще, разумѣется, ни въ одной освѣщенной комнатѣ, напол-

ненной народомъ, вы не увидите ни черноты, ни мрака полуночи, ни лѣшаго, ни вѣдьмы, эти вещи боятся огня и многолюдства. Но если вы посвящены въ первыя три таинства кабалистики; то непремѣнно замѣтите волшебное вліяніе фантастическаго часа тамъ, гдѣ балъ за деньги и балъ безъ денегъ... Но, сначала, кабалистикъ ли вы? Передъ обѣдомъ, вы пьете водку? За столомъ выпиваете три четыре бокала Ренвейну? За десертомъ можете осушить бутылку шампанскаго?.. Если такъ, то поздравляю васъ, вы отличный кабалистъ первыхъ трехъ степеней: еще шагъ,—и вы на четвертой! отъ васъ не скроется фантастическій часъ!... Признавая васъ адептомъ Халдейской мудрости, я начну объяснять приступы чаръ полуночи, Кабалистически: надѣюсь, что поймутъ меня.—(Хоть и трудно, но не невозможно!) Итакъ:

И чары крѣпкіе палегли!...
А Комъ и Вакхъ кричатъ: Виватъ!
А Асмодѣй гримасы строитъ;
Упала въ креслы Галатея!
Рыдаетъ громко Мельпомена,
Безумно Талія хохочетъ.
И скользко стало Терпсихорѣ,
Зефиры ужъ съ нимфами, вертятся колеблясь;
И вотъ обоянье совершилось полуночи!...
Спѣшитъ раздоры, ссоры сѣять,
Вдали Мефистофель тесня, толкая нагло...
Забвенія объятья простираетъ
А тамъ морфей, зѣвая во весь ротъ.
Напѣнилъ кубокъ ароматомъ,
Съ конфетною улыбкою на устахъ,
Тутъ Вакхъ, увитый, виноградомъ,
За нимъ укрылся Иппократъ...
И важно смотрятъ на желудки,
Здѣсь Комъ и Момусъ жертвы просятъ.
И слушайте: пора домой! Домой пора!...
Онъ шепчетъ, „на гвоздь вниманія повѣсьте уши“ и т. д.

Хороша проза, но стихи еще лучше: ихъ можно читать и съ начала до конца, и съ конца до начала—смыслъ будетъ совершенно все тотъ же... Но въ этомъ-то и состоитъ дарованіе поэта... Теперь вы знаете, что за авторъ г. В. Серебренниковъ и для какого класса читателей написалъ онъ «Искусство брать взятки» и «Три Бездѣлки...»

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВОРОНЕЖЪ. *Сочиненіе Ивана Раевича. Москва. 1838.*

Слово «дѣйствительный» принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ противоположность слову «воображаемый» и какъ противоположность слову «призрачный». Итакъ, «дѣйствительное» есть то, что̀ есть въ самомъ дѣлѣ; «воображаемое» есть то, что̀ живетъ въ одномъ воображеніи, а чего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ; «призрачное» есть то, что́ только кажется чѣмъ-нибудь, но что̀ совсѣмъ не то, чѣмъ кажется. Міръ «воображаемый» въ свою очередь раздѣляется на «дѣйствительный» и «призрачный». Міръ созданный Гомеромъ, Шекспиромъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Куперомъ, Гете, Гофманомъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, есть міръ «воображаемый-дѣйствительный», т. е. столько же не подверженный сомнѣнію, какъ и міръ природы и исторіи; но міръ, созданный Сумароковымъ, Дюкре-дю-Менилемъ, Радклифъ, Расиномъ, Корнелемъ, и пр. — есть міръ «воображаемый-призрачный». Потому-то онъ теперь и забытъ всѣмъ міромъ. Теперь намъ предстоитъ важный трудъ—рѣшить, къ которой изъ этихъ категорій принадлежитъ «дѣйствительное» путешествіе въ Воронежъ г. Раевича, который, въ посвященіи своей книжки г. Узанову откровенно признается, что онъ «еще не причисленъ къ великимъ людямъ, уже увѣнчаннымъ громкимъ титломъ «литератора». Цѣль и предметъ путешествія, въ книжкѣ г. Раевича, занимаетъ какихъ-нибудь двѣ-три странички; вся же она занята описаніемъ событій, которыя совершились съ авторомъ на дорогѣ отъ Москвы до Воронежа. Вопервыхъ, его встрѣтила, въ Тульской губерніи ужасная буря. Въ то время, какъ почтенный авторъ «при очаровательномъ звукѣ переливныхъ тоновъ свирѣли, погружался въ сладостное чувство самозабвенія, и переносился въ нѣдро благословенной Аркадіи», и какъ «душа и сердце его таяли отъ восторга».—

Вдругъ заиграли вѣтры; небосклонъ началъ мрачиться; облака толпами понеслись по тверди; молнія забродила по горизонту съ сильнымъ трескомъ грома, и природа въ ужасѣ погружалась въ мертвое оцѣпенѣніе. Мрачныя тучи рыскали на черныхъ своихъ крылахъ; въ подлунной (ужь будто бы во всей!) воцарилась гробовая мрачность; только молнія, извивистою змѣею разсѣкая тучи, освѣщали трепещущую природу. Буйные вѣтры, раскаты грома, зіяніе молніи, слившись въ смертоносную игру стихій, отражали грозный разговоръ неба съ земною перстью.

Вслѣдствіе такого случая, почтенный авторъ попалъ въ домъ одного тульскаго помѣщика.

Мѣсто, гдѣ возвышалась мыза П.... И... Г...аго, было подъ особеннымъ покровительствомъ природы; домъ его, какъ только могъ я разсмотрѣть при лунномъ свѣтѣ, стоялъ на возвышенной гранитной скалѣ, которую рука причудливой природы разукрасила образованіемъ коллонадъ и минаретовъ; при скатѣ скалы (,) на отлогомъ берегу извивистой рѣчки (,) разтилалась долина.

По «гранитнымъ скаламъ, разукрашеннымъ природою колоннадами и минаретами» и находящимся въ Тульской губерніи, мы почитаемъ себя вправѣ отнести путешествіе г. Раевича къ разряду «воображаемо-призрачныхъ» произведеній литературы.

Вотъ бесѣда г. Раевича съ его гостепріимными хозяевами:

Предметомъ перваго нашего разговора была Москва; потомъ рѣчь перешла къ учености; всѣ литераторы и всѣ издатели журналовъ были исчислены. Петръ Ивановичъ, превознося всѣхъ нашихъ издателей (,) съ особеннымъ уваженіемъ относился о гг. Гречѣ и Булгаринѣ. „Перо перваго. т е. Греча, (который издаетъ „Сѣверную Пчелу“) говорилъ онъ, не подражаемо въ слогѣ, а послѣдняго (т. е. Булгарина, который долженъ написать въ „Пчелу“ отзывъ о книгѣ Раевича) мило въ критикѣ; онъ также душевно скорбѣлъ о смерти Пушкина, и ожидалъ чего то великаго отъ молодыхъ поэтовъ. Я даже предугадываю—присовокупилъ онъ, что на развалинахъ современемъ (?) забытой (!) славы Пушкина, водрузится слава Бенедиктову.

Считая славу Пушкина безсмертною подобно славѣ незабвенныхъ поэтовъ Державина и Ломоносова, славѣ безсмертнаго Карамзина, я не соглашался, чтобы слава Пушкина, столь ярко озарившая гори-

зонтъ литературнаго міра въ нашемъ вѣкѣ, могла когда нибудь подернуться черным флеромъ забвенія.

. Пушкина нельзя еще сравнить съ Державинымъ и Ломоносовымъ, возразилъ Петръ Ивановичъ, — онъ также далекъ и отъ Карамзина, которые должны быть безсмертными потому, что Ломоносовъ (,) давъ новый оборотъ стихотворенію (,) возродилъ поэзію; а Карамзинъ заговорилъ первый чистымъ русскимъ языкомъ, и всѣ сердца отозвались на его голосъ.

— „Но и Пушкинъ,—сказалъ я: — въ нашъ вѣкъ, первый началъ плѣнять читателей новою игрою словъ (?!...); удивительною легкостію, чистотою слога“.

— Неужели же въ нынѣшнее время, когда Россія исполинскими шагами идетъ къ самобытности въ образованіи, писатели наши должны подражать вѣкамъ протекшимъ (?).

— Нѣтъ! присовокупила Вѣра Николаевна — наступленіе каждаго вѣка должно быть улучшеніемъ языка отечественнаго.

— „Это исполнили недавно наши писатели,—сказалъ я (,) обратясь къ Вѣрѣ Николаевнѣ. Назадъ тому не болѣе пяти лѣтъ литература наша получила быстрый переворотъ“.

— Но Пушкинъ только предупредилъ ихъ, имѣя отъ природы живое воображеніе и высокіе таланты, и сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать, но впрочемъ онъ не оставилъ намъ ничего самобытнаго“.

Этотъ литературный разговоръ показался намъ столь «дѣйствительнымъ, что мы ни минуты не поколебались выписать его весь, отъ слова до слова, въ надеждѣ, что какой-нибудь составитель курса эстетики или теоріи поэзіи воспользуется имъ...

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ. *Изд. книгопродавца А. Смирдина. Томъ первый. Александровъ. Марлинскій. Давыдовъ. Зотовъ. Кукольникъ. Полевой. Пушкинъ. Свиньинъ. Сенковскій. Шаховской. Спб. 1839.*

Альманахъ въ пятьдесятъ два печатныхъ листа, въ огромное in-folio, или въ небольшое in-quarto; альманахъ, роскошно напечатанный, вмѣщающей въ себѣ четырнадцать статей зна-

менитѣйшихъ русскихъ писателей—отъ Пушкина до Зотова, съ ихъ портретами, съ десятью картинками, превосходно нарисованными въ Россіи и превосходно выгравированными на стали въ Лондонѣ — альманахъ-чудо!... Какъ онъ родился, гдѣ онъ родился?

Какъ? — не знаемъ; гдѣ? — въ Парижѣ. Тамъ выдумана была книга «Ста-одного» — у насъ память хороша, мы не забыли, и, по старой привычкѣ пользоваться чужимъ примѣромъ рѣшились издать книгу ровно «Сто Русскихъ литераторовъ».

Зачѣмъ только сто?—Зачѣмъ не тысяча, не сто тычячъ?—Статей негдѣ взять? — Вздоръ!—такихъ статей, какъ «пріѣздъ вице-губернатора», или «Александръ Даниловичъ Меньшиковъ» не оберешься—стоитъ только кликнуть кличъ. Авторовъ нѣтъ такого числа? — Пустое? — Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ открылъ собою безконечную вереницу самородныхъ геніевъ... Помилуйте, кому не лестно видѣть свой портретъ превосходно выгравированный на стали; видѣть свою статью въ книгѣ рядомъ съ статьею Пушкина?... Да для одного этого иной поневолѣ сдѣлается писателемъ... Вотъ другое дѣло—пріятно ли Пушкину быть въ подобномъ обществѣ?.. Да что на него смотрѣть—вѣдь жаловаться не будетъ!.. Десять томовъ этого альманаха намѣренъ издать А. Ф. Смирдинъ: въ каждомъ томѣ будутъ статьи десяти авторовъ, десять портретовъ и десять картинокъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи писателей, поименованныхъ въ его заглавіи. Первый... но мы устроимъ свой порядокъ, по которому первымъ безспорно долженъ быть Пушкинъ, а не г. Сенковскій съ г. Зотовымъ...

«Каменный Гость», посмертное сочиненіе Пушкина, драматическая поэма... Герой этой небольшой драмы—Донъ Хуанъ, тотъ самый, который является героемъ въ либретто знаменитой оперы Моцарта; но у Пушкина общаго съ этимъ либретто только имена дѣйствующихъ лицъ — Донъ Хуана, Донны Анны, Лепорелло, а идея цѣлаго созданія, его расположеніе,

ходъ, завязка и развязка, положенія персонажей—все это у Пушкина свое, оригинальное. Поэма помѣщена не болѣе, какъ на тридцати пяти страницахъ, и не смотря на то, она есть цѣлое, оконченное произведеніе творческаго генія; художественная форма, вполнѣ обнявшая безконечную идею, положенную въ ея основаніе; гигантское созданіе великаго мастера, творческая рука котораго, на этихъ бѣдныхъ тридцати пяти страничкахъ, умѣла изчерпать великую идею, всю до малѣйшаго оттѣнка... Просимъ не принимать нашихъ словъ за сужденія: нѣтъ, они не сужденіе, они—звуки, восклицанія, междометія... Сужденіе требуетъ спокойствія—не того пошлаго разсудочнаго спокойствія, источникъ котораго есть мелкость и холодность души, недоступный для сильныхъ и глубокихъ впечатлѣній,—нѣтъ, того спокойствія, которое дается полнымъ удовлетвореніемъ изящнымъ произведеніемъ, полнымъ воспріятіемъ его въ себя, полнымъ погруженіемъ въ таинство его организаціи... Чтобы оцѣнить вполнѣ великое созданіе искусства, разоблачить передъ читателемъ тайны его красоты, сдѣлать прозрачною для глазъ его форму, чтобы сквозь нея онъ могъ подсмотрѣть въ немъ великое таинство присутствія вѣчнаго духа жизни, ощутить его благоуханное вѣяніе,—для этого требуется много, слишкомъ много, по крайней мѣрѣ, гораздо больше, нежели сколько мы можемъ сдѣлать... Торжественно отказываемся отъ подобнаго подвига и признаемъ свое безсиліе для его совершенія... Но для насъ оставалось бы еще неизреченное блаженство передать читателю наше личное, субъективное впечатлѣніе, пересказать ему, какъ потрясались, одна за другою всѣ струны души нашей; какъ духъ нашъ то замиралъ и изнемогалъ подъ тяжестію невыносимаго восторга, то мощно возставалъ и овладѣвалъ своимъ восторгомъ, когда передъ нимъ разверзалось на минуты царство безконечнаго... Но мы не можемъ сдѣлать этого... Мы увидѣли даль безъ границъ, глубь безъ дна,—и съ трепетомъ отступили назадъ... Да, мы еще только изумлены, пріятно

испуганы, и потому не въ силахъ даже себѣ отдать отчетъ въ собственныхъ ощущеніяхъ... Что́ такъ поразило насъ?— Мы не знаемъ этого, но только предчувствуемъ это,—и отъ этого предчувствія дыханіе занимается въ груди нашей и на глазахъ дрожатъ слезы трепетнаго восторга... Пушкинъ, Пушкинъ!... И тебя видѣли мы... Неужели тебя?... Великій, неужели безвременная смерть твоя непремѣнно нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто былъ ты?...

«Одна глава изъ неоконченнаго романа» сильно разманиваетъ любопытство читателя только однимъ намекомъ на характеръ героини... Впрочемъ, цѣлаго она не представляетъ, а какъ отрывокъ—слишкомъ мала, и потому только при имени Пушкина можетъ имѣть особенную цѣну.

«Дурочка», повѣсть г. Полеваго, напомнила намъ прежняго Полеваго.... Это не художественное созданіе, но сколько въ ней души, чувства, какая прекрасная мысль лежитъ въ ея основаніи!... Какъ жаль, что эта прекрасная, благоухающая ароматомъ чувства и мысли повѣсть испорчена растянутостію и, мѣстами, субъективными мыслями автора. Первая же страница начинается давно уже извѣстными и давно уже всѣмъ надоѣвшими разглагольствованіями о тщетѣ гадкаго металла, называемаго золотомъ. Къ чему это?—«всякому, даже и не бывавшему въ семинаріи» извѣстно, что золото—металлъ благородный, а деньги, которыя изъ него дѣлаются—вещь очень хорошая и полезная. Не серебро, а сребролюбіе гадко. Потомъ, къ чему это презрѣніе къ благамъ земнымъ, простирающееся до оскорбленія при одной мысли объ обѣдѣ?—На станціи, героя повѣсти человѣкъ спрашиваетъ—не угодно ли ему покушать, а онъ сердится, говоря, что кто влюбленъ, тотъ унизилъ бы себя даже и легкимъ завтракомъ, не только обѣдомъ. Вся эта идеальность устарѣла и страхъ какъ надоѣла... Впрочемъ, можетъ-быть, все это у почтеннаго автора не безъ особенной цѣли. Дѣло вотъ въ чемъ: герой повѣсти—молодой человѣкъ, не безъ глубокости въ душѣ, но съ фальшивыми

понятіями о жизни, что-то недоконченное, не сформировавшееся. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ дѣвочкою, и еще будучи дѣтьми, они поклялись другъ другу въ «вѣрности до гроба». Любовь этого молодаго человѣка испаряется въ пустозвонныхъ фразахъ, потому что сама любовь его есть не что иное, какъ пустозвонная фраза, идеальная претензія. Онъ бѣденъ—и ему отказали. Послѣ этого онъ сталъ богатъ и случай познакомилъ его съ прекраснымъ явленіемъ женственнаго міра: откровеніе таинства жизни предстало ему въ прекрасномъ, поэтическомъ образѣ женщины. Въ семействѣ перчаточника Нѣмца встрѣтилъ онъ это существо, родное себѣ, эту половину души своей. Съ малолѣтства прозванная злою мачихою дурочкою, она—душа глубокая и поэтическая, сердце любящее и страстное—на всю жизнь осталось въ кругу этихъ глупыхъ умниковъ, съ прозвищемъ дурочки, и почти сама вѣрила, что она дурочка. Молодой человѣкъ разгадалъ ее—они полюбили другъ друга. Но онъ былъ такъ призраченъ, прекраснодушенъ, такъ помѣшанъ на идеальныхъ фразахъ, что, любя истинно Дурочку, не переставалъ вздыхать и пышно разглагольствовать о Полинѣ. Ощутивши въ себѣ истинное чувство, онъ не повѣрилъ ему и принесъ его въ жертву пошлому фразерству своего дѣтства. Дурочка была оставлена—онъ женится на Полинѣ, которая сыграла съ нимъ одну изъ тѣхъ комедій, которыя такъ легко играть хитрымъ и ловкимъ женщинамъ съ идеальными шутами. Скоро увидѣлъ онъ, что, вмѣсто женщины, женился на восковой статуѣ безъ души и сердца. Равнодушный и апатическій, ѣдетъ онъ съ женою въ домъ одной графини—и въ гувернанткѣ хозяйки дома узнаетъ—Дурочку. Истинное чувство снова вспыхнуло, но уже поздно... Дурочка скрылась. Изъ конца повѣсти, растянутаго и дурно сложеннаго, мы узнаемъ, что она утопилась, и узнаемъ это очень отчетливо, потому что почтенный авторъ не хотѣлъ ничего оставить на догадку своихъ читателей, а разсказалъ имъ все съ болтливою отчетливостію чувствительныхъ романистовъ прошлаго вѣка...

Несмотря на то, повѣсть произвела на насъ глубокое впечатлѣніе. Основная мысль ея такъ проста и такъ вѣрна; многія подробности изложены съ увлекательною живописностію; вездѣ проглядываетъ теплое чувство...

Вторая статья г. Полеваго «О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго, въ его собственномъ кабинетѣ» — отличается высокимъ интересомъ содержанія, одушевленностію и мастерствомъ изложенія.

Кстати тутъ же укажемъ и на прекрасную статью Дениса Васильевича Давыдова «Тильзитъ въ 1807 году». Это отрывокъ изъ военныхъ записокъ знаменитаго воина-литератора. Излишне было бы распространяться о высокомъ достоинствѣ ея содержанія и изложенія.

По части романическо-повѣствовательной замѣчателенъ еще «Сѣрный ключъ» г. Александрова (Дѣвицы-Кавалериста). Марлинскаго помѣщены двѣ прозаическія піесы: окончаніе его безконечнаго «Муллы-Нура» и «Месть», и одно стихотвореніе «Сонъ». Что̀ сказать о нихъ?... Прекрасно! Превосходно! Напримѣръ, какая отрада для любителей громкихъ фразъ прочесть эти слова Муллы-Нура, служащія приступомъ къ исторіи его жизни, которую онъ самъ разсказываетъ автору:

Что на свѣтѣ есть тайнаго, кромѣ нашего сердца? Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство: дремучій лѣсъ находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями заражаются въ нихъ мстители. Я видѣлъ: Русскіе узнавали по внутренностямъ жертвъ прошлое, какъ идолопоклонники предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ? .. тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шопотомъ сказано между двоими. Нѣтъ! моя жизнь не тайна, мои похожденія можетъ разсказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ.—„Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы!“ вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли она? но справедливо ли осудитъ меня по этимъ словамъ всякій, кто ихъ услышитъ?—на это могу от-

вѣчать только я. Пусть отрубятъ мою голову — что же найдетъ въ этой головѣ судья для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце—какъ отгадаетъ въ немъ врачъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти,—все остальное—дѣло случая—все остальное пусть какъ хотятъ судятъ въ людскомъ диванѣ! Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе разсказывать—и между тѣмъ оно меня душитъ!.. Мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять ее нестерпимо...

Изъ сего отрывка ясно значится, что Мулла-Нуръ, полудикій татаринъ Кавказскихъ горъ—большой философъ и вообще выражается высокимъ слогомъ, не хуже героевъ трагедій Корнеля и Расина...

«Месть» просто... но о «Мести», какъ и обо всемъ прочемъ, мы лучше совсѣмъ умолчимъ... «Маруся» повѣсть князя Шаховскаго, есть, кажется, первый опытъ почтеннаго драматурга въ повѣствовательномъ родѣ и, какъ всѣ запоздалые опыты, очень неудачный. Эта повѣсть доказываетъ ясно, что удача въ сценическихъ произведеніяхъ скорѣе отрицаетъ, нежели условливаетъ удачу въ романѣ и повѣсти. Авторъ изображаетъ какую-то малороссійскую Сафо, т. е. влюбленную стихотворицу, какъ будто бы всякая влюбленная стихотворица непремѣнно должна называться Сафо. Старинная манера! Было время, когда Державина называли россійскимъ Пиндаромъ, Гораціемъ и Анакреономъ; Хераскова—россійскимъ Гомеромъ и т. д. Но это бы еще куда ни шло! Дѣло въ томъ: почему авторъ не говоритъ, что героиня его повѣсти—лице историческое; а если она выдумана имъ, то по какому праву онъ приписалъ ей прекраснѣйшія народныя пѣсни?... Но и это бы еще куда ни шло? А жаль того, что разсказъ въ высшей степени сбивчивъ, теменъ и неловокъ, характеровъ какъ не бывало, языка и слога тоже... «Пріѣздъ вице-губернатора» повѣсть г. Зотова... Но что о ней говорить?... Honny soit qui mal y pense!... «Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы», уже сотое и въ сотый

разъ довольно неудачное подражаніе такъ называемымъ философскимъ повѣстямъ Вольтера, старая и притомъ такъ ужасно растянутая штука или шутка, что вмѣсто смѣха производитъ зѣвоту.

Кромѣ этихъ повѣстей, въ книгѣ «Сто Русскихъ литераторовъ» помѣщены двѣ драматическія піесы: «Іоаннъ Антонъ Лайзевицъ», драматическая фантазія въ пяти актахъ, съ эпилогомъ, г. Кукольника, и «Александръ Даниловичъ Меньшиковъ», драматическое представленіе въ трехъ картинахъ, г. Свиньина. Обѣ эти піесы находятся одна къ другой въ обратномъ отношеніи: піеса г. Кукольника показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать истинный талантъ изъ такого содержанія, изъ какого, повидимому, ничего нельзя сдѣлать; піеса г. Свиньина показываетъ, какъ мало можетъ сдѣлать посредственность и изъ такого содержанія, изъ какого трудно не сдѣлать чего-нибудь хорошаго. Да, съ истиннымъ наслажденіемъ прочли мы «Іоанна Антона Лейзевица». Не скажемъ, чтобы это было художественное произведеніе, не скроемъ, что тутъ много недостатковъ, натяжекъ (какъ напр., въ сценахъ съ ящиками, при купцахъ и при женѣ); но смѣло можемъ сказать, что все произведеніе насквозь проникнуто любовію къ искусству, поэтическою теплотою души, характеры очеркнуты удачно, мастерскихъ сценъ много... И какой міръ представленъ въ этомъ сочиненіи—міръ искусства, міръ художниковъ! Тутъ вы увидите и пламеннаго энергическаго Лессинга, и Эшенбурга, и Иффланда, и наконецъ Шиллера, съ его блѣднымъ лицомъ, задумчивымъ видомъ, съ его вѣчнымъ «заступничествомъ человѣчества отъ людей», по прекрасному выраженію г. Кукольника... Словомъ, піеса его, по своему объему, составляетъ порядочную книгу, а мы прочли ее, безъ отдыха, какъ небольшую статью...

Что бы вамъ сказать объ «Александрѣ Даниловичѣ Меньшиковѣ»? Да зачѣмъ много говорить — судите сами — вотъ маленькій отрывочекъ. Сперва позвольте вамъ предувѣдомить, что Меньшиковъ, еще будучи разнощикомъ пироговъ

или блиновъ, влюбился въ дочь боярина Арсеньева,—и вотъ какъ разсуждаетъ съ стрѣлецкимъ полковникомъ о своей любви и о любви вообще:

„О троицынѣ днѣ будетъ годъ, какъ пошелъ я помолиться къ Спасу въ Кречетникахъ; приложась къ святому кресту, я спѣшилъ выйти изъ церкви, чтобы поспѣть съ товаромъ въ Дѣвичій монастырь до выхода народа отъ поздней обѣдни. На паперти одѣляла убогую братью какая-то боярышня. Пробиваясь сквозь толпу нищихъ, я толкнулъ неосторожно одну старуху, она заворчала и стукнула меня крѣпко клюкою по головѣ; я хотѣлъ отмстить ей добрымъ тузомъ, какъ ненарокомъ взглянулъ на боярышню; взоры наши встрѣтились и рука моя опустилась... Какой-то огонь пробѣжалъ по всему существу моему. Съ тѣхъ поръ, беззаботный, веселый, счастливый—я сдѣлался задумчивъ, мрачень, безпокоенъ. Ощущенія, то сладкія, то мучительныя, наполняли мое сердце, мечты дальныя (!), думы незнаемыя (!!) волновали мою душу: я сталъ недоволенъ собою, сталъ стыдиться своего невѣжества, своего состоянія. Однимъ словомъ, я весь переродился... Въ любви слова послѣднее дѣло: языкъ любви гораздо краснорѣчивѣе: одинъ взглядъ часто говоритъ болѣе, чѣмъ можно пересказать въ цѣлый часъ словами; одно движеніе руки, появленіе, уходъ милаго человѣка объясняютъ цѣлый рядъ недоумѣній, вопросовъ, желаній... Жалѣю о тебѣ, Василій Матвѣевичъ: не зная мукъ любви, ты не испилъ чары истиннаго блаженства жизни; не испытавъ *отравъ неизвѣстности, таинственности, страха, надеждъ и отчаянія* (?!...)— ты не существовалъ душею въ семъ прекрасномъ мірѣ ..

Каковъ Меньшиковъ!... Еще будучи пирожникомъ или блинникомъ, онъ уже выражался о любви истертыми фразами и общими мѣстами изъ чувствительныхъ романовъ: какъ же заговоритъ онъ, будучи генераломъ, княземъ, вельможею?— Ужь разумѣется какъ—не даромъ же говорится пословица: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку»...

Меньшиковъ великое лицо въ русской исторіи. Несмотря на его честолюбіе, завистливость, сребролюбіе, Петръ Великій любилъ его какъ друга, питалъ къ нему какое-то особенное, отеческое чувство: значитъ въ этомъ человѣкѣ было что-то великое, несмотря, на недостатки: расположеніе и дружба вели-

каго человѣка—патентъ на человѣческое достоинство. Меньшиковъ — богатый предметъ для драмы, и въ ней надо его представить со всѣми его недостатками, но такъ, чтобы, несмотря на нихъ, отъ него вѣяло ароматомъ высшей жизни. А что сдѣлалъ изъ него г. Свиньинъ?—стыдно сказать...

МУСТАШЪ. *Сочиненіе Поль-де-Кока. Спб. 1839. Четыре части.*

Недлячего распространяться о великой славѣ Поль-де-Кока: дѣло рѣшенное, что это первый романистъ современной французской литературы. Вамъ это непріятно, вы дѣлаете недовольную мину: не взыщите—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Поль-де-Кокъ, въ своемъ «Мусташѣ», рисуетъ намъ свой идеалъ поэта, идеалъ, который, какъ двѣ капли воды, похожъ на него самого. Добрый человѣкъ—онъ живетъ въ мірѣ «добрыхъ малыхъ», гулякъ, зѣвакъ, гризетокъ, трактировъ, кабаковъ; изображаетъ чистую и почтительную любовь, основанную на сладенькихъ чувствованьицахъ и приправленную пошлыми сентенціями здраваго разсудка, дальше этой любви онъ ничего не видитъ, ничего не знаетъ, ничего не подозрѣваетъ—ею оканчивается тѣсный кругозоръ его внутренняго созерцанія. Оставляя другимъ астрономическія изслѣдованія, онъ—добрый человѣкъ—душою и тѣломъ погрузился въ царство инфузорій, и забылъ, что въ Божьемъ мірѣ есть нѣчто и кромѣ инфузорій. Но не думайте, чтобы добрый Поль-де-Кокъ опровергалъ это: онъ молчитъ объ этомъ, какъ о вещи, которая для него не существуетъ. И хвала ему за это! Право, такое скромное сознаніе своихъ силъ и средствъ имѣетъ свою цѣну! Оно лучше всякихъ геніяльныхъ претензій. Маленькіе парижскіе геніи, которые изображаютъ дикія страсти, клевещутъ на человѣческое сердце и чернятъ свѣтъ Божій, вотъ они-то

смѣшны поистинѣ, а не добрый, почтенный Поль-де-Кокъ. Итакъ, честь и слава Поль-де-Коку, первому романисту французскому!...

«Мусташъ»—романъ Поль-де-Кока: большое о немъ сказать нечего. О переводѣ тоже недлячего распространяться: это образецъ безпримѣрной безграмотности. Странное дѣло! Въ доброе старое время, кончившееся двадцатыми годами, не было безграмотныхъ сочиненій и переводовъ. Книга могла быть дурна, но языкъ ея всегда былъ правиленъ, чистъ, въ ладу съ грамматикой и логикой. А теперь книга, въ которой грамматика и здравый смыслъ не страждутъ, истинная рѣдкость! Отчего это? Оттого, что тогда къ книжному дѣлу питали уваженіе, придавали ему мистическую важность, и потому брались за него люди грамотные, приготовившіеся ученіемъ, запасшіеся опытностію; а теперь въ литературу играютъ, и всякій недоучившійся школьникъ, чтобы достать на пару платья, смѣло принимается переводить съ французскаго романъ, или даже и писать свой. Переводъ «Мусташа» образцовая безграмотность! Видно, что переводчикъ даже и не слыхалъ о наукѣ, которая называется грамматикою. Въ переводѣ его всѣ слова русскія, но конструкція, складъ рѣчи—чухонскій, зырянскій, словомъ, какой угодно, только не русскій...

НОВОГОДНИКЪ. *Собраніе сочиненій, въ прозѣ и стихахъ современныхъ русскихъ писателей. Изданный Н. Кукольникомъ. Спб. 1839.*

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы «Новогодника», съ нетерпѣніемъ и прочли его, потому-что этотъ подвигъ выше всякаго терпѣнія. Безъ аллегорій—альманахъ г. Кукольника ниже всякой посредственности: за исключеніемъ двухъ, трехъ піесъ, это просто—сборъ разнаго литературнаго хламу. При-

знаемся, совсѣмъ не того ожидали мы отъ вкуса, любви и усердія къ литературѣ такого писателя, какъ г. Кукольникъ, и его альманахъ, для насъ новое доказательство, какъ мало надо вѣрить именамъ...

Начнемъ съ стихотвореній.

«Антоній» стихотворная поэма, въ двадцати-семи главахъ—каждая глава стиховъ въ пятнадцать, г. Губера. Въ ней воспѣвается жизнь неизвѣстнаго свѣту героя, который, черезъ оное воспѣваніе, кажется, хочетъ пріобрѣсти себѣ извѣстность. Въ добрый часъ! Но это обстоятельство постороннее: главное дѣло въ томъ, что мѣстами гладкость и бойкость стиха, мѣстами игривость разсказа, мѣстами истинное чувство, составляютъ достоинства; а излишнее подражаніе Пушкину, мѣстами дурные стихи, вообще претензіи на какую-то глубокость, составляютъ недостатки этой поэмки.—«Прогулка Маріи Стюартъ въ С. Жерменскомъ паркѣ» (глава VIII изъ большой романтической поэмы «Давидъ Рицціо»). Славная поэма! Чудесные гекзаметры! — Читайте, дивитесь и наслаждайтесь—

„Что же намъ дѣлать. Анета?... Поѣдемъ къ святой Женьевѣ!“
—Ваше величество, это не близко—сказали старушки.
Есть особый обрядъ для поѣздокъ въ Нантеръ; мы не смѣемъ.
„Если нельзя, такъ поѣдемъ гулять въ Сенъ-Жерменъ“.—Невозможно!
Тамъ не топили сегодня, а къ ночи нельзя воротиться.—
„Вытопятъ!—день чудесный и холодъ весенній не страшенъ“...
—Ваше величество!... какъ вамъ угодно... сказали старушки,
Но...—„Пусть сѣдлаютъ коней! мы поѣдемъ верхомъ съ баронессой“.
—Но...—„Разумѣется, вамъ приготовятъ кареты!“... Старушки
Нѣсколько „но“ проворчали: Марія была непреклонна.
Вышли статсъ-дамы; держали совѣтъ, наконецъ согласились.

Славные гекзаметры! чудесные гекзаметры! при сей вѣрной оказіи, мы не можемъ удержаться чтобы не сдѣлать извѣстнымъ какъ творцу этихъ прекрасныхъ гекзаметровъ, такъ и публикѣ, что и мы пишемъ гекзаметрами большую романтическую поэму, въ двадцати-четырехъ пѣсняхъ—трудъ, цѣль

котораго есть доказать, что можно писать гекзаметры еще лучше, нежели пишетъ ихъ почтеннѣйшій Несторъ Васильевичъ. Вотъ маленькій отрывочекъ изъ нашего большаго труда—да разсудитъ насъ публика!

„Здравствуй мой другъ! Каково поживаешь? Что твой кашель?“
Славу Богу! все хорошо.—„Да скажи мнѣ, пожалуй;
Гдѣ ты бываешь? Дома тебя никогда не застанешь
Былъ я вчера у тебя: отобѣдать хотѣлъ я съ тобою,
Вечеромъ вмѣстѣ въ театръ—Дѣву Дуная давали..“
—Ah, mon cher! я дома совсѣмъ не живу, въ деревню сбираюсь,
Дня черезъ два, такъ въ хлопотахъ все, а межъ-тѣмъ заранѣй
Дома къ поправкѣ велѣлъ приступить: полы ужь взломали...

«Къ молодой дѣвушкѣ» стихотвореніе кн. Мещерскаго:

Нѣтъ, ты меня не понимаешь!
Клянусь, небесная моя,
Ты задрожишь, когда узнаешь,
Кто я таковъ, откуда я!
Я сынъ порока, обольщенья,
Я спутникъ не благихъ (т. е. не злыхъ) духовъ.
Я гордъ—и не ищу прощенья,
И радъ горѣть въ огнѣ грѣховъ!

Не читайте дальше, господа,—страшно!... Какіе, подумаешь, есть на свѣтѣ люди!...

«Козаку-поэту» г. Бенидиктова: стихъ бойкій, звонкій, гармоническій, какъ пѣсня соловья, гремучій, какъ серебро,—безспорно; но что въ стихѣ?... по крайней мѣрѣ, мы ничего не нашли...

За симъ слѣдуетъ еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, да о нихъ мы умолчимъ, потому что не до нихъ: первое дѣйствіе изъ драматическаго представленія «Елена Глинская», новаго драматическаго произведенія Н. А. Полеваго, поглощаетъ все наше вниманіе, въ ущербъ маленькимъ піескамъ. Что сказать объ этомъ первомъ дѣйствіи?—хорошо, очень хорошо, словомъ—«мастерски, съ удареніемъ, съ чувствомъ»,

какъ сказалъ покойникъ Полоній; только ужасно скучно, ужасно утомительно... Говорятъ, что Николай Алексѣевичъ написалъ еще четыре новыя драматическія піесы, вмѣсто того, чтобы дописать двѣнадцать томовъ своей «Исторіи Русскаго народа», томъ «Русской исторіи для первоначальнаго чтенія», додать публикѣ свои многочисленныя недоимки... «Отрывокъ изъ романа въ стихахъ:» «Три года жизни» г. П. Кукольника доказываетъ, что родство съ поэтомъ, хотя бы и самое близкое, совсѣмъ не одно и тоже съ поэтическимъ дарованіемъ. «Прощаніе съ жизнію», стихотвореніе Полежаева, примѣчательно только послѣдними стихами.

Да, небогатъ «Новогодникъ» хорошими стихотвореніями, даже можно сказать утвердительно, что очень, очень, бѣденъ ими; но тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ остановились мы на восьми стихотвореніяхъ новаго поэта, г. Минаева. Во всѣхъ нихъ проглядываетъ если не талантъ, то что-то похожее на талантъ, борющійся съ фразёрствомъ; но въ «Ивановѣ цвѣтѣ» обнаруживается рѣшительный талантъ, хотя еще и не совсѣмъ овладѣвшій самимъ собою. Радуясь появленію новаго таланта, повидимому, подающаго въ будущемъ, надежды, мы хотимъ поговорить объ немъ пообстоятельнѣе. Послѣ этой піесы можно указать еще на «Ночную Прогулку»; что́ же касается до прочихъ, — онѣ принадлежатъ къ неудачнымъ попыткамъ. Напримѣръ, что̀ это такое—

За то какъ весною, хрусталь свой ломая,
Широкая Волга, что море кипитъ,
И радостно льется рѣка голубая,
И мѣсяцъ надъ нею намазъ свой творитъ.
Но дѣву-старушку лишь вѣтръ поцѣлуетъ,
Она разозлится, она забушуетъ... и т. д.

Что́ это такое? — «мѣсяцъ творитъ надъ Волгою намазъ», какъ благочестивый мусульманинъ; Волга — престарѣлая дѣва, которая злится, когда ее поцѣлуетъ вѣтеръ (нашелъ что̀ цѣловать—старую дѣвку!). Воля ваша, это не поэзія, а стихотворная галиматья?... Еще нѣсколько словъ о «Пѣснѣ».

Какъ по морю было синему,
По сердитому Хвалынскому,
Словно труженникъ (?!) изъ давнихъ дней (?!)
Бороздилъ валы соколъ-корабль.
Для него паруса—бури выткали!
У него флюгера—вьются молніи!
По узорнымъ бортамъ—звѣзды нижутся!
И шумятъ въ облакахъ мачты тяжкія
Все надъ безднами леталъ корабль,
Онъ на якорѣ не стаивалъ,
Низко вихрю—брату малому, (!)
Подъ грозою онъ не кланивался....

Вопервыхъ: «паруса вытканныя бурями; флюгера вьются, какъ молніи; звѣзды нижутся по бортамъ; вихорь — малый братъ кораблю»—что это такое?—восточная, гиперболическая фразеологія. Вовторыхъ къ чему искажать народныя пѣсни, вмѣсто того, чтобы писать свои? — Естественная и наивная народная поэзія хороша сама по себѣ, безъ передѣлокъ. Для доказательства, приводимъ отрывокъ, подобный, только по содержанію и формѣ, пѣснѣ г. Минаева:

Изъ-за моря, синяго,
Изъ глухоморья зеленаго.
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;

Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два замніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ караблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.

Вотъ это народность, живая неподдѣльная! Нѣтъ ничего безплоднѣе, какъ поддѣлки подъ такую народность, съ искусственными и новѣйшими приправами.

Послѣдняя стихотворная піеса въ альманахѣ есть «Прологъ» изъ трагедіи: «Генералъ-поручикъ Іоаннъ Рейнгольдъ Паткулъ», г. Кукольника. Не распространяясь объ этой піесѣ, скажемъ, что такъ, какъ она есть, она представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, — похвала, выше которой у насъ нѣтъ похвалъ. Если вся трагедія будетъ такова, какъ этотъ прологъ, и въ цѣломъ и въ частности,—то смѣло можно поздравить русскую словесность съ новымъ, блестящимъ пріобрѣтеніемъ, которое должно увеличить собою ея богатства.

Обратимся къ прозѣ. Она такъ же бѣдна, какъ и стихотворная часть. «Скупецъ» довольно интересный отрывокъ изъ нравоописательнаго романа, который скоро долженъ появиться въ свѣтъ, г. Основьяненка.

«Князь Бековичъ-Черкасскій», г. Каменскаго. Остановимся на этомъ новомъ пещечкѣ современной русской литературы и неутомимаго пера втораго Марлинскаго. Повѣсть открывается семейственною сценою: отецъ и мать любуются своими дѣтьми. «О, какъ мы счастливы, Марѳа!» говорилъ Бековичъ, ходя подъ-руку съ женою по своей рабочей комнатѣ,

«Богъ благословилъ насъ: въ домѣ довольство, въ дружбѣ ближнихъ нѣтъ недостатка; семейныхъ наслажденій полная чаша, — а дѣти, посмотри пожалуйста, какіе у насъ дѣти!» Проговоривши таковы слова, Бековичъ продолжалъ ораторствовать и резонерствовать, а жена его продолжаетъ нѣжничать. Вдругъ входитъ отецъ Марѳы, тесть Бековича, Голицынъ. «Все воркуете, милуетесь!» говоритъ почтенный старецъ, усаживаясь въ большихъ нѣмецкихъ креслахъ; «словно голубь съ голубкою». Бековичъ охотно признаётъ себя голубемъ, только замѣчаетъ, что его нѣжная голубка часто воркуетъ противъ царской службы; тогда Голицынъ начинаетъ, въ свою очередь, говорить слѣдующую ораторско-резонерскую рѣчь: «Э, эхъ, Марѳа! не связывай рукъ твоему мужу; на немъ лежитъ, кромѣ долга общаго—быть полезнымъ по силамъ, долгъ личной благодарности. Вспомни, что́ сдѣлано для него, мелкаго горскаго князька: просвѣтить на свой коштъ, образовать по европейскому, поставить въ уровень съ боярами именитыми, допустить къ дѣламъ и совѣту царскому.... о, это великая вещь!... Много отбудетъ службы, а все не выплатитъ своего долга.... помни это, Марѳа, помогай ему, а не сбивай съ толку» и проч. Бековичъ не хочетъ уступить тестю—и отвѣчаетъ ему тоже рѣчью, которой, за ея обширностію, не выписываемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого ораторскаго конкурса (состязанія), Бековича потребовали къ царю, а Марѳа, оставшись одна, говоритъ надосугѣ длинную рѣчь, достойную Тита-Ливія и обнаруживающую въ одной Марѳѣ глубокія политическія соображенія и «высшіе взгляды» на состояніе общества при Петрѣ Великомъ, — эта краснорѣчивая рѣчь прервана была приходомъ Бековича. Тутъ почтенный и даровитый авторъ оставляетъ ораторскую каѳедру, берется за кисть живописца и рисуетъ намъ сцену потрясающую, ужасную. Бековичъ назначенъ главою экспедиціи въ Хиву. Жена, проводивъ его до Астрахани, возвращается въ Питеръ. На Волгѣ была страшная буря. Дѣло, впрочемъ,

очень обыкновенное, за исключеніемъ одного, очень важнаго обстоятельства, которое пусть доведетъ до нашего свѣдѣнія самъ авторъ:

Пускай-бы эта буря была борьбою однихъ только стихій между собой, пускай-бы этотъ вѣтеръ вздувалъ одну только гладь рѣки, и эти волны грызли бы въ ожесточеніи одни берега свои: ихъ бой кончился-бы торжественнымъ миромъ, буря, затишеніемъ, какъ равнаго съ равнымъ безъ ущерба, безъ потери съ одной стороны, безъ истребленія съ другой.

Но часто эта разъяренная пучина, потерявъ изъ виду главнаго противника, бьетъ прибоями волнъ своихъ въ грудь утлаго челнока, которому ввѣряется человѣкъ; часто этотъ вѣтеръ стремитъ свои порывы на слабыя мачты, снасти корабля, предавшагося его коварному дуновенію — и горе этому человѣку (а не челноку и кораблю), онъ лишній, онъ участникъ поневолѣ въ разрушительномъ боѣ, онъ неизбѣжная жертва въ шутовской клички—повелителя стихій...

Вотъ это подлинно высокій слогъ, даже не поймешь ничего!... Что за перо, Боже мой! что за перо у г. Каменскаго!... Слѣдствіемъ вышесказанной бури было то, что барка, на которой переправлялись черезъ Волгу Маѳа Бековичъ, съ тремя дѣтьми, потонула со всѣми своими пассажирами; слѣдствіемъ же этого событія было то, что реченная Маѳа Бековичъ навсегда перестала декламировать ораторскія рѣчи. Но мужъ ея не отсталъ отъ этой похвальной привычки и, завидѣвъ, послѣ утомительнаго трехмѣсячнаго странствованія, берега Аму-Дарьи.—

Привѣтствую тебя,—восклицалъ онъ въ восторженномъ энтузіазмѣ (или энтузіастическомъ восторгѣ)—привѣтствую раздольное ложе могущественной царицы Востока! привѣтствую васъ берега, служившіе нѣкогда гранью ея величаваго теченья. . По тебѣ, золотое дно, струились нѣкогда ея тихія волны, а по нимъ неслись и перебрасывались образованность и промышленность Европы и Азіи; мимо васъ, берега высокіе, мелькали корабли съ сокровищами Индіи и достояніемъ, съ бою добытымъ, меча римскаго—все жило, двигалось тогда, а теперь—засохло дно, опустѣли берега, исчезла рѣка, исчезла одушевлявшая стихія, и дикарь, который владѣетъ этой могилой древняго Оксуса, навѣрно не знаетъ, что подъ его рукою—проводникъ между Азіею и Европою, засохшій путь въ обѣтованную Индію.

Изъ этого монолога ясно значится, что Бековичъ былъ не только краснорѣчивый ораторъ, но и пламенный лирическій поэтъ... Бековичъ попался въ плѣнъ, былъ подвергнутъ пыткѣ, но и это не отбило у него охоты говорить ораторскія рѣчи и трагическія монологи. Для оправданія пословицы: «гробъ горбатаго исправитъ», онъ произноситъ длинную рѣчь и передъ самой смертью... Рѣшительно, повѣсть г. Каменскаго совсѣмъ не повѣсть, а поэма, и поэма въ гомеровскомъ родѣ, гдѣ герои говорятъ другъ-другу и сами съ собою пышныя рѣчи... Бековичъ — лице историческое, человѣкъ, оказавшій отечеству услуги, страдальчески умершій на службѣ царю: какъ не пожалѣть, что онъ сдѣлался Ахилломъ такой Иліады и попался подъ перо такому Гомеру...

«Давидъ Якуповичъ Крушина» русская повѣсть XIII вѣка, г. Троицкаго,—истинное услажденіе послѣ поэмы г. Каменскаго. Въ ней не замѣтно ни таланта, ни особеннаго умѣнія разсказывать, она убійственно растянута; но намъ понравилось въ ней то, что она чужда безсмысленныхъ высокопарныхъ выраженій, длинныхъ рѣчей и монологовъ... Вообще, будь она впятеро короче, то читалась бы не безъ удовольствія. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что ужь гдѣ-то читали ее разъ.

«Двѣ притчи о всякой всячинѣ, да еще кой о чемъ». В. Луганскаго, остроумная и игривая шутка. «Вспоминанія юности» г. Греча интересный разсказъ о русскомъ обществѣ въ литературномъ отношеніи, въ началѣ нынѣшняго вѣка. Вотъ такія статьи мы дорого цѣнимъ: это матеріалы для исторіи рускаго просвѣщенія и литературы, матеріалы тѣмъ болѣе интересные, что они какъ и всѣ мемуары, вводятъ насъ въ закулисную сторону предмета, недоступную изученію чрезъ книги.

«Василій Буслаевичъ», русская народная сказка, доставленная издателю альманаха г. Сахаровымъ — есть не что иное, какъ «Василій Буслаевъ», стихотворная поэма, находя-

щаяся въ древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ и вторично изданныхъ въ 1818, К. Калайдовичемъ. Г. Сахаровъ не говоритъ ни слова, откуда онъ взялъ эту сказку, и какъ будто совсѣмъ не знаетъ что она уже давно напечатана. Предлагаетъ же онъ ее публикѣ въ прозѣ, а не въ стихахъ, и, кромѣ того, съ самыми незначительными отмѣнами, впрочемъ, не въ пользу сказки. Странно...

«Измѣна, Мавретанскій драматическій разсказъ въ одномъ актѣ» г. Кукольника—піеса не безъ занимательности и не безъ достоинства.

«О Романтизмѣ»—что-то въ родѣ отрывка, Марлинскаго. Глубокомысленный авторъ, столь же сильный въ области мышленія, какъ и въ области творчества, открываетъ ученому міру слѣдующія новости: 1. Мысль есть сліяніе чувствъ, ума и воли. 2. Чувство есть осуществленная мысль. 3. Умъ есть опытность мысли. 4. Два пути къ истинѣ: опыты и воображеніе. Въ этомъ отрывкѣ—истинное вавилонское смѣшеніе понятій, мыслей, безсмыслія, безсмыслицы, словъ. Тутъ борьба Лагарпа и Баттё съ «Московскимъ Телеграфомъ», прошлаго вѣка съ двадцатыми годами настоящаго, тутъ перемѣшаны понятія объ искусствѣ съ понятіями о нравственности, парадоксальныя сужденія о произведеніяхъ искусства съ азбучными правилами о прилежаніи и благонравіи; анализъ и синтезъ красуются съ трехъугольникомъ истины блага и красоты; дѣтскія мысли борятся съ претензіями на геніальность въ мышленіи.... Стоило ли все это быть напечатаннымъ?... «Переправа чрезъ Лету»—новая юмористическая статья г. Булгарина, въ которой онъ по своему обыкновенію, говоритъ о другѣ своемъ Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ и нападаетъ на людей, которые пишутъ ксожалѣнію, вмѣсто къ сожалѣнію.

Смѣяться, право, не грѣшно,
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно!

Эти два стиха Карамзина взяты эпиграфомъ къ статьѣ г.

Булгарина: г. Булгаринъ отъ всей души убѣжденъ, что его юмористическія и критическія статейки еще смѣшны. Пора бы, кажется, догадаться, что онѣ уже совершенно чужды и этого качества...

«Повѣсть безъ названія»—какая-то и чья-то фантастическая безсмыслица, герой которой есть какой-то фантастическій офицеръ и кавалеръ ордена «Сѣверной Пчелы».

Итакъ, вотъ и весь альманахъ г. Кукольника. Не богатъ онъ, очень не богатъ, и грустно видѣть на немъ имя г. Кукольника, какъ его издателя; но прологъ къ «Паткулю» такъ превосходенъ, что могъ бы загладить вину изданія и десяти такихъ альманаховъ...

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРОВА (ДУРОВОЙ). *Дополненіе къ „Дѣвицѣ-Кавалеристъ". Москва. 1839*

Въ 1839 году появился въ «Современникѣ» отрывокъ изъ записокъ Дѣвицы-Кавалериста. Не говоря уже о странности такого явленія, литературное достоинство этихъ записокъ было такъ высоко, что нѣкоторые приняли ихъ за мистификацію со стороны Пушкина. Съ тѣхъ поръ литературное имя Дѣвицы-Кавалериста было упрочено. Она издала «Дѣвицу-Кавалериста», потомъ «Годъ жизни въ Петербургѣ», а теперь вновь является на литературную арену съ дополненіями къ «Дѣвицѣ-Кавалеристу». Прежде нежели мы увидѣли эту книгу, мы прочли, въ одномъ изъ №№ «Литературныхъ Прибавленій» прошлаго года отрывокъ изъ нея, въ которомъ Дѣвица-Кавалеристъ описываетъ свое дѣтство: Боже мой, что за чудный, что за дивный феноменъ нравственнаго міра героиня этихъ записокъ, съ ея юношескою проказливостію, рыцарскимъ духомъ, отвращеніемъ къ женскому платью и женскимъ занятіямъ, съ ея глубокимъ поэтическимъ чув-

ствомъ, съ ея грустнымъ, тоскливымъ порываніемъ на раздолье военной жизни изъ-подъ тяжкой опеки доброй, но не понимавшей ея матери! И что за языкъ, что за слогъ у Дѣвицы-Кавалериста! Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостію и силою, этою яркою выразительностію своего слога, этою живописною увлекательностію своего разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслію. Глубоко поразилъ насъ этотъ отрывокъ, и по выходѣ книги, мы вновь перечли краснорѣчивыя и живыя страницы дико-страннаго и поэтическаго дѣтства Дѣвицы-Кавалериста. Мы приняли глубокое участіе въ ея потери Манильки и Тетери, равно какъ и всего, что̀ любила она въ дѣтствѣ и что̀ вырывала у ней злая судьба, какъ бы закаляя ея сердце для того поприща, на которое готовила ее: вмѣстѣ съ нею, мы полюбовались ея Алкидомъ, гладили его по крутой шеѣ, чувствовали у щеки своей горячее дыханіе его пламенныхъ поздрей... Жизнь и странное поприще героини «записокъ» поясняются нѣсколько ея молодостью; но ея дѣтство — это богатый предметъ для поэзіи и мудреная задача для психологіи. Не всѣ мѣста въ «запискахъ» такъ интересны, какъ «нѣкоторыя черты изъ дѣтскихъ лѣтъ», но нѣтъ ни одного незанимательнаго, неинтереснаго.

Въ срединѣ «записокъ» выпущенъ огромный разсказъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ названіемъ «Павильонъ». Для «Отечественныхъ Записокъ» это очень выгодно, но для «Записокъ Александрова» это очень невыгодно. Поговоримъ объ этой прекрасной повѣсти. Прежде всего скажемъ, что она очень растянута, безъ чего ей не было бы цѣны, не какъ художественному произведенію, но какъ въ высшей степени мастерскому разсказу истиннаго событія. Глубокое и рѣзкое впечатлѣніе производитъ этотъ разсказъ, за исключеніемъ излишняго обилія подробностей и нѣкоторой растянутости, такъ энергически и съ такимъ искусствомъ

изложенный!... Этотъ безразсудный отецъ, самовольно опредѣлившій своему сыну противное его духу поприще, и за то проклинающій его трупъ за страшное злодѣйство; этотъ молодой ксендзъ, съ его глубокою душою и волканическими страстями, усиленными воспитаніемъ и уединенною жизнію, страстями, которыя, безъ этого, можетъ-быть, прониклись бы свѣтомъ мысли и возгорѣлись бы кроткимъ огнемъ чувства, а могучая воля устремилась бы на благое и въ благой дѣятельности дала бы плодъ сторицею: какіе два страшные урока!... Не доказываетъ ли первый, что нравственная свобода человѣка священна: отецъ Валеріана еще въ дѣтствѣ обрекъ его служенію алтаря, но Богъ не принялъ обѣтовъ, произнесенныхъ безсознательнымъ и недостовольнымъ повиновеніемъ чуждой волѣ, а не собственнымъ стремленіемъ выполнить потребность своего духа и въ этомъ выполненіи обрѣсти свое блаженство!... Не доказываетъ ли второй, что только чувство истинно и достойно человѣка; но что всякая страсть есть ложь, заблужденіе, грѣхъ?... Чувство не допускаетъ убійствъ, крови, насилія, злодѣйства, но все это есть необходимый результатъ страсти. Что́ такое была любовь Валеріана?—страсть могучей души и, какъ всякая страсть—ошибка, обманъ, заблужденіе. Любовь есть гармонія двухъ душъ, и любящій, теряясь въ любимомъ предметѣ, находитъ себя въ немъ, и если, обманутый внѣшностію, почитаетъ себя не любимымъ, то отходитъ прочь съ тихою грустію, съ какимъ-то болѣзненнымъ блаженствомъ въ душѣ, но не съ отчаяніемъ, не съ мыслію о мщеніи и крови, обо всемъ этомъ, что̀ унижаетъ божественную природу человѣка. Въ страсти выражается воля человѣка, стремящаяся, вопреки опредѣленіямъ вѣчнаго разума и божественной необходимости, осуществить претензіи своего самолюбія, мечты своей фантазіи, или порывы кипящей своей крови...

А эта милая, прекрасная Лютгарда!—Страшенъ конецъ ея, но мысль о немъ не леденитъ души: не вотще жила Лют-

гарда—она могла бы дать о себѣ эту поэтическую вѣсть съ того свѣта:

> ...Я все земное совершила,
> Я на землѣ любила и жила!

Да, повторимъ еще разъ: повѣсть «Павильонъ» представляетъ собою прекрасное содержаніе, увлекательно и сильно, хотя мѣстами и растянуто, изложенное; обличаетъ руку твердую, мужскую.

Кстати: говоря о прекрасной повѣсти г. Александрова, мы не можемъ не упомянуть объ отзывѣ о ней одного журнала. Еще во второй книжкѣ своей «Сынъ Отечества» изъявилъ добродушное удивленіе къ странному положенію современной русской литературы, вслѣдствіе котораго «О. И. Сенковскій шутитъ; Пушкина и Марлинскаго (?) дочитываемъ мы послѣднія статьи; Д. В. Давыдовъ вспоминаетъ былое; Дѣвица-Кавалеристъ, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ и князь А. А. Шаховской разсказываютъ намъ повѣсти; П. П. Свиньинъ является съ драмою, а Н. В. Кукольникъ пишетъ драматическія фантазіи».—Все точно такъ, такъ есть въ самой дѣйствительности — съ тѣмъ же добродушіемъ заключаетъ маститый «Сынъ Отечества».

Подъ старость люди плохо видятъ, плохо слышатъ, а слѣдовательно, и не совсѣмъ хорошо понимаютъ. Къ этому присоединяется еще и то, что старые люди мѣряютъ современность понятіями того блаженнаго времени, въ которое они, старые добрые люди, были молоды, здоровы, полные надеждъ, воевали, въ свою очередь, съ устарѣлыми, обвѣтшалыми мнѣніями. Послѣ этого, удивительно ли, что маститый «Сынъ Отечества» съ такимъ старческимъ добродушіемъ удивляется тому, что́ нисколько не удивительно. Но тѣмъ не менѣе, мы поставляемъ долгомъ надоразумить почтеннаго Нестора нашихъ журналовъ (втораго послѣ «Вѣстника Европы»), растолковавъ ему слѣдующее:

Пушкина мы дочитываемъ потому, что онъ умеръ, а послѣ его смерти было напечатано нѣсколько его сочиненій. По той же самой причинѣ и Марлинскаго дочитываютъ тѣ, которые еще читаютъ его. П. П. Свиньинъ явился съ драмою потому же самому, почему Н. А. Полевой—журналистъ, литераторъ, историкъ, философъ, эстетикъ, политико-экономистъ, статистикъ, критикъ, стихотворецъ, романистъ, нувеллистъ—явился съ своими драмами, комедіями, операми и водевилями. Несторъ же Васильевичъ Кукольникъ пишетъ драматическія фантазіи потому, что ему Богъ далъ прекрасное дарованіе писать поэтическія фантазіи. Что же касается до того, что Дѣвица-Кавалеристъ, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ и князь А. А. Шаховскій разсказываетъ намъ повѣсти, — то замѣтимъ, что

a. Дѣвицу-Кавалериста отнюдь не должно смѣшивать съ Р. М. Зотовымъ, даже и въ шутку, а не только въ правду.

b. Дѣвица-Кавалеристъ пишетъ повѣсти потому же самому, почему писалъ и пишетъ ихъ теперешній редакторъ «Сынъ Отечества», съ тою только разницею, что перевѣсъ права безспорно на ея сторонѣ, потому что на ея сторонѣ перевѣсъ таланта...

Въ 3-й своей книжкѣ, «Сынъ Отечества» вотъ какъ разсуждаетъ о «Павильонѣ» г. Александрова:

Какъ хорошъ эпизодъ объ Олинькѣ въ нынѣшнемъ добавленіи! Какъ тутъ просто и естественно. Можно ли сравнить такой разсказъ съ кровавыми, неестественными подробностями „Павильона". Мы говоримъ: неестественными. Намъ могутъ (и очень) возразить, что все такъ точно было въ самомъ дѣлѣ: ксендзъ воспитывалъ въ павильонѣ дѣвушку, графъ похитилъ ее, а ксендзъ зарѣзалъ ее. Но все-то что такое? Неестественное нравственное уродство, а уродство не принадлежность искусства изящнаго. Насъ проститъ г-жа Дурова за наши замѣчанія, потому что мы говоримъ наше мнѣніе искренно (конечно) и не слѣдуемъ обычаю другихъ: хвалить на повалъ, или бранить оптомъ писателя. (Вѣримъ...) Мы знаемъ и увѣрены, что дарованія бываютъ различны (что правда—то правда), и что всего труднѣе можетъ-быть узнать настоящую до-

рогу своего дарованія, такъ что самые геніальные люди въ томъ ошибались [1]). Хотите ли примѣровъ? Байронъ и Державинъ были великіе лирики (?!), В. Скоттъ великій романистъ, Шиллеръ великій драматикъ, Ирвингъ-Вашингтонъ превосходный разсказчикъ новостей, но на зло природѣ хотѣли быть — Державинъ и Байронъ драматическими писателями, В. Скоттъ историкомъ (о исторіи—камень преткновенія!.) Шиллеръ историкомъ и философомъ, а И. Вашингтонъ рѣшительно отказался отъ повѣсти и упорно пишетъ теперь исторіи, въ которыхъ каждая глава доказываетъ, что онъ историкъ плохой.

Что сказать объ этомъ? «Ксендзъ воспитывалъ въ павильонѣ дѣвушку, графъ похитилъ ее, а ксендзъ зарѣзалъ ее»: можно ли такъ излагать содержаніе повѣсти? Такимъ изложеніемъ можно опошлить любую драму Шекспира. «Мавръ изъ ревности удушаетъ невинную жену, а потомъ, узнавши о ея невинности, зарѣзывается: что это такое?—неестественное уродство, а уродство не есть принадлежность искусства изящнаго». Хороша критика на «Отелло» Шекспира? О, мы умѣемъ критиковать! Лажечникову мы не позволимъ писать романовъ, Дѣвицу-Кавалериста не оставимъ предостеречь писать повѣсти — мы какъ разъ предостережемъ ихъ, увѣривъ, что они идутъ по ложной дорогѣ, что одно имъ спасеніе — перестать писать, предоставивъ эту заботу намъ. Кстати: увѣдомляемъ, что мы пустились писать драмы (слово «мы» достаточно указываетъ на ихъ высокое достоинство). а посему и объявляемъ, что всѣ драматики—бывшіе, сущіе и будущіе — отъ Шекспира до господина x включительно — шли, идутъ и будутъ идти ложною дорогою, вопреки природѣ и на зло своему дарованію. Не мѣшайте намъ—мы любимъ просторъ; а впрочемъ мы критики честные и добросовѣстные «мы говоримъ наше мнѣніе, хотя и не грамматически, но искренно, и не слѣдуемъ обычаю другихъ: хвалить на повалъ или бра-

[1]) Самымъ разительнымъ примѣромъ этому служитъ г. Полевой. Онъ былъ всѣмъ, но на всемъ остановился на полдорогѣ: начавши „Исторіею Русскаго Народа“, оканчиваетъ водевилемъ съ замысловатыми куплетцами.

нить оптомъ писателя». Что же касается до того, что Байронъ (вкупѣ и влюбѣ съ Державинымъ) былъ лирикъ, объ этомъ нечего и много говорить. Но что касается до Вашингтона-Ирвинга, то мы не согласны, будто онъ ужь рѣшительно плохой историкъ, и что его «Исторія Колумба» потому только никуда негодится, что г. Полевой сочинилъ отрывокъ изъ своей исторіи Колумба, которая, безъ сомнѣнія, была бы лучше Вашингтоновой, еслибъ была написана... Равнымъ образомъ, мы не согласны и съ тѣмъ, будто Шиллеръ на зло природѣ былъ историкомъ и философомъ. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Гегель признавалъ въ Шиллерѣ философскій элементъ, едва ли не бо́льшій еще чѣмъ поэтическій, и призналъ Шиллера истиннымъ основателемъ науки изящнаго (эстетики). Но что намъ до Гегеля—Гегель вретъ, Гегель—жалкое явленіе послѣ Шиллинга, такъ же какъ Варнгагенъ послѣ Шлегеля; современная нѣмецкая литература—вздоръ, пустоцвѣтъ. Да читали ли вы Гегеля?—Зачѣмъ читать—мы и такъ знаемъ. Изучали ли вы современную нѣмецкую литературу? — Когда намъ! мы пишемъ водевили...

БРАВО ИЛИ ВЕНЕЦІАНСКІЙ БАНДИТЪ, *историческій романъ. Соч. Я. Ф. Купера. Спб. 1839. Четыре части.*

Куперъ явился послѣ Вальтеръ-Скотта и многими почитается какъ бы его подражателемъ и ученикомъ; но это рѣшительная нелѣпость: Куперъ — писатель совершенно самостоятельный, оригинальный, и столько же великій, столько же геніяльный, какъ и шотландскій романистъ. Принадлежа къ немногому числу перворазрядныхъ, великихъ художниковъ, онъ создалъ такія лица и такіе характеры, которые навѣки останутся художественными типами: вспомните его Соколинаго Глаза, который потомъ является Тенетчикомъ, вспомните его пчелинаго охотника Павла, его Твердосердаго,

его Харвея Бирша, его Джона Поля [1]) и множество другихъ лицъ, вѣроятно, столько же какъ и мнѣ, знакомыхъ и перезнакомыхъ вамъ. Сверхъ того, будучи гражданиномъ молодаго государства, возникшаго на молодой землѣ, непохожей на нашъ старый свѣтъ, — онъ черезъ это обстоятельство, какъ будто бы создалъ особый родъ романовъ—американско-степныхъ и морскихъ. Въ самомъ дѣлѣ: эти дивныя изображенія безпредѣльныхъ степей Америки, покрытыхъ травою выше человѣческаго роста, населенныхъ стадами бизоновъ, пресѣкаемыхъ огромными лѣсами, таящими въ себѣ краснокожихъ дѣтей Америки, ведущихъ и между собою и съ бѣлыми непримиримую брань, — гдѣ, у кого, кромѣ Купера можете вы найдти все это? А море, а корабль — тутъ онъ опять какъ у себя дома; ему извѣстно названіе каждой веревочки на кораблѣ, онъ понимаетъ, какъ самый опытный лоцманъ, каждое движеніе корабля, какъ искусный капитанъ—онъ умѣетъ управлять имъ и нападая на непріятельское судно и убѣгая отъ него. На тѣсномъ пространствѣ палубы, онъ умѣетъ завязать самую многосложную и, въ то же время, самую простую драму, и эта драма изумляетъ васъ своею силою, глубиною, энергіею, величіемъ, а между тѣмъ въ ней все такъ, повидимому, спокойно, неподвижно, медленно, обыкновенно. Дивный, могучій, великій художникъ! Вотъ это-то и заставило всѣхъ сдѣлать ложное заключеніе, что Куперъ можетъ быть у себя дома только въ степи, въ лѣсу, да на морѣ; но что если перенесетъ мѣсто дѣйствія своего романа на твердую землю, то непремѣнно потерпитъ кораблекрушеніе и сядетъ на мель. Но великій художникъ не побоялся карканья критическихъ вороньевъ или воронъ; но, расправивъ свои могучія орлиныя крылья, и на чужомъ ма-

---

[1]) А этого не угодно ли для курьезу сравнить съ Джономъ-Полемъ г. Александра Дюма, чтобы увидѣть разницу между самобытнымъ геніемъ творчества и литературнымъ обезъянничествомъ жалкой посредственности.

терикѣ, подъ чуждымъ небомъ полетѣлъ тѣмъ же, ему одному свойственнымъ полетомъ, какимъ парилъ онъ подъ небомъ своей родины. «Браво» романъ, мѣстомъ дѣйствія котораго Куперъ избралъ Венецію, служитъ этому доказательствомъ. Недавно этотъ романъ явился на русскомъ языкѣ въ самомъ безграмотномъ переводѣ, какой только можетъ себѣ вообразить самое пылкое и смѣлое безграмотное воображеніе,—и почти во всѣхъ нашихъ журналахъ было повторено, что Куперъ — хорошій романистъ у себя въ Америкѣ, да на морѣ, а въ Европѣ срѣзался, и что его «Браво» скучный и пошлый романъ. Вотъ-такъ-то — что много думать!...

Признаемся, не безъ страха принялись мы за чтеніе «Браво»: намъ было грустно удостовѣриться, что такой великій художникъ, какъ Куперъ, могъ писать плохіе романы, какъ какой-нибудь Больверъ. Вотъ уже мы, черезъ великую силу, прочли главу, другую... переводъ уже одолѣвалъ наше терпѣніе, нашу любовь къ искусству, готовую на великія жертвы — даже на чтеніе такихъ переводовъ... но вотъ мракъ началъ разсѣяваться, легкіе очерки стали превращаться въ живописныя фигуры, слабыя тѣни—въ живые образы и лица, и несмотря на ужасный переводъ, мы уже не читали, а съ ненасытною жадностію пожирали остальныя главы и части... И теперь, когда уже романъ давно прочтенъ, и теперь носятся передъ нашими глазами эти дивные образы, которые могла создать только фантазія великаго художника... Вотъ старый рыбакъ Антоніо, съ его энергическою простотою нравовъ, съ его благородною грубостію; вотъ глубокій, могучій, меланхолическій Браво; вотъ кроткая, чистая милая Джельсомина; вотъ вѣтренная и лукавая Аннина—какія лица, какіе характеры! какъ сроднилась съ ними душа моя, съ какою сладкою тоскою мечтаю я о нихъ!... Коварная, мрачная кинжальная политика венеціянской аристократіи; нравы Венеціи; регата, или состязаніе гондольеровъ; убійство Антоніо — все

это выше всякаго описанія, выше всякой похвалы. И все это такъ просто, такъ обыкновенно, такъ мелочно, повидимому; люди хлопочутъ, суетятся: кто хочетъ погулять, кто достать деньжонокъ, кто поволочиться, кто пощеголять; лица всѣхъ веселы, публичныя гулянья пестрѣютъ масками, по каналамъ разъѣзжаютъ гондолы—но изъ всего этого выставляется какой-то колоссальный призракъ, наводящій на васъ оцѣпеняющій ужасъ. И все дѣйствіе продолжается какихъ-нибудь три дня; внѣшнихъ рычаговъ нѣтъ—вся драма завязывается изъ столкновенія разныхъ индивидуальностей и противоположности ихъ интересовъ, всѣ событія самыя ежедневныя,—но только не разъ, во время чтенія, опустится у васъ рука съ книгою и долго, долго будете вы смотрѣть вдаль, не видя передъ собою никакого опредѣленнаго предмета...

Прежде, нежели произносить такой рѣшительный и такой презрительный приговоръ произведенію такого великаго мастера, какъ Куперъ,—не худо было бы прочесть его въ подлинникѣ, если доступенъ языкъ его, или хоть во французскомъ переводѣ, потому что всѣ французскіе переводчики, вопреки бóльшей части русскихъ, имѣютъ похвальную привычку заботиться о смыслѣ и правильности языка.

РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ.

1.

Въ нашей журналистикѣ, съ началомъ нынѣшняго года, произошло столько перемѣнъ, что 1839 годъ долженъ составить эпоху въ ея лѣтописяхъ. Явились два новые журнала; нѣкоторые старые измѣнились. Къ послѣдней новости относятся и безпрестанные образы своихъ собратій. Мы первые довольно уже начитались разныхъ отзывовъ и сужденій о самихъ себѣ, мы, которые ни о комъ не судили. Думаемъ, что

правила приличія и вѣжливости требуютъ, чтобы мы за вниманіе заплатили вниманіемъ, и не остались въ долгу, особенно у почетнаго и маститаго «Сына Отечества», который такъ скромно и такъ любезно привѣтствовалъ насъ своимъ немного дрожащимъ отъ старости и отъ небольшой досады (вслѣдствіе старости же) голосомъ... «Галатея»—дама и красавица—отъ нея мы отдѣлаемся нѣсколькими комплиментами и любезностями; а «Сына Отечества»... Но начнемъ по порядку и не забудемъ и прочихъ журналовъ. Съ кого же начать?—Мы не будемъ долго думать и начнемъ—съ «Современника», потому что ни одинъ журналъ не читаемъ мы съ такимъ удовольствіемъ, ни одинъ журналъ такъ высоко не цѣнимъ какъ «Современникъ». Читатели «Наблюдателя» еще съ прошлаго года находили въ немъ постоянно самые подробные отчеты о каждой книжкѣ «Современника».

«Современникъ» всегда богатъ хорошими оригинальными статьями—обстоятельство, которое даетъ этому журналу высокую цѣну. Первая книжка за нынѣшній годъ, составляющая тринадцатый томъ изданія, особенно богата хорошими оригинальными статьями. Пересмотримъ ихъ по порядку. Первая—«Знакомство съ Рунебергомъ» г. Я. Грота содержитъ любопытныя подробности объ одномъ изъ знаменитыхъ современныхъ поэтовъ и литераторовъ шведскихъ — Рунебергѣ, и о шведской литературѣ. Статья эта—отрывокъ изъ путешествія по Финляндіи, отрывокъ, возбуждающій живѣйшее желаніе прочесть путешествіе, изданное вполнѣ. Пропуская «Разборъ новыхъ книгъ», переходимъ къ статьѣ «Отрывки изъ исторіи партизановъ Пиринейскаго полуострова» г. Невѣдомскаго, къ статьѣ превосходной и по содержанію и по изложенію, давно возбудившей въ насъ живое вниманіе и еще живѣйшее желаніе прочесть въ цѣломъ сочиненіи, изъ котораго она отрывокъ. Критическая статья «Шекспиръ» очень интересна по своему содержанію и хорошо составлена. «Картина Бразиліи» статья прелюбопытная по фактамъ о мало или почти неизвѣстной у насъ странѣ міра, и по прекрасному, живому изложенію.

За этими статьями слѣдуетъ собственно изящная словесность. Прочтя съ удовольствіемъ «Два разсказа, или Болгарка и Подоляпка», очень милый, но нѣсколько растянутый разсказъ В. Луганскаго, вы переходите къ «Городу безъ имени», прекрасной, полной мысли и жизни фантазіи кн. Одоевскаго. Въ этой фантазіи (иначе мы не умѣемъ назвать прекраснаго произведенія кн. Одоевскаго) съ силою и энергіею показана вся пошлость и безнравственность односторонняго взгляда на развитіе народовъ и государствъ, вслѣдствіе котораго основою, двигателемъ и цѣлью ихъ жизни и стремленіи должна быть только польза. «Праздникъ мертвецовъ»—переводъ съ малороссійскаго нарѣчія на русскій языкъ одного изъ милыхъ юмористическихъ разсказовъ талантливаго Грицка Основьяненка. Въ отдѣленіи стихотвореній остановимся на «новой сценѣ изъ Бориса Годунова», чтобы сказать, что этотъ небольшой отрывокъ блеститъ всею лучезарностію творческаго генія Пушкина, и что мы не понимаемъ, почему великій мастеръ исключилъ его изъ цѣлаго произведенія. «Путешественнику» стихи четырнадцатилѣтняго Пушкина интересны, какъ фактъ — не больше.

Перелистовавъ съ читателями первую книжку «Современника», приглашаемъ ихъ перелистовать съ нами три первыя книжки «Библіотеки для Чтенія» и просимъ ихъ не пугаться тяжести труда—мы намѣрены совершить его на ходу.

Можетъ-быть, многіе ждутъ уже отъ насъ брани, насмѣшекъ, нападокъ, потому что мы заговорили о «Библіотекѣ для Чтенія»: напрасныя ожиданія! Наши литературныя мнѣнія чужды всякой личности, всѣхъ отношеній, требующихъ для своей ясности особенныхъ домашнихъ комментарій. Для насъ равны—и «Библіотека для Чтенія», и «Сынъ Отечества», и «Отечественныя Записки», и «Сѣверная Пчела». Намъ не нравится направленіе Б. для Ч., но намъ нравится, что въ ней есть направленіе—качество, принадлежащее не всѣмъ нашимъ журналамъ; мы не раздѣляемъ мнѣній Б. для Ч. и даже не

любимъ ихъ, но мы любимъ ее за то, что у ней есть мнѣнія, которыя есть не у всѣхъ нашихъ журналовъ. Объ аккуратности изданія этого журнала, равно какъ и о томъ, что онъ умѣетъ угодить своимъ читателямъ—нечего и говорить, а это—согласитесь, два важныя качества въ журналѣ. Итакъ, да здравствуетъ Б. для Ч. и да не упрекаетъ она насъ въ пристрастіи, злобѣ и ожесточеніи къ себѣ!... Послѣ этого приступа, который мы считали необходимымъ, приступимъ къ самому дѣлу.

Первое отдѣленіе въ Б. для Ч. «Русская Словесность»—названіе немного невѣрное, потому что предметъ и прочихъ всѣхъ отдѣленій тоже русская словесность. Отдѣленіе «Русской словесности» въ Б. для Ч. всегда начинается стихотвореніями. По причинѣ стихотворнаго безплодія въ современной русской литературѣ, это отдѣленіе «Библіотеки» всегда было крайне слабо. Г. Тимоѳеевъ всегдашній и неутомимый поставщикъ для этого отдѣленія—можно судить, каково оно! Вдругъ въ трехъ книжкахъ Б. для Ч. за нынѣшній годъ явилось одиннадцать прекрасныхъ, поэтическихъ стихотвореній. Это было загадкою для многихъ—только не для насъ. Авторъ этихъ прекрасныхъ стихотвореній — г. Красовъ. У насъ была тетрадь его стиховъ (единственный экземпляръ), и мы были уполномочены поэтомъ брать изъ нее, что намъ угодно. Вслѣдствіе этого, въ «Наблюдателѣ» еще за прошлый годъ помѣщено было нѣсколько стихотвореній г. Красова—остальные дожидались своей очереди. Вдругъ редакція «Наблюдателя» потеряла эту тетрадь, единственный списокъ стихотвореній, писанныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣроятно, тотъ, кому тетрадь попалась въ руки, переслалъ ее въ редакцію «Библіотеки»,—и мы очень рады, что прекрасныя стихотворенія любимаго и уважаемаго нами поэта, утраченныя для насъ, не утратились для публики. На тетради въ самомъ дѣлѣ не было выставлено имени автора,—и потому въ 1 № «Библіотеки»—«Элегія» (стихотвореніе, напечатанное, кажется, еще

въ «Телескопѣ» за 1835 годъ), «Сынъ» (нигдѣ не напечатанное стихотвореніе) и «Пѣсня» (напечатанная въ 1 № «Наблюдателя» за прошлый годъ) явились съ именемъ г. Бернета. Въ 11 № «Библіотеки»—«Элегія», и три «пѣсни», изъ которыхъ послѣдняя была напечатана въ 5 № «Наблюдателя», явились уже совсѣмъ безъ имени, съ примѣчаніемъ редакціи о полученіи тетради. Что́ же касается до трехъ стихотвореній, напечатанныхъ въ 11 № въ Б. для Ч. съ именемъ г. Красова, то онѣ взяты не изъ тетради, а присланы въ редакцію этого журнала самимъ авторомъ, который, досадуя на долговременное непомѣщеніе своихъ стихотвореній, прислалъ ихъ къ намъ, вслѣдствіе чего прекрасная элегія—«Когда порой свободный отъ трудовъ» помѣщена была еще въ 10 № «Наблюдателя» за прошлый годъ. Изъ примѣчанія редакціи «Библіотеки» въ 11 №, видно, что тетрадь вся: жаль—значитъ часть ея утрачена, потому что мы помнимъ тамъ много прекрасныхъ стихотвореній, особенно одно, называющееся «Клара Мовбрай».

Теперь заглянемъ въ прозаическое отдѣленіе «Русской Словесности».

«Альпійскіе Виды—интересный очеркъ г. Фролова.—«Малороссійская Лѣнь» г. Бабака — довольно занимательный очеркъ малороссійскаго быта. — «Николай Сапѣга», повѣсть г. Константинова, принадлежатъ къ числу очень хорошихъ журнальныхъ повѣстей. За нею слѣдуетъ «Иванъ Рябовъ, рыбакъ Архангелородскій» драматическій анекдотъ г. Кукольника, превосходное въ своемъ родѣ произведеніе. Особенное достоинство этого новаго произведенія неистощимаго пера г. Кукольника составляетъ народный языкъ, доведенный до крайняго совершенства, и что̀ особенно-то и важно—подъ русскою простонародною рѣчью таится русскій простонародный умъ, русская душа. «Маскарадъ» бойко и рѣзво написанный разсказъ — легкій очеркъ большаго свѣта. Въ немъ играетъ важную роль какой-то поэтъ Н—нъ, по имени Александръ Сергѣевичъ, который, когда его маска называетъ

Алеко и намекаетъ ему о Кавказѣ и Бессарабіи, принимаетъ это за намеки на свои сочиненія.... Но это еще ничего.... Страшно, что этотъ Н—нъ, пріѣхавъ съ маскарада домой «скинулъ фракъ, подвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернилицу, потеръ рукою по лбу, зѣвнулъ и написалъ шестую строфу «Бородинской Годовщины» и легъ спать». Это что-то похожее — какъ бы сказать? — на плоскость, слишкомъ неумѣстную и для многихъ оскорбительную...

Вообще, отдѣленіе «Русской Словесности» въ первыхъ трехъ книжкахъ хоть куда. Въ отдѣленіи «Иностранной Словесности» нашли мы довольно интересную журнальную повѣсть «Кальдеронъ» (Больвера) и превосходную повѣсть Марріета «Чортъ-собака». Мастерская обрисовка характеровъ, ловко завязанная и развязанная интрига, чудесный разсказъ— вотъ достоинства этой повѣсти. Мѣстами пошлость чувствованій, тривьяльный взглядъ на вещи, сальность выраженія— вотъ ея недостатки, вѣроятно сообщенные ей переводомъ. «Сельскій Хозяинъ», комедія принцессы Амаліи саксонской— маленькая правоучительная піеска, которой приличнѣй быть помѣщенною въ дѣтскомъ, нежели въ учено-литературномъ журналѣ, издаваемомъ для взрослыхъ.

Въ отдѣленіи «Наукъ и Художествъ» 1-го № помѣщена огромная статья г. Куторги «Естественная исторія наливочныхъ животныхъ», статья, интересная по содержанію и хорошо изложенная, но по своей огромности, совсѣмъ не журнальная. «Григорій VII» чрезвычайно интересная историческая статья. «Науки, художества и искусства [1]) въ древней Индіи», статья г. Менцова, заключающая въ себѣ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, изложенныхъ безъ всякаго взгляда, безъ всякой мысли. «Елисавета и Анна, королевы англійскія» интересная по содержанію, но сбивчивая и темная, по

[1]) Желательно бы знать, какую разность полагаетъ авторъ этой статьи между художествами и искусствами?

отсутствію мысли, статья. «Обращенія соковъ въ растеніяхъ»—статья посвященная слишкомъ частному предмету. Объ отдѣленіи «промышленности и сельскаго хозяйства», какъ о предметѣ, совершенно намъ чуждомъ, мы не судимъ. Критика въ «Библіотекѣ» обыкновенно состоитъ изъ выписокъ изъ разсматриваемыхъ сочиненій, выписокъ, къ которымъ придѣлано, нѣсколько личныхъ мнѣній, ни на чемъ, кромѣ произвола редактора, не основанныхъ, и ничѣмъ, кромѣ его остротъ и шутокъ, не подкрѣпленныхъ. Направленіе этой «критики», какъ и всего журнала—вражда противъ умозрѣнія, противъ мысли, и распространеніе положительныхъ, опытныхъ, наглядныхъ и рутинныхъ понятій въ наукѣ и искусствѣ. Напримѣръ въ № 3 помѣщена критика по поводу книгъ: «Русская исторія, г. Устрялова; Дѣянія Петра Великаго, Голикова, О княжествѣ Литовскомъ. Какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать княжество литовское? г. Устрялова». Въ этой статьѣ, которая почему-то названа критикою, тогда какъ она есть только сборъ произвольныхъ и притомъ устарѣлыхъ мнѣній объ исторіи, несмотря на величіе такого предмета, какъ Петръ Великій, холодно, апатически изложенныхъ, въ этой статьѣ нападаютъ на мысль объ историческомъ развитіи человѣчества, какъ стремленіи къ совершенствованію, и вмѣсто совершенствованія полагаютъ стремленіе къ умноженію физическихъ и умственныхъ наслажденій: мысль энциклопедистовъ XVIII вѣка!... Впрочемъ, въ этой статьѣ, мы встрѣтили очень дѣльную мысль, особенно важную, какъ опроверженіе нелѣпости, распространяемой поверхностными мыслителями, вотъ она: «Что̀ такое Россія въ отношеніи къ человѣчеству?—Этотъ вопросъ мы уступаемъ мнимымъ мыслителямъ, которымъ дельфійскій оракулъ открылъ своимъ загадочнымъ словомъ, что Россіи предоставлено быть обновительницею дряхлаго Запада, внести туда новый элементъ, и что призваніе ея такое же, какъ призваніе Германцевъ и Норманцовъ въ среднихъ вѣкахъ.

Незавидна была бы судьба Россіи быть обновительницею Запада, который, сказать мимоходомъ, вовсе не старѣетъ. Мы принимаемъ Россію за отдѣльный міръ, по величинѣ равный Европѣ, и видимъ, напротивъ того, что Европа обновляетъ Россію». Умно и справедливо!

Отдѣленіе «Смѣси» въ Б. для Ч. по прежнему свѣжо и интересно, но ужь черезчуръ однообразно, потому что исключительно посвящается открытіямъ и новостямъ по части естествознанія. Отдѣленіе «литературной лѣтописи» становится все короче и суше: отсутствіе веселости, остроумія, прежнихъ милыхъ шуточекъ, отъ которыхъ всѣ животы надрывали, показываетъ какое-то утомленіе, усталость.

Теперь еще одно замѣчаніе— о языкѣ Б. для Ч.; онъ нерѣдко грѣшитъ противъ живаго русскаго языка, обличая въ редакторѣ иноплеменника. Напримѣръ: «Охотно бы позволилъ себя сколоть и стерзать, чтобы только убѣдиться, что я не сплю». Сколоть и стерзать!... «Я разскажу тебѣ послѣ большой смѣхъ»—покаковски это?... «Слеза благодарности, которая жгетъ меня подъ маской» —жгетъ, пекетъ, бѣгетъ: такъ говорится развѣ по финскому произношенію, а по московскому или—что̀ все одно и тоже—по великорусскому, говорится: жжетъ, печетъ, бѣжитъ... Несмотря на то, «Библіотека для Чтенія» все-таки интересный и охотно, съ удовольствіемъ читаемый журналъ: въ этомъ-то и заключается причина его необыкновеннаго успѣха.

Теперь обратимся къ «Сыну Отечества» и «Отечественнымъ Запискамъ».

2.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки, въ добрый часъ,
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.
Пушкинъ.

Что старина, то и дѣянье!
Кирша Даниловъ.

Благословите, братцы, правду сказать.
Сынъ Отечества.

Не станемъ писать исторіи «Сына Отечества» этого маститаго журнала, догоняющаго или перегоняющаго своими годами «Вѣстникъ Европы» блаженной памяти; скажемъ только, что, послѣ многочисленныхъ и неудачныхъ попытокъ къ возрожденію и обновленію, онъ перешелъ наконецъ въ руки человѣка, перваго именемъ своимъ въ русской журналистикѣ. Не говоря уже о перемѣнѣ въ планѣ журнала, изъ недѣльника превратившагося, по примѣру Б. для Ч., въ мѣсячникъ, — сколько надеждъ было возложено публикою на этотъ журналъ, подпавшій подъ редакцію знаменитаго, талантливаго и многосторонняго редактора. Поговаривали было уже, что Б. для Ч. приходитъ конецъ, что вотъ наконецъ-то явится журналъ, который дастъ намъ критику безпристрастную, благородную, независимую, основанную на твердыхъ началахъ науки изящнаго, въ ея современномъ состояніи; журналъ, который, какъ

на ладони, будетъ показывать намъ современную Европу со стороны ея умственной дѣятельности и духовнаго развитія. Ждали, кричали—кричали и ждали, и—дождались...

«Сынъ Отеч.» сдѣлался собственностію г. Смирдина, слѣдовательно имѣлъ всѣ матеріальныя средства къ наружному достоинству, своевременному выходу книжекъ и улучшенію даже внутренняго содержанія, чрезъ приглашеніе къ участію русскихъ писателей, пользующихся заслуженнымъ авторитетомъ. Имя редактора ручалось за превосходный выборъ статей, за превосходную критику и за многое превосходное. Но не всѣ надежды сбываются. Вопервыхъ, С. О. сталъ отставать, такъ что послѣдняя книжка его за прошлый годъ вышла въ нынѣшнемъ; С. О. явился съ самой скромной наружностію—на сѣренькой бумажкѣ, слѣпо и некрасиво напечатанный...

Но еще поразительнѣе внутренняя сторона С. О. Подъ критикою онъ сталъ разумѣть библіографическіе отзывы о книжкахъ, или рецензіи, и потомъ французскія статьи о предметахъ искусства. Въ рецензіяхъ была выговорена правда нѣсколькимъ плохимъ книжонкамъ, но главныя усилія были направлены—вопервыхъ, противъ людей, которые, по слѣпотѣ своей, видѣли въ С. О. не журнальное свѣтило, а какое-то тусклое пятно, знаменующее затменіе на горизонтѣ нашей журналистики; вовторыхъ, противъ людей, которые, по закону давности, совершенно забыли «Московскій Телеграфъ» и смѣялись надъ повтореніемъ устарѣлыхъ понятій; въ третьихъ, противу людей, которые осмѣливались видѣть въ г. Лажечниковѣ даровитаго писателя, а не безграмотнаго писаку, а прекрасные романы его ставить выше романовъ г. Полеваго. Что̀ касается до критикъ, переводимыхъ въ С. О. съ французскаго,—то очень трудно опредѣлить ихъ сущность и цѣль. Или уже такова организація нашего духа, или въ самомъ дѣлѣ Французы въ этомъ виноваты, но только для насъ рѣшительно недоступна ясность французскихъ ста-

тей. Прочтя французскую статью со всевозможнымъ напряженнымъ вниманіемъ, мы всегда спрашиваемъ себя: да о чемъ же хлопочетъ сей господинъ, или—другими словами:

Да изъ чего жь бѣснуетесь вы столько?

По нашему мнѣнію, только та статья хороша, въ которой развита какая-нибудь мысль, и въ которой каждая мысль, являяся въ живомъ словѣ, теряетъ свою скелетную отвлеченность и переходитъ въ объективное представленіе. Прочтя такую статью, можно иногда не согласиться съ ея основаніями, но всегда можно сказать, какая развита въ ней мысль, какъ она развита (т. е. весь ея діалектическій ходъ), и потому ее можно всегда помнить. Кажется, что противъ этой мысли, столь же простой, сколько и истинной, никто спорить не станетъ. Теперь, приглашаемъ, не угодно ли кому-нибудь для пробы пересказать содержаніе хоть статьи Филарета Шаля «Нынѣшняя англійская словесность», помѣщенной въ 3 книжкѣ С. О. за нынѣшній годъ? Въ этой статьѣ говорится и о Шекспирѣ, и о Байронѣ, и о Вальтеръ-Скоттѣ, о Сутеѣ и Вордсвортѣ, но объ искусствѣ не говорится ни слова, а между тѣмъ очень много наговорено о машинахъ, цилиндрахъ, новѣйшей цивилизаціи, пароходахъ и о прочемъ, что̀ до искусства не касается. Прочтя статью, вы не обогащаетесь даже ни однимъ новымъ фактомъ о современной англійской литературѣ,—о мысли я уже и не говорю. А между тѣмъ это еще самая лучшая французская статья въ С. О., потому что между такъ называемыми критиками французскими, Филаретъ Шаль еще отличается противъ другихъ бо̀льшимъ количествомъ здраваго смысла. Въ прошломъ году, С. О. дебютировалъ двумя французскими статьями, очень дурно переведенными, о Викторѣ Гюго, кажется, Сенъ Бёва, и о Ламартинѣ, кажется, Низара. Боже мой, что это за произвольность въ понятіяхъ! Ничего не поймешь, ничего не разберешь!

Запѣли молодцы—кто въ лѣсъ, кто по дрова!
Дерутъ, а толку нѣтъ!

О томъ, чтó называется основаніями науки — нѣтъ и намека. Какъ же послѣ этого смѣть презирать Нѣмцевъ! Говорятъ, Нѣмцы темно пишутъ. Не правда: чтò выше насъ, то намъ темно; но станьте вашимъ развитіемъ въ уровень съ Нѣмцемъ—и вы увидите, что онъ пишетъ, ясно и понятно. А что и у Нѣмцевъ есть темные писаки, потому что у нихъ въ головѣ темно, — это можно доказать изъ «Сына же Отечества»: прочтите въ 1 № статью Амедея Вендта «О нынѣшнемъ состояніи живописи, ваянія, зодчества и музыки». У Нѣмцевъ критика основана на законахъ разума, всегда единаго и неизмѣняющагося, на началахъ науки, сообразно ея современному состоянію. Лессингъ, Шиллеръ, Шлегель, и теперешняя дружина молодыхъ гегелистовъ—Ганцъ, Рётшеръ, Бауманъ, Гото и другіе — чтò такое всѣ эти имена? — Это названіе періодовъ развитія науки изящнаго, это названіе главъ въ ея исторіи, потому что, повторяемъ, въ Германіи критика развилась исторически, и въ ея представителяхъ вы увидите вліяніе и Канта, и Шеллинга, и Гегеля. По этой причинѣ, если Лессингъ, Шиллеръ и Шлегели теперь не могутъ быть законодателями вкуса, то ихъ заслуга все-таки не забыта, и ихъ достоинство не унижено: Нѣмцы изучаютъ ихъ какъ историческія лица въ наукѣ изящнаго, чтобы чрезъ это изученіе видѣть ходъ и развитіе мысли о творчествѣ. Напротивъ того, какое значеніе могутъ имѣть Лагарпы и Жоффруа, кромѣ развѣ, какъ факты колобродства человѣческаго разсудка? За что подорожитъ потомство статейками Жюль-Жанета и статьями Густава Планша, Сенъ-Бёва, Низара, Филарета Шаля? Скажите, какое соотношеніе между этими людьми, имѣлъ ли кто изъ нихъ вліяніе на другаго, чье имя должно стоять впереди, чье послѣ!... Нѣтъ, они являлись всѣ случайно, мысли ихъ родились случайно, какъ личныя мнѣнія, ни на чемъ не основанныя, ни къ чему непривязанныя. Ихъ назначеніе—

не быть проводниками новыхъ идей объ искусствѣ, исторически развивающихся; ихъ ремесло — высказывать эфемерный вкусъ толпы, мнѣніе дня. Я въ восторгѣ отъ «Руслана и Людьмилы», а мой лакей безъ ума отъ «Еруслана Лазаревича»: мы оба правы, и если бы мой лакей умѣлъ написать статью, въ которой бы высказалъ свое личное мнѣніе о высокомъ достоинствѣ «Еруслана Лазаревича» и о пошлости поэмы Пушкина, это была бы превосходная критическая статья во французскомъ духѣ. Я такъ думаю, мнѣ такъ кажется—вотъ основаніе французской критики. Эта произвольность во мнѣніяхъ часто доходитъ до такихъ нелѣпостей, которыя могутъ являться только во французской литературѣ. Недавно одинъ французикъ, Арнуль Френи, вздумалъ написать шуточное письмо къ тѣни Дидерота, о томъ, что драма есть ложный родъ и не принадлежитъ къ искусству, но что Корнель, Расинъ, Мольеръ, Вольтеръ, Шекспиръ (какое дикое сближеніе именъ!..) великіе люди!!!... И что же? Редакторъ С. О. не только почелъ нужнымъ перевести оную статью для своего журнала, но и еще, въ выноскѣ къ ней, глубокомысленно замѣтилъ, что «дѣло стòитъ того, чтобъ надъ нимъ подумать». И потомъ, онъ же перевелъ превосходную статью Варнгагена о Пушкинѣ, для показанія пошлости, современной нѣмецкой критики, и чтобы лучше достичь своей цѣли, перевелъ ее ужаснымъ образомъ... Чтó обо всемъ этомъ сказать?...

Теперь вы имѣете понятіе какова критика С. О., т. е. къ какому вѣку, къ какому времени она относится, и до какой степени принадлежитъ она нашему времени?...

Теперь, мы должны сказать о собственныхъ критическихъ статьяхъ редактора С. О. Еще въ прошломъ году изумилъ онъ весь русскій читающій міръ своею статьею о «Курсѣ Словесности» И. И. Давыдова. Очень жалѣемъ, что не имѣемъ времени, ни мѣста, ни охоты, ни терпѣнія разобрать эту статью, дивную во статьяхъ. Въ ней нашъ критикъ рѣшительно убиваетъ книгу почтеннаго профессора, говоря, что

она есть не что иное, какъ «слова, слова, слова»; и вслѣдъ за тѣмъ, строитъ свою систему словесности, которая именно есть не что иное, какъ «слова, слова, слова». Въ нынѣшнемъ году, почтенный редакторъ С. О. размахнулся тремя статейками: «Критическія изслѣдованія касательно современной русской литературы» — «Мнѣніе о новомъ правописаніи г. Лажечникова, въ романѣ его: Басурманъ»—«Вредитъ ли критика современной русской словесности? (возраженіе на статью Н. В. Кукольника)». Общій характеръ всѣхъ этихъ статей состоитъ въ богатствѣ словъ, бѣдности мыслей и апатическомъ изложеніи. Курьёзнѣе всѣхъ статья «Вредитъ ли критика современной русской словесности». Вопервыхъ: вопросъ такъ не мудренъ и ясенъ, что толковать о немъ — значитъ разсуждать о томъ, что «науки суть полезны». Мы понимаемъ, что на подобный вопросъ можно отвѣтить нѣсколькими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: «Дарованіе, которое можно убить порицаніемъ, недостойно жить, и чѣмъ скорѣе умретъ, тѣмъ лучше для литературы, потому что черезъ это она избавляется отъ вреднаго пустоцвѣта»; но мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно сдѣлать цѣлую статью изъ рѣшенія подобнаго вопроса, и еще—какъ можно назвать такую статью критикою? Неужели критика есть пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее?.. Вовторыхъ: сколько диковинокъ и что за диковинки въ этой критикѣ... Истинное вавилонское столпотвореніе словъ безъ мыслей!...

Не угодно ли полюбоваться хоть одною диковинкою?

Какъ ни различны теперь мнѣнія русскихъ критиковъ, но примѣры убѣдятъ насъ, что въ послѣднее время каждое, чуть какую-либо надежду подававшее дарованіе было тотчасъ оцѣняемо и лелѣемо читателями и критикою. Подолинскій, Вельтманъ, Вронченко, гр. Р—на, Бенедиктовъ, Якубовичъ, Лермонтовъ, Ершовъ, Даль, Панаевъ (И. И.), Соколовскій, Губеръ, князь Одоевскій, Шевыревъ, Бороздна, Маркевичъ, Ободовскій, баронъ Розенъ, Каменскій, Владиславлевъ, Лажечниковъ, Теплова, вы сами, милый Н. В., даже прасолъ Кольцовъ, всѣ вы, принадлежащіе къ эпохѣ послѣ-пушкинской, всѣ, болѣе или менѣе, но

отличенные дарованіемъ безспорнымъ, не были-ль всѣ отличены критикою новѣйшею? не заслужили-ль себѣ большей, или меньшей почетности и извѣстности? Что-же намъ еще прикажете дѣлать? — хвалить сряду всѣхъ поэтовъ: г-дъ Теплякова, Ѳедосѣева, Менцова, Лаголова, Чистякова, Тимоѳеева, Бернета, Мызникова, Рудыковскаго, Чижова, Бахтурина, Лукашевича и пр. пр., чьи имена мелькаютъ въ журналахъ? Всѣ они, можетъ-быть, умные, ученые, добрые, любезные люди, но—поэты плохіе! Довольно, что ихъ печатаютъ, а притомъ и похваливаютъ...

Каково?—Имена кн. Одоевскаго, Лажечникова, Вельтмана, Врончепко,—не только на ряду съ именами молодыхъ людей, еще только выступающихъ на поприще, хотя и подающихъ большія надежды, но на ряду съ именами; г-дъ Соколовскаго, Якубовича, Бороздны, барона Розена, Каменскаго!... Хорошо, очень хорошо!... мы не говоримъ уже о томъ, что г. Тепляковъ несравненно выше всѣхъ этихъ господъ,—какъ попалъ съ Ѳедосѣевыми и Тимоѳеевыми г. Бернетъ, молодой человѣкъ съ несомнѣнными поэтическими дарованіями?... Посмотримъ что̀ дальше:

Да неужели и васъ всѣхъ, выше-упомянутыхъ, пожаловать прямо въ геніи? а совѣсть гдѣ? (да, это вопросъ!...) А гдѣ ваше оправданіе трудами? — И васъ, которыхъ мы отличаемъ отъ другихъ, неужели хвалить безусловно? никогда! Если Подолинскій не оправдаетъ мыслью своихъ прелестныхъ звуковъ, если Каменскому (!...) совѣтуютъ думать объ языкѣ при мысли, если князю Одоевскому говорятъ, что бальзаковская, практическая повѣсть не его родъ, если Губеру указываютъ на невѣрность его „Фауста", если Лажечникову совѣтуютъ не вводить реформы въ языкъ безъ достаточныхъ причинъ, если Соколовскому говорятъ, что его духовная поэзія, просто, ошибка, если Далю сказываютъ, что онъ слишкомъ хитритъ въ своемъ руссизмѣ, если Бенедиктова умоляютъ (?) пощадить свой звучный стихъ отъ изысканности — развѣ все это нападки, заговоръ противъ талантовъ?

Конецъ концовъ — это изъ рукъ вонъ! У г. Каменскаго есть мысль (!..), да языкъ дуренъ, а у г. Подолинскаго звученъ стихъ, да мысли нѣтъ!...

Что вы, о дальніе потомки!...
Помыслите о нашихъ дняхъ...

И кто все это пишетъ теперь!... О слава міра сего, какъ ты не надежна! Великую правду сказалъ Наполеонъ, что отъ высокаго до смѣшнаго только шагъ. Но чтобы выставить во всемъ блескѣ добросовѣстность, безпристрастіе, благородный тонъ, хладнокровіе, умѣренность, уваженіе къ приличію, къ чужой личности, соединенныя съ остроуміемъ и энергіею выраженія, г. редактора С. О., выписываемъ его привѣтствіе «Московскому Наблюдателю» — предметъ, очень близкій къ нашему сердцу.

Мы получили наконецъ изъ Москвы первую книжку Московскаго Наблюдателя. Слухи не обманули насъ. „Наблюдатель" выходитъ съ новаго года ежемѣсячно, толстыми книжками.. Кто редакторъ его — не знаемъ. Изданіе принялъ типографщикъ Н. С. Степановъ, который по словамъ Наблюдателя, владѣетъ всѣми матеріальными средствами къ внутреннему и внѣшнему улучшенію журнала."—И къ внутреннему? Поздравляемъ добрую Москву съ русскимъ Франклиномъ и Ричардсономъ, которые также были типографщики. Признаться, мы что-то худо понимаемъ, что это такое: матеріальныя средства къ внутреннему улучшенію? Вѣроятно, интеллектуальный конкретизмъ, которымъ г. Степановъ выведетъ индивидуальное Я Наблюдателя въ реальное Я не Я, изъ безусловнаго абсолютизма, въ какомъ находился онъ въ прошедшемъ году. Даруй, Гегель, успѣха! Читатели, живущіе призрачною жизнью прекраснодушія извинятъ насъ за непонятный языкъ. Что дѣлать? Съ волками надобно выть, по старой пословицѣ. Оставя шутки, скажемъ, что въ прошедшемъ году „Наблюдатель" представлялъ какое-то странное явленіе. Онъ явился какимъ-то вздорливымъ юношею, а что всего хуже пустился въ философію, и при концѣ года могъ сказать: О философія! ты срѣзала меня! Говорила нѣкогда г-жа Простакова о своемъ супругѣ, что на него иногда „находитъ, батюшка, такъ сказать, столбнякъ—выпуча глаза стоитъ, какъ вкопанный, а какъ столбнякъ попройдетъ, то занесетъ такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка". Почти тоже случилось съ Наблюдателемъ: занесъ дичь, забросался во всѣ стороны, заговорилъ такимъ языкомъ, что не знали мы: смѣяться? жалѣть ли?...

Неправда ли, что очень любезно—и тонъ такой благород-

ный?... Но не ожидайте отъ меня раздѣлки, какой бы можно было ожидать, по пословицѣ: «какъ аукнется, такъ и откликнется». Вопервыхъ, Боже сохрани такъ откликаться, а вовторыхъ, я, молодой литераторъ, не хочу упустить случая, не хочу отказать себѣ въ удовольствіи — дать старому, почетному и знаменитому литератору урокъ въ вѣжливости и хорошемъ тонѣ... И такъ, начинаю... но—что́ же буду я говорить г. Полевому? неужели читать ему азбучныя правила о первыхъ началахъ общежитія?—Помилуйте, вѣдь онъ уже не дитя, не ребенокъ—напротивъ, онъ человѣкъ пожилой, что́ замѣтно уже и по одному образу его мыслей, не говоря уже объ образѣ выраженія... Нѣтъ, вмѣсто урока, я лучше постараюсь защититься отъ его несправедливыхъ и пристрастныхъ нападокъ, защититься вѣжливо, кротко, но и не слабо, не безсильно...

Что́ смѣшнаго въ томъ, что въ программѣ сказано о Н. С. Степановѣ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ матеріальныя средства къ внѣшнему и внутреннему улучшенію журнала? Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ Франклиномъ или Ричардсономъ: развѣ А. Ф. Смирдинъ не способствовалъ внутреннему достоинству «Библіотеки для Чтенія» хотя въ изданіи и не принималъ никакого участія, кромѣ издержекъ? Конечно, одинъ онъ, съ своими матеріальными средствами, не много бы сдѣлалъ: доказательствомъ—«Сынъ Отечества»...

Во всемъ остальномъ защищаться нечего: смыслъ и тонъ нападокъ г. Полеваго—лучшая защита для «Наблюдателя»—и потому мы продолжаемъ, какъ начали, разсматривать «Сынъ Отечества».

Важнѣйшее отдѣленіе всякаго журнала—критика и библіографія; онѣ, можно сказать, душа, жизнь его, потому что въ нихъ рѣзче всего высказывается его направленіе, сила и достоинство. Каковы эти отдѣленія въ С. О.,—вы видѣли. Къ довершенію нашего очерка, прибавляемъ еще двѣ-три черты. Редакторъ С. О. видитъ въ Менцелѣ великаго кри-

тика, и съ великимъ ликованіемъ объявилъ, что Менцель разругалъ новый романъ г. Лажечникова и расхвалилъ г. Булгарина. Эка важность! Менцель ругалъ самого Гёте, и вообще онъ такой критикъ, ругательствомъ котораго можно гордиться. Потомъ, редакторъ С. Отечества откровенно признался, что онъ не понимаетъ «Каменнаго Гостя» Пушкина, но что восхищается гладкостію стиха.... Удивителенъ ли послѣ этого приговоръ статьѣ Варнгагена?... Увы! О bon vieux temp!...

Отдѣленіе стихотвореній С. О. всегда соперничало съ тѣмъ же отдѣленіемъ въ Б. для Ч., и потому въ немъ много очень прекрасныхъ стихотвореній, особенно тѣмъ примѣчательныхъ, что ихъ можно читать и сверху внизъ, и снизу вверхъ... Въ этомъ отношеніи особенно хороши стихотворенія г. Сушкова... Впрочемъ, случайно, прошлаго года, попало въ С. О. нѣсколько превосходныхъ стихотвореній Кольцова. Не знаемъ какъ, но только между именами г-дъ Стромилова, Некрасова, Сушкова, Гогніева, Бапникова, Нахтигаля и многихъ иныхъ, попадалось иногда и имя г. Струговщикова, подписанное подъ прекрасными переводами изъ Гёте. Да былъ еще напечатанъ въ С. О. первый актъ изъ «Ромео и Юліи», перев. г. Каткова. Этотъ первый актъ былъ отосланъ г. Полевому еще прежде, нежели вышла первая книжка С. О. прошлаго года, но въ помѣщеніи перевода было отказано—по причинѣ его крайняго несовершенства. Но, господа, въ годъ много воды утечетъ, а человѣческому совершенству нѣтъ предѣловъ: переводъ, ровно черезъ годъ, былъ помѣщенъ, безъ позволенія переводчика, который совсѣмъ не желаетъ быть въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ съ С. О., и къ крайнему его сожалѣнію, потому что, недовольный своимъ переводомъ, онъ совершенно вновь перевелъ весь первый актъ.

Въ трехъ книжкахъ С. О., за нынѣшній годъ, изъ стихотвореній заслуживаютъ вниманіе только три «Римскія Элегіи» изъ Гёте, переведенныя г. Струговщиковымъ. Остальное не стóитъ упоминовенія.

Прозаическая часть словесности въ С. О. очень хороша. Если «Иголкинъ» самого редактора и «Свидѣтель» Одоевскаго—вялы и скучны, каждый по своему, за то вознаградитъ васъ вполнѣ прекрасная, полная души и мысли, повѣсть г. Вельтмана «Радой». Съ наслажденіемъ также прочтете и прекрасную повѣсть г-жи Жуковой «Самоотверженіе». Переводныя повѣсти всѣ хороши по выбору и хорошо переведены.

Изъ статей ученаго содержанія примѣчательны статьи г-дъ Врангеля, О. Іакинѳа, В. Давыдова, Корсакова. Чрезвычайно интересны «Записки герцога Де-Лиріа-Бервика, бывшаго испанскимъ посломъ при россійскомъ дворѣ».

Отдѣленіе современной исторіи интересно по содержанію, а не по изложенію. Вообще, все касающееся собственно до Россіи, гораздо лучше, подробнѣе и занимательнѣе излагается въ «Отечественныхъ Запискахъ», нежели въ С. О.

Желая быть безпристрастными не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, мы не скрыли отъ нашихъ читателей, что въ С. О. есть много прекрасныхъ статей. Но что́ въ этомъ? — Журналъ, будучи сборникомъ хорошихъ статей, долженъ быть еще и журналомъ — т. е. имѣть свое направленіе, свой характеръ, словомъ, быть выразителемъ своей мысли. Въ этомъ отношеніи, «Библіотека для Чтенія»—лучшій примѣръ: всѣ ея статьи, не только въ одномъ духѣ, но даже и пишутся однимъ языкомъ, однимъ слогомъ, потому что сглаживаются одною рукою. Это обстоятельство можетъ быть непріятно для тѣхъ писателей, которые принуждены были, силою обстоятельствъ, покориться такому усовершенствованію, но для журнала это большая выгода, давая единство его духу. Нельзя сказать, что бы С. О. не стремился, съ своей стороны, къ этому единству; но, какъ бы сбившись съ пути, онъ безпрестанно противорѣчитъ самъ себѣ: начинаетъ статьи—и не оканчиваетъ; даетъ обѣщанія поговорить о томъ и о семъ—и не выполняетъ; то хочетъ унизить Гоголя (по причинамъ

очень важнымъ и очень извинительнымъ), то приторно его похваливаетъ; то какъ будто дѣлаетъ настоящую оцѣнку Марлинскому, то, вспомнивъ его обязательную статейку о «Клятвѣ при гробѣ Господнемъ», снова приходитъ отъ него въ обязательный восторгъ. Мы думаемъ, что драмы и водевили много мѣшаютъ самоцвѣтности С. О., отнимая у него время заняться самимъ собою. Впрочемъ, С. О. выражаетъ свою идею: онъ отстаиваетъ старое противъ новаго, начиная отъ геніальности Расина до русской ороографіи...

Остановимся на этомъ предметѣ, грустномъ и вмѣстѣ поучительномъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не странное ли зрѣлище представляетъ собою человѣкъ, который, съ силою, энергіею, одушевленіемъ, вооруженный смѣлостію и дарованіемъ, явился на литературномъ поприщѣ рьянымъ поборникомъ новаго и могучимъ противникомъ стараго; а сходитъ съ поприща, на которомъ подвизался съ такимъ блескомъ, съ такою славою и такимъ успѣхомъ, сходитъ съ него—противникомъ всего новаго и защитникомъ всего стараго?... Не господинъ ли Полевой первый убилъ на Руси авторитетъ Корнелей и Расиновъ,—и не онъ ли теперь благоговѣетъ предъ ихъ мишурнымъ величіемъ?... Чего добраго, можетъ быть, мы еще дождемся умилительныхъ статей, гдѣ будетъ доказываться величіе Тредьяковскаго, Сумарокова, Хераскова?... Не господинъ ли Полевой первый привѣтствовалъ Пушкина первымъ и великимъ русскимъ поэтомъ,—и не онъ ли теперь, одинъ изъ всѣхъ журналистовъ, не понимаетъ одного изъ самыхъ колоссальныхъ его произведеній—«Каменнаго Гостя»?... Не господинъ ли Полевой первый былъ у насъ гонителемъ литературнаго безвкусія, вычурности, натянутости,—и не онъ ли теперь въ восторгѣ не только отъ Марлинскаго, но даже и отъ г. Каменскаго?... Мы не ставимъ г. Полевому въ вину того, что онъ не понялъ Гоголя и восходъ новаго великаго свѣтила привѣтствовалъ неприличною бранью: г. Полевой и не

могъ понять Гоголя, потому что̀, когда явился Гоголь, г. Полевой былъ уже въ своей апогеѣ, и у него на все были уже составлены свои опредѣленія...

Всякое явленіе имѣетъ свою причину, и все, что̀ мы сказали о г. Полевомъ, совершилось очень естественно. Главнѣйшая его услуга, и услуга великая, состояла въ уничтоженіи ложныхъ авторитетовъ. Онъ явился на журнальное поприще еще въ то время, когда «мадригалъ Лилетѣ» давалъ право на поэтическое безсмертіе; когда литературное чинопочитаніе было во всей своей силѣ; когда столько дикихъ предразсудковъ царствовало въ понятіяхъ о поэзіи. И вотъ онъ сталъ дѣйствовать съ энергіею, пыломъ и смѣлостію, открыто пошелъ противъ всего, что̀ казалось ему устарѣвшимъ, отсталымъ, и уничтожалъ его во имя новаго. Что̀ такое это новое, онъ не сказалъ этого публикѣ, потому что и для самаго него оно осталось навсегда тайною... Между тѣмъ, гоненіе на старое часто доходило до ослѣпленія; нехорошо не потому, что не хорошо, а потому, что старое... Но все это было нужно, и все принесло великую пользу. Уничтоживши совершенно достоинство и заслуги Карамзина, мы—молодое поколѣніе—снова признали ихъ, но уже признали свободно, а не по преданію, не съ чужаго голоса, или не попривычкѣ съ дѣтства думать одно и тоже. Успѣхъ г. Полеваго былъ неимовѣрный, потому что его усилія требовались духомъ времени. Этому успѣху всего болѣе былъ обязанъ онъ смѣтливости. Revue Encyclopédique служила для него и сокровищницею новыхъ идей и нерѣдко снабжала его статьями, которыя ему сто̀ило только передѣлывать и придѣлывать—къ чему было ему нужно. Не прилѣпившись ни къ какой сферѣ знанія или дѣятельности, онъ брался за все и во всемъ хотѣлъ быть нововводителемъ. Познакомившись съ Нѣмцами чрезъ Французовъ, онъ невѣрно понялъ ихъ. Познакомившись съ Шеллингомъ черезъ французскія статьи, онъ говорилъ о тождествѣ и о томъ, что $a=a$... Все это нужно было для того времени, и всего этого теперь уже не нужно...

Мы извиняемъ теперешнюю ревность г. Полеваго къ прошедшему. У всякаго съ своимъ прошедшимъ связано такъ много прекрасныхъ воспоминаній, и потому каждому кажется великимъ и истиннымъ только то, что̀ явилось въ его время, когда въ немъ интересы были живы, когда онъ исполненъ былъ надеждъ и силы. Напротивъ того, настоящее для пожилыхъ людей часто бываетъ такъ грустно: дико смотрятъ они на все новое, которое чуждо ихъ, уже застывшихъ въ извѣстныхъ формахъ, и которому чужды они, уже неспособные ни къ какому движенію. Когда вышелъ г. Полевой на поприще, тогда гремѣли и сіяли имена Гюго, Ламартина, де-Виньи, Бальзака—удивительно ли, что и теперь онъ почитаетъ ихъ великими геніями?—Читая и перечитывая французскіе журналы, онъ безпрестанно встрѣчалъ въ нихъ имя Шеллинга, какъ величайшаго философа современнаго человѣчества—удивительно ли, что Шеллингъ и теперь остается для него первымъ философомъ, а его философія геркулесовскими столпами абсолютнаго мышленія? Эта исторія всегда повторялась: кантисты не хотѣли видѣть ничего великаго въ Фихте, фихтеисты съ ироническою улыбкою смотрѣли на Шеллинга, а шеллингисты въ Гегелѣ видятъ пустой призракъ. Вотъ отчего въ глазахъ г. Полеваго, Лессингъ и Шлегель мѣшаютъ Варнгагену быть глубокимъ критикомъ, а Шеллингъ Гегелю—великимъ и первымъ философомъ современнаго человѣчества. Вотъ почему современная нѣмецкая литература, столько богатая и великая, такъ роскошно оплодотворенная духомъ великаго Гегеля,—кажется ему пустоцвѣтною и ничтожною. Это кругъ, начавшійся нападками на «Вѣстникъ Европы» и кончившійся редакторствомъ «Сына Отечества».

Теперь, чего вы хотите отъ С. О.? Всѣ недостатки его происходятъ отъ глубокой причины: онъ не понимаетъ современности и потому не можетъ угождать и нравиться ей. А такъ какъ, сверхъ того, онъ развлеченъ, составленіемъ драмъ, оперъ, комедій и водевилей, то и не имѣетъ достаточнаго времени для улучшенія самого себя...

Отъ С. О. обратимся къ предмету болѣе интересному и пріятному—къ «Отечественнымъ Запискамъ».

Объ О. З. мы не будемъ много говорить, потому что это журналъ новый, еще не успѣвшій вполнѣ себя выказать и высказать, хотя и подавшій о себѣ блестящія надежды въ будущемъ. Сказать правду, мы не совсѣмъ довольны его критическимъ направленіемъ, потому что цвѣтъ этого направленія не достаточно ярокъ и опредѣленъ. Впрочемъ, появленіе въ 5 № О. З. статьи Варнгагена о Пушкинѣ, превосходно переведенной г. Катковымъ, заставляетъ насъ надѣяться, что въ О. З. будетъ критика дѣльная и современная.

Объ этой статьѣ мы еще поговоримъ.

Говоря о критикѣ О. З., должно упомянуть съ уваженіемъ о разборѣ «Фауста», переведеннаго г. Губеромъ. Въ этой статьѣ высказано много интересныхъ подробностей объ историческомъ народномъ Фаустѣ, преданіе о которомъ послужило формою столькимъ произведеніямъ и наконецъ самому «Фаусту» Гете. Въ сужденіи объ этомъ великомъ произведеніи также высказано много дѣльнаго. Но намъ не нравится пристрастный отзывъ критика о переводѣ, отзывъ столь несообразный съ уваженіемъ критика къ геніальному произведенію Гете; потомъ, мы не согласны въ нѣкоторыхъ мысляхъ. Критикъ говоритъ, что Грехтенъ Гете выше Джюльетты Шекспира: странная и произвольная мысль! До сихъ поръ еще не придумано инструмента для измѣренія относительнаго достоинства созданій великихъ поэтовъ, и потому условились почитать ихъ совершенно равными одно другому, какъ формы совершенно равныя своимъ содержаніемъ. Впрочемъ, изъ этого слѣдуетъ, что содержаніе, поколику обнимаетъ оно сферу бытія, можетъ служить этою мѣркою. Но измѣрилъ ли критикъ содержаніе Джюльетты? Не есть ли она полная женщина, выраженіе женственной природы и женственнаго духа попреимуществу? Что же касается до воплощенной этой идеи въ живую роскошную, въ высшей степени художественную форму,—объ этомъ

страшно и говорить, когда дѣло идетъ о такомъ художникѣ, какъ Шекспиръ... Потомъ, критикъ говоритъ, что сумасшедшая Маргарита несравненно естественнѣе сумасшедшей Офеліи. По нашему мнѣнію, думать такъ, значитъ не понимать ни Маргариты, ни Офеліи. Сумасшествіе есть отвлеченная идея, которая конкретируется только въ явленіи. Сумасшедшимъ можетъ быть всякій человѣкъ: вотъ отвлеченное понятіе; но каждый можетъ быть сумасшедшимъ только по своему, и ни одинъ сумасшедшій на другаго походить не можетъ: вотъ понятіе конкретное. Не говоря о разницѣ характеровъ, одна разница обстоятельствъ, бывшихъ причиною сумасшествія, дѣлаетъ изъ Маргариты и Офеліи два совершенно различныя лица, которыя не могутъ не повѣряться, ни мѣряться одно другимъ. Точно также, какъ всякій человѣкъ представляетъ собою отдѣльный и особый міръ, на всѣ другіе не похожій, никакимъ другимъ не замѣнимый,—такъ и всякое художественное лице. Въ этомъ то и состоитъ конкретность явленій дѣйствительности и искусства. Еслибы не Гамлетъ, а другое лицо было причиною сумасшествія Офеліи, то и сумасшествіе ея необходимо носило бы на себѣ другой характеръ; точно также, какъ еслибы Гамлетъ обставленъ былъ другими лицами, то и его болѣзненная нерѣшительность, колебанія его воли, жалобы на самого себя—все это, будучи тѣмъ же самымъ, было бы въ тоже время и совершенно другимъ. Конкретность даетъ себя видѣть не въ идеѣ, а въ формѣ, и въ этой же формѣ, даетъ себя видѣть и индивидуальность и личность субъекта, которая уже по одному тому, что она личность не можетъ ни быть замѣнена ни какою другою личностію, ни быть мѣркою другой личности. Какъ въ природѣ нѣтъ двухъ лицъ, совершенно сходныхъ другъ съ другомъ, такъ и въ сферѣ искусства не можетъ быть двухъ лицъ, изъ которыхъ одно дѣлало бы не нужнымъ другое, тѣмъ, что было бы лучше этого другаго. Впрочемъ, можетъ-быть, критикъ подъ словомъ «несравненно естественнѣе» разумѣлъ художественное выполненіе — въ

такомъ случаѣ, мы, не обинуясь, скажемъ ему, что съ этой стороны, ему не доступны ни Офелія, ни Маргарита...

Не можемъ мы также согласиться и въ мысли о самомъ Фаустѣ, какъ о человѣкѣ «съ душою сильною, съ дерзновенными замыслами и необузданными порывами, но съ уничтоженною вѣрою во все прекрасное». Такъ—Фаустъ утратилъ вѣру, но не въ прекрасное (это выраженіе становится уже приторнымъ), а въ дѣйствительность бытія, какъ тождество истины съ явленіемъ; такъ — Фаусту все представлялось мечтою и призракомъ,—но отчего и почему—вотъ вопросъ и вотъ въ чемъ сущность дѣла. Сколько мы понимаемъ, это произошло съ нимъ оттого, что, какъ человѣкъ глубокій и всеобъемлющій, онъ необходимо долженъ былъ выйдти изъ естественной гармоніи духа и поссориться съ дѣйствительностію; но для того, чтобы, принявши въ себя всѣ элементы жизни, перешли чрезъ всѣ ея противорѣчія и отрицанія, черезъ долгое и кровавое испытаніе, путемъ разумнаго опыта и разумнаго знанія, примирить ихъ въ своемъ разумномъ созерцаніи и — черезъ то — снова пріобрѣсти утраченную гармонію души, не уже не естественную, а сознательную, и снова обрѣсти себя въ живомъ и конкретномъ единствѣ съ дѣйствительностію, хотя бы то было только для того, чтобы сказать: «въ предчувствіи такого блаженства я наслаждаюсь теперь прекрасною минутою!» — и умереть... Да не подумають, что мы претендуемъ объяснить основную мысль такого великаго созданія, какъ «Фаустъ» Гёте: нѣтъ, мы только претендуемъ на то, что наше предположеніе (а не утвержденіе) ближе къ истинѣ, нежели мысль критика О. З... Какъ много есть людей, которые лишены вѣры въ истину, по своей ничтожности и пустотѣ, а между тѣмъ кто почтетъ такого человѣка достойнымъ героемъ подобной поэмы? Распаденіе Фауста должно имѣть глубокій смыслъ какъ необходимость; а не какъ случайность...

Въ статьѣ объ «Иліадѣ» разсуждается больше о томъ—

Гомеръ или народъ создалъ это вѣковое произведенie искусства. Вопросъ этотъ начинаетъ становиться смѣшонъ, а между тѣмъ ему придаютъ такую важность. Народъ можетъ создать преогромную книгу пѣсенъ, представляющихъ собою цѣлое и единое по духу и характеру; но никогда народъ не создаетъ изъ лоскутковъ и отрывковъ поэмы, представляющей собою цѣлое и стройное по содержанiю и формѣ. Это просто на просто—нелѣпость нелѣпостей. Нѣкоторые искусники поговаривали о возможности изъ народныхъ малороссiйскихъ думъ о Богданѣ Хмельницкомъ составить поэму, столько же цѣлую и стройную, какъ и «Илiада»: попробуйте, господа, а пока не подтвердите на дѣлѣ вашей мысли, мы вамъ не повѣримъ. Народъ живетъ въ своихъ представителяхъ, которые относятся къ нему, какъ голова къ туловищу. Такую-то голову имѣли Эллины въ Гомерѣ. Говорятъ, что трудно повѣрить, чтобы одинъ человѣкъ могъ сдѣлать такое великое дѣло. Напротивъ, труднѣе повѣрить, чтобы много людей могли сдѣлать одно такое великое дѣло. Всякая разумная сила является отнюдь не въ субстанцiи, а въ личномъ, индивидуальномъ, субъективномъ опредѣленiи. И потому, слово «народъ» часто бываетъ самымъ безсмысленнымъ словомъ, какъ безличная отвлеченность. Развѣ не великое дѣло—преобразовать Россiю?—А что жь—развѣ самъ народъ это сдѣлалъ, а не одинъ человѣкъ, олицетворившiй въ себѣ всѣ силы, все субстанцiальное могущество этого народа? — Въ дѣлѣ творчества, единичность творящей силы еще необходимѣе.

Не можемъ мы также согласиться и въ томъ, чтобы гекзаметры Жуковскаго, въ переводѣ имъ отрывковъ изъ «Илiады» съ латинскаго, были лучше переводовъ Гнѣдича. Даже приведенныя въ статьѣ О. З. примѣры рѣшительно увѣряютъ совершенно въ противномъ. И почему бы этому и не быть такъ! Жуковскiй имѣетъ слишкомъ много другихъ правъ на превосходство передъ тѣмъ и другимъ; но постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ Грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу.

Впрочемъ, въ О. З. примѣчательна ученая историческая критика, о которой не распространяемся.

Обратимся къ статьѣ Варнгагена. Она была уже переведена въ С. О., но такъ переведена, что еслибы самъ Варнгагенъ зналъ по-русски такъ же хорошо, какъ по-нѣмецки, то ни коимъ образомъ не узналъ бы своей статьи. Редакторъ С. О., вѣроятно, по этому переводу и сдѣлалъ свое странное заключеніе объ этой статьѣ, и потому нисколько не удивительно, что его заключеніе вышло очень странно. Статья Варнгагена явилась въ О. З. какъ прибавленіе къ 5 № этого журнала, и въ письмѣ переводчика къ редактору О. З. объясняется причина вторичнаго перевода статьи слѣдующимъ образомъ: «Я твердо увѣренъ, что искренне, положа руку на сердце, вы не скажете, что публика сколько нибудь знакома съ этою статьею; и если хоть на минуту задумаетесь, исполнить мою просьбу, то развѣ потому, что какой-то жалкій, невѣрный переводъ самовольно назвалъ себя статью Варнгагена о Пушкинѣ и пустился уже вмѣстѣ съ журналомъ, принявшимъ его въ свои объятія, бродить по міру и вводить въ заблужденіе честныхъ людей»...

Кромѣ уже изчисленныхъ нами критическихъ статей слѣдуетъ указать на очерки иностранныхъ литературъ, изъ которыхъ особенно примѣчательны—французской въ 1 и 5 №№. Конечно, во всѣхъ этихъ статьяхъ пробивается усиліе къ характерному и дѣльному направленію, но все это еще неопредѣленно, не рѣзко. Среди самыхъ дѣльныхъ мыслей часто встрѣчаются противорѣчія, замѣтно какъ бы бореніе двухъ противоположныхъ ученій...

Въ библіографической хроникѣ О. З. тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Достоинства: часто безпристрастные, дѣльные, хорошо написанные отзывы о сочиненіяхъ; недостатки: иногда духъ парціяльности, иногда устарѣлость мнѣній и самаго изложенія ихъ. Послѣднее случается рѣже и объясняется участіемъ не одного, а многихъ лицъ въ библіографической

хроникѣ. Первое же заслуживаетъ особенный упрекъ. Зачѣмъ, напримѣръ, такъ часто употреблять имена гг. Орлова (А. А.) и Булгарина (Ѳ. В.) нераздѣльно?—Это вопервыхъ, должно непремѣнно обнаруживать, что О. З. придаютъ этимъ двумъ, конечно, примѣчательнымъ лицамъ въ нашей литературѣ, слишкомъ большую важность; а вовторыхъ, это можетъ ихъ взаимно возгордить одного на счетъ другаго, въ ущербъ успѣхамъ нашей литературы. Въ 4 № О. З. насъ поразилъ ужасомъ отзывъ о «Борисѣ Ульинѣ», этомъ жалкомъ произведеніи, обличающемъ въ авторѣ его образцовую бездарность. И какъ будто, издѣваясь надъ памятью Пушкина, О. З. хотятъ насъ увѣрить, что авторъ онаго «Бориса Ульина» былъ соблазненъ легкими стихами Пушкина, не догадываясь, что легкіе стихи Пушкина въ то же время и очень тяжелы, такъ что надо имѣть богатырскую силу, чтобы владѣть ими, какъ собственнымъ оружіемъ. Но впрочемъ, можетъ быть, мы понапрасну горячимся: можетъ-быть, отзывъ О. З.—тонкая насмѣшка, для удостовѣренія въ чемъ достаточно обратить вниманіе на стихи, которые выписаны въ рецензіи О. З., какъ отличнѣйшіе, тогда какъ въ нихъ смыслу нѣтъ. Вотъ они —

Трехгранный штыкъ! младыхъ героевъ
Не ты ли лестная мечта,
И не тобой ли занята,
Ихъ дума скачетъ среди боевъ?
Когда Суворовъ мелъ тобой,
Какъ пыль, Французовъ, предъ собой,
Потѣшенъ, любъ былъ Руси ратной
Разсказъ игры твоей булатной.

Хороша легкость! Суворовъ штыкомъ мелъ Французовъ передъ собою, какъ пыль. Потѣшенъ, любъ для ратной Россіи разсказъ булатной игры штыка... Нѣтъ, рецензія О. З. не похвала, а тонкая насмѣшка.

Особенное вниманіе заслуживаетъ въ О. З. отдѣленіе по-

священное собственно на ознакомленіе Русскихъ съ своимъ отечествомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. И по содержанію и по изложенію превосходны всѣ статьи подъ рубрикою «Современная хроника Россіи». Къ этому же отдѣленію мы относимъ и любопытныя статьи г. Каменскаго «Мастерскія русскихъ художниковъ»: онѣ писаны просто, благородно и знакомятъ насъ съ нашими сокровищами искусствъ.

Объ ученыхъ статьяхъ должно замѣтить, что онѣ по большей части слишкомъ исключительнаго содержанія и притомъ чудовищно огромны. Гораздо больше нашли бы себѣ читателей статьи по части исторіи и естествознанія, нежели по части физики и математики.

Отдѣленіе «смѣси» разнообразно и интересно. О. З. имѣютъ, въ этомъ отношеніи, тотъ перевѣсъ передъ Б. для Ч., что въ ихъ смѣси много оригинальныхъ статей.

Теперь обращаемся къ самому лучшему, богатѣйшему и блистательнѣйшему отдѣленію О. З.—къ отдѣленію «словесности», въ которомъ, по средствамъ О. З. и по отношенію ихъ къ нашимъ литературнымъ знаменитостямъ, съ ними ни одинъ изъ русскихъ журналовъ не можетъ соперничествовать. Пробѣжимъ сперва по блистательному списку оригинальныхъ повѣстей въ 5 № О. З.

«Княжна Зизи» кн. Одоевскаго, читается съ наслажденіемъ, хотя и не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ его пера. Даже можно сказать, что эта повѣсть и не выдержана: вопервыхъ, странно, что такая глубокая женщина, какъ княжна Зизи, могла полюбить такого пошлаго и гадкаго человѣка, какъ Городковъ; не менѣе того невѣроятно, чтобы Городковъ, который въ большей половинѣ повѣсти является человѣкомъ свѣтски-образованнымъ, въ концѣ повѣсти могъ явиться провинціяльнымъ подъячимъ самаго подъяческаго тону. — Отрывокъ изъ романа «Вадимовъ» Марлинскаго— фразы, надутыя до безсмыслицы. «Исторія двухъ калошъ», повѣсть графа Салогуба—лучшая повѣсть въ О. З. и рѣдкое

явленіе въ современной русской литературѣ. Прекрасная мысль свѣтится въ одушевленномъ и мастерскомъ разсказѣ, котораго душа заключается въ глубокомъ чувствѣ человѣчественности. Мы не говоримъ о простотѣ, безъискусственности, отсутствіи всякихъ претензій: все это необходимое условіе всякаго прекраснаго произведенія, а повѣсть гр. Салогуба — прекрасный, благоухающій ароматомъ мысли и чувства, литературный цвѣтокъ. Во 2 № помѣщенъ «Павильонъ» г-жи Дуровой, о которомъ мы уже высказали наше мнѣніе. Въ 3 № помѣщена «Бэла» разсказъ г. Лермонтова, молодаго поэта съ необыкновеннымъ талантомъ. Здѣсь въ первый еще разъ является г. Лермонтовъ съ прозаическимъ опытомъ— и этотъ опытъ достоинъ его высокаго поэтическаго дарованія. Простота и безъискусственность этого разсказа—невыразимы, и каждое слово въ немъ такъ на своемъ мѣстѣ, такъ богато значеніемъ. Вотъ такіе разсказы о Кавказѣ, о дикихъ горцахъ и отношеніяхъ къ нимъ нашихъ войскъ, мы готовы читать, потому что такіе разсказы знакомятъ съ предметомъ, а не клевещутъ на него. Чтеніе прекрасной повѣсти г. Лермонтова многимъ можетъ быть полезно еще и какъ противоядіе чтенію повѣстей Марлинскаго.

Въ 4 № «Дочь чиновнаго человѣка» повѣсть г. Панаева (И. И.). Это одна изъ русскихъ повѣстей нашего талантливаго повѣствователя. Какъ и всѣ его повѣсти, она согрѣта живымъ, пламеннымъ чувствомъ, и, сверхъ того, представляетъ собою мастерскую картину петербургскаго чиновничества, не только съ его внѣшней, но и внутренней, домашней стороны. Содержаніе повѣсти просто, и тѣмъ пріятнѣе, что при этомъ оно богато потрясающими драматическими положеніями. Однимъ словомъ, повѣсть г. Панаева принадлежитъ къ самымъ примѣчательнымъ явленіямъ литературы нынѣшняго года. Не чужда она и недостатковъ, но они не важны, хотя повѣсть и много бы выиграла, еслибы авторъ далъ себѣ трудъ изгладить ихъ. Но главный недостатокъ состоитъ въ отдѣлкѣ характера ге-

роя повѣсти: авторъ какъ будто хотѣлъ представить идеалъ великаго художника въ молодомъ человѣкѣ, который вѣчно вздыхаетъ по какимъ-то недостижимымъ для него идеаламъ творчества, и ничего не можетъ создать,—чтó и составляетъ мученіе и отраву всей его жизни. Это идеалъ художника г. Полеваго, который не разъ пытался его изобразить въ своихъ повѣстяхъ. Но это уже устарѣлый взглядъ на искусство: нынче думаютъ, что художникъ потому и художникъ, что, безъ мученій и натугъ, свободно можетъ воплощать въ живые образы порожденія своей творческой фантазіи; но что томящіеся по недосягаемымъ для нихъ идеаламъ художники—или просто пустые люди съ претензіями, или обыкновенные талантики, претендующіе на геніяльность. Геніяльность не есть проклятіе жизни художника, но сила познавать ея блаженство и осуществлять въ живыхъ образахъ это познаніе. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ повѣсти кажется, что авторъ и хотѣлъ изобразить въ своемъ героѣ такого жалкаго недоноска; это тѣмъ яснѣе, что онъ подавляется простымъ и возвышеннымъ въ своей простотѣ характеромъ героини; но въ такомъ случаѣ автору надлежало бъ быть яснѣе и опредѣленнѣе. Впрочемъ, можетъ быть, онъ поправитъ еще это во второй своей повѣсти «Любовь свѣтской дѣвушки», героемъ которой будетъ опять этотъ же художникъ недоносокъ, и которую онъ уже пишетъ, какъ это намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника.

Въ 5 №—«Бѣдовикъ» повѣсть г. Даля. Это, по нашему мнѣнію, лучшее произведеніе талантливаго казака Луганскаго. Въ немъ такъ много человѣчности, доброты, юмора, знанія человѣческаго и преимущественно русскаго сердца, такая самобытность, оригинальность, игривость, увлекательность, такой сильный интересъ, что мы не читали, а пожирали эту чудесную повѣсть. Характеръ героя ея—чудо, но не вездѣ, какъ кажется намъ, выдержанъ; но солдатъ Власовъ и его отношенія къ герою повѣсти—это, просто, роскошь.

Въ IV книжкѣ есть еще «Дорожные Эскизы» на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ г. Шевырева, особенно интересные подробностями его свиданія съ Гёте.

Переводныхъ прозаическихъ піесъ немного: «Сила Крови», повѣсть Сервантеса, переведенная съ испанскаго, интересна только по имени своего автора и развѣ, какъ намекъ на домашнюю жизнь Испанцевъ; она прекрасно переведена съ подлинника г. Тимковскимъ. «Боги, герои и Виландъ», соч. Гёте, переведенное г. Струговщиковымъ, представляетъ собою любопытную страницу изъ исторіи нѣмецкой литературы, къ сожалѣнію не понятую у насъ.

Прекрасныхъ стихотвореній въ О. З.—множество. Конечно между ними есть и стишки гг. Якубовича, Стромилова, Гребенки, Айбулата, но.—

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темные мѣста.

Въ 1 № изъ стихотвореній вы находите маленькое прелестное стихотвореніе Пушкина «Въ альбомъ»; «Думу» энергическое, могучее по формѣ, хотя и прекраснодушное нѣсколько по содержанію, стихотвореніе г. Лермонтова. Вторая книжка бѣдна хорошими стихотвореніями и можно упомянуть только о «Поэтѣ» опять того же г. Лермонтова, примѣчательномъ многими прекрасными стихами и также прекраснодушномъ по содержанію. Третья книжка красуется «Послѣднимъ поцѣлуемъ», роскошно-поэтическимъ стихотвореніемъ г. Кольцова. Четвертая книжка блеститъ прекраснымъ стихотвореніемъ г. Лермонтова «Русалка», и поражаетъ удивленіемъ отрывокъ изъ поэмы гр — ни Е. Р—ной «Существенность и вдохновеніе, или жизнь дѣвушки», да — поражаетъ удивленіемъ, и если хотите знать почему, прочтите сами этотъ удивительный отрывокъ... Пятая книжка необыкновенно богата прекрасными стихотвореніями, изъ которыхъ два—«Вѣтка Палестины» и «Не вѣрь себѣ» принадлежитъ г. Лермонтову. Первое поражаетъ художественностію своей формы, а второе глубокостію

своего содержанія и могучестію формы: дѣло идетъ, кажется, о тѣхъ непризванныхъ поэтахъ, которые могутъ вдохновляться только своими страданіями, за отсутствіемъ истиннаго поэтическаго призванія. Замѣтьте, что здѣсь поэтъ говоритъ не о бездарныхъ и ничтожныхъ людяхъ, обладаемыхъ метроманіею, но о людяхъ, которымъ часто удается выстрадать и то и другое стихотвореніе, и которые вопли души своей, или кипѣніе крови и избытокъ силъ, принимаютъ за даръ вдохновенія. Глубокая мысль!... Сколько есть на бѣломъ свѣтѣ такихъ мнимыхъ поэтовъ! И какъ глубоко истинный поэтъ разгадалъ ихъ!...

Кромѣ двухъ прекрасныхъ стихотвореній г. Лермонтова, въ 5 № О. З. есть четыре прекрасныя стихотворенія г-жи Павловой: «Неизвѣстному поэту» оригинальное, «Клятва Мойны» и «Гленара» шотландскія баллады, одна В. Скотта, другая изъ Камбеля; «Пойми любовь» изъ Рюкерта. Удивительный талантъ г-жи Павловой (урожденной Янишь) переводить стихотворенія со всѣхъ извѣстныхъ ей языковъ и на всѣ извѣстные ей языки — начинаетъ наконецъ пріобрѣтать всеобщую извѣстность. Въ нынѣшнемъ году вышли ея переводы съ разныхъ языковъ на французскій, подъ названіемъ «Les Préludes»—и мы не могли довольно надивиться, какъ умѣла даровитая переводчица передать на этотъ бѣдный, антипоэтическій и фразистый по своей природѣ языкъ благородную простоту, силу, сжатость и поэтическую прелесть «Полководца»—одно изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Но еще лучше (по причинѣ языка) ея переводы на русскій языкъ.

Такъ-то дебютировали на сценѣ журналистики возобновленныя «Отечественныя Записки». Если—чего и должно ожидать—продолженіе будетъ еще лучше начала, то, при своихъ матеріальныхъ средствахъ, при своихъ выгодныхъ отношеніяхъ почти ко всѣмъ нашимъ пишущимъ знаменитостямъ, О. З., безъ всякаго сомнѣнія, не замедлятъ занять первое мѣсто въ современной русской журналистикѣ.

Внѣшность О. З. очень красива, полнота содержанія даже черезчуръ удовлетворительна, а поспѣшность, съ какою летаютъ книжка за книжкою — изумительна. Все это дѣлаетъ честь неутомимости редактора и желанію его—сдѣлать свой журналъ вполнѣ достойнымъ того лестнаго пріема, которымъ уже удостоила его публика.

Въ слѣдующей книжкѣ «Наблюдателя» надѣемся поговорить о «Литературныхъ Прибавленіяхъ» и «Галатѣе».

III.

ТЕАТРЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

«Московскій Наблюдатель» не можетъ отдавать подробныхъ отчетовъ о всѣхъ представленіяхъ, которыя даются на Петровскомъ театрѣ: онъ предоставляетъ эту обязанность «Галатеѣ», которая, являясь еженедѣльно, разноситъ на своихъ легкихъ крылышкахъ всевозможныя и самыя свѣжія новости. Два-три дня назадъ вы были въ театрѣ, а на третій, на четвертый читаете отчетъ о піесѣ, которую видѣли, повѣряете чужое сужденіе съ своимъ собственнымъ,—согласитесь, что это очень пріятно! Но что за удовольствіе читать отчетъ объ игрѣ актера, которой всѣ впечатлѣнія давно уже изгладились изъ вашей памяти; или читать сужденіе о какомъ-нибудь водевилѣ, который давался назадъ тому мѣсяцъ или два, и въ это время успѣлъ уже уснуть съ тѣмъ, чтобъ больше не просыпаться!... Планъ «Наблюдателя» дѣлаетъ невозможными подробные и постоянные отчеты о театрѣ; но онъ будетъ представлять публикѣ свои сужденія о самыхъ значительныхъ піесахъ и спектакляхъ. На первый разъ, упомянемъ о томъ, чтó удалось намъ видѣть и чтó, по нашему мнѣнію, имѣетъ какую либо значительность.

Г. Ленскій далъ въ свой бенефисъ, бывшій 2 декабря прошлаго года, «Свадьбу Фигаро». Кому не извѣстно, хотя по слухамъ, это знаменитое произведеніе XVIII вѣка? Восемьдесятъ представленій сряду выдержало оно въ Парижѣ. Бомарше, его авторъ, пріобрѣлъ себѣ изступленныхъ почитаталей, поклонниковъ, и нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ. Какой успѣхъ! Какая слава! Но вѣчны только художе-

ственныя произведенія, только они никогда не старѣются; сдѣланныя же вещи могутъ имѣть только современный успѣхъ, и никуда не годятся, когда проходитъ ихъ время. Знаменитая «Женитьба Фигаро» есть произведеніе человѣка необыкновеннаго, даровитаго—это доказывается ея чудовищнымъ успѣхомъ въ свое время; но тѣмъ не менѣе, она сдѣланная, а не созданная вещь, произведеніе литературы, а не искусства, воображенія, а не фантазіи. Главный интересъ этой піесы политическій: она была злою сатирою на аристократію XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ ея былъ заслуженный, потому что незаслуженныхъ успѣховъ не бываетъ. Но теперь—что̀ такое теперь эта піеса?—По крайней мѣрѣ, мы не видимъ въ ней ничего, кромѣ длинной, утомительной и скучной піесы, съ обыкновенными комическими пружинами прошлаго вѣка, съ натянутыми остротами и натянутыми положеніями. Укажемъ только на монологъ, въ которомъ Фигаро, въ 5 актѣ, разсказываетъ (въ продолженіи около получаса) свою исторію, и потомъ на плоско-смѣшную сцену вытаскиванья изъ бесѣдки почти всѣхъ лицъ комедіи, въ пятомъ же актѣ. И «Женитьба Фигаро» препорядочно утомила московскую публику. Изъ дѣйствующихъ лицъ піесы, которыхъ всѣхъ числомъ 17, хорошо играли только двое—г-жа Рѣпина и Щепкинъ,—и то, не по достоинству своихъ ролей, а по рѣшительному неумѣнію сыграть что нибудь посредственно. Щепкинъ игралъ садовника, роль маленькую и незначительную; но г-жа Рѣпина играла Сусанну, вторую роль въ піесѣ,—и признаемся, еслибы всѣ и всегда такъ играли, то не было бы больше плохихъ піесъ, но всѣ піесы, даже дурныя, были бы превосходны. Что̀ касается до Фигаро — его игралъ самъ бенефиціянтъ, и игралъ довольно отчетливо—по крайней мѣрѣ видно было, что онъ готовился къ роли, изучалъ ее; но Фигаро мы не видали. Эту роль можетъ сыграть хорошо только французскій актеръ, а у русскаго всегда будетъ недостатокъ въ фосфорической живости и наивномъ безстыдствѣ и наглости

Балетъ «Дѣва Дуная», въ продолженіи какихъ-нибудь шести недѣль, выдержалъ четырнадцать представленій. Разумѣется, главная причина успѣха здѣсь декораціи, которыя въ самомъ дѣлѣ прекрасны, особенно замокъ надъ рѣкою, отражающійся въ водѣ. Прелесть! Впрочемъ, и самый балетъ не безъ занимательности, исключая нѣкоторыхъ танцевъ, безконечно и безполезно растягивающихъ его. Г. Герино показалъ намъ, что и мущина можетъ имѣть самобытное значеніе въ танцахъ. Онъ столько же превосходный актеръ, какъ и танцовщикъ: жесты его выразительны, танцы граціозны, лице—говоритъ. Мимикою и движеніями, онъ разыгрываетъ передъ вами многосложную драму. Да, въ этомъ случаѣ, танцовальное искусство есть—искусство. Впрочемъ, это искусство въ зародышѣ, первая точка отправленія искусства — оно такъ же относится къ драмѣ, какъ хороводное пѣніе поселянъ къ оперѣ. Балетъ, какъ соединеніе танцевъ съ мимикою,—это наконецъ пластика, движущаяся, покинувшая свой пьедесталъ, свою спокойную неподвижность.—Не менѣе г. Герино восхищала публику и г-жа Санковская. Въ самомъ дѣлѣ, въ ея танцахъ только души и граціи, что восхищенію зрителя нѣтъ предѣловъ. Мы никогда не забудемъ этой граціозности, съ какою Дѣва Дуная старается показаться неловкою и неуклюжею передъ барономъ Вильбальдомъ—это очарованіе!... Г-жа Воронина-Иванова, по обыкновенію, роскошествовала на сценѣ жизнію и страстію.

Несмотря на это, мы только разъ видѣли «Дѣву Дуная». Впрочемъ, это вопервыхъ оттого, что балетъ довольно растянутъ; вовторыхъ потому, что наглядное, зрительное удовольствіе скоро наскучаетъ, а г. Герино и г-жи Санковская и Воронина-Иванова не одни составляютъ весь балетъ....

Декабря 28 мы видѣли «Коварство и Любовь». Въ роли Луизы дебютировала г-жа Вышеславцева; дебютъ былъ неудаченъ, почему мы и не намѣрены о немъ распространяться, и поговоримъ лучше о другомъ. Фердинанда, по обыкновенію,

игралъ Мочаловъ. Помнимъ мы, какъ, въ послѣдній пріѣздъ свой, вышелъ въ этой роли г. Каратыгинъ, въ красномъ мундирѣ, который такъ изящно, такъ пластически обрисовывалъ его станъ, словомъ, въ костюмѣ, части котораго совершенно соотвѣтствовали одна другой и который такъ гармонировалъ съ ролью. Рукоплесканія долго не дали ему выговорить слова. Заслуженныя рукоплесканія! Въ искусствѣ, изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами... Г. Каратыгинъ заговорилъ... въ его словахъ, въ его дикціи, мы не слышали трепетнаго одушевленія, но несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого-то обаянія... Отчего это такъ?—Оттого, что слово «искусство» даже и въ этимологическомъ смыслѣ имѣетъ великое значеніе. У васъ нѣтъ одушевленія—такъ и не горячитесь, а старайтесь сказать просто, ясно, точно, такъ чтобы мысль автора не была нисколько потемнѣна или скрадена, а высказалась бы вся. Въ такомъ случаѣ, сценическое очарованіе замѣнило бы недостатокъ одушевленія со стороны актера.—Странное дѣло!—мы хотѣли говорить о Мочаловѣ, а заговорили о г. Каратыгинѣ... Впрочемъ, это не прихоть наша, и самъ Мочаловъ навелъ насъ на благодарное воспоминаніе о г. Каратыгинѣ. Вопервыхъ Мочаловъ вышелъ въ мундирѣ гарнизоннаго баталіоннаго командира, въ мундирѣ разстегнутомъ и который, сверхъ того, сидѣлъ на немъ мѣшокъ мѣшкомъ. Потомъ игра, Боже мой, какая игра!... Конечно, было мѣста два, да вѣдь эти два мѣста продолжались двѣ минуты, и мы высидѣли въ театрѣ слишкомъ три часа. Прибавимъ къ этому, что драма въ нашемъ театрѣ сдѣлалась какимъ то mauvais genre и mauvais ton: она дается рѣшительно для райка, точно также, какъ балетъ и водевиль даются рѣшительно для всей публики... Жаль!—Наша публика очень любитъ драму, и мы не можемъ довольно надивиться тому, что еще театръ не бываетъ совсѣмъ пустъ, когда даютъ драму... Положимъ, что Мочаловъ и превосходно вы-

полнить свою роль—да вѣдь одно лице не составляетъ драмы, а прочихъ нѣтъ никакой возможности видѣть и слышать. Впрочемъ, изъ числа этихъ прочихъ должно выключить гг. Усачева и Потанчикова, изъ которыхъ первый прекрасный въ роли Вурма, а второй въ роли Миллера...

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о бенефисѣ Мочалова, бывшемъ января 4-го, но, къ сожалѣнію намъ не удалось его видѣть.

Къ удивленію всѣхъ, Мочаловъ выбралъ на свой бенефисъ піесу великаго мастера, но уже игранную на нашей сценѣ и безпримѣрно дурно переведенную. Это дѣлаетъ большую честь художественной добросовѣстности Мочалова: выбери онъ какую-нибудь французскую пошлость, только новую, — и его карманъ остался бы въ выигрышѣ насчетъ искусства.

Повторяемъ, мы не были на этомъ бенефисѣ, но судя по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ бывшихъ на немъ, — Мочаловъ снова развернулъ передъ публикою во всемъ могуществѣ и блескѣ свой громадный сценическій геній. Мы охотно этому вѣримъ, потому что мы лучше, нежели кто-нибудь другой, знаемъ, чего можно ожидать отъ Мочалова и что за дивныя сокровища кроются въ бездонной глубинѣ его великаго художественнаго генія.

Впрочемъ, мы были на повтореніи «Лира» — и остались не совсѣмъ довольны Мочаловымъ. Въ его игрѣ видны были обдуманность, соображеніе, словомъ, изученіе искусство; но не было того пламеннаго одушевленія, которое составляетъ отличительный характеръ игры Мочалова. Такъ напр., то мѣсто, гдѣ Лиръ, ударяя себѣ въ голову, говоритъ: «О Лиръ! Лиръ! Лиръ! стучи въ эти ворота»—не произвело на насъ никакого дѣйствія. Несмотря на то, въ игрѣ была общность, цѣлость и отчетливость, что́ очень рѣдко бываетъ въ игрѣ Мочалова, и было нѣсколько мѣстъ истинно превосходныхъ. Самые пламенные почитатели таланта г. Каратыгина и противники таланта Мочалова единодушно отдали преимущество

послѣднему передъ первымъ въ роли Лира. Рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца.

Въ бенефисъ г. Лаврова (13 января) между прочимъ былъ данъ «Дѣдушка русскаго флота» г. Полеваго; а въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой (20 января) «Иголкинъ купецъ новогородскій», то же произведеніе г. Полеваго. Обѣ эти піесы увидѣли мы чуть ли не въ третье ихъ представленіе, именно, первую 3 февраля, а вторую 1 февраля. «Дѣдушка русскаго флота» на сценѣ очарователенъ и уже успѣлъ сдѣлаться любимою піесою нашей публики—театръ всегда полонъ при его представленіи. Нельзя не отдать справедливости почтенному автору: онъ съ такимъ искусствомъ, съ такимъ умѣньемъ и ловкостію составилъ эту піесу, что она нравится даже и въ чтеніи, но на сценѣ—это просто очарованіе. Этому особенно способствуетъ превосходное, геніальное выполненіе Щепкинымъ роли Брандта. Нѣтъ, что́ бы ни сказали мы объ игрѣ этого великаго артиста въ роли Брандта—ни что не даетъ о ней и приблизительнаго понятія... Слезы навертываются на глазахъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ старческомъ голосѣ, въ которомъ такъ много трепетной любви, молодаго чувства... А искусство, эта вѣрность роли (которую на сценѣ создалъ самъ артистъ, независимо отъ автора) отъ перваго до послѣдняго слова—все это выше всякихъ похвалъ, самыхъ восторженныхъ, самыхъ энтузіастическихъ...

Прекрасенъ г. Самаринъ въ роли Петра Гродекера: въ его игрѣ такъ много натуры, такъ много сценическаго огня, столько искусства!... О, этотъ молодой артистъ много обѣщаетъ въ будущемъ! Онъ уже пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность, но, кажется, не хочетъ ею ограничиться и возлечь на нераспустившихся лаврахъ, а хочетъ идти впередъ... Дай-то Богъ!

Г-жа Сабурова 2-я довольно мила въ роли Корнеліи; современемъ она обѣщаетъ довольно хорошую артиску... Опять дай-то Богъ!...

Г. Никифоровъ очень забавенъ въ роли Гроомдума. Мочаловъ, въ роли Лефорта, такъ несносно декламировалъ, что мы подумали было, что онъ поетъ куплетъ изъ водевиля...

По опущеніи занавѣса былъ вызванъ авторъ піесы: московская публика тотчасъ узнала о прибытіи къ ней ея стараго знакомаго и любимца...

Что́ намъ сказать объ «Иголкинѣ»? Намѣреніе похвально, но выполненіе—изъ рукъ вонъ. Есть вещи довольно эффектныя на сценѣ, но зато какая растянутость, сколько лишняго!... Къ чему, напримѣръ, лица Маргариты и Густава, лица совершенно лишнія? Правдоподобности очень немного. Шведскіе солдаты—дураки и трусы: двое убѣжали отъ Иголкина, а цѣлый десятокъ едва рѣшился, и то съ великимъ страхомъ, подойти къ Иголкину, чтобы заковать его въ желѣза. Это намъ не нравится по двумъ причинамъ: вопервыхъ Петръ Великій не съ презрѣнными трусами имѣлъ дѣло подъ Полтавою; а вовторыхъ, мы очень хорошо помнимъ вотъ эти дивные стихи Пушкина—

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что̀ старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Довольно о піесѣ—скажемъ объ игрѣ. Роль Иголкина выполняетъ Мочаловъ, и выполняетъ ее превосходно: теплота чувства и искусство выказываются у него постоянно во все продолженіе роли, несмотря на всю ея неблагодарность... Г. Никифоровъ, въ роли Христіана, забавенъ безъ фарсовъ, можно сказать, прекрасенъ...

1839.

—

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

„РУССКОМУ ИНВАЛИДУ“.

I.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВѢЙШІЙ ДѢТСКІЙ РОБИНЗОНЪ, *или любопытнѣйшія приключенія Робинзона Крюзое. Разсказъ отца своимъ дѣтямъ. Съ восемью картинами литографированными. Москва. 1839.*

Подъ этимъ рыночнымъ заглавіемъ площадная литературная промышленность издала коротенькую выборку, сдѣланную, разумѣется очень аляповато, изъ извѣстнаго дѣтскаго романа. Двѣ вещи особенно хороши въ этой выборкѣ: чистѣйшая нравственность и картинки съ подписями. Подъ чистѣйшею нравственностію авторъ выборки разумѣетъ наказаніе Робинзона за его величайшее преступленіе, состоявшее въ безпокойномъ духѣ, который стремилъ его за моря. Не странно ли такое обвиненіе? Не самъ ли Богъ одарилъ каждаго человѣка особеннымъ стремленіемъ, и на разности этихъ стремленій основалъ зданіе человѣческаго общества?... Одинъ воинъ, другой судья, третій ученый, художникъ, ремесленникъ и т. д. И, слава Богу, если каждый дѣлается тѣмъ или другимъ не по случаю, а по внутреннему расположенію, влеченію. Нужно ли толковать, какую пользу принесли человѣчеству Куки, Лаперузы, Беринги и другіе, и именно потому что родились со страстью къ мореплаванію? Что, еслибы нѣжные родители того или другаго запретили путешествовать своему сыну? Чего бы тогда лишилась наука и человѣчество!... Любовь и уваженіе къ родителямъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть чувство святое; но все должно быть въ своихъ границахъ и ничто ничему не должно мѣшать. Всякій человѣкъ обязанъ своимъ родителямъ; но въ то же время онъ есть

и самъ себѣ цѣль, такъ что ограничить поприще его жизни только успокоеніемъ «нѣжныхъ родителей» значило бы уничтожить его значеніе, какъ существа разумнаго, самостоятельнаго и свободнаго, имѣющаго обязанности не только къ родителямъ, но и къ обществу, и къ самому себѣ, — обязанности не менѣе первыхъ священныя. Изволите видѣть, Робинзонъ былъ наказанъ судьбою за то, что послѣдовалъ своему внутреннему влеченію, самою природою въ него вложенному!

Послѣ «чистѣйшей нравственности» особенно плѣнительны въ книжицѣ картинки, но еще восхитительнѣе подписи подъ картинками; вотъ одна изъ таковыхъ: «Робинзонъ ви Кинутъ на островъ послѣ Корабле Крушенія»...

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЛАДИСЛАВА ГОРЧАКОВА. *Москва. 1839.*

Признакъ разумности всякаго явленія есть его необходимость, тогда какъ, на оборотъ, признакъ безсмысленности всякаго явленія есть его случайность. Законъ этотъ всего разительнѣе выказывается въ произведеніяхъ ума и творчества человѣческаго. Вы читаете романъ Вальтеръ-Скотта, знаете, что это вымыселъ, что ничего этого не было; но между тѣмъ принимаете въ разсказанномъ событіи такое живое участіе, какъ будто бы оно связано съ собственною вашею жизнію; вы любите его героевъ, или ненавидите ихъ, какъ будто бы они вамъ знакомы, будто бы вы ихъ видѣли, знаете ихъ въ лице; прочтя романъ, вы продолжаете его въ своей фантазіи, думая, что сталось съ тѣмъ и другимъ лицомъ, какъ начало послѣ того жить то и другое лице. Отчего это?—оттого, что тутъ все необходимо, т. е. что всѣ событія вытекаютъ изъ индивидуальностей дѣйствующихъ лицъ, ихъ личностей и харак-

теровъ, всей ихъ непосредственности, и изъ взаимныхъ ихъ положеній и отношеній другъ къ другу; оттого что авторъ не положилъ тутъ ни одной случайной черты, ни одного произвольнаго штриха, которые можно было бы выскоблить безъ ущерба и искаженія цѣлаго; но всѣ его черты, до малѣйшаго штриха, необходимы, слѣд., разумны, а потому неизмѣнимы и незамѣнимы. Но не таковы нѣкоторые петербургскіе и московскіе романы: и въ нихъ, повидимому, все естественно, все оправдывается извѣстными и достаточными причинами; но вы на зло собственному разсудку и самимъ себѣ, какъ-то не признаете очевидности этихъ причинъ, но васъ оскорбляетъ самая простота и естественность этихъ событій, которыя, по прочтеніи, смутно, хаотически бродятъ въ вашей памяти, какъ несвязные отрывки какого-то тяжелаго и нескладнаго сна, котораго вы не можете себѣ ясно припомнить, какъ ни силитесь. Отчего это?—оттого, что всѣ эти событія произошли и явились сами по себѣ, безъ всякаго соотношенія къ дѣйствующимъ лицамъ, безъ всякой зависимости отъ нихъ, и это опять не случайно, а по причинѣ, потому что эти дѣйствующія лица не суть субъективныя опредѣленія, возникшія изъ зерна самой въ себѣ замкнутой (чтобъ не сказать нѣмецкимъ словомъ—конкретной) мысли, носящіе въ самихъ себѣ, а не внѣ себя свою необходимость или разумность, но безличные призраки, слѣпленные чрезъ внѣшнее слѣпленіе отвлеченныхъ признаковъ, и потому чисто случайные и произвольные. Точно такъ же, посмотрите: вотъ стихи; они просты, какъ обыкновенная разговорная рѣчь, чужды пестроты и яркости цвѣтовъ и красокъ; но вы невольно останавливаетесь надъ ними; но вы навсегда знаете ихъ, если разъ узнали, и иногда, прочтя нечаянно и безъ вниманія, вспоминаете и помните ихъ уже послѣ прочтенія, къ собственному своему удивленію: значитъ, что въ нихъ все необходимо, что въ нихъ одинъ стихъ ведетъ за собою другой, и что не рифма, а внутренняя, невидимая связь съ

первыми стихами условливаетъ послѣдніе; не зная второй строфы, вы узнаете ее, когда прочтете; какъ будто бы прежде знали ее, и вы безошибочно сами угадываете, что вотъ этимъ стихомъ оканчивается вся піеса. Напротивъ, у инаго поэта стихъ и гладокъ, и звученъ, и громокъ, образы поразительны своею новостію и смѣлостію, мысль основная ярка и цвѣтиста, а между тѣмъ вамъ не хочется прочесть этихъ стиховъ, которыми вы, при первомъ чтеніи, можетъ-быть, восхищались; даже и не переставая удивляться имъ, вы никакъ не можете удержать ихъ въ памяти, а если и достигаете этого, то усиліемъ, и притомъ такъ, что безпрестанно забываете; вамъ все кажется, что чего-то недостаетъ въ нихъ; несмотря на ихъ высокое, по вашему мнѣнію, достоинство, въ нихъ есть что-то странное: это что-то есть произвольность, случайность; не сами собою сошлись эти стихи, вызванные волшебнымъ скипетромъ чародѣя поэта, нѣтъ, ихъ свелъ насильно, за́-воротъ или напряженный, неестественный восторгъ, какъ бы отъ пріема опіума или дурмана, или конечная воля и самолюбіе, при усильномъ трудѣ; они могутъ быть исправлены, переправлены, измѣнены, перемѣнены, потому что не динамическою самодѣятельною силою изъ ничего являющагося духа созданы они, но сдѣланы механическимъ разсчетомъ, обдуманнымъ соображеніемъ. Истинный поэтъ, когда пишетъ, видитъ передъ собою все свое стихотвореніе въ его цѣлости; ложный, написавши два первые стиха съ раза и не думая, обыкновенно задумывается надъ двумя послѣдними, и эти два послѣдніе бываютъ обязаны своимъ явленіемъ не самимъ себѣ, а рифмѣ. Что́ же въ этомъ случаѣ значитъ рифма? — Чистѣйшую случайность, сестру произвольности, плодородную мать призраковъ.... Какъ явленіе, эта случайность имѣетъ свой интересъ для наблюдающаго духа, точно такъ же, какъ имѣютъ для него свой интересъ уродливыя болѣзни, уродливые младенцы о двухъ головахъ, съ однимъ глазомъ... Особенно интересна эта призрачность,

когда принимаетъ на себя призракъ дѣйствительности, такъ что только опытный глазъ и сильное, острое внутреннее зрѣніе могутъ разсмотрѣть ее. Это зависитъ отъ большей или меньшей образованности, силы разсудка и воображенія (а не разума и фантазіи), опытности, сметливости, ловкости и смѣлости того, чье самолюбіе или заблужденіе порождаетъ ее. И такую случайность безпощадно должно преслѣдовать, какъ врага сильнаго и опаснаго, который не лучше лукаваго задернетъ отъ неопытнаго взора дѣйствительность и замѣнитъ ее обманчивыми призраками. Но когда она является въ лохмотьяхъ, во всей отвратительности своего нищенства—всякое ожесточеніе противъ нея будетъ донкихотствомъ.

Стихотворенія г. Горчакова занимаютъ мѣсто въ золотой серединѣ между двумя этими странностями: ихъ стихъ довольно гладокъ и вообще благопристоенъ, такъ что ихъ нельзя причислить къ числу явленій рыночной литературы; но въ то же время ихъ стихъ и далеко не такъ звонокъ, блестящъ, гладокъ, мысль ярка и затѣйлива, чтобы ихъ можно причислить къ той случайности, которую не всякій можетъ отличить отъ дѣйствительности.

Такъ ты, моя арфа,
Огонь своихъ звуковъ
Надъ сердцемъ разсыпь
И радугой небо
Души моей сирой
Утѣшь хоть на мигъ!

Поэтъ проситъ свою арфу, чтобы она «разсыпала надъ сердцемъ его огонь своихъ звуковъ, и небо сирой души его утѣшила хоть на мигъ радугою»—и не грамматически, и не складно! Словомъ, это больше, чѣмъ соединеніе нѣсколькихъ случайностей: это просто—соединеніе нѣсколькихъ нелѣпостей... Но, скажутъ, это только шесть стиховъ изъ цѣлой піесы, а въ одной піесѣ могутъ найтись шесть дурныхъ сти-

ховъ. Чтобы не подозрѣвали насъ въ пристрастіи, укажемъ, пожалуй, на цѣлое стихотвореніе «Цвѣтокъ».

Скажите, Бога ради, понялъ ли хоть что-нибудь въ этомъ стихотвореніи вашъ разсудокъ—я уже не говорю, ваше чувство? «Подъ зеленою сосною цвѣтетъ душистый цвѣтокъ, не роза, не ландышъ и не темная фіалка, а краса полей—незабудка; цвѣтокъ этотъ посаженъ и взлелѣянъ красавицею-дѣвицею, онъ увянетъ, а сосна все зеленая (для стиха тутъ пропущенъ глаголъ, безъ котораго въ періодѣ не достаетъ смысла); на будущую весну опять взойдетъ, а сосну ужь сломалъ вѣтеръ, и солнечный жаръ спалитъ цвѣтокъ «во цвѣтѣ дней»; увяла ты, моя любовь, дѣвица въ могилѣ, какъ незабудочку ее сгубилъ ненастный рокъ». Что̀ это такое? Повторяемъ: даже и не случайность, а просто—безтолочь...

РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 10 ІЮНЯ *1839. Москва.*

Въ брошюрѣ, заглавіе которой здѣсь выписано, кромѣ рѣчей гг. Морошкина и Сокольскаго, есть еще и «Краткій отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго Университета за 1838—1839 академическій годъ».

Вотъ уже третій годъ, какъ мы читаемъ въ московскихъ университетскихъ «актахъ» превосходныя рѣчи. Въ 1836 году мы прочли прекрасную рѣчь г. Щуровскаго; въ 1838 году мы прочли прекрасную рѣчь г. Крылова о римскомъ правѣ: въ нынѣшнемъ году мы прочли превосходную рѣчь г. Морошкина «объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи»...

Еслибы мы хотѣли шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ этой рѣчи, то наша рецензія превратилась бы въ огромную критику; а еслибы мы хотѣли выписать всѣ мѣста, отличаю-

щіяся могучимъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, то намъ пришлось бы перепечатать почти всю рѣчь, отъ слова до слова. Предоставляемъ самимъ читателямъ прочесть ее всю, а сами слегка коснемся кой-какихъ мѣстъ.

На 22 страницѣ мы встрѣтили мысль, поражающую читателя своею странностію. Ораторъ находитъ въ рускомъ народѣ «творческій, безконечно изобрѣтательный смыслъ, который непрерывно выступаетъ изъ круга положительности, непрерывно стремится впередъ, совершая новые обороты, проявляя новыя стороны человѣческаго духа». Мы совершенно согласны съ этою фразою, особенно если въ ней слово «смыслъ» замѣнить словомъ «разумъ», но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы эта, какъ называетъ ее ораторъ, «непостижимая тонкость смысла» была и добродѣтелью и недостаткомъ народа, какъ и умственная добродѣтель, почти всегда обличающая недостатокъ развитія высшихъ душевныхъ силъ—ума, воображенія и эстетическаго чувства. Что въ русскомъ народѣ есть огромный элементъ разумности;—это несомнѣнно; и эта многосторонность духа, о которой говоритъ самъ ораторъ, чтó же она, какъ не проявленіе разума? Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность — воображеніе, эта память чувственныхъ предметовъ и ȯбразовъ, но и высшая, творческая способность—фантазія и глубокое эстетическое чувство—это доказываютъ русскія народныя пѣсни, то заунывныя и тоскливыя, то трогательныя и нѣжныя, то разгульныя и буйныя, но всегда безконечно могучія, всегда выражающія широкій разметъ богатырской души... Что разумъ и эстетическое чувство суть по преимуществу достояніе и принадлежность великаго народа русскаго, его характеристическія примѣты,—это доказываютъ и наши гигантскіе успѣхи въ цивилизаціи въ столь короткое время, и наше молодое просвѣщеніе, и наша молодая литература. Сто лѣтъ назадъ мы имѣли только сатиры Кантемира, а теперь уже гордимся именами Ломоносова, Фонъ-Визина, Державина, Карам-

зина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, Грибоѣдова... А такія гигантскія проявленія русскаго духа, такіе могучіе проблески его, какъ Пушкинъ и Гоголь?... Неужели русскій народъ богатъ только разсудкомъ и бѣденъ разумомъ и эстетическимъ чувствомъ? «Тонкость разсудка можетъ развиться и въ дряхлѣющемъ и въ младенческомъ обществѣ отъ умственнаго и нравственнаго застоя»—говоритъ ораторъ. Дѣйствительно такъ, т. е. отъ такихъ причинъ развилась тонкость разсудка у Персіянъ и Китайцевъ: неужели подъ эту же категорію подходитъ и молодая Россія, молодая, несмотря на то, что имѣетъ уже девятивѣковую исторію и совершила нѣсколько цикловъ своего развитія?... Нѣтъ, послѣ указанныхъ нами фактовъ, такая мысль—парадоксъ, не имѣющій даже и достоинства странности. «Напротивъ того — продолжаетъ ораторъ—глухота разсудка, при остротѣ ума и воображенія, бываетъ иногда плодомъ высокой цивилизаціи, добродѣтелью свободно рожденнаго народа» Еще парадоксъ!... Мы желали бы, чтобы ораторъ указалъ намъ на народъ, отличившійся или отличающійся умомъ, эстетическимъ чувствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глухотою разсудка, какъ результатомъ высокой цивилизаціи. Мы думаемъ, что необыкновенная сила разсудка какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ, отнюдь не условливаетъ силы разума и обладаніе эстетическимъ чувствомъ; но что разумъ и эстетическое чувство необходимо условливаютъ и необыкновенную силу разсудка. Въ отношеніи къ разсудку и практическому уму ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ равняться съ Французами,—но за то какой же народъ въ Европѣ бѣднѣе ихъ разумностію, фантазіею и эстетическимъ чувствомъ? Напротивъ, Англичане, гордящіеся Шекспиромъ, Байрономъ и Вальтеръ-Скоттомъ, суть въ то же время и народъ, отличающійся силою разсудка, способностію анализа и практическимъ умомъ. Если въ ихъ искусствѣ и ихъ исторіи видно преобладаніе разума и фантазіи, то въ ихъ мышленіи видно явное преобладаніе разсудка. Голландцы, со-

отечественники Рубенса, гордые двумя школами живописи—нидерландскою, и орлеанскою,—въ то же время суть и народъ разсудка и практическаго ума. Какая чудовищно-огромная сила разсудка видна въ Нѣмцахъ Кантѣ и Гегелѣ, которые, особливо послѣдній, въ то же время отличаются и чудовищно-огромною силою разума и эстетическаго чувства, не говоря уже о томъ, что вообще умозрительные, трансцендентальные и фантастическіе Нѣмцы въ дѣйствительной и практически-положительной жизни аккуратны и разсудительны какъ нельзя болѣе. Такъ точно и русскій народъ, богатый элементами разума и эстетическаго чувства, въ то же время отличается и необыкновенною смѣтливостію, смышленостію, практическою дѣятельностію ума, остроуміемъ, аналитическою силою разсудка. «Но если природа и исторія создали насъ юристами, а не философами и не поэтами, и мы привычнѣе къ землѣ, чѣмъ къ облакамъ, то будемъ же довольны нашею судьбой, будемъ юристами въ совершенствѣ, будемъ Римлянами въ юриспруденціи». Прекрасно, но мы никакъ не можемъ удовлетвориться такою бѣдною участью. Нѣтъ, мы думаемъ, или, лучше сказать, мы вѣримъ и знаемъ, что міродержавныя судьбы вѣчнаго промысла, природа и исторія, не осудили Россіи на такое одностороннее и узкое существованіе въ тѣснотѣ котораго неестественно склались бы огромные члены ея богатырскаго тѣла, прервалось бы дыханіе ея широкой груди и сжался бы глубокій и могучій духъ. Нѣтъ, мы вѣримъ и знаемъ, что назначеніе Россіи есть всесторонность и универсальность: она должна принять въ себя всѣ элементы жизни духовной, внутренней, гражданской, политической, общественной, и, принявши, должна самобытно развить ихъ изъ себя... Мы еще не философы—это правда, но мы уже обнаруживаемъ живое стремленіе къ разумному знанію, и если не въ философіи, то въ частныхъ знаніяхъ даже оказали уже нѣкоторые успѣхи, и русское просвѣщеніе гордится уже именами нѣсколькихъ знаменитыхъ математиковъ, астрономовъ,

мореплавателей. Сколько знаній было соединено въ лицѣ одного отца русской науки и русской литературы—Ломоносова! Что касается до поэзіи — мы уже давно поэты: вѣдь Пушкинъ не могъ же быть явленіемъ случайнымъ, а Пушкина мы, даже по сознанію самихъ иностранцевъ, смѣло можемъ противопоставить любому поэту всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Такъ зачѣмъ же намъ быть только юристами, новыми Римлянами въ юриспруденціи? — Мы будемъ и юристами, и Римлянами въ юриспруденціи, но мы будемъ и поэтами, и философами, народомъ артистическимъ, народомъ ученымъ, и народомъ воинственнымъ, народомъ промышленнымъ, торговымъ, общественнымъ... Въ Россіи видно начало всѣхъ этихъ элементовъ, и если эти элементы все еще остаются элементами, а не дѣйствительными явленіями, это значитъ, что всѣ извѣстныя опредѣленія не въ пору ему, что гнило для него всякое человѣческое оружіе, ненадежны никакіе человѣческіе доспѣхи, и потому-то онъ, какъ божественный Ахиллъ, безоружный, бездѣйственный, но могучій и страшный, ждетъ отъ небожителя Гефеста неземнаго вооруженія; а для враговъ и недруговъ ему достаточно выйдти на валъ и трикраты крикнуть... Не можемъ довольно надивиться, какъ такая странная мысль попала въ такую прекрасную рѣчь... но это единственное пятно ея...

Чрезвычайно любопытно въ «рѣчи» изложеніе, или лучше сказать, разложеніе юридическихъ началъ «Уложенія», разложеніе, въ которомъ разсматриваетъ ораторъ основные законы «Уложенія», государственныя учрежденія (чины, приказы — розрядный, помѣстный, приказъ большаго прихода, посольскій, судный, разбойный или сыскной, холопій, земскій, стрѣлецкій, духовное управленіе, іерархія), областныя учрежденія (воевода, приказная, съѣзжая изба или палата, губные старосты, цѣловальники, части, розряды, городовые прикащики и городничіе, таможенные или торговые суды, площадные подъячіе, просвѣщеніе, его религіозный характеръ

до Өедора Алексѣевича и Софіи Алексѣевны, славяно-греко-латинская академія, приказъ книгопечатнаго дѣла), государственная служба, мѣстничество, взятки, состоянія народа (дворянство, духовенство, городскія сословія), гражданскіе законы. Превосходенъ взглядъ оратора при рѣшеніи заданнаго имъ себѣ вопроса: «На какихъ началахъ основана гражданская часть «Уложенія». Начала эти семейственныя, патріархальныя, по его рѣшенію, которое кажется намъ глубоковѣрнымъ и истиннымъ.

Еслибы такимъ образомъ юристы наши обработали исторію права на Руси и разоблачили его внутреннее значеніе и сокровенную, таинственную сущность — мысль, — какъ далеко подвинулась бы русская исторія! Право есть краеугольный камень общественнаго зданія, цементъ, связывающій его части, и потому, пока темна эта сторона исторіи какого-либо народа, то и сама исторія его по необходимости есть темный, непроходимый лѣсъ. Монета, подати, источники промысловъ, основанія военной службы, права сословій, ихъ взаимныя отношенія, судъ и расправа, ихъ формы — безъ знанія всего этого нѣтъ знанія исторіи. Исторія войнъ и договоровъ есть только одна сторона исторіи народа, есть исторія частная. Итакъ, пусть сперва обработаютъ эти частныя исторіи; пусть занимающійся дипломатіей разработаетъ исторію договоровъ; воинъ—изобразитъ намъ характеръ и развитіе военнаго искусства въ Россіи; литераторъ, лингвистъ—исторію и развитіе литературы и языка; другой—исторію іерархій, монастырей и такъ далѣе. Это по важнѣе вопроса, важности котораго никто не взялъ на себя труда истолковать, вопроса, безплодныя рѣшенія котораго успѣли уже сдѣлать сухимъ и педантскимъ занятіе русскою исторіею. Вотъ, когда обработаются всѣ эти частныя исторіи, или эти отдѣльныя стороны исторіи русской — тогда только возможна будетъ истинная русская исторія, безъ «высшихъ взглядовъ» и построенная не на пескѣ, а на твердомъ основаніи. Судя по рѣчи г. Мо-

рошкина, мы можемъ смѣло надѣяться отъ него великихъ услугъ русской исторіи со стороны идеи и развитія русскаго права, русскаго законодательства и русскаго судопроизводства. Г. Морошкинъ принадлежитъ къ новому поколѣнію ученыхъ— не къ тому, которое краснорѣчіе отличаетъ отъ поэзіи характеромъ живописи, а поэзію отъ краснорѣчія—характеромъ музыки, которое дѣленіе поэзіи на эпическую, лирическую и драматическую основываетъ на прошедшемъ, будущемъ и настоящемъ времени, которое, наконецъ, громкими фразами силится прикрыть нищету своихъ знаній; нѣтъ г. Морошкинъ не имѣетъ ничего общаго съ этими учеными: всѣмъ извѣстна его пламенная любовь къ наукѣ, его огромная начитанность, добросовѣстная ученость, а рѣчь его показываетъ еще, что Богъ далъ ему душу живу, открылъ его разумѣнію таинственную глубину мысли и одарилъ его огненнымъ словомъ. Вся рѣчь г. Морошкина есть образецъ глубокомыслія, учености, живаго пламеннаго краснорѣчія, мѣстами возвышающагося до поэзіи. Мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ его рѣчи хоть два мѣста, особенно подтверждающіе наше мнѣніе о цѣлой рѣчи г. Морошкина.

„Чего жъ не доставало русскому народу? Преобразованія! Его не доставало для семнадцатаго вѣка! Явился царь съ горящею мыслію въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоносным словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго, и двинулъ царство на него. Что жъ не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ? Что̀ возмутило Петра въ твореніи его отцовъ? Но эта тайна души великой, глубокая тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозное облако, прошелъ надъ русскою землею. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришельё, и какъ не терпѣлъ византійскаго двора, его роскошества и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Какое грозное соединеніе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознаніе собственныхъ силъ. Посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ какомъ бы

онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ бы народѣ ни воспитался, онъ всегда и вездѣ былъ бы преобразователемъ. Это его природа! Если бы онъ былъ современнымъ древнему Язону, его постигла бъ участь божественнаго Иракла Онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для легкой греческой армады. Но Провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только русскій корабль могъ сдержать такого страшнаго пассажира! Только русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ этого духа который напрягалъ ее, чтобъ уравнять ея силы съ своею исполинскою мощію!...

Какъ жаль, что этотъ пламенный диѳирамбъ, достойный истиннаго поэта, а уже не оратора, какъ чернильнымъ пятномъ бѣлая бумага, подпорченъ одною риторическою фразою! Ораторъ спрашиваетъ себя: «что́ жь не нравилось ему въ наслѣдіи предковъ?—Что̀ возмутило духъ Петра въ твореніи его отцовъ?» и отвѣчаетъ: «но это тайна́ души великой, глубокая тайна генія» Риторическая фраза! Гдѣ тутъ тайна?—Дѣло ясно! Петра возмутила отжившая идея, мертвая форма, невѣжество, предразсудки, лѣнь, азіатизмъ и китаизмъ народа, котораго силы онъ зналъ и назначеніе пророчески предугадывалъ. Но къ чему наши слова, когда самъ ораторъ, чрезъ нѣсколько строкъ, обнаруживаетъ пустоту этой фразы слѣдующими чудными строками:

„Преобразователь въ теченіи всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознаніе, что не одно рожденіе возвело его на престолъ, но сила высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ его долженъ предшествовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ достойнѣйшаго. Но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! онъ не зналъ, что мы и плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились и малы и худы, намъ нужны были общіе уставы человѣчества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская дума должна была уступить мѣсто сенату; областныя приказы ландратамъ и ландрихтерамъ. Ему не нравились наши цѣловальники, наши дьяки и подъячіе. Онъ желалъ бы посадить на нхъ мѣсто плѣнныхъ Шведовъ, секретарей и шрейберовъ цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто

въ сравненіи съ преобразованіемъ государственной службы. Самъ, начавъ съ солдата гвардіи, онъ прошелъ медленно по лѣстницѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что кормленье прежнее, что царскій хлѣбъ соль? Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ противъ дармоѣдовъ, мірскихъ ѣдухъ и казнокрадовъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копѣйку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную коммисіонеромъ торгашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго".

Каждый годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и состояніи Московскаго университета долженъ возбуждать живѣйшее участіе. Московскій университетъ—единственное высшее учебное заведеніе въ Россіи; онъ не знаетъ себѣ соперниковъ; у него есть исторія, потому что для него всегда существовало органическое развитіе. Въ Московскомъ университетѣ есть духъ жизни, а его движеніе, его ходъ къ усовершенствованію такъ быстръ, что каждый годъ онъ уходитъ впередъ на видимое разстояніе.

II.

ТЕАТРЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Домъ на петербургской сторонѣ или искусство не платить за квартиру, *водевиль въ 1-мъ дѣйствіи*; Жена артиста, *драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба, пер. съ французскаго Н. А. Коровкина;* Цыганы, *драматическое представленіе, взятое изъ поэмы А. С. Пушкина*; Первое представленіе «Мельника, колдуна, обманщика и свата», *комедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Н. А. Полеваго*; Меръ по выбору и смѣлый по неволѣ, *водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.* (Бенефисъ г-жи Орловой 13 октября).

Мы устали, только переписывая длинную афишку, испещренную такимъ множествомъ заманчивыхъ заглавій, и у насъ рѣшительно не достало бы силъ переписать ее со всѣми ея заманчивыми подробностями и именами. Г-жа Орлова радушно, по-московски, угостила московскую публику, и московская публика осталась ею очень довольна. И какъ было не остаться довольною публикѣ? бенефисъ ея страсть, а расположеніе къ длиннымъ афишкамъ доходитъ въ ней иногда до слабости; ежели же къ многочисленности присоединится и новость піесъ, она не скупится на плату, и театръ бываетъ полнехонекъ. Мочаловъ прошлаго года далъ въ свой бенефисъ Шекспирова «Лира» твореніе міровое и вѣковое, хотя и безбожно искаженное переводомъ и безсмысленными пропусками. Огромный талантъ бенефиціянта, любовь къ нему публики, кажется, могли бы обѣщать блестящій успѣхъ, но піеса была уже сценически знакома публикѣ, и была, знакома ей не

совсѣмъ съ хорошей стороны, хотя въ этомъ былъ виноватъ и не Мочаловъ, въ первый разъ являвшійся въ ней,—и въ театрѣ было просторно. Кто же виноватъ въ этомъ, если не самъ артистъ? Имя Шекспира велико въ Москвѣ послѣ блестящаго успѣха «Гамлета» и «Отелло», благодаря великому дарованію Мочалова; но за все надо браться умѣючи, осторожно; благородный артистъ руководствовался не разсчетами корысти, а любовію къ искусству, и его наградою былъ восторгъ зрителей и ихъ многочисленность при повтореніи піесы, но мы говоримъ не о немъ, а о публикѣ. Она навсегда вникаетъ въ причину явленія, и, обманувшись въ ожиданіи, не предается ему въ другой разъ. Ей нѣтъ дѣла до того, что піеса злополучно переведена, злополучно изуродована пропусками, злополучнѣе поставлена, наконецъ злополучно была выполнена, ей нѣтъ дѣла и до того, что не Мочаловъ виноватъ во всѣхъ этихъ злополучіяхъ: она рѣшаетъ, что піеса скучна, смѣшивая съ піесою пародію и сценическое выполненіе. Такъ, напримѣръ, виновата ли она въ томъ, что не хочетъ больше видѣть «Отелло», и что каждое новое представленіе этой великой драмы есть новое ея паденіе? Что̀ за нужда ей знать, что піеса поставлена какъ только возможно злополучнѣе, какъ будто бы объ этомъ хлопотали съ особеннымъ усердіемъ; что̀ за нужда ей знать, что, послѣ послѣдняго пребыванія на московской сценѣ г. Каратыгина, «Отелло» сталъ даваться съ выпускомъ лучшихъ мѣстъ—торжества таланта Мочалова; что съ тѣхъ поръ она лишена связи, смысла; что всякій актеръ въ ней воспользовался страннымъ правомъ выпускать изъ своей роли что̀ ему угодно?... Она знаетъ только то, что въ піесѣ нѣтъ здраваго смысла, что въ ней ничего нельзя понять, какъ будто бы ее писалъ не Шекспиръ, а какой-нибудь доморощеный водевелистъ; что Мочаловъ въ ней каждый разъ все слабѣе и слабѣе, и она пра̀ва, что, избѣгая скуки за свои же деньги, не хочетъ больше видѣть «Отелло». Точно также не пра̀ва, что любитъ

длинныя афишки, испещренныя множествомъ новыхъ піесъ и именами старыхъ знаменитостей своей сцены, и что она толпою нахлынула на бенефисъ г-жи Орловой, такъ что почти мѣста пустаго не было въ огромной залѣ Петровскаго театра. Бенефиціантка также права, что хотѣла угодить публикѣ. Гдѣ обѣ стороны довольны одна другою, тамъ третья не имѣетъ права вмѣшиваться, и потому намъ остается только хвалить—и мы хвалимъ.

Но достоинство піесъ другое дѣло, нежели ихъ множество и новость, за нихъ отвѣчаютъ ихъ авторы, а не бенефиціантка, и мы попросимъ ихъ отвѣтить.

«Домъ на петербургской сторонѣ или искусство не платить за квартиру»—фарсъ, который смѣшитъ не замысловатостію, не остроуміемъ, а своею нелѣпостію. Однако онъ смѣшитъ, а не усыпляетъ: за неимѣніемъ лучшаго, и это достоинство, и за это спасибо. У скряги Копейкина нанимаетъ квартиру молодой повѣса Субботинъ, и заключаетъ контрактъ на полгода. Будочникъ приноситъ его пожитки, матрацъ и трехногій стулъ; Копейкинъ приходитъ въ отчаяніе, что обманулся щегольскою одеждою своего постояльца и счелъ его за богатаго человѣка. Субботинъ любитъ Анну Семеновну Жемчужину, которая нанимаетъ квартиру у Копейкина, и которую Копейкинъ не спускаетъ съ квартиры, потому что она за нее ему задолжала. Къ Субботину приходятъ его пріятели, департаментскіе офицеры съ гербовыми пуговицами: Бушуевъ, Дудкинъ, Ухорскій. Ужь по ихъ фамиліямъ вы узнаете, каковы эти господа офицеры. Они начинаютъ шумъ и гвалтъ, по вызову Субботина. Прибѣгаетъ хозяинъ; они его окружаютъ, и, приложа къ губамъ свертокъ дѣловыхъ бумагъ, уже не насвистываютъ, а накрикиваюъ во все горло мотивъ «адскаго вальса» изъ «Роберта». Субботинъ начинаетъ дѣлать разныя требованія отъ хозяина, особенно, чтобы онъ отпустилъ безъ денегъ Жемчужину. Хозяинъ не соглашается—новый адскій крикъ; грозитъ полиціею,—Субботинъ хладнокровно говоритъ,

что полиція давно ужь отступилась отъ него, бьетъ стекла, стучитъ въ полъ стуломъ. Наконецъ Копейкинъ соглашается на все; и вдругъ Домна, кухарка Копейкина, какъ-то открываетъ, что Субботинъ сынъ ея господина; Копейкинъ очень неохотно въ этомъ увѣряется и еще неохотнѣе соглашается на бракъ Субботина съ Жемчужниною. Все это лишено всякой правдоподобности, остроумія и смысла; но все это возбуждало въ верху неистовый смѣхъ. Г. Орловъ игралъ Копейкина, и сыгралъ бы его очень хорошо, еслибы въ натурѣ его игры было побольше граціи и поменьше грубости. Г. Ленскій хорошо бы сыгралъ роль Субботина, если бы придалъ ей побольше веселости и комизма. Г-жа Степанова, можетъ быть, тоже хорошо сыграла бы свою роль, еслибы въ ея роли было хоть на копейку смысла. Гг. Максинъ 2-й, Звѣровъ, Шубертъ и прочіе, не поименованныя въ афишкѣ, также хорошо бы сыграли свои роли, если бы въ ихъ игрѣ было хоть сколько-нибудь натуры и развязности. Г-жа Кашина выполнила свою роль хорошо, безъ всякихъ «бы».

«Жена артиста» — французская мелодрама во вкусѣ прошлаго вѣка, съ чувствительными эффектами. Живописецъ любитъ дѣвушку-аристократку; не надѣясь получить ея руку, онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ, прожилъ три года, возвратился въ Парижъ и, какъ отецъ его возлюбленной отошелъ къ своимъ знаменитымъ предкамъ, женился на ней. Вотъ и живетъ онъ съ нею какъ голубь съ голубкою: то порисуетъ, то поворкуетъ. А художникъ онъ знатный—пишетъ картины тысячъ по двадцать франковъ каждую. Однако онъ все таки вошелъ въ большіе долги, потому что уплатилъ долги своего тестя и содержитъ жену такъ, чтобы она не замѣтила перемѣны своего состоянія. За женою его волочится виконтъ де-Ретель, да потомъ ужь волочится и за ея горничною, Викториною, въ которую влюбленъ дуралей Августинъ, подмастерье Клермонта. Надо сказать, что Клермонтъ считаетъ виконта своимъ задушевнымъ другомъ. Эвелина открываетъ ему гла-

за—и онъ начинаетъ свирѣпствовать противъ виконта, какъ негодяя; а виконтъ ему намекаетъ о векселѣ въ шесть тысячъ франковъ, которому срокъ вышелъ въ этотъ же вечеръ. Живописецъ въ отчаяніи: долгу на немъ двадцать тысячъ, а денегъ въ карманѣ ни гроша—надо продать лошадей, мебель, перемѣнить квартиру, лишить свою жену всѣхъ удобствъ жизни, къ которымъ она привыкла съ малолѣтства. Бѣда да и только! Но вдругъ вбѣгаетъ Викторина съ письмомъ, содержащимъ въ себѣ предложеніе правительства—написать двѣ картины, по 20,000 франковъ за каждую; Клермонтъ бросается къ палитрѣ, но — о ужасъ! — онъ вдругъ ослѣпъ... Первый актъ кончился. Во второмъ актѣ, Клермонтъ, сидя въ креслахъ, слѣпой, жалобно воркуетъ съ Эвелиною, которая собирается идти погулять и, давши ему слово возвратиться скорѣе, оставляетъ его одного ворковать. Входитъ Августинъ и открываетъ Клермонту за тайну, въ видѣ жалобы, что виконтъ де-Ретель попрежнему волочится за Викториною. Клермонтъ въ изумленіи; онъ думалъ, что виконтъ ужь давно Богъ знаетъ гдѣ. Августинъ говоритъ ему еще, что они живутъ, хотя на другой квартирѣ, но все таки опрятной и красивой и что ихъ мебель все та же,—и въ доказательство даетъ Клементу ощупать одно кресло. Наконецъ онъ говоритъ, что барыня часто отлучается изъ дома, и онъ видѣлъ у ней брильянтовый перстень. Клермонтъ высылаетъ Августина и ощупью доходитъ до бюро, въ которомъ и отыскиваетъ роковой перстень, и, проворковавъ жалобно и горестно на свое злополучное одиночество и потерю чести, съ отчаянія уходитъ въ другую комнату. Вдругъ входитъ виконтъ де-Ретель и, встрѣченный Викториною, говоритъ ей «въ 7 часовъ», отдаетъ письмо и хочетъ уйдти, какъ вдругъ вбѣгаетъ Августинъ и начинаетъ свирѣпствовать. Виконтъ приказываетъ ему молчать, грозитъ въ случаѣ нескромности, и уходитъ. Входитъ Клермонтъ, и узнаетъ отъ глупо-свирѣпствующаго Августина, что тутъ былъ виконтъ; Клермонтъ въ пущемъ отчаяніи и наибольшемъ зло-

получіи. Эвелина возвращается съ прогулки—и они оба начинаютъ ворковать. Клермонтъ упрашиваетъ ее не оставлять его на этотъ вечеръ одного — Эвелина говоритъ ему, что она дала слово быть у кого-то. Новое подтвержденіе свирѣпыхъ подозрѣній Клермонта! Наконецъ, на его неотступныя воркованія она соглашается остаться, проситъ его отдохнуть, а сама проситъ позволенія побыть въ своей комнатѣ, къ которой подходитъ, хлопаетъ дверью и на цыпочкахъ уходитъ въ другую дверь, потому что, еще во время ея разговора съ мужемъ Викторина дѣлала ей знаки и говорила, что ее ждутъ. Узнавши, что жены нѣтъ дома, Клермонтъ подходитъ къ окну своей комнаты, находящейся въ третьемъ этажѣ, чтобы выпрыгнуть изъ нея и «смертію окончить жизнь свою», какъ вдругъ вбѣгаетъ Эвелина... Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что она рѣшилась, изъ любви къ мужу, опредѣлиться на сцену и своимъ блестящимъ талантомъ доставить ему довольство; что же до виконта, онъ сначала хотѣлъ ее соблазнить, а потомъ, видя неудачу и тронувшись ея добродѣтелью (вѣрность жены мужу во Франціи почитается добродѣтелью, и еще столь же геройскою, сколько и рѣдкою), безкорыстно помогалъ ей въ ея предпріятіяхъ. Клермонтъ въ упоеніи блаженства отъ сугубой добродѣтели жены, увѣренность въ которой послѣ страшнаго сомнѣнія для него тѣмъ отраднѣе. Къ довершенію всего, онъ узнаетъ, что благодаря таланту жены, они снова богаты, и онъ можетъ ѣхать въ Берлинъ къ славному окулисту, который очень дорого беретъ за свои операціи и только одинъ въ состояніи возвратить ему зрѣніе. Такъ какъ жена его (г-жа Орлова) явилась такъ кстати прямо со сцены, и въ костюмѣ Испанки, то Клермонтъ (г. Мочаловъ) и восклицаетъ: «Какъ она должна быть прекрасна въ этомъ костюмѣ»! Восклицаніе осталось безъ аплодисмана, но когда Эвелина упала передъ мужемъ на колѣни, обняла его колѣни, а онъ началъ ворковать, и занавѣсь начала опускаться, то публика пришла въ неописанный восторгъ отъ таковой чувствительно патетической сцены...

Драма, какъ изволите видѣть, довольно плоховата, какъ и всѣ французскія драмы: но дѣло въ томъ, что когда ихъ играютъ французскія артисты, то на сценѣ онѣ прекрасны; а когда ихъ играютъ русскіе артисты, (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ), онѣ бываютъ невыразимо дурны, еще хуже, чѣмъ въ чтеніи. Когда піеса русская, то-есть въ русскихъ правахъ, то и наши артисты хороши,и въ ихъ игрѣ есть даже цѣлость и общность (ensemble); но когда піеса переводная, особенно съ французскаго и, слѣдовательно, требующая живости и свѣтской ловкости, то два-три таланта еще доставятъ вамъ наслажденіе; остальные же заставятъ васъ съ лихвою расплатиться за это наслажденіе, а общность піесы напомнитъ вамъ балаганныя представленія.

Что сказать о выполненіи «Жены артиста»? Сквозь вычурную манерность игры г. Мочалова промелькивали иногда и благородная простота и теплота чувства. Г-жа Орлова всегда прекрасна, и ей за это всегда аплодируютъ; удивительно ли, что и на этотъ разъ публика была ею очень восхищена?— Г. В. Степановъ, былъ въ роли Августина, очень потѣшенъ, но нимало не милъ...

«Цыганы» есть не что иное, какъ драматическая часть поэмы Пушкина, безъ перемѣнъ взятая изъ нея цѣликомъ, разумѣется, съ выпускомъ эпической, отъ чего и здравый смыслъ выпустился. Комедь началась пѣніемъ г. Бантышевымъ пѣсни «Мы живемъ среди полей» и пляскою табора, въ которомъ была одна женщина — Земфира (г-жа Рѣпина). Публика заставила г. Бантышева (игравшаго роль молодаго цыгана), повторить пѣсню. Затѣмъ у Алеко (г. Мочалова) начался разговоръ съ Земфирою, а послѣ разговора, Земфира тотчасъ начала пѣть «Старый мужъ, грозный мужъ». Въ этомъ пѣніи г-жа Рѣпина вся была — огонь, страсть, трепетъ, дикое упоеніе.... Публика заставила ее повторить.... Но играла она также дурно, какъ и г. Мочаловъ, то есть очень дурно. Г. Орловъ читалъ монологи стараго цыгана,

этого дивнаго, великаго характера, созданнаго колоссальнымъ генiемъ Пушкина; при тепломъ и глубокомъ чувствѣ Щепкина и его превосходномъ талантѣ, это чтенiе произвело бы сильный эффектъ, и публика поняла бы стараго цыгана, отца Земфиры, какъ абсолютнаго человѣка въ естественной непосредственности... Сцена убiйства была просто смѣшна.

«Первое представленiе «Мельника, колдуна, обманщика и свата» есть одно изъ новѣйшихъ произведенiй неутомимаго новаго петербургскаго драматурга, Н. А. Полеваго. Кстати: чтобы напитаться его духомъ и тѣмъ лучше понять эту пiесу, мы въ тотъ день, какъ готовились идти въ театръ, прочли въ послѣдней книжкѣ медленно выступающаго «Сына Отечества» еще одно изъ новѣйшихъ драматическихъ произведенiй Н. А. Полеваго—«Ода премудрой царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Фелицѣ». Штучка славная-съ! особенно намъ понравилось лице Державина: онъ безпрестанно читаетъ свои стихи, или разсуждаетъ въ канцелярiи о высокомъ и прекрасномъ, и притомъ такъ высоко и прекрасно, такъ чуждо обыкновеннаго человѣческаго языка, что тотчасъ увидишь, что это не простой человѣкъ, а великiй поэтъ и «наукамъ учился». Словомъ, «молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-трехъ, а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я поѣду: и туда и туда... такъ это все славно. Я, говоритъ, и написать и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ канцелярiи, говоритъ, немножко темно». И это нисколько не странно: въ старину, то есть во время Н. А. Полеваго, всѣ были убѣждены, что поэтъ непремѣнно долженъ быть нѣсколько помѣшанный человѣкъ: говорить громкiя фразы о вдохновенiи, о поэтическомъ призванiи, о своемъ генiи и своихъ созданiяхъ, не быть способнымъ ни къ какому дѣлу, со всѣми спорить и высказывать толпѣ всевозможное презрѣнiе. Новѣйшее поколѣнiе думаетъ совсѣмъ иначе: оно отъ души смѣется надъ идеальнымъ Чацкимъ, какъ надъ полоумнымъ, и хочетъ, чтобы поэтъ только въ своихъ творенiяхъ былъ поэтомъ, а

въ обществѣ являлся бы въ сюртукѣ или фракѣ, а не въ поэтическомъ мундирѣ съ мишурнымъ ореоломъ на головѣ. И самые поэты новаго времени, смотрятъ на предметъ съ этой же точки зрѣнія. Извѣстно, что Пушкинъ съ большею частію людей разговоръ о лошадяхъ предпочиталъ разговору о поэзіи, о которой просто бесѣдовалъ или въ задушевномъ кругу, или съ самимъ собою, и пуще всего на свѣтѣ не терпѣлъ, чтобы на него смотрѣли и съ нимъ обращались, какъ съ поэтическою знаменитостію, или даже говорили при немъ о его сочиненіяхъ. Въ этомъ видѣнъ духъ времени. Наполеонъ стòитъ Александра Македонскаго, или Юлія Цезаря, но ходилъ не въ мантіи, а въ сѣромъ сюртукѣ, не въ шляпѣ, а въ уродливой трехъ-уголкѣ; но зато сколько безконечной поэзіи въ этомъ сѣромъ сюртукѣ и въ этой уродливой трехъ-уголкѣ, и не странно ли было бы, еслибы онъ надѣлъ рыцарскіе доспѣхи и шлемъ!... Но мы заговорились: обратимся къ піесѣ. Послѣ Державина, самое интересное лице въ ней Хемницеръ. Онъ вретъ глупости насчетъ многаго и хотя можно съ нимъ и не спорить, но ужь никакъ нельзя согласиться, чтобы Державинъ былъ великій человѣкъ, потому что Хемницеръ умнѣе его съ своими пошлыми побасенками, которыми онъ такъ плоско резонерствуетъ, и потому что поэзія—безумство: это старая пѣсня двадцатыхъ годовъ... Впрочемъ, славная піеса, господа! Прочтите!...

У Сумарокова есть воспитанница, которая любитъ Аблесимова, переписчика его сочиненій, и которую оный Аблесимовъ обожаетъ. Сія дѣвица не терпитъ Жукова, племянника Тредьяковскаго и плохаго стихотворца, а оный Жуковъ плѣненъ ея красотою, подло льститъ авторскому самолюбію Сумарокова и получаетъ его обѣщаніе выдать за него свою воспитанницу. Аблесимовъ признается Сумарокову въ любви къ его воспитанницѣ — Сумароковъ этимъ только что не оскорбляется, какъ нелѣпостью, говоря, между прочимъ, что онъ отдастъ свою воспитанницу только за «сочинителя».—О, если только

за этимъ стало дѣло, восклицаетъ Аблесимовъ: то вы моя, Анна Ивановна! — и подаетъ Сумарокову рукопись своего «Мельника, Колдуна, Обманщика и Свата». Сумароковъ смѣется надъ піесою, какъ надъ образцовою глупостью, потому что ея герои—русскіе мужики и бабы. Аблесимовъ замѣчаетъ ему, что онъ самъ изображалъ, въ своихъ трагедіяхъ, русскихъ людей съ русскими именами—Синава, Димитрія, Ксенію и пр. «Но я облагородилъ и украсилъ ихъ!» восклицаетъ Сумароковъ: «я сдѣлалъ изъ нихъ Ахиллесовъ, Агамемноновъ, Клитемнестръ, только съ русскими именами; а въ эклогахъ у меня все Даметы Хлои, Титиры, а не Ваньки, Ѳомки и Маврушки! Ты не знаешь піитики, а берешься писать—вотъ и вышелъ вздоръ!» Словомъ, начинается споръ, въ которомъ Сумароковъ отстаиваетъ піитическія правила (или классицизмъ), а Аблесимовъ — природу и естественность (или романтизмъ). Короче: это продолженіе того же гоненія на классиковъ, которое началось еще съ «Московскаго Телеграфа», и только поэтому Аблесимовъ, невзначай написавшій хорошенькую піеску, и разсуждаетъ довольно умно, въ разсудочномъ смыслѣ. Въ этомъ спорѣ Сумароковъ съ ужасомъ узнаетъ, что Аблесимовъ отдалъ уже свою піесу на театръ, и она тотъ же вечеръ будетъ дана; онъ предсказываетъ ему смѣхъ и свистки, какъ достойное наказаніе за его незнаніе піитики. Аблесимовъ рѣшается на удачу и требуетъ у Сумарокова слова выдать за него свою воспитанницу, если публика хорошо приметъ его «Мельника», и самъ отказывается отъ своихъ притязаній, если піеса падетъ. Увѣренный въ паденіи піесы, Сумароковъ даетъ ему слово и руку и проситъ Тредьяковскаго, пришедшаго къ концу ихъ спора и принявшаго сторону «піитики», разнять ихъ въ качествѣ свидѣтеля. Входитъ Богданъ Богдановичъ Книперъ, содержатель вольнаго театра въ Петербургѣ,—и Сумароковъ напускается на него за то, что онъ безъ его согласія рѣшился взять на сцену такую дрянь, которая возбудитъ об-

щій ропотъ и отъ которой ему будетъ большой убытокъ. Богданъ Богдановичъ въ отчаяніи, что піесы уже нельзя отмѣнить, потому что сейчасъ же должно начаться ея представленіе. Онъ уходитъ. Является Жуковъ, подличаетъ передъ Сумароковымъ, предсказываетъ паденіе «Мельника» и уходитъ въ театръ. Остаются Сумароковъ и Тредьяковскій, читаютъ другъ другу отрывки изъ своихъ твореній и ссорятся: сцена, напоминающая Триссотина и Вадіуса. Раздраженный Тредьяковскій уходитъ, забывши взять свое милое пяти-пудовое чадо, рукопись «Телемахиды». Сумароковъ пишетъ на него эпиграмму. Вдругъ вбѣгаетъ Богданъ Богдановичъ и зоветъ его въ театръ къ Шувалову и другимъ вельможамъ, возвѣщая притомъ, что «Мельникъ» имѣлъ неслыханный успѣхъ у публики, отъ вельможъ до черни. Встревоженный Сумароковъ уходитъ съ нимъ. Входятъ Аблесимовъ; онъ уже въ отчаяніи, что рѣшился отдать піесу на театръ, не посовѣтовавшись съ Сумароковымъ; онъ уже упрекаетъ себя и за то, что оспоривалъ его премудрыя мнѣнія объ искусствѣ. Входитъ Анна Ивановна и горюетъ съ нимъ вмѣстѣ. Вдругъ является изъ театра Жуковъ. Онъ взбѣшонъ на Сумарокова за то, что тотъ давши ему слово за свою воспитанницу, далъ также слово и Аблесимову, въ случаѣ удачи его піесы, которая, какъ онъ это самъ сейчасъ видѣлъ, очень удалась. И вотъ онъ хочетъ отомстить, сказавши Аблесимову и Аннѣ Ивановнѣ, что піеса пала. Любовники въ отчаяніи; но приходитъ Сумароковъ, радушно поздравляетъ Аблесимова съ успѣхомъ піесы и съ невѣстою, и, узнавши о продѣлкѣ Жукова, выгоняетъ его. Приходитъ Тредьяковскій, говоря, что онъ забылъ тетрадку. Сумароковъ весело его встрѣчаетъ и предлагаетъ мировую за бокаломъ вина; Тредьяковскій хочетъ читать свою «Дейдамію», но всѣ выходятъ, и занавѣсъ медленно опускается передъ чтецомъ, не замѣчающимъ отсутствія слушателей.

Піеска, какъ видите, не очень затѣйливая, съ самыми обык-

новенными и истертыми пружинами классической комедіи: съ благороднымъ отцомъ, pére noble (Сумароковъ), съ дочерью (Анна Ивановна) и ея любовникомъ, съ соперникомъ-мерзавцемъ (Жуковъ) и двумя шутами (Тредьяковскимъ и Книперомъ). Словомъ, одна изъ тѣхъ драматическихъ посредственностей, которыя, бывало, въ «Московскомъ Телеграфѣ» Н. А. Полевой такъ умно и энергически преслѣдовалъ, какъ уголовныя преступленія противъ здраваго вкуса и здраваго смысла. Характеръ Сумарокова совершенно искаженъ: это добрякъ съ слабостію къ стихотворству, котораго можно согласить на все, льстя его слабости. и которой отъ души радъ успѣху Аблесимова, незнающаго піитики, и на радости прощаетъ Тредьяковскому его оскорбленіе. Не таковъ былъ Сумароковъ: онъ принималъ похвалы, какъ дань, должную россійскому Лафонтену, Расину, Мольеру и Вольтеру, и за нихъ не почиталъ себя нисколько обязаннымъ; а сомнѣніе въ своей геніальности принималъ за невѣжество, за помѣшательство въ умѣ или за кровную обиду. Успѣхъ піесы, написанной не по правиламъ піитики, сдѣлалъ бы его кровнымъ врагомъ отцу родному, не только какому-нибудь Аблесимову, переписчику его твореній. Это была одна изъ самыхъ раздражительныхъ, изъ самыхъ страстныхъ посредственностей, съ такимъ же даромъ къ поэзіи, и съ такимъ же чудовищнымъ самолюбіемъ, какъ и Тредьяковскій, но съ лучшимъ языкомъ, сильнѣйшими страстями и бо́льшимъ смысломъ.

Какъ изобразилъ авторъ Сумарокова—г. Потапчиковъ выполнилъ его не только умно, но и талантливо, съ большимъ искусствомъ и большею естественностію. Тредьяковскаго игралъ Щепкинъ и, разумѣется, игралъ превосходно, художественно. Впрочемъ, онъ не столько *понялъ*, сколько создалъ эту роль. Поэтому, съ перваго появленія его на сцену, до того, какъ онъ остается на ней читать «Дейдамію», смѣхъ и рукоплесканія не умолкали и разрѣшались въ громкій, единодушный вызовъ. Г-жа Орлова была очень къ лицу приче-

сана постариному и выполнила свою роль просто, благородно, тепло и умно. По болѣзни г. Никифорова, роль Киппера игралъ г. Рославскій, и игралъ ее съ старинными кривляньями и самыми плоскими фарсами. Это одна изъ тѣхъ посредственностей, которыхъ Французы называютъ utilités, но которыя свирѣпо портятъ себя неумѣстными притязаніями на геніальность. Вообще піеса шла хорошо, цѣлостно и была принята публикою съ восхищеніемъ не смотря на литературность ея содержанія не совсѣмъ доступную. Это одна и та же исторія: въ піесѣ съ содержаніемъ изъ русской жизни, безъ трагическихъ ходуль, и хоть мало-мальски порядочно слѣпленной, и актеры всѣ хороши, и въ игрѣ есть общность; а публика всегда довольна и хорошо принимаетъ такую піесу.

Заключительною піесою бенефиса былъ очень миленькій французскій водевиль «Меръ по выбору и смѣлый по неволѣ» который шелъ очень ладно, и въ которомъ г. Живокини восхитилъ публику милою оригинальностію и неподражаемою веселостію и естественностію своей игры. Какой это прекрасный талантъ! Сколько оригинальности, умѣнья занять публику даже самою плохою ролью! Да, еслибы г. Живокини повыше смотрѣлъ на свое искусство, то оставилъ бы въ его лѣтописяхъ славное имя!

Бенефисъ кончился въ четверть одиннадцатаго; и много и разнообразно, кое-что и хорошо, и недолго,—чего же больше?

Москва. 1838, октября 15.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

1.

ВЕЛИЗАРІЙ. *Драма въ стихахъ, и въ пяти отдѣленіяхъ, пер. съ нѣмецкаго (Ободовскимъ). Спектакль 31-го октября*

(Изъ письма Москвича).

......Да, господа, жить безвыѣздно въ Москвѣ и потомъ пріѣхать въ Петербургъ—это значитъ, изъ одного міра перелетѣть въ другой, совершенно на первый не похожій. Я теперь особенно понялъ, какъ смѣшны и нелѣпы споры о превосходствѣ одной столицы передъ другою. Эти споры такъ же дѣтски и неосновательны, какъ споры о превосходствѣ одного геніальнаго произведенія искусства предъ другимъ, тоже геніальнымъ, вслѣдствіе которыхъ если «Гамлетъ» превосходенъ, то «Макбетъ» никуда не годится, и наоборотъ. Нѣтъ, Москва имѣетъ свое значеніе, котораго не имѣетъ Петербургъ, но и она такъ же не можетъ замѣнить Петербурга, какъ и Петербургъ ея: каждый изъ этихъ городовъ хорошъ по своему, каждая изъ столицъ лучше другой, каждая одна другой хуже. Я еще не осмотрѣлся въ Петербургѣ, чему причиною и то, что общность его такъ сильно и мощно охватила мою душу, что она не въ состояніи сосредоточиться ни на одной частности и разсмотрѣть ее. Хотя Петербургъ въ осеннее и зимнее время не имѣетъ и половины своего значенія, являясь во всемъ своемъ поэтическомъ блескѣ только весною и лѣтомъ, но я уже заколдованъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вскользь увидѣть Неву, чтобы почесть себя перенесеннымъ въ какое-то волшебное царство съ крутыхъ береговъ безводной Москвы-рѣки... По мѣрѣ

моего ознакомленія съ частностями Петербурга, я буду постоянно и въ порядкѣ отдавать вамъ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ, и теперь же начну это—съ театра.

Не буду распространяться о впечатлѣніи, которое произвела на меня рѣзкая разность Александринскаго театра отъ московскаго Петровскаго, и доказывать, что послѣдній несравненно лучше, великолѣпнѣе и, такъ-сказать, столичнѣе. Александринскій и меньше и тусклѣе; но что̀ мнѣ показалось неоспоримымъ преимуществомъ его передъ Петровскимъ и истинною красотою — такъ это то, что онъ былъ полнехонекъ, что въ немъ не было мѣста пустаго: съ Петровскимъ это случается только въ самые блистательные бенефисы любимцевъ московской публики—Мочалова и Щепкина, а чаще всего, при представленіи новаго балета съ блестящими декораціями, какъ напримѣръ, «Дѣва Дуная», которая только теперь начинаетъ надоѣдать московской публикѣ, обыкновенно предпочитающей декораціи и танцы драмѣ и ея художественному выполненію... но я заговорился: эта разница не театровъ, а публики обѣихъ столицъ. И эта разница очень рѣзка. Съ перваго взгляда видно, что для петербургской публики театръ совсѣмъ не то, что для московской: для первой онъ необходимость, для второй — развлеченіе. Спрашиваю васъ: много ли въ Петровскій театръ сошлось бы народу на новую піесу неизвѣстнаго автора и переведенную человѣкомъ, конечно, не безъ дарованія, но совершенно неизвѣстнымъ въ литературѣ, и притомъ, когда эта піеса дается не въ бенефисъ Мочалова или Щепкина, а въ обыкновенный спектакль, и еще—что̀ въ Москвѣ очень важно—не въ воскресный день, а въ будни?... Обыкновенно, московская публика внимательна только мѣстами, когда ее самовластно увлекаетъ могущество вдохновенія артиста и обаятельная сила драматическаго положенія или геніальность сцены; но за то, какъ скоро сцена ей не нравится, или артисты дурно выполняютъ ее, еслибы вы хотѣли внимательно слѣдить за связью и ходомъ піесы,

вамъ не дадутъ этого сдѣлать разговоры, смѣхъ кашлянье, сморканье и проч. Когда даютъ драму—московская публика смотритъ Мочалова, не думая о драмѣ и какъ будто не замѣчая другихъ артистовъ, участвующихъ въ ней. Для нея драма—Шекспира или г. Полеваго, все равно—есть не произведеніе искусства, существующее по себѣ и для себя, а средство для Мочалова показать себя. Въ Петербургѣ напротивъ: здѣсь піеса не отдѣляется отъ сценическаго выполненія и столько же заинтерисовываетъ публику, какъ и выполненіе. Какъ бы ни была скучна сцена и какъ бы ни дурно выполнялась она, ее слушаютъ и смотрятъ внимательно, какъ бы боясь упустить изъ виду нить развитія, связь, ходъ и цѣлость піесы. Малѣйшій отдѣльный разговоръ или шопотъ возбуждаетъ общее негодованіе и прерывается шиканьемъ. Какъ бы ни неудаченъ былъ эффектъ, который старается произвести актеръ, но если въ его эффектѣ есть мысль или даже только смыслъ, если, по крайней мѣрѣ, видно намѣреніе со смысломъ — внимательная публика тотчасъ замѣчаетъ это, и слишкомъ снисходительная, и благодарная, награждаетъ артиста громкимъ и единодушнымъ аплодисманомъ. Петербургскіе артисты не могутъ пожаловаться на свою публику, и если который изъ нихъ не замѣченъ ею, или не пользуется ея благосклонностію—значитъ, что онъ ужь плохъ. Въ Москвѣ ходятъ въ театръ бо́льшею частію отъ нечего дѣлать, чтобы ничѣмъ кончить день, начатый и продолженный ничѣмъ. Петербургскій театръ наполняется бо́льшею частію дѣловымъ народомъ, который, поработавъ въ департаментахъ часовъ семь, заходитъ въ него, не оттого, что проходитъ мимо, но идетъ въ него отдохнуть, освѣжиться, и не развлекается не забавляется, а наслаждается театромъ. Видите ли: дѣловая жизнь не убиваетъ любви къ изящному, но еще больше развиваетъ и усиливаетъ ее. Не выдаю вамъ всего этого за непреложный фактъ: можетъ-быть, больше приглядѣвшись, я принужденъ буду или совсѣмъ отступиться отъ такого заключенія о любви

петербургской публики къ театру, или много сбавить изъ него; по крайней мѣрѣ, то, о чемъ я пишу къ вамъ, я видѣлъ собственными глазами, а не сквозь чужія очки.

Теперь мнѣ надо познакомить васъ съ драмою. Она раздѣлена на пять отдѣленій съ эффектными названіями; въ Петербургѣ это любятъ, для Москвы же это пустая и фразерская уловка: не знаю, правъ ли Петербургъ, но какъ истинный Москвичъ, я согласенъ съ Москвою... Итакъ, на пять отдѣленій: первое называется «Тріумфаторъ». Антонина, жена Велизарія, и Елена, дочь его, говорятъ о скоромъ прибытіи мужа и отца. Дочь замѣчаетъ, что мать не оживлена радостію при мысли о скоромъ свиданіи съ мужемъ, но что напротивъ, она грустна и таитъ какую-то тяжкую мысль. Насказавъ множество общихъ риторическихъ мѣстъ, Елена, сопровождаемая подругой своею, Олимпіею, бѣжитъ во срѣтеніе отцу. Антонина одна на сценѣ, и мы узнаемъ отъ нея, что ея сердце полно ненависти и жажды мщенія противъ Велизарія. У нея былъ сынъ, дитя, котораго Велизарій укралъ у ней, у сонной, и велѣлъ убить; а самъ сказалъ женѣ, что ее дитя внезапно умерло, и что, не желая усиливать ея горести, онъ велѣлъ его похоронить во время ея сна. Но вотъ недавно, умирая, рабъ открылъ ей, что ея сынъ не умеръ, а былъ похищенъ, и что онъ, по приказанію своего господина, оставилъ его на морскомъ берегу, гдѣ онъ, вѣроятно растерзанъ звѣрями; что господинъ его сдѣлалъ этотъ варварскій поступокъ вслѣдствіе одного пророческаго сна, который, по объясненію астрологовъ, давалъ знать, что сынъ Велизарія погубитъ и отца своего и свое отечество. Антонина, какъ глубоко-оскорбленная мать, клянется мужу страшною местію. Входятъ Руфинъ и Евтропій, враги Велизарія, и она условливается съ ними о мщеніи. Перемѣна декорацій. Императоръ Юстиніанъ разспрашиваетъ одного изъ придворныхъ о поведеніи Велизарія въ его тріумфальномъ шествіи по столицѣ. Раздаются торжественные звуки марша, знаменосцы несутъ побѣдныхъ ор-

ловъ, передовой отрядъ воиновъ ведетъ плѣнныхъ Вандаловъ, и на торжественной колесницѣ, везомой народомъ, является Велизарій. Сошедши съ колесницы, онъ снимаетъ съ головы лавровый вѣнокъ и полагаетъ его къ ногамъ владыки. Императоръ собственною рукою снова возлагаетъ ему вѣнокъ на голову, Велизарій представляетъ императору плѣнниковъ и проситъ имъ пощады и милости: императоръ даритъ ихъ ему, съ правомъ—располагать ихъ участью, и уходитъ. Велизарій даритъ плѣнниковъ свободою и обѣщаетъ обезпеченіе ихъ участи: они бросаются къ его ногамъ съ кликами восторженной благодарности. Только одинъ Аламиръ, молодой Вандалъ, молчитъ. Этотъ Аламиръ — дитя, найденное тирскими купцами на берегу моря и проданное ими вандальскому царю, который и воспиталъ его какъ сына. На вопросъ Велизарія, отчего онъ не радуется свободѣ, онъ отвѣчаетъ, что хочетъ жить и умереть при немъ.—Нѣжная сцена. Декораціи перемѣняются. Велизарій дома—мрачная тоска и смущеніе жены приводятъ его въ смущеніе: она говоритъ ему значительно, что умеръ его любимый рабъ — онъ радуется въ душѣ, что съ этою смертію умерла роковая тайна сыноубійства. Второе отдѣленіе «Месть матери». Открывается занавѣсъ—и является Аламиръ. Его восхищаетъ Византія, ему хочется быть Римляниномъ. Вбѣгаетъ Елена, и съ ужасомъ объявляетъ, что ея отца императоръ зоветъ въ сенатъ черезъ нарочнаго. Входитъ Велизарій, и дочь съ ужасомъ извѣщаетъ его о требованіи императора. Велизарій говоритъ, что ему нечего бояться, что совѣсть его чиста. Декораціи перемѣняются—мы видимъ сенатъ. Императоръ извѣщаетъ сенаторовъ о доносѣ на Велизарія въ государственной измѣнѣ, требуетъ суда безпристрастнаго, но и строгаго. Является Велизарій—и входитъ на сцену Руфинъ и Евтропій, какъ обвинители. Главное обвиненіе—письмо Велизарія къ женѣ. «Твоя ли это рука?...» спрашиваетъ Руфинъ. «Моя», отвѣчаетъ Велизарій—начинаетъ читать и, съ изумленіемъ и ужасомъ видитъ, что выраженія

нѣжности друга и отца перемѣшаны съ фразами о заговорѣ для низверженія императора съ трона. «Рука точно моя, но я не писалъ этого!» восклицаетъ Велизарій: «пусть оправдываетъ меня жена!» Входитъ Антонина и подтверждаетъ справедливость доноса Руфина и Евтропія; приведенный въ удивленіе и ужасъ, Велизарій проситъ ее быть справедливою именемъ Бога и святости ихъ брачнаго союза. Тогда Антонина, въ полголоса говоритъ ему, что это месть матери, что умирающій рабъ ей все открылъ. По уходѣ Антонины, Велизарій признается въ преступленіи сыноубійства, въ которомъ его никто не обвинялъ и за которое, по этому его не могутъ и судить, какъ еще, кромѣ того, за преступленіе частное, семейное и учиненное для блага отечества и государя. Но ничто не помогаетъ—и Велизарій, не дожидаясь рѣшенія императора и сената, велитъ подать себѣ цѣпи и идетъ въ темницу. Не помню хорошенько, въ этомъ, или въ слѣдующемъ отдѣленіи, приходятъ къ императору представители войска, чтобы просить у него помилованія Велизарію отъ смертной казни. Императоръ соглашается перемѣнить смерть на изгнаніе и значительнымъ голосомъ предписываетъ Руфину и Евтропію позаботиться, чтобы Велизарій никогда не могъ увидѣть его лица. Руфинъ истолковываетъ повелѣніе императора буквально,—и при перемѣнѣ декорацій является Велизарій слѣпой и въ рубищѣ. Какой-то мальчикъ вызывается быть ему вожатымъ, онъ проситъ его сбѣгать въ домъ, чтобы сказать о немъ слово дочери его Еленѣ, и узнаетъ, что этотъ мальчикъ-вожатый—его дочь. Сцена въ чувствительно-патетическомъ родѣ нѣмецкихъ мелодрамъ. Между-тѣмъ, Антонина, насытивъ свою месть, приходитъ въ раскаяніе, свирѣпствуетъ и впадаетъ въ помѣшательство. Императоръ начинаетъ подозрѣвать Руфина и Евтропія, тѣмъ болѣе, что Аланы сдѣлали вторженіе въ имперію и съ малымъ числомъ войска разбили на голову огромное войско, порученное Руфину. Между-тѣмъ Велизарій приходитъ въ одну деревню; Елена оставляетъ его одного, чтобы

поискать ему питья, — и онъ слышитъ о себѣ разговоръ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ поетъ романсъ Мерзлякова. Другой крестьянинъ, нѣкогда служившій подъ его знаменами, узнаетъ его—трогательно-патетическая сцена. Далѣе Велизарій встрѣчается съ крестьянами, которые въ ужасѣ бѣгутъ отъ перваго отряда Алановъ, Наконецъ, онъ встрѣчается съ Октаромъ, начальникомъ Алановъ и съ Аламиромъ, который, горя мщеніемъ за Велизарія, воздвигнулъ Алановъ противъ имперіи. Посредствомъ разныхъ мелодраматическихъ штукъ и штучекъ, какъ-то: пеленокъ, родинокъ, бородавокъ и т. п., Велизарій узнаётъ, что Аламиръ — сынъ его. Октаръ предлагаетъ Велизарію принять начальство надъ его Аланами, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ Аламиромъ идти въ Византію. Велизарій, разумѣется, отказывается; тогда Октаръ объявляетъ Аламира своимъ плѣнникомъ. Велизарій говоритъ, что онъ скорѣе поразитъ сына собственною рукою, нежели допуститъ его сдѣлаться врагомъ отечеству, — и въ самомъ дѣлѣ заноситъ кинжалъ надъ грудью сына; но, тронутый толикимъ великодушіемъ, Октаръ отпускаетъ ихъ обоихъ, и только старается взять съ Велизарія слово—не брать начальства надъ императорскими войсками, въ чемъ тотъ, разумѣется, начисто ему отказываетъ. Между-тѣмъ, императоръ призываетъ къ себѣ Антонину, желая разсѣять свои подозрѣнія о невинности Велизарія и тревогу своей совѣсти, что онъ осудилъ невиннаго; Антонина во всемъ признается, и въ присутствіи императора уличаетъ Руфина въ поддѣлкѣ подъ руку Велизарія. Императоръ допрашиваетъ Евтропія и заставляетъ его открыть истину: обоихъ ихъ онъ отсылаетъ на казнь. Велизарій подлѣ Византіи. Народъ бѣжитъ въ смятеніи отъ передовыхъ отрядовъ варварскаго войска, и встрѣчаетъ Велизарія: нѣкоторые узнаютъ его. Протогенъ и Леонъ, начальники императорской гвардіи, идутъ съ отрядомъ войска, неся въ рукахъ военачальническія регаліи; они разспрашиваютъ у народа—не видалъ ли кто слѣпаго Велиза-

рія, и увидѣвши его въ толпѣ, объявляютъ его, именемъ императора, главнымъ вождемъ войска, увѣдомляютъ о раскаяніи императора и казни клеветниковъ. При кликахъ восторженной толпы, Велизарій надѣваетъ на себя шлемъ, беретъ въ руки жезлъ военачальника и уходитъ. Вы думаете, что тутъ и конецъ трагедіи: нѣтъ, до конца еще далеко. Приходитъ императоръ и разглагольствуетъ съ Еленой. Зачѣмъ и какъ-то приходитъ сошедшая съ ума Антонина и очень нелѣпо начинаетъ свирѣпствовать. Потомъ приходитъ вѣстникъ или наперсникъ и возвѣщаетъ, что Велизарій одержалъ побѣду надъ варварами. Далѣе кто-то доноситъ, что Аламиръ убитъ и самъ Велизарій опасно раненъ. Наконецъ, несутъ умирающаго Велизарія, и Антонина опять начинаетъ свирѣпствовать, въ самомъ смѣшномъ смыслѣ этого слова; но, къ удовольствію зрителей, она скоро умираетъ. Оставшіеся въ живыхъ ждутъ пока умретъ Велизарій, — разглагольствуя риторическими фразами; Велизарій умираетъ — и они перестаютъ мучить публику нескончаемою болтовнею.

Уфъ! насилу досказалъ!... Очень ясно, что это не трагедія, не драма, а мелодрама въ чувствительно-нѣмецкомъ родѣ. На сценѣ она хороша, но читать ея нѣтъ возможности; да и на сценѣ она хороша только по милости г. Каратыгина 1-го, и еще была бы лучше, еслибы не была растянута и начинена, для связи, бездушными сценами. Какъ во всѣхъ дюжинныхъ посредственностяхъ такого рода, въ этой драмѣ каждое лицо не дѣйствуетъ, а говоритъ за себя, то есть описываетъ свои качества и обстоятельства. Злодѣи смѣшны, пошлы до послѣдней крайности. Характеровъ нѣтъ. Всѣхъ хуже лицо Юстиніана. Это какой-то добрякъ, котораго всѣ обманываютъ. Переводъ хорошъ — г. Ободовскій владѣетъ стихомъ; только мы совѣтовали бы ему избѣгать шестистопнаго ямба, который такъ, для слуха и для ума, напоминаетъ классическія трагедіи Сумарокова и Хераскова съ братіею.

Вообще, эта піеса для сцены такъ хороша, какъ вѣроятно

не надѣялся ни самъ авторъ, ни переводчикъ,—и это дѣло г. Каратыгина, выполняющаго роль Велизарія. Г. Каратыгинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ художниковъ, которые въ высшей степени постигли внѣшнюю сторону своего искусства. Я никому не навязываю моихъ убѣжденій, но не отказываю себѣ въ правѣ имѣть свои убѣжденія и открыто выговаривать ихъ: я не пойду смотрѣть г. Каратыгина въ роли Гамлета, которую онъ играетъ искусно, но въ которой я требую отъ актера, кромѣ искусства, еще кой-чего такого, чего мнѣ не можетъ дать Каратыгинъ; я не пойду смотрѣть въ роли Лира ни Мочалова, ни Каратыгина, потому что въ первомъ, можетъ-быть, увижу Лира, но только Лира, а не короля Лира, а во второмъ—только короля, но не Лира короля; я не пойду смотрѣть на Каратыгина въ роли Отелло, потому что ровно ничего не увижу, но всегда пойду смотрѣть Мочалова въ этой роли, потому что если иногда тоже ничего не увижу, за то иногда много увижу, точно такъ же, какъ всегда пойду смотрѣть Мочалова въ роли Гамлета, потому что всегда увижу что-нибудь великое, а часто и много великаго; но я никогда не пойду смотрѣть Мочалова въ роли Лейчестера, Лудовика XI, Велизарія, и всегда пойду смотрѣть въ этихъ роляхъ Каратыгина. Игра Мочалова, по моему убѣжденію, иногда есть откровеніе таинства, сущности сценическаго искусства, но часто бываетъ и его оскорбленіемъ. Игра Каратыгина, по моему убѣжденію, есть норма внѣшней стороны искусства, и она всегда вѣрна себѣ, никогда не обманываетъ зрителя, вполнѣ давая ему то, что̀ онъ ожидалъ, и еще больше. Мочаловъ всегда падаетъ, когда его оставляетъ его волканическое вдохновеніе, потому что ему, кромѣ своего вдохновенія, не на что опереться, такъ какъ онъ пренебрегъ технической стороною искусства; поэтому онъ всегда падаетъ и тамъ, когда берется за роли, требующія отчетливаго выполненія, искусства—въ техническомъ смыслѣ этого слова. Каратыгинъ за всякую роль берется смѣло и увѣренно, потому

что его успѣхъ зависитъ не отъ удачи вдохновенія, а отъ строгаго изученія роли: поэтому онъ падаетъ только въ роляхъ и сценахъ, требующихъ, по своей сущности, огненной страсти, трепетнаго одушевленія, какъ въ Отелло; но его паденіе видно не толпѣ, а немногимъ знатокамъ искусства. Оба эти артиста представляютъ собою двѣ противоположныя стороны, двѣ крайности искусства, и оба они—представители нашихъ столицъ, со стороны вкуса и направленія публики. Оба они достойны того уваженія и той любви, которыми пользуется каждый на своей родной сценѣ. Безъ вдохновенія нѣтъ искусства; но одно вдохновеніе, одно непосредственное чувство, есть счастливый даръ природы, богатое наслѣдство безъ труда и заслуги; только изученіе, наука, трудъ дѣлаютъ человѣка достойнымъ и законнымъ владѣльцемъ этого часто случайнаго наслѣдства;—и они же утверждаютъ его дѣйствительность, а безъ нихъ оно и теряется и проматывается. Изъ этого ясно, что только изъ соединенія этихъ противоположностей образуется истинный художникъ, котораго, напримѣръ, русскій театръ имѣетъ въ лицѣ Щепкина. Односторонности сами по себѣ не удовлетворительны. Что̀ мнѣ за радость видѣть умное, отчетливое, но холодное выполненіе роли Отелло, въ которомъ можно простить неровности, промахи, неудачи, но въ которомъ нельзя простить недостатка бушующей, опустошительной страсти африканскаго тигра и великаго человѣка вмѣстѣ?... Съ другой стороны, что̀ мнѣ за радость, увидѣвши въ патетической сценѣ Лира съ дочерью истинно оскорбленнаго отца-короля, видѣть потомъ какого-то мѣщанина, который силится увѣрить, что будто онъ король!... Впрочемъ, въ историческомъ развитіи искусства односторонности имѣютъ свое значеніе, и потому будемъ желать, чтобы московскій Мочаловъ не переставалъ, какъ Весталка, хранить священный огонь сущности своего искусства, безъ которой нѣтъ искусства, а есть только умѣнье; и пусть петербургскій Каратыгинъ не перестаетъ по-

казывать, что̀ такое художественность формы, безъ которой и истинное искусство недостаточно и неполно...

Каратыгинъ создалъ роль Велизарія. Онъ является на сцену Велизаріемъ и сходитъ съ нея Велизаріемъ, а Велизарій, котораго онъ игралъ, есть великій человѣкъ, герой, который до своего ослѣпленія является грозой Готѳовъ и Вандаловъ, хранителемъ христіанскаго міра противу враговъ, а послѣ ослѣпленія

. . . Видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.

Я врагъ эффектовъ, мнѣ трудно подпасть подъ обаяніе эффекта; какъ бы ни былъ онъ изященъ, благороденъ и уменъ, онъ всегда встрѣтитъ въ душѣ моей сильный отпоръ; но когда я увидѣлъ Каратыгина-Велизарія, въ тріумфѣ везомаго народомъ по сценѣ въ торжественной колесницѣ, когда я увидѣлъ этого лавровѣнчаннаго старца-героя, съ его сѣдою бородою, въ царственно скромномъ величіи,—священный восторгъ мощно охватилъ все существо мое и трепетно потрясъ его... Театръ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій... А между тѣмъ, артистъ не сказалъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного движенія—онъ только сидѣлъ и молчалъ... Снимаетъ ли Каратыгинъ вѣнокъ съ головы своей и полагаетъ его къ ногамъ императора, или подставляетъ свою голову, чтобы тотъ снова наложилъ на нее вѣнокъ—въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ, видѣнъ герой, Велизарій. Словомъ, въ продолженіе цѣлой роли—благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ шагѣ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина; передъ вами безпрестанно являлось несчастіе въ величіи, ослѣпленный герой, который

. . . Видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы...

Мы не будемъ въ подробности разбирать игры и замѣчать

лучшія мѣста. Скажемъ только, что сцена, гдѣ поется романсъ Мерзлякова, была исполнена такого неотразимаго поэтическаго обаянія, о которомъ нельзя дать словами никакого понятія,—и это опять было дѣломъ Каратыгина: сѣдой герой, лишенный зрѣнія, сидѣлъ на пнѣ дерева, и лицомъ, движеніями головы и рукъ выражалъ тѣ грустно-возвышенныя ощущенія, которыя производилъ въ немъ каждый стихъ романса, пѣтаго о немъ крестьяниномъ, не подозрѣвавшимъ, что его слушаетъ самъ тотъ, о комъ онъ пѣлъ... Превосходная сцена!... Самъ романсъ хотя, по недостатку художественности, и сдѣлался нѣсколько тѣмъ, что свѣтскіе люди называютъ mauvais genre, но въ немъ такъ много чувства, души, нѣкоторые стихи такъ удачны, а музыка его такъ прекрасна, что его нельзя слушать безъ восторга и умиленія.

Г-жа Каратыгина занимала роль Антонины. Въ ея игрѣ много искусства въ техническомъ смыслѣ этого слова, но я рѣшительно не въ состояніи привыкнуть къ ея пѣвучей дикціи, къ ея выкликиваніямъ и вскрикиваніямъ, къ ея рисующимся позамъ и движеніямъ à la menuet. Впрочемъ, сцена обвиненія мужа передъ лицомъ императора и сената была прекрасна.

Мнѣ очень интересно было видѣть г. Брянскаго, потому что я, какъ Москвичъ, не имѣю никакого понятія о томъ, что такое на сценѣ роль короля, если эта роль второстепенная, т. е. если ее играютъ не Мочаловъ и не Каратыгинъ, а г. Козловскій и тому подобные. И въ самомъ дѣлѣ, г. Брянскій благородною, простою и величавою манерою, съ какою онъ держалъ себя въ роли Юстиніана, далъ мнѣ понятіе о королѣ, но его нѣсколько растянутая дикція такъ странна для уха варвара-Москвича, что я не былъ нисколько удовлетворенъ; нетерпѣливо желаю увидѣть г. Брянскаго въ такъ называемыхъ романтическихъ роляхъ, какъ-то Миллерѣ, Казимодо, въ которыхъ онъ, говорятъ, превосходенъ;—г. Брянскій по преимуществу петербургскій актеръ и потому едва ли бы

понравился московской публикѣ. Петербургскій театръ есть театръ преданія, въ которомъ искусство передавалось отъ одного таланта къ другому, въ которомъ еще живы имена Дмитревскаго, Яковлева, Семеновой. Г. Брянскій есть одна изъ яркихъ звѣздъ этого классическаго созвѣздія. Московскій театръ—плебей безъ предковъ, безъ преданія, безъ исторіи, романтикъ по своему духу, врагъ классицизма, пѣвучей дикціи и минуэтныхъ движеній. Въ этомъ опять рѣзко выразилась разница обѣихъ столицъ: въ Москвѣ—сущность дѣла, его идея и жизнь, въ Петербургѣ—изящная форма, поэтическая внѣшность. Конечно, пѣвучесть дикціи и минуэтность движеній давно уже не изящество; но они уже и въ Петербургѣ начинаютъ изчезать: Каратыгинъ представляетъ собой переходъ, середину между двумя крайностями, и его игра становится все проще и ближе къ натурѣ, такъ что видѣвшіе его два-три года назадъ, теперь едва ли бы узнали. Естественное, что если явится послѣ его достойный талантъ, онъ будетъ еще дальше отъ классическаго преданія, а между тѣмъ этому преданію будетъ обязанъ благородствомъ своихъ пріемовъ и всей внѣшней стороны своего искусства.

Г-жа Асенкова занимала роль Елены. Да, господа, слухи объ очаровательности г-жи Асенковой меня не обманули: она восхитительна, когда, является мальчикомъ... премиленькій мальчикъ... Она тоже обращаетъ большое вниманіе на внѣшнюю сторону искусства: ея лицо ни на минуту не бываетъ безъ дѣла; она то съ любовію смотритъ на отца, то хочетъ заплакать и когда закрывается платкомъ, то невольно повѣришь, что она плачетъ... Только жаль, что она слишкомъ утруждаетъ мускулы своего прекраснаго лица, усиливаясь дать ему то или другое выраженіе...

Роль Вандала Аламира игралъ г. Леонидовъ, и игралъ ее какъ истинный вандалъ: такъ сердито смотрѣлъ и такъ свирѣпо размахивалъ руками. Роль Руфина игралъ г. Толченовъ, который привелъ меня въ истинное восхищеніе. Вотъ,

господа, талантъ! Какъ г. Козловскій созданъ для ролей королей, такъ г. Толченовъ созданъ для ролей военачальниковъ; но для полнаго очарованія, ихъ непремѣнно должно видѣть вмѣстѣ, потому что царственность г. Козловскаго будетъ рѣзко проявляться только при военачальственности г. Толченова: первый худощавъ, важенъ; вторый довольно тученъ, какъ воинъ, которому нужна сила, и весело развязенъ, какъ солдатъ, который любитъ погулять. Говорятъ, что Китайцы имѣютъ обыкновеніе списывать множество портретовъ съ главнаго военачальника и разсылать ихъ къ окрестнымъ народамъ, чтобы держать ихъ черезъ это въ должномъ страхѣ и уваженіи къ небесной имперіи: величественная фигура г. Толченова создана для того, чтобъ быть идеаломъ такого военачальника...

Прочія лица, участвовавшія въ «Велизаріи»—посредственности, которыя ничѣмъ не отличаются отъ своихъ московскихъ собратій по ремеслу и таланту. Постановка вообще несравненно лучше московской; но гдѣ дѣйствуютъ толпы—такъ же худа, какъ и въ Москвѣ. Алапы гонятъ народъ, и вмѣсто народа, выбѣгаетъ человѣкъ десятокъ, которыхъ движенія показываютъ, что они очень хорошо знаютъ, что все это обманъ и что за кулисами, изъ-за которыхъ ихъ выслали, нѣтъ никакой опасности.

Итакъ вотъ вамъ отчетъ въ моемъ первомъ знакомствѣ съ петербургскимъ театромъ. Что́ еще увижу—не замедлю увѣдомить такимъ же образомъ.

2.

1) Женихъ на расхватъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго Д. Ленскимъ.*—Полковникъ старыхъ временъ. *Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. г. Мелевиля, Габріеля и Анжело. (Спектакль 21 ноября).*

2) Ужасный незнакомецъ, или у страха глаза велики. *Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, Соч. Н. А. Полеваго.* — Дѣдушка и внучекъ. *Драма-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ французскаго, Н. А. Коровкина, новая музыка, соч. Лядова (восп.).*—Такъ да не такъ. *Оригинальная комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. А. Коровкина.*—Послѣдній день Помпеи. *Оригинальная шутка въ двухъ декораціяхъ, съ куплетами, провинціальнаго быта. (Спектакль 11 декабря).*

(Изъ письма Москвича).

....Былъ въ Академіи художествъ и видѣлъ остатки выставки. Говорю «остатки», потому что большая часть картинъ и притомъ лучшихъ, уже была вынесена; осталось нѣсколько посредственныхъ произведеній, да еще портретовъ, которые, право, никакъ не могу понять, съ которой стороны относятся къ искусству... Искусство есть творчество, а списать вѣрно портретъ, т. е. скопировать съ натуры лице человѣка—совсѣмъ не значитъ что нибудь создать. Конечно, по портретамъ можно судить, до какой степени совершенства достигъ тотъ или другой господинъ (не могу сказать «художникъ»: портретистъ совсѣмъ не художникъ, а развѣ мастеръ) въ технической части искусства, которая, взятая сама по себѣ, отнюдь не есть искусство, а развѣ мастерство. — Вообще, соображаясь съ слухами и съ статьею «Сѣверной Пчелы», выставка была по-

средственная, въ которой очень немного было примѣчательнаго и, кажется, ровно ничего превосходнаго. Видѣлъ «Послѣдній день Помпеи», и пока ничего не могу сказать объ этомъ произведеніи ни pro, ни contra, потому что оно не произвело на меня никакого опредѣленнаго впечатлѣнія. Надо еще будетъ посмотрѣть, да поизучить. Я всегда питалъ непобѣдимое отвращеніе къ этимъ пустымъ и легкимъ судьямъ всего великаго, этимъ аматёрамъ-Хлестаковымъ, которые легко судятъ о тяжелыхъ вещахъ, которые, постоявъ минуты двѣ съ своимъ лорнетомъ передъ картиною, объявляютъ рѣшительно дурнымъ, можетъ-быть, великое созданіе, плодъ жаркихъ молитвъ, святаго вдохновенія, многихъ дней и ночей безъ сна и пищи,—объявляютъ его дурнымъ потому только, что оно имъ не понравилось и не произвело на нихъ сильнаго впечатлѣнія съ перваго раза; которые не понимаютъ, что иногда самое великое произведеніе потому именно и недоступно для скораго постиженія, что слишкомъ велико, что носитъ на себѣ отпечатокъ божественной простоты, а не блеститъ поразительными эффектами; что оно, наконецъ, требуетъ долговременнаго и добросовѣстнаго изученія... Но этимъ господамъ все трынъ-трава: съ судейскою важностію и свѣтскою легкостію готовы судить они хоть о тяжелыхъ трудахъ, напримѣръ, какого-нибудь Гегеля, и его философію—плодъ глубокой, всеобъемлющей учености, дѣятельной и многотрудной жизни, безкорыстно посвященной исключительному служенію истинѣ — пожалуй въ одну минуту объявятъ недостаточною, хотя и не лишенною достоинствъ, эфемернымъ, хотя и замѣчательнымъ явленіемъ,—они, которые не имѣютъ на это никакихъ правъ, пріобрѣтаемыхъ трудомъ и изученіемъ,—они, которые не знаютъ даже, въ какомъ форматѣ изданы творенія великаго мыслителя, и что распространеніе его ученія составляетъ теперь жизнь цѣлой Германіи и есть фактъ современной исторіи человѣчества... Богъ съ ними, съ этими господами!..: Постараемся не увлекаться безотчетнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ и

чужимъ мнѣніямъ, но также и не будемъ безотчетно увлекаться слѣпою довѣренностью къ собственнымъ впечатлѣніямъ, которыя часто бываютъ обманчивы, и къ собственнымъ мнѣніямъ, которыя, вслѣдствіе этого, еще чаще бываютъ ошибочны. И потому прошу не принимать моихъ словъ о картинѣ Брюлова за сужденіе, которое я позволю себѣ произнести только тогда, когда много часовъ будетъ проведено мною въ безмолвномъ созерцаніи этого произведенія, пользующагося такою громкою славою. Вмѣстѣ съ вами смотрѣлъ я, въ Москвѣ, на «Прометея» Доминикино, и вышелъ изъ залы съ какимъ-то неопредѣленнымъ и тяжелымъ чувствомъ съ затаенною досадою и на себя и на картину; а теперь эта картина не отстаетъ отъ меня, какъ-будто я сто разъ видѣлъ ее, какъ-будто и теперь еще стою передъ нею, и теперь еще вижу передъ собою эту перепрокинутую фигуру, изъ судорожно-растворениаго рта которой, слышится, исходятъ глухіе стоны, извергающіеся изъ груди, а не изъ горла,— а на челѣ, сморщенномъ и напряженномъ отъ невыразимаго страданія, какъ свѣтлый лучъ въ глубокомъ мракѣ, проблескиваетъ торжество побѣды... Кстати: въ залѣ Академіи я видѣлъ «Причащеніе св. Іеронима» Доминикина же: вотъ предметъ-то для наслажденія и изученія!... Много, много придется мнѣ писать къ вамъ!... Картина Бруни «Моленіе о чашѣ» не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что въ лицѣ Спасителя только страданіе и невольная страдальческая покорность, а не божественность; положеніе всей фигуры нѣсколько изыскано; а чаша въ воздухѣ гораздо больше говоритъ о содержаніи картины, нежели лице и положеніе Искупителя. Въ лицѣ Богочеловѣка должны быть схвачены два момента—человѣческій, какъ выраженіе страданія: Прискорбна есть душа моя до смерти; Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія»; и божественный, какъ выраженіе побѣды и торжества духа надъ плотію: «Обаче не яко азъ хощу, но яко же ты». Великій

предметъ, предъ которымъ смирится и устрашится фантазія самаго великаго, самаго геніальнаго художника!... Въ Эрмитажѣ еще не былъ, впереди еще много наслажденій, много писемъ къ вамъ во исполненіе обѣщанія отдавать вамъ самый подробный отчетъ во всемъ, чѣмъ поразятъ и усладятъ меня сокровища искусства, хранящіяся въ Петербургѣ. Теперь же снова обращаюсь къ предмету не столь высокому и поэтическому, не столь поразительному и усладительному — къ Александринскому театру...

Въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ я показывалъ вамъ Александринскій театръ со стороны драмы, теперь покажу вамъ его со стороны комедіи и водевиля. Эта пѣсня будетъ еще заунывнѣе, благодаря моему московскому варварству... Непріятно, господа, быть въ положеніи Скиѳа, вдругъ очутившагося въ Аѳинахъ; но не хочу и притворяться, а останусь Скиѳомъ, варваромъ, однимъ словомъ — Москвичомъ... Вообще театры обѣихъ нашихъ столицъ еще въ младенчествѣ: въ тѣхъ и другихъ есть таланты, и даже великіе, но нѣтъ еще сценическаго искусства, которое состоитъ въ цѣлостности представленія, въ томъ что̀ называется ensemble, и безъ чего нѣтъ сценическаго искусства, а можетъ быть только развѣ стремленіе къ нему. Кому это покажется страннымъ или ложнымъ, тому совѣтую побывать въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ... Но объ этомъ я скоро буду писать къ вамъ, а пока помолчу, тѣмъ болѣе, что это будетъ цѣлая исторія, только совершенно въ другомъ родѣ—пѣсня совсѣмъ на другой тонъ и ладъ... Но въ какомъ бы ни были состояніи наши театры обѣихъ столицъ, однако между ими есть разница. Не берусь вамъ показать ее, но попробую намекнуть, какъ я уже, и сдѣлалъ это въ первомъ моемъ письмѣ къ вамъ. Какъ истинные Москвичи, вы знаете въ чемъ разница между Мочаловымъ и Каратыгинымъ; подобная же разница есть и между Щепкинымъ и Сосницкимъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы Щепкинъ своими недостатками походилъ на

Мочалова и ими давалъ надъ собою верхъ Сосницкому, а въ томъ, что, оставляя въ сторонѣ неумѣстный споръ о степени таланта того и другаго артиста, нельзя не сознаться, что и у Сосницкаго есть своя сторона превосходства надъ Щепкинымъ, общая всему петербургскому. Если дочтете до конца это письмо, то увидите, о чемъ я говорю, и, можетъ-быть, согласитесь со мною, хотя съ перваго раза вамъ и покажется дикимъ такое мнѣніе со стороны чистаго Москвича. Итакъ, въ драмѣ ни Москвѣ передъ Петербургомъ, ни Петербургу передъ Москвою величаться нечѣмъ: у насъ (т. е. у Москвичей) Мочаловъ—здѣсь Каратыгинъ: у насъ Львова-Синецкая—здѣсь Каратыгина; у насъ Орлова—здѣсь (общее мнѣніе Петербурга) Асенкова; у насъ г. Козловскій—здѣсь г. Толченовъ; у насъ Самаринъ—здѣсь г. Леонидовъ (тотъ самый, что игралъ въ «Велизаріи» роль Вандала); у насъ въ трагедіи является иногда Щепкинъ — здѣсь Брянскій, а иногда и Сосницкій (какъ напр., въ роли Руджіеро, которую въ Москвѣ выполняетъ Щепкинъ); у насъ Орловъ, въ роляхъ Швейцера въ «Разбойникахъ», Уголино, Яго — здѣсь гг. Третьяковъ, Вороновъ и прочіе, хотя и въ другихъ роляхъ; но у насъ же Орловъ въ роли могильщика въ «Гамлетѣ», а здѣсь не знаю кто: итакъ положимъ, что равно... Но въ комедіи и водевилѣ, у насъ Щепкинъ — здѣсь Сосницкій; у насъ Рѣпина—здѣсь не знаю кто; у насъ Орлова—здѣсь Асенкова, если не ошибаюсь; у насъ Потанчиковъ, Степановъ, Орловъ—здѣсь опять не знаю кто; Максимовъ 1-й что̀-то среднее между Самаринымъ и Ленскимъ; если у насъ во многихъ роляхъ отличаются В. Степановъ, Никифоровъ, Шумскій, В. Соколовъ, Сабурова, Баженовская, даже Румяновъ — здѣсь во многихъ роляхъ отличаются — Аѳанасьевъ (въ роляхъ подъячихъ), Григорьевъ 2-й (верхъ возможнаго совершенства въ роляхъ купцовъ и купчиковъ, и возможной бездарности во всемъ другомъ), Григорьевъ 1-й (въ роли армейскихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ другихъ), Каратыгинъ

2-й (въ роли Архиваріуса и нѣкоторыхъ другихъ). Что касается до Живокини — здѣсь Мартыновъ, и какъ онъ еще молодъ и можно надѣяться, что будетъ совершенствоваться, то едва ли не Москва должна завидовать Петербургу. Г-жи Брянской еще не видалъ ни въ драмѣ, ни въ комедіи, а г-жи Каратыгиной не видалъ въ комедіи, и потому не сужу о нихъ. Вотъ вамъ данныя для сужденія—выводите сами результаты. Вообще въ петербургскомъ театрѣ есть слѣдующая странная особенность отъ московскато: здѣсь какая-то общность, такъ что иногда не разберешь, чѣмъ разнятся между собою Каратыгины и Асенкова, и даже другіе, когда хорошо заучатъ роль и приготовятся, тѣмъ болѣе, что публика Александринскаго театра равно въ восторгѣ отъ тѣхъ и другой и третьихъ; въ Москвѣ же, напротивъ, какая-то неровность — то гора или холмъ, то совершенная плоскость: Мочаловъ и Щепкинъ неизмѣримо высятся и рѣзко отличаются отъ второстепенныхъ актеровъ; второстепенные прекрасны, третьестепенные удовлетворительны, а кто за ними—смотрѣть нельзя, хоть зажмурь глаза или бѣги вонъ изъ театра; тогда какъ здѣсь объ иномъ и недогадаешься, что онъ изъ плохенькихъ, потому что и говоритъ со смысломъ и съ удареніемъ, и ходитъ на ногахъ по-человѣчески...

Въ публикѣ обѣихъ столицъ тоже большая разница. Не говорю о публикѣ Михайловскаго театра—это совсѣмъ другой міръ и міръ прекрасный, потому что сюда собираются только люди, которые приходятъ наслаждаться и сценическимъ искусствомъ и талантами Алланъ, Бурбье и другихъ, люди, которые не любятъ хлопать и кричать; сверхъ того въ Михайловскомъ театрѣ нѣтъ райка—важное обстоятельство!... Но о публикѣ Михайловскаго театра послѣ. Московскую публику можно раздѣлить на три разряда—вопервыхъ, на воскресную, для которой даются по воскресеньямъ «Аскольдова могила», «Жизнь игрока», «Скопинъ-Шуйскій» и даже драмы Шекспира, и которая всѣмъ довольна, всему громко хлопаетъ,

всегда вызываетъ Орлову, и равно вызываетъ Мочалова и г. Славина; потомъ публику бенефисную, для которой бенефисъ — праздникъ, и которая ужь непремѣнно вызываетъ бенефиціанта, если только онъ не г. Козловскій; наконецъ, публику, преимущественно собирающуюся на повтореніе бенефисныхъ піесъ, если бенефисъ имѣлъ блестящій успѣхъ, и вообще посѣщающую піесы только по выбору. Въ Александринскомъ театрѣ публика всегда одна и та же, большею частію состоитъ изъ дѣловаго и утомленнаго народа, которому послѣ оффиціальныхъ бумагъ всякій слогъ хорошъ. Отсюда проистекаетъ ея безпримѣрная снисходительность: за все хорошее она благодаритъ съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и за превосходное, а ко всему слабому, посредственному и дурному, она до того терпима, что ошиканная ею піеса, или осмѣянный актеръ уже рѣшительно никуда не годны. Она говоритъ съ восторгомъ объ Алланъ, восхищается Каратыгинымъ и Сосницкимъ, и театръ дрожитъ отъ ея рукоплесканій и ея «браво», когда Асенкова покажется передъ нею въ мужскомъ платьѣ, а иногда и въ женскомъ. Она очень любитъ драму, но отъ Шекспира вообще скучаетъ, потому, разумѣется, что онъ дурно переводится и еще хуже играется; но она очень ободряетъ произведенія отечественныхъ талантовъ, каковы напр., г. Полевой и г. Коровкинъ—усердные и неутомимые драматурги, особенно ею любимые. Но она и къ нимъ будетъ неутомимо строга, если бы они забыли должное уваженіе къ ея просвѣщенному и образованному вкусу и рѣшились забавлять ее фарсами въ родѣ «Филатокъ и Мирошекъ» или «Незнакомцевъ» и «Послѣднихъ дней Помпеи». Московская публика умѣреннѣе въ своихъ восторгахъ, да и скупѣе на нихъ: если она и вызываетъ актера по нѣскольку разъ, то это иначе, какъ по воскресеньямъ, и то не больше четырехъ разъ въ одинъ спектакль. Кромѣ того въ Москвѣ, если напр., Мочаловъ играетъ дѣйствительно превосходно, то рукоплесканія публики громче и единодуш-

нѣе, но рѣже, и ея восторгъ иногда выражается какимъ-то торжественнымъ безмолвіемъ, въ которомъ слышится изумленіе чудомъ, и которое для иного артиста лестнѣе всякихъ воплей и хлопанья. Что̀ всего удивительнѣе, въ московскомъ Петровскомъ театрѣ такія явленія бываютъ даже и по воскреснымъ днямъ...

Итакъ, давали «Жениха на Расхватъ». Пьерро игралъ г. Шемаевъ: роль выучена твердо, есть развязность, толковитость, жесты и возвышенія голоса умѣстны, но нѣтъ этого «нѣчто», которое трудно назвать и которое составляетъ талантъ. Есть люди, которые скажутъ самое обыкновенное слово, сдѣлаютъ самый обыкновенный жестъ—и всѣ смѣются; есть другіе: говорятъ все замысловатое, смѣшное, нарочно дѣлаютъ смѣшные жесты—и никто не смѣется; не правда ли, что у первыхъ есть нѣчто, а у другихъ нѣтъ этого нѣчто?... Такъ и г. Шемаевъ: роль его была смѣшна, игралъ онъ хорошо, даже дѣлалъ фарсы, на которые откликались сочувствіемъ райскія сердца и души, но смотрѣть на него было тяжело и скучно и непріятно. Прочія лица, которыхъ представляли г. Алексѣевъ и г-жа Сандунова, Бормотова, Рамазанова 2-я, Теряева, Соловьева и Волкова 1-я—тоже хороши, и объ ихъ игрѣ смѣло можно сказать: «обстоитъ благополучно». Однимъ словомъ, заставьте въ Москвѣ разыграть водевиль подобные же таланты, вышло бы ужасное уродство; но со всѣмъ тѣмъ, я уже не пойду въ другой разъ смотрѣть «Жениха на расхватъ».

Въ «Полковникѣ старыхъ временъ» г-жа Асенкова въ длинныхъ ботфортахъ, мундирѣ и прочемъ. Дѣйствительно, она играетъ столь же восхитительно, сколько и усладительно, словомъ очаровываетъ душу и зрѣніе. И потому каждый ея жестъ, каждое слово возбуждали громкія и восторженныя рукоплесканія; куплеты встрѣчаемы и провожаемы были кликами «форо». Особенно мило выговариваетъ она «чортъ возьми!» Я былъ вполнѣ восхищенъ и очарованъ, но отъ

чего-то вдругъ стало мнѣ и тяжело и грустно, и, несмотря на мое желаніе полюбоваться Мартыновымъ въ роли Фломара, я вышелъ изъ театра при началѣ водевиля, и дорогою мечталъ о Москвѣ, о васъ, и о прочемъ...

Декабря 8-го былъ бенефисъ Сосницкаго, почти весь составленный изъ трудовъ знаменитыхъ и неутомимыхъ петербургскихъ драматурговъ — г. Полеваго и г. Коровкина, такъ что это было нѣчто въ родѣ состязанія двухъ талантовъ. Декабря 11-го всѣ эти піесы были повторены—и г. Коровкинъ дважды торжественно побѣдилъ г-на Полеваго, піеса котораго «Ужасный незнакомецъ, или у страха глаза велики» — единственная въ спектаклѣ, была ошикана, тогда какъ двѣ піесы г. Коровкина, особенно «Дѣдушка и внучекъ», благодаря прекрасной игрѣ Сосницкаго, заслужили лестное одобреніе публики Александринскаго театра. Я не видалъ бенефиса, но былъ на повтореніи, и потому видѣлъ все то же, что̀ происходило и въ бенефисѣ.

«Незнакомецъ» есть не драма, не комедія и не водевиль, а какой-то фарсъ въ родѣ неудачнаго подражанія Коцебу. Ландманнъ провинціи прислалъ бургемейстеру городка приказъ изловить какого-то разбойника, или что-то такое; въ это время черезъ городъ проѣзжалъ какой-то «неизвѣстный», котораго бургемейстеръ, городовой судья и еще кто-то почли почему-то за вышерѣченнаго вора и разбойника и рѣшились захватить живаго. Бургемейстеръ собираетъ полгорода съ оружіемъ, говоритъ рѣчь о славѣ, чести и безсмертіи, прощается съ женою, которая упадаетъ въ обморокъ и, съ дочерью, которая не упадаетъ въ обморокъ; «неизвѣстный входитъ, и на него устремляются издали шпаги, сабли, ружья, владѣльцы которыхъ прячутся другъ за друга, трясутся и прочее. Наконецъ, его кое-какъ схватили. Является ландманнъ и узнаетъ въ «неизвѣстномъ» какую-то важную особу, ругаетъ бургемейстера и судью и уходитъ съ важною особою, чѣмъ и кончается дѣло.

Вы сказали бы, что Сосницкій игралъ дурно, если бы почитали себя въ правѣ сказать это... Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣетъ рецензентъ хулить игру актера въ безсмысленной роли, какъ напр., въ роли Филатки, Мирошки, или Яги-Бабы, которую иногда игралъ Щепкинъ на московской сценѣ?... Отъ актера, какъ и отъ каждаго, должно требовать только возможнаго. Искусный актеръ можетъ изъ безсмысленной роли сдѣлать что-нибудь порядочное, а не изъ безсмысленной... Кромѣ Сосницкаго, можно упомянуть только г. Толченовѣ, который смѣшилъ публику въ серьёзной роли. Вотъ подлинно комическій-то талантъ: дайте ему сыграть хоть мертваго, такъ насмѣшитъ...

«Дѣдушка и внучекъ» драма-водевиль была бы не только со смысломъ, но и съ мыслію, еслибы въ ней не было лишняго лица, которое игралъ г. Григорьевъ 1-й, и котораго отношенія къ цѣлому піесы какъ-то непонятны. Но всѣ недостатки этой піесы выкупаются лицомъ дѣдушки, которое изображено даже съ мыслію и превосходно сыграно Сосницкимъ.

Дѣдушка любилъ своего внучка и не умѣетъ быть къ нему строгимъ, хотя и чувствуетъ необходимость этого. Онъ сажаетъ его за книгу, а тотъ хватается за игрушку; онъ начнетъ выговоромъ, а кончитъ тѣмъ, что поможетъ ему спустить кубарь. Приходитъ его зять, хочетъ побранить сына, а дѣдушка начнетъ увѣрять, что его внучекъ образецъ прилежности и скромности, хотя и знаетъ, что онъ шалунъ и лѣнивецъ. У дѣдушки есть еще внучка, взрослая дѣвушка, которая любитъ молодаго человѣка, Камскаго. Дѣла отца ея разстроены, потому что его тестя (дѣдушку) обманулъ и разорилъ какой-то Юлинъ, облагодѣтельствованный имъ молодой человѣкъ Дѣдушка застаетъ Камскаго съ своею внучкою въ то время, какъ тотъ очень нѣжно цѣловалъ у ней ручки. Дѣдушка строго принимается за влюбленныхъ, но узнавши, что они любятъ другъ друга и желали бы жениться, прихо-

дитъ въ старческій восторгъ, даетъ имъ свое согласіе, велитъ имъ поцѣловаться, и даже, въ забытьи, сзываетъ въ окошко всѣхъ своихъ знакомыхъ на сговоръ внучки. Влюбленные охлаждаютъ его восторгъ, прося до времени помолчать. Камскій уходитъ, дѣдушка занялся со внучкомъ игрушками. Входитъ Хамовъ, хожатый по дѣламъ и ростовщикъ. Онъ приноситъ отцу Маши тысячу рублей въ займы подъ страшныя проценты. Толкуя Машѣ о своей любви къ ближнему и безкорыстіи, онъ проситъ ее передать ея отцу для подписанія заготовленныя обязательства, а деньги кладетъ на столъ. Дѣдушка вдругъ выходитъ. Является самъ Раевъ (отецъ) и уходитъ съ ростовщикомъ въ свой кабинетъ. Вдругъ входитъ дѣдушка съ корзинкою, наполненною игрушками и вещами, и приглашаетъ Машу полюбоваться дорогими серьгами, которыя онъ, въ числѣ другихъ вещей, купилъ ей въ подарокъ къ свадьбѣ. «Гдѣ вы взяли деньги?» восклицаетъ она, и съ ужасомъ узнаетъ, что старикъ (почему и какъ— это тайна автора) взялъ на столѣ тысячу и всю издержалъ ее. «Стало быть мы разорены? Зачѣмъ же вы отъ меня таили это?...» восклицаетъ старикъ, по ужасу Маши догадавшійся объ истинѣ. Маша убѣгаетъ въ кабинетъ къ отцу; старикъ въ отчаяніи и хочетъ уйти навсегда изъ дома такъ безнамѣренно погубленнаго имъ своего зятя, какъ вдругъ слышитъ его голосъ «я прогоню его!...» Прекрасная сцена, въ которой есть гдѣ развернуться таланту артиста!... Вбѣгаетъ внучекъ—дѣдушка съ плачемъ отдаетъ ему игрушки, прощается съ ними и уходитъ, сопровождаемый слезами внучка, который тотчасъ утѣшается, принимаясь разбирать изъ корзины игрушки.

Во второмъ актѣ, Камскій разсказываетъ своему двоюродному брату, Юлину, о несчастномъ семействѣ, погубленномъ негодяемъ, который имъ былъ облагодѣтельствованъ. Юлинъ грубо высылаетъ брата, остается одинъ и жалуется, что его всѣ оставили, даже родной братъ называетъ въ глаза него-

днемъ,—изъ чего публика и видитъ, что этотъ Юлинъ тотъ самый человѣкъ, который погубилъ своего благодѣтеля; но публикѣ трудно понять, за что онъ сердитъ на брата, который не думалъ его ругать въ глаза, не зная, что говоритъ о немъ, ругая неизвѣстнаго негодяя. Это, вѣроятно, одна изъ тайнъ автора или передѣлывателя драмы-водевиля. Юлинъ уходитъ изъ комнаты, въ которую входилъ Камскій съ Гриневымъ (дѣдушкою). Дѣдушка дрожитъ отъ холода и жалуется на русскій морозъ, тогда какъ онъ, за часъ передъ этимъ, отворялъ окно на улицу, чтобы просить гостей на свадьбу внучки: маленькая несообразность, или можетъ-быть, въ тотъ годъ зима такъ быстро смѣнила лѣто, или можетъ быть, это еще одна изъ тайнъ передѣлывателя французской піесы. Камскій подводитъ старика къ камину и бѣжитъ за виномъ. Старикъ выпилъ рюмку, и Камскій предлагаетъ ему выпить другую за здоровье своего двоюроднаго брата Юлина. Старикъ, узнавъ что онъ въ домѣ своего врага, приходитъ въ негодованіе на Камскаго, который привелъ его сюда. Странное дѣло! живя въ одномъ городѣ съ Юлинымъ, старикъ не зналъ его дома! Но, можетъ-быть, это еще одна изъ тайнъ г. передѣлывателя!... Старикъ хочетъ уйдти, но Камскій уговариваетъ его остаться и приводитъ въ свою комнату. Входитъ Хамовъ и спрашиваетъ Юлина; Камскій идетъ къ брату съ докладомъ и скрывается, а Юлинъ входитъ, начинаетъ ругать родню: грозитъ выгнать изъ дома тётку, сестру своей матери и мать Камскаго, и обѣщаетъ отказать свое неблагопріобрѣтенное имѣніе Хамову. Этотъ помогаетъ ему ругать его родню, подличаетъ и уходитъ въ радости. Юлинъ одинъ—жалуется на родню и на свое одиночество; причина и смыслъ—тайна автора. Входитъ Гриневъ, и слѣдуетъ сцена упрековъ со стороны старика и ожесточенія со стороны Юлина. Послѣдній уходитъ, и вдругъ вбѣгаютъ Петя и Маша съ извѣстіемъ, что ихъ имѣніе продается съ молотка. Старикъ сходитъ съ ума; но Юлинъ вдругъ почему-то (послѣдняя

тайна автора) раскаивается, отдаетъ свое имѣніе обиженному имъ семейству, изъявлетъ согласіе на бракъ своего брата съ Машею; старикъ приходитъ въ разсудокъ — и какъ видите, всѣ счастливы.

Изъ этого изложенія видно, что вся піеса составлена для одного характера—дѣдушки, который и очерченъ съ мыслію. Сосницкій былъ превосходенъ. Одно уже то, что, играя комическую роль, онъ умѣлъ трогать и возбуждать не смѣхъ, а чувство, не переставая быть смѣшнымъ, показываетъ удивительное искусство. Его невозможно было узнать: сгорбленный станъ, восмидесятилѣтнее и предоброе лицо, голосъ, манеры, даже произношеніе, дающее знать о недостаткѣ зубовъ — словомъ, все до малѣйшаго оттѣнка, до едва замѣтной черты, было въ высшей степени вѣрно, правдоподобно, естественно, артистически-искусно. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи видѣнъ былъ добрый, благородный, теплый старикъ. Невозможно требовать бо̀льшаго и лучшаго отрѣшенія отъ своей личности, и только афишка могла увѣрить меня, что это былъ Сосницкій, а не другой какой-нибудь актеръ, которому, по причинѣ собственныхъ восьмидесяти лѣтъ за плечами, не для чего было прикидываться старикомъ. Вотъ въ этомъ-то я и вижу превосходство Сосницкаго передъ Щепкинымъ: послѣдняго вы вездѣ и во всемъ узнаете, хотя онъ каждую роль выполняетъ совершенно сообразно съ ея духомъ и характеромъ. Ему измѣняетъ не талантъ, не искусство, но его фигура, какая-то одному ему свойственная манера, отъ которой онъ вполнѣ никакъ не можетъ отрѣшиться. Въ этомъ отношеніи, изъ русскихъ актеровъ у Сосницкаго едва ли есть соперники: самого Каратыгина, глубоко постигшаго эту внѣшнюю сторону искусства, вы всегда узнаете по голосу и еще по чему-то особенному, только ему принадлежащему; но Сосницкій перерождается, подобно Протею, въ тѣхъ роляхъ, которыми можетъ овладѣвать вполнѣ. Мы замѣтили въ его игрѣ только

одинъ недостатокъ: въ патетическихъ сценахъ мы желали бы слышать этотъ трепетъ чувства, эту электрическую теплоту души, которыми Щепкинъ такъ обязательно и такъ могущественно волнуетъ массы, и увлекаетъ ихъ поволѣ своей огненной натуры. Вотъ здѣсь превосходство Щепкина надъ Сосницкимъ, превосходство, котораго тайна, кажется, не совсѣмъ въ óрганѣ голоса. И въ этихъ двухъ пунктахъ вообще главная разница между театрами обѣихъ нашихъ столицъ. Во всякомъ случаѣ, я готовъ сто разъ видѣть Сосницкаго въ роли дѣдушки, но тѣмъ менѣе глубоко и болѣзненно буду завидовать вамъ, если вы увидите въ ней Щепкина...

Внучка игралъ г. Песоцкій, мальчикъ лѣтъ десяти. Объ игрѣ его мы скажемъ только то, что смѣшно и странно требовать отъ ребенка таланта и искусства, но что, со всѣмъ тѣмъ, еслибы всѣ взрослые играли такъ, то въ Александринскій театръ было бы зачѣмъ ходить хоть каждый день. Малютка вызванъ былъ два раза.

Г. Максимовъ 1-й очень отчетливо и искусно выполнилъ довольно пустую роль, а г. Мартыновъ превосходно, артистически сыгралъ роль Хамова. Вотъ, господа, талантъ! Если онъ будетъ изучать и учиться, то не только водевиль, но и комедія долго еще не осиротѣютъ на Александринскомъ театрѣ.

«Такъ да не такъ»—пустой фарсъ въ водевильномъ родѣ. Василій Павловичъ Иеродовъ, майоръ гусарскаго полка, любитъ поволочиться за всякою женщиною, какую только увидитъ, а жена его, Надежда Павловна, сердится на него за это. И вотъ она къ себѣ ждетъ свою пансіонскую подругу, Катерину Ѳедоровну Славину, съ ея женихомъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ Холмскимъ; а мужъ находитъ у ней черновую записку, въ которой она проситъ свою подругу пріѣхать къ ней въ мужскомъ платьѣ, а жениха упросить одѣться въ женское. Очень умно и правдоподобно! Дѣло происходитъ въ деревнѣ. Мужъ волочится за женихомъ, и какъ съ мущиною

обходится съ невѣстою; а жена открываетъ ему, что записка была хитростію (и очень замысловатою!) съ ея стороны, и что онъ въ дуракахъ. Съ изумлѣніемъ увидѣлъ я Сосницкаго, какъ бы чудомъ какимъ изъ 80-лѣтняго старика вдругъ превратившагося въ повѣсу-майора, правда нѣсколько дурнаго тона, но который требовался духомъ піесы, потому что ея дѣйствующія лица, какъ видно изъ нашего краткаго изложенія, не могутъ принадлежать къ числу порядочныхъ людей. Тщетно старался я найдти въ лицѣ Сосницкаго что-нибудь похожее на лицо дѣдушки, котораго видѣлъ передъ собою четверть часа назадъ, и котораго лицо я никогда не забуду— сколько въ немъ характеристическаго. Непостижимое искусство! — Роль невѣсты подруги, въ бенефисъ, играла г-жа Самойлова 2-я, говорятъ, актриса съ замѣчательнымъ талантомъ; но на этотъ разъ, по причинѣ ея болѣзни, эту роль занимала воспитанница Ѳедорова, почему я ничего не могу пока сказать вамъ о г-жѣ Самойловой 2-й.

«Послѣдній день Помпеи» — фарсъ, оскорбляющій и чувства и смыслъ. Въ немъ провинціалы уѣзднаго городка представлены и дураками и подлецами, безъ всякаго правдоподобія, безъ всякой естественности. Г. Григорьевъ 1-й прекрасно игралъ Н. Н., проѣзжающаго ремонтира, а г. Каратыгинъ 2-й Пшеницына; и изъ другихъ многіе были недурны. Актерамъ публика даже апплодировала мѣстами, но піесу всетаки проводила съ негодованіемъ и презрѣніемъ. И по дѣломъ!...

3.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМЪ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ танцами, соч. Ауфенберга, переведенная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ.*—ЧЕГО НА СВѢТѢ НЕ БЫВАЕТЪ, или что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сюжетъ заимствованъ изъ старинной комедіи, и проч.—(Спектакль 14 декабря).*

(Изъ письма Москвича).

...Давно уже слышалъ я, что Каратыгинъ превосходенъ въ «Заколдованномъ Домѣ» въ роли Людовика XI. Кажется, эта піеса давалась и на московской сценѣ, но мнѣ не случилось ея видѣть. Поэтому, мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ изображенъ въ ней характеръ Людовика XI, такъ дивно созданный геніяльнымъ Вальтеръ-Скоттомъ, а прекрасное выполненіе роли Велизарія Каратыгинымъ еще болѣе усиливало мое желаніе.

Много наслышавшись отъ всѣхъ объ игрѣ Каратыгина въ роли Лудовика XI, я многаго и ожидалъ; но увидѣлъ еще болѣе,—и спѣшу подѣлиться съ вами моимъ восторгомъ.

«Заколдованный Домъ» передѣланъ изъ извѣстной повѣсти Бальзака «Maitre Cornelius» и передѣланъ такъ хорошо, что вышла прекрасная драматическая піеса, а не пошлая нѣмецкая штука съ чувствительными эффектами. Не буду вамъ разсказывать ея содеражніе, которое извѣстно всѣмъ, видѣвшимъ ее на сценѣ, или читавшимъ повѣсть Бальзака. Скажу только, что Лудовикъ XI очень удачно въ ней очеркнутъ, если не созданъ, и что онъ, особенно благодаря превосходной игрѣ Каратыгина, живо напоминаетъ историческаго Лудовика XI, кровожаднаго, жестокаго, мстительнаго,

забавлявшагося мученіями своихъ жертвъ, какъ кошка мышью, скупаго, формально-набожнаго, внутренно безрелигіознаго и безправственнаго, и, какъ всѣ люди безъ истинной религіозности, въ высшей степени суевѣрнаго; но вмѣстѣ съ этимъ характера могучаго, воли исполинской, словомъ, страшнаго орудія для осуществленія блага путемъ зла. Каратыгинъ какъ бы переродился въ этой роли—его нельзя было узнать, хотя мѣстахъ въ двухъ, жертвуя истинному эффекту, онъ и измѣнялъ своей роли, и изъ Лудовика XI становился Каратыгинымъ. Но какъ это были какія-нибудь два мгновенія на три часа превосходной игры, — то лавръ подвига и остается за нимъ безспорно. Игру его невозможно характеризировать словами, и надо видѣть, чтобы понять и оцѣнить верхъ драматическаго искусства и торжество его таланта, являющагося, въ этой роли, въ своемъ апотеозѣ. Дряхлый старикъ, страждущій всѣми недугами — плодомъ буйно-проведенной молодости, безпрерывно напряженнаго и неестественнаго состоянія духа; король-плебей, который одѣтъ съ мѣщанскою простотой, безпрестанно шутитъ, какъ какой нибудь добрый гражданинъ своего «добраго» города Парижа, но сквозь внѣшній плебеизмъ котораго ни на минуту не перестаетъ проблескивать лучъ царственнаго достоинства, даваемаго правомъ рожденія и привычкою повелѣвать съ младенчества. Онъ окруженъ людьми низкаго званія, которые, по своей ограниченности, приписываютъ благосклонность къ нимъ короля личнымъ своимъ достоинствамъ и мнимой родственности съ духомъ короля, не понимая его глубокаго плана униженія дворянства для возвышенія и сплавленія воедино разъединенной Франціи. Таковъ Каратыгинъ въ этой роли! Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ вы видите характеръ историческаго Лудовика XI! Посмотрите, какъ онъ согнулся, какъ часто, кашляетъ, задыхается, какъ медленна и слаба его походка, какое коварство въ его будто бы простодушномъ смѣхѣ, какъ онъ все видитъ, притворяясь, что ничего не видитъ,

какъ онъ умѣетъ прикинуться обманутымъ, чтобы вдругъ и въ расплохъ схватить свою жертву и заставить ее во всемъ сознаться; замѣтьте, какъ ужь черезчуръ обыкновененъ его языкъ, простонародны манеры, грубы шутки, и какъ сквозь все это видѣнъ король, знающій, что онъ король, увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ силѣ своего ума и непреклонности воли! — Вотъ вамъ игра Каратыгина, если это дастъ вамъ о ней хоть какое-нибудь понятіе!—Но, вотъ, вѣрный духу своего вѣка, онъ отказывается отъ любимаго кушанья, отъ рюмки вина, потому что его врачъ запрещаетъ ему это, грозя, въ случаѣ непослушанія, скорою смертію... И онъ повинуется ему, какъ дитя, не догадывается, при всей хитрости и тонкости, что врачъ этимъ мститъ ему за презрѣніе, которымъ онъ безпрестанно клеймитъ его, равно какъ и всѣхъ своихъ тварей; онъ хорошо знаетъ имъ цѣну, и издѣваться надъ ними—его любимая забава! При словѣ «Богъ», «покаяніе», «смерть» онъ набожно снимаетъ свою шапку съ оловянными изображеніями святыхъ, — и въ то же время съ шуточками и остротами посылаетъ на ужасную пытку юношу, любимаго его дочерью, которую онъ любитъ со всею отеческою нѣжностію. Онъ знаетъ свои грѣхи, боится страшнаго суда; но проситъ у Бога еще двадцати лѣтъ жизни—для блага Франціи, которая стонетъ отъ его жестокостей. Все это я говорю не отъ себя, не отъ исторіи, не отъ піесы даже, а изъ того, что̀ я увидѣлъ отъ Каратыгина, или, лучше сказать, что̀ показалъ мнѣ Каратыгинъ...

Дивное искусство!...

Всѣ говорятъ, что у Каратыгина всегда превосходно выходитъ то мѣсто, гдѣ графъ Аймаръ Сен-Валье отказывается подписать свою разводную съ побочною дочерью короля, говоря, что развести его съ женою можетъ только папа, на что̀ Людовикъ XI отвѣчаетъ ему:

Здѣсь императоръ твой и папа!

Въ самомъ дѣлѣ, согбенный станъ престарѣлаго и больнаго вѣнценосца выпрямился, принялъ гордое положеніе, голосъ загремѣлъ... Я это и видѣлъ и слышалъ, но со всѣмъ тѣмъ, на сей разъ, это мѣсто не такъ удалось: въ голосѣ чувствовалось напряженіе, усиліе, а немгновенная вспышка вдругъ пробудившагося и грозно возставшаго царскаго величія. Но послѣдовавшіе за тѣмъ кашель, усталость, и весь конецъ сцены, проговоренный съ видомъ утомленія тѣла, но не души, были превосходны въ высшей степени. Въ послѣднемъ дѣйствіи, когда Жоржъ д'Эстувиль, коварно и оскорбительно обманутый королемъ, въ порывѣ негодованія вычисляетъ ему его жестокости и преступленія, Каратыгинъ превосходно, съ неподражаемымъ благородствомъ, достоинствомъ и простотою произнесъ стихи:

Умолкни! дерзкими наскучилъ мнѣ словами,
Долготерпѣніе оставить я готовъ;
Что небо не разитъ надменнаго громами,
Ты думаешь—у неба нѣтъ громовъ.

И никто не хлопнулъ ему; но послѣдующій за тѣмъ монологъ, гдѣ Людовикъ XI, хваляся своимъ безстрашіемъ, говоритъ, какъ онъ вышелъ цѣлъ изъ битвы, изъ-подъ мечей окружавшихъ его враговъ, а мальчикъ хочетъ его устрашить [1],—былъ произнесенъ какъ-то утрированно и сопровождался какимъ-то насильственнымъ жестомъ—и всѣ пришли въ неописанный восторгъ... Вотъ только два мѣста во всей піесѣ, въ которыхъ Каратыгинъ показался мнѣ не Людовикомъ XI, а Каратыгинымъ. Изчислять превосходныхъ

---

[1]) Это могло происходить и отъ того, что самый монологъ натянутъ, а главное отъ того, что піеса переведена не прозою, а стихами, и еще шестистопными и, какъ мнѣ иногда слышалось, чуть ли не съ рифмами. Когда наши переводчики убѣдятся, что шестиногіе ямбы, съ переливающимися, или, лучше сказать, перекатывающимися полустишіями, несносны въ драмѣ?... Вотъ ужь подлинно неумѣстная трата таланта!...

мѣстъ не стану: это значило бы отдать подробный отчетъ въ каждомъ словѣ и каждомъ жестѣ, что было бы не совсѣмъ удовлетворительно для васъ, невидавшихъ Каратыгина въ этой роли, и утомительно для меня и для читателей.

Превосходно!... и однакожь я не пойду въ другой разъ смотрѣть «Заколдованный Домъ». Что тутъ за наслажденіе платить дорогою цѣною утомленія, скуки и досады!... Игра Каратыгина въ роли Людовика XI есть торжество сценическаго искусства; но представленіе всей піесы, ея ensemble есть рѣшительное оскорбленіе сценическаго искусства, потому что, если вмѣстѣ съ Каратыгинымъ играли Брянскій и Брянская, за то съ нимъ игралъ и г. Толченовъ (и еще такую роль, удовлетворительное выполненіе которой сдѣлало бы честь великому таланту) и съ нимъ же играли господа Вороновъ, Фалѣевъ, Толченовъ 2-й, Аѳанасьевъ, Чайскій, Ахалинъ... Бѣдная русская сцена: таланты есть, а театра нѣтъ!...

Вторую роль въ піесѣ—роль Корнелія—игралъ Брянскій, и игралъ съ свойственнымъ ему искусствомъ. Но мнѣ опять, сквозь всю простоту его игры, слышалась какъ бы невольно, вслѣдствіе долговременной привычки, пробивавшаяся классическая пѣвучесть и переливность голоса, къ тому же еще слишкомъ мягкаго для такой роли; а въ потрясающихъ мѣстахъ роли, гдѣ выказывалась страсть скупости во всемъ ужасѣ своего трагическаго комизма, его голосъ и жесты казались мнѣ нѣсколько напряженными, и потому утрированными. Что же касается до мимики и маперы держаться на сценѣ сообразно съ характеромъ своей роли, — я видѣлъ много таланта, искусства и умѣнія. Вотъ, мнѣ кажется, роль, созданная для Щепкина! Ужъ тутъ онъ не насмѣшилъ бы, усыпивъ въ половину, какъ въ роли Гарпагона, а ужаснулъ бы зрителей, показавъ имъ, въ комической формѣ, трагическую сторону одной изъ ужаснѣйшихъ страстей человѣческихъ—скупости!... Брянская прекрасно выполнила роль

графини Маріи, жены графа Аймара Сен-Валье и дочери короля, хотя это и не изъ такихъ ролей, гдѣ артистъ можетъ вполнѣ развернуть свой талантъ, чтобы о немъ можно было произнести опредѣленное сужденіе.

Роль сестры Корнеліуса принадлежитъ къ важнѣйшимъ ролямъ въ піесѣ, и ее превосходно выполнила г-жа Валберхова, нѣкогда блиставшая на петербургской сценѣ, а теперь отличающаяся почти въ одной этой роли; но за то такъ отличающаяся, что невольно хочется ее вызвать тотчасъ послѣ Каратыгина. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно требовать болѣе искуснаго выполненія роли, а когда она умираетъ, убитая подозрѣніемъ въ воровствѣ со стороны роднаго брата и его угрозами пытки и казни, то можно испугаться — ужь и не въ правду ли она умерла... Превосходная сцена!

Послѣ драмы давался какой-то водевиль; но я не люблю смотрѣть водевили послѣ драмъ, въ которыхъ хоть одинъ актеръ поразилъ мою душу сладостными впечатлѣніями искусства... Сверхъ того, я твердо рѣшился не смотрѣть тѣхъ водевилей, въ которыхъ не участвуютъ вмѣстѣ Сосницкій, Максимовъ 1-й, Григорьевъ 2-й, (если дѣло идетъ о купцѣ), Аѳанасьевъ (если дѣло идетъ о подъячемъ или лакеѣ), Мартыновъ, или хоть покрайней мѣрѣ одинъ Мартыновъ... Что дѣлать, у всякаго свой вкусъ—почему же и мнѣ не имѣть своего? Вслѣдствіе этого я не видалъ ни водевиль, ни г-жи Асенковой.

1839.

—

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

КРИТИКА.

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ. *Соч. Ѳ. Глинки. Москва. 1839.*

Народъ не есть отвлеченное понятіе: народъ есть живая особность, духовная организація, которой разнообразныя жизненныя отправленія служатъ къ единой цѣли. Народъ есть личность, какъ отдѣльный человѣкъ. Какимъ образомъ люди стали народами, частныя индивидуальности слились въ общія массы и, такъ-сказать, изчезли въ нихъ!... Вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не подлежитъ ни историческимъ разысканіямъ, ни изслѣдованіямъ разсудка, опирающимся на опытѣ. Спросите человѣка, какъ онъ явился на свѣтъ: можетъ ли онъ вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Онъ существовалъ еще во чревѣ своей матери, но не зная о своемъ существованіи; онъ существовалъ еще безсмысленнымъ и безсловеснымъ ребенкомъ, но не зная о своемъ существованіи; онъ даже не помнилъ своего младенчества, когда уже языкъ его лепеталъ несвязныя рѣчи, а юная душа принимала уже разнообразныя впечатлѣнія бытія; онъ едва-едва помнитъ себя даже выходящимъ изъ младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существованіе начинается съ черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вотъ почему каждый человѣкъ всегда начинаетъ свою исторію словами: «съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить», и вотъ почему самая эпоха его сознанія еще такъ неопредѣленна, представляя собою какой-то утренній полусумракъ, и только въ періодѣ юношества дѣлается яснымъ и свѣтлымъ утромъ. Такъ точно и

народъ не въ состоянiи отвѣчать самому себѣ на вопросъ: откуда онъ произошелъ, ка́къ онъ явился? Намъ скажутъ, что людей свели взаимныя нужды, заставившiя ихъ взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять общественную форму. Прекрасно, но вѣдь и дитя не бѣжитъ отъ своихъ родителей, отъ своего семейства, безсознательно чувствуя свою нужду въ нихъ, хоть и отвращаясь лозы и власти ихъ, а между тѣмъ оно все-таки не помнитъ, какъ это сдѣлалось, что оно стало членомъ своего семейства, а чрезъ него и членомъ своего государства. Другiе намъ скажутъ — и это будетъ еще справедливѣе — что исходнымъ пунктомъ соединенiя людей въ общество было безсознательное влеченiе человѣка къ человѣку, врожденное ему отъ природы, а взаимная нужда другъ въ другѣ только укрѣпила и довершила это соединенiе. Прекрасно, но вѣдь и младенецъ, прежде нежели онъ почувствовалъ нужду въ своей матери или нянькѣ, влекся къ нимъ безсознательнымъ чувствомъ, а между-тѣмъ, ставши полнымъ человѣкомъ, онъ всетаки не помнитъ, какъ это сдѣлалось, и даже не помнитъ черты, раздѣляющей конецъ его безсознательности съ началомъ его сознательности. Очевидно, что народъ родится безсознательно, проходитъ всѣ возрасты человѣка, т. е. сперва бываетъ зародышемъ или возможностiю, изъ которой, какъ растенiе изъ сѣмени, организируется младенецъ, лелѣемый матерью-природою, изъ младенца дѣлается отрокомъ и наконецъ доживаетъ до того момента своего существованiя, съ котораго начинаетъ говорить «съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ себя помнить». Вотъ почему начало, или лучше сказать зачатiе всѣхъ народовъ рѣшительно ускользаетъ отъ взоровъ исторiи, и всѣ усилия разсудочныхъ мыслителей схватить его остаются тщетными; вотъ почему въ исторiи каждаго народа есть перiодъ баснословный и полубаснословный, или доисторическiй или полуисторическiй, который такъ незамѣтно сливается съ историческимъ, что невозможно уловить черты, раздѣляющей ихъ.

Много было теорій о происхожденіи политическихъ обществъ, особенно много ихъ было у Французовъ, въ ихъ «философскомъ» XVIII вѣкѣ. Эти теоріи принесли великую пользу, доказавъ безполезность и нелѣпость стремленія объяснить опытомъ неподлежащее опыту, сдѣлать яснымъ разсудку недоступное для разсудка. Такимъ же точно образомъ силились объяснить происхожденіе языка. Сознавъ, что слово основано на непреложныхъ законахъ разума, заключили изъ этого, что явленіе слова было результатомъ сознанія его законовъ, т. е. что оно было сочинено, придумано, изобрѣтено, какъ напр. паровыя машины сочинены, придуманы и изобрѣтены вслѣдствіе сознанія силы паровъ. Нелѣпая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочиненіи или учрежденіи универсальнаго языка, въ которомъ были бы всѣ свойства, составляющія особность каждаго языка отдѣльно, и который, по этому, замѣнилъ бы всѣ языки и былъ бы общимъ ученымъ языкомъ. Разумѣется, это предпріятіе кончилось тѣмъ же, чѣмъ кончилось строеніе вавилонскаго столба: не осталось даже и обломковъ гордаго зданія, имѣвшаго цѣлію соединить небо съ землею. Кромѣ того силились найти первобытный человѣческій языкъ, и пустили въ ходъ сказку о Псамметихѣ, прибѣгнувшемъ къ странному способу для разрѣшенія этого неразрѣшимаго вопроса, и допытавшагося черезъ него, что первобытный языкъ былъ—фригійскій. Потомъ основали образованіе языка изъ междометій и почитали себя въ состояніи ясно, опредѣлительно показать весь историческій ходъ развитія языка, какъ собранія условныхъ знаковъ для выраженія понятій. Остановите ваше вниманіе на эпитетѣ «условный», и вы поймете причину этого заблужденія! Всякое условіе бываетъ сознательно и есть заранѣе предположенное намѣреніе, предположенная цѣль, наконецъ договоръ. Человѣкъ почувствовалъ необходимость сообщить свои мысли подобнымъ себѣ: вотъ и давай условливаться, лошадь называть лошадью, собаку собакою, и такъ далѣе. Прекрасно; но развѣ въ цѣломъ обще-

ствѣ людей только одному предоставлено было право предлагать условія, а всѣмъ прочимъ только принимать ихъ, да кланяться, приговаривая: «такъ-съ, батюшка, такъ—слушаемъ-съ: это лошадь, а это собака»? И какъ одинъ человѣкъ могъ согласить многихъ? а если многіе вздумали соглашать многихъ, то какъ же они успѣли согласиться? Кромѣ того, какъ бы это ни вышло, черезъ одного или многихъ, но если эти «условія» не имѣли причины въ самихъ себѣ, т. е. не основывались на непреложной внутренней необходимости, то они были случайны, а слѣдовательно и безсмысленны; но мы знаемъ, что каждый языкъ, отдѣльно взятый, основанъ на непреложныхъ законахъ, и что всѣ языки, несмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ, почему человѣкъ одного народа и можетъ выучиваться языку другаго народа... Нѣтъ языкъ былъ данъ человѣку какъ откровеніе, а не найденъ имъ, какъ изобрѣтеніе. Если человѣкъ явился въ мірѣ существомъ разумнымъ, то необходимо и словеснымъ, потому что слово есть разумъ въ явленіи. Человѣкъ владѣлъ словомъ еще прежде, нежели узналъ, что онъ владѣетъ словомъ; точно такъ же дитя говоритъ правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, слѣдовательно еще не зная, что онъ говоритъ правильно, грамматически. Слово человѣческое есть одно изъ тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя въ самихъ себѣ скрываютъ причину своего явленія, которыя органически возникаютъ и развиваются изъ себя, и внѣ себя не имѣютъ причины, и которыхъ рожденіе есть, по этому, тайна. Дѣйствительность, какъ явившійся, отѣлесившійся разумъ, всегда предшествуетъ сознанію, потому что прежде нежели сознавать, надо имѣть предметъ для сознанія. Вотъ почему естествознаніе, или ученіе о природѣ явилось гораздо послѣ самой природы, грамматика послѣ языка, исторія послѣ пережитой народами жизни. Все что́ ни есть—есть или являющійся разумъ (разумъ въ явленіи), или сознающій разумъ (разумъ въ сознаніи). Дѣло сознающаго разума—сознавать дѣйствительность,

а не творить ее, и потому разумъ пишетъ грамматику, а не сочиняетъ языка, пишетъ трактатъ объ организаціи общества, а не создаетъ общества. Какъ невозможно сочинить языка, такъ невозможно и устроить гражданскаго общества, которое устроится само собою, безъ сознанія и вѣдома людей, изъ которыхъ оно слагается. Всякое явленіе дѣйствительности, изъ самого себя возникшее, рождается и развивается органически; всякое изобрѣтеніе дѣлается механически. Первое есть вдохновенный порывъ духа осуществиться въ дѣйствительности; второе есть разсчетъ разсудка, основанный на соображеніи вѣроятностей. Матеріялисты XVIII вѣка хотѣли объяснить происхожденіе міра механическимъ сцѣпленіемъ атомовъ, механическимъ процессомъ взаимнодѣйствія тяжести и выходящихъ изъ ея математическихъ законовъ стремленій; но это объясненіе только затемнило сущность дѣла, потому что, отличаясь внѣшнею ясностію, отличалось внутреннимъ мракомъ. И какъ же тутъ быть свѣту, а не мраку, когда они въ мірозданіи видѣли только какіе-то блоки, веревки, гвозди и клей; а не горячую кровь и полные электричества нервы,—мертвый скелетъ, а не живой организмъ, какъ выраженіе движащагося въ немъ духа жизни? Автоматъ дѣлается механически, и потому онъ трупъ безъ жизни; организмъ человѣка развивается динамически, и потому въ немъ вѣетъ, движется духъ жизни. Въ зародышѣ, изъ котораго рождается человѣкъ, заключенъ духъ жизни, самодѣятельно, изъ самаго себя развивающійся въ опредѣленныя формы, во чревѣ матери, какъ развивается динамически, т. е. собственною самодѣятельностію, зерно, положенное въ землю и становится деревомъ. То и другое требуетъ для своего развитія внѣшняго вещества—питанія; но это внѣшнее переработываютъ и претворяютъ въ свою собственность, въ свои соки, кровь и плоть, и это внѣшнее опять развиваютъ изъ себя: такъ точно происходитъ и народъ. Его духовная организація параллельна тѣлесной орга-

низаціи младенца и дерева, примѣры которыхъ мы нарочно привели. Сущность жизни въ зернѣ жизни, а это зерно—божественная идея, изъ сферы возможности переходящая въ сферу дѣйствительности, изъ небытія осуществляющаяся въ бытіе, по глаголу священнаго писанія: Богъ создалъ міръ сей изъ ничего...

Начиная отъ временъ, о которыхъ мы знаемъ только изъ исторіи, до нашего времени, не было и нѣтъ ни одного народа, составившагося и образовавшагося по взаимному сознательному условію извѣстнаго числа людей, изъявившихъ желаніе войдти въ его составъ, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и геніальнаго человѣка. Намъ, можетъ-быть, укажутъ на Сѣверо-Американскіе штаты—на этотъ народъ безъ имени и названія, на этого сына безъ отца, потомка безъ предковъ, на это политическое общество, какъ будто искусственно явившееся, механически соединенное изъ разнородныхъ началъ? Мы отвѣтимъ, что все это только кажется такимъ для поверхностнаго взгляда, но совсѣмъ не таково на самомъ дѣлѣ. Вопервыхъ, Сѣверо-Американскіе штаты явились по условію только государствомъ а не народомъ; между же государствомъ и народомъ большая разница: народъ можетъ не быть государствомъ, но государство не можетъ не быть народомъ; народъ можетъ сдѣлаться государствомъ, но государство не можетъ сдѣлаться народомъ, потому что оно было народомъ прежде еще, чѣмъ сдѣлалось государствомъ. Большая и главная часть народонаселенія Сѣверо-Американскихъ штатовъ — природные Англичане: господствующій языкъ—англійскій; направленіе въ религіи, политикѣ и гражданскомъ устройствѣ явно отзывается британизмомъ. Слѣдовательно, Сѣверо-Американскіе штаты не безъ родни, не безъ предковъ, не безъ отца и матери. Сначала они были англійскими колоніями, слѣдственно, имѣли уже готовыми всѣ матеріялы для государственной жизни: образованный языкъ съ богатою литературою, религію, въ высшей степени развитую граж-

данственность и т. д. Такъ-какъ изъ колонистовъ, въ течеціи времени, образовалось изъ Англичанъ какъ бы особое племя, вслѣдствіе вліянія климата и страны на духъ,—племя, отличавшееся отъ жителей Великобританіи, какъ отличаются романы геніальнаго Купера отъ романовъ геніальнаго Скотта, хотя и писанныхъ на одномъ языкѣ,—то нѣкоторымъ образомъ и образовался какъ бы особый народъ, которому уже не мудрено было стать государствомъ. Да и самый процессъ перехода народа въ государство совершился не механически, не условно, а зарождался, зрѣлъ и обнаружился исторически, такъ-что причины его далеко скрываются во времени, и исторію Сѣверо-Американскихъ штатовъ должно начинать съ эпохи религіозно-политической реформы въ самой Англіи.

Исходный пунктъ жизни каждаго народа скрывается въ географическихъ, этнографическихъ, геологическихъ и климатическихъ условіяхъ. Когда человѣкъ выходитъ изъ своего естественнаго состоянія, онъ начинаетъ борьбу съ природою, покоряетъ ее себѣ и даже измѣняетъ могуществомъ своей разумности; но до тѣхъ поръ онъ—ея рабъ. Мощно дѣйствуютъ на него ея впечатлѣнія, и его темпераментъ имѣетъ кровное сродство съ материкомъ, на которомъ онъ родился, съ небомъ, подъ которымъ онъ родился, а его характеръ есть результатъ его темперамента. Законъ родства крови и плоти есть законъ самого духа!... Сначала всякое человѣческое общество существуетъ какъ племя, потомъ—какъ народъ; немного племенъ извѣстно исторіи: состояніе человѣческаго общества, какъ племени, есть первый и самый естественный моментъ его существованія, это какъ будто развѣтвившіеся отпрыски единаго ствола, какъ будто размножившіеся члены единаго семейства, давно потерявшаго память о своемъ прародителѣ, уже не только родные, но двоюродные, троюродные и такъ далѣе, составляющіе отдѣльные круги семейства. Племена не имѣютъ не только законовъ, даже обычаевъ, освященныхъ временемъ, но живутъ какъ бы руководимыя

какимъ-то инстинктомъ. Имъ нужна пища—и у нихъ есть стрѣла и лукъ, или сѣть для рыбъ: вотъ всѣ ихъ потребности и всѣ точки соприкосновенія между ими. Но вотъ племя сталкивается съ другимъ племенемъ, и, какъ всякой естественной индивидуальности другая индивидуальность враждебна, между ними начинается кровавая борьба; каждое племя плотнѣе соединяется, родственнѣе сжимается, яснѣе сознаетъ свою индивидуальную особность; рождаются понятія о славѣ и безславіи, о геройствѣ и малодушіи, о ненависти ко враждебному племени, какъ священномъ долгѣ; являются военачальники и нѣкоторая подчиненность. Но этимъ все и оканчивается, потому что только столкновеніе съ народомъ или государствомъ можетъ быть причиною развитія племени въ народъ и государство, или чрезъ подпаденіе подъ власть его и изчезновеніе въ немъ, или чрезъ перенятіе его идей. И потому у племенъ власть военачальника блѣдна, безцвѣтна и неопредѣленна, неутверждена и не освящена никакою идеею, не имѣетъ даже силы преданія (traditio), не только закона, жречество основано на мистическомъ страхѣ непонятнаго ихъ уму, и потому пугающаго его, и развѣ еще на нѣкоторыхъ врожденныхъ человѣку слабыхъ и неопредѣленныхъ идеяхъ о божествѣ. Въ такомъ видѣ представляются вамъ всѣ дикія племена Европы, Азіи и Африки. и наконецъ дикія племена цѣлыхъ частей свѣта—Америки и Океаніи. Это какія-то инфузоріи политическихъ обществъ, безсильныя принять опредѣленную и единственно разумную форму человѣческаго общества — форму государственную. Что́ бы ни было причиною этого: низшая въ сравненіи съ нашею организаціею изолированность отъ образованнаго міра, недавность ихъ происхожденія и близость къ природѣ, или какія-нибудь чисто внѣшнія, случайныя причины, или все это вмѣстѣ взятое; но только можно съ вѣроятностію заключать, что всѣ изъ извѣстныхъ намъ государствъ, бывшихъ и нынѣ находящихся, начали свое существованіе съ состоянія племени, состоянія,

которое, какъ безсознательное, не могли помнить, а слѣдовательно и забыть. Въ Америкѣ Испанцы, кромѣ множества племенъ, застали два народа—мексиканскій и перуанскій, изъ примѣра которыхъ можно видѣть, какъ общество переходитъ во второй свой моментъ — изъ племени дѣлается народомъ. У народа уже начинается исторія, которой нѣтъ у племени, хотя эта исторія еще только преданіе, изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію переходящее. У народа уже есть зародыши всѣхъ формъ государственной жизни: утвержденная верховная власть, іерархія чиновъ, раздѣленіе на сословія, и пр.; но только все это еще какъ преданіе, какъ обычай, освященный временемъ, какъ безсознательно-существующій фактъ, а не какъ что-нибудь выговоренное, какъ законъ, и утвержденное законною формою. Народъ тогда только дѣлается государствомъ, когда законность, освященная временемъ и отъ времени получившая свою силу, пріобрѣтаетъ формальность, народная жизнь получаетъ опредѣленныя, выговоренныя, или на письмѣ утвержденныя формы, и эти формы переходятъ въ законъ. Государство есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единая разумная форма. Только ставши членомъ государства, человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы, но дѣлается ея повелителемъ, и только какъ членъ государства, является онъ существомъ истинно-разумнымъ. Племена близки къ животнымъ, и потому минута, когда узнаетъ о ихъ существованіи государство, есть минута ихъ истребленія, порабощенія и перерожденія въ новомъ и чуждомъ имъ духѣ, въ новыхъ и чуждыхъ имъ формахъ.

Всякая разумность, чтобъ сдѣлаться разумностію, должна явиться сперва какъ естественность, какъ непосредственное откровеніе. Всякая разумность священна, т. е. имѣетъ свою мистическую, таинственную сторону, и причина этой таинственности скрывается опять въ близости къ источнику всего сущаго, къ божественной идеѣ, первоначально осуществляю-

щейся во всеобщей родовой матеріи, въ сущномъ (субстанціяльномъ) началѣ. Какая глубина мысли и какая поэзія въ русскомъ выраженіи «мать сыра земля»! Въ самомъ дѣлѣ, она мать намъ, наша родная мать, ибо она есть первоначальная, первосущная форма духа, хранительница всѣхъ силъ, всей сущности (субстанціи) творящей природы! Изъ ея материнскаго лона вышелъ человѣкъ, и въ ея материнскихъ нѣдрахъ покоится онъ на вѣчность! Точно таково же и родство людей между собою: всѣ люди родня другъ другу по духу; но это духовное родство сперва проявляется въ нихъ какъ родство крови и плоти, и духовное родство потому и свято, что выходитъ изъ кровно-плотскаго. Точно такъ же, потому же самому, и государство есть разумное, а потому и священное явленіе, что его начало скрывается въ естественно-семейственномъ родствѣ людей, перешедшемъ потомъ въ родство племенное, а наконецъ въ народное. Какъ въ отдѣльныхъ семействахъ мы замѣчаемъ часто сходство чертъ лица, голоса, манеры говорить и дѣйствовать, словомъ сходство характера, духа, даже при несходствѣ направленій, — такъ и всякій народъ отличается единствомъ языка, а слѣдовательно и характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать ихъ (потому что языкъ есть осуществившееся, явившееся понятіе), единствомъ религіи, образа правленія, родовымъ сходствомъ въ образѣ внѣшней жизни, наконецъ семейственнымъ сходствомъ физіономіи составляющихъ его индивидуумовъ, такъ что трудно не узнать по одному лицу Англичанина, Француза, Нѣмца, Итальянца, Татарина и т. д. Это сходство, это единство, это родство священны, потому что основаніе ихъ плоть и кровь, какъ первосущныя (субстанціяльныя) формы духа. И вотъ почему космополитъ есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явленіе, какой-то блѣдный, туманный призракъ, а не яркая и живая дѣйствительность; вотъ почему, напримѣръ, Русскій, случайно проведшій въ Парижѣ свое младенчество и въ чуждой его родной сущно-

сти (субстанціи) странѣ принявшій первыя живыя впечатлѣнія бытія, представляетъ изъ себя какого-то амфибія, уродливаго и отвратительнаго, какъ всѣ амфибіи; вотъ почему человѣкъ, для котораго ubi bene ibi patria, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священнымъ именемъ человѣка; вотъ почему, наконецъ, измѣнникъ своему отечеству, предатель своей родины, есть злодѣй, при видѣ котораго содрагается человѣческое сердце, отъ котораго съ омерзеніемъ отвращается человѣчество, и который, если только онъ не идіотъ (не въ риторическомъ, а въ физіологическомъ смыслѣ этого слова), скитается по землѣ, подобно Каину, съ печатью проклятія на челѣ и ненавистію къ собственному существованію!... Еслибы общественныя узы были не плоть и кровь, а только взаимный договоръ для общихъ выгодъ, тогда въ идеѣ государства не было-бы ничего священнаго, и предательство отечества было бы проступкомъ противъ чести и морали (Moralität), а не преступленіемъ противъ нравственности (Sittlichkeit); промѣнять свое отечество на другое было бы не несчастіемъ, а простымъ разсчетомъ перемѣны хорошаго на лучшее. Какъ не можемъ мы представить себѣ человѣка, вдругъ и Богъ вѣсть откуда явившагося полнымъ, возмужалымъ и разумнымъ человѣкомъ, такъ не можемъ себѣ представить и общества, вдругъ возникшаго по условному договору извѣстнаго числа индивидуумовъ. Какъ священно существо человѣка, потому что его рожденіе и развитіе есть тайна для него самого, такъ священно и существованіе общества, потому что его начало и развитіе есть тайна. Чтобы полнѣе и яснѣе выразить нашу мысль—укажемъ на самое важнѣйшее и самое священнѣйшее явленіе общественной жизни.

Спросите какого-нибудь французскаго говоруна, какого-нибудь либеральнаго аббатика Француза: откуда и какъ произошла царская власть?—и онъ непремѣнно скажетъ вамъ, что это сдѣлалось слѣдующимъ простымъ образомъ: «когда люди

лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидѣли себя въ горькой необходимости выбрать изъ среды себя человѣка и вручить ему неограниченную власть надъ собою». Для поверхностнаго взгляда абстрактныхъ головъ, въ глазахъ которыхъ идеи и явленія не заключаютъ въ самихъ себѣ своей причины и необходимости, но выростаютъ какъ грибы послѣ дождя, но только безъ почвы и корней, а на воздухѣ,—для такихъ головъ нѣтъ ничего проще и удовлетворительнѣе такого объясненія, но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не можетъ быть ничего нелѣпѣе, смѣшнѣе и безсмысленнѣе. Все, что не имѣетъ причины въ самомъ себѣ и является изъ какого то чуждаго ему «внѣ» а не «изнутри» самого себя,—все такое лишено разумности, а слѣдовательно и характера священности. Коренныя государственныя постановленія священны, потому что онѣ суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому что онѣ, перешедши въ явленія, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи. И потому коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изрѣченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать довременно, и только выговариваются и сознаются человѣкомъ. Равнымъ образомъ коренныя постановленія государства никогда не измѣняются въ смыслѣ замѣны однихъ другими, но измѣняются въ смыслѣ расширенія или ограниченія, сообразно съ временными требованіями исторической жизни народа. Измѣненіе это всегда чувствуется въ государственномъ тѣлѣ какъ сотрясеніе и часто сопровождается судорожными потрясеніями цѣлаго его состава, ибо мысль, чтобы осуществиться, должна перейдти въ дѣло, въ фактъ, въ явленіе; а всякое явленіе совершается какъ бы въ плоти и крови. Такъ, напр., реформа, произведенная въ жизни Россіи Петромъ Великимъ, совершилась въ борьбѣ и потря-

сеніяхъ всего государственнаго организма, но потому-то она такъ крѣпко и утвердилась и перешла въ законъ, и чѣмъ болѣе пролетитъ столѣтій отъ этого событія, тѣмъ бо́льшую законность и священность будетъ пріобрѣтать дѣло Петра. Мы хотимъ этимъ сказать, что сила вѣковаго преданія и священная таинственность всего, теряющагося въ довременности, имѣютъ глубокое значеніе, и только однѣ освящаютъ явленія, какъ свидѣтельство, что эти явленія—непосредственное откровеніе, а не человѣческія выдумки. Человѣческія уставы могутъ быть полезны, а не священны; только непосредственно Богомъ явленное священно. Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога—говоритъ св. писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину.

Азія есть колыбель человѣческаго рода—его отечество; въ ней начало всѣхъ вѣрованій, всѣхъ человѣческихъ обществъ; въ ней начало всего довременнаго, всего непосредственно явившагося. И св. писаніе, и исторія, и даже сама современность указываютъ намъ на Азію, какъ на страну патріархальности. Китай—эта едва ли не первобытнѣйшая политическая форма общества, и по сю пору есть государство по преимуществу патріархальное. Всѣ мусульманскія государства носятъ въ своемъ основномъ построеніи печать древней патріархальности. Аравія и теперь еще представляетъ собою первобытный типъ племенъ, управляемыхъ патріархами. Св. писаніе говоритъ намъ о первыхъ патріархахъ, какъ о царяхъ людей, жившихъ въ законѣ естественномъ. Что̀ такое былъ Іаковъ, переселившійся въ Египетъ, какъ не отецъ семейства, до того размножившагося, что маститый старецъ сдѣлался и отцомъ и прапрадѣдомъ вмѣстѣ, такъ что для своихъ праправнуковъ, по закону колѣннаго отдаленія, казался столько же правителемъ, царемъ, сколько родственникомъ и родоначальникомъ? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца-родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ

нея идеи царя. Только безсловесныя животныя живутъ безъ властей; но человѣкъ даже въ своемъ естественномъ состояніи, даже еще не развратившись, не сдѣлавшись злымъ, признавалъ власть и жилъ въ разумныхъ формахъ повелительства и подчиненности, задолго до того, какъ сознавалъ ихъ значеніе, или ихъ нужду; чувство, вмѣстѣ съ нимъ родившееся, сказало ему, что отецъ выше сына, и что сынъ долженъ повиноваться, слѣдовательно, признавать власть отца. Вотъ почему во всѣхъ племенахъ родоначальничество есть первый моментъ общественнаго сознанія, а право первородства—самое священное право. Законы человѣчества вездѣ одни и тѣ же, потому что они законы разума, а разумъ одинъ, какъ одинъ Богъ: американскіе дикари, по законамъ вѣжливости, всякаго старшаго себя называютъ «своимъ отцомъ», а равнаго себѣ по лѣтамъ «своимъ братомъ». Нельзя вывести изъ опыта, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская власть, отецъ сталъ царемъ; но въ умозрѣніи это очень непонятно. Исторія не можетъ показать картины развитія идеи отца въ идею царя, исторія не помнитъ этого, потому что это явленіе довременное. Но тѣмъ яснѣе, что кто внушилъ человѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятилъ санъ и званіе отца, тотъ освятилъ санъ и званіе царя, превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священною и неприкосновенною. Человѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣни передъ царскою властію, потому что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божіимъ, не въ извѣстное и опредѣленное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывавшимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть преобразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума.

Достоинство монарха есть священство, и въ таинствѣ по-

мазанія совершается непосредственная передача власти царю отъ Бога, и «Сердце Царево въ руцѣ Божіей», и какъ говоритъ Шекспировъ Ричардъ II:

Елей съ помазаннаго короля
Не могутъ смыть всѣ воды океана!
Дыханіе земныхъ людей не можетъ
Съ избраннаго намѣстника Творца
Снять санъ его!...

Вотъ почему, отдавая подданному приказаніе идти, монархъ не оглядывается назадъ, чтобы удостовѣриться, исполняется ли его приказаніе; вотъ почему его слово — законъ, маніе руки его—повелѣніе, взглядъ очей—гроза или милость. Онъ творитъ, какъ «власть имѣющій» (Ев. отъ Матѳ. гл. VII, ст. 29), и власть его не отъ него, но свыше. Вотъ почему, когда слѣпое своеволіе воздвигаетъ бури мятежа, онъ съ безтрепетнымъ грознымъ челомъ является, одинъ и безоружный, и въ комнатѣ Шакловитаго, и на площади, усыпанной мятежными толпами, которыхъ и самый страхъ оружія и смерти былъ безсиленъ привести къ повиновенію,—является и, вмѣсто увѣщаній и просьбъ, однимъ словомъ властительныхъ устъ, однимъ мановеніемъ державной руки повергаетъ передъ собою во прахъ сонмище губителей, оцѣпенѣвшихъ отъ одного его появленія: ибо онъ творитъ «какъ власть имѣющій»... Превосходно у Шекспира то мѣсто въ «Ричардѣ II», гдѣ отложившійся отъ короля герцогъ Іоркскій, увидѣвъ Ричарда, осажденнаго и почти побѣжденнаго безъ надежды на возстаніе, увидѣвъ его восходящимъ на стѣну замка, въ гордомъ сознаніи его царственнаго величія, возмущается духомъ въ сознаніи виновной совѣсти и восклицаетъ:

Смотрите! о, смотрите! самъ король Ричардъ,
Какъ негодующее солнце всходитъ,
Багровое на огненномъ востока прагѣ,
Замѣтивъ, что завистливыя облака
Стремятся потемнить его сіянье

И запятнать собою лучезарный путь
Къ странѣ заката. Но онъ смотритъ какъ король;
Смотрите: очи какъ орла сверкаютъ
И въ нихъ могучее величество горитъ!
О, Боже! ихъ ли горе потемнитъ!

Какая безконечная глубина мысли заключена въ этомъ невольномъ изліяніи, въ этой исповѣди виновнаго вассала, такъ молніеносно и въ такихъ немногихъ словахъ выраженной величайшимъ геніемъ, котораго всезрящему оку доступна была сущность міровой жизни, ея основные законы! И сколько глубины и истины въ этомъ обращеніи короля къ вассалу:

Мы удивляемся: стоять такъ долго
И ожидать, чтобъ въ страхѣ преклонились
Твои колѣни, потому что мы себя
Твоимъ законнымъ королемъ считаемъ!
И если такъ: какъ смѣютъ твои члены
Забыть предъ нами подданнаго долгъ?
Когда же не король я,—покажи
Насъ развѣнчавшую десницу Бога!
Мы знаемъ, что рука изъ крови и костей
Не можетъ захватить священный скиптръ,
Не святотатствуя и не воруя.
И думаешь ли ты, что всѣ Британцы,
Какъ ты, отъ насъ сердцами отвратились,
Что мы и безъ друзей и безъ защиты?...
То знай: Господь мой, всемогущій Богъ
За облаками держитъ ополченье язвы,
Въ защиту намъ; она убьетъ дѣтей
Невышедшихъ еще на свѣтъ отъ тѣхъ
Кто на главу мою вассала руку
Дерзнетъ занесть и вздумаетъ грозить
Сіянью драгоцѣннаго вѣнца!
Скажи же Болингброку (кажется онъ тамъ),
Что каждый шагъ его на нашей почвѣ—
Опасная измѣна. Онъ пришелъ
Сломать печать на пурпурномъ завѣтѣ
Кровавыхъ войнъ. Но прежде, чѣмъ корона,
Къ которой онъ стремится, на его челѣ

Возляжетъ мирно, десять тысячъ разъ
Кровавое чело сыновъ заставитъ
Лить слезы матерей, обезобразитъ
Ликъ Англіи цвѣтущей, превратитъ
Цвѣтъ мира дѣвственный и блѣдный
Въ багровое негодованье, оросить
Луга Британіи ея же кровью!

Президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ есть особа почтенная, но не священная: какъ представитель общества по условію самого общества, онъ есть высшій чиновникъ его, на которомъ лежитъ бо̀льшая противъ другихъ отвѣтственность и который за то пользуется бо́льшимъ противъ другихъ жалованьемъ и почетомъ, а не царь, который выше суда человѣческаго и съ которымъ подданные связаны кровными, неразрывными узами духа и нравственнаго закона. Личность президента есть призракъ, дѣйствительно одно званіе его, и потому тотъ или другой—все равно. Вслѣдствіе этого, идея этого государства есть условный символъ, безъ сущности и личности, тогда какъ въ монархіяхъ образъ государя, есть личность государства, и подданный, служа монарху, служитъ своему государству. Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляетъ, магическою силою заключенной въ немъ идеи, признавать цѣлый народъ какъ единаго человѣка, и безконечное множество индивидуальныхъ особностей сливаетъ во единое тѣло, въ единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое *я*. Отсюда ясно видно, какое великое значеніе имѣетъ для вѣнценосцевъ древность рода и происхожденія, теряющаяся въ непроницаемости мистическаго мрака временъ и вѣчности. Царь долженъ родиться царемъ, и право рожденія есть его первѣйшее и священнѣйшее право. Изъ милліоновъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и милліоны не могутъ ревновать его избранію, и добровольно преклоняютъ передъ нимъ колѣни, какъ передъ существомъ высшаго рода, и охотно повинуются ему, отказывая въ такомъ повиновеніи

равнымъ себѣ, ибо власть ихъ считаютъ случайною. Это-то видно и было причиною паденія всѣхъ самозванцевъ и похитителей, хотя многіе изъ нихъ и были люди великаго ума, способностей и силы характера. Какъ снято съ самозванца царское имя, которымъ онъ осѣнился какъ правомъ—и будь онъ геній, окажи народу великія заслуги, но уже нѣтъ на немъ багряницы, и обнаженный трупъ его лежитъ добычею небесныхъ птицъ... Другимъ образомъ, но тотъ же конецъ бываетъ и для похитителей. Благодаря своему геніальному инстинкту, свойственному всѣмъ истинно великимъ людямъ, Наполеонъ глубоко чувствовалъ эту истину. Раздаватель коронъ и скипетровъ, могущественнѣйшій монархъ въ мірѣ, по свободному признанію цѣлаго народа, великій геній, самъ создавшій себѣ и тронъ и свое колоссальное счастіе, кажется, имѣвшій полное право гордиться своимъ не царскимъ происхожденіемъ, онъ, несмотря на все это, безпокоился и о своей судьбѣ и о судьбѣ своего рода; онъ понималъ, что для твердости и дѣйствительности его власти недостаточно и его геніальности и его подвиговъ, и помазанія католическимъ первосвященникомъ, — и искалъ, какъ своего спасенія, вступить въ бракъ съ женою царскаго рода. И вотъ, онъ разводится съ женою, которую страстно любилъ, которую короновалъ какъ императрицу, и вступаетъ въ новый брачный союзъ съ принцессою древняго царскаго рода, съ дщерію цесарей. Свѣтскіе мудрецы, люди, которые легко разсуждаютъ о тяжелыхъ предметахъ, которымъ достаточно четверти часа, чтобы, съ сигарою во рту, пересудить всѣхъ и все, и перестроить міръ на свой ладъ, такіе люди глубокомысленно объявляютъ, что Наполеонъ этимъ союзомъ унизилъ величіе своего генія и, увлекшись тщеславіемъ, сдѣлалъ безразсудный поступокъ, роковую ошибку, которая и погубила его. Нѣтъ! это была мысль геніальная, свойственная только великому человѣку, глубокопонимавшему законы разумной дѣйствительности, глубоко-постигавшему

таинственную и сокровенную для обыкновеннаго зрѣнія сущность вещей. Мысль Наполеона стоитъ всѣхъ его побѣдъ и подвиговъ: онъ въ ней такъ же великъ, какъ и въ нихъ. Не мелкое тщеславіе, не суетное желаніе украситься заимствованнымъ блескомъ и пурпуромъ чуждой ему багряницы, рѣшило его на этотъ союзъ, но глубокое сознаніе, что этотъ бракъ наброситъ на него въ глазахъ царей и народовъ, современниковъ и потомства, тотъ религіозно-таинственный свѣтъ, который составляетъ необходимое условіе дѣйствительности царственнаго достоинства. Онъ понималъ, что если у него будетъ сынъ, то хотя бы этотъ сынъ, наслѣдовавъ его престолъ, не наслѣдовалъ и слабаго отблеска его генія, словомъ, былъ бы самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и тогда бы онъ тверже своего великаго отца сидѣлъ на оставленномъ ему тронѣ, онъ—сынъ великаго отца и венценосной матери. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ своей старой гвардіи?—любовь къ ея великому полководцу, ея маленькому капралу... Но могъ явиться и другой полководецъ, озарить новымъ блескомъ имъ же прославленныхъ орловъ и присвоить себѣ клики воинственныхъ привѣтствій. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ народа?—благодарность за оказанныя ему услуги, громкій апплодисманъ за успѣхъ, за которымъ могли раздаваться—какъ оно и случалось—оскорбительные свистки сбившемуся съ роли актеру. Не забудьте изрѣченія Наполеона: «я продолжитель не королевства Гуго-Капета, но имперіи Карла Великаго». Видите ли: онъ призываетъ себѣ на помощь не одинъ союзъ брака съ вѣнценосною женою; но и союзъ исторіи, союзъ вѣковъ, союзъ преданія,—и на Марсовыхъ поляхъ силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать съ нимъ настоящее... О, господа глубокомысленные политики! Наполеонъ понималъ кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнѣе и поучительнѣе вашихъ прекрасныхъ умствованій...

Все, сказанное нами, клонится къ тому, чтобы показать, что общество или народъ не есть отвлеченное понятіе, но живая личность, единое тѣло и единая душа; что она рождается не случайно, не по человѣческому условію и произволу, но по волѣ Божіей; что оно не есть только необходимая форма развитія человѣчества и не имѣетъ причины въ нуждѣ и пользѣ людей, но есть само себѣ цѣль, въ самой себѣ носящая свою причину; что оно развивается не механически, но динамически, т. е. собственною самодѣятельностію жизненной силы, составляющей его сущность, не чрезъ налипаніе и сращеніе извнѣ, но внутренно (имманентно) изъ самого себя, органически, какъ дерево изъ зерна...

Доселѣ мы смотрѣли на общество, какъ на нѣчто единое и цѣлое: теперь взглянемъ на него какъ на единство противоположностей, которыхъ борьба и взаимныя отношенія составляютъ его жизнь. Общество состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый человѣкъ принадлежитъ и себѣ и обществу, есть индивидуальная и самоцѣльная особность и членъ общества, часть цѣлаго, принадлежащая не себѣ, а обществу. Прежде всего, всякій человѣкъ есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пунктъ всѣхъ его дѣйствій и необходимое условіе его дѣйствительности. Какъ особность, онъ стремится къ своему личному удовлетворенію; но лишь только сдѣлаетъ онъ шагъ къ этому удовлетворенію, какъ встрѣчаетъ себѣ препятствіе внѣ себя, гдѣ онъ видитъ множество существъ, подобныхъ ему, такъ же, какъ и онъ, стремящихся къ личному удовлетворенію. Что̀ полезно ему, то полезно и другому; а какъ иногда для многихъ полезно одно, то каждый, стараясь воспользоваться имъ одинъ, старается лишить его всѣхъ другихъ,—борьба личностей и индивидуальныхъ особностей. Далѣе: что̀ полезно одному, то вредно другому, и этотъ другой старается не допустить перваго,—опять борьба личностей. Это зрѣлище представляетъ въ себѣ все твореніе, которое есть безконечное многоразли-

чіе особенностей; это зрѣлище представляетъ собою безсмысленныя животныя; но въ людяхъ, какъ существахъ разумныхъ, это же самое зрѣлище, имѣющее своимъ основаніемъ сознаніе своей единичности каждымъ лицомъ, есть только исходный пунктъ жизни, которая есть борьба, но результаты которой представляютъ новое зрѣлище. Человѣкъ, какъ особность, естественно видитъ въ другихъ людяхъ, какъ особностяхъ же, нѣчто враждебное себѣ; но въ тоже время онъ доходитъ своимъ разумомъ до сознанія, что каждая изъ этихъ враждебныхъ ему особностей имѣетъ такое же право на личное удовлетвореніе, какъ и онъ, и что, слѣдовательно, если онъ требуетъ отъ нихъ уступокъ и нуждается въ ихъ помощи, то и онѣ въ правѣ требовать отъ него уступокъ и помощи. Вотъ законъ любви, которая есть чувственный, такъ сказать, разумъ, или безсознательная разумность! Изъ закона любви вытекаетъ законъ нравственный, который сознается изъ столкновенія внутренняго (субъективнаго) міра человѣка съ внѣшнимъ (объективнымъ) міромъ. Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастіе, какъ блаженство, къ которымъ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право стремиться, сообразно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носитъ онъ таинственный и безконечный міръ, полный желаній, порывовъ, стремленій, страданій и радостей, и только чрезъ удовлетвореніе этого своего міра можетъ онъ достигнуть счастія. Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка; сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія, имѣетъ право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человѣка истинна и слѣдовательно, дѣйствительна; но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадаетъ въ нелѣпость. Субъективность, оставаясь субъективностію, въ сферѣ знанія превратится въ ограниченность и произвольность понятій, въ сферѣ чувства — въ сухой и безнравственный эгоизмъ, въ сферѣ

дѣйствія — въ преступленіе и злодѣйство. Субъектъ есть личность; но что же такое эта личность, кого выражаетъ и опредѣляетъ она? Субъективная личность, есть выраженіе и опредѣленіе духа, а духъ безконеченъ: слѣдовательно субъективная личность не должна быть ограниченностію; духъ истиненъ, слѣдовательно субъективная личность не должна быть эгоистическою. А между тѣмъ, ограниченность есть условіе всякой субъективности. Въ чемъ же примиреніе этого противорѣчія, гдѣ выходъ изъ него? въ столкновеніи субъективной личности человѣка съ объективнымъ (внѣ его находящимся) міромъ. Человѣкъ есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выраженіемъ котораго служитъ его личность. Отсюда выходитъ двойственность его положенія и его стремленій; его борьба между своимъ *я* и тѣмъ, что находится внѣ его *я*, составляетъ его *не-я*. Въ отношеніи къ его индивидуальной особенности, міръ *не-я*, міръ объективный, есть враждебный ему міръ; но въ отношеніи къ его духу, какъ проблеску безконечнаго и общаго, міръ его *не-я*, міръ объективный, есть родной ему міръ. Чтобъ быть дѣйствительнымъ человѣкомъ, а не призракомъ онъ долженъ быть частнымъ выраженіемъ общаго, или конечнымъ проявленіемъ безконечнаго. Вслѣдствіе этого онъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности; признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ только его истиною и дѣйствительностію. Но какъ это міровое или общее находится не въ немъ, а въ объективномъ мірѣ, онъ долженъ сродниться, слиться съ нимъ, чтобы послѣ, усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, стать снова субъективною личностію, но уже дѣйствительною, уже выражающею собою не случайную частность, а общее, міровое, словомъ, стать духомъ во плоти. Въ сферѣ жизни, въ сферѣ дѣйствія, столкновеніе субъективной личности съ объективнымъ міромъ совершается дѣятельно же, не какъ житейская опытность, но

какъ разумный опытъ жизни. Почва, на которой выростаютъ благотворные плоды разумнаго опыта, есть нравственное чувство. Субъектъ, сознавая свою слабость, свою самоцѣльность, и слѣдуя инстинктивному стремленію къ личному удовлетворенію, чувствуетъ себя на каждомъ своемъ шагу и въ каждомъ своемъ дѣйствіи какъ бы связаннымъ какими-то внѣшними отношеніями; онъ говоритъ себѣ: «я самъ себѣ цѣль, и хочу жить для жизни, жить для себя»; но внѣшній міръ говоритъ ему: «ты не для себя созданъ, ты мнѣ принадлежишь, каждую твою радость, каждое твое наслажденіе ты можешь получить только съ моего позволенія». Съ ужасомъ и ненавистію внимаетъ юный человѣкъ этому страшному голосу какого-то призрака, котораго онъ не видитъ, но котораго могучія объятія охватили его со всѣхъ сторонъ и не позволяютъ ему ни одного свободнаго движенія. Въ этомъ невидимомъ сторукомъ исполинѣ онъ видитъ существо совершенно внѣшнее и враждебное себѣ; но разумный опытъ жизни, цѣною страшной борьбы, противорѣчій, страданій, перемѣшанныхъ съ торжествомъ побѣды, примиреніемъ и радостями, увѣряетъ его наконецъ, что этотъ колоссальный и враждебный ему призракъ есть его же родное, его же внутреннее, словомъ, законы его собственнаго разума, его же субъективнаго духа, но только осуществившіеся во внѣ его, какъ явленія въ самомъ дѣлѣ, онъ видитъ, что онъ есть единичная личность, которая сама себѣ цѣль, но онъ же видитъ, что у него есть отецъ, мать, братья, сестры, родственники, друзья, знакомые, наконецъ, общество, отечество, правительство, и что со всѣми этими предметами (объектами) его субъективная личность связана не условными узами, но узами крови и плоти, а слѣдовательно и духа. Онъ понимаетъ, что если-бы они сами захотѣли отрѣшиться отъ него, сдѣлать его свободнымъ отъ нихъ, онъ потерялъ бы всякое значеніе въ собственныхъ глазахъ, очутился бы, въ собственныхъ глазахъ призракомъ безъ почвы, на которую уперлась

бы его нога, безъ воздуха, которымъ освѣжилась бы грудь его, безъ имени, которымъ бы онъ обозначилъ себя въ нѣмой бесѣдѣ съ самимъ собой. Въ духовномъ развитіи человѣка моментъ отрицанія необходимъ, потому что кто никогда не ссорился съ истиною, у того и міръ съ нею не очень проченъ; но это отрицаніе должно быть именно только моментомъ, а не цѣлою жизнію: ссора не можетъ быть цѣлію самой себѣ, но имѣетъ цѣлію примиреніе. Всякій духовный процессъ совершается съ болью и страданіемъ, и столкновеніе субъективной личности человѣка съ объективнымъ міромъ сперва необходимо является, какъ борьба и страданіе. Но дорогое и покупается дорогою цѣною, и благо тому, что цѣною страданія пріобрѣтаетъ истину, которая одна даетъ блаженство, его же ржа не тлитъ, и тать не похищаетъ. Но горе тѣмъ, которые ссорятся съ обществомъ, чтобы никогда не примириться съ нимъ: общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительность или требуетъ полнаго мира съ собою, полнаго признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовою тяжестію своей исполинской длани. Кто отторгся отъ нея безъ примиренія, тотъ дѣлается призракомъ, кажущимся ничто, и погибаетъ. Алеко Пушкина поссорился съ обществомъ и думалъ навсегда избавиться отъ него, приставъ къ бродячей толпѣ дѣтей природы и вольности; но общество и тамъ нашло его и страшно отомстило ему за себя чрезъ него же самого. Такъ какъ, несмотря на всѣ его мудрствованія, оно жило въ немъ безсознательно и кровно, то онъ и вздумалъ, вопреки своимъ понятіемъ, наложить на полудикихъ дѣтей природы тѣ же самыя стѣснительныя условія общественности, противъ которыхъ самъ возставалъ, и два трупа лежали передъ нимъ, какъ необходимые результаты его ложнаго положенія въ отношеніи къ самому себѣ, и навсегда унесли съ собою въ могилу всякую надежду его на счастіе и миръ души въ этой жизни...

Но борьба есть условіе жизни: жизнь умираетъ, когда оканчивается борьба. Субъективный человѣкъ въ вѣчной борьбѣ съ объективнымъ міромъ и, слѣдовательно, съ обществомъ,—но въ борьбѣ не въ смыслѣ возстанія, а въ смыслѣ своего безпрестаннаго стремленія то въ ту, то въ другую сторону. Объяснимъ это примѣромъ. Петръ великій былъ человѣкъ; слѣдовательно, у него былъ свой субъективный міръ, въ которомъ онъ принадлежалъ только себѣ, а не государству: онъ былъ супругъ, отецъ, братъ, словомъ—семьянинъ; онъ вкушалъ, въ нѣдрахъ своего семейства, тѣ же радости, которыя вкушалъ и послѣдній изъ его подданныхъ. Онъ имѣлъ друзей, какъ напримѣръ, Меншикова, котораго горячо любилъ. Это его субъективный міръ. Но онъ же не имѣлъ почти минуты времени, чтобы забыться въ милыхъ, обаятельныхъ радостяхъ семейственности и дружбы:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Вотъ его объективный міръ. Но и этотъ объективный міръ не былъ чуждымъ и внѣшнимъ ему, не былъ однимъ суровымъ долгомъ, но былъ его задушевнымъ, кровнымъ, и дѣйствуя на его поприщѣ, онъ вкушалъ блаженство, которому нѣтъ предѣловъ и для выраженія котораго нѣтъ словъ. Но если это было такое блаженство, котораго ему не могъ дать субъективный міръ, за то и субъективный міръ давалъ ему такое блаженство, котораго не могъ ему дать объективный міръ. Сверхъ того, субъективныя радости даются легче, нежели объективныя: эти дома, онѣ всегда съ нами, а для достиженія тѣхъ нужна борьба, усиліе, трудъ въ потѣ чела; нужно иногда на роковую ставку судьбы поставить все. Притомъ же дѣйствованіе въ объективномъ мірѣ не можетъ всегда быть только наслажденi-

емъ, но часто должно быть однимъ долгомъ, и минуты блаженства, доставляемыя имъ, рѣдки, и бываютъ большею частію результатомъ успѣха.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И полонъ славы взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Да, это торжество, незнакомое простымъ смертнымъ: это торжество, извѣстное только богамъ, царямъ, героямъ и народамъ! Но сколько огорченій, досадъ, сомнѣній, мукъ душевныхъ, тревогъ и заботъ предшествовало этому дивному торжеству!... Чтобы лучше показать двойственность человѣка въ субъективномъ и объективномъ мірѣ, напомнимъ Петра въ другіе двѣ минуты. Вспыхиваетъ стрѣлецкій бунтъ, и душа заговора—родная сестра царя-исполина: братъ о ней плачетъ, а царь ее судитъ и караетъ... Надежда великаго царя, боявшагося и трепетавшаго только одной смерти—смерти своей идеи реформы,—тотъ, кто могъ и продолжить и укрѣпить, или прекратить и изгнать ее, его родной, его единственный сынъ, возстаетъ на отца и царя, и возстаетъ именно, какъ на преобразователя... Вѣсы суда готовы: на одной сторонѣ естественная любовь родителя, на другой—судьба народа... Народъ побѣдилъ—страшная, величественная и торжественная минута!... Солнце должно было остановиться въ своемъ вѣчно-довременномъ теченіи, природа притаить дыханіе, пульсъ міровой жизни прерваться, въ ожиданіи страшнаго рѣшенія, чтобы потомъ забиться новою, удвоенною жизнію, потечь новымъ, ускореннымъ теченіемъ отъ чувства торжества... Великій подвигъ великаго человѣка!—восклицаете вы

въ гордомъ сознаніи торжества достоинства человѣческой природы. Міръ объективный побѣдилъ міръ субъективный, общее побѣдило частное! Отчего же такъ велика эта побѣда?—оттого, что власть естественнаго влеченія сердца безгранична надъ волею человѣка, и когда торжествуетъ надъ нимъ законъ нравственный, человѣкъ является героемъ, полубогомъ, представителемъ человѣчества, осуществившимъ своею личностію все могущество цѣлаго человѣчества; оттого, что права субъективнаго человѣка безконечно сильны надъ душою и побѣждаются только самоотверженіемъ въ пользу общаго... Итакъ, у одного человѣка двѣ жизни, изъ которыхъ каждая поочередно овладѣваетъ имъ, которыя борятся между собою, и въ этой борьбѣ его жизнь...

Общество слагается изъ множества людей, и у каждаго изъ нихъ свой горизонтъ понятій, своя сфера жизни, свой кругъ дѣйствія, наконецъ, свой субъективный и свой объективный міръ. Одинъ больше частное явленіе, т. е., больше принадлежитъ себѣ; другой больше общее явленіе, т. е., больше сливается съ интересами объективными, выходящими изъ сферы его частной жизни; но каждый раздѣленъ между собою и обществомъ, и каждый соединенъ съ обществомъ, т. е. находитъ себя въ обществѣ. Иной, по ограниченности своей натуры, даже не понимаетъ слова «отечество», но если онъ вписанъ въ сословіе, въ цѣхъ—у него уже есть свой объективный міръ. Вотъ откуда истекаетъ живое единство общественной организаціи, которой безчисленные и разнообразные нервы, проходя взадъ и впередъ и перепутываясь въ тѣлѣ, сходятся въ одномъ пунктѣ и образуютъ собою органъ сознанія — единаго личнаго *я*. Каждый изъ членовъ общества имѣетъ свою исторію жизни, а общество имѣетъ свою, и еще гораздо послѣдовательнѣйшую, гораздо полнѣйшую, разумнѣйшую и понятнѣйшую. Какъ единый человѣкъ, оно переходитъ моменты развитія: начавъ бытіе свое безсознательно и довременно, вдругъ пробуждается для сознанія, но для сознанія еще ес-

тественнаго, непосредственнаго [1]); наконецъ наступаетъ для него эпоха выхода изъ естественной непосредственности, оно отрицаетъ родство крови и плоти во имя родства духа, чтобы потомъ чрезъ духъ снова признать родство крови и плоти, но уже просвѣтленное духомъ—свѣтомъ божественной мысли. Какъ у единаго человѣка, у него бываютъ болѣзни, и фазы болѣзней, и переходъ въ здоровое состояніе. Словомъ, это живая, единичная личность, огромное тѣло, съ безчисленнымъ множествомъ головъ, но съ единою душою, единымъ индивидуальнымъ *я*. И никогда его единство не бываетъ такъ поразительно, какъ въ тѣхъ грустно или радостно торжественныхъ его положеніяхъ, когда или рѣшается вопросъ о его жизни и смерти, или общая радость заставляетъ сильно биться его исполинское сердце. Все въ немъ усыплено въ какомъ-то дремотномъ спокойствіи, все такъ обыкновенно и ежедневно: судья ходитъ въ судъ, чтобъ брать жалованье и жить имъ, воинъ исполняетъ свои обязанности, какъ долгъ службы, составляющій условія его обезпеченія, купецъ думаетъ о барышахъ, словомъ—все занято собою: кто родится, кто умираетъ, кто женится, кто разводится, и всякій — Иванъ да Петръ, Сидоръ да Лука. Но вотъ буря иноплеменнаго нашествія проносится по усыпленному народу и разражается громомъ и молніею надъ его безпечною головою—и нѣтъ больше людей: является народъ, нѣтъ больше личныхъ и частныхъ интересовъ: все дума объ отечествѣ, пестрыя толпы слились въ одну общую массу, во главѣ которой является царь. И тѣ, которые удивляли

[1]) Здѣсь слово „непосредственный“ употреблено въ значеніи отсутствія посредства мысли въ сознаніи. Младенецъ, или простолюдинъ можетъ быть добръ, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о добрѣ, ни о злѣ—доброта непосредственная; другой можетъ обнаруживать своими дѣйствіями и инстинктивно вѣрными заключеніями удивительную истинность, никогда не думавши о томъ, что такое истина—непосредственное познаніе истины.

васъ своею мелкостію и пошлостію, оскорбляли бездушіемъ, тѣ часто поражаютъ васъ и львиною храбростію, и благородствомъ поступковъ, и великодушною готовностію принести себя на жертву за общее дѣло, даже не думая, чтобы ихъ жертва имѣла какую-нибудь цѣну. Для того-то и насылается буря, чтобы очищала воздухъ и орошенная земля чреватѣла плодородіемъ и давала плодъ сторицею... Такое зрѣлище представляла собою Русь на мамаевскомъ побоищѣ; такое зрѣлище представляла она въ годину междуцарствія, когда умирающее сознаніе ея я было пробуждено и оживлено голосомъ келаря Палицына, святителя Гермогена, мясника Минина и дѣятельнымъ участіемъ князя Пожарскаго... Отчего видна такая забота на лицахъ всѣхъ и каждаго? отчего по одному направленію движутся, отъ мѣста до мѣста, густыя массы народа, отчего, говоря словами поэта:

Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ?...

Умеръ Благословенный... Отчего въ первопрестольномъ градѣ, отъ заставы до сѣнь священнаго кремля, тянутся по обѣимъ сторонамъ густыя толпы безчисленнаго народа, едва удерживаемыя въ порядкѣ двойнымъ рядомъ солдатъ, лѣпятся на помостахъ, покрываютъ заборы и кровли домовъ? Кто созвалъ ихъ сюда? Никто, даже тѣ, которые имѣютъ право сзывать народъ, скорѣе озабочены тѣмъ, чтобы число его не было во вредъ ему самому. Отчего лица всѣхъ свѣтлы и радостны, чужды всякой житейской заботы, всякой мысли о себѣ? отчего глаза всѣхъ, съ томленіемъ и трепетомъ ожиданія, обращены въ одну сторону? отчего вдругъ, при царственномъ гулѣ колоколовъ и громѣ пушекъ, воздухъ потрясся отъ стонущаго «ура», какъ бы выходящаго изъ единой груди и единыхъ устъ?... Новый Царь вступаетъ въ древнюю Москву для вѣнчанія на царство...

Много славныхъ и блестящихъ мгновеній пережила молодая Россія — молодая и юная, несмотря на свою девятивѣковую

жизнь; много перетерплено было ею славныхъ бѣдъ, много перепраздновано славныхъ торжествъ; но всѣ они помрачаются 1812 годомъ. И въ самый знаменитый 1612 годъ за нее спорили и жизнь и смерть; но тогда спасеніе казалось чудомъ, которому тогда только повѣрили, когда оно уже совершилось; но въ 1812 споръ жизни съ смертію казался еще страшнѣе, а въ спасеніи никто не отчаявался, никто не сомнѣвался даже. Бѣда была торжествомъ: что же самое торжество?... Великое вліяніе имѣли на Россію нашествіе Наполеона и послѣдняя борьба ея съ нимъ: уже не разъ опытомъ блестящихъ побѣдъ и славныхъ торжествъ сознавала она свои исполинскія силы, но что всѣ эти опыты передъ эпохою XII и XIV годовъ?... Народная фантазія, въ союзѣ съ преданіемъ, создала могущаго богатыря, въ миѳическомъ образѣ котораго видится образъ самого народа и вмѣстѣ символъ его судьбы— Илью Муромца, который, лишенный ногъ, тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, а на тридцать-первый погулять пошелъ. И дѣйствительно: добрый молодецъ расходился и разгулялся... Съ самой эпохи татарскаго ига, Россія была оторвана отъ европейскаго міра и развивалась сама въ себѣ изолированно, формировалась изнутри и извнѣ и крѣпла въ силахъ своей исполинской корпораціи; но въ отношеніи къ общему развитію человѣчества, она сидѣла сиднемъ, погруженная въ дрему непробудную. И вдругъ исполинъ, ростомъ и силою вровень съ нею, поставилъ ее на ноги, разбудилъ отъ вѣковой дремоты— и она встала и пошла. Съ самого того мгновенія, какъ царственный младенецъ началъ тѣшиться въ селѣ Преображенскомъ съ своею потѣшною ротою и потомъ могучею дланью крѣпко ухватился за бразды правленія, Россія не имѣла минуты свободной, чтобы вздремнуть, чтобы забыться покоемъ отъ ратныхъ и гражданскихъ подвиговъ, отъ торжествъ побѣды и славы, отъ тріумфовъ завоеваній и пріобрѣтеній. Но что вся эта бодрственная, недреманная, полная трудовъ и дѣятельности жизнь передъ тою, для которой снова какъ бы пробудилась

она страшнымъ кликомъ: «непріятель идетъ на Москву»? что всѣ прежнія ея возстанія отъ сна передъ тѣмъ, которое совершилось при заревѣ пылающей Москвы—этой очистительной жертвы за спасеніе цѣлаго народа, этого феникса, вновь возродившагося изъ своего священнаго пепла?.... И послѣ того, какой блистательный рядъ торжествъ!... Дѣло шло уже не о новой пріобрѣтенной провинціи, не о клочкѣ земли, отбитой у враговъ и моря для построенія города, ни даже о завоеваніи царства и царствъ: дѣло шло сперва о собственномъ спасеніи, а потомъ о спасеніи всей Европы, слѣдовательно—всего міра. Россія тѣсно примыкается къ исторіи Европы, знакомится съ ея бытомъ и домашнею жизнію,—и Царь русскій,

Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда —

является посредникомъ между царями и народами, Готфредомъ крестоваго похода новыхъ вѣковъ, изрекаетъ пощаду и милость гордой столицѣ народа, почитающаго себя первымъ народомъ въ мірѣ, и въ свѣтломъ торжествѣ и тріумфѣ проходитъ по столицамъ спасенной имъ Европы!... Явленіе безпримѣрное въ исторіи человѣчества и могшее совершиться только въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ—въ это время чудесъ и гигантовъ!...

У всякаго человѣка есть своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты: и о человѣкѣ можно ошибочно судить только, смотря по тому, какъ онъ дѣйствовалъ и какимъ онъ являлся въ эти моменты, когда на вѣсахъ судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастіе. И чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ исторія его грандіознѣе, критическіе моменты ужаснѣе, а выходъ изъ нихъ торжественнѣе и поразительнѣе. Такъ и у всякаго народа—своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты, по которымъ можно судить о силѣ и величіи его духа, и, разумѣется, чѣмъ выше народъ, тѣмъ грандіознѣе царственное достоинство его исторіи, тѣмъ пора-

ительнѣе трагическое величіе его критическихъ моментовъ и выхода изъ нихъ съ честью и славою побѣды. Духъ народа, какъ и духъ частнаго человѣка, выказывается вполнѣ только въ критическія минуты, по которымъ однѣмъ можно безошибочно судить не только о его силѣ, но и молодости и свѣжести его силъ. Бородинская битва, самимъ Наполеономъ названная битвою гигантовъ, была самымъ торжественнымъ, самымъ трагическимъ актомъ великой драмы XII-го года. Взглянемъ на нее со словъ автора книги, подавшей поводъ въ этой статьѣ, и участника и очевидца въ великомъ дѣлѣ.

„Солдаты наши желали, просили боя. Подходя къ Смоленску, они кричали: „Мы видимъ бороды нашихъ отцовъ, пора драться!“ Узнавъ о счастливомъ соединеніи всѣхъ корпусовъ, они объяснились по своему; вытягивая руку и разгибая ладонь съ раздѣленными пальцами— „прежде мы были такъ!“ (т. е. корпуса въ арміи, какъ пальцы на рукѣ, были раздѣлены), „теперь мы“—говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь въ кулакъ: „вотъ такъ! такъ пора же (замахиваясь дюжимъ кулакомъ), такъ пора же дать Французу раза: „вотъ этакъ!“—Это сравненіе разныхъ эпохъ нашей арміи съ распростертою рукою и свернутымъ кулакомъ было очень по русски, по крайней мѣрѣ, очень по-солдатски, и весьма у мѣста.

„Мудрая воздержность Барклая де-Толли не могла быть оцѣнена въ то время. Его война отступательная была собственно—война завлекательная. Но общій голосъ арміи требовалъ иного. Этотъ голосъ мужественный, громкій, встрѣтился съ другимъ, еще болѣе громкимъ, болѣе возвышеннымъ—съ голосомъ Россіи. Народъ видѣлъ наши войска стройныя, могучія, видѣлъ вооруженіе огромное, Государя твердаго, готоваго всѣмъ жертвовать за цѣлость, за честь своей имперіи, видѣлъ все это — и въ тайнѣ чувствовалъ, что (хотя было все) не доставало еще кого-то—недоставало полководца русскаго. За то переѣздъ Кутузова изъ Санктпетербурга къ арміи походилъ на какое-то торжественное шествіе. Преданія того времени передаютъ намъ великую поэтическую повѣсть о безпредѣльномъ сочувствіи, пробужденномъ въ народѣ высочайшимъ назначеніемъ Михаила Ларіоновича въ званіе главноначальствующаго въ арміи. Жители городовъ, оставляя всѣ дѣла разсчета и торга, выходили на большую дорогу, гдѣ мчалась безостановочно почтовая карета, которой всѣ малѣйшія примѣты

заранѣе извѣстны были всякому. Почетнѣйшіе граждане выносили хлѣбъ-соль; духовенство напутствовало предводителя армій молитвами; окольные монастыри высылали къ нему на дорогу иноковъ съ иконами и благословеніями отъ святыхъ угодниковъ, а народъ, не находя другаго средства къ выраженію своихъ простыхъ, душевныхъ порывовъ, прибѣгалъ къ старому, радушному обычаю — отпрягалъ лошадей и везъ карету на себѣ. Жители деревень, оставляя сельскія работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили также подъ дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и въ избыткѣ усердія поцѣловать горячій слѣдъ, оставленный колесомъ путешественника. Самовидцы разсказывали мнѣ, что матери бѣжали съ грудными младенцами, становились на колѣни и, между тѣмъ, какъ старцы кланялись сѣдыми головами, онѣ съ безотчетнымъ воплемъ подымали младенцевъ своихъ вверхъ, какъ будто поручая ихъ защитѣ верховнаго воеводы! Съ такою огромною въ него вѣрою, окруженный славою прежнихъ походовъ, прибылъ Кутузовъ къ арміи (Стр. 5, 6 и 7).

. . . .

. . . „Наканунѣ дня бородинскаго, главнокомандующій велѣлъ пронести ее (икону Смоленской Божіей Матери) по всей линіи. Это живо напоминало приготовленіе къ битвѣ куликовской. Духовенство шло въ ризахъ, кадила дымились, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ и святая икона шествовала. Сама собою, по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упоить до сытости своей кровью. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышались рыданія. Главнокомандующій, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствіе, нѣсколько головъ поднялось кверху и послышалось: „орелъ паритъ!“ Главнокомандующій взглянулъ вверхъ, увидѣлъ плавающаго въ воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. Ближніе къ нему закричали „ура“ и этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ. (Стр. 39).

Да, это было великое зрѣлище, это была картина міровой жизни, непосредственно явившая, волею Божіею, откровеніе вѣчнаго духа жизни, во-очію совершившаяся!... Тутъ являлась личность народа, поглощавшая въ себѣ всѣ частныя личности; всѣ умы были полны одною мыслію, сердца однимъ чувствомъ, и бились въ тактъ, какъ бы то было сердце одного человѣка... Не много подобныхъ минутъ хранитъ исторія на своихъ завѣтныхъ страницахъ, но потому-то и

велики и священны такія минуты: ихъ не можетъ произвести и устроить воля человѣческая, но они являются сами, какъ разумная необходимость... Скажите, какая была нужда цѣлому народу до одного человѣка—того семидесяти-лѣтняго вождя съ сѣдою головою и прострѣленнымъ глазомъ? Развѣ онъ былъ тому отецъ, другому братъ, третьему родня дальняя! развѣ онъ могъ того сдѣлать счастливымъ, другому дать денегъ, третьяго изцѣлить отъ неизлѣчимой болѣзни? Нѣтъ? эти люди были ему чужды, какъ и онъ былъ чуждъ имъ; они были для него—все незнакомыя лица, хотя его лице и было извѣстно имъ развѣ только по портретамъ. Но почему же его лице распалось на такое множество портретовъ? почему эти портреты всѣмъ извѣстны? Потому что этотъ человѣкъ есть не частное явленіе, а одинъ изъ выразителей сущности народной жизни, одинъ изъ представителей нравственнаго могущества своего народа, не Михаилъ и не Ларіоновичъ, а просто Кутузовъ—имя символическое, изъ собственнаго сдѣлавшееся нарицательнымъ; потому что онъ не случайное выраженіе частной идеи, а необходимо разумное выраженіе общенародной и человѣчественно-міровой идеи, высшее явленіе высшей дѣйствительности, сынъ не случая, но судьбы... Глубоко замѣчаніе автора «Очерковъ Бородинскаго сраженія», что нуженъ былъ русскій полководецъ, съ русскимъ именемъ: подвигъ: Барклая-де-Толли великъ, участь его трагически-печальна и способна возбудить негодованіе въ великомъ поэтѣ [1]); но мыслитель, благословляя память

---

[1]) „Полководецъ“ — одно изъ величайшихъ созданій геніальнаго Пушкина, оканчивающееся слѣдующими стихами:

О родъ людской, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ всѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ, въ грядущемъ поколѣньи,
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Барклая де-Толли и благоговѣя передъ его священнымъ подвигомъ, не можетъ обвинять и его современникомъ, видя въ этомъ явленіи разумную и непреложную необходимость... Отчего же, изъ всѣхъ русскихъ генераловъ, только на Кутузовѣ остановилось вниманіе и довѣренность царя, безсознательно и какъ бы инстинктивно подтвержденныя упованіемъ и вѣрою народа? Здѣсь мы понимаемъ глубокій смыслъ изрѣченія св. писанія «гласъ Божій—гласъ народа»—изрѣченія, которое только и понимается въ торжественныя минуты народной жизни, когда изчезаютъ люди и является только народъ.

Рокотъ барабановъ, рѣзкіе звуки трубъ, музыка, пѣсни и крики несвязные (привѣтный кличъ войска Наполеону) слышались у французовъ. Священное молчаніе царствовало въ нашей линіи. Я слышалъ, какъ квартиргеры громко сзывали къ порціи. „Водку привезли: кто хочетъ, ребята! ступай къ чаркѣ!“ Никто не шелохнулся. По мѣстамъ вырывался глубокій вздохъ и слышались слова: „Спасибо за честь! не къ тому изготовились; не такой завтра день!“ И съ этими многіе старики, освѣщенные догорающими огнями, творили крестное знаменіе и приговаривали: „Мать Пресвятая Богородица! помоги постоять намъ за землю!“

Еслибы въ книгѣ г. Глинки не было ни одного изъ тѣхъ достоинствъ, о которыхъ будемъ еще говорить ниже, то за одинъ этотъ фактъ, передаваемый ею во всеобщую извѣстность, она достойна названія народной книги. Никогда явленія духа не бываютъ такъ мистически поразительны, никогда они не производятъ въ душѣ такого живаго, яснаго и трепетно-священнаго созерцанія своей таинственной сущности, какъ открываясь чрезъ эти массы самаго низшаго народа, лишеннаго всякаго умственнаго развитія, загрубѣлаго отъ низшихъ нуждъ и тяжелыхъ работъ жизни. Солдаты наши требовали сраженія; мысль, что Москва будетъ отдана непріятелю, заставляла ихъ громко роптать—ихъ, которые, по своему національному духу и Богомъ данному имъ инстинкту истины и здраваго разсудка, всегда отличаются безпредѣльною до-

вѣрностію къ высшей власти и молчаливымъ выполненіемъ ея велѣній. Бородинская битва была дана для нихъ. Скажите: что такое Москва этому грубому солдату, ему, который никогда не видалъ ея, а только смутно носилъ, въ ограниченномъ кругѣ своихъ понятій, какую-то безсвязную мысль о ея сорока сорокахъ церквей, ея Кремлѣ и бѣлокаменныхъ палатахъ?... Почему же мысль о занятіи ея врагомъ тяжелѣе для него всѣхъ смертей?... Не довольно ли было бы ему ограничиться простымъ и безмолвнымъ выполненіемъ своей обязанности: стать гдѣ велятъ стать, и умереть, гдѣ велятъ умереть, не желая и не требуя сраженія, когда «командиры» не хотятъ его, и не называясь, можетъ-быть, на вѣрную и неизбѣжную смерть?... Вотъ самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что все живетъ въ духѣ и служитъ духу и сильно однимъ духомъ: и мудрецъ, глубоко проникшій въ сокровенныя причины вещей, и свѣтскій человѣкъ, имѣющій обо всемъ легкія понятія, и грубый поселянинъ, котораго ограниченный кругозоръ понятій не простирается далѣе низкихъ нуждъ матеріяльной жизни. Вотъ самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что всякій человѣкъ, на какой бы ступени нравственнаго развитія ни стоялъ онъ, не есть какая-то особность, сама по себѣ существующая, но есть живая часть живаго цѣлаго, которая страждетъ, когда страждетъ цѣлое, которая тотчасъ сознаетъ свое кровное родство съ тою общностію, которая есть альфа и омега его бытія, какъ скоро настанетъ для нея торжественная минута.... Вотъ, наконецъ, самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что человѣческое общество, народъ или государство, есть не искусственная машина, механически движущаяся, но живое тѣло, кровь и плоть, одушевляемыя духомъ. Мы попросили бы кстати мудрыхъ вѣка сего доказать намъ, что въ мірѣ есть какая-то матеріяльная сила, какой-то человѣческій произволъ, который разсчитанною хитростію побѣждаетъ силу духовную,

образованность и геній... Мы попросили бы ихъ кстати объяснить намъ, какъ слѣпая воля человѣческая производить явленія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, непосредственно является самъ Богъ; какъ она, собственною силою, творитъ возможное только Богу, и насиліемъ производитъ въ грубыхъ массахъ любовь, вдохновеніе, самопожертвованіе, единство цѣлей и стремленій, словомъ то, что́ можетъ производить только духъ...

Обратимся собственно къ книгѣ Ѳ. Н. Глинки. Она не есть сочиненіе ученое ни въ военномъ, ни въ историческомъ смыслѣ, и не обогатитъ ни военнаго писателя, ни историка новыми фактами. Она даже не имѣетъ достоинства разсказа, въ порядкѣ и картинно-изложеннаго. Сперва авторъ начинаетъ повѣствовать о бородинскомъ дѣлѣ по днямъ (потому что на Бородинскомъ полѣ дрались 23, 24 и 25 августа), потомъ отдѣльно описываетъ собственно бородинское сраженіе, бывшее 26 августа, и, описавъ его коротко въ цѣломъ, начинаетъ описывать его же по часамъ, почему необходимо повторяетъ одно и то же и нѣсколько сбиваетъ строгаго, холоднаго читателя. Но его книга, не будучи ни военною, ни историческою, можетъ назваться поэтическою. Если она не впечатлѣетъ въ умѣ вашемъ полной, художественно оконченной замкнутой картины бородинской битвы, за то она покажетъ вамъ всю поэзію, всю мистическую таинственную сторону его, дастъ самое вѣрное понятіе о его всемірно-историческомъ значеніи; наведетъ васъ на глубокую, возвышенную думу о человѣчествѣ, о царяхъ и народахъ, вѣкахъ и событіяхъ; вознесетъ васъ въ ту превыспреннюю сферу, гдѣ вашей головы не кружатъ ядовитыя и смрадныя испаренія мелкаго эгоизма, жалкихъ заботъ о своей личности и низкихъ нуждъ жизни; возведетъ васъ на ту высокую гору, съ которой изчезаетъ все мелкое и ежедневное, все частное и случайное, но видятся только народы и царства, цари и герои—помазанники и избранники Божіи, своею судьбою осуществляющіе довременныя

судьбы міра, отъ вѣка почивавшія въ лонѣ божественной идеи... Изъ книги Ѳ. Н. Глинки вы не узнаете бородинской битвы въ стратегическомъ отношеніи, но вы узнаете, что съ тѣхъ поръ, какъ люди начали между собою войну, еще не было такой битвы не на жизнь, а на смерть, гдѣ частныя сшибки производились массами, которыя въ прежнія и еще недавнія времена почитались страшными арміями, гдѣ на тѣсномъ пространствѣ гремѣло безпрерывно 1,700 орудій, дралось отчаянно 300,000 человѣкъ; гдѣ умирающіе дорѣзывали оружіемъ, добивали кулакомъ, догрызали зубами умирающихъ подлѣ нихъ враговъ, гдѣ лопались орудія и взрывались зарядные ящики, воздухъ—былъ дымъ и огонь, рукопашный бой и натискъ непріятельской кавалеріи считались отдыхомъ за прекращеніемъ адскаго дѣйствія непріятельской артилеріи; гдѣ безъ отдыха дрались пятнадцать часовъ, и гдѣ, наконецъ, осталось 29,999 труповъ; вы узнаете, что это была битва гомерическая, гдѣ каждый дѣйствовалъ какъ бы отъ себя, дрался за свое личное дѣло, за свою личную обиду, гдѣ отдѣльно подвизались и огнедышащій Ней, и левъ русской арміи—Багратіонъ, и гарцующій Мюратъ, и русскій Баярдъ—Милорадовичъ, и Коновницыны, и Тучковы, и гдѣ Барклай-де-Толли, сей

... устарѣлый вождь какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался онъ въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще?...

гдѣ спокойно, орлинымъ взоромъ слѣдилъ за судьбою битвы тотъ престарѣлый вождь, на священной сѣдинѣ котораго лежало спасеніе Россіи; гдѣ не разъ погружался въ думу и недоумѣніе сынъ судьбы, «могучій баловень побѣдъ», и въ первый разъ оказалъ несвойственную ему нерѣшительность и опустилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мгновеній... Въ книгѣ Ѳ. Н. Глинки вы найдете живою кистію начертанные портреты героевъ битвы, и мастерски набросанныя отдѣльныя ея картины и очерки.

По приведеннымъ выше образчикамъ читатели могутъ безошибочно судить о благородной простотѣ и поэтической живости слога, ровно какъ и о важности книги Ѳ. Н. Глинки для русской публики. Это книга народная, въ полномъ значеніи этого слова, потому что, при великой важности содержанія, она всѣмъ равно доступна. Теперь, когда Русскіе уже не стыдятся, не гордятся быть Русскими; теперь, когда знакомство съ родною славою и роднымъ духомъ сдѣлалось общею потребностію и общею страстію, стыдно Русскому не имѣть книги Ѳ. Н. Глинки, единственной книги на русскомъ языкѣ, въ которой одинъ изъ величайшихъ фактовъ отечественной славы разсказанъ такъ живо, увлекательно и такъ общедоступно? Но книга Ѳ. Н. Глинки, при большихъ достоинствахъ, не чужда и нѣкоторыхъ недостатковъ, которые долгомъ почитаемъ замѣтить, въ надеждѣ, что почтенный авторъ, при второмъ изданіи своего прекраснаго сочиненія, изданіи, которое, вѣроятно, скоро потребуется, не оставитъ воспользоваться нашими замѣчаніями, если найдетъ ихъ справедливыми. Въ цѣломъ его сочиненіи мы желали бы видѣть больше единства и послѣдовательности въ изложеніи событія, и меньше дробности и разнообразія въ манерахъ и пріемахъ разсказывать. Равнымъ образомъ, намъ очень непріятно, что благородная простота слова автора «Очерковъ Бородинскаго Сраженія» иногда пятнается то изысканными и натянутыми сравненіями, какъ напримѣръ, сшибающихся рядовъ съ разбивающимся стекломъ, потомъ съ рабочею храминою химика, сравненіями которыя, нисколько не поясняя сущности дѣла, только затемняютъ его; то изысканными и натянутыми выраженіями, какъ напр. пріурочить, вмѣсто отнести или присоединить и другихъ тому подобныхъ; въ одномъ мѣстѣ мы даже встрѣтили слово «объективный», совершенно неумѣстно употребленное, и потому неимѣющее никакого значенія. Но что̀ всего непріятнѣе и досаднѣе въ «Очеркахъ», это мѣста, выказывающія ложный, разсудочный и внѣшній мистицизмъ, который

видитъ таинство не въ сущности идеи, а въ случайныхъ столкновеніяхъ обстоятельствъ, случайномъ числѣ какомъ-нибудь. Напримѣръ, прекрасно сравнивая Кутайсова съ паладиномъ среднихъ вѣковъ, авторъ подтверждаетъ это сравненіе тѣмъ, что сраженіе при Креси происходило 26-го же августа, въ которое палъ Кутайсовъ. Потомъ замѣчаетъ, что въ бородинскомъ побоищѣ участвовало съ обѣихъ сторонъ шесть Михаиловъ, какъ будто Михаилъ было имя привилегированное, и число шесть сколько нибудь относилось къ сущности дѣла или поясняло его.

Мы сказали, что книга Ѳ. Н. Глинки есть единственная народная книга о бородинскомъ сраженіи, разумѣя подъ этимъ ея чисто литературный характеръ и нисколько не думая давать ей преимущество передъ учеными сочиненіями объ эпохѣ XII года генераловъ Михайловскаго-Данилевскаго, Бутурлина и другихъ военныхъ писателей.

Но, можетъ-быть, многіе изъ читателей упрекнутъ насъ въ томъ, что въ критикѣ «Очерковъ Бородинскаго Сраженія» бо́льшее мѣсто заняли выводы и разсужденія о народахъ, нежели взглядъ на самую битву бородинскую, подавшую къ нимъ поводъ... Всякое явленіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ—со стороны идеи, выражаемой имъ, и со стороны самаго выраженія идеи. Но какъ основаніе и сущность всякаго явленія заключаются въ идеѣ, выражаемой имъ, то самое выраженіе (фактъ) не можетъ быть понятно, когда разсматривается само по себѣ, внѣ скрывающейся въ немъ мысли. Критика есть сознаніе общихъ законовъ частнаго явленія, разсматриваемаго ею: слѣдовательно, идеи, какъ первообразы вѣчныхъ и переходящихъ законовъ разума, должны быть ея главнымъ и исключительнымъ предметомъ, а само явленіе (фактъ) должно служить ей только средствомъ для приложенія общихъ законовъ къ частному явленію. Подробности о бородинской битвѣ читатели найдутъ въ самихъ «Очеркахъ», слѣдовательно пересказывать ихъ отъ лица критика—лишній

трудъ, когда дѣло идетъ о книгѣ литературной и общепонятной, а пересказывать ихъ отъ лица автора—значило бы наполнить статью выписками и, по примѣру нѣкоторыхъ критиковъ, легкимъ образомъ блистать чужимъ умомъ и на чужой счетъ. По этому, намъ хотѣлось дать читателямъ нашу точку зрѣнія на бородинскую битву, не какъ на случайное явленіе, безъ начала и конца, безъ причины и слѣдствія, но какъ на необходимое проявленіе народной жизни, какъ на непосредственное осуществленіе и откровеніе воли Божіей, и тѣмъ указать на мистическую и таинственную сущность этого, великаго событія,—а этого нельзя было иначе сдѣлать, какъ отправившись отъ первоначальной идеи, всепроизводящей и всезиждущей изъ собственной творящей силы. Мы думаемъ, и убѣждены, что уже проходитъ въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ «ахами» и восклицательными знаками и точками, для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходитъ уже время великихъ истинъ, съ диктаторскою важностію изрекаемыхъ, и ни на чемъ не основывающихся, ничѣмъ не подтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя. Публика начинаетъ требовать не мнѣній, а мысли. Мнѣніе есть произвольное понятіе, основанное на поговоркѣ: «мнѣ такъ кажется»; какое же дѣло публикѣ до того, что́ и какъ кажется тому или другому господину?... Притомъ одинъ и тотъ же предметъ одному кажется такъ, другому иначе, а большей части обыкновенно въ верхъ ногами. Вопросъ не въ томъ, какъ кажется, а въ томъ—какъ есть въ самомъ дѣлѣ, и этотъ вопросъ можетъ рѣшаться не мнѣніемъ, а мыслію. Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла, и которая сама по себѣ—очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ; на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики. Давно уже прошло то блаженное время, когда разобрать критически художественное произведеніе значило,

разобрать нѣкоторыя фразы, или удачно составленныя, или погрѣшающія противъ языка; теперь безвозвратно проходитъ и то блаженное время, когда непризванный критикъ, какъ бы издѣваясь надъ публикою, объявлялъ, что личныя ощущенія—высшій критеріумъ изящнаго, и сказавъ, что то или другое сочиненіе «принадлежитъ къ лучшимъ явленіямъ литературнаго года», что оно «ему очень понравилось», что онъ «многое прочелъ въ немъ съ особеннымъ наслажденіемъ»,—сказавъ это въ десяти строкахъ, дѣлалъ десять или двадцать страницъ выписокъ, и смѣло, крупными литерами, ставилъ въ заглавіи этихъ выписокъ громкое словцо «критика». Да, безвозвратно проходитъ уже пора, такъ сказать, мороченья публики подобными штуками. Достоинство и важность мысли начинаютъ признаваться всѣми. Что̀ касается лично до насъ, мы такъ глубоко убѣждены, что истина не въ людскихъ «мнѣніяхъ», не въ личныхъ убѣжденіяхъ, а только въ мысли, что еслибы въ опроверженіе этого указали на наши собственныя статьи, мы скорѣе бы согласились въ томъ, что или тѣ, которымъ онѣ кажутся недоказательными, не доросли ни до потребности, ни до пониманія «мысли», или что, въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ статьяхъ заключаются причины ихъ недоказательности,—чѣмъ согласиться въ томъ, чтобы могущество и очевидность истины заключались не въ «мысли». Во всякомъ случаѣ «Отечественныя Записки» старались и будутъ стараться удовлерить по возможности общей потребности идеи, предоставляя другимъ угощать публику «своими мнѣніями», если только публикѣ въ самомъ дѣлѣ большая нужда знать, каковы мнѣнія у «сего» или «этого» господина, такъ называемаго критика.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ПОВѢСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНІИ АНГЛИНСКАГО МИЛОРДА ГЕОРГА О БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРКГРАФИНѢ ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ КЪ ОНОЙ (къ бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ?) **ИСТОРІИ БЫВШАГО ТУРЕЦКАГО ВИЗИРЯ МАРЦИМИРИСА И САРДИНСКОЙ КОРОЛЕВЫ ТЕРЕЗІИ.** *Съ гравированными картинами и портретомъ. Изданіе десятое. Москва 1839. Три тома.*

«О, милордъ англинской, о великій Георгъ! ощущаешь ли ты съ какимъ грустнымъ, тоскливымъ и вмѣстѣ отраднымъ чувствомъ беру я въ руки тебя, книга почтенная, хотя и безсмысленная! Въ то время, когда я уже бойко читалъ по толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать, въ то время, когда еще только начиналось мое литературное образованіе, когда я прочелъ и «Бову» и «Еруслана» гражданскою печатью, и «Повѣсти и романы господина Волтера», и «Зеркало добродѣтели» съ роскрашенными картинами,—скажи, не тебя ли жадно искалъ я, не къ тебѣ ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?... Помню тотъ день незабвенный, когда, доставъ тебя, уединился я далеко, кажется въ огородѣ между грядками бобовъ и гороха, подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу пышныхъ подсолнечниковъ—этого роскошнаго украшенія огородной природы, и тамъ, въ этомъ невозмущаемомъ уединеніи, быстро переворачивалъ твои толстыя и жесткія страницы, всею душою удивляясь дивнымъ приключеніямъ, такою широкою кистью, такъ могуче и красно изложеннымъ... Задумался я, погрузившись сердцемъ въ какое-то

сладостное мечтаніе... Передо мною носился образъ твоей прекрасной, о Георгъ, маркграфини, которая наполнила меня такимъ нѣжнымъ, трепетнымъ чувствомъ удивленія къ своей дивной красотѣ и женственному достоинству, что, мнѣ кажется, не посмѣлъ бы дотронуться и до рукава ея богатаго платья!... А ты, неистовый Георгъ, ты не только рѣшился остаться ночевать съ нею въ одной комнатѣ, но даже и напечатлѣть на ея устахъ преступный поцѣлуй за что она, пришедъ въ великую свирѣпость, не то надавала тебѣ пощечинъ, не то велѣла отодрать тебя плетьми на конюшнѣ—не помню, право, а справляться некогда. И какъ любили тебя женщины, какъ навязывались онѣ сами на тебя, о, стократно-счастливый милордъ англинской! И Елизавета, твоя обрученная, и маркграфиня, твоя возлюбленная, и королева арабская, и королева гишпанская—сколько ихъ, и все королевны!... А ты, несчастный визирь турецкій, злополучный Марцимирисъ, помнишь ли ты, какъ сострадалъ я тебѣ, когда лукавый чортъ отбивалъ у тебя твою прекрасную жену, королеву сардинскую, Терезію? О, еслибы попался тогда мнѣ въ руки этотъ дьяволенокъ, я бы показалъ ему, что адъ-то не въ аду, а у меня въ рукахъ!... О, какъ я радъ былъ, когда наконецъ наградилась ваша примѣрная вѣрность, образцовые любовники, какихъ нѣтъ болѣе въ нашъ вѣтреный и, какъ увѣряетъ какой-то журналистъ, въ нашъ положительный, индюстріяльный, антипоэтическій вѣкъ, въ который, по этому, уже невозможны ни «Милорды англинскіе», ни «Аббаддоны»... О, милордъ! что ты со мною сдѣлалъ? Ты такъ живо напомнилъ мнѣ золотые годы моего дѣтства, что я вижу ихъ передъ собою; желѣзная современность изчезаетъ изъ моего сознанія; я снова становлюсь ребенкомъ, и вотъ уже съ біющимся сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего роднаго городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженный бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца трехугольный палиссадникъ, съ акаціями, черемуховымъ дере-

вомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двор служатъ оградою погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ— плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... а вотъ возлѣ нея, и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Еруслапомъ Лазаревичемъ... вотъ онъ и весь огородъ, съ своими грядами, своими подсолнечниками, которые черезъ его плетень дружелюбно наклонили свои густыя вѣтви... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не читалъ, или не мечталъ, или, позднѣе, не сочинялъ... Постойте, я поведу васъ... Но, милордъ, что̀ ты со мною сдѣлалъ?... Какая кому нужда до моего дѣтства?... Я мечтаю, а надо мною смѣются—и всему этому виноватъ ты...» и пр. и пр.

Вотъ и извольте всегда быть безпристрастнымъ! Нѣтъ, нельзя быть безпристрастнымъ: безпристрастіе добродѣтель сухая, мертвая, чиновническая! Вамъ смѣшонъ, нелѣпъ, грубъ «Милордъ Англинской», а нашему доброму пріятелю, изъ записокъ или рукописныхъ «мемуаровъ» котораго мы выписали вышеприведенное мѣсто (и рѣшились на выписку, потому что эти мемуары, вѣроятно, никогда не будутъ изданы), этому пріятелю нашему онъ милъ, любезенъ, дорогъ— онъ напоминаетъ ему такое время, о которомъ этотъ не можетъ вспомнить безъ слезъ умиленія и сердечной тоски... Да и сколько наслажденія доставлялъ милордъ вѣроятно многимъ и многимъ во время о̀но! И одно ли наслажденіе? - Нѣтъ, и пользу: черезъ него многіе въ-первые узнали, какая прежде была вѣра у англинскихъ милордовъ... Мы не скроемъ отъ васъ этого и охотно подѣлимся съ вами знаніями, которыя мы пріобрѣли изъ этой книжицы: у англинскихъ милордовъ вѣра была сперва языческая или баснословная, что̀ можно узнать, вопервыхъ, по слѣдующему вступ-

ленію въ повѣсть; «Въ прошедшія времена, когда еще европейскіе народы не всѣ приняли христіанскій законъ, но нѣкоторые находились въ баснословномъ языческомъ идолослуженіи, случилось въ Англіи съ однимъ милордомъ слѣдующее странное приключеніе». Потомъ это видно изъ приложеннаго при концѣ повѣсти реестра древнихъ языческихъ боговъ и богинь, изъ которыхъ, напр., Сатурнъ описывается такъ: «Старшій изъ всѣхъ боговъ у язычниковъ почитался Время, названное Сатурномъ, котораго изображаютъ съ крыльями на плечахъ держащаго въ рукѣ косу, на головѣ песочныя часы, и будто онъ поѣдалъ всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ оставшихся Юпитера, Нептуна и Плутона». Реестръ боговъ и богинь заключенъ слѣдующимъ глубоко-премудрымъ замѣчаніемъ: «Вотъ какими нелѣпостями наполнена была древность, и всего еще удивительнѣе, что въ тогдашнія времена, какъ у Грековъ, такъ у Римлянъ, были великіе разумники, по всему [1]) суевѣрію слѣпо и безразсудно вѣрили».

На страницѣ, второй послѣ заглавнаго листка, красуется таковый эпиграфъ:

Счастіе подобно какъ прекрасный цвѣтъ,
Который между терніями ростетъ;
Если станешь срывать неосторожно,
То скоро онымъ уколоться можно.

Знаете ли, кто авторъ этихъ безподобныхъ стиховъ?— Все онъ же, все «Матвѣй же Комаровъ, житель города Москвы». А кто таковъ сей Матвѣй Комаровъ?—спрашиваете вы. Лице столь же великое и столь же таинственное въ нашей литературѣ, какъ и Гомеръ въ греческой: имя его и мѣсто жительства извѣстны, но гдѣ онъ родился и обстоятельства его жизни совсѣмъ неизвѣстны. Знаютъ нѣкоторые по именамъ и его сочиненія, но никто не знаетъ цѣны его сочиненіямъ, и немногіе читали ихъ, а между тѣмъ они ра-

---

[1]) Въ изданіи прошлаго года сказано всему оному суевѣрію.

зошлись едва ли не въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и нашли для себя публику помногочисленнѣе, нежели «Выжигины» гг. Булгарина и Орлова. Сочиненія эти слѣдующія: «Повѣсть о приключеніяхъ англинскаго милорда Георга», «Исторія французскаго мошенника Картуша» и «Обстоятельное и вѣрное описаніе жизни славнаго россійскаго мошенника Ваньки Каина». Когда жилъ Матвѣй Комаровъ, житель города Москвы?—Вотъ интересный вопросъ, котораго, къ сожалѣнію, не рѣшаетъ собственноручное къ «Англинскому Милорду» предувѣдомленіе самого автора, обращенное къ «благоразумнымъ читателямъ и любезнымъ согражданамъ», потому что подъ этимъ предисловіемъ не выставлено года и мѣсяца. Когда-нибудь мы, позапасшись фактами, познакомимъ публику съ Матвѣемъ Комаровымъ и его сочиненіями поподробнѣе, а теперь о немъ самомъ скажемъ только, что это предостолюбезнѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Не угодно ли вамъ узнать, для чего сочинилъ онъ «Англинскаго Милорда»? Онъ вотъ что̀ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи:

„Я труды моего пера не съ тѣмъ выпускаю въ публику, чтобъ чрезъ то заслужить себѣ авторское имя; ибо я не хочу уподобиться безразсудному аѳинейскому Герострату, который для того только сжегъ славной въ числѣ семи древнихъ чудесъ почитающійся Діанинъ храмъ (въ самую ту ночь, какъ родился Александръ Великій), чтобъ тѣмъ сдѣлать имени своему безсмертную память; но мое намѣреніе единственно состоитъ въ томъ, чтобы показать обществу хотя малѣйшую какую ни есть услугу, и не проводить бы время моей жизни въ праздности, послѣдуя въ томъ словамъ одного знатнаго нашего стихотворца, который говоритъ:

„Безъ пользы въ свѣтѣ жить,
Напрасно землю лишь тягчить.“

А вотъ вамъ доказательство примѣрной скромности почтеннаго «жителя города Москвы»:

„Что же принадлежитъ до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные писатели не рѣдко оной подвержены бываютъ (,)

а мнѣ уже, какъ человѣку ничему не ученому, избѣжать отъ того очень будетъ трудно; и потому воображается мнѣ, что можетъ быть нѣкоторые скажутъ „не за свое де онъ принялся дѣло!“ Однакожъ я все сіе предаю на разсужденіе благоразумныхъ читателей, потому что всякую вещь кто какъ понимаетъ, тотъ такъ объ оной и заключеніе дѣлаетъ, а многіе иногда и для того чужія дѣла критикуютъ, что авторовы мысли имъ непонятны. Но я какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ пребуду навсегда съ должнѣйшимъ, да и ко всякому читателю съ моимъ почтеніемъ, всепокорнѣйшимъ слугою,

Матвѣй Комаровъ,
житель города Москвы“.

Судьба книгъ такъ же странна и таинственна, какъ судьба людей. Не только много было умнѣе «Англинскаго Милорда», но были на Руси еще и глупѣе его книги: за что же онѣ забыты, а онъ до сихъ поръ печатается и читается? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ! Вѣдь есть же люди, которымъ везетъ Богъ знаетъ за что́: потому что ни очень умны, ни очень глупы. Счастіе слѣпо! Сколько поколѣній въ Россіи начало свое чтеніе, свое занятіе литературою съ «Англинскаго Милорда». Одни изъ сихъ людей пошли дальше и—неблагодарные—смѣются надъ нимъ, а другіе и теперь еще читаютъ его себѣ да почитываютъ! Вотъ уже, кажется, это третье изданіе, третье съ 1837 года, на которомъ, на оборотѣ заглавнаго листка, подъ цензурнымъ одобреніемъ, стоитъ увѣдомленіе: «печатано съ изданія 1834 года безъ исправленія». И изданіе 1839 года—«девятое»! Когда же было первое изданіе?—Въ каталогѣ Логинова «Исторія Картуша» означена 1794 годомъ, слѣдовательно сорокъ-четыре года назадъ; къ тому же времени долженъ относиться и «Англинскій Милордъ». Живъ ли его авторъ? онъ ли безпрестанно издаетъ вновь свое великое твореніе, или имъ пользуются книжные промышленники? Все это вопросы важные, сказалъ бы человѣкъ съ «высшими взглядами».

Книжица украшена портретомъ англинскаго милорда Георга: какая-то рожа въ парикѣ и костюмѣ временъ Петра

Великаго. Сверхъ того, къ ней приложены четыре картинки: это ужь даже и не рожи, а Богъ знаетъ что̀ такое. Вотъ, напримѣръ, на первой изображенъ подъ чѣмъ-то похожимъ на дерево какой-то болванъ съ поднятыми кверху руками и растопыренными пальцами; подлѣ него нарисована деревянная лошадка, а у ногъ двѣ фигуры, столько же похожія на собакъ, сколько и на лягушекъ, а подъ картиною надписано: «Милордъ отъ страшной грозы кроется подъ дерево и простеръ руки, проситъ о утоленіи бури». Сличите эти картинки всѣхъ изданій—и вы не въ одной черточкѣ не увидите разницы: онѣ оттискиваются на тѣхъ же доскахъ, которыя были вырѣзаны еще для перваго изданія. Вотъ что̀ называется безсмертіемъ!...

ГАДАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА. *Москва. 1839.*
ЧУДЕСНЫЙ ГАДАТЕЛЬ *узнаетъ задуманныя помышленія. Изданіе четвертое (!!!). Москва. 1839.*

Всякое убѣжденіе, всякая настроенность души, какъ бы ни были они повидимому нелѣпы, имѣютъ корень въ ея существѣ и могутъ быть объяснены изъ развитія ея жизни. Случайность можетъ быть въ частныхъ, отдѣльныхъ проявленіяхъ, но случайности нѣтъ въ общемъ, въ родѣ, въ существѣ. Итакъ для того, чтобы понять какое-либо дѣйствіе, какое-либо явленіе въ нравственномъ мірѣ, должно найдти его источникъ и понять тотъ фазисъ въ развитіи внутренняго міра, который обнаруживается въ этомъ дѣйствіи или въ этомъ явленіи. Тогда отдѣльное явленіе получитъ общее значеніе: оно будетъ понятно; и если оно въ свою бытность было нелѣпо или пошло, или даже отвратительно и гнусно, то, будучи понятно, оно уже и не нелѣпо и не пошло, и не отвратительно: оно облагораживается, оно становится явленіемъ необходимаго состоянія души или

духа вообще. Но съ другой стороны страшно было бы думать, что все, имѣющее внутреннюю и необходимую причину, — истинно и нормально. Несмотря на такую причину, иное явленіе потому ложно и ненормально, что самый источникъ его не есть нормальное состояніе духа и принадлежитъ къ той отрасли его развитія, на которой онъ еще скованъ и потемненъ для того, чтобы послѣ, чрезъ посредство развитія, стать свободнымъ и свѣтлымъ. То состояніе духа ложно и не нормально, въ которомъ онъ подчиняется какому-нибудь отдѣльному моменту своего существа и, весь отдавшись одностороннему направленію, доходитъ наконецъ до крайности, до искаженія своего существа. Для человѣка, кромѣ его индивидуальности, существуетъ еще міръ внѣшній, міръ объектовъ. Въ развитіи индивидуальнаго *я* есть такой моментъ, въ которомъ оно отрицаетъ отъ себя всякую истину и полагаетъ ее всю въ объектѣ. Продолжая развивать далѣе этотъ моментъ, онъ доходитъ наконецъ до рѣшительной крайности, принимая за истину все, что только противорѣчитъ его опредѣленіямъ. Эта моментная крайность называется суевѣріемъ. Сущность суевѣрія именно заключается въ томъ, что оно видитъ всю истину во внѣшнемъ, положительномъ, и не потому, чтобы оно было убѣждено въ разумности внѣшняго и положительнаго, а потому что оно, напротивъ, темно и недоступно для *я* (что бы ни было это *я*—чувство ли, предчувствіе ли, мысль ли) и діаметрально противорѣчитъ ему. Чѣмъ страннѣе, чѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ безсмысленнѣе явленіе, тѣмъ больше уваженія оказываетъ ему суевѣріе; и для того, чтобы придать важность простому и обыкновенному случаю, для того, чтобы вывесть его изъ ряду прочихъ случаевъ, суевѣріе старается только затемнить его, какъ можно больше запутать, какъ можно нелѣпѣе представить. Суевѣріе видитъ во всемъ присутствіе чего-то таинственнаго, но не той родственной съ нашимъ духомъ, сладостной, благоуханной тайны, не души всего живаго, перестающей быть тайною, когда духъ выйдетъ

изъ сумрака чувства на ясный свѣтъ разумной мысли—не того, что составляетъ существо благороднѣйшаго фазиса въ духовномъ развитіи, мистики,—нѣтъ, таинственное, въ которомъ живетъ суевѣріе, холодно и мертво: оно подавляетъ и душитъ, потому что въ немъ отрицается всякая разумность, всякій смыслъ; здѣсь духъ падаетъ въ уничиженіи, трепещущій и безсильный, заключенный рабствомъ въ оковахъ, и лежитъ у ногъ мрачнаго, деспотическаго, непроницаемаго произвола. Суевѣріе относится къ мистикѣ, какъ слѣпота къ магнетическому ясновидѣнію, которое хотя не есть здоровое состояніе, однако знаменуетъ наступленіе здоровья. Суевѣріе не выходитъ изъ тѣсныхъ границъ ежедневнаго міра; оно только старается сгустить въ немъ непроницаемый мракъ; мистика, сквозь сумракъ дальняго міра, видитъ далекое мерцаніе духовнаго свѣта... Суевѣріе сближаетъ насильственно самые разнородные предметы, уничтожаетъ всѣ законы, придаетъ всему сверхъестественную силу; всѣ дѣйствія и явленія, выходящія изъ него, сухи, мертвы, лишены всякой духовности. Вотъ источникъ всѣхъ нелѣпыхъ предразсудковъ, гаданій, примѣтъ. Человѣкъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, связываетъ свою жизнь, свое предпріятіе съ обстоятельствами, неимѣющими никакой съ ними связи, и связываетъ именно потому что нѣтъ никакой связи; онъ не выѣзжаетъ никуда въ понедѣльникъ, онъ опасается, выходя изъ дома, ступить первый шагъ лѣвой ногою; онъ задрожитъ, если нечаянно просыплетъ соль за столомъ; онъ въ ужасѣ вскочитъ изъ-за стола, если увидитъ, что за нимъ сидятъ тринадцать человѣкъ, и т. д.; онъ же ищетъ, напримѣръ, изъ случайнаго смѣшенія картъ предузнавать свою будущую судьбу, или предузнать судьбу какого-нибудь предпріятія изъ того, что случайно откроется и прочтется въ нелѣпой гадательной книжкѣ...

Записавшись, мы чуть было не забыли, о чемъ должна теперь идти у насъ рѣчь; но слово «гадательная книжка»

заставило насъ невольно взглянуть на книжицы, лежащія передъ нами, а эти книжицы заставили насъ также невольно отвести въ другую сторону наши оскорбленные взоры. И кто бы не оскорбился, кто бы не отвернулся, взглянувъ хоть на начальные листы этихъ приторныхъ въ своей пошлости тетрадей? Намъ стало стыдно, что мы разговорились по случаю ихъ такъ серьёзно... Все, даже и гадательныя книжки, несмотря на уродливость своего назначенія, допускаютъ нѣкоторую степень изящества: гадательная книжка могла бы быть занимательнымъ сборникомъ острыхъ словъ, мѣткихъ изрѣченій, забавныхъ каламбуровъ; въ ней могло бы быть обширное поприще для веселой болтовни, для способности острить, которую, замѣтить мимоходомъ, у насъ очень неловко смѣшиваютъ съ остроуміемъ, другою, гораздо высшей способностію... А эти книжонки... Но замолчимъ лучше о нихъ...

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА. *В. Жуковскаго. Москва. 1839.*

ПИСЬМО ИЗЪ БОРОДИНА ОТЪ БЕЗРУКАГО КЪ БЕЗНОГОМУ ИНВАЛИДУ. *Москва. 1839.*

Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго, ничто не окриляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя равнины царства безконечнаго, какъ созерцаніе міровыхъ явленій жизни. Поэтому, исторія человѣчества, какъ объективное изображеніе, какъ картина и зеркало общихъ, міровыхъ явленій жизни, доставляетъ человѣку наслажденіе безграничное, полное роскошнаго, трепетно-сладкаго восторга; созерцанія эти движущіяся, олицетворившіяся судьбы человѣчества, въ лицѣ народовъ и ихъ благородныхъ представителей, ставъ лицомъ къ лицу съ этими полными трагическаго величія событіями, духъ человѣка—то падаетъ предъ

ними во прахъ, проникнутый мятежнымъ и непокорнымъ его самообладанiю чувствомъ ихъ царственной грандiозности, и подавленный обременительною полнотою собственнаго упоенiя,—то, покоряя свой восторгъ разумнымъ проникновенiемъ въ ихъ сокровенную сущность, самъ возстаетъ въ мощномъ величiи, гордо сознавая свое родство съ ними. Вотъ гдѣ скрывается абсолютное значенiе исторiи и вотъ почему занятiе ею есть такое блаженство, какого не можетъ замѣнить человѣку ни одна изъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ открывается его духу сущность сущаго и родственно сливается съ нимъ до блаженнаго уничтоженiя его индивидуальной единичности. Да, кто способенъ выходить изъ внутренняго мiра своихъ задушевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ, обаятельныхъ радостей и страданiй своей человѣческой личности, вырываться изъ ихъ милыхъ, лелѣящихъ объятiй, чтобы созерцать великiя явленiя объективнаго мiра, и ихъ объективную особность усвоять въ субъективную собственность чрезъ сознанiе своей съ ними родственности,—того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство: засверкаютъ слезами восторга очи его, и весь онъ будетъ — настроенная арфа, брящающая торжественную пѣснь своего освобожденiя отъ оковъ конечности, своего сознанiя духомъ въ духѣ. Но когда мiровое историческое событiе есть въ то же время и фактъ отечественной исторiи, и его субстанцiяльная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтлитъ до прозрачности его таинственную сущность,—о, тогда его блаженство будетъ еще шире, безконечнѣе, потому что на родной призывъ отзовутся новыя струны, сокрытыя въ самыхъ недоступныхъ глубинахъ его сердца!... Къ такимъ-то великимъ мiровымъ явленiямъ принадлежитъ битва бородинская — истинная битва гигантовъ, гдѣ, съ одной стороны, исполнитель мiровыхъ судебъ, влекомый безсознательнымъ стремленiемъ наполнить страшную,

бездонную пропасть своего необъятнаго духа, мнилъ, послѣднимъ подвигомъ, остановить свою блуждающую звѣзду и стать у темной цѣли своего таинственнаго пути, а съ другой—великій народъ, подъ знаменемъ креста и державной власти, сталъ за свое существованіе и за честь своихъ царей,—

И равенъ былъ неравный споръ...

Дивное зрѣлище! Умъ изнемогаетъ, силясь обнять его во всей безконечности его значенія!... И тому прошло уже двадцать-семь лѣтъ, и новыя поколѣнія смѣнили старыя, и уже многихъ нѣтъ изъ знаменитыхъ сподвижниковъ, и лавровѣнчанныя главы оставшихся покрыты священною сѣдиною, и уже давно изцѣлились раны молодаго царства, и уже давно цвѣтетъ оно и новою жизнію, и новыми силами, и новою славою,—а между тѣмъ все это какъ будто вчера было... Да оно и въ самомъ дѣлѣ было не двадцать семь лѣтъ назадъ, а недавно, очень недавно, если не вчера, потому что только теперь, только ставши прошедшимъ, явилось оно намъ во всемъ своемъ свѣтѣ, уже не ослѣпляя своимъ блескомъ нашихъ бренныхъ очей, но радуя ихъ отдаленнымъ сіяніемъ своего безсмертнаго величія, какъ радуетъ очи торжественная, объявшая полнеба, но тихо мерцающая заря вечера или утра...

Великое прошедшее родило великое настоящее... Царственно-высокій духъ русскаго Царя, созерцая минувшія судьбы ввѣреннаго ему Богомъ народа, остановился на полѣ славы своего державнаго брата, на полѣ славы своего народа,—и его монаршей волѣ было достойно воздать дань благодарности и славы великому подвигу сподвижниковъ Благословеннаго... И вотъ частное владѣніе становится даромъ Царя своему будущему преемнику, и въ Бородинѣ, «отъ храма Господня до хижины земледѣльца, все преобразовано, переложено и представляетъ собою обширную дачу съ устроенными, для сообщенія, мостами, дорогами и улицами, и въ верстѣ отъ Бородина, на бывшей батареѣ Раев-

скаго, величественно и гордо возвышается безсмертный маятникъ, заключающій въ себѣ восьмиугольную пирамиду». И вотъ по творческому, властительному слову, на священныхъ поляхъ Бородина, пріявшихъ въ нѣдра свои кости и кровь героевъ великой драмы, стало подъ ружьемъ сто-сорокъ тысячъ новыхъ героевъ... И вотъ въ вѣчно-памятный день 26-го августа, съ разсвѣтомъ дня, въ рядахъ прочтенъ былъ царскій приказъ:

„Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, Царя и отечество!—Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству!—Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей, Россіи!"

И ряды грянули русское «ура!» и оно не умолкало отъ пятаго до восьмаго часа дня...

„Извѣстно, что съ этого же самаго времени загремѣлъ военный кличъ въ началѣ смертоносной битвы: посему грозное утро въ памяти стариковъ воскресло, полуумершія сердца затрепетали и полузастывшая кровь снова закипѣла. „Теперь хоть бы снова на басурмана" шепнули инвалиды. „Далеко кулику до петрова дня" молвили другіе: „пройдутъ вѣка, высохнутъ моря и рѣки, а врагъ сюда и носа не покажетъ!"

Это слова безрукаго инвалида, который оставшеюся рукою перомъ владѣетъ какъ штыкомъ. Нужно ли его имя?... Послушаемъ же далѣе этого краснорѣчиваго въ своей воинской простотѣ историка великаго событія:

Войска вокругъ памятника составили огромное, величественное каре. Всѣ отставные генералы, штабъ и оберъ-офицеры, участвовавшіе въ

бородинскомъ дѣлѣ, помѣщались у памятника за рѣшеткой. День былъ свѣтлый, солнце однакожъ не показывалось; но лишь святыя хоругви, въ сопровожденіи московскаго митрополита, съ многочисленною духовною процессіею, Государемъ Императоромъ встрѣченныя, приблизились къ памятнику, оно явилось и скрылось. По совершеніи панихиды, начался молебенъ: а когда Царь и воины стали на колѣни, солнце снова просіяло, общая радость заблистала, а между старыми героями пронесся говоръ: „Такъ надъ главою Кутузова неожиданно воспарилъ орелъ при осмотрѣ бородинскихъ укрѣпленій 25 августа 1812 года“.—„Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“—Вслѣдъ за симъ огласилась пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Громъ пушекъ и „ура“ все еще гремѣли, и роковой 1812 годъ—откликнулся!

„Въ заключеніе этого знаменитаго, дивнаго и торжественнаго явленія, Государь Императоръ, провожая прежнимъ порядкомъ святыя хоругви, повелѣлъ всѣмъ войскамъ мимо памятника проходить церемоніальнымъ маршемъ, сомкнутыми полковыми колонами: въ головѣ всѣхъ колоннъ ѣхали генералы, непринадлежащіе къ составу собранныхъ войскъ.

„Покойно и благоговѣйно отсалютовалъ русскій Царь сооруженному имъ и освященному днесь памятнику; симъ рѣдкимъ примѣромъ, въ лицѣ всей Россіи, принеся должную дань величію Бога, онъ воздалъ честь заслугамъ человѣка. Высокій примѣръ!

Да, это было великое зрѣлище, достойное того, которое должно было собою напомнить! Это былъ отгулъ звучно-отгрянувшій отъ умершаго великаго прошедшаго и воскресившій его; но отгулъ безъ крови, безъ страданій, а только со славою, блескомъ и величіемъ перваго гула... Этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ прошедшее связано неразрывно съ настоящимъ и будущимъ, царскіе дружины пріяли въ себя новый элементъ жизни, который будетъ передаваться изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію—да знаетъ благородное сословіе защитниковъ отечества свою славу черезъ славу своихъ предшественниковъ, и да не умираетъ въ немъ ихъ высокій духъ, но обновленный и вѣчно-юный да пребудетъ твердымъ оплотомъ и незыблемымъ основаніемъ народнаго могущества и славы!... Подвигъ, достойный великой

души нашего Царя, который въ славѣ народа своего полагаетъ свою собственную славу, и котораго неутомимый духъ находитъ только отдыхъ и наслажденіе въ подвигахъ, долженствующихъ имѣть великое вліяніе на грядущія времена... Истинно царственная драма, во всемъ величіи и во всемъ очарованіи всемірно-историческаго зрѣлища, достойная услаждать духъ царей и народовъ!

Да, великое событіе совершилось передъ нами, событіе народное, но народное не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово непризванные опекуны человѣческаго рода, заграничные крикуны. Для насъ, Русскихъ, нѣтъ событій народныхъ, которыя бы не выходили изъ живаго источника высшей власти. Велико было событіе 1612 года, но предки наши имъ не гордились, и не радовались, а скорбѣли и печалились доколѣ домъ Романовыхъ не далъ имъ царя,—и только отъ сей великой минуты имъ возвращена была ихъ слава, потому что уже явилось царское имя, освятившее ее, и безыменному подвигу давшее и имя, и цѣль, и значеніе... Пусть будетъ велико наше народное торжество, пусть, какъ волны океана, сольется въ него все народонаселеніе необъятной Россіи; но еслибы эта неизсчетная громада народа не видала впереди себя своего царя, который, въ спокойномъ, царственномъ величіи привѣтствуетъ ея восторженные клики, и на лицѣ котораго она читаетъ и грозу, и милость, и царскую доблесть, и великій мощный духъ, на который спокойно и самоувѣренно опирается ея счастіе въ настоящемъ и надежды въ будущемъ,—тогда для нея торжество было бы не торжествомъ, а безсмысленною сходкою празднаго народа, и въ священномъ не было бы священнаго!... Оттого-то молодѣетъ нашъ старый, нашъ державный Кремль, и кипитъ народомъ, и оглашается своимъ вѣковымъ «ура», когда надъ дворцомъ гордо развѣвается широкій флагъ—залогъ присутствія того, кто есть и жизнь и душа своего народа... Да, въ словѣ «царь» чудно слито сознаніе русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и

таинственнаго значенія... И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкою отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими: феодализмъ боролся съ королевскою властію и, побѣжденный ею, ограничилъ ее, явившись аристократіею; среднее сословіе боролось и съ феодализмомъ и съ аристократіею, демократія—съ среднимъ сословіемъ; у насъ совсѣмъ наоборотъ: у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникли ихъ жизненною теплотою и свѣтомъ [1]). Въ царѣ наша свобода, потому что отъ него вся наша цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же, какъ отъ него наша жизнь. Одинъ великій царь освободилъ Россію отъ Татаръ и соединилъ ея разъединенныя члены; другой—еще большій — ввелъ ее въ сферу новой обширнѣйшей жизни; а наслѣдники того и другаго довершили дѣло своихъ предшественниковъ. И потому-то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни, всегда былъ актомъ царской власти; но эта власть никогда не была обстрактною и произвольно-случайною, потому что всегда таинственно сливалась съ волею провидѣнія—съ разумною дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ, безъ вѣдома его самаго, и приводя ихъ въ сознаніе. Отсюда происходитъ

---

[1]) Отношеніе же высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ, а теперь въ спокойномъ пребываніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ, и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія мирно ее принимаютъ.

эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и цѣлое изъ двухъ началъ, это всегдашнее и безусловное повиновеніе царской волѣ, какъ волѣ самаго провидѣнія. Итакъ, не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія царской власти: это ясно и само по себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это—привести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если подъ словомъ «народность» должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознаніе вполнѣ выражается и вполнѣ изчерпывается словомъ «царь», въ отношеніи къ которому «отечество» есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ пора уже привести въ ясное, гордое и свободное сознаніе то, что́ въ продолженіе многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ; пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовію къ царю, нашею безграничною преданностію его священной волѣ, какъ горды Англичане своими государственными постановленіями, своими гражданскими правами, какъ горды Сѣверо-Американскіе штаты своей свободою. Жизнь всякаго народа есть разумно необходимая форма обще-міровой идеи, и въ этой идеѣ заключается и значеніе, и сила, и мощь, и поэзія народной жизни; а живое, разумное сознаніе этой идеи есть и цѣль жизни народа, и вмѣстѣ ея внутренній двигатель. Петръ Великій, пріобщивъ Россію европейской жизни, далъ черезъ это русской жизни, новую, обширнѣйшую форму, но отнюдь не измѣнилъ ея субстанціяльнаго основанія, точно такъ же, какъ представители новаго европейскаго міра, усвоивъ себѣ роскошныя плоды, завѣщанные ему древнимъ міромъ, отнюдь не сдѣлались ни Греками, ни Римлянами, но развились въ собственныхъ, самобытныхъ формахъ, развив-

шихся изъ субстанціяльнаго зерна ихъ жизни. Вотъ взглядъ— истинный и единый, который долженъ взять за основаніе историкъ русскаго народа, чтобы не заблудиться въ дремучемъ лѣсу абстрактныхъ умствованій ложно понятаго «русскаго европеизма». И потому-то, отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивленія всему истинному у нашихъ западныхъ сосѣдей, будемъ далеки отъ ослѣпленія—признавъ за предметъ подражанія то, что относится собственно къ формѣ ихъ народной, а не обще-человѣческой жизни, а еще тѣмъ болѣе будемъ далеки отъ ослѣпленія—признавать за великое дурные стороны ихъ жизни, которыя, какъ случайности, или какъ крайности, необходимо существуютъ въ жизни каждаго народа. Равнымъ образомъ и не будемъ забывать собственнаго достоинства, будемъ умѣть быть гордымъ собственною національностью, основными стихіями своей народной индивидуальности; но будемъ умѣть быть гордыми безъ тщеславія, которое закрываетъ глаза на собственные недостатки и есть врагъ всякаго движенія впередъ, всякаго преуспѣянія въ добрѣ и славѣ... Необъятно пространство Россіи, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь — и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія ея великаго назначенія, ея—законной наслѣдницы жизни трехъ періодовъ человѣчества! Есть чему радоваться, есть чѣмъ быть блаженными и гордыми въ нашемъ народномъ сознаніи; но не забудемъ же, что достиженіе цѣли возможно только черезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціяльнаго, роднаго начала народной жизни, и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ «царь». Будемъ прислушиваться и къ порицанію недруговъ и завистниковъ, извлекая изъ нихъ полезныя уроки; а на кривые толки, безсмысленные возгласы и громкія, но пустыя фразы безмозглыхъ преобразователей человѣческаго рода, непризванныхъ посредниковъ

въ чужихъ семейныхъ дѣлахъ, будемъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ, а если ужь слишкомъ раскричатся, то отвѣтимъ имъ словами нашего великаго поэта —

Вы грозны на словахъ: попробуйте на дѣлѣ!...

Мы увѣрены, что эти строки не почтутъ наши читатели отступленіемъ отъ предмета, подавшаго къ нимъ поводъ; бородинское торжество невольно навело насъ на эти мысли: оно было мыслію Царя перешедшею въ торжество народа...

Брошюры, заглавіе которыхъ выписано въ началѣ нашей статьи, обязаны, своимъ появленіемъ бородинскому торжеству, которое нашло себѣ органы въ знаменитомъ поэтѣ, лавровѣнчанномъ ветеранѣ нашей поэзіи, и въ знаменитомъ воинѣ инвалидѣ, къ военной славѣ своей присовокупившемъ славу безъискуственнаго, но сильнаго сердечнымъ краснорѣчіемъ литератора. О его брошюрѣ мы не будемъ говорить: выписанныя нами изъ нея мѣста достаточно свидѣтельствуютъ о ея достоинствѣ.—«Бородинская Годовщина» есть новая пѣснь пѣвца русской славы, который въ годину великаго испытанія, родившаго настоящее торжество, былъ органомъ славы падшимъ и подвизавшимся героямъ великой драмы, и въ которомъ лѣта не охладили поэтическаго жара. Конечно, какъ стихотвореніе, обязанное своимъ появленіемъ не прихотливому порыву фантазіи, а навѣянное современнымъ событіемъ и ограниченное во времени своего появленія,—оно не должно подвергаться въ цѣломъ строгой критикѣ,—но въ немъ много сильныхъ и прекрасныхъ строфъ и стиховъ, которые нельзя читать безъ умиленія, а недостаточность другихъ вознаграждается поэзіею содержанія. Не говоря уже о талантѣ поэта, само торжество, сама мѣстность, вся дышащая воспоминаніемъ,—не могли не родить поэзіи однимъ простымъ своимъ представленіемъ.

Читателямъ нашего журнала уже извѣстно новое произведеніе Жуковскаго: заключаемъ нашу статью послѣдними словами поэта, сливая съ ними и свою собственную мысль:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли;
Нашу Русь вы намъ спасли:
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать!

СПОСОБЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ШЕЛКОВОДСТВА. *Я. Юдицкаго. Москва. 1839.*

Странное дѣло! у насъ многіе нападаютъ на то, что въ учебныхъ заведеніяхъ, въ числѣ наукъ, не только, находится русская словесность, но и еще считается однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ученія. Мы никакъ не оправдываемъ этихъ нападковъ. Оставляя въ сторонѣ теорію краснорѣчія и поэзіи, и вообще всякую теорію, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ основательнаго и строгаго изученія грамматики, полагаемъ даже полезнымъ занимать учениковъ практикою языка, чтобы они умѣли ясно, вразумительно, кругло, пріятно и прилично написать записку о присылкѣ книги, приглашеніе на вечеръ, письмо къ отцу, матери, или другу о своихъ нуждахъ, чувствахъ, препровожденіи времени и прочихъ предметахъ, невыходящихъ изъ сферы ихъ понятій и ихъ жизни. Тутъ главное дѣло, чтобы пріучить ихъ къ естественному, простому, но живому и правильному слогу, къ легкости изложенія мыслей и — главное — къ сообразности съ предметомъ сочиненія. У насъ, напротивъ, или пріучали разсуждать дѣтей о высокихъ или отвлеченныхъ предметахъ, чуждыхъ сферы ихъ понятія, и тѣмъ заранѣе настроивали ихъ къ напыщенности, высокопарности, вычурности, къ книжному, педантическому языку,—или пріучали ихъ писать на пошлыя темы, состоя-

щія изъ общихъ мѣстъ, незаключающихъ въ себѣ никакой мысли. И все это въ темныхъ педантическихъ формахъ хріи (порядковой, превращенной, автоніанской), или риторическаго разсужденія въ извѣстныхъ схоластическихъ рамкахъ. И какіе же плоды этого ученія? — Бездушное резонерство, расплывающееся холодною и прѣсною водою общихъ мѣстъ или высокопарныхъ риторическихъ украшеній. И потому ученикъ, образованный по старой системѣ, напишетъ вамъ разсужденіе о томъ, что́ знаетъ, а между тѣмъ не умѣетъ написать записки, простаго письма. Это похоже на человѣка, который умѣетъ ходить на манеръ древнихъ героевъ, со всѣмъ театральнымъ величіемъ, а не умѣетъ ни войдти, ни стать, ни сѣсть въ порядочномъ обществѣ. О, господа, ужасная эта наука— риторика! Блаженъ, кто могъ стряхнуть съ себя ея педантическую гниль и пыль, и горе тому, кто навсегда и поневолѣ остался щеголять въ ея мишурной порфирѣ, въ ея бумажной коронѣ на головѣ и съ ея деревяннымъ кинжаломъ! А между тѣмъ должно учить дѣтей писать; но только въ основу этого ученія должно полагать грамматику, въ ея общемъ значеніи, и тѣсное знакомство съ духомъ роднаго языка, знакомство, пріобрѣтенное теоріею и еще больше практикою. Что̀ проще—то и истиннѣе, и труднѣе, и потому гораздо легче выучиться писать слогомъ Ломоносова и Хераскова (мы говоримъ о прозѣ), нежели слогомъ Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, такъ же, какъ гораздо легче писать слогомъ Марлинскаго, нежели слогомъ Пушкина или Гоголя. Конечно, талантъ дается природою; но мы говоримъ о томъ, что̀ можно, по силамъ каждаго, пріобрѣсть ученіемъ; хорошая метода ученія развиваетъ талантъ, а дурная даетъ ему ложное направленіе. А куда же дѣвалась наша риторока—мы говоримъ только о граммитикѣ? Неужели риторику должно исключить изъ предметовъ ученія?—Нисколько, но должно ввести ее въ ея собственные предѣлы. Чтобы писать хорошо, надо запастись содержаніемъ, а этого никакая риторика не дастъ, — и та,

которой до сихъ поръ у насъ учатъ, даетъ только губительную способность варіировать отвлеченную мысль общими мѣстами и растягивать пустоту въ безконечность, другими словами—пускать мыльные пузыри. Содержаніе дается цѣлостностію образованія и развитія; умѣніе владѣть содержаніемъ, т. е. развивать его правильно, даетъ логика; риторика же не виновата ни въ томъ ни въ другомъ. Обыкновенно у насъ риторики начинаются изложеніемъ теоріи періодовъ; вотъ первое незаконное присвоеніе риторикою чужаго: теорія періодовъ относится къ синтаксису, что̀ уже многіе понимаютъ. За теоріею періодовъ слѣдуетъ теорія «украшеннаго языка»—тропъ, метафоръ, фигуръ: вотъ это дѣйствительно относится къ содержанію риторики. Но и тутъ риторика совсѣмъ не должна учить «красно писать», или сочинять, на заданныя темы, тропы и фигуры, а только должна показать значеніе того и другаго, какъ выраженіе извѣстнаго состоянія, или извѣстной настроенности духа пишущаго. За теоріею языка украшеннаго, обыкновенно слѣдуетъ ученіе о хріяхъ и разсужденіяхъ—это вонъ, какъ педантическую гниль и пыль, какъ гибель всего естественнаго, простаго, какъ ферулу, о которой воспоминаніе должно сохранятся, подобно факту старины, вмѣстѣ съ школьными преданіями о паляхъ, суботкахъ и прочемъ, о чемъ такъ забавно разсказываетъ «Панъ Халявскій». Стилистика—вотъ настоящее содержаніе риторики; но эта не теорія, а систематическій, по возможности, сборъ эмпирическихъ правилъ подкрѣпленныхъ примѣрами...

Куда мы зашли? «Какое отношеніе имѣетъ грамматика и риторика къ шелководству?» скажете вы... О, большое, очень большое, какъ сейчасъ увидимъ...

Кто пишетъ и писанія свои печатаетъ, тотъ—литераторъ, хотя бы онъ писалъ о лошадяхъ или собакахъ, не только червяхъ. Кто хочетъ быть литераторомъ, тотъ долженъ и знать языкъ и владѣть языкомъ,—условіе, безъ котораго sine qua—non. Французы лучше другихъ поняли эту практи-

ческую истину. Правила языка ихъ приведены почти въ математическую точность; знаніе своего языка и умѣніе правильно и свободно выражаться на немъ и словесно и письменно—у нихъ одно изъ первыхъ условій образованія, точно такъ же, какъ свѣтскость, хорошій тонъ. Поэтому, если Французъ пишетъ не хорошо—это не отъ неумѣнія, а отъ претензій на выспренность, или отъ сбивчивости въ понятіяхъ. Хорошее вездѣ хорошо, и подражать хорошему очень похвально. Жаль, что у насъ въ литературѣ перестали въ этомъ подражать Французамъ. Прежде, по крайней мѣрѣ, старались писать и писали правильно книжнымъ языкомъ; теперь слово безграмотность есть право на литераторство... Это вообще недостатокъ нашей общественности, недостатокъ нашего образованія. Сколько у насъ людей, которые по-французски пишутъ какъ Французы, а по-русски двухъ словъ не умѣютъ сказать, и у своихъ лакеевъ спрашиваютъ о значеніи слова, или спрашиваютъ какъ назвать вотъ то-то или это! Сколько у насъ людей, которые ни на какомъ языкѣ не умѣютъ написать двухъ словъ, а между тѣмъ не лишены иногда не только образованности, но и учености, и обладаютъ большимъ умомъ!... У Французовъ литературное образованіе—принадлежность и условіе образованности; у насъ есть роскошь, и будетъ роскошью, пока сѣмена новаго воспитанія не принесутъ желанныхъ плодовъ...

Вотъ книга о шелководствѣ—послушайте:

„Осмѣлюсь предложить добро(ы)й совѣтъ изобрѣтателямъ и дѣятельнымъ хозяевамъ нашихъ временъ (нашего времени?), обратить должное вниманіе на сію практическую теорію: (,) гдѣ не нужно разсматривать сочиненія со стороны строгихъ журналистовъ; но обратит(ь)ся на цѣль отрасли (чего?) столь полезной, съ точки истины (обратиться съ точки истины на отрасль!!!...) и вникнувъ въ оную, вѣрно опытные и благонамѣренные люди, (запятая,) оправдаютъ и извлекутъ новыя пріятности (?!...); (точка съ запятою) и въ послѣдствіи большія выгоды, въ своемъ изобильномъ, также и не богатомъ, но хорошо учрежденномъ хозяйствѣ: (двѣ точки) послѣдуя сему совѣту“.

Что за путаница! О, здравый смыслъ! о грамматика! о риторика! о логика! когда вы были больше поруганы!...

Долгъ рецензента—по крайней мѣрѣ изложить содержаніе разбираемой книги; но для этого ему должно сперва прочесть книгу, а неужели вы будете требовать, чтобы мы читали подобныя книги, способныя отвратить отъ всякаго чтенія и отъ самаго шелководства?...

СОБРАНІЕ РЕЦЕПТОВЪ ПАРИЖСКИХЪ ГОРОДСКИХЪ БОЛЬНИЦЪ, *или Руководство къ предписыванію врачебныхъ средствъ, употребляемыхъ врачами и хирургами этихъ заведеній. Съ замѣчаніями о пріемахъ, способѣ ихъ употребленія, и т. д. Соч. Ф. С. Ратье, доктора медицины парижскаго факультета, члена корреспондента, и т. д. Переводъ съ французскаго, съ четвертаго изданія, исправленнаго и значительно умноженнаго. Москва. 1839.*

Медицинскія сочиненія принадлежатъ къ разряду тѣхъ книгъ, которыми особенно и преимущественно должны пользоваться мы отъ французской литературы. Сто лучшихъ романовъ и тысяча лучшихъ повѣстей юной французской литературы не стоютъ одной такой книги! Мы уже не говоримъ о всевозможныхъ французскихъ теоріяхъ, особенно философскихъ, эстетическихъ и сен-симонистскихъ: сколько ни родилъ ихъ философскій XVIII вѣкъ и современное резонёрство и декламаторство Франціи, всѣ онѣ, безъ исключенія, не стóютъ одной страницы французской книги по части наукъ естественныхъ или медицинскихъ. Мы хотимъ сказать, что у всякаго народа должно брать, занимать и перенимать только то, что составляетъ сущность его жизни, плоды его духа, словомъ, его дѣйствительность — въ высшемъ философскомъ значеніи этого слова. И потому, философіи будемъ

учиться не у Французовъ и Англичанъ, такъ же какъ музыкѣ не у Китайцевъ и Турковъ, а у Нѣмцевъ; высшаго, художественнаго (т. е. вышедшаго изъ національной непосредственности) искусства будемъ искать не у Французовъ, а у Англичанъ и Нѣмцевъ; у Французовъ же будемъ слѣдить развитіе математики, медицины, особенно послѣдней, и особенно въ практическомъ ея развитіи. Устроеніе больницъ, способы и пріемы леченія, уходъ за больными, словомъ, все, что ускользаетъ отъ теоріи и умозрѣнія, что принадлежитъ къ области эмпиріи, опытнаго соображенія, опытной проницательности,—все это у Французовъ развито до возможной высокой степени. Французы—по преимуществу народъ дѣла. Нѣмецъ скажетъ мысль: Французъ—понялъ ли онъ ее или нѣтъ, для него все равно,—спѣшитъ пустить ее въ ходъ, примѣнить ее къ жизни—въ попадъ или не въ попадъ, во вредъ или въ пользу себѣ и другимъ—для него все равно. Но изъ всего, что примѣняли Французы къ жизни, кажется, ничто не удавалось имъ съ такою пользою для себя и для другихъ, какъ математика (прикладная), медицина и хирургія. Цвѣтущее состояніе ихъ знаменитой Политехнической школы, изобиліе въ образованныхъ офицерахъ для арміи, искусныхъ артиллеристахъ и инженерахъ, наконецъ цвѣтущее состояніе практической медицины доказываютъ это.

Вотъ почему мы думаемъ, что переводчикъ книги Ратье «Собраніе Рецептовъ» могъ бы выбрать для труда своего изъ французскихъ медицинскихъ книгъ что-нибудь поважнѣе и подарить этимъ русскихъ врачей. Докторъ, Ратье, какъ видно, очень высоко цѣнитъ рецепты, какія выписываютъ въ парижскихъ больницахъ; положимъ, что это происходитъ отъ любви къ отечественной медицинѣ, но зачѣмъ бы, казалось, этотъ огромный сборникъ всякой всячины передавать на русскомъ языкѣ? Если сочиненіе Ратье переведено для того, чтобы познакомить русскихъ врачей съ состояніемъ медицины во Франціи, то едва ли переводчикъ достигъ пред-

положенной цѣли. Спрашивается, что́ пріобрѣтаетъ врачъ изъ голословнаго исчисленія рецептовъ? Вѣдь одно умѣнье писать рецепты по затверженнымъ формуламъ—дѣло ничтожное. Много надобно свѣдѣній, чтобы умѣть правильно и дѣльно писать рецепты...

LE MOINE, HISTOIRE KIOVIENNE. *Traduction en vers du poème de J. Koslow:* **ЧЕРНЕЦЪ**, *par le prince Nicolas Galitzin. Moscou 1839.*

Въ области литературы бываютъ произведенія, по своему внутреннему достоинству принадлежащія къ искусству, но тѣмъ не менѣе составляющія эпоху въ литературномъ и даже общественномъ образованіи народа. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ «Бѣдная Лиза» Карамзина; къ такимъ же произведеніямъ принадлежитъ и «Чернецъ» Козлова. «Бѣдная Лиза» своимъ появленіемъ произвела фуроръ въ нашемъ обществѣ: сколько слезъ было пролито прекрасными читательницами и блѣдными, чувствительными читателями! Ходили къ Лизину-пруду, вырѣзывали на корѣ окружающихъ его развѣсистыхъ березъ и сердца́, пронзенныя стрѣлами, и чувствительныя фразы, которыя и теперь еще можно видѣть. Мы говоримъ это совсѣмъ не для того, чтобы смѣяться, а чтобы засвидѣтельствовать этотъ фактъ прошедшаго времени. Долгъ нашего вѣка ни надъ чѣмъ не смѣяться, но все сознать объективно, всему указать свое мѣсто въ ряду явленій, всему отдать должную справедливость. Карамзинъ своимъ сантиментальнымъ произведеніемъ выразилъ духъ времени, безсознательно угадавъ его, какъ человѣкъ необыкновенный и сильный духомъ, и потому-то онъ такъ сильно увлекъ «Бѣдною Лизою» современное ему общество. «Бѣдную Лизу» теперь никто не станетъ читать для наслажденія; но она

всегда сохранится въ исторіи русской литературы и общественнаго образованія, какъ важный памятникъ, какъ дѣло ума человѣка необыкновеннаго, потому что она («Бѣдная Лиза») была первымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, которое убѣдило тогдашнее полу-французское общество, что и у русскаго человѣка можетъ быть и душа, и сердце, и умъ, и талантъ, и что русскій языкъ не совсѣмъ варварскій, но имѣетъ свою способность къ выраженію нѣжныхъ чувствованій, свою прелесть, легкость и гибкость. Точно такой же фуроръ произвелъ въ нашемъ обществѣ другаго времени «Чернецъ» Козлова. Эта поэмка была сколкомъ съ «Джяура» Байронова; въ ней также монахъ, въ предсмертной исповѣди, разсказываетъ свою исторію, содержаніе которой есть любовь, а роковое событіе, побудившее героя къ отчужденію отъ людей и міра—убійство. Но герой Козлова относится къ герою Байрона, какъ мальчикъ, задавившій бабочку, къ человѣку, взорвавшему на воздухъ цѣлый городъ съ милліономъ жителей. Но какъ Козловъ истинный поэтъ въ душѣ, который, не будучи въ силахъ совладать съ большими размѣрами, поэтически высказывалъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ поэтическія ощущенія своей поэтической души,—то его «Чернецъ», блѣдное и слабое произведеніе въ цѣломъ, отличается множествомъ поэтическихъ частностей, носящихъ на себѣ отпечатокъ сильнаго таланта. Нѣсколько сантиментальный характеръ поэмы, горестная участь ея героя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и горестная участь самаго пѣвца— все это доставило «Чернецу» едва ли не больше читателей, чѣмъ поэмамъ Пушкина, которыхъ высоко-художественная дѣйствительность была тогда, да еще и теперь слишкомъ немногимъ по плечу. «Чернецъ», еще прежде изданія, ходилъ въ рукописи по рукамъ многочисленныхъ читателей, и особенно отъ прекрасныхъ читательницъ принялъ обильную дань слезъ умиленія и грустно-сладостныхъ восторговъ.

И онъ навсегда останется прекраснымъ поэтическимъ цвѣт-

комъ, для простой и скромной прелести и легкаго, но сладостнаго аромата, котораго всегда найдется множество прелестныхъ бабочекъ и легкихъ мотыльковъ.

«Чернецъ» уже не разъ былъ переводимъ на французскій языкъ, и вотъ явился его новый переводъ, сдѣланный русскимъ, который владѣетъ французскимъ языкомъ какъ своимъ роднымъ. Это обстоятельство особенно заставляетъ требовать многаго отъ перевода. Посмотримъ же на него.

J'aimais les bois, la chasse a l'animal sauvage;
Du Dnépre avec orgueuil, franchissant à la nage
Le courant, j'atteignais, tout heureux, l'autre bord,
J'aimais tous les périls, l'exercice du corps:
Je n'avais rien à perdre, étant tout seul au monde,
Eh! qui m'eût envié ma misère profonde?

Чтò это такое?—неужели эти чудные стихи, полные гармоніи, силы и поэтической прелести:

Любилъ я за звѣрьми гоняться,
День цѣлый по лѣсамъ скитаться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться:
Мнѣ было некого терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться!

Какая поэзія, сжатость, простота и безъискуственность въ подлинникѣ, и какая изысканность, полная риторической шумихи и общихъ мѣстъ въ переводѣ!... И это не одно мѣсто—весь переводъ цѣлой поэмы — декламація, риторика...

1840.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

КРИТИКА.

МЕНЦЕЛЬ, КРИТИКЪ ГЕТЕ.

Главный недостатокъ критики Менцеля, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ подчиненіи поэзіи и вообще словесности, политикѣ, или даже понятіямъ и духу политической партіи. Менцель депутатъ оппозиціонной стороны. Этимъ объясняются его строгіе приговоры Іоанну Мюллеру, Гегелю, Гёте и др.; отъ этого же происходитъ оппозиціонный духъ его книги, и пр.

В. К., переводчикъ книги Менцеля.

Менцель есть собственное имя одного человѣка, сдѣлавшееся нарицательнымъ, каковы, напримѣръ, имена Ира, Ѳарсиса, Креза, Зоила и т. п. Это обстоятельство придаетъ большую и важную значительность Менцелю, какъ представителю цѣлаго разряда людей, которые были и до него, есть еще и теперь, и, къ сожалѣнію, будутъ всегда. Такъ, напримѣръ какое-нибудь пошлое, ничтожное, пустое лице дѣлается многозначительнымъ и реальнымъ въ художественномъ произведеніи, какъ выражающее собою цѣлую сторону дѣйствительной жизни, представляющее своею индивидуальностію цѣлый разрядъ, цѣлую толпу индивидуумовъ одной и той же идеи. Это подало намъ поводъ поговорить о Менцелѣ, какъ о представителѣ критиковъ извѣстнаго рода, не обращая вниманія на частности и подробности, относящіяся къ его лицу, или исключительно къ нѣмецкой литературѣ. Года съ полтора назадъ тому, сочиненіе Менцеля о нѣмец-

кой литературѣ явилось въ прекрасномъ русскомъ переводѣ, съ выпускомъ всего, собственно неотносящагося къ литературѣ. Такъ какъ, говоря о Менцелѣ, мы хотимъ говорить о критикѣ, имѣя въ виду собственно русскую публику,—то и возьмемъ этотъ переводъ за фактъ, за данное для сужденія, чтобы каждый изъ нашихъ читателей самъ могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, предлагаемая статья отнюдь не есть разборъ книги Менцеля, но скорѣе разсужденіе или трактатъ объ отношеніяхъ критики вообще къ искусству, по поводу извѣстнаго рода критическаго направленія, котораго представитель Менцель.

—

Слава—вещь обольстительная, и къ ней одинъ путь. Но многіе смѣшиваютъ славу съ извѣстностію, и съ этой точки зрѣнія пути къ ней умножаются до безконечности. По настоящему, слава есть видное понятіе извѣстности, а извѣстность относится къ славѣ, какъ родъ къ виду. Гомеръ извѣстенъ человѣчеству своимъ творческимъ геніемъ, Зоилъ—ограниченностію и низостію своего духа въ дѣлѣ творчества, Крезъ—богатствомъ, Иръ—бѣдностію, Парисъ—красотою, Ѳарсисъ—безобразіемъ. Можно сдѣлаться извѣстнымъ всему свѣту—умомъ и глупостью, благородствомъ и подлостью, храбростью и трусостью. Чтобъ обезсмертить себя въ потомствѣ, великій художникъ, на диво міру, создалъ въ Эфесѣ великолѣпный храмъ «златолунной» Артемидѣ, чтобъ обезсмертить себя въ потомствѣ, Геростратъ сжегъ его. И оба достигли своей цѣли: имена обоихъ безсмертны, но съ тою только разницею, что одно извѣстно и славно, а другое только извѣстно. Слава есть патентъ на величіе, выдаваемый цѣлымъ человѣчествомъ одному человѣку, великимъ подвигомъ доказавшему свое величіе; извѣстность есть внесеніе имени въ полицейскій реестръ, въ которомъ записываются вседневныя событія, выходящія изъ порядка обыкновенности и ежедневности. Слава всегда

есть награда и счастіе; извѣстность часто бываетъ наказаніемъ и бѣдствіемъ.

Къ числу извѣстныхъ людей, претендующихъ на славу, принадлежитъ Нѣмецъ Менцель. Имя его извѣстно въ Германіи, Англіи, Франціи, Россіи, и еще недавно почитался онъ главою партій, однинъ изъ представителей Германіи имѣлъ послѣдователей, хвалителей, даже враговъ, безъ которыхъ слава—не слава, и извѣстность—не извѣстность. Конечно, теперь этотъ славный господинъ Менцель не больше, какъ жалкій представитель устарѣвшихъ мнѣній, который на ихъ развалинахъ, съ ожесточенною дерзостью, отстаиваетъ свое эфемерное и мишурное величіе, символъ эстетическаго безвкусія, человѣкъ, имя котораго — литературное порицаніе, какъ имя какого-нибудь Зоила, по тѣмъ не менѣе у него все-таки была своя апогея славы. Какимъ же образомъ пріобрѣлъ онъ эту славу? Видите ли: онъ издавалъ журналъ, а журналъ есть вѣрное средство прославиться для человѣка дерзкаго, безстыднаго и ловкаго. Представься только ему случай захватить въ свои руки журналъ,—и слава его сдѣлана. Путей и средствъ много и они разнообразны до безконечности; но главное тутъ—хорошо начертанный планъ и и неукоснительная вѣрность ему во всѣхъ дѣйствіяхъ, до малѣйшихъ подробностей. Основою же непремѣнно должна быть посредственность, которая всѣмъ по плечу, всѣмъ нравится, всѣмъ льститъ и, слѣдовательно, овладѣваетъ массами и толпами, возбуждая негодованіе только въ нѣкоторыхъ — не званыхъ, а избранныхъ. Но какъ этихъ «избранныхъ» можетъ удовлетворить только сила, основывающаяся на талантѣ, геніи, умѣ, знаніи, и какъ число этихъ «избранныхъ» такъ ограниченно, что не можетъ принести обильную жатву подписки,—то о нихъ нечего и думать; толпа любитъ посредственность, и посредственность должна угождать толпѣ. Для этого ловкій журналистъ долженъ исключительно выбирать только посредственность. Этого народа много,

да онъ и сговорчивъ. Мнѣнія журнала, который имъ хорошо платитъ и еще лучше ихъ хвалитъ—всегда будутъ ихъ кровными и задушевными мнѣніями—до первой ссоры, которая всегда бываетъ при первой кости. Смотрите же, не жалѣйте похвалъ: надо, чтобы въ вашемъ журналѣ все участвовали геніи да великіе таланты—иначе вашего журнала не будутъ ни уважать, ни покупать. Въ выборѣ не затрудняйтесь: чѣмъ безталантнѣе, тѣмъ лучше для васъ—лишь бы не былъ чуждъ нѣкотораго внѣшняго смысла, лоска, блеска, которые толпа всегда принимаетъ за геніальность, потому что ей они по плечу, и она ихъ понимаетъ,—а что для нея понятно, то и велико. Вотъ идетъ къ вамъ «поэтъ», который можетъ вдохновляться на подрядъ и къ каждому номеру журнала, съ точностію и аккуратностію, поставить какое вамъ угодно число эллегій, одъ и даже мистерій; хватайтесь за него обѣими руками: это для васъ кладъ, и скорѣе кричите, что этотъ «юный геній», произведеніями котораго «постоянно» украшается вашъ журналъ, счастливо избралъ себѣ дорогу близехонько, о-бокъ дорогѣ, напримѣръ, какого-нибудь Гёте и совершенно можетъ замѣнить для вашихъ читателей великаго германскаго поэта, котораго ваши читатели бранятъ за «непонятливость». Ежели въ твореніяхъ вашего Гёте часто будетъ недоставать даже и внѣшняго смысла—не бѣда: поправляйте сами, обглаживайте и сглаживайте; это ремесло нетрудное. Является молодой талантикъ, или юное дарованьице съ драмою, или другимъ чѣмъ, и обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе публики: захваливайте его въ пухъ, не жалѣйте чернилъ и гиперболъ, кричите: «я упалъ на колѣни передъ NN, воскликнулъ: великій Гёте! великій NN!» Если этотъ NN вздумаетъ послѣ вздернуть носъ, забывши, что онъ сталъ великимъ черезъ васъ, и это не бѣда: напишите притчу, апологъ объ отогрѣтой за пазухою змѣѣ, о «человѣкѣ съ умомъ на двѣ страницы», который, для потѣхи, кинулъ въ форточку окна славу первому прохожему... Будьте увѣрены, что г. N.N. снова будетъ въ

вашихъ ежовыхъ руковицахъ и самъ прійдетъ съ поклономъ: тогда скажите, что вы пошутили, или что вы говорили совсѣмъ не о немъ, а о другомъ. Толпа разумѣется, найдетъ васъ не пошлымъ, а только забавнымъ; а кто ее забавляетъ, тому она не скупится платить. Что касается до повѣстей, не забывайте одного: заказывайте «забавныя», такія, которыя не всѣми читаются явно, о которыхъ не при всѣхъ говорится вслухъ, да велите доставлять себѣ ихъ рукописи съ большими полями и пробѣлами между строкъ, чтобы вамъ было гдѣ подбавлять своего «юмора» и своихъ «забавныхъ» картинъ; благословясь, черкайте, крестите, вписывайте свое, а главное—не робѣйте ни отъ какой плоскости, ни отъ какой неприличности, помня, что у Поль-де-Кока несравненно больше читателей, чѣмъ у Вальтеръ-Скотта. Кстати, чтобъ авторитетъ Вальтеръ-Скотта не помѣшалъ успѣху вашихъ «забавныхъ» повѣстей, объявите, что историческіе романы великаго Британца дурны и пошлы, потому что они—незаконный плодъ отъ соединенія исторіи съ вымысломъ, или выразитесь какъ нибудь этакъ, позатѣйливѣе и «позабавнѣе». Если кто нибудь изъ вашихъ абонированныхъ нувелистовъ будетъ такъ смѣлъ и дерзокъ, что осмѣлился издать всѣ свои повѣсти, помѣщавшіяся въ вашемъ журналѣ, въ ихъ первобытномъ видѣ, безъ вашихъ поправокъ и передѣлокъ, и черезъ то лишитъ ихъ многаго «забавнаго», разругайте ихъ безпощадно, а для тѣхъ, которые помнятъ, что читали ихъ въ вашемъ журналѣ, скажите что въ немъ они были «отлично хороши», хотя написаны и дурно, и что это отъ того, что у васъ есть волшебная машина, въ которую вы положите дурную повѣсть, а, повернувъ ключикомъ, вынимаете оттуда хорошую, т. е. «забавную». Толпа расхохочется, ибо найдетъ это объясненіе «забавнымъ», а слѣдовательно и вполнѣ удовлетворительнымъ для себя. Въ вашемъ журналѣ непремѣнно должна быть критика, потому что критику любятъ и требуютъ отъ журнала. Истинная критика требуетъ мысли,

а толпа любитъ «забавляться», а не мыслить, и потому, вмѣсто «истинной» критики, создайте «забавную» критику. Для этого объявите, что изящное есть понятіе совершенно условное и относительное, а отнюдь не абсолютное (ужасное слово для толпы!), что оно зависитъ отъ условія климата, страны, народа, каждаго человѣка, его пищеваренія, здоровья и подобныхъ «непредвидѣнныхъ» обстоятельствъ. Скажите, что въ искусствѣ хорошо-то, чтó вамъ нравится, и худо-то, чтò вамъ не доставляетъ удовольствія. Вамъ замѣтятъ: какое же вы имѣете право называть превосходнымъ произведеніемъ то, чтó, по условію личности каждаго, многимъ покажется совсѣмъ не превосходнымъ, а для иныхъ и совершенно дурнымъ? Отвѣчайте: я правъ и они правы, у всякаго де барона своя фантазія. Такая критика очень легка и нравится толпѣ, которая вообще любитъ все, чтò въ ровень съ нею и не оскорбляетъ ея маленькаго самолюбія своею «непонятливостію». Побольше фразъ отъ себя, и еще больше выписокъ изъ будто бы критикуемаго вами сочиненія, и у васъ въ одинъ вечеръ готово десять «забавныхъ» критикъ, которыя понравятся тысячамъ и оскорбятъ десятки, тогда какъ иногда мало десяти вечеровъ, чтобы написать «истинную» критику, которая удовлетворитъ десятки и оскорбитъ тысячи. Тонъ «забавной» критики непремѣнно долженъ быть рѣзкій, наглый, нахальный: иначе толпа не будетъ вамъ вѣрить. Когда разбираете книгу автора чужаго прихода, или человѣка, котораго вы не любите, боитесь или другое чтó, дѣлайте изъ его книги выписки такихъ мѣстъ, какихъ въ его книгѣ нѣтъ, приписывайте ему такія мнѣнія, которыхъ онъ и не думалъ имѣть, словомъ, клевещите, но только смѣлѣе и рѣшительнѣе: толпа того и слушаетъ, тому и вѣритъ, у кого горло широко и замашки наглѣе. Не забывайте при этомъ чаще говорить о своей добросовѣстности, благонамѣренности, объ уваженіи къ собственной личности, недопускающемъ васъ до неприличныхъ браней и полемики, о своихъ талантахъ и

другихъ похвальныхъ качествахъ вашего ума и сердца, о своихъ соперникахъ кричите, что они и глупы, и безталантны, и недобросовѣстны, а главное, что они завидуютъ вамъ, какъ всѣ посредственные люди завидуютъ генію. Возьмите девизомъ своимъ «смѣлость города беретъ»—и будьте увѣрены, что всѣ карманы сдадутся вашей «смѣлости».

Есть еще другой способъ къ пріобрѣтенію журнальной славы, котораго частію можно держаться и при первомъ, но который иногда и одинъ доводитъ до цѣли: это нападать на утвержденныя понятія, на утвержденные авторитеты и славы. Толпу иногда можно запугать, чтобъ заставить удивляться себѣ. Скажите толпѣ дикую рѣзкость и, не дожидаясь ея отвѣта и не давая ей придти въ себя отъ первой рѣзкой нелѣпости, говорите другую, третью, и говорите съ увѣренностію въ непреложности своихъ мыслей, смотрите на толпу прямо, во всѣ глаза, не мигая и не моргая. Напримѣръ, слава Пушкину въ своей апогеѣ и все передъ нимъ на колѣняхъ: начните «ругать» его въ буквальномъ значеніи этого слова, и говорите, что его произведенія мелки и ничтожны, хотя и не лишены блестокъ таланта, внѣшней отдѣлки и т. п. Вы думаете, что трудно сдѣлать? Ничего не бывало, только больше смѣлости. Разверните, напримѣръ, хоть «Полтаву»: выпишите слова измѣнника Мазепы о Петрѣ Великомъ и воскликните: «каковъ портретъ Петра!», какъ будто такимъ изобразилъ самъ поэтъ, отъ своего лица; слова Мазепы же о Карлѣ XII то же выдайте за портретъ, начерченный самимъ поэтомъ, и рѣшите, что всѣ характеры въ поэтѣ лишены всякаго величія. Толпа не будетъ справляться и повѣритъ вамъ на слово. Выкуйте себѣ какой-нибудь странный, полу-славянскій дикій языкъ, который бросался бы въ глаза своею калейдоскопическою пестротою и казался бы вполнѣ оригинальнымъ и глубоко-таинственнымъ: она, пожалуй, сдѣлаетъ видъ, что и понимаетъ его, стыдясь сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Вотъ вы уже и

поколебали авторитетъ Пушкина; идите дальше, и утверждайте, что Байронъ и Гёте не истинные художники, ибо-де они на алтарь чистыхъ дѣвъ (т. е. музъ, которыхъ Тредьяковскій называлъ мусами) неомовенными руками возлагали возгребія нечистыя и уметы поганые, которые доставали они изъ возкрайй лужи, и т. п. Но вотъ проходитъ время, а съ нимъ и ложь: образъ Пушкина является въ новомъ и еще лучезарнѣйшемъ свѣтѣ; Байрона и Гёте уже никто не ругаетъ,—а вамъ что? вы свое сдѣлали, карманъ вашъ обезпеченъ, а притомъ вы изъ подтишка искусно можете запѣть новую; старая забыта, и вы уже на кредитъ пользуетесь славою «отлично-умнаго человѣка».

А вотъ чудесное средство противъ враговъ; оно въ большемъ употребленіи въ Парижѣ, этомъ городѣ партій и подкоповъ всякаго рода. Мы говоримъ о публичныхъ лекціяхъ. Это одно изъ надежныхъ средствъ уронить репутацію даже журнала, не только писателя. О чемъ больше всего и вездѣ читаются публичныя лекціи? — Разумѣется, о словесности и языкѣ, потому что ни объ одномъ предметѣ нельзя такъ много говорить общихъ мѣстъ и учить другихъ, не учась ничему и ничего не зная. Извѣстно, что Парижане большие охотники до всего публичнаго и любятъ позѣвать на всякое зрѣлище: вотъ они отъ нечего дѣлать и идутъ посмотрѣть фокусовъ-покусовъ какого-нибудь говоруна, на кредитъ пользующагося извѣстностію «отлично-умнаго человѣка». Зала публичнаго чтенія не университетская аудиторія: въ ней собираются не слушать, а слышать, чтобъ потомъ не подумать, а поболтать въ обществѣ. Посему, ловкій «лекторъ» избѣгаетъ всего, въ чемъ есть мысль, и хлопочетъ только о словахъ. Вотъ онъ беретъ книгу непріязненнаго ему писателя, выбираетъ изъ нея нѣсколько фразъ, которыхъ не понимаетъ, потому что эти фразы состоятъ не изъ общихъ мѣстъ, составляющихъ насущный хлѣбъ цѣлой его жизни, и выражаютъ собою мысль, требующую, для своего пониманія

ума и чувства. Сверхъ того, въ фразахъ могутъ встрѣтиться слова, которыхъ не слышалъ лекторъ, учившійся какъ-нибудь и чему-нибудь на желѣзные гроши, — и вотъ онъ читаетъ эти фразы, какъ образецъ галиматьи и искаженія языка. Толпа вездѣ весела, въ Парижѣ особенно, — и вотъ она смѣется и рукоплещетъ своему лектору. Но горе книгѣ, если въ вырванныхъ изъ нея фразахъ заключается не только мысль, но еще и новая мысль, выраженная новымъ словомъ или новымъ терминомъ!... Какое ей дѣло до того, что въ языкѣ и образѣ выраженія осмѣянной болтуномъ книги можетъ-быть уже занимается заря новой эпохи литературы, новыхъ понятій объ искусствѣ, новаго взгляда на жизнь и науку? Какое дѣло до того, что тотъ, чью литературную репутацію силится запятнать лекторъ, приносилъ людямъ плодъ горячаго восторга, безкорыстной любви къ истинѣ, — то, что перечувствовалъ и перемыслилъ онъ, чѣмъ живетъ его душа, чѣмъ бьется его сердце?... Болтунъ прочелъ двѣ-три фразы изъ его статьи, прочелъ, разумѣется, съ искаженіемъ смысла, съ фарсами и гримасами, и въ заключеніе прибавилъ: «право, божусь вамъ, это галиматья! и толпа рада вѣрить ему: она было заснула отъ одной необходимости слушать, и ее вдругъ будятъ такимъ милымъ и забавнымъ фарсомъ: какъ же ей не смѣяться!... Да ей надо смѣяться уже изъ одной благодарности, что ее выводятъ изъ тяжелаго и страннаго положенія дѣлать серьезную мину... Въ Парижѣ всѣ говорятъ bons-mots, даже записные глупцы; черезъ bons-mots тамъ пріобрѣтаютъ славу, черезъ bons-mots и теряютъ ее. Нерѣдко честь и доброе имя зависятъ тамъ отъ bons-mots какого-нибудь записнаго бонмотиста... Таковъ уже городъ Парижъ!...

Менцель перепробовалъ всѣ эти способы добывать журналомъ и «лекціями» славу себѣ и дѣлать вредъ своимъ врагамъ. Онъ сочинялъ выписки изъ разбираемыхъ книгъ, приписывалъ своимъ противникамъ мнѣнія, которыхъ они и не

думали имѣть, раздавалъ вѣнцы славы и безсмертія людямъ бездарнымъ, гаерствовалъ и клеветалъ на генія, талантъ и всякаго рода заслугу, всякаго рода силу и всякаго рода достоинство. Но главная причина его позорной извѣстности— дерзкіе и наглые нападки на Гёте. Онъ прицѣпилъ свое маленькое имячко къ великому имени поэта, какъ въ баснѣ Крылова, паукъ прицѣпился къ хвосту орла—и мощный орелъ вознесъ его на вершину опоясаннаго облаками Кавказа.... Но съ нимъ кончилось, какъ съ паукомъ: пахнулъ вѣтеръ— и бѣдный паукъ опять очутился на низменной долинѣ, а орелъ, взмахнувъ широкими крылами, съ горныхъ громадъ гордо и отважно ринулся въ знакомыя ему безбрежныя пространства эѳира... Менцель теперь явился въ Россіи въ прекрасномъ переводѣ, за который русская литература должна быть весьма благодарна переводчику. Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ взглянуть прямо въ лице этому пресловутому мужу, котораго имя еще обаятельно дѣйствуетъ у насъ на нѣкоторыхъ, и къ которому еще недавно кто-то простеръ братскія объятія за то, что онъ нападаетъ на Гегеля, Гёте и Мюллера... Les beaux esprits se rencontrent!... Всѣ другіе русскіе журналы холодно и грубо приняли незваннаго гостя, хотя и сами себѣ не могли отдать отчета въ своей враждебности къ нему. Пора перестать основываться на безотчетномъ чувствѣ, пора мыслить сознательно.

Разумѣется, что въ Менцелѣ нельзя отрицать и нѣкоторой заслуги, которая состояла въ преслѣдованіи пошлой нѣмецкой сантиментальности и другихъ дурныхъ сторонъ нѣмецкой литературы, которыя онъ преслѣдовалъ рѣзко и дерзко. Но побить нѣсколько дрянныхъ романовъ и хотя множество глупыхъ книжонокъ, еще не великое дѣло,—и еслибы подобные хорошіе рецензенты плохихъ книгъ могли претендовать на геніальность, то Европа не обобралась бы геніями, какъ грибами послѣ дождя. Чтобы хорошо писать о дурныхъ книгахъ, нужно начитанность, нѣкоторая литера-

турная образованность, нѣсколько вкуса и изощренной навыкомъ способности владѣть языкомъ; но чтобы хорошо писать о книгахъ умныхъ и сочиненіяхъ ученыхъ, нужно имѣть глубокую натуру, развитую ученіемъ и мыслію и даръ слова отъ природы. Но натура Менцеля очень мелка, умъ ограниченъ, а учился онъ на мѣдныя деньги, почерпнувъ свои свѣдѣнія изъ журналовъ,—а между тѣмъ пустился судить и рядить о предметахъ, выходящихъ изъ ограниченнаго круга доступныхъ ему идей, — именно объ искусствѣ и наукѣ, о Гёте и Гегелѣ. Въ маленькихъ дѣлахъ онъ былъ великъ, а на великія его не стало. Нашлись люди, которые указали ему его мѣсто; онъ разсердился на нихъ и сталъ вымѣщать на Гёте и Гегелѣ. Къ оскорбленному и раздраженному самолюбію присоединились нѣкоторыя одностороннія убѣжденія, которымъ ограниченные люди всегда предаются фанатически, не столько по любви къ истинѣ, сколько по любви и высокому уваженію къ самому себѣ. Это явленіе общее—и вотъ съ какой точки зрѣнія имя Менцеля есть имя нарицательное, понятіе родовое. Взглянемъ на эти одностороннія убѣжденія ограниченнаго человѣка.

Есть особый родъ сердобольныхъ людей, которые болѣе занимаются другими, нежели самими собою, а потому всегда несчастны, всегда обременены хлопотами и заботами. Имъ кажется, что и въ мірѣ все идетъ худо, и что отечество ихъ вотъ сейчасъ готово погибнуть жертвою превратнаго хода дѣлъ, а вслѣдствіе такого взгляда на вещи, имъ кажется, что они призваны и міръ исправить и отечество спасти,—для чего тому и другому нужно только повѣрить ихъ мудрости и неуклонно выполнить ихъ совѣты. Для этихъ маленькихъ великихъ людей, государство не есть живой организмъ, котораго части находятся въ зависимомъ другъ отъ друга взаимодѣйствіи, котораго развитіе и жизнь условливаются непреложными законами, въ его же сущности заключенными; для нихъ государство не есть живая, индивидуальная личность сама по себѣ

и сама для себя сущая, имѣющая свою свободную волю, которая выше воли частныхъ лицъ; для нихъ государство не имѣетъ ни почвы, ни климата, ни географіи, ни исторіи, ни прошедшаго, ни настоящаго; для нихъ оно не есть живое осуществленіе довременной божественной идеи, ставшей по возможности явленіемъ и стремящейся развиться изъ самой себѣ во всей своей безконечности; для нихъ не существуетъ міродержавнаго Промысла, который управляетъ судьбами царствъ и народовъ и, въ разумно-свободной необходимости, указываетъ на путь, его же не прейдеши... Нѣтъ! для этихъ маленькихъ великихъ людей государство есть искуственная машина, которую по произволу можетъ вертѣть всякій маленькій великій человѣкъ. Они осуждаютъ Петровъ и Наполеоновъ, съ важностію указывая на ихъ ошибки и не шутя давая знать, что на мѣстѣ этихъ, впрочемъ, дѣйствительно великихъ людей, они бы не сдѣлали такихъ промаховъ. Они говорятъ: Петръ сдѣлалъ тогда-то вотъ то-то, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы въ то время сдѣлать вотъ это; они говорятъ, что Наполеонъ палъ потому что не стоялъ за права человѣчества; а думалъ только о своей личной власти. Жалкія слѣпцы! Петръ сдѣлалъ именно то, для чего послалъ его, что поручилъ ему Богъ,—ему, своему посланнику и помазаннику свыше; онъ угадалъ волю духа времени,—и не свою, а волю пославшаго его выполнилъ онъ,—потому-то онъ и великій человѣкъ. Только маленькіе великіе люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великихъ людей всегда совпадаетъ съ волею Божіею, которою и сильны они, которою и удаются имъ дѣла ихъ. Наполеонъ палъ потому же, почему и всталъ: та же могучая десница низвергла, которая и вознесла его. Онъ совершилъ свою миссію—и палъ не отъ слабости, а отъ тяжести своей силы, которая уже не находила болѣе для себя дѣла. Смѣшны и жалки эти великіе маленькіе люди!... Вообразите себѣ сумасшедшаго, котораго растроенному воображенію представляется, что,—вотъ облака упадутъ на землю и подавятъ ее,

вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней, вотъ зима истребитъ его своимъ губительнымъ хладомъ... Напрасно солнце утромъ восходитъ въ такомъ торжественномъ величіи и пробуждаетъ къ ликованію все твореніе, отъ былинки до человѣка; въ полдень такъ роскошно осіяваетъ нетлѣннымъ золотомъ лучей своихъ и голубой куполъ неба, и свою любимую дочь, многодарную землю; а вечеромъ, въ новой торжественности, какъ побѣдитель, утомленный побѣдою, сходитъ съ своей вѣчно-неизмѣнной дороги и блѣдными лучами даетъ послѣдніе замирающіе поцѣлуи своей любимицѣ, и скрывается за розовымъ занавѣсомъ мерцающей зари, высылая на смѣну и блѣднолицую луну, и миріады лучезарныхъ звѣздъ... Да! напрасно, съ того незапамятнаго довременнаго мгновенія, какъ творящее «да будетъ!» позвало небытіе къ бытію, до нашего времени, напрасно солнце ни раза не взошло вечеромъ и не скрылось утромъ, ни раза не вышло съ запада и не закатилось на востокѣ; напрасно за успокоительною смертію зимы слѣдуетъ всегда воскрешающая весна, за весною знойное лѣто, за лѣтомъ богатая дарами плодовъ осень, которой послѣдніе, запоздалые желтые колосья и листья наконецъ покрываются серебристымъ и алмазнымъ инеемъ зимы... Напрасно океанъ, скованный берегами, не можетъ вырваться изъ своего бездоннаго ложа, и его громадныя волны, грозящія землѣ и небу, съ воемъ и ревомъ, въ безсильной ярости, разбиваются о несокрушаемую твердыню гранитныхъ скалъ... Напрасно рѣки, какъ обычную дань, несутъ къ морю волны свои, и не текутъ вспять.... Напрасно все!... Не слышна ему музыка сферъ и міровъ; глухъ онъ къ гармоническому хору, который образуетъ своимъ стройнымъ чиномъ, своими неизмѣняемыми законами, своимъ несмущаемымъ теченіемъ къ предустановленной отъ вѣка цѣли, твореніе предвѣчнаго Художника!... Нѣтъ, ему слышатся только диссонансы, мерещится одинъ раздоръ: тучи грозятъ отнять

свѣтъ, громъ—разбить землю, молнія—испепелить все живущее на ней,—и, бѣдный сумазбродъ, онъ хватается за топоръ, обтесываетъ свои колышки и тычинки, и хлопочетъ подпереть ими съ трескомъ разрушающееся зданіе вселенной...

Такое же зрѣлище представляютъ собою и эти маленькіе великіе люди, о которыхъ мы говоримъ. Добровольные мученики,—имъ нѣтъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастія: тамъ гаснетъ свѣтъ пресвѣщенія, тутъ гибнетъ добродѣтель и нравственность, здѣсь подавляется цѣлый народъ,—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла; какъ будто бы люди, или человѣкъ, въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ будто бы нѣтъ провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Сумазброды! внимательнѣе заглядывайте въ священную книгу судебъ человѣчества, въ вѣчную «книгу царствъ»—въ исторію, по которой поверхностно скользятъ ваши взоры, отуманенные предубѣжденіями и заранѣе заготовленными произвольными понятіями вашей ограниченной личности. Умираетъ прекрасная Греція, отчизна Гомеровъ и Платоновъ, опустѣли ея дивные храмы, сброшены съ пьедесталовъ ея мраморныя статуи; храмы сокрушились и ихъ развалины заросли травою, а статуи взяла желѣзная рука варвара-побѣдителя;—но развѣ умерла для насъ она, эта прекрасная Греція? Развѣ развалины ея храмовъ и обломки ихъ колоннъ не свидѣтельствуютъ намъ о гармоніи ихъ размѣровъ, о первобытной красотѣ роскошныхъ ихъ формъ? Развѣ эти чудныя статуи, пережившія тысячелѣтія, не предстали Винкельману во всемъ очарованіи вѣчной юности, и не открыли ему сокровенныхъ тайниковъ исчезнувшей жизни свѣтлыхъ чадъ Эллады, и не повѣдали ему дивныхъ тайнъ творчества? Развѣ для насъ «Иліада»—мертвая буква, нѣмой памятникъ навѣки умершаго и на всегда потерявшаго свой смыслъ и свое значеніе прошедшаго, а не

источникъ живаго блаженства, величайшаго разумнаго наслажденія и изящнѣйшимъ созданіемъ общеміроваго искусства? Развѣ жизнь Грековъ не вошла въ нашу, какъ элементъ? развѣ не получили мы ее, какъ законное наслѣдіе?... Кто же говоритъ, что Греція умерла навсегда, падши отъ натиска варварства и невѣжества?—Пережитые человѣчествомъ моменты не изчезаютъ въ вѣчности, какъ звукъ, теряющійся въ пустынѣ; но навсегда дѣлаются его законнымъ владѣніемъ въ сознаніи, которое одно дѣйствительно, одно есть истинная жизнь духа, а не призракъ. Не только для возмужалаго человѣка, — и для старца, если только его старость ясна, какъ вечеръ прекраснаго весенняго дня, воспоминаніе о свѣтломъ утрѣ своего младенчества, о знойномъ полуднѣ своей юности, составляетъ одно изъ отраднѣйшихъ наслажденій его старости; но человѣчество выше человѣка, моменты его жизни есть высшая, разумнѣйшая дѣйствительность, чѣмъ моменты жизни человѣка,—такъ оно ли забудетъ греческую жизнь, этотъ роскошный цвѣтъ своего младенчества, или средніе вѣка, этотъ роскошный цвѣтъ своей юности, изъ которыхъ образовался роскошный плодъ его мужества?... Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку: проклятіе Омару— онъ навѣки погубилъ просвѣщеніе древняго міра! Погодите, милостивые государи, проклинать Омара! просвѣщеніе чудная вещь — будь оно океаномъ и высуши этотъ океанъ какой-нибудь Омаръ, — все останется подъ землею невидимый и сокровенный родникъ живой воды, который не замедлитъ пробиться наружу свѣтлымъ ключемъ и превратиться въ океанъ. Просвѣщеніе безсмертно, ибо оно не имѣетъ внѣ себя никакой цѣли, обыкновенно называемой «пользою», но есть само себѣ цѣль, и въ самомъ себѣ заключаетъ свою причину, какъ внутренняя жизнь сознающаго себя духа. Удовлетвореніе духа, стремящагося къ сознанію, есть внутренняя причина и цѣль просвѣщенія; а его внѣшняя польза для человѣчества есть уже его необходимый результатъ. Не-

ужели солнце есть несамостоятельная планета, символъ Божiей славы, а фонарь для освѣщенія нашей маленькой земли, хотя оно и свѣтитъ намъ и грѣетъ?... Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку, но не сжегъ Гомера и Платона, Эсхила и Демосѳена, которыхъ мы знаемъ. Но вотъ, варвары разрушили Западную Римскую имперію — погибла цивилизація, исчезла мудрая гражданственность? Нѣтъ не погибла она: въ вѣчномъ городѣ, столицѣ политическаго міра, снова явился вѣчный городъ, столица духовнаго міра. Потомъ нашелся затерянный варварствомъ и вѣками кодексъ Юстиніана—и жизнь древняго міра сдѣлалась нашимъ законнымъ наслѣдіемъ, вошла въ нашу жизнь, какъ элементъ. Но вотъ самый разительный примѣръ. Народъ нашего времени, особенно богатый маленькими великими людьми, забывъ, что у него есть исторія, есть прошедшее, что онъ народъ новый и христіанскій, вздумалъ сдѣлаться Римляниномъ. Явилось множество маленькихъ великихъ людей и, съ школьными тетрадками въ рукахъ, стало около машинки, названной ими la sainte guillotine, и начало всѣхъ передѣлывать въ Римлянъ. Поэтамъ приказали они, во имя свободы, воспѣвать республиканскія добродѣтели, думая; что искусство должно служить обществу; мыслителямъ повелѣли, то же во имя свободы, доказывать равенство правъ, а кто бы изъ поэтовъ или мыслителей, слѣдуя свободѣ вдохновенія или мысли, осмѣлился воспѣвать и доказывать противное,—тѣмъ, во имя свободы, рубили головы. Искусство и знаніе погибли—нѣтъ больше развитія идей, остановленъ навсегда ходъ ума... Но погодите отчаяваться: та же воля, которая попустила возстать злу, та невидимая, но могучая воля и истребила зло,—и чудовище пало жертвою самого себя, какъ скорпіонъ, умертвивши себя собственнымъ жаломъ; затѣя школьниковъ не удалась, тетрадки осмѣяны, кровавая комедія освистана—и кѣмъ же?—сыномъ революціи, однимъ человѣкомъ, сотворившимъ волю пославшаго его... Кто могъ предвидѣть, кто могъ предска-

зать это? Вѣдь ужъ все погибало... Но маленькіе великіе люди не понимаютъ этого, и отъ всей души убѣждены, что если міръ еще какъ-нибудь держится, то не иначе, какъ ихъ мудростію и усердіемъ къ общему благу.

Къ числу такихъ-то маленькихъ великихъ людей принадлежитъ и Менцель. Ему не нравится порядокъ дѣлъ въ Германіи, и онъ придумалъ на досугѣ свой планъ для ея благосостоянія; но какъ она не осуществляетъ этого благодѣтельнаго плана, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ своего историческаго развитія, ни отъ своей національной индивидуальности, да еще, какъ кажется, не будучи въ состояніи постичь всей премудрости г. Менцеля, и не вѣритъ ей, а на самого его смотритъ, какъ на журнальнаго крикуна и политическаго полишинеля, то онъ и возстаетъ на нее со всѣмъ ожесточеніемъ фанатика и представляетъ собою отвратительное и возмутительное зрѣлище сына, бьющаго по щекамъ родную мать свою. Другими словами: ему досадно, зачѣмъ Германія есть то, что́ она есть, а не то, чѣмъ бы ему хотѣлось ее видѣть—требованіе столь же справедливое, какъ и то, зачѣмъ у васъ волосы русые, а не черные, когда мнѣ именно хочется, чтобы у васъ были черные волосы!... И поэтому, ему все не нравится въ Германіи, и ея книжность, и ея ученость, и ея патріархальные обычаи и нравы. Но болѣе всего онъ возстаетъ на нее въ лицѣ ея геніальныхъ представителей, которыми она гордится, и которые доставили ей умственное владычество надъ всею просвѣщенною частію земнаго шара. Философія Гегеля признала монархизмъ высшею разумною формою государства, и монархія, съ утвержденными основаніями, изъ исторической жизни народа развившимися, была для великаго мыслителя идеаломъ государства. Менцель думаетъ объ этомъ совершенно иначе, и потому онъ объявилъ, что Гегель сумасбродъ, дикій фанатикъ, и его философія—бѣснованіе полуумнаго человѣка. Еще бо́льшему ожесточенію съ его стороны подвергся Гёте.

Великій поэтъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, пользовался благосклонностію многихъ вѣнценосныхъ особъ и даже гордился дружбою къ себѣ многихъ изъ нихъ. Вотъ первое преступленіе германскаго поэта Гёте противъ добродѣтельнаго Римлянина Менцеля, который по одному этому предмету разродился двумя глупостями. Во первыхъ, жить при дворѣ, или не жить при немъ—это рѣшительно все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ можно быть равно великимъ и равно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Во вторыхъ, не только несправедливо, но и справедливо нападая на человѣка, отнюдь не должно смѣшивать его съ художникомъ, равно какъ, разсматривая художника, отнюдь не слѣдуетъ касаться человѣка. У искусства есть свои законы, на основаніи которыхъ и должно разсматривать его произведенія. Мысль, выраженная поэтомъ въ созданіи, можетъ противорѣчить личному убѣжденію критика, не переставая быть истинною и общею, если только созданіе дѣйствительно художественно: ибо человѣкъ, какъ ограниченная частность, можетъ заблуждаться и питать ложныя убѣжденія, но поэтъ, какъ органъ общаго и мироваго, какъ непосредственное проявленіе духа, не можетъ ошибаться и говорить ложь. Конечно, платя дань своей человѣческой натурѣ, и онъ можетъ впадать въ заблужденія, но это тогда, когда онъ измѣняетъ своей творческой натурѣ, становится невѣрнымъ самому себѣ и перестаетъ быть поэтомъ, допуская своей личности вмѣшиваться въ свободный процессъ творчества, и впадая въ резонёрство, символизмъ и аллегорію. Слѣдовательно, чтобы узнать, вѣрна ли мысль, выраженная поэтомъ въ его произведеніи, должно сперва узнать дѣйствительно ли художественно его созданіе. Но этотъ вопросъ рѣшается непосредственнымъ впечатлѣніемъ созданія на непосредственное чувство критика (разумѣется, если его чувство доступно изящному, глубоко и всеобъемлюще), повѣреннымъ потомъ діалектикою мысли на непреложныхъ основаніяхъ искусства; а отнюдь не полицейскими справками о трезвости поведенія

и аккуратности поэта въ платежѣ долговъ, или освѣдомленіями о томъ, какъ отзывалась о немъ бабушка, довольна ли была имъ тетушка, и хорошо ли онъ жилъ съ женою, а еще менѣе произвольными убѣжденіями случайной личности критика. Основная идея критики Менцеля есть та, что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служитъ обществу, выражая его же собственное сознаніе и питая духъ составляющихъ его индивидуумовъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами благаго и истиннаго; но оно служитъ обществу не какъ что-нибудь для него существующее, а какъ нѣчто существующее по себѣ и для себя, въ самомъ себѣ имѣющее свою цѣль и свою причину. Когда же мы будемъ требовать отъ искусства споспѣшествованія общественнымъ цѣлямъ, а на поэта смотрѣть, какъ на подрядчика, которому можно заказывать въ одно время— воспѣвать святость брака, въ другое — счастіе жертвовать своею жизнію за отечество, въ третье—обязанность честно платить долги, то вмѣсто изящныхъ созданій наводимъ литературу рифмованными диссертаціями объ отвлеченныхъ и разсудочныхъ предметахъ, сухими аллегоріями, подъ которыми будетъ скрываться не живая истина, а мертвое резонёрство; или, наконецъ, угарными исчадіями мелкихъ страстей и бѣснованія партій. То и другое было во французской литературѣ. Сперва ея произведенія были декламаторскимъ резонёрствомъ, которое, въ звучныхъ и гладкихъ стихахъ, то расплывалось пошлыми сентенціями, какъ въ сочиненіяхъ Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Фенелона; (автора «Телемака»), то разсыпалось мелкимъ бѣсомъ въ пошлыхъ остротахъ и нагломъ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ для человѣчества, какъ въ сочиненіяхъ Вольтера; теперь ея произведенія—буйное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюгó, Дюма, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуру на изображеніе насто-

ящаго вѣка и современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ нынѣшняя французская литература? Отраженіе мелкихъ сектъ, ничтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ. Г-жа д'Юдеванъ или извѣстный, но отнюдь не славный, Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другаго нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сен-симонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя!—именно: индюстріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ; должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектантства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на вся-тяжкая и допустивъ ее наравнѣ съ мущиною, къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное—предоставить ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ, совершенное превращеніе государства, сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ—въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ. Альфредъ де-Виньи, другой маленькій-великій человѣчекъ, ударился въ другую крайность: онъ изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о возстановленіи французской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была до кардинала Ришелье — Франціи феодально-монархической... Для этого онъ поправляетъ исторію, выдумывая никогда несуществовавшіе факты, клевещетъ на Наполеона, заставляя какого-то глупаго пажа подслушивать его небывалый разговоръ съ папою Піемъ VII, а чтобы унизить кардинала Ришелье, ненавидимаго имъ какъ врага выродившейся феодальной аристократіи, противупоставляетъ ему, въ своемъ романѣ, пустаго и ничтожнаго Сен-Мара, дѣлая его героемъ и

великимъ человѣкомъ. А между тѣмъ, «идеальный» Ламартинъ хлопочетъ, въ водяныхъ медитаціяхъ, приторно-чувствительныхъ элегіяхъ и надуто-риторическихъ поэмахъ воскресить католицизмъ среднихъ вѣковъ, котораго онъ не понимаетъ. Вышелъ во Франціи новый уголовный законъ, а завтра является сотня дюжинныхъ романовъ, въ которыхъ примѣромъ рѣшается справедливость или несправедливость закона; вышло новое постановленіе хоть о налогахъ, рекрутствѣ, акціяхъ—опять завтра же длинная вереница романовъ, которая нынче читается съ жадностію, а завтра забывается. Не такова истинная поэзія: ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества. Не таковъ художникъ: въ дивныхъ образахъ осуществляетъ онъ божественную идею для ней самой, а не для какой-либо внѣшней и чуждой ей цѣли. Толпа Менцелей не смутитъ его дикими воплями и укорами въ безполезности его существованія—онъ гордо отвѣтитъ ей:

Подите прочь: какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо онъ въ немъ, но не отъ него. Онъ не можетъ выбирать темъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на диво міру. Онъ творитъ не когда хочетъ, но когда можетъ; онъ ждетъ минуты вдохновенія, но не приводитъ ея по волѣ своей, и потому-то

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ,
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ,
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ;
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Менцель поставляетъ Гёте въ великую вину и тяжкое преступленіе, что онъ молчалъ во время французской революціи и ни однимъ стихомъ не выразилъ своего мнѣнія объ этомъ событіи, потрясшемъ весь міръ. Въ самомъ дѣлѣ, великое преступленіе! Такъ точно, въ одномъ русскомъ журналѣ, кто-то ставилъ Пушкину въ вину, что онъ, воротясь изъ-за Кавказа, гдѣ былъ свидѣтелемъ славы русскаго оружія, напечаталъ VII-ю главу «Онѣгина», а не собраніе «торжественныхъ одъ»: подлинно—les beaux ésprits se rencontrent!..

И такая легкая, удобопонятная піитика: во время революціи, поэтъ непремѣнно долженъ или хвалить или хулить ее въ своихъ стихахъ, а во время войны—прославлять подвиги соотечественниковъ!... И какъ для Менцелей понятно, что Пушкинъ, возвратясь съ Кавказа, привезъ съ собою «Кавказскаго Плѣнника», и какъ непонятно для нихъ, что Грибоѣдовъ съ того же Кавказа привезъ «Горе отъ Ума»—злую сатиру на современное московское (а не кавказское) общество... Бѣдные люди!...

„Каждое слово Гёте принималось какъ изреченіе оракула; но онъ никогда не начиналъ рѣчи, чтобы напомнить Германцамъ о народной ихъ чести, либо чтобы одушевить ихъ на какой-нибудь благородный помыслъ или подвигъ. Равнодушно пропускалъ онъ мимо себя событія всемірной исторіи, или только сердился, что военныя тревоги подъ часъ нарушали сладкія минуты поэтическихъ его наслажденій. До французской революціи дремала Германія. Это грозное событіе пробудило наше отечество ужаснымъ образомъ: Какія чувствованія должно было оно породить въ сердцѣ перваго нашего поэта? Новая эра возбудила восторгъ въ Шиллерѣ; Горресъ, сгорая стыдомъ отъ измѣны отчизнѣ и отъ глубокаго ея униженія, напоминалъ соотечественникамъ про прежнюю честь и прошлое величіе Германіи. Что же сдѣлалъ Гёте? Написалъ нѣсколько легкомысленныхъ комедій. Потомъ явился Наполеонъ. Что долженъ былъ думать о немъ, сказать про него первый германскій поэтъ? онъ долженъ былъ, какъ Арндтъ и Кёрнеръ, проклинать губителя своей отчизны и сдѣлаться главою союза добродѣтели, или, ежели по привычкѣ Нѣмцевъ онъ былъ больше космополитъ, чѣмъ патріотъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ Байронъ, долженъ бы уразумѣть глубоко-трагическое значеніе великаго героя и его дивной судьбы“. (Ч. II, стр. 408—509).

Сколько лжей и пошлостей въ немногихъ словахъ этой ограниченной нѣмецкой головы! У каждаго народа необходимо двѣ стороны: дѣйствительная, сущная, и, какъ конечное ея отраженіе, пошлая и смѣшная; поэтому и Нѣмцевъ можно раздѣлить на Германцевъ, каковы: Лессингъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шиллеръ, и Гёте, и на Нѣмцевъ, каковы: Коцебу, Клауренъ, Августъ Лафонтенъ, Фан-дер-Фельде, Бау-

мейстеръ, Кругъ, Бахманъ и пр. Къ этимъ-то достопочтеннымъ и достополезнымъ Нѣмцамъ-филистерамъ, отъ которыхъ попахиваетъ кнастеромъ и пивомъ, принадлежитъ и нашъ сердитый господинъ Менцель. Спросите его, съ чего онъ взялъ, что Гёте равнодушно пропускалъ событія всемірной исторіи? Неужели, какая-нибудь кумушка-старушка, которая съ своими сосѣдками день и ночь колотила языкомъ по зубамъ, толкуя о реляціяхъ наполеоновскихъ походовъ и побѣдъ, или какой-нибудь фельетонистъ, по копѣйкѣ со строки надсаживавшій себѣ грудь громкими фразами о томъ же предметѣ, неужели они больше интересовались и глубже понимали эти великія событія, нежели великій поэтъ, который по словамъ самого Менцеля, былъ полнѣйшимъ отраженіемъ, вѣрнѣйшимъ зеркаломъ своего великаго вѣка? Кто сказалъ ему, что Гёте не останавливался въ безмолвномъ созерцаніи, полномъ любви, мысли и благоговѣнія, передъ таинственными судьбами, въ такомъ величіи совершившимися въ его глазахъ, онъ, въ которомъ все жило и который во всемъ жилъ, который все въ себѣ ощущалъ и на все откликался струнами своего духа, этой звучной арфы вселенной, этого гармоническаго органа міровой жизни?...

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна!

Неужели изъ того, что Гёте не воспѣвалъ великихъ современныхъ событій, слѣдуетъ, чтобы они не касались его, что онъ не чувствовалъ ихъ? Развѣ Гомеръ въ своей «Иліадѣ» воспѣлъ современное ему событіе, а не за два столѣтія до него совершившееся? Развѣ Шекспиръ, въ своихъ драмахъ, представилъ тоже современный ему міръ? Помилуйте, господа Менцели, только какой-нибудь школьникъ, съ тетрадкою въ

рукѣ, какой-нибудь Сен-Жюстъ могъ расписать по мѣсяцослову вдохновеніе поэта, заставивъ его въ апрѣлѣ воспѣвать дружбу, въ маѣ любовь, въ іюнѣ бракъ, а въ іюлѣ добродѣтель!... Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобы поэту нельзя было отзываться пѣснію на современныя событія; нѣтъ, это значило бы впасть въ противоположную крайность, а каждая крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа. Вдохновеніе не справляется съ календаремъ. Оно часто молчитъ, когда всѣ ожидаютъ его. Но мы однако думаемъ, что поэтъ всего менѣе способенъ отзываться на современность, которая для него есть начало безъ середины и конца, явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастія партій, и потому его вдохновеніе больше любитъ жить въ вѣкахъ минувшихъ и пробуждать исполинскія тѣни Ахилловъ и Гекторовъ, Ричардовъ и Генриховъ, или изъ нѣдръ собственнаго духа воспроизводить свои гигантскія образы, каковы—Гамлетъ, Макбетъ, Отелло. Менцель говоритъ, что новая эра, начатая французскою революціею, пробудила восторгъ въ Шиллерѣ: зачѣмъ же онъ такъ безсовѣстно умолчалъ, что если Шиллеръ съ восторгомъ привѣтствовалъ начало французской революціи, то съ отвращеніемъ смотрѣлъ на ея продолженіе и конецъ, и съ негодованіемъ отвергнулъ дипломъ на гражданина Французской республики, который предлагалъ ему Конвентъ за его трагедію «Фіеско»—очень плохенькое твореньице въ художественномъ отношеніи?... Или разсказать фактъ въ половину иногда необходимо, чтобы поддержать ложь?... И какъ понятно, что Гете не могъ поступить подобно Шиллеру, ибо Гете былъ геній несравненно высшій, геній чисто-художническій, а потому неспособный увлекаться никакими односторонностями, но обнимавшій все въ оконченной цѣлости, на все смотрѣвшій не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Вся цѣль стремленій самого Шиллера была—достигнуть мірообъемлющей объективности Гете; только при концѣ своего поприща онъ болѣе или менѣе

достигъ этого, и оттого послѣднія его произведенія и выше и глубже, чѣмъ произведеніе его юности, полной пожирающаго пламени, а вмѣстѣ съ нимъ и дыма, и чада, и угара... Что̀ могло дѣлать честь Шиллеру, то унизило бы Гете. Съ чего взялъ господинъ Менцель, что Гете долженъ былъ, подобно господамъ Арндту и Кернеру, проклинать Наполеона, какъ губителя своей отчизны?... Это еще что̀ за новость?... Когда Менцель заставляетъ Гете подражать Шиллеру—въ этомъ еще есть немножко смысла, потому что Шиллеръ все-таки былъ великій духъ, если не такой же художникъ; но заставлять, орла дѣлать то, что̀ дѣлали комары?... Для выполненія временныхъ требованій и цѣлей какой-нибудь ограниченной эпохи, есть маленькіе великіе люди, есть Арндты и Кернеры, а у истинно великихъ людей, исполиновъ человѣчества—другое время и другія цѣли—міръ и вѣчность... Съ чего взялъ Менцель, что Гете долженъ былъ сдѣлаться главою Тугендбунда, состоявшагося изъ школьниковъ и духовно-малолѣтныхъ дѣтей, и смѣшнаго для людей взрослыхъ и возмужавшихъ духомъ...

Все это показываетъ только, что Менцель не понимаетъ ни значенія, ни сущности искусства, а, взявшись говорить о томъ, чего не смыслишь, невольно будешь говорить вздоръ; если же къ этому присоединится духъ партіи и оскорбленное самолюбіе, то, вмѣсто истины, будешь изрыгать ругательства и проклятія... Изъ всего этого видно одно: Менцель золъ на Гете за то, что тотъ не хотѣлъ быть ни крикуномъ, ни начальникомъ какой-либо политической партіи, что онъ не требовалъ невозможнаго сплоченія раздробленной Германіи въ одно политическое тѣло. У генія всегда есть инстинктъ истины и дѣйствительности; что̀ есть, то для него разумно, необходимо и дѣйствительно, а что̀ разумно, необходимо и дѣйствительно, то только и есть. Поэтому, Гете не требовалъ и не желалъ невозможнаго, но любилъ наслаждаться необходимо-сущимъ. Для него необходимость раздроб-

ленности Германіи была такимъ же убѣжденіемъ и такою же вѣрою, какъ у Пушкина было убѣжденіе и вѣра, что не русское море изсякнетъ, а «славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ». Только какой-нибудь Мицкевичъ можетъ заключиться въ ограниченное чувство политической ненависти и оставить поэтическія созданія для рифмованныхъ памфлетовъ; но это-то и достаточно намекаетъ на «міровое величіе» его поэтическаго генія: Менцель вѣрно на колѣняхъ передъ нимъ, а это самая злая и ругательная критика для поэта. Наконецъ, Менцель положительно и окончательно обнаруживаетъ свой взглядъ на Гете, переводя противъ него слѣдующія слова Платона о Гомерѣ:

„Мнѣ должно наконецъ высказать мою мысль, хотя *по какой-то нѣжности къ Гомеру и застѣнчивости передъ нимъ, которыя питаю съ самой молодости,* мнѣ трудно рѣшиться говорить объ этомъ поэтѣ: ибо онъ, кажется, глава и предводитель всѣхъ хорошихъ трагическихъ стихотворцевъ. Но какъ не должно человѣка ставить выше истины, то я принужденъ высказать, что думаю. Итакъ, любезный Главконъ, если ты встрѣтишь людей превозносящихъ Гомера, которые говорятъ, что этотъ поэтъ былъ наставникомъ цѣлой Греціи, и что онъ стоитъ тщательнаго изученія, потому что отъ него можно научиться хорошо управлять дѣлами человѣческаго рода и хорошо обращаться съ ближними, что по этой причинѣ, должно располагать и вести свою жизнь сообразно съ его предписаніями: то на такихъ людей, конечно, нельзя сердиться; имъ безъ сомнѣнія, должно оказывать любовь и дружбу. Они, сколько могутъ, стараются всемѣрно быть людьми честными, нельзя также не согласиться съ ними, что Гомеръ есть геній, въ высшей степени поэтическій и глава трагическихъ поэтовъ. При этомъ надлежитъ, однако, замѣтить, что въ государствѣ не должно допускать никакихъ твореній поэзіи, кромѣ пѣснопѣній въ похвалу боговъ и въ славу доблестныхъ подвиговъ. Коль скоро ты допустишь туда нѣжную и сладостную лиру какого бы ни было рода, лирическаго и эпическаго: то произвольныя волненія, веселія или печали станутъ тамъ царствовать вмѣсто закона и ума“. (Ч. II, стр. 442—443).

Итакъ—долой Гомера, долой Шекспира, долой искусство: они вредятъ обществу! Давно бы такъ! Въ такомъ случаѣ не

для чего было нападать на Гете и писать цѣлую вздорную книгу; сказать бы прямо, коротко и ясно, долой искусство! Тогда всякій понялъ бы, что бѣдному Гете нечего дѣлать на бѣломъ свѣтѣ. Менцель, въ простотѣ ума и сердца, думаетъ что онъ сошелся съ Платономъ, не видя въ словахъ величайшаго философа-поэта древности противорѣчія съ самимъ собою, и не понимая причины этого противорѣчія. Платонъ первый открылъ своимъ геніемъ причины красоты въ самой красотѣ, назвавъ все сущее воплощеніемъ божественныхъ идей, отъ вѣка въ себѣ пребывшихъ и въ себѣ заключающихъ свою причину,—и тотъ же Платонъ уничтожаетъ міръ искусства, который есть міръ красоты!... Отчего это противорѣчіе?—Оттого, что въ древнемъ мірѣ общество уничтожало въ себѣ людей, и частнаго человѣка признавало не какъ существующаго самого по себѣ и для себя, а какъ только своего члена, свою часть и своего слугу. Тогда гражданинъ былъ выше человѣка; а какъ поэзія есть удовлетвореніе внутренней потребности духа, сознающаго и себя и міръ,— то Платонъ при всемъ своемъ геніи, и не могъ примирить этого противорѣчія, которое было примирено христіанствомъ и дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества въ исторіи. Всякая философія, въ своемъ началѣ, есть противорѣчіе, и только, свершивъ свой полный кругъ, дѣлается примиреніемъ, какъ философія нашего времени, философія Гегеля. Хотя Платонъ понималъ существующее больше какъ поэтъ, нежели какъ философъ, т. е. не діалектикою мысли, а полнотою внутренняго созерцанія, но онъ уже мыслилъ, а не творилъ, и потому разрушающая сила разсудка необходимо вошла въ его мірообъемлющія воззрѣнія, какъ начало разрушенія полной и гармонической жизни Грековъ. Это разрушеніе въ Сократѣ проявилось уже рѣзко, какъ философія разсудка, противоположная поэтическому взгляду народа-художника, за что великій мудрецъ и погибъ жертвою оскорбленнаго имъ національнаго духа, еще немогшаго сознать въ Сократѣ начало

новой для себя жизни. И посмотрите, съ какимъ уваженіемъ, съ какою любовію и какою благородною скромностію вооружается противъ Гомера этотъ великій духъ! Смотрите, какъ боится онъ обаятельной силы нѣжной и сладостной лиры: о, онъ знаетъ, что не устоялъ бы противъ ея чародѣйственнаго обольщенія, онъ въ самомъ себѣ чувствовалъ своего предателя, ежеминутно готоваго измѣнить ему! Такъ противорѣчатъ себѣ умы геніальные: только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія...

Нашъ Менцель не Платонъ: что̀ не подходитъ подъ его маленькую идею—онъ подгибаетъ подъ нее; а не гнется—онъ ломаетъ. Искусство не далось ему, не подошло подъ тѣсныя рамки его идеальнаго построенія—долой искусство—оно грѣхъ, преступленіе, безнравственность!... Вотъ такъ-то: что̀ долго думать! А другой какой-нибудь чудакъ готовъ уничтожить общество, разрушить промышленность, торговлю, словомъ, всю практическую сторону жизни, чтобы обратить людей къ исключительному служенію искусству и подѣлать изъ нихъ художниковъ и аматёровъ. Дайте имъ только возможность и силу приложить къ жизни свою теорію.—Одинъ завопитъ: «общество! все погибай, что̀ не служитъ къ пользѣ общества!», а другой зарычитъ: «искусство! все погибай, что̀ не живетъ въ искусствѣ!»... Но истинно-мудрый кротко и безъ крика говоритъ: «Да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство: то и другое есть явленіе одного и того же разума, единаго и вѣчнаго, и то и другое въ самомъ себѣ заключаетъ свою необходимость, свою причину и свою цѣль!»

Да! общество не должно жертвовать искусству своими существенными выгодами, или уклоняться для него отъ своей цѣли. Искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ. Пусть каждое идетъ своею дорогой, не мѣшая другъ другу.

Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Конелей, Талейрановъ, Кауницевъ и Меттерниховъ—участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ—созерцать «полное славы творенье» и быть его органами, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя. Иначе придется воскликнуть:

Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ!

Все велико на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, и всякій имѣетъ значеніе, силу и дѣйствительность только въ своей сферѣ, а заходя въ чуждую, дѣлается призракомъ, иногда только смѣшнымъ, иногда отвратительнымъ, а иногда смѣшнымъ и отвратительнымъ вмѣстѣ, подобно Менцелю. Можетъ-быть, Менцель былъ бы хорошимъ чиновникомъ при посольствѣ, или даже депутатомъ города или сословія, потому что, можетъ-быть, онъ въ этомъ и знаетъ что-нибудь и способенъ на что-нибудь; но онъ не можетъ быть даже и посредственнымъ критикомъ, потому что ровно ничего не смыслитъ въ искусствѣ, не имѣетъ никакого органа для принятія впечатлѣній изящнаго. Онъ судитъ объ искусствѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ, глухой о музыкѣ. Воду нельзя мѣрять саженями, а дорогу ведрами: нельзя по политикѣ судить объ искусствѣ, ни по искусству о политикѣ, но каждое должно судиться на основаніи своихъ собственныхъ законовъ.

Есть еще и другая фальшивая мѣрка для искусства—тоже принятая Менцелемъ, который, въ отношеніи къ ней, имѣлъ, имѣетъ и всегда будетъ имѣть еще болѣе подражателей. Мы говоримъ о нравственной точкѣ зрѣнія на искусство.

Это вопросъ глубокій и важный. Сколько позволяютъ предѣлы статьи, намекнемъ на его безконечное значеніе.

Нравственность принадлежитъ къ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, и въ отношеніи къ волѣ человѣка есть тоже самое, что̀ истина въ мышленіи, что̀ красота въ искусствѣ. Основаніе

нравственности лежитъ въ глубинѣ духа—источника всего сущаго. Все, что̀ выходитъ изъ однаго начала, изъ однаго общаго источника—все то родственно, единокровно и нераздѣльно въ своей сущности, хотя и различается средствомъ, путемъ и формою своего проявленія. Слѣдовательно, отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ же невозможно, какъ и разложить огонь па свѣтъ, теплоту и силу горѣнія. Но поэтому-то самому и должно раздѣлить эти два вопроса. Когда вамъ сказали, что въ каминѣ разведенъ огонь—вы вѣрно не спросите, обожжетъ ли этотъ огонь ваши руки, если вы положите ихъ на него,—и будутъ ли вамъ видны предметы, освѣщенные имъ. Такой вопросъ приличенъ только или ребенку, едва начинающему говорить, или человѣку сумасшедшему. Когда вамъ говорятъ, что женщина родила дитя—вы вѣрно не спросите есть ли у этого дитяти тѣло, или есть ли у него душа; когда онъ живъ, у него есть и душа и тѣло, ибо онъ самъ есть не что иное, какъ явившійся или воплотившійся духъ. Но вы можете сдѣлать вопросъ объ огнѣ—разведенъ ли онъ въ каминѣ, чтобы могъ и грѣть и освѣщать, или еще только разводится; а о младенцѣ—живъ ли онъ, или родился мертвымъ, или умеръ родившись. Итакъ, видите ли: вы раздѣляете два вопроса именно потому что они нераздѣлимы, что отвѣтъ на одинъ есть уже необходимо и отвѣтъ на другой, хотя бы вы другаго и не дѣлали. Такъ и въ искусствѣ: что̀ художественно, то уже и нравственно; что̀ нехудожественно, то можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ — дѣйствительно ли оно художественно. Произведеніе искусства, художественность котораго не выдержитъ высшей пробы вкуса и критики можетъ быть положительно-безнравственно, какъ оскорбляющее нравственность, и можетъ быть отрицательно-безнравственно, какъ только неоскорбляющее нравственности; но всякое истинно или дѣйстви-

тельно-художественное произведеніе не можетъ не быть положительно-нравственнымъ. Доказать, что произведеніе искусства положительно-безнравственно — значитъ, доказать, что оно положительно-нехудожественно, а для этого сперва должно разсмотрѣть его въ его собственной сферѣ, т. е. въ сферѣ искусства, и доказать изъ него же самаго, что оно нехудожественно, или, покрайней мѣрѣ, прежде вопроса о нравственности, принять это за утвержденное и очевидное. Единосущное не противорѣчитъ единосущному, и истина не раздѣляется на самое же себя, чтобы уничтожить самое же себя.

Намъ возразятъ, что наше воззрѣніе противорѣчитъ опыту, ибо есть множество произведеній искусства, которыя цѣлыми вѣками и народами признаны за художественныя, но которыя тѣмъ не менѣе безнравственны, и наоборотъ, есть множество произведеній, слабыхъ съ художественной стороны, но въ высшей степени нравственныхъ.

Для отвѣта на подобное возраженіе, имѣющее всю силу внѣшней очевидности, должно условиться въ значеніи словъ «художественное» и нравственное». Но какъ рѣшеніе подобнаго важнаго и глубокаго вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко, то и ограничимся только тѣмъ, что слегка поговоримъ о значеніи «нравственнаго», оставляя безъ разрѣшенія «художественное», какъ будто опредѣленное и всѣмъ извѣстное.

Не все то принадлежитъ къ сферѣ «нравственнаго», что́ называютъ «нравственнымъ» (Sittlichkeit), смѣшивая съ нимъ понятіе «моральнаго» (Moralität). Нравственность относится къ моральности, какъ разумный опытъ жизни къ житейской опытности, какъ высокое къ обыкновенному, трагическое къ повседневному, какъ разумъ къ разсудку, мудрость къ хитрости, искусство къ ремеслу. Жизнь человѣческая раздѣляется на будни, которыхъ въ ней много, и праздники, которыхъ въ ней мало. Въ жизни человѣка бываютъ торже-

ственныя минуты, въ которыя все — побѣда, или все—паденіе, и нѣтъ середины. Это минуты борьбы его индивидуальной особности, требующей личнаго счастія или личнаго спасенія, съ долгомъ, говорящимъ ему, что онъ вправѣ стремиться къ счастію, или спасенію, но не насчетъ несчастія или погибели ближняго, имѣющаго равное съ нимъ право и на счастіе, если оно ему представляется, и на спасеніе, если ему грозитъ бѣда. Воля человѣка свободна: онъ въ правѣ выбрать тотъ, или другой путь, но онъ долженъ выбрать тотъ, на который указываетъ ему разумъ. Если онъ послушается голоса своей личности, требующей всего себѣ, и останется спокоенъ въ духѣ своемъ — онъ будетъ правъ въ отношеніи къ самому себѣ, хотя и виноватъ въ отношеніи къ разуму, котораго законовъ онъ не въ состояніи постигать: тогда не будетъ осуществленія нравственнаго закона, за нарушеніе котораго кара внутри человѣка, но тогда, можетъ быть, осуществится только моральный законъ, за нарушеніе котораго наказаніе внѣ человѣка, какъ возмездіе гражданскаго закона, или какъ личное мщеніе со стороны оскорбленнаго. Объяснимъ это примѣромъ, который сдѣлалъ бы нашу мысль осязаемою очевидностію. Молодой человѣкъ увлекся мимолетнымъ и скоропреходящимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая могла только доставить ему нѣсколько минутъ блаженнаго упоенія, но не удовлетворить вполнѣ всѣхъ потребностей его духа, но не быть половиною души его, жизнью сердца, — словомъ, которая могла быть только его любовницею; но не женою. Теперь положимъ, что эта дѣвушка, не имѣя такой глубокой натуры, какъ онъ, и будучи ниже его и своими понятіями, чувствованіями, потребностями, и образованіемъ, тѣмъ не менѣе была бы существомъ, достойнымъ всякаго уваженія, могла бы составить счастіе цѣлой жизни равнаго себѣ по натурѣ и образованію человѣка, быть вѣрною, любящею женою и матерью, уважаемою въ обществѣ женщинъ. Дѣвушка эта не видя и не по-

нимая своего духовнаго неравенства съ этимъ молодымъ человѣкомъ, однакожъ любитъ его страстно; предана ему до самоотверженія, до безумія, и уже мать его дитяти. Она не подозрѣваетъ и возможности конца своему счастію, ея любовь все сильнѣе и сильнѣе; а онъ уже просыпается отъ сладкаго упоенія страсти, онъ уже съ ужасомъ не находитъ въ себѣ прежней любви, онъ уже не въ силахъ отвѣчать на ея горячія лобзанія, на ея ласки, прежде столь обаятельныя, столь могучія для него... Она вся любовь, упоеніе, нѣга; онъ весь тяжелая дума, тревожное безпокойство. Наконецъ, ему нѣтъ больше силъ притворяться, тяжело ее видѣть, страшно о ней вспомнить. А между тѣмъ, какъ бы на зло самому себѣ, какъ бы для усугубленія своихъ страданій, онъ понимаетъ всѣ ея достоинства, цѣнитъ всю ея любовь и преданность къ нему, даже видитъ въ ней больше, нежели, чтò она есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ проклинаетъ и презираетъ себя, не видитъ въ мірѣ никого гнуснѣе и преступнѣе себя; онъ называетъ себя обманщикомъ, воромъ, подло укравшимъ любовь и честь женщины; о прошлыхъ своихъ увѣреніяхъ и клятвахъ любви онъ вспоминаетъ какъ объ умышленномъ, обдуманномъ вѣроломствѣ, забывъ, что, въ то время восторговъ и упоеній, онъ говорилъ и клялся искренно, горячо вѣрилъ дѣйствительности своего чувства. Отчего же этотъ внутренній раздоръ, отчего это внутреннее раздвоеніе съ самимъ собою, этотъ жгучій огонь въ груди, эта мука, эта пытка души?... Вѣдь эта дѣвушка только тихо плачетъ, безмолвно изнываетъ въ безотрадной тоскѣ отвергнутаго и оскорбленнаго чувства? Вѣдь она не грозитъ ему законами, не преслѣдуетъ его упреками, не безпокоитъ его требованіями, и потому страшная тайна останется между ими, и ему нечего страшиться ни мщенія гражданскаго закона, ни даже суда общественнаго мнѣнія?—Но отъ всѣхъ этихъ утѣшеній его страданія только глубже и мучительнѣе: безропотное страданіе жертвы возбуждаетъ въ немъ только боль-

шее уваженіе къ ней и бо́льшее презрѣніе къ себѣ; а безопасность внѣшняго наказанія только больше увеличиваетъ въ его глазахъ собственное преступленіе. Отчего же это?—Оттого, что сердце этого молодаго человѣка есть почва, въ которую законъ нравственнаго духа такъ глубоко пустилъ свои корни, что онъ можетъ ихъ вырвать только съ кровію и тѣломъ, а слѣдовательно и съ потерею собственной жизни. Онъ оскорбилъ не ходячія нравственныя сентенціи: онъ оскорбилъ достоинство собственнаго духа, нарушилъ незримо, но ощутительно пребывающія въ его сущности законы его же собственнаго разума. Что́ же ему остается дѣлать? Жениться на ней—скажете вы? Но для такихъ людей чувствовать подлѣ себя біеніе сердца, трепещущаго любовію, чувствовать сжатіе чьихъ-то горячихъ объятій, и оставаться холоднымъ, мертвымъ... ужасно!... Для трупа объятія живаго существа то же, что́ для живаго существа объятія трупа... Когда мы не связаны съ существомъ, на любовь котораго не можемъ отвѣчать, мы уважаемъ его, сострадаемъ ему, плачемъ и молимся о немъ; но когда мы связаны съ нимъ неразрывными узами брака и его страстная любовь вызываетъ нашу, которой въ насъ нѣтъ, мы отвѣчаемъ ему на нее ненавистію... Что̀ же тутъ дѣлать?... Иногда подобныя трагическія столкновенія разрѣшаются просто, во вкусѣ мѣщанской драмы: красавица пострадаетъ, а потомъ допуститъ утѣшить себя другому, который заставитъ ее забыть горе для радости; но что́, ежели въ то время, какъ онъ борется съ собою и носитъ въ душѣ своей адъ, въ самомъ разгарѣ этой безвыходной борьбы, до слуха его дойдетъ страшная вѣсть, что она умерла, благословляя его, и его имя было ея послѣднимъ словомъ?... Неужели послѣ этого для него возможно счастіе на землѣ? А если и возможно, неужели на немъ не будетъ какого-то мрачнаго оттѣнка? Неужели въ часы упоенія любви, изъ-за того юнаго, прекраснаго и полнаго жизни существа, которое такъ рос-

кошно осѣнило лице его волнами длинныхъ локоновъ, ему не будетъ иногда являться какой-то блѣдный, страдальческій призракъ, съ любовію въ очахъ, съ благословеніемъ на устахъ?... Изъ той же возможности могла родиться и другая дѣйствительность: онъ могъ, идя по улицѣ, увидѣть толпу народа около какого-то трупа женщины, сейчасъ вытащеннаго изъ рѣки... Страшно!... Человѣческая природа содрагается передъ такимъ бѣдствіемъ.... Что же значитъ это бѣдствіе? Вѣдь онъ могъ не признать трупа, могъ пройдти мимо, не боясь мщенія закона?... Нѣтъ, есть другой законъ, еще ужаснѣе закона гражданскаго, законъ внутренній, въ немъ самомъ пребывающій, законъ нравственности,—и этотъ-то законъ караетъ его. Бывали примѣры, что преступники, убійцы являлись въ судъ и признавались въ преступленіяхъ, давно совершенныхъ, давно забытыхъ, въ которыхъ ихъ и тогда никто не подозрѣвалъ, и какъ облегченія своихъ страданій, просили казни. Видите ли, какой страшный законъ, этотъ нравственный законъ, и какъ страшно его наказаніе: самая казнь, въ сравненіи съ нимъ, есть облегченіе, милость!... Но, повторяемъ, онъ не для всѣхъ существуетъ, потому что онъ въ духѣ человѣка, а не внѣ его, и въ духѣ только глубокомъ и могучемъ... Обратимся къ нашей исторіи. Она могла бы кончиться и не такъ эффектно, но не менѣе ужасно. Молодой человѣкъ могъ бы рѣшиться пожертвовать собою для искупленія своей вины,—страшная рѣшимость! Но что, еслибы онъ услышалъ такой отвѣтъ на свое великодушное предложеніе: «я хочу любви, а не жертвы: я лучше умру, нежели быть въ тягость тому, кого люблю?»... Вотъ тутъ уже совершенно нѣтъ выхода изъ двухъ крайностей: и себя погубилъ и ее погубилъ... А между тѣмъ, эта погибель совсѣмъ не внѣшняя, не случайная, но есть осуществленіе возможности, которую онъ самъ же родилъ своимъ поступкомъ. Мы выше сказали, что дѣло точно такъ же могло кончиться очень хорошо для обѣихъ сторонъ, какъ кончилось

худо: изъ этого видно, что сущность дѣла не въ совершеніи, а въ возможности совершенія. Проступокъ оскорблялъ нравственный законъ, слѣдовательно, необходимо условливалъ возможность наказанія, хотя оно могло бы и миновать. Итакъ, въ «возможности» лежитъ внутренняя, дѣйствительная сторона событія, потому что только внутреннее дѣйствительно, и только дѣйствительное велико. Отсюда важность и трагическое величіе осуществленія нравственнаго закона. Кончилась эта исторія хорошо—и молодой человѣкъ счастливъ, и никто бы не осудилъ его, кончилось оно дурно—и всѣ голоса противъ него...

Но есть люди, которыхъ совѣсть сговорчивѣе, которые боятся суда уголовнаго, но не боятся суда духовнаго...

Главное и существенное различіе нравственности отъ моральности состоитъ въ томъ, что первая есть законъ разума, въ таинственной глубинѣ духа пребывающій, а послѣдняя всегда бываетъ разсудочнымъ понятіемъ о нравственности же, но только людей не глубокихъ, внѣшнихъ, неносящихъ въ нѣдрахъ своего духа закона нравственности, а между тѣмъ чувствующихъ его необходимость. Поэтому, нравственность есть понятіе обще міровое, непреходящее, безусловное (абсолютное), а моральность часто бываетъ понятіемъ условнымъ, измѣняющимся. Было время, когда воинъ, пролившій за отечество лучшую часть своей крови, покрытый ранами и честными знаками отличій, обнаружилъ бы себя въ глазахъ общества безчестнымъ человѣкомъ, еслибы отказался отъ дуэли съ какимъ-нибудь мальчишкою-негодяемъ, и особенно, еслибы, по христіанскому чувству, простилъ ему оскорбленіе. И такъ думали во имя нравственности, которую, по счастію, очень удачно замѣнили французскимъ словомъ moralité!... Моральность относится къ низшей или практической сторонѣ жизни, равно какъ и вытекающее изъ нея понятіе о чести; но тѣмъ не менѣе и она есть истина, когда не противорѣчитъ нравственности, — и кто нравственъ, тотъ необходимо и мора-

ленъ и честенъ, но не наоборотъ, ибо иногда самые моральные, и честные, и благородные, въ силу общественнаго мнѣнія, люди, бываютъ самыми безнравственными людьми.

Тѣ, которые смотрятъ на искусство съ нравственной точки зрѣнія, обыкновенно смѣшиваютъ нравственность съ моральностію, а какъ моральныя понятія зависятъ отъ ограниченной личности случайнаго произвола каждаго, то каждый и судитъ по своему о произведеніяхъ искусства, требуя отъ нихъ то того, то другаго, но никогда не требуя именно того, чего должно отъ нихъ требовать. Исключительность и односторонность господствуютъ въ этомъ взглядѣ. Чего не понимаетъ господинъ моралистъ, или господинъ резонёръ, то и объявляетъ безнравственнымъ. Эти моралисты-резонёры хотятъ видѣть въ искусствѣ не зеркало дѣйствительности, а какой-то идеальный, никогда не существовавшій міръ, чуждый всякой возможности, всякаго зла, всякихъ страстей, всякой борьбы, но полный усыпительнаго блаженства и резонёрскаго нравоученія; требуютъ не живыхъ людей и характеровъ, а ходячихъ аллегорій съ ярлычками на лбу, на которыхъ было бы написано: умѣренность, аккуратность, скромность и т. п. Вслѣдствіе такого прекраснаго взгляда на сущность жизни, романъ, поэма, драма непремѣнно должны кончиться счастливо для «добродѣтельныхъ», дабы всѣ видѣли, что «добродѣтель награждается», и несчастно для порочныхъ, дабы всѣ видѣли, что «порокъ наказывается». Близорукіе и косые, они не понимаютъ, что добродѣтель всегда награждается и зло всегда наказывается, но только внутренно; а внѣшнимъ образомъ торжество чаще остается за зломъ, нежели за добромъ. Они не понимаютъ, что добро есть лучшая награда за добро, и зло жесточайшее наказаніе за зло. Въ душѣ человѣка и его небо и его адъ. Прочтите, напр., высоко-художественное созданіе Вальтеръ-Скотта «Ламмермурскую Невѣсту»—эту великую трагедію, достойную генія самого Шекспира, эту высоко-поразительную картину, въ формѣ

романа, осуществившую трагическую борьбу, разрѣшившуюся въ торжество нравственнаго закона. Мать губитъ собственную дочь для удовлетворенія своей суетности и грѣховныхъ побужденій холодной и искаженной души; обманомъ и хитростію разрываетъ она святой духовный союзъ юнаго дѣвственнаго существа съ избраннымъ ея сердца, съ родною ей душою. Бѣдную, кроткую дѣвушку увѣрили, что милый измѣнилъ ей, что жданный и желанный не придетъ уже къ ней, и указали безотвѣтной жертвѣ на чуждаго ей человѣка, какъ на жениха, а молчаніе ея умышленно приняли за согласіе. И вотъ коварство и злоба восторжествовали: брачный контрактъ уже подписанъ безотвѣтною жертвою, священникъ уже тутъ, а милый сердца далеко, далеко, за синимъ моремъ, на чужой землѣ, подъ чуждымъ небомъ... Резонёры готовы вопіять противъ поэта, говоря, что онъ сдѣлалъ зло сильнымъ и торжествующимъ, а добро немощнымъ и погибающимъ... Но вотъ раздается на дворѣ за̀мка топотъ коня—и въ залу входитъ человѣкъ, закрытый плащомъ и шляпою... Вотъ онъ открываетъ лице—и мать въ бѣшенствѣ бросается къ нему съ вопросомъ: какъ онъ осмѣлился нанести ихъ дому это новое оскорбленіе?.., Видите ли: зло покарало зло—нравственный законъ осуществился; коварство, такъ глубоко обдуманное, такъ легко и непредвидѣнно разрушилось... Братъ Люсіи вызываетъ его на дуэль, женихъ тоже; онъ не отказывается, но спокойно проситъ у матери позволенія объясниться съ дочерью... «Ваша ли рука это, Люсія? безъ принужденія ли вы подписали этотъ контрактъ?»—Люсія блѣднѣетъ и умирающимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Безъ принужденія»... Отчего же она поблѣднѣла? Оттого, что и на ней совершилось осуществленіе нравственнаго закона, и она наказана за вину собственною виною, ибо въ миломъ сердца своего увидѣла своего грознаго судію. Она не имѣла права подписывать контракта и нести чуждому ей человѣку холодную душу, мертвое сердце, блѣдное лице и потухшія очи,

ибо и церковь, освящающая своимъ благословеніемъ союзъ сердецъ, изрекаетъ его только на условіи свободнаго выбора сердца; повиновеніе волѣ родительской не есть причина для нарушенія воли Божіей: Богъ выше родителей!... «Такъ возвратите же мнѣ половину моего кольца, Люсія»... Она тщетно силилась дрожащею рукою вынуть шнурокъ, на которомъ хранилось на груди кольцо; мать помогаетъ ей, и Равенсвудъ бросаетъ обѣ половинки переломленнаго кольца въ каминъ и тихо выходитъ... Долго ѣхалъ онъ шагомъ, но лишь изчезъ изъ глазъ смотрѣвшихъ на него враговъ, какъ молніею помчался на своемъ конѣ. Леди Астонъ снова восторжествовала; вотъ конченъ и обрядъ; вотъ тянется отъ церкви къ замку блестящій поѣздъ, и три вѣдьмы, три нищія толкуютъ между собою о событіи, а одна пророчитъ близкія похороны. Вотъ начался и балъ; онъ уже во всемъ разгарѣ; но вдругъ въ спальнѣ новобрачныхъ раздается вопль... выламываютъ дверь: новобрачный лежитъ на постели съ перерѣзаннымъ горломъ, а сумасшедшую новобрачную едва нашли въ каминѣ, и черезъ два дня новый поѣздъ отъ замка къ церкви, и отъ церкви къ замку... Поздравляемъ васъ, гордая и благородная леди Астонъ! вы побѣдили, вы торжествуете, вы поставили на своемъ; вы даже пережили и мужа, и всѣхъ дѣтей, и того, кто одинъ могъ сдѣлать счастливою дочь вашу, вы остались однѣ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ надгробный памятникъ нѣсколькихъ вырытыхъ вами могилъ; говорятъ, что вы держали себя все такою же гордою, такою же непреклонною, какъ и прежде, что никто не слышалъ отъ васъ ни стона, ни жалобы, ни раскаянія; но къ этому прибавляютъ, что на вашемъ благородномъ и гордомъ лицѣ читали что-то другое, нежели что хотѣли вы показать, и что ваше присутствіе оледеняло улыбку на лицѣ младенца, умерщвляло всякую радость, всякое чувство человѣческое, и оцѣпеняло души людей, какъ появленіе мертвеца или страшнаго призрака... И вотъ въ чемъ торжество нравственности, а не въ счастливой

развязкѣ!... Поэту нужно было показать, а не доказать,— въ искусствѣ что̀ показано, то уже и доказано. Поэту не нужно было излагать своего мнѣнія, которое читатель и безъ того чувствуетъ въ себѣ по впечатлѣнію, которое произвелъ на него разсказъ поэта. Моральныя сентенціи и правоученія со стороны поэта только ослабили бы силу впечатлѣнія, которое одно тутъ и нужно и дѣйствительно. Да! въ дѣйствительности зло часто торжествуетъ надъ добромъ, но вѣчная Любовь никогда не оставляетъ чадъ своихъ: когда страданіе переполняетъ чашу ихъ терпѣнія, является успокоительный ангелъ смерти, и братскимъ поцѣлуемъ освобождаетъ «добрыхъ» отъ бурной жизни, и кроткою рукою смежаетъ ихъ очи, и мы читаемъ на просіявшемъ лицѣ страдальцевъ тихую улыбку, какъ будто уста ихъ, договаривая свою теплую молитву прощенія врагамъ, привѣтствуютъ уже тотъ новый миръ блаженства, предощущеніе котораго они всегда носили въ себѣ... И надъ ихъ могилою совершается торжество примиренія: человѣчество благословляетъ ихъ память, и повѣстію о ихъ страданіяхъ не возмущается противъ жизни, а мирится съ нею въ умиленномъ сердцѣ, и укрѣпляется въ силѣ великодушно бороться съ бурями бѣдствій. А злые? Страшно ихъ торжество и только безсмысленные могутъ завидовать ему... Но резонёры говорятъ свое—ихъ ничѣмъ не увѣришь, потому что они чужды духа и духъ чуждъ ихъ; они понимаютъ одно внѣшнее и безсильны заглянуть въ таинственную лабораторію чувствъ и ощущеній; они готовы любить добро, но за вѣрную мзду въ здѣшней жизни, и мзду земными благами. Они громче всѣхъ кричатъ о Богѣ, —но потребуй отъ нихъ Богъ жертвы, пошли на нихъ тяжкое испытаніе—они перейдутъ на сторону Ваала и поклоняться до земли тельцу златому...

Все, что̀ есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, проникните съ любовію къ ея материнской груди, прислушайтесь къ біенію ея сердца—и уви-

дите ея въ безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ противорѣчіи удивительную гармонію. Кто можетъ найдти хоть одну погрѣшность, хоть одинъ недостатокъ въ твореніи предвѣчнаго Художника? Кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка ненужна, это животное лишнее? Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно-дѣйствителенъ, то неужели высшій его—міръ исторіи есть не такое же разумно-дѣйствительное развитіе божественной идеи, а какая-то безсвязная сказка, полная случайныхъ и противорѣчащихъ столкновеній между обстоятельствами?... И однакожъ, есть люди, которые твердо убѣждены, что все идетъ въ мірѣ не такъ, какъ должно. Мы выше сего указывали на этихъ людей, представителемъ которыхъ можетъ служить Менцель. Отчего они заблуждаются? Оттого, что свою ограниченную личность противопоставляютъ личности Божіей; оттого, что безконечное царство духа мѣряютъ маленькимъ масштабомъ своихъ моральныхъ положеній, которыя они ошибочно принимаютъ за нравственныя. Посмотрите, какъ они судятъ историческія лица: забывая въ нихъ историческихъ дѣятелей, представителей человѣчества, они впиваются, подобно піявкамъ, въ ихъ частную жизнь, и ею силятся опровергнуть ихъ историческое величіе. Какое имъ дѣло до личнаго характера какого нибудь Талейрана? Можетъ-быть, этого человѣка и во многомъ осудитъ его духовникъ—единственный призванный и признанный судія его совѣсти; но они-то, эти моральные-то люди, развѣ они сами свободны отъ этого суда? Не лучше ли имъ было бы судить Талейрана какъ государственнаго человѣка, по мѣрѣ его вліянія на судьбу Франціи, оставивъ частнаго человѣка, не имѣющаго права на мѣсто въ исторіи? Удивительно ли послѣ этого, что исторія у нихъ является то сумасшедшимъ, то смирительнымъ домомъ, то темницею, наполненною преступниками, а не пантеономъ славы и безсмертія, полнымъ ликовъ представи-

телей человѣчества, выполнителей судебъ Божіихъ. Хороша исторія!... Такіе кривые взгляды, иногда выдаваемые за высшіе, происходятъ отъ разсудочнаго пониманія дѣйствительности, необходимо, соединеннаго съ отвлеченностью и односторонностію. Разсудокъ умѣетъ только отвлекать идею отъ явленія и видѣть одну какую-нибудь сторону предмета; только разумъ постигаетъ идею нераздѣльно съ явленіемъ и явленіе нераздѣльно съ идеею, и схватываетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ, повидимому одна другой противорѣчащихъ и другъ съ другомъ несовмѣстныхъ,—схватываетъ его во всей его полнотѣ и цѣльности. И потому разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что̀ есть, все то и необходимо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народъ хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него, дурны, что такая-то эпоха въ исторіи народа или человѣка хороша, а такая-то дурна, но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся. Для него возникновеніе и паденіе царствъ и народовъ не случайно, а внутренно-необходимо, и самая эпоха римскаго разврата есть не предметъ осужденія, а предметъ изслѣдованія. Онъ не скажетъ съ какимъ-нибудь Волтеромъ, что крестовые походы были плодомъ невѣжества и предпріятіемъ нелѣпымъ и смѣшнымъ, но увидитъ въ нихъ разумно-необходимое, великое и поэтическое событіе, совершившееся въ свою пору и свое время, и выразившее моментъ юности человѣчества, какъ всякой юности, исполненной благородныхъ порывовъ, безкорыстныхъ стремленій и идеальной мечтательности. Такъ же точно смотритъ разумъ и на всѣ явленія дѣйствительности, видя въ нихъ необходимыя явленія духа. Блаженство и радость, страданіе и отчаяніе, вѣра и сомнѣніе, дѣятельность и бездѣйствіе, побѣда и паденіе, борьба, раздоръ и примиреніе, торжество страстей и торжество духа, самыя преступленія, какъ бы они ни были

ужасны, все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимые моменты духа, или уклоненія его отъ нормальности, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Но разумъ не остается только въ этомъ объективномъ безпристрастіи: признавая всѣ явленія духа равно необходимыми, онъ видитъ въ нихъ безполезную лѣстницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно, отъ земли къ небу, и въ которой ступени прогрессивно возвышаются одна надъ другою.

Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи поэзія и нравственность тождественны. Произведенія неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляютъ отвратительныя картины прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, отцеубійства и сыноубійства; но потому что они съ особенною любовію останавливаются на этихъ картинахъ и, отвлекая отъ полноты и цѣлости жизни только эти ея стороны, дѣйствительно ей принадлежащія, исключительно выбираютъ ихъ. Но такъ какъ въ этомъ выборѣ, уже ложномъ по своей односторонности, литературные санкюлоты руководствуются не требованіями искусства, которое само для себя существуетъ, а для подтвержденія своихъ личныхъ убѣжденій, то ихъ изображенія и не имѣютъ никакого достоинства вѣроятности и истины, тѣмъ болѣе, что они съ умысломъ клевещутъ на человѣческое сердце. И въ Шекспирѣ есть тѣ же стороны жизни, за которыя неистовая литература такъ исключительно хватается, но въ немъ онѣ не оскорбляютъ ни эстетическаго, ни нравственнаго чувства, потому что, вмѣстѣ съ ними, у него являются и противоположныя имъ, а главное, потому что онъ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть.

Искусство издавна навлекло на себя нападки и ненависть

моралистовъ, этихъ вампировъ, которые мертвятъ жизнь холодомъ своего прикосновенія и силятся заковать ея безконечность въ тѣсныя рам[illegible] и клѣточки своихъ разсудочныхъ, а не разумныхъ опредѣленій. Но изъ всѣхъ поэтовъ, Гёте наиболѣе возбуждалъ ихъ ожесточеніе. Геній и безнравственность — его неотъемлемыя качества въ ихъ глазахъ. Въ Менцелѣ эта моральная точка зрѣнія на искусство нашла полнѣйшаго своего выразителя и представителя. Причина очевидна: Гете былъ духъ во всемъ жившій и все въ себѣ ощущавшій своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ, слѣдовательно— неспособный предаться никакой односторонности, ни пристать ни къ какому исключительному ученію, системѣ, партіи. Онъ многостороненъ, какъ природа, которой такъ страстно сочувствовалъ, которую такъ горячо любилъ и которую такъ глубоко понималъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ природа противорѣчива, а слѣдовательно и безнравственна, по воззрѣнію резонёровъ: у полюсовъ она дышетъ хладомъ и смертію зимы, а подъ экваторомъ сожигаетъ изнурительною теплотою; на сѣверѣ она скупа на свои дары и заставляетъ человѣка все брать трудомъ, кровавымъ потомъ и вѣчною борьбой съ собою, а на югѣ щедра дарами, но богата и смертоносными заразами, ядовитыми гадами и свирѣпыми звѣрями; въ срединѣ Африки она раметнулась безбрежною степью—цѣлымъ океаномъ песка, гибельнаго для путешественниковъ, а въ Голландіи явилась топкимъ болотомъ... Слѣдовательно, въ одномъ мѣстѣ она говоритъ одно, а въ другомъ утверждаетъ совсѣмъ противное; какая, право, безнравственная! Таковъ и Гете—ея вѣрное зеркало. Во дни своей кипучей юности, обвѣянный духомъ художественной древности и обаянный роскошью природы и жизни поэтической Италіи, онъ писалъ «Римскія элегіи», этотъ дивный апотеозъ древней жизни и древняго искусства, и въ то же время воскресилъ въ своемъ «Гёцѣ» жизнь рыцарской Германіи, свелъ съ ума всю Европу повѣстію о «Страданіяхъ

Вертера» и создалъ въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» апотеозъ человѣка, который ничего полезнаго не дѣлаетъ на бѣломъ свѣтѣ, и живетъ только для того, чтобы наслаждаться жизнію и искусствомъ, любить, страдать и мыслить. Потомъ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, онъ въ «Прометеѣ» воспроизвелъ художнически моментъ возстанія сознающаго духа противъ непосредственности на вѣру признанныхъ положеній и авторитетовъ, а въ «Фаустѣ»—жизнь субъективнаго духа, стремящагося къ примиренію съ разумною дѣйствительностію путемъ сомнѣнія, страданій, борьбы, отрицаній, паденія и возстанія, по подлѣ него помѣстилъ Маргариту, идеалъ женственной любви и преданности, покорную и безропотную жертву страданія, смерть которой была для нея спасеніемъ и искупленіемъ ея вины, въ христіанскомъ значеніи этого слова... Уловить Гете въ какое-нибудь коротенькое опредѣленіе трудновато и не для Менцеля, Менцель и осердился на него и назвалъ его чѣмъ-то въ родѣ безнравственной безличности.

Нашлось много людей, которые, въ простотѣ ума и сердца воскликнули:

> Ай, моська! Знать она сильна,
> Коль лаетъ на слона!

и промѣняли слона на моську...

Чтобы унизить Гёте, Менцель противопоставляетъ ему Шиллера, не какъ художника, а какъ человѣка «отличнѣйшаго поведенія». Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!... Чтобы сдѣлать Гёте образцомъ безнравственности, Менцель призналъ въ Шиллерѣ образъ нравственности. И Шиллеръ въ самомъ дѣлѣ былъ духъ столь же великій, сколько и нравственный: величіе и нравственность нераздѣльны какъ теплота и свѣтъ въ огнѣ. Кто грѣшилъ противъ нравственности, стремясь къ нравственности—тотъ нравственнѣе того, который родился и умеръ нравственнымъ; точно такъ же, кто

заблуждался въ истинѣ, стремясь къ истинѣ, больше любитъ истину, нежели тотъ, который родился и умеръ правымъ противъ нея. Какъ благородные порывы пламенной, неистощимой любви къ человѣчеству, первыя произведенія Шиллера, каковы: «Разбойники», и «Коварство и Любовь», нравственны; но въ отношеніи къ безусловной истинѣ и высшей нравственности, они рѣшительно безнравственны. Въ нихъ онъ хотѣлъ осуществить вѣчныя истины,—и осуществилъ свои личныя и ограниченныя убѣжденія, отъ которыхъ потомъ самъ отказался. Такъ какъ онъ въ нихъ задалъ себѣ задачу и назначилъ цѣль внѣ искусства, то изъ нихъ и вышли поэтическіе недоноски и уроды, явленія совершенно-ничтожныя въ области искусства, хотя и великія въ сферѣ феноменологіи духа. Истинно-художественное произведеніе возвышаетъ и расширяетъ духъ человѣка до созерцанія безконечнаго, примиряетъ его съ дѣйствительностію, а не возстановляетъ противъ нея,—и укрѣпляетъ его на великодушную борьбу съ невзгодами и бурями жизни. Искусство достигаетъ этого тогда только, когда въ частныхъ явленіяхъ показываетъ общее и разумно-необходимое, и когда представляетъ ихъ въ объективной полнотѣ, цѣлости и оконченности, замкнутыми въ самихъ себѣ. Если въ трагедіи гибель и смерть ея героевъ явилась какъ внутренняя необходимость изъ ихъ характеровъ и дѣйствій, какъ разрѣшеніе ими же произведенной дизгармоніи въ гармонической сферѣ духа, для осуществленія нравственнаго закона,—мы примиряемся съ нею, и умиленною душою предаемся тихой и глубокой думѣ о поразительномъ урокѣ; но когда гибель и смерть героевъ трагедіи является вслѣдствіе страсти поэта къ ужаснымъ и поражающимъ эффектамъ, какъ у какого нибудь Гюго́, или по другой, внѣшней, случайной, а слѣдовательно, и безсмысленной причинѣ,—это возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и омерзѣніе, какъ зрѣлище казни или пытки. Такъ точно и страданія субъективнаго духа могутъ быть предметомъ искус-

ства, а слѣдовательно и не оскорблять нравственности, если они изображены объективно, просвѣтлены мыслію, свидѣтельствующею о разумной необходимости ихъ явленія. Но когда они суть вопли самаго поэта, то и не могутъ быть художественны, ибо кто вопитъ отъ страданія, тотъ не выше своего страданія, — слѣдовательно и не можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ собою, слѣдовательно и не можетъ быть предметомъ искусства. Гёте, въ своемъ «Вертерѣ», по собственному признанію, выразилъ моментальное состояніе своего духа, тяжко страдавшаго; «Вертеромъ», по собственному же его признанію, онъ и вышелъ изъ своего мучительнаго состоянія. И вотъ истинная причина, почему чтеніе «Вертера» производитъ на душу то же тяжкое, дизгармоническое впечатлѣніе, не услаждая, а только терзая ее; вотъ почему «Вертеръ» и представляется чѣмъ-то не полнымъ, какъ бы неоконченнымъ. Это не художественное произведеніе, а рѣжущій, скрипучій диссонансъ духа. Поэтому, если онъ не есть безнравственное произведеніе то и нисколько не есть нравственное произведеніе; Гёте измѣнилъ въ немъ самому себѣ, явился невѣрнымъ своей художнической натурѣ. Но кто же поставитъ ему въ вину то, что онъ на минуту не понялъ самого себя и изъ художника явился человѣкомъ?... И неужели одинъ неудачный опытъ можетъ затмить такую богатую и обширную художническую дѣятельность!...

Никакой человѣкъ въ мірѣ не родится готовымъ, т. е. вполнѣ сформировавшимся; но вся жизнь его есть не что иное, какъ безпрерывно-движущееся развитіе, безпрестанное формированіе. Истина не дается ему вдругъ: чтобы достичь ея, онъ будетъ сомнѣваться, впадать въ ложь и противорѣчіе, страдать и падать. «Дорого да мило, дешево да гнило!» говоритъ мудрая русская пословица. Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе и его заблужденіе,

его противорѣчія и отрицанія, тѣмъ рѣзче его переходы отъ одного убѣжденія къ другому. Но есть люди, какъ бы родящіеся съ готовыми понятіями, люди, которые въ старости думаютъ и понимаютъ точно такъ же, какъ думали и понимали въ дѣтствѣ. Это натуры бѣдныя и жалкія, равнодушныя къ истинѣ и чуждыя всякаго духовнаго движенія, умы мелкіе и ограниченные. Вотъ отъ этихъ-то духовно-малолѣтныхъ вы всегда и слышите забавно-самолюбивое возраженіе: «какъ, не вы ли тогда-то думали совершенно иначе, а теперь говорите совсѣмъ другое?—стало быть, вы ошибаетесь». Къ такимъ-то натурамъ принадлежитъ и Менцель: онъ родился совершенно готовымъ, и въ одномъ мѣстѣ своей книги съ препотѣшною гордостію ставитъ себѣ въ великую заслугу, что никогда не измѣнялъ своихъ убѣжденій. Для поэта другой ходъ въ движеніи истины, чѣмъ для людей обыкновенныхъ: безъ борьбы и противорѣчій, руководимый полнотою своей ясновидящей натуры, переходитъ онъ съ лѣтами отъ низшихъ явленій жизни къ высшимъ, отъ «Руслана и Людмилы» доходитъ до «Бориса Годунова» или «Каменнаго Гостя». Менцель этого не понимаетъ,—и, посмотрите, какъ растолковано это дивно-поэтическое признаніе великаго художника:

Die Feinde, sie bedrohen dich,
Das mehrt von Tag zu Tage sich,
Wie dir doch gar nicht graut!
Das seh ich alles unbewegt,
Sie zerren an der Schlangenhaut
Die jüngst ich abgelegt;
Und ist die nachste reif genug,
Abstreif ich die sogleich
Und wandle neu belebt und jung
Im frischen Götterreich [1]).

---

[1]) Тебѣ грозятъ твои враги, и съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается. Какъ ты не боишься! Я смотрю на все это хладнокровно; они терзаютъ ту кожу, которую я недавно сбросилъ съ себя; коль скоро замѣнившая ее достаточно созрѣетъ—я и эту сброшу немедленно; обновленный, помолодѣвъ опять, явлюсь въ вѣчно-цвѣтущемъ царствѣ боговъ.

Менцель это объясняетъ тѣмъ, что для Гете не было ничего святаго и завѣтнаго, что онъ всѣмъ забавлялся... Угадалъ!... Менцель, впрочемъ не до конца прогнѣвался на Гете: онъ не отнимаетъ у него огромнаго таланта—внѣшней поэтической формы безъ всякаго содержанія... О, почтенный нѣмецкій филистеръ! какъ пристала бы къ нему мандаринская шапка съ тремя желтенькими шариками, при его собственныхъ ушахъ!.... Чтобъ быть критикомъ, надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясновидѣніе всего, что́ составляетъ содержаніе искусства; надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго. Мы не можемъ понимать и знать ничего такого, что́ не лежитъ, какъ возможность, въ сокровенныхъ тайникахъ нашего духа. Наука развиваетъ только данное намъ природою, и внѣ себя мы только узнаемъ находящееся въ насъ. Нѣсколько друзей пошло въ картинную галлерею, и всѣ остановились передъ «Мадонною» Рафаэля, какъ вдругъ одинъ вскричалъ съ восхищеніемъ: «славная рама! я думаю, рублей пятьсотъ стоитъ!» Растолкуйте же ему, что какъ бы ни хороша была эта рама, хотя бы она стоила милліоновъ, хотя бъ была сдѣлана изъ цѣльнаго алмаза—и тогда была бы грошовою вещію въ сравненіи съ картиною, которая въ нее вставлена... Растолкуйте Менцелю, или Менцелямъ, что, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія, т. е. мысли, которая есть духъ жизни, ставшій въ нихъ видимою, очевидною дѣйствительностію, и что ей-то и одолжены эти прекрасныя формы и своею обаятельною красотою, и своею вѣчно-юною жизнію, и своимъ неотразимымъ и сладостнымъ могуществомъ надъ душою людей!...

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. Спб. 1839.*

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
„Горе отъ Ума“.

Было время, когда теорія искусства представлялась съ математической точностію, такъ что для постиженія искусства не нужно было имѣть отъ природы чувства изящнаго, а слѣдовательно и развивать его наукою и ученіемъ. Стоило присѣсть начасокъ, да прочесть любую піитику — и потомъ разсуждать объ искусствѣ вдоль и поперегъ. Въ этихъ піитикахъ основою была — идея искусства, какъ подражанія природѣ, съ приличными, впрочемъ, украшеніями, въ родѣ мушекъ, бѣлилъ и румянъ, или въ родѣ подстриженныхъ аллей регулярнаго сада. Объяснивъ такъ премудро и такъ глубоко значеніе искусства, приступали къ раздѣленію его на роды. Поэзія раздѣлялась на лирическую, эпическую, драматическую, дидактическую, описательную, эпистолярную, пастушескую, сатирическую, эпиграмматическую, и проч. и проч., — всего не перечтешь. На чемъ основывалось это раздѣленіе? — На внѣшнихъ признакахъ, на условной формѣ, существовавшей отвлеченно отъ идеи, изъ которой необходимо должна выходить всякая форма. Что́ такое, напримѣръ, драматическая поэзія? Вы думаете, что это вопросъ важный,

для рѣшенія котораго требуется время, размышленіе, изученіе, наука, о которомъ можно написать разсужденіе, цѣлую книгу?—Ничего не бывало! не успѣете перечесть по пальцамъ десяти, какъ вамъ уже и готовъ самый точный и самый удовлетворительный отвѣтъ. По мнѣнію однихъ—не слишкомъ бойкихъ — драматическая поэзія есть театральное зрѣлище, съ нѣкоторымъ подражаніемъ природѣ, къ наставленію и увеселенію служащее; другіе—позамысловатѣе и въ піитическихъ хитростяхъ наиболѣе искушенные — говорятъ, что драматическая поэзія есть выраженіе настоящаго времени, какъ эпическая—прошедшаго, а лирическая—будущаго. Коротко и ясно! Но, милостивые государи, мужи ученостію и древностію лѣтъ знаменитые! положимъ, что эпическая поэзія воспѣваетъ хриплымъ голосомъ дѣла минувшія, а драма представляетъ бывшее настоящимъ; но лирическая-то поэзія какъ успѣла у васъ забѣжать впередъ самой себя и выражать то, чего и не было и нѣтъ, а только еще будетъ? Напротивъ, viri doctissimi atque sapientissimi! лирическая-то поэзія и есть по преимуществу выраженіе настоящаго момента въ духѣ поэта, настоящаго, мимолетнаго ощущенія. Подновленные мнимымъ романтизмомъ, какъ бѣлилами и румянами, устарѣлыя гетеры, нѣкоторые истые классики замѣтили эту натяжку и «изъ глубины сознающаго духа» новою нелѣпостію украсили старую: лирическая поэзія, говорятъ они, выражаетъ настоящее время, эпическая—прошедшее, а драматическая—будущее, ибо де (о, неисчерпаемая глубина сознающаго духа!) она представляетъ людей не такими, каковы они суть, но какими должны быть!!!... Эту новую нелѣпость вытащилъ изъ глубины своего сознающаго духа одинъ Нѣмецъ-псевдофилософъ—Бахманъ, котораго безтолковая эстетика, къ сожалѣнію, прекрасно переведена была, лѣтъ десять назадъ тому, на русскій языкъ. Но объ обновленныхъ классикахъ послѣ: обратимся къ почіющимъ въ мирѣ. Раздѣливъ поэзію на роды, они приступили къ подраздѣленію родовъ

на виды. Что̀ такое трагедія?—Опредѣленій они не любили дѣлать, потому что опредѣленіе должно основываться на разумномъ началѣ и заключать въ себѣ, какъ зерно растительную силу изъ самого себя, возможность внутренняго (имманентнаго) развитія изъ самого же себя,—и потому прибѣгали къ описаніямъ, которыя гораздо легче. Итакъ опишемъ, съ ихъ голоса, всѣ виды драматической поэзіи. Если драматическое произведеніе писано шестистопными рифмованными ямбами съ піитическими вольностями (необходимое условіе!), если его дѣйствующія лица—цари и ихъ наперсники, царицы и ихъ наперсницы, механизмъ дѣйстія движется чрезъ «вѣстниковъ», которые, краснорѣчиво и съ приличною выступкою, на сценѣ, гдѣ ничего не дѣлается, разсказываютъ, что̀ дѣлается за кулисами, а пятый актъ кончится рѣзнёю, — то знайте, что это «трагедія»; если же оно писано прозою и содержитъ въ себѣ трогательное и назидательное происшествіе изъ частной жизни, и кончится свадьбою любовниковъ и наказаніемъ разлучниковъ,—знайте, что это «драмма» или «слезная комедія», или «мѣщанская трагедія»—что̀ все одно и то же; если же драматическое произведеніе имѣетъ въ предметѣ осмѣяніе пороковъ и исправленіе нравовъ, и написано шестиногими тяжелыми ямбами съ піитическими вольностями, возбуждающими смѣхъ, а въ пятомъ актѣ кончится позоромъ негодяевъ и чудаковъ, и торжествомъ резонеровъ,—знайте, это «комедія» съ ея отцами и любовниками, съ ея субретками и резонерами; если же оно съ пѣніемъ и музыкою—то «опера».

Согласитесь, что все это очень просто, и развѣ только рѣшительные глупцы не въ состояніи были постичь всѣхъ этихъ премудростей за одинъ присѣстъ. Такъ Мольеровъ «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» въ одну минуту узналъ, что стихи есть стихи, а проза есть проза, и что онъ, съ тѣхъ поръ, какъ началъ говорить, все говорилъ прозою. Французы мастера и толковать и понимать; быстрота соображенія со-

единяется у нихъ съ необыкновенною ясностію изложенія. Недоразумѣній по части искусства, въ оное блаженное время, не было, а еслибы они и возникли, стòило только раскрыть кодексъ изящнаго — L'art poëtique» Буало и піитику Баттё. «Лицей», или «Ликей» Лагарпа, котораго наши остряки прошлаго вѣка, безсознательно, но очень впопадъ, называли въ шутку «Лакеемъ», былъ уже приложеніемъ теоріи сихъ великихъ мужей къ практикѣ; образцы искусства были утверждены и признаны въ произведеніяхъ Корнеля, Расина и Мольера, съ надбавкою къ нимъ Вольтера, Кребильйона и Дюсиса—Шекспирова парикмахера и каммердинера. Все было рѣшено и опредѣлено: наука не могла идти далѣе. Славное время, чудное время! И давно ли оно свирѣпствовало у насъ на святой Руси? Давно ли Сумароковъ слылъ «россійскимъ господиномъ Расиномъ»? давно ли Мерзляковъ—человѣкъ даровитый и умный, душа поэтическая — съ важностію, нисколько не думая шутить или мистифировать публику, разбиралъ неподражаемыя красоты творца дубоватаго «Синава» и свирѣпаго «Дмитрія Самозванца»!...

Дѣды, помню васъ и я!...

И вдругъ нахлынулъ потокъ новыхъ мнѣній. Легкая молодость, всегда жадная къ новости, ниспровергла прежнихъ идоловъ искусства, разрушила ихъ капища и наругалась надъ жертвоприношеніемъ. Тщетно почтенные филистры классицизма, застигнутые въ своихъ вольтеровскихъ креслахъ внезапною бурею, кричали ниспровергнутымъ болванамъ: «выдыбай, боже!» Деревянные божки потонули въ Днѣпрѣ поновведенія: мишурная позолота потянула ихъ ко дну и погубила безвозвратно. Куда Сумароковъ! не хотимъ знать и Озерова. Чтò Озеровъ! смѣемся мы надъ Корнелемъ и Расиномъ!—Кого же вамъ надо, господа?—Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, Виктора Гюго—мы романтики!...

А! романтизмъ!... Просимъ покорно—вотъ сюда, поближе:

намъ надо разсмотрѣть васъ хорошенько. Вы смѣялись надъ стариками: посмотримъ, не смѣшны ли вы сами, молодой человѣкъ съ растрепанными чувствами и измятою наружностію...

Ахъ, господа, это пресмѣшная исторія—я вамъ разскажу ее. Но сперва мнѣ надо поговорить серьёзно.

Всемірную исторію искусства, т. е. искусства не какого-нибудь народа, а цѣлаго человѣчества, раздѣляютъ на два великіе періода, обозначая ихъ именами классическаго и романтическаго. Собственно классическое искусство существовало только у Грековъ—этого народа, который своею жизнію отпировалъ праздникъ древняго міра. Всѣ народы Азіи и Африки выразили собою какую-нибудь одну сторону духа:—въ лицѣ Грековъ всѣ эти односторонности явились въ живомъ и слитномъ единствѣ. Всѣ народы сѣяли на нивѣ развитія слезами и кровью: Греки пожали только роскошные плоды, развивъ ихъ изъ своего многосторонняго, универсальнаго, абсолютнаго духа. Истина открылась человѣчеству впервые—въ искусствѣ, которое есть истина въ созерцаніи, т. е. не въ отвлеченной мысли, а въ образѣ, и въ образѣ не какъ условномъ символѣ (что̀ было на Востокѣ), а какъ въ воплотившейся идеѣ, какъ полномъ, органическомъ и непосредственномъ ея явленіи въ красотѣ формъ, съ которыми она такъ нераздѣльно слита, какъ душа съ тѣломъ. Поэтому, самая религія Грековъ вышла изъ творящей фантазіи, и мысль о божествѣ явилась въ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Греческое творчество было освобожденіемъ человѣка изъ-подъ ига природы, прекраснымъ примиреніемъ духа и природы, дотолѣ враждовавшихъ между собою. И потому греческое искусство облагородило, просвѣтило и одухотворило всѣ естественныя склонности стремленія человѣка, которыя дотолѣ являлись въ отвратительномъ безобразіи своей животности. Вотъ почему духъ нашъ не только не оскорбляется, но возвышается и облагороживается эпизодомъ изъ «Иліады»,

гдѣ лилейно-раменная Гера, державная супруга громовержца Зевеса, обольщаетъ чарами любви и наслажденія своего грознаго супруга что-бы въ ея объятіяхъ отецъ боговъ и человѣковъ не отвратилъ гибели отъ ненавистныхъ ей Данаевъ и не наслалъ ея на любезныхъ ей Ахеянъ... Вотъ почему такую благородную, такую величественно-граціозную картину представляетъ собою Афродита—«милыхъ хитростей матерь грозная» [1]), которая собственною рукою взводитъ прекрасную Елену на ложе бѣжавшаго отъ копья Менелаева боговиднаго царя Александра — Париса Пріамида... Всѣ формы природы были равно прекрасны для художнической души Эллина; но какъ благороднѣйшій сосудъ духа—человѣкъ, то на его прекрасномъ станѣ и роскошномъ изяществѣ его формъ и остановился съ упоеніемъ и гордостію творческій взоръ Эллина,—и благородство, величіе и красота человѣческаго стана и формъ явились въ безсмертныхъ образахъ Аполлона бельведерскаго и Венеры медицейской. Посмотрите: сколько красокъ. сколько пластики въ описаніяхъ наружности и разнообразныхъ положеній человѣческаго стана въ пѣсняхъ пѣвца «Иліады», съ какимъ наслажденіемъ останавливается онъ на этихъ пластическихъ картинахъ, съ какою любовію, съ какою неистощимою роскошью творчества отдѣлываетъ ихъ своимъ волшебнымъ рѣзцомъ... Статуи Грековъ изображались нагими: то, что для другихъ показалось бы безстыднымъ оскорбленіемъ человѣческаго достоинства, въ древнемъ мірѣ было цѣломудренною поэзіею и сознаніемъ человѣческаго достоинства, — и вотъ почему ваяніе достигло у Грековъ такого высшаго развитія, принесло такіе роскошные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о важнѣйшихъ произведеніяхъ древняго рѣзца камня, барельефъ, медаль, посуда въ формѣ человѣческой или львиной головы, каждая бездѣлка въ этомъ родѣ есть художественное произведеніе, и въ ты-

---

[1]) Стихъ Мерзлякова.

сячу разъ выше лучшей статуи даже Кановы. У Грековъ родилось ваяніе—съ ними и умерло оно, потому что только у нихъ совершенство человѣческой фигуры могло имѣть такое міровое значеніе. Вотъ почему характеръ самой поэзіи Грековъ есть пластичность образовъ, такъ что хочется ощупать рукою этотъ волнистый, мраморный гекзаметръ, который, излетѣвъ изъ устъ, становится передъ глазами вашими отдѣльною статуею или движущеюся картиною. Причина этого явленія—уравновѣшеніе идеи съ формою, изъ которыхъ каждая потеряла свою особность и которыя слились въ неразрывномъ тождествѣ уже, а не единствѣ только. Далѣе, какое было содержаніе греческаго искусства? Для Грековъ, какъ лишенныхъ христіанскаго откровенія, была темная, мрачная сторона жизни, которую они нарекли судьбою (fatum), и которая, какъ неотразимая, враждебная сила тяготѣла надъ самими богами. Но благородный, свободный Грекъ не преклонился, не палъ передъ этимъ страшнымъ призракомъ, а въ великодушной и гордой борьбѣ съ судьбою нашелъ свой выходъ, и трагическимъ величіемъ этой борьбы просвѣтилъ мрачную сторону своей жизни; судьба могла лишить его счастія и жизни, но не унизить его духа, могла сразить его, но не побѣдить. Эта идея мелькаетъ еще и въ «Иліадѣ», а въ трагедіяхъ является уже во всемъ блескѣ своего царственнаго величія. Древній міръ былъ міръ внѣшній, объективный, въ которомъ все значило общество и ничего не значилъ человѣкъ. Вотъ почему дѣйствующими лицами въ греческой трагедіи могли быть только боги, полубоги, цари и герои—представители общества, народа, а не частныя лица. Дивный, очаровательно-прекрасный, роскошно-упоительный міръ! Великій моментъ человѣчества, моментъ примиренія, брачнаго союза духа съ природою въ искусствѣ, по превосходству художественномъ, слѣдовательно, въ искусствѣ по преимуществу, которому равнаго уже не будетъ, но котораго безсмертныя творенія, вопреки безсмысленному мнѣ-

нію ограниченныхъ головъ, невѣждъ и самоучекъ, всегда будутъ для насъ полны значенія обаятельной силы, потому что для человѣчества не теряется ни одинъ моментъ его развитія, а тѣмъ болѣе не можетъ забыться такая высокая ступень духа, на которой были Греки!... Исчезаютъ только конечныя формы, а формы искусства вѣчны и непреходящи, ибо въ ихъ конечности является безконечное...

Но кончился онъ, этотъ прекрасный міръ просвѣтленной чувственности, одухотворенныхъ формъ и героической борьбы человѣка съ неотразимою силою рока; кончился этотъ періодъ роскошнаго цвѣтенія искусства—умеръ народъ-художникъ! Уже и варваръ-Римлянинъ изчерпалъ всю свою жизнь—задача его была рѣшена: онъ простеръ надъ міромъ свою желѣзную длань, сливъ его въ механическомъ единствѣ своихъ гражданственныхъ формъ; онъ уже издалъ и кодексъ своихъ правъ, развитыхъ имъ изъ своей жизни и своею жизнію. Окруженный дивными произведеніями искусства, вывезенными изъ ограбленной имъ Греціи, и зѣвалъ отъ пресыщенія и скуки, и кормилъ рабами чудовищныхъ рыбъ... Древній міръ одряхлѣлъ; содержаніе его жизни было истощено... изнеможенное человѣчество алкало и жаждало обновленія или смерти. А между тѣмъ, въ забытомъ уголку міра, давно уже раздавался божественный голосъ, кротко и любовно взывавшій: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіе и обремененныя—и я успокою васъ! Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня; ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ: и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко». И пришелъ часъ—народы познали гласъ пастыря, положившаго душу свою за овцы, и міръ осѣнился знаменемъ креста. Новые, кипящіе избыткомъ юной жизни народы обновили древній міръ, и насталъ новый періодъ человѣчества, періодъ религіозный, періодъ романтическій. Справедливо называютъ его періодомъ юношества человѣчества: это безпрестанное стремленіе куда-то, въ какую-то неопредѣленную даль, эта безпрерывная

жажда дѣятельности—что все это, какъ не кипѣніе молодой крови, какъ не тревога юнаго духа, мучимаго избыткомъ силъ своихъ? Изъ этого безпокойнаго стремленія къ движенію, хотя бы даже безъ всякой цѣли, но только къ движенію, вышло бродячее рыцарство въ желѣзныхъ доспѣхахъ, вѣчно на конѣ, вѣчно въ битвахъ, если не съ врагами, такъ съ самимъ собою въ кровавыхъ распряхъ и на потѣшныхъ турнирахъ. Но прямымъ и непосредственнымъ источникомъ всей этой романтической жизни было христіанство. Нѣкоторые поверхностные мыслители говорили и писали, что будто христіанство отрицаетъ государство, общественность, науку и искусство, потому что въ евангеліи ни о чемъ этомъ не говорится. Что христіанство не отрицаетъ государства, какъ необходимой формы существованія человѣчества—это ясно изъ словъ Спасителя: «Воздадите кесарева кесареви, Божія Богови», и изъ многихъ мѣстъ евангелія, гдѣ говорится о земныхъ властяхъ. Но и это еще не главное, еще не причина, а только слѣдствіе: все дѣло въ сущности основной идеи; такъ какъ основная идея евангелія—идея божественной любви, осуществившая страданіемъ и кровію за чадъ своихъ, такъ какъ эта идея есть идея всеобъемлющая, все въ себѣ заключающая, все собою условливающая, и въ самой себѣ носящая, какъ зерно растительную силу, всѣ свои будущіе моменты и проявленія,—то благодатно оплодотворенная ею почва человѣческаго развитія и произращала, и произращаетъ, и никогда не перестанетъ произращать всѣ цвѣты и всѣ плоды небесные. Потому-то христіанская религія и дала обновленному міру такое богатое содержаніе жизни, котораго не изжить ему въ вѣчность; потому-то все, что ни есть теперь, чѣмъ ни гордится, чѣмъ ни наслаждается современное человѣчество,— все это вышло изъ плодотворнаго сѣмени вѣчныхъ, непреходящихъ глаголовъ божественной книги новаго завѣта. Только въ ней и можно и должно искать сокровенной причины торжества хри-

стіанской Европы надъ всѣмъ остальнымъ, нехристіанскимъ міромъ, слабымъ и ничтожнымъ въ своей громадной величинѣ передъ этою малѣйшею частію свѣта. Не изъ христіанства ли вышло все гражданское устройство среднихъ вѣковъ? Римляне завѣщали имъ гражданское право, вышедшее изъ чисто-отвлеченной мысли, и юридическія формы; но уваженіе къ личности человѣка, котораго самъ Богъ нарекъ сыномъ своимъ, уваженіе къ внутреннему человѣку вышло изъ евангелія, изъ идеи равенства людей передъ судомъ Божіимъ, изъ идеи равенства права на отеческую любовь и милость Божію. Въ евангеліи ничего не говорится объ искусствѣ, но божественный Спаситель называлъ себя сыномъ царственнаго пѣвца и пророка Давида, и христіанству обязано своими блистательнѣйшими вдохновеніями искусство среднихъ вѣковъ; ему обязаны своимъ возникновеніемъ и высокимъ развитіемъ и готическая архитектура — этотъ образъ безконечнаго стремленія въ царство духа, и живопись съ музыкою—эти по преимуществу (особливо послѣдняя) романтическія искусства. Христіанству же обязано своимъ возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ и юношеское безпокойство одухотвореннаго имъ человѣчества: рыцари были защитники вдовъ и сиротъ, поборники религіи, воины христовы. Оно же возвратило женщинѣ права ея; изъ него же вышло рыцарское благоговѣніе къ достоинству женщины, и отношенія обоихъ половъ получили такой возвышенно-идеальный характеръ, ибо родшая Бога была Матерь и Дѣва— сочетаніе материнской любви съ дѣвственною чистотою, а бракъ былъ названъ Спасителемъ «тайною великою»...

Итакъ смиреніе передъ Богомъ, какъ отрицаніе своей конечной личности въ пользу вѣчной истины, смиреніе, простирающееся до энтузіастической готовности идти, какъ на свѣтлое торжество, на смерть за свое убѣжденіе, и несмотря ни на какую мѣру страданія, признавать благою и правою волю Божію, сознавая свою грѣховность (résignation); при

необходимомъ неравенствѣ на лѣстницѣ общественной іерархіи, совершенное равенство передъ крестомъ Распятаго, въ смыслѣ христіанскаго братства,—а отсюда любовь и уваженіе къ человѣческой личности, великодушное мужество, жертвующее всѣми своими силами и самою жизнію за угнетенныхъ и гонимыхъ; идеальное обожаніе женщины, какъ представительницы на землѣ любви и красоты, какъ свѣтлаго генія гармоніи, мира и утѣшенія; тревожное стремленіе въ сумрачную даль безконечнаго, ко всему таинственному и мистическому:—вотъ романтическіе элементы, изъ которыхъ слагалась богатая жизнь среднихъ вѣковъ. Эта эпоха была пробужденіемъ, возстаніемъ духа. Чтобы сознавать себя, ему надобно было отрѣшиться отъ природы, которая есть его же собственная сторона, но которая единствомъ съ нимъ (въ смыслѣ древнихъ), такъ сказать, затемняла его, поглощая собою его невидимую жизнь и, прелестію формъ, отводя бренныя очи отъ его таинственной сущности. Духу надо было явиться только духомъ, отвлеченно отъ слитнаго явленія. И онъ возсталъ въ своемъ страшномъ величіи, онъ отвергся природы, какъ врага своего, какъ діавола. Отсюда вышли: обѣты цѣломудрія, отрѣшеніе отъ благъ земныхъ, отшельничество; обаятельныя радости древняго міра уступили мѣсто посту, молитвѣ, покаянію, бичеванію,—религія стала католицизмомъ. Отсюда и романтическій характеръ искусства. Живопись сдѣлалась орудіемъ религіи, ея служительницею; возникла музыка—искусство романтическое по самой своей сущности, какъ выраженіе внутренней жизни субъективнаго духа, и ея гармонія гремѣла гимномъ Богу. Поэзія воспѣвала подвиги и любовь храбрыхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ, и ея формы улетучивались въ туманной мистикѣ содержанія. Не спрашивали: какъ выполнено художественное произведеніе, но спрашивали: что̀ выражаетъ оно; содержаніе отдѣлилось отъ формы и стало выше ея. Это не значитъ, чтобы произведенія романтическаго искусства были аллегоріями или

символами: въ истинныхъ художникахъ общая страсть времени къ аллегоріямъ и символамъ побѣждалась, болѣе или менѣе, полнотою ихъ художественной натуры, и идея становилась ощутительною только черезъ форму; но какъ въ древнемъ мірѣ красота формы, обязанная своимъ явленіемъ скрытой въ ней идеѣ, довольствовала собою духъ и не производила въ немъ страстнаго порыва проникнуть въ ея сущность, такъ въ романическомъ мірѣ идея, поглощая собою вниманіе и удовлетворяя духъ, дѣлала форму вопросомъ второстепеннымъ. Искусство уже утратило свою самостоятельность, потому что религія—сознаніе истины въ непосредственномъ откровеніи, какъ высшее, всеобщее средство знанія, — подчинила себѣ искусство, которое, поэтому, перестало уже быть высшею всеобщею формою всеобщей истины. И вотъ въ этомъ-то смыслѣ греческое искусство только одно и есть истинное искусство, искусство какъ искусство и, слѣдовательно, высшее и совершеннѣйшее искусство, — и въ этомъ-то заключается для насъ и его достоинство и его недостатокъ: содержаніе его для насъ неудовлетворительно, а возвыситься до его формы мы не можемъ, не отдавъ формѣ предпочтенія предъ идеею.

Итакъ классическое искусство есть полное и гармоническое уравновѣшеніе идеи съ формою, а романтическое—перевѣсъ идеи надъ формою. Подъ первымъ разумѣется искусство Грековъ и—не по достоинству, а по общему характеру пластицизма—поэзія Римлянъ; подъ вторымъ искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ наприм. Шиллера.

Изъ этого ясно видно, что называть классиками поэтическихъ уродовъ, каковы были: Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ, Кребильйонъ, Вольтеръ, Дюсисъ, Аддисонъ, Попе, Альфіери и подобные имъ, или называть романтиками Шекспира, Сервантеса, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Гёте, Пушкина могутъ только люди, воздоенные французскими

идеями объ искусствѣ и незнающіе первыхъ началъ, азовъ науки изящнаго. Наше новѣйшее искусство, начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что «мы не Греки и не Римляне», и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ же его назвать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдственно и въ различіи отъ того и другаго, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ втораго, наслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы.

Теперь обратимся къ смѣшной исторіи.

Очевидно, что классицизмъ, какъ его понимали Французы, и какъ онъ перешелъ отъ нихъ къ намъ, былъ псевдоклассицизмъ, столько же походившій на греческій, сколько маркизы XVIII вѣка походили па боговъ, царей и героевъ древней Греціи. Неспособные, по своему національному духу, проникнуть въ сущность свѣтлаго міра древнихъ Грековъ,— они взяли нѣчто отъ внѣшнихъ формъ, и думали, что, введя въ свою quasi-трагедію царей, наперсниковъ, и вѣстниковъ, сдѣлаютъ ее греческою. Христіанскій міръ есть міръ внутренній, духовный, субъективный, въ которомъ личность человѣка благородна и священна потому уже, что онъ человѣкъ: вслѣдствіе этого въ шекспировской драмѣ шутъ короля Лира имѣетъ такое же право на свое мѣсто, какъ и самъ Лиръ на свое; а въ древней трагедіи, какъ мы уже замѣтили выше, могли имѣть мѣсто только представители политическаго общества, народа. Смотрѣть на внѣшность мимо ея значенія значитъ впасть въ случайность. Возвышенную простоту Грековъ, ихъ поэтическій языкъ, выходившій изъ пластическаго лиризма ихъ жизни, Французы думали замѣ-

нить натянутою декламаціею и риторическою шумихою. Они сами себя назвали классиками, и имъ всѣ повѣрили! Такъ какъ основаніемъ этого псевдо-классицизма была внѣшность и формальность, то понятно, отчего французская теорія изящнаго была такъ проста и опредѣленна: ничего нѣтъ легче, какъ судить о вещахъ по внѣшнимъ признакамъ.

Но такъ называемые романтики ушли не дальше ихъ, и только впали въ другую крайность: отвергнувъ псевдо-классическую форму и чопорность, они полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ. Дикость и мрачность они провозгласили отличительнымъ характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубокость и безконечность, и не понявъ, что формы шекспировыхъ драмъ совсѣмъ не случайности, но условливаются идеею, которая въ нихъ воплотилась. Есть еще и теперь люди, которые Бетховена называютъ дикимъ, добродушно не понимая, что дикость есть униженіе, а не достоинство генія, и что энергія и глубокость совсѣмъ не то, что дикость. Они не поняли, что въ лирическихъ произведеніяхъ Гёте пластицизмъ формъ подходитъ къ древнему, и что ихъ художественное достоинство недоступно съ перваго взгляда со стороны идеи, но прежде всего поражаетъ роскошнымъ изяществомъ своихъ формъ. Если классики походили на напудренныхъ маркизовъ прошлаго вѣка, то романтики походили на нагихъ Австралійцевъ, одурѣвшихъ отъ человѣческой крови, или отправляющихъ свои отвратительныя торжества. Отвергнуть устарѣлыя и случайныя формы искусства, еще не значитъ постигнуть сущность искусства. Послѣднее можно сдѣлать только оставивъ въ сторонѣ внѣшности, и углубившись въ начала искусства. Но это романтическое неистовство было нужно, какъ отрицаніе ложнаго классицизма: сдѣлавъ свое дѣло, оно, въ свою очередь, стало такъ же смѣшно, какъ и классическая чопорность. Въ сущности же всѣ крайности равны и ни одна не лучше другой. Мы смѣемся надъ классическими раздѣленіями поэзіи народы и драматической

на виды; но понимаемъ ли мы сами это дѣло лучше ихъ? Мы говоримъ «драма, трагедія, комедія», а не думаемъ, въ чемъ состоитъ значеніе этихъ словъ и чѣмъ они другъ отъ друга отличаются. Кровавый конецъ для насъ еще и теперь признакъ трагедіи, веселость и смѣхъ—признакъ комедіи; а то и другое вмѣстѣ и съ благополучнымъ окончаніемъ—драма. Все тѣ же внѣшніе и случайные признаки, невыходящіе изъ идеи; мы все тѣ же классики, только классики романтическіе.

Кстати: позвольте объяснить вамъ по подробнѣе, что такое романтическій классицизмъ: это прямо относится къ предмету нашей статьи и представляетъ собою очень интересный предметъ, по крайней мѣрѣ, очень забавный.

Романтическій классикъ есть представитель эклектическаго примиренія классицизма съ романтизмомъ, въ которомъ коечто удерживается изъ классицизма и кое-что берется изъ романтизма. Разумѣется, все дѣло тутъ вертится на отвлеченныхъ, внѣшнихъ формахъ. При разсматриваніи поэтическаго произведенія, первая задача классика — опредѣлить его родъ, и если его форма такъ странна, дика и такая небывалая, что классикъ недоумѣваетъ о его родѣ, то объявляетъ это сочиненіе вздорнымъ и нелѣпымъ, хотя и не лишеннымъ блестокъ таланта. Такъ анти-поэтическій Вольтеръ отзывался о Шекспирѣ. Особенно, въ этомъ отношеніи, для классиковъ хуже чумы тѣ авторы, которые не выставляютъ на своихъ сочиненіяхъ словъ: поэма, трагедія, драма, комедія, водевиль, ода, эклога, элегія и пр. Для нихъ это просто убійство! Здѣсь классики очень сходны съ натуралистами: нашедши новый предметъ изъ животнаго, растительнаго или минеральнаго царства, натуралистъ прежде всего хлопочетъ о родѣ и видѣ, и если не узнаетъ съ раза ни того, ни другаго, то старается подвести свою находку подъ какой-нибудь извѣстный родъ въ качествѣ новооткрытаго вида. Но вотъ гдѣ и ужасная разница между классиками и натуралистами:

если рода не находится для новооткрытаго предмета, а самъ онъ не помѣщается въ цѣпи системы, какъ родъ, то натуралистъ все-таки не исключаетъ его изъ цѣпи созданій Божіихъ, но, тщательно описавъ его признаки, надѣется, что въ послѣдствіи найдется для него мѣсто; классикъ же, не думая долго, объявляетъ изящное произведеніе вздоромъ за то только, что оно не подходитъ подъ извѣстные ему роды произведеній искусства. Но лучше ли поступаютъ въ этомъ отношеніи господа романтики? Давно ли одинъ журналистъ, съ гордостію и до сихъ поръ называющій себя романтикомъ и всегда преслѣдовавшій классицизмъ, какъ уголовное преступленіе, отступился отъ «Каменнаго Гостя» Пушкина и нашелъ лишь хорошіе стишки въ этомъ великомъ созданіи, потому только, что пришелъ въ недоумѣніе—что́ это такое: не то драматическій разсказъ, не то испанское имброгліо, не то Богъ знаетъ что̀! Не форма ли тутъ играетъ прежнюю свою роль, не классицизмъ ли это, хотя подновленный и подкрашенный романтизмомъ? А какъ вамъ кажется вотъ эта продѣлка: догадавшись о нелѣпости раздѣленія поэзіи на роды, основанное на трехъ формахъ времени и дѣлающее лирическую поэзію выраженіемъ будущаго времени, нѣмецкій хитрецъ драматическую поэзію заставилъ выражать будущее время, ибо де драма представляетъ людей не такими, каковы они суть, а такими, каковы должны быть, слѣдовательно, какими будутъ. «О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого тумана напустилъ! разбери кто хочетъ!»... И всѣ толки, всѣ положенія нашихъ романтиковъ похожи на это какъ двѣ капли воды: это тѣ же классическія нелѣпости, но только перехитренныя и перемудренныя; словомъ, это романтическій классицизмъ, старая погудка на новый ладъ. Онъ также смотритъ на предметъ извнѣ, а не изнутри, и потому хоть ему и кажется, что онъ прытко бѣжитъ, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ все на одномъ мѣстѣ вертится вокругъ самого себя. Пора принятся за дѣло посерьёзнѣе, пора взять за основаніе своихъ теорій не произвольныя,

субъективныя понятія, а мысль, развивающуюся изъ самой себя. Мы не принадлежимъ ни къ классикамъ, ни къ романтикамъ, и равно смѣемся надъ тѣмъ и другимъ названіемъ, не находя смысла ни въ томъ, ни въ другомъ. Мы не ручаемся за вѣрность нашихъ основаній, но ручаемся, что въ нашихъ выводахъ будемъ логически вѣрны своимъ основаніямъ, и что если читатели не согласятся съ нами, по крайней мѣрѣ поймутъ то, чтó мы хотимъ сказать. Задача, которую мы предлагаемъ себѣ въ этой статьѣ—вывести раздѣленіе драматической поэзіи на трагедію и комедію не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ ихъ сущности, и на этихъ основаніяхъ сдѣлать критическую оцѣнку знаменитому произведенію Грибоѣдова.

Поэзія есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія — воплотившіяся идеи, видимыя, созерцаемыя идеи. Слѣдовательно, поэзія есть та же философія, то же мышленіе, потому что имѣетъ то же содержаніе—абсолютную истину; но только не въ формѣ діалектическаго развитія идеи изъ самой себя, а въ формѣ непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслитъ ǒбразами; онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее. Но поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль; слѣдовательно, поэтическій образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ, онъ не былъ бы ǒбразомъ, а былъ бы символомъ. Поэту представляются ǒбразы, а не идея, которой онъ изъ-за ǒбразовъ не видитъ, и которая, когда сочиненіе готово, доступнѣе мыслителю, нежели самому творцу. Посему поэтъ никогда не предполагаетъ себѣ развить ту или другую идею, никогда не задаетъ себѣ задачи: безъ вѣдома и безъ воли его возникаютъ въ фантазіи его ǒбразы и, очарованный ихъ прелестію, онъ стремится изъ области идеаловъ и возможности перенести ихъ въ дѣйствительность, т. е. видимое одному ему сдѣлать видимымъ для всѣхъ. Высочайшая дѣйствительность есть истина;

а какъ содержаніе поэзіи—истина, то и произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность. Поэтъ не украшаетъ дѣйствительности, не изображаетъ людей, какими они должны быть, но каковы они суть. Есть люди, — это все они же, все романтическіе же классики, — которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ; какъ положительный и индюстріальный, поэзія невозможна. Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что̀ такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе разстроеннаго воображенія, праздной головы, колобродствующаго сердца! И такая мечтательность нашла своихъ поэтовъ въ Ламартинахъ, и свои поэтическія произведенія въ идеально-чувствительныхъ романахъ, въ родѣ «Аббаддонны» [1]: но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта, — и развѣ «Аббаддонны» поэтическое произведеніе, а не мечта?... И что̀ за жалкая и что̀ за устарѣлая мысль о положительности и индюстріальности нашего вѣка, будто-бы враждебныхъ искусству? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ явились Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Томасъ Муръ, Уордсвортъ, Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Гейне, Беранже, Эленшлегеръ, Тегнеръ и другіе? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ дѣйствовали Шиллеръ и Гёте? Развѣ не нашъ вѣкъ оцѣнилъ и понялъ созданія классическаго искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индюстріальность есть только одна сторона многосторонняго XIX вѣка, и она не помѣшала ни дойдти поэзіи до своего высочайшаго развитія въ лицѣ поименованныхъ нами поэтовъ, ни музыкѣ, въ лицѣ ея Шекспира—Бетховена, ни философіи, въ лицѣ Фихте, Шиллинга и Гегеля. Правда, нашъ вѣкъ врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшна, пошла и приторна, какъ и сан-

---

[1]) Извѣстный нѣмецкій романъ какого-то господина идеальштюкмахера.

тиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ—и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій и мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное. Онъ, смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныя пѣсни Байрона, и, вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ пѣвцомъ, лучше рѣшился отрѣчься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться пищенскими радостями и надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, порывающагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. И за то, въ Шиллингѣ онъ увидѣлъ зарю безконечной дѣйствительности, которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и великолѣпнымъ днемъ, и которая, еще прежде обоихъ великихъ мыслителей, непонятная, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте... Только въ нашъ вѣкъ искусство получило полное свое значеніе, какъ примиреніе христіанскаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы, какъ новый моментъ уравновѣшенія идеи съ формою. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ примиренія, и онъ такъ же чуждъ романтическаго искусства, какъ и классическаго. Средніе вѣка были моментомъ нецѣльнымъ, неслитнымъ, но отвлеченнымъ; мы видимъ въ немъ только романтическіе элементы, которыми человѣчество запаслось на будущую жизнь, и которые только теперь явились въ своей слитной дѣйствительности и проникли нашу частную, домашнюю и даже практическую сторону жизни, такъ что одна сторона не отрицаетъ другой, но обѣ являются въ неразрывномъ единствѣ, взаимно проникнувъ одна другую. Этого-то слитнаго единства и не было въ дѣйствительности среднихъ вѣковъ, которыхъ романтическіе элементы обозначались въ какой-то отвлеченной особности. И вотъ почему рыцарь, иногда при одномъ подозрѣніи въ невѣрности

жены, или безжалостно умерщвлялъ ее собственною рукою, или сожигалъ живую,—ее, которая нѣкогда была царицею думъ и мечтаній души его, передъ которою робко преклонялъ онъ колѣни, едва осмѣливаясь возвести взоры на свое божество, и которой безкорыстно посвящалъ онъ и свое кипящее мужество, и силу желѣзной руки, и безпокойную, бродячую волю свою... Да и вообще, находя жену, онъ терялъ идеальное, безплотное, ангелоподобное существо. Въ новѣйшемъ періодѣ человѣчества напротивъ: Юлія Шекспира обладаетъ всѣми романтическими элементами; любовь была религіею и мистикою ея собственнаго сердца, встрѣча съ родною ей душою была великимъ и торжественнымъ актомъ ея души, вдругъ сознавшей себя и возросшей до дѣйствительности, а между тѣмъ, это существо не облачное, не туманное, все земное,—да, земное, но насквозь проникнутое небеснымъ. Романтическое искусство переносило землю на небо, его стремленіе было вѣчно туда, по ту сторону дѣйствительности и жизни: наше новѣйшее искусство переноситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ. Въ наше время только слабыя и болѣзненныя души видятъ въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ туманную сторону идеаловъ переносятся своей фантазіею, на жизнь и радость въ мечтѣ; души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство—жизнь въ безконечномъ. Мечтательность была высшею дѣйствительностію только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ ѳиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаемо-изящную форму просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на-яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній, отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче: какъ романтическая поэзія была поэзіею мечты и безотчетнымъ порывомъ

въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни.

Раздѣленіе поэзіи на три рода — лирическую, эпическую и драматическую, выходитъ изъ ея значенія, какъ сознанія истины и, слѣдовательно, изъ взаимныхъ отношеній сознающаго духа — субъекта, къ предмету сознанія — объекту. Лирическая поэзія выражаетъ субъективную сторону человѣка, открываетъ нашему взору внутренняго человѣка, и потому все она—ощущеніе, чувство, музыка. Эпическая поэзія есть объективное изображеніе совершившагося во времени событія, картина, которую показываетъ вамъ художникъ, выбирая для васъ лучшія точки зрѣнія, указывая на всѣ ея стороны. Драматическая поэзія есть примиреніе этихъ двухъ сторонъ, субъективной или лирической, и объективной или эпической. Передъ вами не совершившееся, но совершающееся событіе; не поэтъ вамъ сообщаетъ его, но каждое дѣйствующее лице выходитъ къ вамъ само, говоритъ вамъ за самаго себя. Въ одно и тоже время видите вы его съ двухъ точекъ зрѣнія: оно увлекается общимъ водоворотомъ драмы и дѣйствуетъ волею и неволею сообразно съ своими отношеніями къ прочимъ лицамъ и идеѣ цѣлаго созданія— вотъ его объективная сторона; оно раскрываетъ передъ вами свой внутренній міръ, обнажаетъ всѣ изгибы сердца своего, вы подслушиваете его нѣмую бесѣду съ самимъ собою — вотъ его субъективная сторона. Поэтому-то въ драмѣ всегда видите вы два элемента: эпическую объективность дѣйствія въ цѣломъ, и лирическія выходки и изліянія въ монологахъ, до того лирическія, что онѣ непремѣнно должны быть писаны стихами, и переданныя въ переводѣ прозою теряютъ свой поэтическій букетъ и переходятъ въ надутую прозу, чему доказательствомъ могутъ служить лучшія мѣста Шекспировыхъ драмъ, переведенныхъ прозою [1]. Въ лирической

[1] Мы убѣждены въ томъ, что для совершеннѣйшаго перевода Шекспировыхъ драмъ стихами надобно и переводчику быть Шекспиромъ;

поэзіи поэтъ является намъ субъектомъ, и потому-то въ ней такъ часто и такую важную роль играетъ его личность, его *я*, а ощущенія и чувства, о которыхъ онъ говоритъ, какъ о своихъ собственныхъ, будто бы одному ему принадлежащихъ, мы приписываемъ себѣ, узнаёмъ въ нихъ моменты собственнаго духа. Эпическій поэтъ, скрываясь за событіями, которыя заставляютъ насъ созерцать, только подразумѣвается; какъ лице, безъ котораго мы не знали бы о совершившемся событіи; онъ даже и невсегда бываетъ незримо-присутствующимъ лицомъ: онъ можетъ позволять себѣ обращенія и къ самому себѣ, говорить о себѣ, или, по крайней мѣрѣ, подавать свой голосъ объ изображаемыхъ имъ событіяхъ. Въ драмѣ, напротивъ, личность поэта изчезаетъ совсѣмъ и какъ бы даже не предполагается существующею, потому что въ драмѣ и событіе говоритъ само за себя, современно представляясь совершающимся, а каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ само за себя, современно развиваяся и съ внутренней и съ внѣшней стороны своей.

Драматическую поэзію обыкновенно раздѣляютъ на два вида: трагедію и комедію. Разовьемъ необходимость этого раздѣленія изъ сущности идеи поэзіи, а не изъ внѣшнихъ формъ и признаковъ. Для этого мы должны раздѣлить на двѣ стороны самую поэзію, какая бы она ни была, лирическая, эпическая или драматическая: на поэзію положенія или дѣйствительности, и поэзію отрицанія или призрачности.

Предметъ поэзіи есть дѣйствительность, или истина въ явленіи. Тѣ, которые думаютъ, что ея предметъ—мечты и вымыслы никогда и нигдѣ небывалаго, кромѣ воображенія

иначе переводъ его будетъ хоть сколько-нибудь невѣренъ—невѣренъ или идеѣ или формѣ, и всегда будетъ болѣе или менѣе субъективенъ. Шекспиръ, для чтенія, можетъ и долженъ быть переводимъ прозою. Если кому удастся перевести, *какъ должно*, Шекспирову драму стихами, это будетъ подвигъ, котораго однако достаточно для цѣлой жизни.

поэта, сбиваются словами «идеалъ» и «идеализированіе дѣйствительности». Конечно, созданія поэта не суть списки или копіи съ дѣйствительности, но они сами суть дѣйствительность, какъ возможность получившая свое осуществленіе, и получившая это осуществленіе по непреложнымъ законамъ самой строгой необходимости: идея, рождающаяся въ душѣ поэта, есть тайна, какъ младенецъ, зачинающійся во чревѣ матери: кто можетъ угадать заранѣе индивидуальную форму той или другаго! и та и другая не есть ли возможность, стремящаяся получить свое осуществленіе, не есть ли совершенно никогда и нигдѣ небывалое, но долженствующее быть сущимъ? Идеалъ не есть собраніе разсѣянныхъ по природѣ чертъ одной идеи и сосредоточенныхъ на одномъ лицѣ, потому что собираніе не можетъ не быть механическимъ,—а это противорѣчитъ динамическому процессу творчества. Еще менѣе идеалъ можетъ быть воображеніемъ того, чего и нѣтъ и быть не можетъ, т. е. мечтою, или украшенною природою и усовершенствованными людьми—людьми не какъ они суть, а какими будто бы они должны быть. Идеалъ есть общая (абсолютная) идея, отрицающая свою общность, чтобы стать частнымъ явленіемъ, а ставши имъ, снова возвратиться къ своей общности. Объяснимъ это примѣромъ. Какая идея Шекспирова «Отелло»? Идея ревности, какъ слѣдствія обманутой любви и оскорбленной вѣры въ любовь и достоинство женщины. Эта идея не была сознательно взята поэтомъ въ основаніе его творенія, но, безъ вѣдома его, какъ незримо-падшее въ душу зерно, развилась въ образы Отелло и Дездемоны, т. е. совлеклась своей безусловной и отвлеченной общности, чтобы стать частными явленіями, личностями Отелло и Дездемоны. Но какъ лица Отелло и Дездемоны не суть лица какого-нибудь извѣстнаго Отелло и какой-нибудь извѣстной Дездемоны, а лица типическія, благодаря общей идеѣ, воплотившейся въ нихъ, то слѣдуетъ второе отрицаніе идеи или возвращенія общей идеи къ самой себѣ. Слѣдовательно, идеа-

лизировать дѣйствительность значитъ совсѣмъ не украшать, но являть ее, какъ божественную идею, въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ носящую творческую силу своего осуществленія изъ небытія въ живое явленіе. Другими словами, «идеализировать дѣйствительность» значитъ въ частномъ и конечномъ явленіи выражать общее и безконечное, не списывая съ дѣйствительности какія-нибудь случайныя явленія, но создавая типическіе образы, обязанные своимъ типизмомъ общей идеѣ, въ нихъ выражающейся. Портретъ, чей бы онъ ни былъ, не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, ибо онъ есть выраженіе частной, а не общей идеи, которая одна способна явиться типически; но лице, въ которомъ бы, напримѣръ, всякій узналъ скупаго, есть идеалъ, какъ типическое выраженіе общей родовой идеи скупости, которая заключаетъ въ себѣ возможность всѣхъ своихъ случайныхъ явленій; поэтому, какъ скоро она стала образомъ, то въ этомъ образѣ всякій видитъ портретъ не какого-нибудь скупца, но портретъ всякаго какого-нибудь скупца, хотя бы этотъ какой нибудь и имѣлъ совершенно другія черты лица.

Подъ словомъ «дѣйствительность» разумѣется все, что есть—міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей. Разумъ въ сознаніи и разумъ въ явленіи, словомъ, открывающійся самому себѣ духъ, есть дѣйствительность; тогда какъ все частное, все случайное, все неразумное есть призрачность, какъ противоположность дѣйствительности, какъ ея отрицаніе, какъ кажущееся, но не сущее. Человѣкъ пьетъ, ѣстъ, одѣвается—это міръ призраковъ, потому что въ этомъ нисколько не участвуетъ духъ его; человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ, сознаётъ себя органомъ, сосудомъ духа, конечною частностію общаго и безконечнаго—это міръ дѣйствительности. Человѣкъ служитъ царю и отечеству вслѣдствіе возвышеннаго понятія о своихъ обязанностяхъ къ нимъ, вслѣдствіе желанія быть орудіемъ истины и блага, вслѣдствіе сознанія себя, какъ части общества, своего кровнаго и ду-

ховнаго родства съ нимъ—это міръ дѣйствительности. «Овому талантъ, овому два»,—и потому, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности человѣка, какъ бы ни незначительно было мѣсто, занимаемое имъ не только въ человѣчествѣ, но и въ обществѣ, но если онъ, кромѣ своей конечной личности, кромѣ своей ограниченной индивидуальности, видитъ въ жизни нѣчто общее, и въ сознаніи этого общаго, по степени своего разумѣнія, находитъ источникъ своего счастія,—онъ живетъ въ дѣйствительности и есть дѣйствительный человѣкъ, а не призракъ, истинный, сущій а не кажущійся только человѣкъ. Если человѣку недоступны объективные интересы; каковы жизнь и развитіе отечества, ему могутъ быть доступны интересы своего сословія, своего городка, своей деревни, такъ что онъ находитъ какое-то, часто странное и непонятное для самого себя, наслажденіе, для ихъ выгодъ лишаться собственныхъ личныхъ выгодъ—и тогда онъ живетъ въ дѣйствительности. Если же онъ не возвышается и до такихъ интересовъ,—пусть будетъ онъ супругомъ, отцомъ, семьяниномъ, любовникомъ, но только не въ животномъ, а въ человѣческомъ значеніи, источникъ котораго есть любовь, какъ бы ни была она ограничена, лишь бы только была отрицаніемъ его личности,—онъ опять живетъ въ дѣйствительности. На какой бы степени ни проявился духъ, онъ—дѣйствительность, потому что онъ любовь или безсознательная разумность,—а потомъ разумъ, или любовь, сознавшая себя.

Мы шли отъ высшихъ ступеней къ низшимъ; пойдемъ обратно, и увидимъ, что, въ сознаніи истины, высшая дѣйствительность есть религія, искусство и наука; въ жизни—историческое лице, геній, проявившій свою дѣятельность въ которой нибудь изъ этихъ абсолютныхъ сферъ, внѣ которыхъ все—призракъ. Практическая дѣятельность историческаго лица, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа и человѣчества, не исключается изъ этихъ сферъ, потому что сознаніе идеи его дѣятельности возможно только въ этихъ сферахъ.

Не все то, что есть, только есть. Всякій предметъ физическаго и умственнаго міра есть или вещь по себѣ, или вещь и по себѣ (an sich) и для себя (fur sich). Дѣйствительно есть только то, что есть и по себѣ и для себя, только то, что знаетъ, что оно есть и по себѣ и для себя, и что оно есть для себя въ общемъ. Кусокъ дерева есть, но онъ есть не для себя, а только по себѣ: онъ существуетъ только какъ объектъ, а не какъ объектъ-субъектъ, и человѣкъ знаетъ о немъ, что онъ есть, а не онъ самъ знаетъ о себѣ. Это же явленіе представляетъ собою и человѣкъ, когда его сознаніе, или его субъективно-объективное существованіе заключено только въ смыслѣ или конечномъ разсудкѣ, на-глухо заперто въ соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, въ эгоистической дѣятельности,—а не въ разумѣ, какъ въ сознаніи себя только черезъ общее, какъ въ частномъ и преходящемъ выраженіи общаго и вѣчнаго: онъ призракъ, ничто, хотя и кажется чѣмъ-то. Вы уже въ порѣ мужества, въ вашей душѣ есть любовь и вамъ доступно общее, человѣческое: обратите ваши взоры на свое прошедшее, что вы тамъ увидите? Конечно, ваша память не представитъ вамъ ни платья, которое вы износили, ни кушаній, которыми вы лакомились, ни минутъ, когда удовлетворено было ваше тщеславіе, или другія мелкія страстишки и пошлыя чувствованьица; но вы вспомните тѣ минуты, когда васъ поражалъ видъ восходящаго солнца, вечерняя заря, буря и вёдро, и всѣ явленія роскошно-великолѣпной природы, этого храма Бога живаго; вы вспомните минуты, когда вы тепло молились, плакали слезами раскаянія, любви, чистой радости, когда васъ поражала новая мысль, словомъ, всѣ моменты, всѣ феномены вашего духа, не исключая отъ сюда и уклоненій отъ истины, если они были моментами отрицанія, необходимыми для познанія истины. Конечно, вы, можетъ-быть, вспомните и платье, которое особенно восхищало вашу младенческую душу, и самоваръ, который собиралъ вокругъ себя вашего отца, мать, сестеръ

и братьевъ, и садъ, въ которомъ вы играли, и калитку, изъ которой во дни юности, выходили украдкой на сладкое свиданіе; но не платье, не самоваръ, не калитка не всѣ эти пустыя частности исторгнутъ грустно-сладостную слезу воспоминанія изъ вашихъ глазъ, а тотъ «букетъ жизни, тотъ ароматъ блаженства, который освятилъ ихъ для васъ.... Чистая радость и блаженство своимъ бытіемъ, хотя бы характеръ ихъ былъ и дѣтскій, суть дѣйствительность, потому что если они выходятъ и не изъ разумнаго сознанія, то изъ разумнаго ощущенія себя въ лонѣ вѣчнаго духа. Дѣйствительность есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое есть призрачность.

Но призрачность получаетъ характеръ необходимости, если мы, оставивъ человѣка съ его субъективной стороны, взглянемъ на него объективно, какъ на члена общества. Все служитъ духу, и истина идетъ всѣми путями, часто не разбирая ихъ. Иной, удовлетворяетъ только низкимъ нуждамъ своей жизни, насыщаетъ свою страсть къ любостяжанію, и между тѣмъ дѣлаетъ пользу обществу, нисколько не думая о его пользѣ, споспѣшествуетъ его развитію и благосостоянію, оживляя торговлю, кругообращеніе капиталовъ—одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе общества, эту необходимую форму для развитія человѣчества. Но дѣло въ томъ, что одинъ служитъ истинѣ для удовлетворенія потребности собственнаго духа, личнаго стремленія къ счастію; другой служитъ ему невольно и безсознательно, думая служить себѣ. Такъ бродящій по полю волъ, споспѣшествуя плодородію земли, дѣлаетъ большую пользу; но кто же ему поклонится за это, скажетъ спасибо, почувствуетъ къ нему уваженіе? А между тѣмъ безъ такихъ воловъ общество было бы невозможно, и представить его безъ нихъ, значило бы представить домъ, построенный изъ камня на воздухѣ.

Дѣйствительность есть положительное жизни; призрач-

ность ея отрицаніе. Но, будучи случайностію, призрачность дѣлается необходимостію, какъ уклоненіе отъ нормальности вслѣдствіе свободы человѣческаго духа. Такъ здоровье необходимо условливаетъ болѣзнь, свѣтъ темноту. Цѣлое заключаетъ въ себѣ всѣ свои возможности, и осуществленіе этихъ возможностей, какъ имѣющее свои причины, слѣдовательно свою разумность и необходимость—есть дѣйствительность. Если мы возьмемъ человѣка, какъ явленіе разумности — идея человѣка будетъ неполна: чтобъ быть полною, она должна заключать въ себѣ всѣ возможности, слѣдовательно, и уклоненіе отъ нормальности, т. е. паденіе. И потому, пустой, глупый человѣкъ, сухой эгоистъ есть призракъ; но идея глупца, эгоиста, подлеца есть дѣйствительность, какъ необходимая сторона духа, въ смыслѣ его уклоненія отъ нормальности.

Отсюда являются двѣ стороны жизни — дѣйствительная, или разумная дѣйствительность, какъ положеніе жизни, и призрачная дѣйствительность, какъ положеніе жизни. Отсюда же выходитъ и наше раздѣленіе поэзіи, какъ воспроизведеніе дѣйствительности, на двѣ стороны—положительную и отрицательную. Чтобы придать нашему созерцанію осязательную очевидность, бросимъ бѣглый взглядъ на два произведенія поэта, выражающія каждое одну изъ этихъ сторонъ жизни.

Вы возвышаетесь духомъ и предаетесь глубокой и важной думѣ, читая «Тараса Бульбу»; вы смѣетесь и хохочете, читая курьёзную «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: отчего эта противоположность впечатлѣнія отъ двухъ произведеній одного и того же художника?—Отъ сущности дѣйствительности, возсозданной въ томъ и другомъ, оттого, что первое изображаетъ положеніе жизни, а другое—ея отрицаніе. Что̀ такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, цѣлаго политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что̀ вы

видите въ этой поэмѣ? что̀ особенно поражаетъ васъ въ ней? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ, кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и, между тѣмъ, общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь?—въ православіи?—но оно такъ безтребовательно, такъ ограниченно и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію.—«Они приходили сюда, какъ будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій является только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй. Что—во Христа вѣруешь?» — Вѣрую! — отвѣчалъ приходившій. «И въ Троицу святую вѣруешь?»—Вѣрую!—«И въ церковь ходишь?»—Хожу.—«А ну, перекрестись!»—Пришедшій крестился. «Ну, хорошо», отвѣчалъ кошевой: «ступай же въ который самъ знаешь курень».—Этимъ оканчивается вся церемонія».—Нѣтъ, тутъ была другая сильнѣйшая связь: это удальство, которому жизнь—копейка, голова—наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ, людей кипящихъ избыткомъ исполинскихъ силъ,—жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностію; что̀ же лучше могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полу-дикаря, какъ не кровавая сѣча, какъ не отчаянное удальство во время войны, и не бѣшенная гульба во время мира? Оттого-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; оттого-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, широкимъ разметомъ души. Итакъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской Сѣчи, «того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы» и вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя. Тарасъ Бульба является у него представителемъ этой жизни, идеи этого народа, апотеозомъ этого широкаго размета души. Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой

гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому что изъ нихъ должны выйдти важные рыцари, и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, еслибы имѣлъ ихъ, потому что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ не годится въ рыцари. Онъ былъ христіаниnъ и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ: рѣдко видѣлъ церковь Божію, и въ правилахъ жизни своей руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею—и между тѣмъ зарѣзалъ бы роднаго сына за малѣйшее слово противъ религіи, и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украину и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалаго казачества, потому что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другаго нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами выпечатлѣлся на его полудикой физіономіи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистію, и когда къ этому присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о поганомъ католичествѣ, какъ называлъ онъ Поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стоновъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ... Это лице совершенно трагическое; его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими—комизмъ чисто внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресерьезно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькою; но вы содрагаетесь, только еще видя, что онъ, въ яростной битвѣ, приближается къ оторопѣвшему сыну—сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ комическій вопросъ: «что, сынку?»; но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное

умиленіе желѣзнаго характера, въ словахъ Бульбы: «Чѣмъ бы не казакъ былъ?—и станомъ высокій, и чернобровый, и лице какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою—пропалъ, пропалъ безъ славы!»... А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы Польки, по мнѣнію его чарами погубившей его сына, и потомъ—это море крови и пожаровъ, объявшее враждебный край и, среди его, грозная фигура, стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну въ память сына, наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерею обоихъ сыновей: «Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тросникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился и слезы капали одна за другою...» А это безконечно-знаменательное: «слышу, сынку!» и эта вторая страшная тризна мщенія за втораго сына, кончившаяся смертію мстителя, и какою смертію!—привязанный желѣзною цѣпью къ стоячему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ «хлопцамъ», что имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удальства и проворства... Видите ли: у этого человѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею... Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны. А жизнь въ объективной идеѣ, до претворенія ея въ субъективную стихію жизни—есть жизнь въ разумной дѣйствительности, въ положеніи, а не въ отрицаніи жизни. Грубость и ограниченность Бульбы принадлежатъ не его личности, но его народу и времени. Сущность жизни всякаго народа есть великая дѣйствительность, въ Тарасѣ Бульбѣ эта сущность нашла свое полнѣйшее выраженіе.

Совсѣмъ другой міръ представляетъ намъ ссора Ивана

Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Это міръ случайностей, неразумности; это отрицаніе жизни, пошлая, грязная дѣйствительность. Но какимъ же образомъ могла она сдѣлаться содержаніемъ художественнаго произведенія, и не унизилъ ли художникъ своего таланта, сдѣлавъ изъ него такое употребленіе? Резонеры, которымъ доступна одна внѣшность, а не мысль, отвѣтятъ вамъ утвердительно на этотъ вопросъ. Мы думаемъ напротивъ. Какъ мы уже сказали, частное явленіе отрицанія жизни возбуждаетъ одно отвращеніе и есть призракъ; но какъ идея, какъ необходимая сторона жизни, призрачность получаетъ характеръ дѣйствительности и, слѣдовательно, можетъ и должна быть предметомъ искусства. Тутъ задача въ томъ, чтобы въ основаніи художественнаго произведенія лежала общая идея, и чтобы изображенія поэта были не списками съ частныхъ явленій (эти списки — суть призраки), но идеалы, для того перешедшіе въ дѣйствительность явленія, чтобы каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ идеи, представителемъ цѣлаго ряда, безконечнаго множества явленій одной идеи, и, будучи въ этомъ значеніи общимъ, былъ бы въ то же время единымъ — живою, замкнутою въ самой себѣ особностію. Всякая частность есть случайность, и если ея значеніе низко и пошло—она оскорбляетъ человѣческое, эстетическое чувство; но общее, хотя бы и отрицательной стороны жизни, уже дѣлается предметомъ знанія, и теряетъ свою случайность. Вотъ, еслибы поэтъ, въ изображеніяхъ такого рода явленій, вздумалъ оправдывать свои субъективныя убѣжденія, и грязь жизни выдавать субъективно за поэзію жизни,—тогда бы его изображенія были отвратительны; но тогда бы онъ уже и пересталъ быть поэтомъ. Они существуютъ для него объективно, всѣ они внѣ его, но онъ самъ въ нихъ, потому что поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидитъ ихъ идею и, проведя ихъ чрезъ свою творческую фантазію, просвѣтляетъ этою идеею ихъ естественную грубость и грязность.

Объективность, какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль, всякое судопроизводство со стороны поэта. Изображая отрицательныя явленія жизни; поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры, потому что сатира не принадлежитъ къ области искусства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе: нельзя сердится и творить въ одно и то же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута высочайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому что они представляются ему уже просвѣтленными идеею.

Были два пріятеля-сосѣда, соединенные другъ съ другомъ неразрывными узами взаимной пошлости, привычки и праздности. Мы не будемъ ихъ описывать послѣ изображенія; сдѣланнаго поэтомъ. Если, читатели, вы помните и знаете Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — были они искренними друзьями, и вдругъ сдѣлались страшными врагами, и прожили все свое имѣніе, стараясь доѣхать другъ друга судомъ. А отчего? Стоитъ произвести по нѣскольку чертъ характера каждаго—и вы поймете причину этого страннаго явленія. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма солидный, самаго тонкаго обращенія, терпѣть не могъ грубыхъ или непристойныхъ словъ, и когда подчивалъ кого-нибудь знакомаго табакомъ, то говорилъ: «смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?», а если незнакомаго, то: «смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?» Онъ любилъ лежать на солнцѣ подъ навѣсомъ въ одной рубашкѣ только послѣ обѣда, а вечеромъ надѣвалъ бекешъ, выходя со двора; но самая рѣзкая черта его характера была та, что, съѣвши дыню, онъ завертывалъ въ бумажку сѣмена, и надписывалъ: «Сія дыня съѣдена такого-то числа»,

а если при этомъ былъ гость, то: «участвовалъ такой-то». Присовокупите къ этому портрету страшную скупость и высокую цѣну, придаваемую земнымъ благамъ—и Иванъ Ивановичъ весь передъ вами. Иванъ Никифоровичъ отличался отъ своего друга толстотою и любилъ употреблять въ разговорѣ непристойныя слова, къ крайнему неудовольствію достойнаго Ивана Ивановича; любилъ въ жаркіе дни выставлять на солнце спину, садиться по горло въ воду, куда ставилъ столъ и самоваръ и пилъ чай; любилъ въ комнатѣ лежать въ натурѣ, и когда потчивалъ кого изъ своей табакерки табакомъ, то просто говорилъ: «одолжайтесь». Теперь вы видите всю эту жизнь, понятную только въ произведеніи художника, но случайную, безсмысленную и глупо-животную въ дѣйствительности. Оба героя призраки, (въ томъ смыслѣ, который мы выше придали этому слову), и все, что они ни дѣлаютъ, есть призракъ, пустота, безсмыслица. Въ ихъ характерахъ уже лежитъ какъ необходимость, ихъ ссора. Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича; зачѣмъ?—не спрашивайте: онъ самъ этого не знаетъ. Мы думаемъ, что это было безсознательнымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь наполнить свою праздную пустоту, потому что пустота, вслѣдствіе праздности, тяжка и мучительна для всякаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ пошлъ. Иванъ Никифоровичъ, по такой же причинѣ, не хотѣлъ уступить ему своего ружья, хотя тотъ и обѣщалъ ему за него приличное вознагражденіе—бурую свинью и мѣшокъ гороха. Завязался крупный разговоръ, въ которомъ Иванъ Никифоровичъ, грубый въ своихъ выходкахъ, назвалъ Ивана Ивановича, этого до крайности деликатнаго и щекотливаго со стороны своей чести и аттенціи человѣка, назвалъ его — о, ужасъ!— гусакомъ...

Великая, безконечно великая черта художественнаго генія этотъ гусакъ! Еслибы поэтъ причиною ссоры сдѣлалъ дѣйствительно оскорбительныя ругательства, пощечину, драку—

это испортило бы все дѣло. Нѣтъ, поэтъ понялъ, что въ мірѣ призраковъ, которому онъ давалъ объективную дѣйствительность, и забавы, и занятія, и удовольствія, и горести, и страданія, и самое оскорбленіе—все призрачно, безсмысленно, пусто и пошло. Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ—она каждому даетъ въ мѣру чего и сколько ему нужно. Конечно, эти чудаки и отъ природы были не бойкіе люди, но и имъ нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣстницѣ человѣческой и гражданской дѣятельности: они могли бъ быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами, и имѣть, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстечкомъ въ цѣпи явленій духа, свою благообразность формы; но воспитаніе, животная лѣнь, праздность, невѣжество—вотъ что сдѣлало ихъ такими. Ихъ хотятъ примирить и почти было успѣли въ этомъ; уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобъ достать рожокъ и сказать «одолжайтесь», но вдругъ лукавый дернулъ его замѣтить, что не стóитъ сердиться изъ пустаго слова «гусакъ». Видите ли: еслибы онъ гусака замѣнилъ птицею, или выразился какъ-нибудь иначе, они снова были бы друзьями; но роковое слово было сказано, и снова прадѣдовскіе карбованцы полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ карманы подъячихъ, и имѣніе, внѣшнее и внутреннее благосостояніе, вся жизнь была истощена въ тяжбѣ. Десять лѣтъ прошло, головы ихъ убѣлились сѣдиною, и поэтъ восклицаетъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Да! грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и умереть призракомъ и въ призракахъ даже и не подозрѣвая возможности дѣйствительной жизни! И сколько на свѣтѣ такихъ людей, сколько на свѣтѣ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей!...

Начиная говорить о «Тарасѣ Бульбѣ» о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», мы не думали писать критики на эти два великія произведенія поэзіи: это

не относилось къ нашему предмету и далеко превзошло бы наши силы. Мы только взглянули на нихъ мимоходомъ, и только съ одной стороны—съ той, которая непосредственно относится къ предмету нашей статьи. Мы показали, что элементы трагическаго находятся въ дѣйствительности, въ положеніи жизни, такъ сказать; а элементы комическаго въ призрачности, имѣющей только объективную дѣйствительность, въ отрицаніи жизни. Трагедія можетъ быть и въ повѣсти, и въ романѣ, и въ поэмѣ, и въ нихъ же можетъ быть комедія. Что же такое, какъ не трагедія, «Тарасъ Бульба», «Цыганы» Пушкина, и что же такое «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Графъ Нулинъ» Пушкина, какъ не комедія?... Тутъ разница въ формѣ, а не въ идеѣ. Но перейдемъ къ трагедіи и комедіи, и взглянемъ на нихъ поближе.

Трагическое заключается въ столкновеніи естественнаго влеченія сердца съ идеею долга, въ проистекающей изъ того, борьбѣ и, наконецъ, побѣдѣ или паденіи. Изъ этого видно, что кровавый конецъ тутъ ровно ничего не значитъ: Иванъ Ивановичъ могъ бы зарѣзать Ивана Никифоровича, а потомъ и себя, но комедія все бы осталась комедіею. Объяснимъ это примѣромъ. Андрій, сынъ Бульбы, полюбилъ дѣвушку изъ враждебнаго племени, которой онъ не могъ отдаться, не измѣнивъ отечеству: вотъ столкновеніе (коллизія), вотъ сшибка между влеченіемъ сердца и нравственнымъ долгомъ. Борьбы не было: пылкая натура, кипящая юными силами, отдалась безъ размышленія влеченію сердца. Будете ли вы осуждать ее, имѣете ли право на это? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Поймите безконечно глубокую идею суда Спасителя надъ блудницею, и не поднимайте камня. А, между тѣмъ, Андрій всетаки виноватъ предъ нравственнымъ закономъ. Но еслибы въ жизни не было такихъ столкновеній, то не было бы и жизни, потому что жизнь только въ противорѣчіяхъ и примиреніи, въ борьбѣ воли съ долгомъ

и влеченіемъ сердца, и въ побѣдѣ или паденіи. Чтобы подать людямъ великій и поразительный примѣръ процесса осуществленія развивающейся идеи и урокъ нравственности, судьба избираетъ благороднѣйшіе сосуды духа и дѣлаетъ ихъ уже не преступниками, но очистительными жертвами, которыми искупается истина. Отелло потому и свершилъ страшное убійство невинной жены, и палъ подъ тяжестію своего проступка, что онъ былъ могучъ и глубокъ: только въ такихъ душахъ кроется возможность трагической коллизіи, только изъ такой любви могла выйдти такая ревность и такая жажда мести. Онъ думалъ отомстить своей женѣ столько же за себя, сколько и за поруганное ея мнимымъ преступленіемъ человѣческое достоинство.

Человѣкъ живетъ въ двухъ сферахъ, въ субъективной, со стороны которой онъ принадлежитъ только себѣ и больше никому, и въ объективной, которая связываетъ его съ семействомъ, съ обществомъ, съ человѣчествомъ. Эти двѣ сферы противоположны: въ одной онъ господинъ самого себя, никому неотдающій отчета въ своихъ стремленіяхъ и склонностяхъ; въ другой онъ весь въ зависимости отъ внѣшнихъ отношеній. Но такъ какъ этотъ объективный міръ суть законы его же собственнаго разума, только внѣ его осуществившіеся, какъ явленія; такъ какъ этотъ объективный міръ требуетъ отъ него того же самаго, чего и онъ требуетъ для себя отъ объективнаго міра,—то онъ и связанъ съ нимъ неразрывными узами крови и духа. Вслѣдствіе этихъ-то кровно-духовныхъ узъ нравственность выходитъ изъ гармоніи субъективнаго человѣка съ объективнымъ міромъ, и если та и другая сторона позволяетъ ему предаться влеченію сердца, нѣтъ столкновенія, ни борьбы, ни побѣды, ни паденія, но есть одно свѣтлое торжество счастія. Когда же они расходятся, и одна влечетъ его въ сторону, а другая въ другую,—является столкновеніе, и чѣмъ бы человѣкъ ни вышелъ изъ этой битвы—побѣжденнымъ или побѣдителемъ—для него нѣтъ уже полнаго счастія:

онъ застигнутъ судьбою. Если онъ увлекся влеченіемъ сердца и оскорбилъ нравственный законъ, изъ этого оскорбленія вытекаетъ, какъ необходимый результатъ, его наказаніе, потому что отношенія его къ объективному міру тѣмъ глубже и священнѣе, чѣмъ онъ больше человѣкъ. Въ собственной душѣ его корни нравственнаго закона, и онъ самъ свой судья и свое наказаніе: еслибы борьба и не разрѣшилась кровавою катастрофою, его блаженство уже отравлено, уже неполно, потому что сознаніе его незаконности не только въ людяхъ, показывающихъ на него пальцами, но въ собственномъ его духѣ. Еще прежде, нежели Бульба убилъ Андрія, Андрій былъ уже наказанъ: онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, увидѣвъ отца своего. Одно уже то, что онъ нашелъ себя въ страшной необходимости занести убійственную руку на соотечественниковъ, наконецъ, на отца, было наказаніемъ, которое стоило смерти, и которое смерть сдѣлала для него выходомъ, спасеніемъ, а не карою. И самое блаженство его—не отравлялось ли оно какою-то мрачною, тяжелою мыслію? Мы сказали, что Андрій увидѣлъ себя въ страшной необходимости лить кровь своихъ соотечественниковъ, своихъ единовѣрцевъ: да, въ необходимости, которая, какъ слѣдствіе изъ причины, логически проистекла изъ его поступка. Макбетъ, томимый жаждою властолюбія, достигнутъ престола убійствомъ своего законнаго короля, своего родственника и благодѣтеля, мужа кроткаго и благороднаго, думалъ, можетъ-быть, снять съ себя вину цареубійца, мудро управляя народомъ и даровавъ ему внѣшнюю безопасность и внутреннее благоденствіе; но ошибся въ своихъ разсчетахъ: не внѣшній случай былъ его карою, но самъ онъ наказалъ себя; во всѣхъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, даже въ собственной тѣни, и скоро самъ созналъ это, увидѣвъ логическую необходимость новыхъ злодѣйствъ, и сказавъ:

Кто зло посѣялъ—зломъ и поливай!

Кровавая катастрофа въ трагедіи не бываетъ случайною и внѣшнею; зная характеръ Бульбы, вы уже впередъ знаете, какъ онъ поступитъ съ сыномъ, если встрѣтиться съ нимъ: сыноубійство для васъ уже заранѣе очевидная необходимость: Но сущность трагическаго не въ кровавой развязкѣ, которая можетъ произвести только чувство подавляющаго ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, а въ идеѣ необходимости кровавой развязки, какъ актѣ нравственнаго закона, отомщающаго за свое нарушеніе, и вотъ почему, когда занавѣсъ скрываетъ отъ васъ сцену, покрытую трупами, вы уходите изъ театра съ какимъ то успокоивающимъ чувствомъ, съ тихою и глубокою думою о таинствѣ жизни. Потому же самому вы примиряетесь и съ благородными жертвами, человѣчески понимая, какъ трудно было имъ пройдти безвредно между Сциллою сердечнаго влеченія и Харибдою нравственнаго закона, удовлетворить вмѣстѣ и субъективнымъ требованіямъ и объективнымъ обязанностямъ

Само собою разумѣется, что, когда герой трагедіи выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ, то развязка можетъ обойдтись безъ крови, но что драма, отъ этого не теряетъ своего трагическаго величія. Что можетъ быть выше, какъ зрѣлище человѣка, который отрекся отъ того, что составляло условіе, сферу, воздухъ, жизнь его жизни, свѣтъ его очей, для котораго навсегда потеряна надежда на полноту блаженства, и для котораго остается одинъ выходъ — сосредоточивъ въ себѣ бремя несчастія, нести его въ благородномъ молчаніи, тихой грусти и сознаніи великодушной побѣды?... Равно величественное зрѣлище представляетъ собою человѣкъ падшій жертвою своей побѣды: таковъ былъ бы Гамлетъ, который для того, чтобъ исполнить долгъ мщенія за отца, отказался отъ блаженства любви, еслибы въ его дѣйствіяхъ было видно больше рѣшительности и полноты натуры.

Трагедія выражаетъ не одно положеніе, но и отрицаніе жизни,—только отрицаніе трагическаго характера. Мы разу-

мѣемъ тѣ страшныя уклоненія отъ нормальности, къ которымъ способны только сильныя и глубокія души. Макбетъ Шекспира—злодѣй, но злодѣй, съ душою глубокою и могучею, отчего онъ, вмѣсто отвращенія, возбуждаетъ участіе: вы видите въ немъ человѣка, въ которомъ заключалась такая же возможность побѣды, какъ и паденія, и который, при другомъ направленіи, могъ бы быть другимъ человѣкомъ. Но есть злодѣи какъ будто по своей натурѣ, есть демоны человѣческой природы, по выраженію Рётшера: такова леди Макбетъ, которая подала кинжалъ своему мужу, подкрѣпила и вдохновила его сатанинскимъ величіемъ своего отверженія отъ всего человѣческаго и женственнаго, своимъ демонскимъ торжествомъ надъ законами человѣческой и женственной натуры, адскимъ хладнокровіемъ своей рѣшимости на мрачное злодѣйство. Но для слабаго сосуда женской организаціи былъ слишкомъ не въ мѣру такой сатанинскій духъ, и сокрушилъ его своею тяжестію, разрѣшивъ безумство сердца помѣшательствомъ разсудка, тогда какъ самъ Макбетъ встрѣтилъ смерть подобно великому человѣку, и этимъ помѣрилъ съ собою душу зрителя, для котораго въ его паденіи совершилось торжество нравственнаго духа. Вообще, демоны человѣческой натуры возбуждаютъ въ нашей душѣ больше трагическаго ужаса, нежели человѣческаго участія: только ихъ гибель миритъ васъ съ ними. Въ нихъ есть своя безконечность, свое величіе, потому что всякая безконечная сила духа, хотя бы проявляющая себя въ одномъ злѣ, носитъ на себѣ характеръ величія, но величія чисто объективнаго, которое невольно хочешь созерцать, какъ невольно смотришь на удава или гремучаго змѣя, но котораго себѣ не пожелаешь. И такъ, предметомъ трагедіи можетъ быть и отрицательная сторона жизни, но являющаяся въ силѣ и ужасѣ, а не въ мелкости и смѣхѣ,—въ огромныхъ размѣрахъ, а не въ ограниченности, — въ страсти, и не страстишкахъ,—въ преступленіи, а не въ проступкѣ,—въ злодѣйствѣ, а не въ плутняхъ.

Обратимся къ комедіи, составляющей главный предметъ нашей статьи. Ея значеніе и сущность теперь ясны: она изображаетъ отрицательную сторону жизни, призрачную дѣятельность. Какъ величіе и грандіозность составляютъ характеръ трагедіи, такъ смѣшное составляетъ характеръ комедіи. Грандіозность трагедіи вытекаетъ изъ нравственнаго закона, осуществляющагося въ ней судьбою ея героевъ — людей возвышенныхъ и глубокихъ, или отверженцевъ человѣческой природы, падшихъ ангеловъ; смѣшное комедіи вытекаетъ изъ безпрестаннаго противорѣчія явленій съ законами высшей разумной дѣйствительности. Какъ основа трагедіи на трагической борьбѣ, возбуждающей, смотря по ея характеру, ужасъ, состраданіе, или заставляющей гордиться достоинствомъ человѣческой природы и открывающей торжество нравственнаго закона, такъ и основа комедіи—на комической борьбѣ, возбуждающей смѣхъ; однакожъ въ этомъ смѣхѣ слышится не одна веселость, но и мщеніе за униженное человѣческое достоинство, и такимъ образомъ, другимъ путемъ, нежели въ трагедіи, но опять-таки открывается торжество нравственнаго закона.

Всякое противорѣчіе есть источникъ смѣшнаго и комическаго. Противорѣчіе явленій съ законами разумной дѣйствительности обнаруживается въ призрачности, конечности и ограниченности—какъ въ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ; противорѣчіе явленія съ собственною его сущностью, или идеи съ формою, представляется то какъ противорѣчіе поступковъ человѣка съ его убѣжденіями—Чацкій; то какъ представленіе себя не тѣмъ, что́ есть—титулярный совѣтникъ Поприщинъ (у Гоголя, въ «Запискахъ Сумасшедшаго»), воображавшій себя Фердинандомъ VIII, королемъ испанскимъ; то какъ достолюбезность или смѣшная форма вслѣдствіе воспитанія, привычекъ, субъективной ограниченности, односторонности понятій, странной наружности, манеръ, при достоинствѣ содержанія,—эта сторона комическаго

есть и въ самомъ Тарасѣ Бульбѣ. Вообще не должно забывать, что элементы трагическаго и комическаго въ поэзіи смѣшиваются такъ же, какъ и въ жизни; почему, въ драмахъ Шекспира, вмѣстѣ съ героями являются шуты, чудаки и люди ограниченные. Такъ точно и въ комедіи могутъ быть лица благородныя, характеры глубокіе и сильные. Различіе трагедіи и комедіи не въ этомъ, а въ ихъ сущности. Противорѣчіе явленія съ собственною его сущностію, или идеи съ формою, можетъ быть и въ трагедіи, но тамъ оно есть уже источникъ не смѣшнаго и комическаго, а ужаснаго и грандіознаго, если выражается въ героѣ, долженствующемъ осуществить нравственный законъ, Алеко Пушкина—человѣкъ съ душою глубокою и сильною, по крайней мѣрѣ, съ огнедышащими страстями и ужасною волею для свершенія ужаснаго, но что онъ представляетъ собою, какъ не противорѣчіе идеи съ формою? Онъ враждуетъ съ человѣческимъ обществомъ за его предразсудки, противные правамъ природы, за его стѣснительныя условія, и между тѣмъ самъ вноситъ эти предразсудки къ бѣднымъ дѣтямъ природы, эти стѣснительныя условія къ полудикимъ дѣтямъ вольности: однакожъ изъ этого противорѣчія выходитъ не смѣхъ, « убійство и ужасъ трагическій—торжество нравственнаго закона. Чацкій Грибоѣдова представляетъ собою то же противорѣчіе идеи съ формою; онъ хочетъ исправить общество отъ его глупостей, чѣмъ же? своими собственными глупостями, разсуждая съ глупцами и невѣждами о «высокомъ и прекрасномъ», читая проповѣди и диспутаціи на балахъ, и всякаго ругая, какъ вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома. И его противорѣчіе смѣшно, потому что оно—буря въ стаканѣ воды, тогда какъ противорѣчіе Алеко—страшная буря на океанѣ. Герои трагедіи—герои человѣчества, его могущественнѣйшія проявленія; герои комедіи—люди обыкновенные, хотя бы даже и умные и благородные. Міръ трагедіи—міръ безконечнаго въ страстяхъ и волѣ человѣка; міръ ко-

медіи—міръ ограниченности, конечности. Если въ комедіи, между дѣйствующими лицами, есть герой человѣчества, онъ играетъ въ ней обыкновенную роль, такъ что въ ней никто не видитъ, а развѣ только подозрѣваетъ въ возможности героя человѣчества. Но какъ скоро онъ является такимъ героемъ и осуществляетъ своею судьбою торжество нравственнаго закона, то хотя бы всѣ остальныя лица были дураки и смѣшили васъ до слезъ своимъ противорѣчіемъ съ разумною дѣйствительностію — драматическое произведеніе уже не комедія, а трагедія.

Но есть еще нѣчто среднее между трагедіею и комедіею. Можетъ быть такое произведеніе, которое, не представляя собою трагической коллизіи, какъ осуществленія нравственнаго закона, тѣмъ не менѣе выражаетъ собою положительную сторону бытія, явленіе разумной дѣйствительности, жизнь духа. Мы выше сказали, что на какой бы степени ни явился духъ— его явленіе есть уже дѣйствительность въ разумномъ и положительномъ смыслѣ этого слова. Какъ двѣ полярности одной и той же силы, какъ двѣ противоположныя крайности одной и той же идеи—идеи дѣйствительности, мы представили «Тараса Бульбу» и «Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: теперь мы должны, для уясненія нашей мысли, указать на третье произведеніе того же поэта—«Старосвѣтскіе Помѣщики». Вы смѣетесь, читая изображеніе незатѣйливой жизни двухъ милыхъ оригиналовъ, жизни, которая протекаетъ въ ежеминутномъ «покушиваніи» разныхъ разностей; вы смѣетесь надъ этою простодушною любовію, скрѣпленною могуществомъ привычки и потомъ превратившеюся въ привычку: но вашъ смѣхъ весело-добродушенъ, и въ немъ нѣтъ ничего досаднаго, оскорбительнаго; но васъ поражаетъ родственною горестью смерть доброй Пульхеріи Ивановны, и вы, послѣ, болѣзненно сочувствуете безотрадной горести стараго младенца апоплексически замерзшаго душевно и тѣлесно отъ утраты своей няньки, лелѣявшей его безтребовательную жизнь и сдѣлав-

шейся ему необходимою, какъ воздухъ для дыханія, какъ свѣтъ для очей, и вамъ, наконецъ, тяжело становится при видѣ ниспроверженія домашнихъ пенатовъ хлѣбосольной четы, которое произвелъ глупый племянникъ, прицѣнявшійся на ярмаркахъ къ оптовымъ цѣнамъ, а покупавшій только кремешки и огнивки. Отчего же такъ привязываютъ васъ къ себѣ эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и неподозрѣвающіе, что можетъ существовать сфера жизни, высшая той, въ которой они живутъ, и которая вся состоитъ въ спаньѣ, или въ подчиваньѣ и кушаніи! Оттого, что это были люди, по своей натурѣ неспособные ни къ какому злу, до того добрые, что всякаго готовы были угостить на смерть, люди, которые до того жили одинъ въ другомъ, что смерть одного была смертію для другаго, смертію въ тысячу разъ ужаснѣйшею, нежели прекращеніе бытія; слѣдовательно, основою ихъ отношеній была любовь, изъ которой вышла привычка, укрѣплявшая любовь. Это любовь еще на слишкомъ низкой ступени своего проявленія, но вышедшая изъ общаго, родоваго, во вѣки неизсякающаго источника любви. Это уже явленіе духа, хотя еще слабое и ограниченное, ступень духа, хотя еще и низшая, но уже явленіе не призрака, а духа; уже положеніе, а не отрицаніе жизни,— словомъ, своего рода разумная дѣйствительность. Мы жалѣемъ, что не можемъ указать ни на одно произведеніе такого рода въ драматической формѣ: оно было бы именно такимъ, которое не есть ни трагедія, ни комедія, но то среднее между ними, о которомъ мы говоримъ. Такого-то рода произведенія назывались въ старину «слезными комедіями» и «мѣщанскими трагедіями», а потомъ «драмами». Они обыкновенно заключали въ себѣ трогательное и даже «бѣдственное» происшествіе «благополучно окончившееся». Плодовитая досужесть Коцебу въ особенности снабжала XVIII вѣкъ этими «драмами», которыя были бы именно тѣмъ, о чемъ мы говоримъ, еслибъ были художественны. И въ самомъ дѣлѣ, такія среднія между трагедіею и комедіею «драмы», по своей сущности, удобнѣе

къ такъ называемой «благополучной развязкѣ», хотя эта счастливая развязка» и отнюдь не составляетъ ни ихъ сущности, ни ихъ необходимаго условія. Мы выше сказали, что кровавая развязка не есть непремѣнное условіе даже самой трагедіи; но трагедія необходимо требуетъ жертвъ — кто бы они ни были, добрые или злые, и черезъ что̀ бы ими ни были, чрезъ смерть или утрату надежды на счастіе жизни: ибо только въ борьбѣ можетъ вполнѣ и торжественно осуществиться торжество нравственнаго закона, которое есть высочайшее торжество духа и величайшее явленіе міровой жизни; почему и трагедія есть высшая сторона, цвѣтъ и торжество драматической поэзіи. Изъ этого ясно видно, что «драма» можетъ изображать явленія разумной дѣйствительности на всѣхъ ея ступеняхъ, а не только на первыхъ, какъ въ приведенныхъ нами въ примѣръ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Отъ комедіи она существенно разнится тѣмъ, что представляетъ не отрицательную, а положительную сторону жизни; а отъ трагедіи она существенно разнится тѣмъ, что, даже и выражая торжество нравственнаго закона, дѣлаетъ это не чрезъ трагическое столкновеніе, въ самомъ себѣ неизбѣжно заключающее условіе жертвъ, а слѣдовательно лишена трагическаго величія и недосягаетъ до высшихъ міровыхъ сферъ духа. Мы думаемъ, что вслѣдствіе такого умозрительнаго построенія, можно причислить къ «драмамъ», напримѣръ, шекспирова «Венеціянскаго Купца» и пушкинскаго «Анджело», и въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ «видѣть, въ эпическомъ родѣ, соотвѣтственное ей явленіе.

Итакъ мы нашли три вида драматической поэзіи—трагедію, драму и комедію, выводя ихъ не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ идеи самой поэзіи. Для большей опредѣленности въ этихъ техническихъ словахъ мы должны сказать еще нѣсколько словъ о сбивчивомъ употребленіи слова «драма». Словомъ «драма» выражаютъ и общее родовое понятіе произведеній цѣлаго отдѣла поэзіи, такъ что всякая піеса въ

драматической формѣ—трагедія ли то, комедія, или даже водевиль, есть уже драма; потомъ, подъ словомъ же «драма», разумѣютъ высшій родъ драматической поэзіи—трагедію. Поэтому, піесы Шекспира называются то драмами, то трагедіями, но въ обѣихъ случаяхъ означая этими словами высшій драматическій родъ, то, что Нѣмцы называютъ Trauerspiel. Другіе хотятъ ихъ называть только «драмами», оставляя названіе «трагедіи» за греческими произведеніями этого рода, и желая словомъ «драма» отличить христіанскую трагедію—герой которой есть субъективная личность внутренняго и самоцѣльнаго человѣка—отъ языческой трагедіи, герой которой народъ, въ лицѣ царей и героевъ, какъ представителей народа, какъ объективныхъ личностей, и потомъ, какъ трагедіи въ маскѣ и на котурнѣ, и съ хоромъ — органомъ таинственнаго и незримоприсутствующаго героя—колоссальнаго призрака судьбы. Нѣкоторые хотятъ присвоить названіе «трагедіи» особенному роду произведеній новѣйшаго искусства, ведущаго свое начало отъ «мистерій» среднихъ вѣковъ,—драмамъ лирическимъ, каковы суть: «Фаустъ» Гёте, герой которой есть цѣлое человѣчество въ лицѣ одного человѣка, и «Орлеанская Дѣва» Шиллера, герой которой есть цѣлый народъ, таинственно-спасаемый высшими силами въ лицѣ чуждой дѣвы, которой имя и явленіе необъяснимо утверждено исторіей. Намъ кажется, что каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свое основаніе, и наша цѣль была не указать на справедливѣйшее, но дать знать о существованіи всѣхъ. Кто пойметъ идею этихъ мнѣній, для того не будетъ казаться сбивчивымъ различное употребленіе слова «драма».

Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы

помогали ходу дѣйствія, но развивается имманентно, т. е. изнутри самой себя, какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому, всякая піеса въ драматической формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т. е. представляющая собою отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ, напр., піесы Пушкина: «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Борисъ Годуновъ» и «Каменный Гость» — суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражающія, въ драматической формѣ, идею торжества нравственнаго закона, и представляющія, каждая въ отдѣльности, совершенно особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ комедія можетъ представлять собою особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ; для чего бросимъ бѣглый взглядъ на высоко-художественное произведеніе въ этомъ родѣ, на комедію Гоголя «Ревизоръ».

Въ основаніи «Ревизора» лежитъ та же идея, что̀ и въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ, въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи, мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ «Ревизорѣ» пустоту, наполненную дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ:

въ первомъ—ссору двухъ пріятелей, во второмъ—ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войдти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей враговъ, ни того, что̀ было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполнѣ изчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что́ намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т. е. въ искусствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностію и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ; но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: «не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ». Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обра-

тилось въ правило нравственности; онъ почелъ бы себя выскочкою, самолюбивымъ гордецомъ, еслибы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть «выскочкою»: всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразы «всѣ такъ дѣлаютъ» и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому «всѣ такъ дѣлаютъ» было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: «жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чай и сахаръ». Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что́ касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онѣ всѣ тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же нетрудно понять, что́ съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и до и послѣ этого момента. Конецъ «Ревизора» сдѣланъ поэтомъ опять не произвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности піесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ и только чрезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствитель-

ности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстный подъ именемъ уголовнаго суда, то и должно было выйдти комическое столкновеніе, какъ ошибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ, трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя, не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по своему, очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло—своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ,—образецъ подъяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаётъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новыя хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ піесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лице въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особною жизнію. Далѣе мы изъ «Ревизора» разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что вслѣдствіе

этого взгляда на искусство, Мольеръ — такой же художникъ, какъ Гомеровъ Тирсисъ—красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, Французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ дѣйствительно былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимою живостію и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозною игривостію для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ; но его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а карикатуры, такъ же какъ его произведенія—сатиры, а не комедіи, такъ же какъ самъ онъ поэтъ мѣстами, а не художникъ, который потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. Напримѣръ, въ его «Скупомъ», Гарпагонъ конечно хорошъ, какъ мастерски написанная карикатура, но всѣ другія лица—резонёры, ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своею жизнію и для самого себя, но всѣ придуманы, чтобы лучше оттѣнить собою героя quasi-комедіи. То же и въ «Тартюфѣ»: всѣ лица присочинены для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человѣка, и то потому что этотъ одинъ—пошлый дуракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходитъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумывается, какъ рама для картины, не создается, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ. Какой это художникъ!

Многіе находятъ странною натяжкою и фарсомъ, ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человѣкъ, по своему, очень умный, т. е.

плутъ перваго разряда... Странное мнѣніе, или, лучше сказать, странная слѣпота, недопускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человѣка есть два зрѣнія—физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человѣка есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкою и фарсомъ. Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему виделись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ,—черныя, неестетвенной величины — пришли, понюхали, и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣпь призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны—мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ бо́льшее и таинственнѣйшее значеніе. Еслибы, послѣ этого сна, ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что «отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія». Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова «инкогнито» и «съ секретнымъ предписаніемъ». Петербургъ есть таинственная страна для наше гогородничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ, грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкою за взяточничество и

казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какіе пули онъ будетъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками, и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ, находитъ причину присылки ревизора, достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что «Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны». Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: «Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Еслибъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ—въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь». За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т. е. взяткахъ, говоря, что «нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ», что «это уже такъ самимъ Богомъ устроено» и что «волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ»; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьею о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. «Вдругъ заглянетъ; а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинъ-Ляпкинъ. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника.—А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!»... Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найдти въ нихъ разные этакіе пасажи... назидательные даже... лучше, нежели въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты «немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать — не

содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или просто переписки». Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза «или просто переписки» безсмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. «Я радъ, что вы это дѣлаете», отвѣчаетъ плутъ-городничій простяку почтмейстеру: «это въ жизни хорошо», и видя, что съ нимъ обиняками немного возмешь, напрямки проситъ его—всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собаченкою, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: «У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...»

И въ самомъ дѣлѣ двери отворяются съ шумомъ и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и, чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираньи новостей и сплетней. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ выростаютъ сознаніемъ своей важности, и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема.

«Чрезвычайное происшествіе!» кричитъ Бобчинскій. «Неожиданное извѣстіе!» восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а осо-

бливо самъ городничій весь сосредоточенъ на idée fixe. Что такое?»—Приходимъ въ гостинницу—восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостинницу—перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается разсказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостинницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ риторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ-друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Бобчинскаго «и зубъ со свистомъ и слога такого нѣту», и Добчинскому осталось только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка обѣгать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до «молодаго человѣка недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ». Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ «молодой человѣкъ недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ» на воображеніе городничаго, уже безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго «инкогнито»! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга—Иванъ Акександровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ». Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: Съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда—въ Саратовскую губернію? Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ». Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? не можетъ быть! Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ—кому-же быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Понимаете ли вы хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ—вотъ источникъ комическаго и смѣшнаго! Видите ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, проистекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и какъ утопающій хватается за соломенку; такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придало ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя бъ было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Бобчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностію и очевидностію подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

Онъ, онъ!.. ей Богу онъ!.. Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывалъ! Боже мой, да еслибы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго, въ его испуганномъ воображеніи непремѣнно должна быть наблюдательность...

Видите ли съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какою поразительною очевидностію умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію, или, что еще лучше — посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите—такъ это уже вина вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпаго безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонёрскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь,— вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта—отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно высѣченой имъ унтеръ-офицерской жены, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ—молодой человѣкъ; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою, или хоть позволить «бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ», чтобы только посмотрѣть въ щелочку «такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего»; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ «не по чину беретъ»; сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, недогадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже негодится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто

еще не ставилъ, и угрозу «на каждаго бестію-купца наложить по три пуда воска», когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своею кокетливостію при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящею въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ, ни чертою; что все это больше нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это—художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ вами Осипъ—герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ, между прочимъ, читаетъ онъ нравоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который поживъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по пословицѣ «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ пони-

маетъ по своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель; глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ, до новой присылки денегъ. «Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно». Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названія журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, «Библіотека для Чтенія», и «Сумбека», «Юрій Милославскій» и «Фенелла». Онъ денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюлень и портныхъ. Въ Пензѣ его обыгралъ начистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастіе; но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ дилеттантъ къ художнику, потому что, «что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ—славно играетъ»! Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его правоученій и его грубости! Посмотрите какъ онъ подличаетъ передъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьи и о числѣ пріѣжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ?

И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ-быть, потому что онъ подсматривалъ и подслушивалъ какъ и всѣ, то есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти всѣ—то же поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что «тамъ чего-то пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ», новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслію, что если поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой настроенности его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!... Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену—она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о «проклятомъ инкогнито», онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки, а съ другой, преловко и прехитро выкидываетъ свои тонкія штуки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью—въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ—мать сердится: «Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну да, идетъ». Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій—мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: «Какой

Добчинскій? тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!» Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ:—«А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!» Мать отвѣчаетъ: «Ну да, Добчинскій, теперь я вижу—изъ чего же ты споришь!» Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собою? Какая сложность элементовъ выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что̀ значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета, и во внѣшность выводитъ то, что̀ кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тканяхъ и нервахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой является тутъ во всей своей призрачности. Она спрашиваетъ его тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа: «Настоящій; я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ». Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ то же «перетрухнулъ немножко». «Да вамъ-то чего бояться—вѣдь вы не служите?» спрашиваетъ она его. «Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ» отвѣчалъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: «Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говоритъ совершенно какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я поѣду: и туда, и туда.... (размахиваетъ руками) такъ это все славно». Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немножко-идіотское неумѣніе отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить

его словомъ? Далѣе: «Я, говоритъ, и написать и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно». Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ бо́льшее придавалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго. Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведите къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки, чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книгою, потому уже только, что онъ ревизоръ—съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что̀ Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ ясной своей невыгодѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь «столичная штучка», и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самые темные глаза, потому что «она и гадаетъ всегда на трефовую даму», и возраженіе дочери, «что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она, больше червонная дама»—эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываютъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма четырехъ, вышедшая изъ умноженія двухъ на два. Вотъ въ этомъ-то состоитъ типизмъ изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которые не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными, онъ даже и не думаетъ,

не заботиться объ этомъ, но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу— для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ, вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ бы мимоходомъ и нечаянно вырвалась изъ подъ пера поэта!...

Сценка явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ сопровожденіи свиты изъ городскаго чиновничества и самаго Сквозника-Дмухановскаго; представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны; любезничанье и вранье Хлестакова:— каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого — торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда не жданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго, и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своею новостію и небывалостію!... Здѣсь характеръ Хлестакова,—этого втораго лица комедіи—развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лице понятно меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, утрированъ, если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая не любо, не слушай — врать не мѣшай, — изысканно неправдоподобною. Но это потому что всякій хочетъ видѣть, и слѣдовательно, видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заклю-

чается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между тѣмъ нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прійдти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоятъ всѣ на вытяжку — ему до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо подумать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвоилось, все перемѣстилось—и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библіотека» съ «Сумбекою», и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками,—онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестію. «Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ бишь я говорилъ?» Еслибы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль, и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что «при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь».

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? страхъ городничаго, слѣдовательно, онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и

исчезаетъ въ четвертомъ,—и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи—городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта, и остановимся только на оцѣпененіи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: «такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ (задумывается); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить...» Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по старинному, что называлось «тянуть лямку;» а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованнѣе своего мужа: «А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ». Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: «Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа». Это голосъ стараго чиновника, въ расплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣ-

дуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою; и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что́ онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйдти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самого простаго понятія, и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: «Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что́-то такое внушающее»... и не докончилъ, сколько потому что это фраза слышанная, а не своя, столько и потому что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету...: «Это съ ихъ стороны то же благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ». Видите ли: его приняли за важную особу—оттого, что «у него въ физіономіи есть что-то внушающее»; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ, и ласково, то же, какъ будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: «Погуляли здѣсь два денька, ну — и довольно; что̀ съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ», и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что «батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались», и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите какъ на ладони это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось коекакъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось,

чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на «авось», т. е. гдѣ выторговалъ, а гдѣ надулъ, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходился безъ чиновъ; «схватитъ за бороду, говоритъ, ахъ ты Татаринъ»; которое наконецъ, любитъ коли давать, такъ давать—возьми и подносикъ, и головку сахара, и кулечикъ съ винами, и не триста, — что триста! — пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ—беретъ взаймы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она къ комнатѣ чужаго молодаго человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ толкаетъ Хлестакова, т. е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она «барышня»: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ—такая мысль не можетъ прійдти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты «Барышня» глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь этакіе новенькіе «стишки». О, ему это ничего не стоитъ — онъ много знаетъ наизустъ стиховъ; напр. «О ты, что въ горести напрасно», и пр. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и т о л к а е т ъ его «проситъ руки» Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился--и Хлестаковъ готовъ спросить себя: «На чемъ бишь я остановился?»

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣ-

ческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все крывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апотеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившеюся возможностію: все темное, грязное, низкое и грубое, что̀ крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна на верхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. Что̀, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ, фу ты канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнилась!» — «Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!» Изъ труса, онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ—онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовой свѣчи, и грозится еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу, «валять въ колокола; коли торжество такъ торжество, чортъ возьми!» его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что̀ хочетъ». Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіи, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что̀, канальство заманчиво!»

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть—и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порыви-

сты. Если не вѣрите—посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ не генераловъ своимъ чванствомъ и надменностію; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго, или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить «братецъ» и «ты» тому, кто говоритъ ему «ваше превосходительство» и «вы»; и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ—и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя «неимѣющимъ чести быть знакомымъ съ г. генераломъ», не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!... тогда изъ комедіи могла бы выйдти трагедія для «маленькаго человѣка»...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго; изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростію и злобною ироніею; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ бо́льшую и бо́льшую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали.... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы «засусленныя бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи» не думали «отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ, или головою сахара», ибо-де «онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина»...

Начинаютъ сбираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ

знатною особою; поздравляютъ вслухъ съ «необыкновеннымъ «благополучіемъ», и ругаютъ въ полголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастіемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствамъ, и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамою: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренаивно открываетъ всѣмъ глаза на счетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно что онъ «и не уполномоченный и не особа». Сцена чтенія письма Хлестакова—въ высшей степени комическая. Но что̀ же нашъ городничій?—Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственною ошибкою, такъ тяжко наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ, тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ», котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!».—Вы думаете: ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностію? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: «Какъ же?... вѣдь это не можетъ быть... онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?—онъ не

только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: «А развѣ ты не видишь, что у него все это фу—фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, иль вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающеее уваженіе, а то чортъ знаетъ что? дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» За симъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствомъ на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость піесы.

Все, сказанное нами о «Ревизорѣ», отнюдь не есть разборъ этого превосходнаго произведенія искусства. Подробный разборъ хода всей піесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимнодѣйствія другъ на друга, завели бы насъ далеко и отвлекли бы отъ главнаго предмета «Горе отъ ума», а—наша статья и безъ того вышла слишкомъ велика. Скрѣпя сердце и обуздывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а на скоро пробѣжали его, не останавливались на отдѣльныхъ лицахъ, но, такъ сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была—намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія, художественно-созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею «Ревизора», а вслѣдствіе ея, не только на естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это, указать, по возможности, на цѣлость (Totalität) піесы, какъ особаго, въ самомъ себѣ замкнутаго міра.

Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по крайней мѣрѣ, теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

Русская комедія начиналась задолго еще до Фонъ-Визина, но началась только съ Фонъ-Визина. Его «Недоросль» и «Бригадиръ» надѣлали страшнаго шума при своемъ появленіи, и навсегда останутся въ исторіи русской литературы, если не искусства, какъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ комедіи суть произведенія ума сильнаго, остраго, человѣка даровитаго; но онѣ мастерскія сатиры на современное общество, а слѣдовательно, не художественныя произведенія, слѣдовательно и не комедіи. Ни одна изъ нихъ не представляетъ собою цѣлаго, замкнутаго собою міра, возникшаго изъ творческаго зачатія, но представляетъ пресмѣшную карикатуру на глупость и невѣжество; въ нихъ нѣтъ основной идеи, въ философическомъ значеніи этого слова; но есть намѣреніе, цѣль, и цѣль внѣ, а не внутри ихъ заключенная. Поэтому каждая изъ нихъ раздѣлена на двѣ части, на смѣшную и серьёзную, потому что дѣйствующія лица раздѣлены на два разряда: на дураковъ и умныхъ. Дураки очень милы и потѣшны, а умники—скучные резонёры. Завязка, интрига и развязка—общее мѣсто, старая объективная форма, какъ въ комедіяхъ Мольера. Правда въ изображеніи дураковъ видна нѣкоторая объективность и что-то похожее на поэтическую обрисовку, потому что каждый изъ дураковъ глупъ по своему; но это слабо, и индивидуальныя особности глупцовъ больше внѣшнія, чѣмъ внутреннія, изъ идеи вытекающія: а главное, изъ карикатурныхъ образовъ этихъ дураковъ, всегда, болѣе или менѣе, выглядываетъ смѣющаяся фигура самого автора. Однимъ словомъ, «Недоросль» и «Бригадиръ»—превосходныя, хотя и не безъ большихъ недостатковъ, произведенія литературы, но отнюдь не произведенія искусства.

Послѣ комедій Фонъ-Визина много надѣлала шума «Ябеда» Капниста; но это произведеніе даже и въ литературномъ смыслѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Успѣхъ его былъ основанъ не на его литературномъ, или какомъ-либо достоинствѣ, но на цѣли, которая состояла въ нападкѣ на лихоимство. Завязка, интрига и развязка, пошлыя, стихи дубовые, языкъ варварски книжный.

Съ 1832 года начала ходить по рукамъ публики рукописная комедія Грибоѣдова «Горе отъ Ума». Она надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ, занимавшихся литературною ex-officio, и во всемъ старомъ поколѣніи; только немногіе, изъ молодаго поколѣнія и непринадлежавшіе къ записнымъ литераторамъ и ни къ какой литературной партіи, были восхищены ею. Десять лѣтъ ходила она по рукамъ, распавшись на тысячи списковъ; публика выучила ее наизусть, враги ея уже потеряли голосъ и значеніе, уничтоженные потокомъ новыхъ мнѣній, и она явилась въ печати тогда уже, когда у ней не осталось ни одного врага, когда не восхищаться ею, не превозносить ее до небесъ, не признавать геніальнымъ произведеніемъ, считалось образцовымъ безвкусіемъ. И вдругъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ, въ 1835 году, какой-то (говорили и печатали тогда, будто московскій) критикъ объявилъ, что «Горе отъ Ума» такое слабое произведеніе, что хуже даже «Недовольныхъ»... Разумѣется, публика приняла это за одну изъ тѣхъ милыхъ шуточекъ, до которыхъ такъ страстны иные журналы. Но вотъ недавно, по случаю выхода въ свѣтъ втораго изданія «Горе отъ ума», въ другомъ петербургскомъ журналѣ (современномъ заднимъ числомъ) объявлено, что «Горе отъ Ума» должно стоять подлѣ комедій Фонъ Визина, и что тѣ, которые, подобно издателю комедіи Грибоѣдова (г. Ксенофонту Полевому), видятъ въ ея авторѣ «человѣка съ большимъ дарованіемъ» только прячутся за его имя. Такова судьба комедіи Грибоѣдова. Но все это доказываетъ только, что «Горе отъ Ума»

есть явленіе необыкновенное, произведеніе таланта сильнаго, могучаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что для него уже настало время оцѣнкѣ критической, основанной не на знакомствѣ съ ея авторомъ и даже не на знаніи обстоятельствъ его жизни, а на законахъ изящнаго, всегда единыхъ и неизмѣняемыхъ.

«Горе отъ Ума» принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка, или образованныхъ по понятіямъ прошлаго вѣка. Не забудьте, что въ то время самъ Мерзляковъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ и поэтическою душою, разбиралъ съ кафедры неподражаемыя красоты трагедій Сумарокова и подсмѣивался надъ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гёте, какъ надъ представителями эстетическаго безвкусія, а въ Обществѣ Любителей Россійской словесности читалъ свои трактаты о трагедіи, производя ее отъ козла. Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во первыхъ, была написана не шестиногими ямбами съ піитическими вольностями, а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто не говорилъ, котораго не зналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а Русскіе особенно слыхомъ не слыхали, видомъ не видали, но живымъ, легкимъ разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума, оригинальностію оборотовъ, поэзіею образовъ, такъ что почти каждый стихъ въ ней обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни,—а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличившихся отъ французскихъ, языкъ комедіи, если

она хочетъ прослыть образцовою, непремѣнно долженъ былъ щеголять тяжеловатостію, неповоротливостію, тупостію, изысканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣнія; въ четвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонёровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней былъ—талантъ, талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій... Да, литераторамъ не могла понравиться комедія Грибоѣдова; они должны были ожесточиться противъ нея!... За что́ же общество такъ сильно осердилось на нее! За то, что она была самою злою сатирою на это общество. Она заклеймила остатки XVIII вѣка, духъ котораго бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ осиноваго кола, которымъ и было «Горе отъ Ума». Новое поколѣніе вскорѣ не замедлило объявить себя за блестящее произведеніе Грибоѣдова, потому что, вмѣстѣ съ нимъ, оно смѣялось надъ старымъ поколѣніемъ, видя въ «Горе отъ Ума» злую сатиру на него и не подозрѣвая въ немъ еще злѣйшей, хотя и безъумышленной сатиры на самого себя въ лицѣ полоумнаго Чацкаго...

За что́ же теперь такъ жестоко, такъ бездоказательно, такъ произвольно, и, надо сказать, такъ дерзко и неуважительно начинаютъ нападать на такое прекрасное, дѣлающее истинную честь отечественной литературѣ произведеніе?... Тутъ двѣ причины. Вопервыхъ, кто нападаетъ? Люди ли, которые мѣряютъ изящныя произведенія своею неизящною стряпнею, и, на смѣхъ всему міру, таращатся видѣть въ Грибоѣдовѣ соперника себѣ, они, которые, какъ ни высоко загибаютъ голову, чтобы достать до его лица, но обиваютъ себѣ кулаки только о его колѣни, выше которыхъ, даже и на цыпочкахъ, не могутъ достать?... Во вторыхъ: въ дерзости этихъ людей, кромѣ оскорбленнаго, микроскопическаго самолюбія, выражается еще и требованіе времени опредѣлить достоинство «Горе отъ Ума» не на основаніи личныхъ мнѣ-

ній, но на основаніи законовъ изящнаго, и не при посредствѣ личнаго пристрастія, а при посредствѣ разумной мысли, холодной и мертвой для всякихъ личныхъ отношеній, но пламенной и живой для ищущихъ истины.

Теперь у насъ въ литературѣ господствуютъ и борятся два рода критики — французская и нѣмецкая. Первая смотритъ на произведеніе съ исторической точки зрѣнія, т. е. объясняетъ его и производитъ ему оцѣнку вслѣдствіе разбора его отношеній къ современному обществу и къ частной жизни самого автора. Извѣстно, что Французы увлекаются дневными интересами (les intérets du jour), и каждое литературное и поэтическое произведеніе у нихъ есть рѣшеніе дневнаго интереса (la question du jour), т. е. того, о чемъ говорятъ нынче. Нѣмецкая критика смотритъ на художественное произведеніе какъ на нѣчто безусловное, въ самомъ себѣ носящее свою причину, свое оправданіе и свою оцѣнку, по мѣрѣ того, какъ оно выражаетъ собою общіе законы духа, явленія разума, и мѣряетъ его масштабомъ разумной мысли. Извѣстно, что Нѣмцы мало занимаются эфемерными интересами текущаго дня, но сосредоточиваютъ все свое вниманіе на интересахъ общихъ, міровыхъ, непреходящихъ. Всякому свое! Но и французская критика имѣетъ свое значеніе при разсматриваніи такихъ произведеній литературы, которыя, имѣя больше вліяніе на общество, не принадлежатъ къ искусству, каковы напримѣръ, повѣсти Карамзина, комедіи Фонъ-Визина, и т. п. Однако же рѣшеніе вопроса: художественно или не художественно то или другое произведеніе литературы—подлежитъ совсѣмъ не французской, а нѣмецкой критикѣ, потому что рѣшеніе такого вопроса относится совсѣмъ не къ исторіи, а къ наукѣ изящнаго, имѣющей своимъ основаніемъ — законы изящнаго, выводимыя изъ разумной мысли. Мы уже мимоходомъ взглянули на «Горе отъ Ума» съ исторической точки зрѣнія: взглянемъ теперь на него со стороны искусства, чтобы опредѣлить—художественное ли оно произведеніе.

Всякое художественное произведеніе рождается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностію своей формы, и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Какая основная идея «Горе отъ Ума»?—Это можно узнать только изъ самой комедіи; почему и взглянемъ на ея содержаніе.

Дочь барина-чиновника, въ минуту боренія утренняго свѣта съ темнотою ночи, въ своей спальнѣ, занимаются музыкою съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ своего отца. Горничная, передъ спальнею, стоитъ на часахъ, и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и не перетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искусству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ волочится за горничною своей дочери, которая въ то время доигрывала послѣдній дуэтъ. Фамусовъ уходитъ; являются Софья и Молчалинъ; Лиза упрекаетъ ихъ за долговременное пребываніе въ гармоніи, разсказываетъ о приходѣ барина, и о томъ, какъ она струсила. Входитъ опять Фамусовъ и застаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Слѣдуютъ допросы, упреки и нападки на Кузнецкій-мостъ. Софья разсказываетъ свой сонъ, желая намекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому и бѣдному молодому человѣку; отецъ прерываетъ ее:

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Въ заключеніе совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизою. Изъ ихъ разговора мы узнаёмъ, что она безъ памяти отъ «скромнаго» Молчалина и не очень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея любви,

которая добрымъ не кончится, и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ дѣтства и котораго и она любила; но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностію, находя въ немъ только злословіе и больше ничего. Вообще служанка обращается съ своею барышнею за-просто потому что, какъ помощница въ ея низкой связи, держитъ въ рукахъ своихъ ея участь. Вообще всѣ эти сцены написаны мастерски и служатъ превосходною интродукціею въ комедію; характеры и ихъ взаимныя отношенія обрисованы рѣзко и искусно. Вдругъ лакей докладываетъ о пріѣздѣ Чацкаго, который тотчасъ и является.

Чацкій воспитывался въ домѣ Фамусова и любилъ его дочь съ дѣтства. Три года путешествовалъ онъ и не видалъ ея, теперь спѣшитъ увидѣться. Чацкій человѣкъ свѣтскій и человѣкъ «глубокій»: отсюда должны выходить приличіе и поэзія его свиданія съ Софьею. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначащихъ предметахъ, обо всемъ, кромѣ любви своей; но, какъ у глубокаго человѣка, въ его шуткахъ должно, какъ бы противъ его воли проискриваться его чувство, и, какъ arrière pensé, оно же должно незримо присутствовать въ его болтовнѣ о разныхъ пустякахъ. Но что̀ же? Во первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ домъ ея отца и требуетъ свиданія съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы обриться и переодѣться,—и заѣзжаетъ когда же?—въ шесть часовъ утра! — Воля ваша—не по-свѣтски, не умно и не эстетически!... Первое, что̀ онъ начинаетъ говорить съ нею,—это о томъ, что она холодно принимаетъ его, тогда какъ онъ скакалъ сломя голову, сорокъ пять часовъ, не прищуря глазомъ, терпѣлъ отъ бури, разстерялся, падалъ нѣсколько разъ!... Софья холодно надъ нимъ издѣвается,—и онъ начинаетъ разспрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Истиннаго и глубокаго чувства любви не видно ни въ одномъ

его словѣ. Входитъ Фамусовъ. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Чацкій разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Фамусова и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софьѣ; наконецъ спохватывается, что ему пора домой, и уходитъ. Фамусовъ силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она мститъ—на Молчалина или на Чацкаго: одинъ нищій—другой франтъ, мотъ и сорванецъ, и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, комическимъ восклицаніемъ:

Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ.

Фамусовъ приказываетъ Петрушкѣ читать календарь и отмѣчать, куда и когда баринъ отозванъ обѣдать. Превосходный монологъ! Тутъ Фамусовъ весь высказывается. Приходитъ Чацкій, и его безпрестанныя обращенія къ Софьѣ Павловнѣ заставляютъ Фамусова спросить его—не хочетъ ли онъ на ней жениться,—и замѣтить, что, для того, ему надо хорошенько управлять имѣніемъ, а главное послужить. «Служить бы радъ, прислуживаться тошно!» отвѣчаетъ ему Чацкій. Фамусовъ говоритъ, что «всѣ вы гордецы», что «спросили бы какъ дѣлали отцы, учились бы на старшихъ глядя». Чацкій радъ вызову и разливается потокомъ энергическихъ выходокъ противъ стараго времени, въ которыхъ Фамусовъ не понимаетъ ни полслова. Эта сцена была бы въ высшей степени комическою, еслибъ изображена была объективно, какъ столкновеніе двухъ чудаковъ; но какъ этого нѣтъ, какъ авторъ не думалъ нисколько, что его Чацкій — полоумный, то она смѣшна, но не въ пользу автора. Слуга докладываетъ о Скалозубѣ, и Фамусовъ проситъ Чацкаго, ради чужаго человѣка, не заноситься завиральными идеями, и спѣшитъ на встрѣчу къ Скалозубу. Чацкій изъ его поспѣшности подозрѣваетъ, ужь не прочитъ ли онъ этого гостя въ женихи своей дочери. Слѣдуетъ превосходная сцена Фамусова съ Скалозубомъ, гдѣ эти два ничтожные характера развиваются творчески.

А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва!

восклицаетъ; въ лирическомъ одушевленіи пошлости, Фамусовъ.

«Дистанція огромнаго размѣра!» отвѣчаетъ ему лаконическій Скалозубъ. До сихъ поръ сцена шла превосходно, развита была творчески; на вотъ Фамусовъ распространяется о Москвѣ монологомъ въ 54 стиха, гдѣ, мѣстами очень оригинально, высказывая самого себя, мѣстами дѣлаетъ, за Чацкаго, выходки противъ общества, какія могли бы прійдти въ голову только Чацкому. Чацкій радёхонекъ, вмѣшивается въ разговоръ и начинаетъ читать проповѣди и ругать Фамусова. Сцена удивительно-смѣшная, но только не въ похвалу комедіи... Ни съ того, ни съ сего, Фамусовъ говоритъ Скалозубу, что будетъ ждать его въ кабинетѣ, и оставляетъ ихъ. Скалозубъ, сказавъ Чацкому монологъ, въ которомъ онъ чудесно высказывается, то же уходитъ. Тутъ слѣдуетъ паденіе Молчалина съ лошади, обморокъ Софьи, и подозрѣнія Чацкаго. Кажется, чего бы еще подозрѣвать? Софья ведетъ себя такъ неосторожно въ отношеніи къ Молчалину и такъ нагло враждебна въ отношеніи къ Чацкому, что, кажется, совсѣмъ бы нечего подозрѣвать. Дѣло очень ясно: при бѣдѣ одного она падаетъ въ обморокъ, а другаго, забывая всякое приличіе, ругаетъ. Чацкій уходитъ. Софья приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ все домашніе друзья и танцы подъ фортепьяно, и тотъ уходитъ. Софья изъявляетъ свой страхъ за Молчалина, Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности, и Молчалинъ беретъ ее сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизою, Молчалинъ волочится за нею, говоря, что онъ любитъ барышню «по должности». Молчалинъ уходитъ, а Софья опять является, говоря Лизѣ, что она не выйдетъ къ столу и приказывая ей послать къ себѣ Молчалина.

Вотъ и конецъ втораго акта. Что̀ въ немъ существеннаго, относящагося къ дѣлу? Обморокъ Софьи и, вслѣдствіе его,

ревность Чацкаго; все остальное существуетъ само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому комедіи. Всѣ говорятъ, и никто ничего не дѣлаетъ. Конечно, въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ высказываются ихъ характеры, но это высказываніе, въ художественномъ произведеніи, должно происходить изъ его идеи и совершаться въ дѣйствіи. И въ «Ревизорѣ» каждое дѣйствующее лице высказываетъ себя каждымъ своимъ словомъ, но совсѣмъ не съ цѣлію высказываться, а принимая необходимое участіе въ ходѣ піесы. Каждое слово, сказанное каждымъ лицемъ, тамъ относится или къ ожиданію ревизора, или къ его присутствію въ городѣ. Лице ревизора есть источникъ, изъ котораго все выходитъ и въ который все возвращается. И потому-то тамъ каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждое слово необходимо, и не можетъ быть ни измѣнено, ни замѣнено другимъ. Оттого-то и комедія Гоголя представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, особный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, и можетъ подлежать только разсмотрѣнію нѣмецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица́ поэта нѣтъ въ этомъ созданіи, и потому, чтобы понять «Ревизора», намъ совсѣмъ не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельствъ жизни его творца.

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ, Молчалина, или Скалозуба. Странное рѣшеніе—къ чему оно! Другое бы еще дѣло: допытаться, любитъ ли она его. Что̀ ему за радость узнать отъ нея, что она любитъ не Молчалина, а Скалозуба, или что она любитъ не Скалозуба, а Молчалина? Не все же ли это равно для него? Да и сто̀итъ ли какого-нибудь вниманія, какихъ-нибудь хлопотъ дѣвушка, которая могла полюбить Скалозуба или Молчалина? Гдѣ же у Чацкаго уваженіе къ святому чувству любви, уваженіе къ самому себѣ? Какое же послѣ этого можетъ имѣть значеніе его восклицаніе въ концѣ четвертаго акта:

...Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?

Какое же это чувство, какая любовь, какая ревность? буря въ стаканѣ воды!... И на чемъ основана его любовь къ Софьѣ? Любовь есть взаимное гармоническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ, въ сферахъ общей жизни, въ сферахъ истиннаго, благаго, прекраснаго. На чемъ же могли они сойтись и понять другъ друга? Но мы и не видимъ этого требованія, или этой духовной потребности, составляющей сущность глубокаго человѣка, ни въ одномъ словѣ Чацкаго. Всѣ слова, выражающія его чувство къ Софьѣ, такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы! И что онъ нашелъ въ Софьѣ? Мѣркою достоинства женщины можетъ быть мущина, котораго она любитъ, а Софья любитъ ограниченнаго человѣка безъ души, безъ сердца, безъ всякихъ человѣческихъ потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползающую тварь, однимъ словомъ—Молчалина. Онъ ссылается на воспоминаніе дѣтства, на дѣтскія игры; но кто же въ дѣтствѣ не влюблялся и не называлъ своею невѣстою дѣвочки, съ которою вмѣстѣ учился и рѣзвился, и неужели дѣтская привязанность къ дѣвочкѣ должна непремѣнно быть чувствомъ возмужалаго человѣка? буря въ стаканѣ воды—больше ничего!... И вотъ онъ приступаетъ къ объясненію. Вы думаете, что онъ сдѣлаетъ это какъ свѣтскій и какъ глубокій человѣкъ, какъ-нибудь намеками, со всевозможнымъ уваженіемъ и къ своему чувству, и къ личности той, которую, какова бы она не была, онъ любитъ? Ничего не бывало! Онъ прямо спрашиваетъ ее:

Дознаться мнѣ нельзя ли—
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ—
Кого вы любите?

И этотъ человѣкъ волнуется любовію и ревностью! И это разговоръ, который долженъ рѣшить участь его жизни! Наконецъ онъ прямо заводитъ рѣчь о Молчалинѣ!!!... Да намекнуть дѣвушкѣ, не любитъ ли она Молчалина, все равно, что намекнуть ей, не любитъ ли она лакея или кучера своего

отца... Софья расхваливаетъ Молчалина, а Чацкій убѣждается изъ этого, что она его и не любитъ и не уважаетъ... Догадливъ!... Гдѣ жь ясновидѣніе внутренняго чувства?... Лиза подходитъ къ барышнѣ своей и шепчетъ ей на ухо, что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйдти. Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минуту въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, оставляя его съ носомъ. Чацкій, оставшись одинъ, опять ни съ того, ни съ сего увѣряется, что Софья любитъ Молчалина и вымещаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ, и тутъ слѣдуетъ превосходнѣйшая сцена, гдѣ Молчалинъ вполнѣ высказывается. Но вотъ собираются гости, и слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго и, можетъ-быть, отчасти и нынѣшняго московскаго общества — картинъ, написанныхъ мастерскою кистію. Наталья Дмитріевна съ своимъ мужемъ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, этимъ «высокимъ идеаломъ московскихъ всѣхъ мужей», ихъ взаимныя отношенія; князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми; графини Хрюмины, бабушка и внучка; Загорѣцкій, Хлестова — все это типы, созданные рукою истиннаго художника; а ихъ рѣчи, слова, обращеніе, манеры, образъ мыслей, пробивающійся изъ-подъ нихъ—геніальная живопись, поражающая вѣрностію, истиною и творческою объективностію; но все это какъ-то не связано съ цѣлымъ комедіи, выставляется само-собою, особно и отдѣльно. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ, подличаетъ. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ. Вѣсть эта съ быстротою молніи переходитъ отъ одного къ другому и тотчасъ превращается въ доказанную очевидность, потому что всѣ принимаютъ ее на вѣру съ свѣтскою основательностію и свѣтскимъ доброжелательствомъ къ ближнему. У графини бабушки происходятъ пресмѣшныя сцены, по поводу шума о сумасшествіи Чацкаго, съ Натальей Дмитріев-

ной, Загорѣцкимъ и княземъ Тугоуховскимъ, а у Фамусова съ Хлестовой. Входитъ Чацкій, и всѣ отшатываются отъ него, какъ отъ сумасшедшаго; Фамусовъ совѣтуетъ ему ѣхать домой, говоря, что онъ нездоровъ, и Чацкій отвѣчаетъ ему:

Да, мочи нѣтъ! Милльонъ терзаній,
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній;
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой

Скажите, послѣ этой, положимъ, что поэтической, но уже совершенно неумѣстной выходки Чацкаго, не въ правѣ ли было все общество окончательно и положительно удостовѣрится въ его сумасшествіи? Кто, кромѣ помѣшаннаго, предастся такому откровенному и задушевному изліянію своихъ чувствъ на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему? Да еслибы это были и не Фамусовы, не Загорѣцкіе, не Хлестовы, а люди отлично-умные и глубокіе, и тѣ приняли бы его за помѣшаннаго! Но Чацкій этимъ не довольствуется — онъ идетъ далѣе. Софья лукаво дѣлаетъ ему вопросъ, на что́ онъ такъ сердитъ? и Чацкій начинаетъ свирѣпствовать противъ общества, во всемъ значеніи этого слова. Безъ дальнихъ околичностей начинаетъ онъ разсказывать, что вонъ въ той комнатѣ встрѣтилъ онъ Французика изъ Бордо, которой, «надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча» и разсказывалъ, какъ онъ снаряжался въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами, и встрѣтилъ ласки и привѣтъ, не слышитъ русскаго слова, не видитъ русскаго лица, а все французскія, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ своего отечества, Франціи. Вслѣдствіе этого, Чацкій начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія Русскихъ иноземщинѣ, совѣтуетъ учиться у Китайцевъ «пре-

мудрому незнанью иноземцевъ», нападаетъ на сюртуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на «смѣшные, бритые, сѣдые подбородки», замѣнившіе окладистые бороды, которыя упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности: словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ, а онъ остается одинъ, не замѣчая того,—чѣмъ и оканчивается третій актъ.

Вообще, еслибы выкинуть Чацкаго, этотъ актъ, самъ по себѣ, какъ дивно-созданная картина общества и характеровъ, былъ бы превосходнымъ созданіемъ искусства.

Картина разъѣзда съ бала въ четвертомъ актѣ, есть также, сама по себѣ, какъ нѣчто отдѣльное, дивное произведеніе искусства. Одинъ Репетиловъ чего стóитъ! Это лице типическое, созданное великимъ творцомъ!... Чацкому не найдутъ его кучера; онъ задержанъ въ сѣняхъ и по неволѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ онъ слышитъ голосъ Софьи, которая, надъ лѣстницей, во второмъ этажѣ, со свѣчею въ рукахъ, въ полголоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его; Молчалинъ выходитъ и по своему любезничаетъ съ Лизою, не подозрѣвая, что Софья все видитъ и слышитъ. Онъ говоритъ открыто, что любитъ Софью «по должности».

Софья является, подлецъ падаетъ ей въ ноги и валяется у ней въ ногахъ. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря не застала его въ домѣ; иначе она все разскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала, и что не было тутъ свидѣтелей, подобно тому какъ былъ Чацкій во время ея давишняго обморока. «Онъ здѣсь, притворщица!» кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ-за колонны.

Скажите, Бога ради, какой бы порядочный, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не уда-

лился тихонько, узнавъ горькую истину?... Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лице — г. Чацкій... Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого, комедія по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется, Богъ знаетъ для чего. Окончаніе извѣстно, и мы не будемъ о немъ говорить.

Итакъ, въ комедіи нѣтъ цѣлаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она—противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Позвольте: что это за новый Анахарсисъ, побывавшій въ Аѳинахъ и возвратившійся къ Скиѳамъ?... Неужели представители русскаго общества все—Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестаковы, Тугоуховскіе, и имъ подобные? Если такъ, они правы, изгнавши изъ своей среды Чацкаго, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго, равно какъ и у него съ ними. Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества, а только представителями одной стороны его, слѣдственно были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ, и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ же тутъ идея? Основною идеею художественнаго произведенія можетъ быть только такъ называемая на философскомъ языкѣ «конкретная» идея, т. е. такая идея, которая сама въ себѣ заключаетъ и свое развитіе, и свою причину, и свое оправданіе, и которая только одна можетъ стать разумнымъ явленіемъ, параллельнымъ своему діалектическому развитію. Очевидно, что идея Грибоѣдова была сбивчива и не ясна самому ему, а потому и осуществи-

лась какимъ-то недоноскомъ. И потомъ: что́ за глубокій человѣкъ Чацкій? Это просто крикунъ, фразёръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорятъ. Неужели войдти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами, значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Что́ бы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина—есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?.. Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ ума, а отъ умничанья. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ, и вышло Богъ знаетъ что̀.

Когда въ произведеніи искусства нѣтъ основной идеи — то и характеры дѣйствующихъ лицъ не могутъ быть вѣрны, по крайней мѣрѣ всѣ. Что̀ такое Софья? Свѣтская дѣвушка, унизившаяся до связи почти съ лакеемъ. Это можно объяснить воспитаніемъ—дуракомъ отцомъ, какою-нибудь мадамою, допустившею себя переманить за лишнихъ 500 рублей. Но въ этой Софьѣ есть какая-то энергія характера: она отдала себя мущинѣ, не обольстясь ни богатствомъ, ни знатностію его, словомъ, не по разсчету, а напротивъ ужъ слишкомъ по неразсчету; она не дорожитъ ни чьимъ мнѣніемъ, и когда узнала, что̀ такое Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же оставить домъ, грозя, въ противномъ случаѣ, все открыть отцу. Но какъ она прежде не видала, что̀ такое Молчалинъ? — Тутъ противорѣчіе, котораго нельзя объяснить изъ ея лица, а всѣ другія объяс-

ненія не могутъ, какъ внѣшнія и произвольныя, имѣть мѣста при разсматриваніи созданнаго поэтомъ характера. И потому Софья не дѣйствительное лице, а призракъ.

Кромѣ Чацкаго, ни на что непохожаго, всѣ прочія лица живы и дѣйствительны; но и они частенько измѣняютъ себя, говоря противъ себя эпиграммы на общество.

Фамусовъ лице типическое, художественно созданное. Онъ весь высказывается въ каждомъ своемъ словѣ. Это гоголевскій городничій этого круга общества. Его философія та же. Знатность, вслѣдствіе чиновъ и денегъ — вотъ его идеалъ жизни. Чтобы не накопилось у него много дѣлъ, у него обычай: «подписано, такъ съ плечь долой». Онъ очень уважаетъ родство —

Я передъ родной, гдѣ встрѣтится ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрицы, свояченицы дѣтки,
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ будешь представлять къ крестишку иль мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку?

Но нигдѣ не высказывается онъ такъ рѣзко и такъ полно, какъ въ концѣ комедіи: онъ узнаетъ, что дочь его въ связи съ молодымъ человѣкомъ, что ея, слѣдовательно и его доброе имя опозорено, не говоря уже о тяжелой, жгучей душу мысли быть отцомъ такой дочери—и что жъ? ничего этого и въ голову не приходитъ ему, потому что ни въ чемъ этомъ онъ не видитъ существеннаго: онъ весь жилъ и живетъ внѣ себя: его Богъ, его совѣсть, его религія — мнѣніе свѣта, и онъ восклицаетъ въ отчаяніи:

Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна.

Но этотъ Фамусовъ, столь вѣрный самому себѣ въ каждомъ своемъ словѣ, измѣняетъ иногда себѣ цѣлыми рѣчами.

Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить—всему
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.

Это говоритъ не Фамусовъ, а Чацкій устами Фамусова, и это не монологъ, а эпиграмма на общество.

Кто хочетъ къ намъ пожаловать изволь,
Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
. . . .
А наши старички, какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ, что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ,
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси ихъ Боже! нѣтъ! а придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... разойдутся.
. . . .
А дочки? . . . .
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что патріотки!

Нужно ли доказывать, что Фамусовъ слишкомъ глупъ для такихъ язвительныхъ эпиграммъ, и такъ добродушно преданъ пошлой сторонѣ своего общества, что считаетъ за грѣхъ отъ другаго услышать противъ него выходку; что, наконецъ, все это Фамусовъ говоритъ не отъ себя, а по приказу автора?... Мало этого: самъ Скалозубъ остритъ, да еще какъ! — точь въ точь, какъ Чацкій. Не вѣрите?—такъ прочтите:

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,

Наѣздница-вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ—
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра не достаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Каковъ Скалозубъ! чѣмъ хуже Чацкаго?... Впрочемъ, Лиза не безъ основанія такъ остроумно, такою эпиграммою, замѣтила о немъ:

Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ.

Но нигдѣ субъективность автора не проявилась такъ рѣзко, такъ странно и такъ во вредъ комедіи, какъ въ очеркѣ характера Молчалина, который онъ заставляетъ дѣлать самого же Молчалина;

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить;
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

А Лиза отвѣчаетъ ему на эту оригинальную выходку эпиграммою, которая сдѣлала бы честь остроумію самого Чацкаго:

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Скажите, Бога ради, станетъ ли какой-нибудь подлецъ называть себя при другихъ подлецомъ?—Вѣдь Молчалинъ глупъ, когда дѣло идетъ о чести, благородствѣ, наукѣ, поэзіи и подобныхъ высокихъ предметахъ; но онъ уменъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ. Онъ живетъ въ домѣ знатнаго барина, допущенъ въ его свѣтскій кругъ, и совсѣмъ не болтливъ, но очень молчаливъ: такъ кстати ли ему подавать оружіе на себя горничной, такъ простодушно хвастаясь своею подлостію?...

Но если вычеркнуть мѣста изъ монологовъ, гдѣ дѣйствующія лица проговариваются, изъ угожденія автору, противъ

себя—это будутъ, за исключеніемъ Софьи, лица типическія, характеры художественно-созданныя, хотя и не составляющіе комедіи своими взаимными отношеніями;—не говоримъ уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. Вообще, «Горе отъ Ума» не комедія, въ смыслѣ и значеніи художественнаго созданія, цѣлаго, единаго, особнаго и замкнутаго въ себѣ міра, въ которомъ все выходитъ изъ одного источника—основной идеи, и все туда же возвращается, въ которомъ, поэтому, каждое слово необходимо, неизмѣнимо и незамѣнимо, въ которомъ все превосходно и ничего нѣтъ слабаго, лишняго, ненужнаго, словомъ—въ которомъ нѣтъ достоинствъ и недостатковъ, но одни достоинства. Художественное произведеніе есть само-себѣ цѣль и внѣ себя не имѣетъ цѣли, а авторъ «Горе отъ Ума» ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль—осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію избралъ для этого средствомъ. Оттого-то и ея дѣйствующія лица такъ явно и такъ часто проговариваются противъ себя, говоря языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ; оттого-то и любовь Чацкаго такъ пошла, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедіи, какъ нѣчто внѣшнее для нея; оттого-то и самъ Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ не художественно-созданное лице комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшееся въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горячимъ ключомъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго и энергическаго негодованія противъ того, что̀ онъ, справедливо или ошибочно, почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство,—и потому его остроуміе такъ колко, сильно и выра-

жается не въ каламбурахъ, а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его, какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи,—и всѣ наизусть знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости. Есть люди, которыхъ разстроенныя или отъ природы слабыя головы не въ силахъ переварить этого противорѣчія,—и которые, поэтому, или до небесъ превозносятъ комедію Грибоѣдова, или считаютъ ее годною только для защиты какихъ-то рожъ подверженныхъ оплеухамъ.

Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о «Горе отъ Ума», какъ оцѣнку этого произведенія. «Горе отъ Ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ Ума»—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи, «Горе отъ Ума» находится въ неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ Ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ Ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр., сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ Ума» стоитъ на такомъ же неизмѣри-

момъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонъ-Визина, какъ и ниже «Ревизора».

Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ «Горе отъ Ума» онъ является еще пылкимъ юношею, но обѣщающимъ сильное и глубокое мужество, — младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ, еще въ колыбели, огромныхъ змѣй, младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Иракль. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь и изчезло бы его пламя, а осталась бы теплота и свѣтъ, взоръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и все разумно,—и тогда поэтъ явился бы художникомъ, и завѣщалъ бы потомству не лирическіе порывы своей субъективности, а стройныя созданія, объективныя воспроизведенія явленій жизни... Почему Грибоѣдовъ не написалъ ничего послѣ «Горе отъ Ума», хотя публика уже и въ правѣ была ожидать отъ него созданій зрѣлыхъ и художественныхъ?—это такой вопросъ, рѣшенія котораго стало бы на огромную статью, и который все бы не рѣшился. Можетъ-быть служба, которой онъ былъ преданъ не какъ-нибудь, не мимоходомъ, а дѣйствительно, вступила въ соперничество съ поэтическимъ призваніемъ; а можетъ-быть и то, что въ душѣ Грибоѣдова уже зрѣли гигантскіе зародыши новыхъ созданій, которыя осуществить не допустила его ранняя смерть. Кто въ немъ одержалъ бы побѣду—дипломатъ, или художникъ — это могла рѣшить только жизнь Грибоѣдова, но не могутъ рѣшить никакія умозрѣнія, и потому предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса мастерамъ и охотникамъ выдавать пустыя гаданія фантазіи за дѣйствительные выводы ума; сами повторимъ только, что «Горе отъ Ума» есть произведеніе таланта могучаго, драгоцѣнный перлъ русской литературы, хотя и не представляющее комедію, въ художественномъ значеніи этого слова,—произведеніе, слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями.

Теперь намъ слѣдовало бы сказать что-нибудь о предисловіи, приложенномъ къ изданію «Горе отъ Ума», написанномъ его издателемъ и занимающемъ ровно сто страницъ. Въ немъ содержится біографія Грибоѣдова и критическая оцѣнка «Горе отъ Ума». Что́ сказать объ этомъ предисловіи?—Оно написано умнымъ литераторомъ, и написано живо, прекраснымъ языкомъ. Что̀ же касается до взгляда на искусство, а вслѣдствіе этого, и на произведеніе Грибоѣдова,—это сужденія въ духѣ французской критики и «Московскаго Телеграфа». Авторъ предисловія правъ съ своей точки зрѣнія, и мы спорить съ нимъ не будемъ, а только повторимъ стихи Грибоѣдова, взятые нами эпиграфомъ къ нашей статьѣ, и заключимъ ее ими:

Какъ посравнить да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. МАРЛИНСКАГО. *Санктпетербургъ. 1838 — 1839. Двѣнадцать частей.*

Давно уже критика сдѣлалась потребностію нашей публики. Ни одинъ журналъ, или газета не можетъ существовать безъ отдѣла критики и библіографіи; эти страницы разрѣзываются и пробѣгаются нетерпѣливыми читателями даже прежде повѣстей, безъ которыхъ никакое періодическое изданіе не можетъ держаться и при самой критикѣ. Что́ означаетъ это явленіе? Отвѣчаемъ утвердительно: оно есть живое свидѣтельство, что въ нашей литературѣ настаетъ эпоха сознанія. «Но», скажутъ намъ, «предметъ сознанія есть явленіе, и потому всякое явленіе предшествуетъ сознанію, а всякое сознаніе есть, такъ сказать, слѣдствіе явленія; что̀ же мы

будемъ сознавать? Неужели наша литература такъ богата, что мы уже доходимъ до необходимости перечитать, перемѣтить и перецѣнить ея сокровища? Неужели мы столько насладились ея избытками, что для насъ наступаетъ уже время другаго наслажденія—сознанія перваго наслажденія? И когда же успѣла совершить свой кругъ эта юная литература, которая еще только въ недавно прошедшемъ 1839 году переступила за столѣтіе своей жизни?» Чтобы отвѣчать на такое возраженіе, должно предварительно условиться въ значеніи слова «литература». Прежде всего подъ «литературою» разумѣется письменность народа, весь кругъ его умственной дѣятельности, отъ народной пѣсни, перваго младенческаго лепета поэзіи, до художественныхъ созданій—этихъ зрѣлыхъ плодовъ творчества, достигшаго полнаго своего развитія; отъ глубокаго ученаго сочиненія, до легкой газетной статьи или брошюрки объ устройствѣ овиновъ, или объ истребленіи тараkановъ. Потомъ подъ «литературою» разумѣютъ собственно поэтическія произведенія, наконецъ—все легкое, служащее къ забавѣ и развлеченію, и доступное даже профанамъ въ наукѣ и искусствѣ. Но во всякомъ случаѣ и во всѣхъ этихъ значеніяхъ, литература есть сознаніе народа, цвѣтъ и плодъ его духовной жизни. Теперь спрашивается: подходитъ ли русская литература подъ всѣ сіи опредѣленія, или подъ которое-нибудь изъ нихъ исключительно?—Отвѣчаемъ—да, за исключеніемъ, впрочемъ, стороны собственно-ученой. Россія еще не успѣла обнаружить самостоятельной дѣятельности на поприщѣ науки, но обнаруживаетъ только живое стремленіе къ знанію и живую понятливость ученика. Однакожь и здѣсь найдется нѣсколько блестящихъ исключеній, особенно въ литературѣ математики, естествознанія, путешествій, гордящейся не однимъ блестящимъ русскимъ именемъ. И такъ понятно, что наша ученая дѣятельность могла положительно проявляться только въ знаніяхъ точныхъ, а не въ умозрительныхъ: первыя во всякое время

имѣютъ свою безотносительную истину; вторыя же Россія застала въ эпоху усиленнаго и быстраго движенія, когда онѣ въ одно десятилѣтіе переживали столѣтія. Укажемъ только на теорію искусства: до двадцатыхъ годовъ въ нашей литературѣ царствовалъ французскій классицизмъ, а съ этого времени одни заговорили о трактатѣ Канта «о высокомъ и прекрасномъ», другіе о братьяхъ Шлегеляхъ, объ Астѣ, а нѣкоторые и о Шеллингѣ; но, говоря о нихъ, они не понимали другъ друга, ни даже самихъ себя; ихъ—неприготовленныхъ, застигъ сильный переворотъ въ идеяхъ, развившихся въ Германіи исторически, а къ намъ перешедшихъ въ какомъ-то пестромъ безпорядкѣ. И потому эти господа не знали, на чемъ остановиться, на чтó опереться, чтó принять за основное и непреходящее, ибо чтó вчера считалось утвержденнымъ и новымъ, то завтра объявлялось у нихъ опровергнутымъ и устарѣвшимъ. И до сихъ поръ еще, относительно теоріи искусства, царствуетъ въ нашей литературѣ какой-то хаосъ; одни требуютъ критики, основанной на разумныхъ и, такъ сказать, апріорныхъ началахъ искусства, въ ихъ современномъ состояніи; другіе, сознавъ свое безсиліе достигнуть, въ этомъ стремленіи, какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, снова обратились къ произвольной французской эстетикѣ, и, съ грѣхомъ пополамъ, перебиваются старою рухлядью, которую нѣкогда сами рвали и истребляли во имя новаго, плохо ими понятаго. Les beaux esprits se rencontrent, — и потому эти послѣдніе подали руку тѣмъ самымъ, которыхъ нѣкогда уличали для обнаруженія истины, тѣмъ самымъ, которые требуютъ исключительнаго господства своихъ бѣдненькихъ мнѣній, совершенно чуждыхъ искусству, но вдвойнѣ для нихъ пріятныхъ и выгодныхъ—какъ потому что эти «мнѣнія» по плечу ихъ ограниченности и удерживаютъ за ними вліяніе надъ толпою, такъ и потому что эти «мнѣнія» доставляютъ имъ, насчетъ толпы, существенную пользу. И вотъ примирившіеся, соединившіеся и понявшіе другъ друга новые

друзья, застигнутые въ расплохъ потокомъ новыхъ идей, хотятъ непонятное для ихъ ограниченности выставить за непонятное для всѣхъ, выдавая его за искаженіе языка, которому они будто бы оказали великія, хотя и никому неизвѣстныя услуги. Какъ же тутъ явиться какому-нибудь ученому сочиненію по части теоріи искусства?—Надо, чтобы сперва установилось броженіе идей и очистился эстетическій вкусъ публики; а для этого надо, чтобы пошлыя и торговыя мнѣнія объ искусствѣ замѣнились «мыслями» объ искусствѣ, чтобы литературные промышленники, объясняющіе законы искусства своею благонамѣренностію и усердіемъ къ пользѣ «почтеннѣйшей» публики, уступили мѣсто тѣмъ, которые говорятъ объ искусствѣ потому что любятъ и понимаютъ его; чтобы устарѣвшіе идеи заклеймились печатію общаго отверженія, а отсталые враги всего, въ чемъ есть жизнь, движеніе, сила и достоинство, потеряли всякое вліяніе даже надъ чернію общества, на которую одну опирается теперь ихъ шаткій авторитетъ. Это можетъ сдѣлать только критика при посредствѣ журнала, основаннаго съ чисто-литературною и ученою, а не торговою, цѣлію, и поддерживаемаго участіемъ людей благородномыслящихъ и даровитыхъ, а не литературныхъ спекулянтовъ, во всю жизнь подвизавшихся на заднемъ дворѣ литературы и на кредитъ пользующихся извѣстностію «отлично умныхъ людей» и «отличнѣйшихъ сочинителей». Тогда можно будетъ подумать и о наукообразномъ созданіи законовъ искусства.

То же зрѣлище представляетъ и наша историческая литература. Карамзинъ былъ полнымъ выраженіемъ установившихся и вполнѣ опредѣлившихся идей своего времени, и потому его «Исторія Государства Россійскаго» есть твореніе зрѣлое, монументъ прочный и великій, хотя и начатый скромно, безъ криковъ, безъ униженія своихъ предшественниковъ, даже безъ штукмейстерскаго объявленія о подпискѣ. Такъ какъ твореніе Карамзина было плодомъ глубокаго изученія историческихъ

источниковъ, основательнаго и отличнаго по тому времени образованія,—твореніе таланта великаго, труда добросовѣстнаго и безкорыстнаго, совершавшагося въ священной тишинѣ кабинета, далекаго отъ всѣхъ литературныхъ рынковъ, на которыхъ издаются пышныя программы и забираются съ довѣрчивой публики деньги на не написанныя сочиненія во многихъ томахъ, то «Исторія Государства Россійскаго» съ каждымъ томомъ являлась созданіемъ болѣе зрѣлымъ, болѣе глубокимъ, болѣе великимъ и если остается недоконченною, то единственно по причинѣ смерти своего благороднаго творца, а не потому, чтобы у него не стало силъ на исполинскій подвигъ, или чтобы имъ впередъ взяты были деньги съ подписчиковъ, привлеченныхъ программою. Но послѣ Карамзина что̀ явилось сколько-нибудь примѣчательнаго въ нашей исторической литературѣ? Развѣ какая-нибудь пышная программа о подпискѣ на какую-нибудь небывалую исторію въ восьмнадцати томахъ?... Или, вмѣсто этихъ восьмнадцати, семь томовъ «высшихъ взглядовъ», изложенныхъ дурнымъ языкомъ и высокопарными фразами безъ всякаго содержанія, однимъ словомъ—бездарная и, часто безграмотная перефразировка великаго труда Карамзина, нещадно разруганнаго, при сей вѣрной оказіи, въ выноскахъ, занимающихъ половину каждой страницы?... Конечно, были другія попытки, болѣе благородныя и болѣе удачныя, но въ меньшемъ размѣрѣ, и нисколько неприближающіяся ни своимъ назначеніемъ, ни своимъ достоинствомъ къ безсмертному творенію Карамзина. А между тѣмъ великій трудъ Карамзина, какъ и всякій великій трудъ, отнюдь не отрицаетъ ни необходимости, ни возможности другаго великаго труда въ этомъ родѣ, который такъ же бы удовлетворилъ своему времени, какъ его трудъ своему. Но этотъ новый трудъ будетъ возможенъ тогда только, когда новыя историческія идеи перестанутъ быть мнѣніями и взглядами, хотя бы и «высшими», сдѣлаются наукообразнымъ сознаніемъ исторіи какъ науки, словомъ—философіею исторіи...

Не такова была судьба нашей поэзіи, потому что и вездѣ не такова судьба поэзіи. Наука есть плодъ умственнаго развитія народа, плодъ его цивилизаціи, результатъ сознательныхъ усилій со стороны людей, которые ей посвѣщаютъ себя; тогда какъ поэзія есть прямое, непосредственное сознаніе народа. У народа нѣтъ еще письма, нѣтъ даже слова для выраженія идеи искусства, но есть уже искусство—народная поэзія. И даже тогда, какъ народъ уже вышелъ изъ состоянія безсознательности, и поэзія его, изъ непосредственной или народной сдѣлалась художественною или общею, міровою въ самой своей національности,—и тогда ея ходъ независимъ отъ хода науки. Такъ поэзія Англичанъ, народа положительнаго и эмпирическаго по своему національному духу, совершенно чуждаго философіи (какъ безусловнаго знанія),—поэзія Англичанъ не видитъ равной себѣ ни у одного изъ новѣйшихъ народовъ, даже у самыхъ Нѣмцевъ, и по праву можетъ стать на ряду, какъ равная съ равною, съ поэзіею древнихъ Грековъ. Въ Греціи Платонъ явился тогда, какъ уже Гомеръ давно сдѣлался миѳическимъ лицемъ, и когда самая драматическая поэзія совершила уже полный свой кругъ: Шекспиръ явился въ Англіи, не дожидаясь Шеллинговъ и Гегелей. Самая германская поэзія, идущая объ руку съ философіею, выигрывая оттого въ содержаніи, часто теряетъ въ формѣ, превращаясь въ какое то поэтическое развитіе философскихъ идей и впадая въ символистику и аллегорику. Вслѣдствіе этой-то общей независимости творчества отъ науки, и наша поэзія успѣла совершить такой великій и блестящій кругъ развитія, пока наука едва успѣла сдѣлать только нѣсколько неровныхъ порывовъ къ движенію...

Да, мы уже имѣемъ поэзію, которою смѣло можемъ соперничествовать съ поэзіею всѣхъ народовъ Европы. «Но возможно ли» возразятъ намъ: «чтобы въ какіе-нибудь сто лѣтъ наша поэзія могла стать на такую неизмѣримую высоту?» —

Прежде нежели отвѣтимъ на этотъ вопросъ, попросимъ тѣхъ, кому угодно будетъ его сдѣлать, отвѣтить намъ на нашъ вопросъ: какимъ образомъ, въ продолженіи едва ли не полутораста лѣтъ, наше отечество изъ государства, едва извѣстнаго въ Европѣ, тѣснимаго и раздираемаго и Крымцами, и Поляками, и Шведами, сдѣлалось могущественнѣйшею монархіею въ мірѣ, приняло въ свою исполинскую корпорацію и отторгнутую отъ нея родную ей Малороссію, и враждебный Крымъ, и родственную Бѣлоруссію, и прибалтійскія шведскія области, и отодвинуло свое владычество за древній Араратъ? Какимъ образомъ въ столь короткое время, не имѣя печатнаго букваря, пріобрѣло оно себѣ литературу, успѣло перемѣнить даже азіятскіе нравы на европейскіе, такъ что о временахъ Митрофанушекъ и Скотининыхъ вспоминаетъ теперь, какъ о чемъ-то бывшемъ тысяча лѣтъ тому назадъ?... Мы думаемъ, что причина этого дивнаго явленія заключается въ глубинѣ и могуществѣ духа народа, въ сокровенномъ источникѣ его внутренней жизни, который горячимъ ключемъ бьетъ во внѣшность. Для духа нѣтъ условій времени, когда настанетъ минута его пробужденія. Это доказываетъ и богатая германская литература (мы разумѣемъ особенно-изящную), которая началась почти вмѣстѣ съ нашею, и еще такъ недавно утратила своего полнаго и великаго представителя — Гёте. Французская же литература, въ XVII столѣтіи отпраздновавшая свой первый золотой вѣкъ, представителями котораго были Корнель, Расинъ и Мольеръ,—въ XVIII—свой второй золотой вѣкъ, представителемъ котораго былъ Вольтеръ съ энциклопедическимъ причетомъ, а въ XIX — свой третій вѣкъ романтическій — теперь, отъ нечего дѣлать, поетъ вѣчную память всемъ тремъ своимъ золотымъ вѣкамъ, какъ-то невзначай разсмотрѣвъ, что всѣ они были не настоящаго, а сусальнаго золота... Слѣдовательно, вопросъ не во времени нашей поэзіи, а въ ея дѣйствительности. Здѣсь мы не войдемъ ни

въ подробности, ни въ объясненія, ни въ доказательства, которыя отвлекли бы насъ только отъ предмета статьи, и прямо выговоримъ наше убѣжденіе, предоставляя себѣ въ будущемъ оправдать его дѣйствительность критикою. Наша народная или непосредственная поэзія не уступитъ въ богатствѣ ни одному народу въ мірѣ, и только ждетъ трудолюбивыхъ дѣятелей, которые собрали бы ея сокровища, таящіяся въ памяти народа. Не говоря уже о пѣсняхъ,—одинъ сборникъ народныхъ рапсодій, извѣстный подъ именемъ «Древнихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ», есть живое свидѣтельство обильной творческой производительности, которою одарена наша народная фантазія. Между тѣмъ наша художественная поэзія, въ созданіяхъ Пушкина, стала наряду съ поэзіею всѣхъ вѣковъ и народовъ. Историческое ея развитіе блеститъ великими именами мощнаго Державина, народнаго Крылова, романтическаго Жуковскаго, пластическаго Батюшкова, юмористическаго Грибоѣдова, безсмертнаго переводчика «Иліады» Гомера—Гнѣдича. Такъ какъ литература не есть явленіе случайное, но вышедшее изъ необходимыхъ внутреннихъ причинъ, то она и должна развиться исторически, какъ нѣчто живое и органическое, непонятное въ своихъ частностяхъ, но понятное только въ хронологической полнотѣ и цѣлости своихъ процессовъ: съ этой точки зрѣнія, не только важны въ исторіи нашей поэзіи имена такихъ, болѣе или менѣе блестящихъ и сильныхъ талантовъ, каковы Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Карамзинъ (какъ стихотворецъ и романистъ), Мерзляковъ, Озеровъ, Дмитріевъ, кн. Вяземскій, Глинка (Ѳ. Н.), Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Давыдовъ (Денисъ), Дельвигъ, Полежаевъ, Козловъ, Вронченко, Кольцовъ, Нарѣжный, Загоскинъ, Даль (казакъ Луганскій), Основьяненко, Александровъ (Дурова), Вельтманъ, Лажечниковъ, Павловъ (Н. Ф.), кн. Одоевскій и другіе, но даже и ошибавшихся въ своемъ призваніи тружениковъ, каковы: Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Княжнинъ, Богдановичъ и пр.—Объяснимся.

Разсматривая литературу какого бы то ни было народа, невозможно отдѣлить ея развитіе отъ развитія общества. Это особенно должно относиться къ русской литературѣ, если вспомнимъ, что она явилась у насъ вслѣдствіе нашего сближенія съ Европою, какъ нововведеніе. Посему, мало было того, чтобы явился поэтъ: сперва нужно, чтобъ было для кого явиться ему, чтобъ были люди, которые уже слышали и кое-какъ понимали, что̀ за человѣкъ—поэтъ. И вотъ, является какой-нибудь «профессоръ элоквенціи, а наипаче хитростей піитическихъ», Василій Кириловичъ Тредіаковскій, и пишетъ піимы и разныя стихословныя штуки: его понимаютъ, онъ нравится, и многіе уже имѣютъ идею «піиты». Потомъ является Александръ Петровичъ Сумароковъ, россійскій Расинъ, Лафонтенъ, Мольеръ и Вольтеръ: и общество узнаетъ, что̀ такое ода, элегія, эклога, трагедія, комедія, слезная драма, что̀ такое театръ, и все это начинаетъ включать въ число своихъ забавъ.

Херасковъ—нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани,—

растолковываетъ, что̀ такое «героическая поэма», Общество благоговѣетъ передъ Ломоносовымъ, но больше читаетъ Сумарокова и Хераскова: они понятнѣе для него, болѣе по плечу ему. Является Державинъ, и всѣ признаютъ его первымъ и величайшимъ русскимъ поэтомъ, переставая, впрочемъ, восхищаться и Сумароковымъ, и Херасковымъ, и Петровымъ. Но у общества есть уже на счетъ Державина какая-то задушевная мысль, есть къ нему какое-то особенное чувство, которое часто находится въ прямой противоположности съ сознаніемъ: Херасковъ написалъ двѣ пребольшущія «героическія піимы» (родъ, считавшійся вѣнцомъ поэзіи), слѣдственно, Херасковъ выше Державина, пишущаго небольшія піесы; но со всѣмъ тѣмъ, отъ имени Державина вѣяло какимъ-то особеннымъ и таинственнымъ значеніемъ. Въ драматической поэзіи, Княжнинъ довершаетъ дѣло Сумарокова

и приготовляетъ обществу—Озерова. Первые два холодно удивляли общество: Озеровъ трогалъ и заставлялъ его плакать сладкими слезами эстетическаго восторга и умиленія,—и потому въ немъ думали видѣть великаго генія, а въ его сантиментально-риторическихъ трагедіяхъ—торжество поэзіи. Явился Жуковскій: одни увидѣли въ его поэзіи новый міръ, и жизнь души и сердца, и таинство поэзіи; другіе талантливаго стихотворца, увлекающагося подражаніемъ уродливымъ образцамъ эстетическаго безвкусія Нѣмцевъ и Англичанъ. Батюшковъ больше Жуковскаго по плечу, потому что называлъ себя классикомъ и подражалъ великимъ и малымъ писателямъ французской литературы. Но молодое поколѣніе не видало, но чувствовало въ немъ, какъ и въ Жуковскомъ, уже нѣчто другое: именно намекъ на истинную поэзію. Время невидимо работало. Старики уже начинали надоѣдать. Мерзляковъ нанесъ первый ударъ Хераскову, и хотя онъ же восхищался Сумароковымъ, но сего піиту уже давно не читали, а развѣ только подсмѣивались надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе, такіе люди, какъ Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, достойны уважительнаго вниманія и даже изученія, какъ лица историческія. Если они не имѣли ни искры положительнаго таланта поэзіи, они имѣли несомнѣнное дарованіе версификаторовъ,—достоинство, теперь ничтожное, но тогда очень важное. Образованіемъ своимъ они были несравненно выше своихъ современниковъ и показали имъ новыя умственныя области. Нѣтъ успѣха, который былъ бы незаслуженнымъ; нѣтъ авторитета, который бы не основывался на силѣ: а эти люди пользовались удивленіемъ, восторгомъ и поклоненіемъ отъ своихъ современниковъ и, хотя недолго, даже и потомства. Ихъ читали и перечитывали, ихъ называли образцами для подраженія, законодателями вкуса, жрецами изящнаго. Но главная и дѣйствительная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они отрицательно доказали положительную истину: черезъ нихъ понятъ былъ Державинъ такъ же, какъ потомъ

черезъ Державина были они поняты, хотя онъ оказалъ имъ этимъ и совсѣмъ другаго рода услугу, чѣмъ они ему. Они приготовили Державину читателей, публику, которая безсознательно, но скоро поняла, что онъ выше ихъ, а потомъ, сравнивая его съ ними, постепенно доходила до сознанія, что чѣмъ болѣе онъ истинный поэтъ, тѣмъ болѣе они—лжепоэты.

Да, люди, подобные Сумарокову, Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, необходимы въ историческомъ развитіи литературы, какъ писатели отрицательно дѣйствующіе на сознаніе общества въ сферѣ положительной истины. Много было въ ихъ время поэтовъ, написавшихъ цѣлые томы, какъ, напр. Станевичъ, Николаевъ, Сушковъ, и подобные имъ; но ихъ имена забыты, какъ случайности, тогда какъ имена Сумарокова, Хераскова, Петрова, Княжнина, Богдановича навсегда останутся въ исторіи русской литературы и будутъ достойны уваженія и изученія. Каждый изъ нихъ—лице типическое, выражающее общую идею, подъ которую подходитъ цѣлый рядъ родовыхъ явленій.

Къ числу такихъ-то примѣчательныхъ и важныхъ въ литературномъ развитіи отрицательныхъ дѣятелей принадлежитъ и Марлинскій. Его разница съ ними, и его превосходство надъ ними, конечно, много состоитъ и въ степени дарованія, по которому его невозможно и сравнить съ ними, но много заключается и въ чисто-внѣшнихъ причинахъ. Тѣ были русскіе классики, отличавшіеся отъ своихъ образцовъ—французскихъ классиковъ, школьною тяжеловатостію въ выраженіи, искусственнымъ, а потому неправильнымъ и дурнымъ языкомъ:—Марлинскій явился на поприще литературы тѣмъ самымъ, что называлось тогда романтикомъ. Какъ Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ и Княжнинъ хлопотали изъ всѣхъ силъ чтобы отдалиться отъ дѣйствительности и естественности въ изобрѣтеніи и слогѣ,—такъ Марлинскій всѣми силами старался приблизиться къ тому и

другому. Тѣ избрали для своихъ снотворныхъ пѣснопѣній только героевъ историческихъ и миѳологическихъ, этотъ — людей; тѣ почитали для себя за униженіе говорить живымъ языкомъ и поставляли себѣ за честь выражаться языкомъ школьнымъ, этотъ силился подслушать живую общественную рѣчь и, во имя ея, раздвинуть предѣлы литературнаго языка. По сему очень понятно, что тѣхъ теперь никто не станетъ читать, кромѣ серьёзно изучающихъ отечественную литературу, а Марлинскій еще долго будетъ имѣть читателей и почитателей.

Появленіе Марлинскаго на поприще литературы было ознаменовано блестящимъ успѣхомъ. Въ немъ думали видѣть Пушкина прозы. Его повѣсть сдѣлалась самою надежною приманкою для подписчиковъ на журналы и для покупателей альманаховъ, и только одинъ журналъ, какъ-бы обсужденный злосчастною судьбою на паденіе, не могъ воскреснуть отъ помѣщеннаго въ немъ «Фрегата Надежды»... Но когда появились въ «Телеграфѣ» его «Искуситель» и «Аммалатъ-Бекъ», — слава его дошла до своего nec plus ultra. Общій голосъ рѣшилъ, что онъ великій поэтъ, геній перваго разряда, и что нѣтъ ему соперниковъ въ русской литературѣ. Журналисты громкими фразами подкрѣпляли мнѣніе толпы; но никому изъ нихъ не приходило въ голову поговорить о Марлинскомъ въ отдѣльной статьѣ, хотя они въ длинныхъ статьяхъ разсуждали вкось и вкривь о многихъ писателяхъ, и не столь, по ихъ мнѣнію, великихъ и важныхъ. Такая огромная слава на кредитъ, такой громадный авторитетъ на честное слово, не могли стоять твердо и не зыблимо. Часть публики явно отложилась отъ предмета общаго удивленія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ стали промелькивать фразы, то робкія, то рѣзкія, то косвенныя, то прямыя, въ которыхъ выражалось то сомнѣніе въ геніальности Марлинскаго, то положительное отрицаніе въ немъ всякаго таланта. Наконецъ дѣло дошло до того, что тѣ же самые, которые первые провозгласили его

геніемъ первой величины, начали, въ неизбѣжныхъ случаяхъ, отзываться о немъ уже не столько громко, даже нерѣшительно и какъ можно короче, какъ будто мимоходомъ. Но и тѣ, которые поневолѣ должны видѣть въ Марлинскомъ высшую творческую силу вслѣдствіе обширности и глубокости своего эстетическаго чутья, за отсутствіемъ чувства,—даже и они начинаютъ упрекать его въ излишней игривости и пѣнистой шипучести языка, которыя породили неудачныхъ подражателей, искажающихъ русскій языкъ. Впрочемъ сіи послѣдніе, несмотря на то, не перестаютъ повторять, въ похвалу отставнаго генія, свои и чужія громкія фразы, тѣмъ болѣе, что онъ уже не можетъ мѣшать имъ въ сбытѣ ихъ товара, но еще можетъ служить имъ орудіемъ для униженія истинныхъ талантовъ, «забавно пишущихъ и вѣрно списывающихъ съ натуры». Между тѣмъ, подражатели Марлинскаго доходятъ до послѣдней крайности, изображая дикимъ и надутымъ языкомъ разныя сильныя ощущенія, и тѣмъ самымъ уясняютъ вопросъ совсѣмъ не въ пользу своего образца.

Но это излишество похвалъ, это множество подражателей, самое излишество порицаній—все несомнѣнно доказываетъ, что Марлинскій—явленіе примѣчательное въ литературѣ, выходящее изъ колеи пошлой обыкновенности. Изъ сего противорѣчія, естественно, вытекаетъ необходимость — опредѣлить значеніе и цѣнность его, какъ писателя, указать въ литературѣ его истинное мѣсто. Постараемся же рѣшить этотъ вопросъ, основываясь не на произволѣ личнаго «мнѣнія», которое чаще всего бываетъ личнымъ «предубѣжденіемъ», но опираясь на здравый смылъ и эстетическое чувство нашихъ читателей, и такимъ образомъ, не себѣ, а имъ предоставляя право суда.

Марлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ литераторовъ, которые явились на литературное поприще какъ враги классицизма и поборники романтизма. Вслѣдствіе этого, онъ дѣйствовалъ не только какъ романистъ или нувеллистъ, но и

какъ критикъ. Въ XI части его «сочиненій» помѣщены его годовые отчеты за литературу 1823, 1824 и частію 1825 годовъ, очеркъ исторіи древней и новой литературы до 1825 года, и разборъ романа г. Полеваго «Клятва при гробѣ Господнемъ». Не знаемъ почему, но только эти статьи въ полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго названы полемическими, тогда какъ въ нихъ нѣтъ и тѣни полемики: въ нихъ авторъ ни на кого не нападаетъ и ни съ кѣмъ не споритъ, а положительно высказываетъ свои понятія о литературѣ вообще и произведеніяхъ отечественной словесности. Равнымъ образомъ, не понимаемъ, почему въ это полное собраніе не внесены истинно-полемическія статьи Марлинскаго, разсѣянныя по книжкамъ «Сына Отечества» двадцатыхъ годовъ, и крайне интересныя, какъ факты интереснѣйшаго времени нашей литературы, времени, въ которое началась война покойника классицизма съ теперешнимъ покойникомъ романтизмомъ. Эти полемическія статейки Марлинскаго были его журнальными схватками съ тогдашними литературными старовѣрами, и отличаются вѣрностію взгляда на предметы, остроуміемъ и живостію. Вообще, Марлинскому, какъ критику, литература наша многимъ обязана. Это было важною заслугою съ его стороны, заслугою, которая теперь забыта самыми его поклонниками, и которую намъ тѣмъ пріятнѣе выставить на видъ. Въ своихъ по-годныхъ и полу-годныхъ обозрѣніяхъ литературы, имѣвшихъ въ двадцатыхъ годахъ такой успѣхъ, Марлинскій не отличается глубокимъ взглядомъ на искусство, не представляетъ о немъ ни одной глубокой идеи, но почти вездѣ обнаруживаетъ эстетическое чувство и вѣрный вкусъ человѣка умнаго и образованнаго. Всѣ они отличаются языкомъ по тому времени совершенно новымъ, чуждымъ большею частію изысканности и вычурности, полнымъ жизни, движенія, выразительности, оборотами новыми и смѣлыми, игривыми, живописными, образными. Конечно, въ этихъ «обозрѣніяхъ» часто встрѣчаются похвалы такимъ сочиненіямъ и такимъ «сочинителямъ», имена

которыхъ теперь сдѣлались допотопными, ископаемыми рѣдкостями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ встрѣчаются и чистыя отставки заржавѣвшимъ и заплеснѣвѣвшимъ знаменитостямъ того времени, и истинныя оцѣнки старыхъ и новыхъ талантовъ, особенно Державина, Жуковскаго и Пушкина. Надо знать и помнить критику того времени, чтобы оцѣнить подобныя характеристики, въ которыхъ Марлинскій изобразилъ этихъ мощныхъ представителей нашей поэзіи. Вспомните привѣтствія, которыми онъ, напримѣръ, встрѣтилъ появленіе «Московскаго Телеграфа» и которыми, въ немногихъ словахъ, такъ рѣзко и вѣрно охарактеризовалъ и начало, и средину, и конецъ этого изданія: «Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ «Телеграфъ», изд. г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ, или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего телеграфа, а «смѣлымъ Богъ владѣетъ»—его девизъ» (стр, 203).

Въ критической статьѣ о «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ», Марлинскій является уже совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ ея автору. Эта статья была написана въ 1833 году, а въ восемь лѣтъ много воды утекло: удивительно ли, что два автора, критиковавшіе сочиненія одинъ другаго, поняли другъ друга къ обоюдной пользѣ, по пословицѣ: «рука руку моетъ—обѣ чисты»?... Во всякомъ случаѣ, эта статья весьма примѣчательна. Критикъ начинаетъ съ яицъ Леды, уцѣпляется за неизбѣжный въ то время классицизмъ и романтизмъ, садится на пароходъ Джонъ-Буль и везетъ своихъ читателей въ Индію, оттуда (сухимъ путемъ) въ Персію, заѣзжаетъ мимоходомъ въ Аравію и Египетъ, оттуда ѣдетъ (моремъ) въ Грецію, которую онъ понимаетъ довольно поверхностно—съ телеграфской точки зрѣнія; изъ Греціи

отправляется въ Римъ, и изъ Рима—прямо въ средніе вѣка. Тутъ идутъ толки о баронахъ и вассалахъ, о крестовыхъ походахъ, о менестреляхъ, наконецъ о Шекспирѣ, о Вальтеръ-Скоттѣ, Куперѣ, Байронѣ, Викторѣ Гюго, который, по мнѣнію критика, знаетъ человѣческую природу не хуже Шекспира (!!...) и гораздо лучше Эсхила и Софокла (..!!); далѣе толкуется о XVIII и XIX вѣкахъ, и о Наполеонѣ, а изъ всего этого выходитъ, что мы—романтики, и что г. Полевой—великій романтикъ и еще большій романистъ (!!!...). Ложная идея ложнаго романтизма до того овладѣла нашимъ романтическимъ критикомъ, что у него и Державинъ — романтикъ, и Карамзинъ, и Вельтманъ, словомъ, все талантливое, даровитое, все—романтики. Романтизмъ въ глазахъ Марлинскаго есть альфа и омега истины, краеугольный камень міра, ключъ ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ и подъ землею, причина всѣхъ причинъ, начало всѣхъ началъ, разгадка всевозможныхъ загадокъ, отъ бородавки на носу старушки до тайной думы генія. Вслѣдствіе всего этого, въ статьѣ довольно софизмовъ и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ мнѣній. Въ слогѣ мѣстами колетъ глаза читателю вычурность. Особенно замѣтно желаніе шутить, которое проявляется иногда тамъ, гдѣ, кромѣ журналовъ, издающихся только для шутки, никто еще не шутилъ. Вотъ образчикъ такой натянутой и нимало не остроумной шутливости: «И вотъ мы въ Греціи, въ странѣ боговъ, подобныхъ людямъ, въ странѣ богоподобныхъ мужей! Я увѣренъ, что этотъ salto mortale не удивитъ васъ: развѣ не учились вы прыгать въ манежѣ? Что касается до меня, вы сами видите, что я вольтижирую на конькѣ своемъ не хуже Франкони сына» (т. XI. стр. 264). И эта неумѣстная и невеселая шутка замѣшалась въ страницу, блестящую дѣльными мыслями и прекраснымъ языкомъ... Или, напримѣръ, какъ вамъ покажется вотъ еще эта милая шуточка: «Исторія была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно будто кошка,

подкрадывалась невзначай, какъ тать (и справедливо и остроумно!). Она буянила и прежде» и пр. (стр 254). Но вмѣстѣ съ этими мыслями незрѣлыми, поверхностными и ложными, при этой неострой шутливости, при этихъ вычурныхъ фразахъ, при этомъ явномъ пристрастіи къ пріятельскому издѣлію, — сколько въ этой статьѣ свѣтлыхъ мыслей, вѣрныхъ замѣтокъ, сколько страницъ и мѣстъ, говорящихъ, сіяющихъ, блещущихъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рѣзкими, многозначительными, хотя и краткими очерками, бриліянтовымъ языкомъ! сколько истиннаго остроумія, неподдѣльной игривости ума! Такъ напр., сколько правды высказалъ Марлинскій о «Самозванцѣ» и «Петрѣ Выжигинѣ» г. Булгарина! Въ первомъ говоритъ онъ, авторъ изобразилъ «не Русь, а газетную Россію» и «натянутъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ на чувства, на сильныя вспышки страстей», что въ немъ «характеръ Годунова очерненъ, характеръ Самозванца не выдержанъ, а государственные люди черезчуръ просты и трусливы»; что авторъ «слишкомъ романтизировалъ похожденія своего героя, и прибѣгъ къ чудесному, очень уже изпошенному, заставилъ колдунью пророчить Годунову самымъ пошлымъ образомъ надъ змѣями и жабами, которыхъ (между нами будь сказано) не найти въ мартѣ мѣсяцѣ ни за какія деньги»; что «въ Петрѣ Выжигинѣ историческая часть вовсе чахотна»; что «увѣрять, что Наполеонъ пошелъ въ Россію, обманутый Коленкуромъ, будто его примутъ съ отверстыми объятіями, можно было въ 1812 году, не позже; да и тогда этимъ слухамъ вѣрили только въ гостинномъ дворѣ»; что «Наполеонъ занимаетъ въ Выжигинѣ» больше мѣста, чѣмъ самъ герой повѣсти» и пр. (стр. 317 и 318). При вѣрности взгляда, какая удивительная память у критика: онъ не только прочелъ романы г. Булгарина — даже упомнилъ, о чемъ и какъ въ нихъ разсказывается... За тѣмъ слѣдуютъ очень остроумныя оцѣнки романовъ гг. Загоскина и Лажечникова, которые, однакожь, по пріязни къ автору «Клятвы», онъ

ставить ниже этого, разумѣется, неконченнаго произведенія. Сколько критическаго такта и вотъ въ этихъ немногихъ словахъ: «Я не поставлю Державина на одну доску съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, потому что первый изумилъ всѣхъ подобно кометѣ, но исчезъ въ пучинѣ воздуха, безъ слѣда; а два послѣдніе были двигателями нашей словесности и затворили своимъ духомъ цѣлые табуны подражателей» (стр. 310)! Посмотрите, сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи въ этомъ краткомъ очеркѣ французскаго классицизма: «Зажмурьте глаза, и вы не узнаете, кто говоритъ: Оросманъ или Альзира, китайская сирота или каммер-юнкеръ Лудовика XIV. Малютку природу, которая имѣла неисправимое несчастіе быть недворянкою—по приговору академіи выпроводили за заставу, какъ потаскушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный проситель, съ трепетомъ держался за ручку дверей, между тѣмъ, какъ швейцаръ классикъ павлинился передъ нимъ своею ливреею и преважно говорилъ ему: приди завтра! И какъ долго не пришло это завтра, а все оттого, что Французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ площаднымъ для себя, а живой разговоръ слишкомъ простонароднымъ, и вздумали украшать природу, облагородить, установить языкъ! И стали нелѣпы оттого, что чрезчуръ умничали» (стр. 263). Это было сказано и доказано назадъ тому семь лѣтъ, а между тѣмъ люди, живущіе заднимъ умомъ, по уставу того времени, когда даже и они слыли за умниковъ, и теперь приходятъ въ ужасъ отъ выраженія, что Корнель, Расинъ, Буало, Вольтеръ, Кребильйонъ, Дюсисъ и пр.—поэтическіе уроды!... Хоть бы Марлинскаго-то перечитывали эти почтенные филистеры въ плисовыхъ сапогахъ и вязаныхъ колпакахъ!... Чтобы помочь слабости ихъ памяти и другихъ способностей, выпишемъ для нихъ и еще нѣсколько строкъ изъ этой статьи Марлинскаго: «Ломая алтари, Франція не тронула точеныхъ ходулей классицизма; она отреклась вѣры и осталась вѣрна преданіямъ Баттё, сти-

хами Делиля, такъ что, когда русскій казакъ сѣлъ на дарово мѣсто въ Одеонѣ, въ 1814 году, онъ зѣвалъ отъ тѣхъ же длинныхъ, длинныхъ монологовъ, отъ которыхъ зѣвать изволилъ Лудовикъ XIV, съ тою только разницею, что революціонеръ Тальма осмѣлился не пѣть, а говорить стихи, проглатывать цезуры и ходить по человѣчески, а не гусинымъ шагомъ» (стр. 296). Сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи вотъ и въ этой характеристикѣ одной части русскаго народа. «Матеріальная Европа хлынула на Россію, когда Петръ Великій сломалъ стѣну, ихъ дѣлившую; но вѣку Петра нѣкогда было заниматься словесностію: его поэзія проявлялась въ подвигахъ, не въ словахъ. Долгое бездѣйствіе пало на Русь съ кончиною его кипучей дѣятельности, а въ часъ досуга русскій баринъ любилъ чужестранныя сказки; онъ искони отличался необыкновенною уступчивостію своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостію чужихъ. Онъ пилъ кумысъ съ ханами Золотой Орды; онъ носилъ контушъ при самозванцѣ. За бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бъ она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ, онъ грудью полѣзъ въ Нѣмцы» (стр. 299—300). Отъ страницы 323 до 335, авторъ, съ неподражаемою оригинальностію, слѣдовательно и вѣрно, говоритъ о національныхъ элементахъ русскаго романа, о родныхъ стихіяхъ жизни русскаго народа, у котораго, по его словамъ: «каждое слово завиткомъ и послѣдняя копѣйка ребромъ». При оцѣнкѣ самого романа, занимающей едва ли десятую часть статьи, критикъ, по всему видно болѣе руководился личными отношеніями къ автору-пріятелю, чѣмъ истиною, и потому въ этой длинной и скучной повѣсти видитъ міровое, или, говоря его понятіями, романтическое произведеніе. Еще не приступая къ оцѣнкѣ романа г. Полеваго, онъ оцѣнилъ его недоконченную «Исторію Русскаго Народа». Какъ рѣдкій образчикъ пріятельской критики, выписываемъ эту диковинную оцѣнку: Полевой издалъ 3 тома своей «Исторіи Рус-

скаго Народа». То уже не былъ златоперпатый разсказъ Карамзина, но повѣствованіе пернатое свѣтлыми идеями (ужь подлинно—свѣтлыми: отъ блеска ихъ часто и смысла не видишь!...). Не изъ толпы, и не съ приходской колокольни (а вѣрно съ телеграфской каланчи?...) смотрѣлъ онъ на торжественный ходъ вѣковъ, но съ выси горъ (а!...). Взоръ его проникалъ въ сердце народовъ, обнималъ все ристалище человѣчества» и проч. Но еще не этимъ оканчивается пріятельская критика—послушайте далѣе: «Полевой отвѣчалъ новыми услугами за новые насмѣшки. Ему вспало на умъ: досказать русскую исторію—повѣстью... Вслѣдствіе этого онъ написалъ сперва повѣсть «Симеонъ Кирдяпа», и теперь «Клятву при Гробѣ Господнемъ, русскую быль XV вѣка...» Эврика! Эврика! Вотъ открытіе-то! новое, важное открытіе! Вѣдь недоконченная «Исторія Русскаго Народа» г. Полеваго докончена: «Симеонъ Кирдяпа» и «Клятва при Гробѣ Господнемъ» суть не что иное, какъ ея послѣдніе томы,—тѣ самые, которые были обѣщаны публикѣ нашимъ историкомъ, въ числѣ восьмнадцати, но которые, впрочемъ, продавались отдѣльно!... Господа подписчики на восьмнадцать томовъ «Исторіи Русскаго Народа», получившіе ея только семь томовъ! купите «Клятву при Гробѣ Господнемъ», выдерите изъ «Телеграфа» «Симеона Кудряпу», да и переплетите ихъ подъ одинъ переплетъ съ семью томами исторіи—вотъ вы и съ концомъ... Не поскупитесь: «Клятва» стоитъ недорого—гораздо дешевле «Исторіи Русскаго Народа», за которую вы или отцы ваши заплатили впередъ деньги!...

Но наша оцѣнка Марлинскаго, какъ критика, кончена. Выведемъ итогъ изъ всего сказаннаго нами,—а мы, какъ читатели сами могутъ видѣть, говорили не мнѣніями, а фактами, и, выставляя на видъ ошибки и пристрастіе, не скрывали отъ нихъ, а прямо выставляли на видъ и блестящія, истинныя стороны разбираемаго нами автора. Оставляя въ сторонѣ ложность или поверхность многихъ мыслей, заключающіяся въ

неизбѣжныхъ условіяхъ времени, — мы не будемъ обвинять за нихъ Марлинскаго, тѣмъ болѣе, что ни самъ онъ и никто другой не думалъ выдавать ихъ за непреложныя; пройдемъ молчаніемъ неудачныя и неумѣстныя претензіи на остроуміе и оригинальность выраженія; но скажемъ, что многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающееся вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно, — составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Марлинскаго русской литературѣ и литературному образованію русскаго общества. Не забудемъ также, что онъ былъ первый, сказавшій въ нашей литературѣ много новаго, такъ что, все писавшееся потомъ въ «Телеграфѣ», было повтореніемъ уже сказаннаго имъ въ его литературныхъ обозрѣніяхъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ его примѣчательная и,—несмотря на отсутствіе внутренней связи и послѣдовательности, на неумѣстность толковъ о всякой всячинѣ, нейдущей къ дѣлу, несмотря на множество софизмовъ и явное пристрастіе,—прекрасная статья о «Клятвѣ при гробѣ Господнемъ»: «Телеграфъ» во все время своего существованія, ни на одну ноту не сказалъ больше сказаннаго Марлинскимъ, и только развѣ отсталъ отъ него, обратившись къ устарѣвшимъ мнѣніямъ, которыя прежде самъ преслѣдовалъ. Да, Марлинскій немного дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ,—его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны и гораздо существеннѣе, чѣмъ достоинство его препрославленныхъ повѣстей, хотя о первыхъ никто не говоритъ, а отъ послѣднихъ всѣ безъ ума.—Перейдемъ же къ этимъ повѣстямъ...

Художественны ли повѣсти Марлинскаго, т. е. принадлежатъ ли онѣ къ произведеніямъ искусства, или только, къ произведеніямъ литературы? Надобно напередъ сказать, что мы полагаемъ большую разность не только между художественнымъ и литературнымъ произведеніемъ, но и художественнымъ и поэтическимъ: литературное произведеніе мо-

жетъ быть и поэтическимъ, а поэтическое—и художественнымъ; но есть произведенія литературы, которыхъ нельзя назвать ни поэтическими, ни художественными. Вѣдь и «Танька, разбойница растокинская или Царскіе Терема» и «Черная Женщина», и разныя «поѣздки» и «прогулки», и «Похожденія англинскаго Милорда», и «Похожденія Совѣстдрала большаго носа»—все это, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ литературѣ, но не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Мы не будемъ ни опредѣлять значенія слова «художественность», ни подробно разсматривать его, а въ короткихъ словахъ опишемъ признаки «художественности».

Художественное произведеніе рѣдко поражаетъ душу читателя сильнымъ впечатлѣніемъ съ перваго раза: чаще оно требуетъ, чтобы въ него постепенно взглядывались и вдумывались; оно открывается не вдругъ, такъ-что чѣмъ больше его перечитываешь тѣмъ дальше углубляешься въ его организацію, уловляешь новыя, незамѣченныя прежде черты, открываешь новыя красоты, и тѣмъ больше ими наслаждаешься. Прогрессу этого разумѣнія и наслажденія нѣтъ предѣловъ, нѣтъ границъ: онъ безконеченъ... Посему, истинно-художественное недоступно массѣ и толпѣ, какъ все, что́ ей не по плечу: оно доступно только немногимъ, но избраннымъ,—и когда время сдѣлаетъ свое дѣло, утвердительно рѣшивъ вопросъ о величести художника, толпа съ голоса этихъ избранныхъ кричитъ о его геніальности, но понимаетъ его такъ же плохо, какъ и при его появленіи... Кто теперь не убѣжденъ въ громадности генія Шекспира, и много ли людей предпочтутъ его драму какому-нибудь водевилю, или пустой и ничтожной мелодрамѣ, сшитой изъ чувствительныхъ эффектовъ?... Когда Пушкинъ явился въ свѣтъ съ «Русланомъ и Людмилою», «Кавказскимъ Плѣнникомъ», первою главою «Онѣгина», съ «Андреемъ Шенье», «Наполеономъ», посланіемъ къ «Овидію», къ «Лицинію» и другими дѣйствительно поэтическими, но не художественными произведеніями, — масса публики увидѣла въ

немъ генія первой величины, а когда онъ представилъ ей «Полтаву», «Бориса Годунова» и «Онѣгина», какъ цѣлое художественное созданіе: а уже не сказку о томъ и о сёмъ,—масса публики рѣшила, что Пушкинъ палъ... И между первыми его произведеніями, дѣйствительно поэтическими, доставившими ему такой огромный успѣхъ, многіе ли и теперь еще замѣтили и оцѣнили его истинно-художественныя подражанія древнимъ и Корану?... Все, что нехудожественно, но по намѣренію автора должно относиться къ искусству, съ перваго раза производитъ самое рѣзкое и сильное впечатлѣніе, бросаясь въ глаза и раздражая зрительный нервъ густотою и яркостію красокъ. Такія мнимо-художественныя произведенія скорѣе всего захватываютъ вниманіе массъ, увлекая ихъ своею доступностію, которая возможна даже для ограниченности и невѣжества. Все рѣзкое, блестящее, особенно если оно къ тому же и ново, хотя бы было и странно, и дико-оригинально, имѣетъ, при своемъ началѣ, великій успѣхъ въ толпѣ, и часто увлекаетъ даже и людей съ эстетическимъ чувствомъ, но чувствомъ, невозвысившимся чрезъ развитіе, чрезъ изученіе, до эстетическаго вкуса. Однакожъ рано или поздно—истина всегда беретъ свое: ей помогаетъ время, этотъ великій и непогрѣшительный критикъ. Если у человѣка есть хоть нѣсколько естетическаго чувства—произведеніе, восхищавшее его, при каждомъ повторительномъ чтеніи все болѣе и болѣе теряетъ цѣну въ глазахъ его, и наконецъ наскучаетъ ему и дѣлается противно. Сама толпа приглядывается къ нему—и лишь только явится ей другая новость въ этомъ родѣ, она сперва по привычкѣ и по преданію, будетъ еще, зѣвая, превозносить его, а потомъ и совсемъ забудетъ, кинувшись на новинку. Итакъ, художественное произведеніе открывается не вдругъ, а постепенно: чѣмъ болѣе его читаютъ, тѣмъ понятнѣе оно становится, и тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, выигрывая такимъ образомъ съ теченіемъ времени, обновляясь и юнѣя отъ пол-

поты лѣтъ,—между тѣмъ, какъ мнимо-художественныя произведенія, часто ослѣпляя своею новостію и пріобрѣтая отъ этого всеобщій громкій успѣхъ, все болѣе и болѣе блѣднѣютъ и тускнутъ отъ каждаго новаго чтенія, и наконецъ гибнутъ отъ старости, которую обыкновенно называютъ устарѣлостію. Вѣчность выноситъ на своихъ волнахъ только одно обще-міровое и обще-человѣческое, никогда непреходящее, но вѣчно юное, и топитъ въ бездонной пропасти своей все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности...

Истинно-художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя своею истиною, естественностію, вѣрностію, дѣйствительностію, до того, что, читая его, вы безсознательно, но глубоко убѣждены, что все, разсказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе никакъ не могло. Когда вы его окончите—изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями—съ лицемъ, съ голосомъ, съ поступью, съ своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо впечатлѣваются въ нашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое піесы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности. Оттого-то, когда пылкій юноша прочтетъ художественное произведеніе, — онъ готовъ спросить себя:

«почему онъ не написалъ его? Вѣдь оно такъ просто и обыкновенно: кажется, только стоило бы присѣсть да написать»,—но мнимо-художественныя произведенія почти всегда, съ перваго раза, возбуждаютъ удивленіе: они кажутся такъ поразительно новы, такъ неподражаемо оригинальны, такъ высоко мудрены;—и юная, неопытная душа не смѣетъ и думать рѣшиться на подвигъ соперничества, и съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ смиряется въ сознаніи своего безсилія произвести что-нибудь подобное... Вотъ почему устарѣвшіе юноши, или духовно-малолѣтные люди, вслѣдствіе бѣдности, мелкости и ограниченности своей натуры, къ тому же еще неразвитой ученіемъ и образованіемъ, видятъ, напримѣръ, въ Гоголѣ «забавнаго писателя, вѣрно списывающаго съ натуры» и какъ будто ставятъ ему это въ униженіе. Добрые люди,—они не понимаютъ, что вѣрно списывать съ дѣйствительности невозможно, но можно вѣрно воспроизводить дѣйствительность силою творческаго духа, а то, что они называютъ на своемъ простонародномъ нарѣчіи—«вѣрно списывать съ натуры», значитъ вѣрно творить, и есть не недостатокъ, не порокъ, а высочайшее достоинство и необходимое условіе творческой силы въ поэтѣ. Въ искусствѣ, все невѣрное дѣйствительности есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т. е. всякая выдуманная какимъ-нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность есть ложь и клевета на истину... Въ истинно-художественномъ произведеніи всѣ образы новы, оригинальны, ни одинъ не повторяетъ другаго, но каждый живетъ своею особною жизнію. Какъ бы ни были многочисленны и разнообразны творенія художника,—онъ ни въ одномъ изъ нихъ и ни одною чертою не повторитъ себя.

Разсмотрите повѣсти Марлинскаго на основаніи изложенныхъ нами мыслей о художественности въ искусствѣ: что выйдетъ?..

Основныя стихіи повѣстей Марлинскаго, приписываемыя имъ общимъ голосомъ, суть—народность остроуміе и живопись трагическихъ страстей и положеній. Посмотримъ, справедливо ли это, и если справедливо, то до какой степени. Начнемъ съ «Испытанія»—первой повѣсти въ первомъ томѣ, и перелистуемъ ее. Повѣсть начинается описаніемъ гусарской пирушки на именинахъ эскадроннаго начальника Гремина. Разговоръ началъ «томиться», и смѣхъ, «эта клеопатрина жемчужина, разстаялъ въ бокалахъ». Изъ гостей, майоръ Стрѣлинскій завтра ѣдетъ въ Петербургъ,—хозяинъ вызываетъ его на тайное объясненіе и дѣлаетъ ему порученіе, по смыслу котораго названа и повѣсть.

„Послушай, Валеріанъ! сказалъ ему Греминъ; ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, съ золотыми колосьями на головѣ, которая свела съ ума всю молодежь на балѣ у французскаго посланника, три года тому назадъ, когда мы оба служили въ гвардіи.

— Я скорѣе, забуду, съ которой стороны садиться на лошадь! — вспыхнувъ, отвѣчалъ Стрѣлинскій;—она... но далѣе: ты былъ влюбленъ въ нее?

„*Былъ и есмь*... мнѣ отвѣчали взаимностію, меня ввели въ домъ ея мужа...

— Такъ она за мужемъ?

— „По несчастію, да. *Разсчетливость родныхъ приковала ее къ живому трупу, къ ветхому надгробію человѣческаго и графскаго достоинства.* Надо было покориться судьбѣ и *питаться искрами взглядовъ и дымомъ надежды.* Но между тѣмъ, какъ мы вздыхали, семидесятилѣтній супругъ кашлялъ—и наконецъ врачи посовѣтывали ему ѣхать за границу... Старикъ взялъ ее съ собою... При разлукѣ мы были неутѣшны, и помѣнялись, какъ водится, кольцами и обѣтами неизмѣнной вѣрности. Съ первой станціи она писала ко мнѣ дважды; съ третьяго ночлега еще одно письмо; съ границы поручила одному встрѣчному знакомцу мнѣ кланяться, а съ тѣхъ поръ ни отъ ней, ни объ ней никакого извѣстія: словно въ воду канула!

— Ужели жь ты не писалъ къ ней? Любовь безъ глупостей на письмѣ и на дѣлѣ все равно, что разводъ безъ музыки. Бумага все терпитъ.

— „Да я-то не терплю бумаги. Притомъ, куда бы мнѣ адресовать свои брандскугельныя посланія? *Вѣтеръ плохой проводникъ для нѣжности,*

а животный магнетизмъ не открылъ мнѣ мѣста ея процвѣтанія. Потомъ иныя заботы по службѣ и своимъ дѣламъ не давали мнѣ досуга заняться сердцемъ. Признаюсь тебѣ, я ужь сталъ было позабывать мою прекрасную Алину. *Время залѣчиваетъ даже ядовитыя раны ненависти:* мудрено ли жь ему *выдымить фосфорное пламя любви?* Но вчерашняя почта освѣжила вдругъ мою страсть и надежды. *Репетиловъ*, въ числѣ столичныхъ новостей, пишитъ мнѣ, что Алина возратилась изъ-за границы въ Петербургъ — *мила, какъ сердце, и умна, какъ свѣтъ,*—что она *сверкаетъ звѣздой на модномъ гаризонтѣ.* что уже дамы, несмотря на соперничество, переняли у ней какой-то чудесный манеръ ридикюля, а мужчины выучились пришепетывать, страхъ какъ пріятно...

— Тѣмъ хуже для тебя любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не бывала въ числѣ карманныхъ добродѣтелей у баловницъ большаго свѣта.

— „Въ этомъ-то все и дѣло, любезнѣйшій! Отлучка полковаго командира привязала меня къ службѣ; между тѣмъ, какъ я сижу здѣсь сиднемъ, она, можетъ, измѣняетъ мнѣ. Сомнѣніе для меня тяжеле самой неблагопріятной извѣстности. Послушай, Валеріанъ! я тебя знаю давно, и люблю тебя также давно, какъ знаю. Коротко и просто: *испытай вѣрность Алины*".

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ что́ значитъ—«испытаніе»! Разумѣется, Стрѣлинскій отговаривается; а наконецъ соглашается — и ѣдетъ. Разумѣется, что Стрѣлинскій знакомится съ Алиною Александровною Звѣздичъ, сначала волочится за нею по порученію друга, потомъ влюбляется въ нее по уши, самою высокою платоническою страстію, равно какъ и она въ него. Разумѣется, Греминъ приходитъ въ бѣшенство, узнавъ о ихъ близкой свадьбѣ, пріѣзжаетъ, объясняется съ нимъ; они говорятъ другъ другу оскорбительныя остроты и условливаются о мѣстѣ роковаго поединка. Разумѣется, что Греминъ, пріѣхавъ на объясненіе къ Стрѣлинскому, увидѣлъ его «прелестную» и «невинную» сестру, которой онъ посылалъ съ братомъ поклонъ въ своемъ дружескомъ съ нимъ разговорѣ, невыписанномъ нами до конца, длинноты его ради. Разумѣется, Греминъ влюбился въ нее, а она влюбилась въ него, смекнула о дуэли и,

какъ ангелъ-примиритель, вовремя явилась на мѣсто поединка,—и повѣсть заключилась двумя свадьбами. Въ произведеніяхъ такого рода по началу можно знать и середину и конецъ, потому что въ такихъ произведеніяхъ все—общія мѣста и истертыя пружины. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ подробный разборъ повѣсти, и, вмѣсто его, сдѣлаемъ читателю нѣсколько вопросовъ:

Выписанное нами изъ повѣсти мѣсто есть введеніе въ повѣсть: авторъ васъ знакомитъ съ ея дѣйствующими лицами, и ихъ разговоромъ завязываетъ интригу повѣсти. Спрашиваемъ: если Стрѣлинскій былъ задушевнымъ другомъ Гремину, такъ что тотъ почиталъ себя вправѣ сдѣлать ему такое порученіе, — то зачѣмъ же онъ, въ самую минуту порученія, сталъ разсказывать ему о своей любви? Неужели его другъ не зналъ о ней прежде? Да для того, отвѣчаемъ мы же сами, — чтобы читатели узнали въ чемъ дѣло; только въ художественныхъ созданіяхъ лица знакомятъ себя читателю дѣйствіемъ, а не разсказами о себѣ въ родѣ слѣдующихъ: «характеръ у меня такой-то, отъ рода имѣю столько-то лѣтъ, влюбленъ въ такую-то, и вотъ какъ это случилось». Спрашиваемъ: каково бы ни было чувство мущины, если только въ немъ человѣческая душа и человѣческое сердце,—во всякомъ случаѣ, не должно ли въ его чувствѣ непремѣнно быть хотя сколько-нибудь этого дѣвственнаго цѣломудрія, вслѣдствіе уваженія и къ себѣ и къ достоинству женщины, этого дѣвственнаго цѣломудрія, которое открываетъ свою задушевную тайну нехотя, робко, говоритъ о ней не прямо, а какъ бы намеками, не многословно, а отрывисто, не громко, а тихо, какъ бы боясь, чтобы его не подслушали самые стѣны? Такъ ли объяснялся объ этомъ щекотливомъ предметѣ Греминъ?... Боже мой, сколько въ его словахъ претензій на остроуміе, которое, отъ этого самого, такъ натянуто! И это ли языкъ чувства, весь склеенный изъ азбучныхъ афоризмовъ, ходячихъ сентенцій

и остротъ, вычитанныхъ изъ плохихъ романовъ! Какая въ разговорѣ Гремина безсердечность, холодность! Какое отсутствіе всякой естественности! И что похожаго на истину въ самомъ порученіи! Оно гораздо приличнѣе школьникамъ, недавно вышедшимъ изъ пансіона, чѣмъ удалымъ и храбрымъ гусарамъ. Когда вы прочитываете этотъ разговоръ,—западетъ ли вамъ въ душу хотя одно слово изъ него? остается ли въ вашей памяти хотя одна черта этихъ двухъ безличныхъ лицъ и безхарактерныхъ характеровъ?...

А подробности, а краски повѣсти?... У насъ нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни охоты выписывать, напримѣръ, остроумное описаніе Сѣнной-площади, наканунѣ Рождества, гдѣ «ощипанныя гуси, забывъ капитолійскую гордость, славно выглядываютъ изъ возовъ, ожидая покупщика, чтобы у него погрѣться на вертелѣ; цѣлыя племена свиней всѣхъ поколѣній, на всѣхъ четырехъ ногахъ съ загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплинѣ, стройными рядами ждутъ ключницъ и дворецкихъ, чтобъ у нихъ на запяткахъ совершить смиренный визитъ на поварню, и, кажется, съ гордостію, любуясь своею бѣлизною, говорятъ вамъ: «я разительный примѣръ усовершаемости природы: бывъ до смерти упрекомъ неопрятности, становлюсь эмблеммою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окорока, сохраняю платья вашимъ модникамъ и зубы вашимъ красавицамъ» и прочее, и прочее. Все въ такомъ же родѣ—и о простосердечномъ баранѣ—«этой четвероногой идилліи», и объ эгоистахъ телятахъ и т. д.; перечтите сами, и потомъ сами себѣ отдайте отчетъ, до какой степени все это замысловато, игриво, мило и смѣшно. Перечитывать и отдавать себѣ отчетъ въ перечитанномъ очень полезно: это избавляетъ отъ многихъ убѣжденій, составленныхъ по первому впечатлѣнію, рѣдко истинныхъ, и поддерживаемыхъ привычкою, памятью, авторитетомъ, общимъ говоромъ. И потому совѣтуемъ вамъ и просимъ васъ повнимательнѣе заглянуть въ «Испытаніе» отъ

24 до 46 страницы, чтобы спросить самихъ себя, до какой степени описанный въ нихъ разговоръ въ маскарадѣ свѣтской женщины съ свѣтскимъ мущиною, отличается «свѣтскостію», и не выхваченъ ли онъ изъ того кружка общества, котораго свѣтскость, есть болѣе или менѣе неудачное подраженіе «свѣтскости»?...

Конечно, любезность близко граничитъ съ свѣтскостію, но ужь, вѣроятно, любезность легкая и вдохновенная, какъ импровизація, простая, естественная, какъ салонный разговоръ, а не книжная, не взятая цѣликомъ на прокатъ изъ общихъ мѣстъ плохаго романа. Есть разница между пѣхотнымъ прапорщикомъ-мечтателемъ, который слыветъ въ извѣстномъ кружку общества за образованнаго и начитаннаго кавалера и говоритъ барышнямъ любезности, взятыя на прокатъ изъ повѣстей Марлинскаго, и между блестящимъ гусаромъ, принадлежащимъ къ высшему кругу общества... А какъ вамъ покажутся подобныя фразы: «разговоръ склонился на летучія новости, которыми всегда испещрена столичная атмосфера»; «амуръ былъ настройщикомъ этого лада»; «между тѣмъ очи обоихъ вели столь сильный перекрестный огонь, что онъ не только имъ, но и стороннимъ могъ казаться потѣшнымъ» (дѣйствительно потѣшенъ); «возвратить улитку разговора на....»

Не знаю, какъ для васъ,—у всякаго свой вкусъ,—но для меня нѣтъ ничего въ мірѣ несноснѣе какъ читать, въ повѣсти или драмѣ, вмѣсто разговора — рѣчи, изъ которыхъ сшивались поэтическими уродами классическія трагедіи. Поэтъ берется изображать мнѣ людей не на трибунѣ, не на каѳедрѣ, а въ домашнемъ быту ихъ частной жизни, передаетъ мнѣ разговоры, подслушанные имъ у нихъ въ комнатѣ, разговоры, часто оживляемые страстію, которая можетъ измѣнять и самый разговорный языкъ, но которая ни на минуту не должна лишать его разговорности и дѣлать тирадами изъ книгъ,—и я, вмѣсто этого, читаю рѣчи, составленныя по

правиламъ старинныхъ риторикъ. Согласитесь, что это просто невыносимо и перечтите въ «Испытаніи» страницы 73—74 и 121—124: въ первомъ мѣстѣ молоденькая пансіонерка по книжному разсуждаетъ о Генрихѣ IV, «отцѣ и другѣ своихъ подданныхъ», и о Петрѣ Великомъ, «скромномъ въ счастіи и непоколебимомъ въ бѣдѣ»—только видно, что она еще не успѣла забыть «Всеобщей Исторіи» г. Кайданова! а во второмъ просто является героиней Расиновской трагедіи. Послушайте: «Но знайте, князь Греминъ, если рѣчь правды и природы недоступна душамъ, воспитаннымъ кровавыми предразсудками — то вы не иначе достигните до моего брата—какъ сквозь это сердце: не пожалѣвъ славы—я не пожалѣю жизни!» Скажите, Бога ради, кто, когда и гдѣ говоритъ такимъ языкомъ? неужели эта натура, дѣйствительность?...

Итакъ: ни характеровъ, ни лицъ, ни образовъ, ни истины положеній, ни правдоподобія въ интригѣ, — а между тѣмъ все-таки просвѣчиваетъ какой-то талантъ разсказа, иногда большое умѣнье блеснуть эффектомъ, и сказка, въ первый разъ, читается до конца, хотя и съ пропусками растянутыхъ мѣстъ и неидущихъ къ дѣлу вставокъ. Что́ жь?—и то хорошо:

Для сказки и того довольно,
Коль слушаютъ ее безъ скуки, добровольно!

Перейдемъ отъ «Испытанія» къ «Фрегату Надеждѣ»—повѣсти, пользующейся особенно знаменитостію и славою, и написанной гораздо съ большими претензіями на глубокость и силу изображенныхъ въ ней страстей. Княгиня Вѣра*** пишетъ письма къ своей родственницѣ въ Москву, письма совершенно пансіонскія, безпрестанно блестящія фразами въ родѣ слѣдующихъ: «Я такъ пышно скучала, такъ разсѣянно грустила, такъ неистово радовалась, что ты бы сочла меня за Отантянку на парижскомъ балѣ» «вздуть сравненіе до гиперболы»; «вплетать въ гирлянду разсказа кой-какіе вопросы» и пр. Дѣло, какъ извѣстно всему читающему русскому міру, въ

томъ, что Вѣра*** увидѣла на фрегатѣ «Надежда» очень интереснаго капитана, котораго «одно слово, одинъ взглядъ двигали громаду корабля — эту геніальную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо, окрыленную полотномъ», и извѣщаетъ о томъ свою пріятельницу, называя ее милочкою, душечкою и другими пансіонскими нѣжностями. Эта княгиня Вѣра*** не имѣетъ и признака того, что̀ называется въ искусствѣ характеромъ. Она родная сестра всѣмъ женскимъ портретамъ, вышедшимъ изъ подъ однообразнаго пера Марлинскаго. Впрочемъ, эта безхарактерность есть общій характеръ всей многочисленной семьи лицъ, выдуманныхъ Марлинскимъ, и мущинъ и женщинъ: самъ ихъ сочинитель не могъ бы различить ихъ одно отъ другаго даже по именамъ, а угадывалъ бы развѣ только по платью. Едва-едва можете вы догадываться, что́ хотѣлъ онъ изобразить въ томъ или другомъ лицѣ, а когда догадаетесь по его описаніямъ (а не изображеніямъ), то удивляетесь неглубокости его взгляда на человѣческую природу, который никогда не проникалъ въ ея глубь, но всегда скользилъ по поверхности, зацѣпляясь только за ея неровности и рѣзкости. Во всѣхъ герояхъ и героиняхъ этого плодовитаго нувеллиста, только резонёрство и чувственность, но ни малѣйшей тѣни чувства. Женщины его совершенно чужды того, что̀ должно составлять идею, сущность, ореолъ, кроткое сіяніе ихъ пола; того, въ чемъ заключается и нѣжность, и мягкость ихъ чувства, при самой его глубокости и энергіи, при самой даже страстности—и прелесть и грація ихъ плѣнительныхъ движеній, соединенныя съ благородствомъ и достоинствомъ, которыя, даже и беззащитныхъ, окружаютъ ихъ хранительнымъ эфиромъ благоговенія, непонятною робостію и смущеніемъ, смиряющимъ самую дерзость и наглость; словомъ, того, почему женщина есть представительница на землѣ любви и красоты, и безъ чего она—не женщина: въ нихъ нѣтъ такъ называемой Нѣмцами женственности (Weiblichkeit). Всѣ мущины его—какіе-то отвлеченныя и безличныя олицетворенія бѣше-

ныхъ страстей фосфорической натуры, чуждой всякой глубокости, неспособной возвыситься ни до какого чувства... Итакъ, княгиня Вѣра*** ни больше ни меньше, какъ пансіонерка, рано начитавшаяся романовъ и потому фразерка въ поступкахъ и словахъ своихъ. Перечтите ея письма къ родственницѣ и найдите въ нихъ хотя слабый проблескъ чувства, хотя одну черту женскаго ума и характера. Нѣтъ, вмѣсто всего этого, вы увидите сатирическія выходки, натянутыя остроты противъ свѣта, фразы, какъ будто выбранныя изъ ученическихъ упражненій пансіонерки, и ни признака живаго трепета юнаго и женственнаго сердца, радостно и весело откликающагося на всякое новое для него явленіе въ прекрасномъ Божіемъ мірѣ. Канониръ упалъ за бортъ въ море... но не бойтесь: его спасетъ храбрый капитанъ, вдохновенный любовію къ княгинѣ Вѣрѣ***, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, бросился и чуть не утонулъ и самъ. Княгиня, какъ и слѣдуетъ героинѣ повѣсти, падаетъ въ обморокъ, и когда открываетъ глаза, передъ нею—онъ... Какая дѣтски-добродушная и, притомъ, устарѣвшая манера завязывать интригу романа и повѣсти! Но вотъ Правинъ на вечерѣ у княгини. Какъ морякъ, онъ не привыкъ къ свѣту, робокъ и застѣнчивъ: вошедъ въ залу онъ смутился отъ уставленныхъ на него наглыхъ лорнетовъ; но когда—пишетъ онъ къ своему другу—«хозяйка, приставъ съ дивана, такъ одобрительно меня привѣтствовала, что душа моя распрямилась вдругъ... я гордо поднялъ голову, я окинулъ всѣхъ свѣтлымъ окомъ: что значила для меня невзгода (?) всѣхъ пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ гостиной, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка дорога мнѣ!» Онъ садится подлѣ княгини, окруженный гостями, и начинаетъ съ ней по книжному резонерствовать о постоянствѣ моряковъ и любви къ отечеству,—и всѣ приходятъ отъ него въ восторгъ, какъ будто салонъ допускаетъ и дѣльныя сужденія взрослыхъ людей, не только заученыя панзустъ умство-

ванія школьниковъ... Этимъ умнымъ ребенкомъ такъ восхитились, что кто-то назвалъ его морскимъ львомъ, а левъ, на свѣтскомъ нарѣчіи, великое титло; но вдругъ одинъ дипломатъ, думая, что «левъ» не знаетъ по французски, тогда какъ тотъ только изъ патріотизма говоритъ по-русски, сказалъ почти вслухъ: «Et cette fois il n'est pas si bête qu'il en a l'air»... Тогда нашъ романическій герой «бросилъ пожирающій взглядъ на наглеца, наклонился къ нему и въ полголоса произнесъ (а не сказалъ—потому что всѣмъ извѣстно: говорятъ только въ низкомъ слогѣ, а въ высокомъ произносятъ): Si bon vous semble, mr., nous fairons notre assaut d'ésprit demain à 10 heures passées. Libre à vous de choisir telle langue qu'il vous plaira—celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré, j'espére, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes un lâche». Итакъ, сперва резонёрство, потомъ ссора, и наконецъ—драка: недоставало только за волоса... Прекрасное общество, истинный салонъ... Разумѣется, дипломатъ оказался на дуэли трусомъ, а Правинъ, порисовавшись и попѣтушившись передъ нимъ, оставилъ ему жизнь изъ одного презрѣнія... И вотъ мы уже прочли 73 страницы повѣсти, а повѣсти все еще нѣтъ: это пока только введеніе, растянутое до нельзя неидущими къ дѣлу вставками и разсужденіями. Но главное уже сдѣлано, хотя и слишкомъ поздно: авторъ свелъ своихъ героевъ и поставилъ ихъ на короткую ногу другъ съ другомъ. Правинъ любитъ, да еще какъ любитъ! «Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнную перлу—и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ уксусъ страсти!» Вслѣдствіе этого, встрѣтившись съ княгинею въ Эрмитажѣ, онъ имѣлъ съ нею разговоръ, столько-же длинный, сколько и страстный, «произнесъ» ей нѣсколько витіеватыхъ «рѣчей», изъ которыхъ въ одной сравниваетъ ее съ Грановитою палатою, и говоритъ, что онъ будетъ всѣмъ, чѣмъ ни велитъ

она ему быть—и поэтомъ, и музыкантомъ, и живописцемъ, и героемъ, а въ послѣднемъ случаѣ, «сожжетъ ея сердце лучами своей славы» (стр. 122). Затѣмъ они поцѣловались и разстались. И все это длинное дѣйствіе, занимающее восемь страницъ (118—126), было разыграно въ Эрмитажѣ!... Слѣдствіемъ этой правдоподобной и превосходной сцены было предлинное разсужденіе автора о любви, обнаруживающее его личный взглядъ на это чувство. Онъ называетъ платонизмъ, (до пошлости изношенное слово!) «милымъ каплуномъ» и «Калліостро», и совѣтуетъ дамамъ и юношамъ не слишкомъ довѣрять ему, чтобъ не «проснуться отъ угара съ измятымъ чепчикомъ и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ» (стр. 129—136). Далѣе, на нѣсколькихъ страницахъ, слѣдуютъ объясненія автора, почему то и другое, въ его повѣсти, случилось такъ, какъ случилось. Подобныя объясненія всегда бываютъ утомительны и скучны: они—вѣрное ручательство, что повѣсть не создана, а сшита на живую нитку. Въ творчествѣ, дѣйствіе само за себя говоритъ и не нуждается въ объясненіяхъ поэта. Въ такой повѣсти или драмѣ говорятъ и дѣйствующія лица, но только не съ читателемъ, а другъ съ другомъ, и каждое для самого себя и за самого себя; но тогда-то читатель и понимаетъ ихъ. Прочтите «рѣчь», которую «произнесъ» Правинъ своей Вѣрѣ на цѣлыхъ двухъ страницахъ (148—150), и спросите себя: говорится-ли такъ въ дѣйствительности, и для себя, или для читателя продекламировалъ ее герой повѣсти? И есть-ли въ этой «рѣчи» хотя одно задушевное выраженіе—отголосокъ взволнованнаго чувства, которое говорило-бы чувству? Вотъ нѣсколько строкъ для образчика изъ этой «рѣчи»: «У меня доброе сердце и можетъ-ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!.. За то у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она бичуетъ змѣями мое воображеніе, она палитъ молніями умъ!... Я-ли виноватъ въ этомъ? Я-ли создалъ себя? За каждую каплю твоихъ слезъ,

я-бы готовъ отдать послѣднія песчинки моего бытія, послѣднюю перлу моего счастія! Да; нѣтъ мнѣ отнынѣ счастія! На одной вѣткѣ распустились сердца наши—вмѣстѣ должны-бъ они цвѣсть; но судьба разрываетъ, рознитъ насъ! Пускай-же океанъ протечетъ между нами—онъ не зальетъ моей любви, лишь-бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ этого пожара». Скажите, ради самого Бога: неужели эти красивыя щегольскія фразы, эта блестящая риторическая мишура есть отголосокъ чувства, изліяніе страсти, а не выраженіе затаеннаго желанія рисоваться, кокетничать своимъ чувствомъ, или своею страстію? И добро-бы всѣ эти фразы были въ письмѣ, а то въ разговорѣ, въ монологѣ!...

Правинъ оставилъ передъ бурею свой фрегатъ, чтобы провести ночь въ объятіяхъ любви и наслажденія, а буря страшно разразилась громомъ и молніями и заставила его проговорить такую рѣчь:

„Ты моя! Вѣра моя! Что жь мнѣ нужды до всего остальнаго—пускай гибнутъ люди, пускай весь свѣтъ разлетится въ дребезги! Я подыму тебя надъ обломками и послѣдній вздохъ мой разрѣшится поцѣлуемъ... О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница!... Знаешь ли, примолвилъ онъ тише, *сверкая и вращая очами, какъ опьянѣлый* (какая возмущающая душу и оскорбляющая чувство картина!) — ты должна любить меня, поклоняться мнѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь... знаешь ли, что я богаче теперь Родшильда, самовластнѣе англійскаго короля, что я облеченъ въ гибельную силу, какъ судьба?—Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотнею жизней—не жизнію враговъ—о, нѣтъ! это можетъ всякій разбойникъ. Это слишкомъ обыкновенно... нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ—а за нихъ во всякое другое время готовъ бы *я источить кровь по каплѣ, и изрѣзать сердце въ лоскутки* (стр. 189)“.

И это поэзія, а не риторика?... И это вдохновеніе таланта?... Если хотите, тутъ дѣйствительно есть и поэзія и талантъ, и вдохновеніе: иначе бы это и не могло такъ нравиться большинству публики: но какая поэзія, какой талантъ,

какое вдохновеніе?—вотъ вопросъ! Это поэзія, но поэзія, не мысли, а блестящихъ словъ, не чувства, не лихорадочной страсти; это талантъ, но талантъ чисто внѣшній, не изъ мысли создающій ŏбразы, а изъ матеріи выдѣлывающей красивыя вещи; это вдохновеніе, но не то внутреннее вдохновеніе, которое, неожиданное, безъ воли человѣка, озаряетъ его разумъ внезапнымъ откровеніемъ истины, вдохновеніе тихое и кроткое, широкое и глубокое, какъ море въ ясный и безвѣтренный день,—но вдохновеніе насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное, возбужденное волею человѣка, какъ бы отъ пріема опіума. А между этими вдохновеніями большая разница—такая же, какъ между мелодіею тихаго чувства и ревущими диссонансами страсти, между гармоніею свѣтлаго восторга и нестройнымъ крикомъ буйной вакханаліи, мутнымъ и нечистымъ упоеніемъ сладострасной оргіи... Переполненное чувство безмолствуетъ и даетъ себя чувствовать немногими, но многозначущими словами, которыя подсказываются вдохновеніемъ. Самая буря страстей выражается не «рѣчами», а открытою рѣчью, похожею на рокотъ грома,—и ревущій потокъ ея отрывистыхъ рѣчей вытекаетъ изъ вдохновенія. Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому что она есть явленіе дѣйствительности; но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти: страсть должна быть предметомъ его поэтическаго созерцанія въ минуту творчества, но не имъ самимъ. Истинное вдохновеніе всегда спокойно-созерцательно: но вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ, но не даетъ ему овладѣть собою, хотя и видитъ и чувствуетъ его. Изображаемое поэтомъ, оно, разъ овладѣвъ имъ, увлекаетъ его за собою, изъ свободныхъ творческихъ ŏбразовъ становится изложеніемъ его личныхъ чувствъ и мнѣній, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. И въ такомъ случаѣ, чѣмъ живѣе и ближе къ натурѣ изображеніе страсти, тѣмъ больше возбуждаетъ оно отвращеніе, вмѣсто того, чтобы восхищать и трогать—и нечисты, грѣшны его впечатлѣнія на душу чита-

теля, если только онъ поддается имъ... Сначала чтеніе такихъ блестящихъ и увлекательныхъ произведеній приводитъ душу въ раздражительное состояніе, многими принимаемое за восторженное; но послѣ на душѣ остается какая-то усталость, какъ бы послѣ безпокойнаго сна, или тяжелой работы. Чтобъ прочесть во второй разъ, недостанетъ силъ... Подобныя произведенія не удовлетворяютъ разума, потому что въ нихъ все произвольно, все условно:—вы видите, что это такъ, но видите, что могло бы быть совсѣмъ иначе, и недоумѣваете, почему это представлено такъ, а не иначе. И вотъ откуда происходитъ, въ подобныхъ произведеніяхъ, такое множество отступленій, вставокъ, разглагольствованій и ораторскихъ рѣчей: авторъ говоритъ за свою повѣсть, а не повѣсть говоритъ сама за себя. Тутъ автору полная воля, совершенный просторъ, и потому удивительно ли, если у него мужъ княгини Вѣры***, до 191 страницы только ѣвшій и пившій, какъ безсловесное животное, на 191 страницѣ вдругъ дѣлается и гордъ, и благороденъ, и уменъ, и на полутора страницахъ говоритъ экспромтомъ «рѣчь», сочиненіе которой сдѣлало бы честь самому Правину?... Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая «рѣчи» дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, то, право, никакъ не разгадаете, кто говоритъ— морской офицеръ, дикій Черкесъ, ливонскій рыцарь, русскій князь временъ междоусобія, русскій бояринъ XV или XVI вѣка, мущина или женщина, старикъ или юноша, Аммалатъ-Бекъ или будочникъ-ораторъ... А между тѣмъ, повторяемъ, не только вдохновляться, но и раздражаться не всякій можетъ. Есть разница между рыбьею натурою инаго человѣка, который живетъ, какъ дремлетъ, и кипучею, живою, хотя и неглубокою натурою человѣка, котораго жизнь похожа на водоворотъ, не перемѣняющій мѣста, но всегда бурливый и безпокойный. И внѣшній талантъ имѣетъ свое достоинство, потому что не всякій можетъ имѣть и его. Пишутъ многіе и много, но успѣхомъ, даже и въ толпѣ, пользуются очень

немногіе,—и эти пользующіеся всегда цѣлою головою выше тѣхъ, которые имъ удивляются...

Изъ повѣстей Марлинскаго, изображающихъ сильныя страсти, лучшая, безъ всякаго сомнѣнія—«Страшное Гаданіе». Ея идея принадлежитъ не ему: она была уже истерта многими, но, кажется, на Руси узнали о ней изъ «Ночи на Рождество» Цшокке. Цѣлаго въ «Страшномъ Гаданіи», какъ и во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, нѣтъ, но есть мѣста истинно-поэтическія, какъ бы не въ примѣръ всему остальному, написанному тѣмъ же авторомъ,—блестящія признаками неподдѣльнаго дарованія. Поѣздка героя повѣсти, сцена въ крестьянской избѣ, многія подробности гаданья, все это прекрасно и увлекательно. Даже обращеніе къ лунѣ, начинающееся словами: «Тихая сторона мечтаній» (стр. 226), отзывается чувствомъ. Только характеръ дьявола ужь слишкомъ носитъ на себѣ признаки тогдашней моды изображать чертей: теперь онъ не вездѣ страшенъ, и мѣстами смѣшонъ. Но цѣлое повѣсти... Позвольте, начнемъ съ начала.

„...Я былъ тогда влюбленъ, влюбленъ до безумія! О, какъ обманывались тѣ, которые, глядя на мою насмѣшливую улыбку, на мои разсѣянные взоры, на мою небрежность рѣчей въ кругу красавицъ, считали меня равнодушнымъ и хладнокровнымъ. Не вѣдали они, что *глубокія чувства* рѣдко проявляются именно потому, что они глубоки; но еслибъ они могли заглянуть въ мою душу и, увидя, понять ее—они бы ужаснулись! *Все*, о чемъ такъ любятъ болтать поэты, чѣмъ такъ легкомысленно играютъ женщины, въ чемъ такъ стараются притворяться любовники, *во мнѣ кипѣло, какъ растопленная мѣдь, надъ которою и самые пары, не находя истока, зажигались пламенемъ*. Но мнѣ всегда были смѣшны до жалости приторные вздыхатели съ своими пряничными сердцами; мнѣ были жалки до презрѣнія записные волокиты съ своимъ зимнимъ восторгомъ, своими заучеными изъясненіями; и *попасть въ число ихъ для меня казалось всего страшнѣе*.

„Нѣтъ не таковъ былъ я: въ любви моей бывало много страннаго, чудеснаго, даже дикаго; я могу быть понятъ, или непонятенъ, но смѣшонъ никогда. *Пылкая, могучая страсть катится, какъ лава;*

она увлекаетъ и жжетъ все встрѣчное: разрушаясь сама, разрушаетъ въ пепелъ препоны, и хоть на мигъ, но превращаетъ въ кипучій котелъ даже холодное море.“

Весь этотъ отрывокъ пародія на одно мѣсто въ «Джяурѣ» Байрона. Но Байроновъ джяуръ—сынъ пламеннаго Востока, Азіятецъ душою и тѣломъ, а потому и тигръ, слѣдственно животное благородное и поэтическое, хоть тѣмъ не менѣе всетаки животное... Онъ говоритъ о своей кипучей крови и знойныхъ страстяхъ совсѣмъ не для того, чтобы рисоваться ими, но на смертномъ одрѣ, исповѣдуясь передъ монахомъ, и для того, чтобы неистовствомъ звѣрскихъ страстей своихъ хотя нѣсколько оправдать свои кровавые грѣхи. Этотъ джяулъ былъ христіаниnъ, и потому не могъ, хотя на краю могилы, не смотрѣть на свои страсти, какъ на несчастіе. Вообще, сила страстей отнюдь не то же самое, что глубокость души; эта сила скорѣе бываетъ признакомъ мелкости натуры при кипучей крови. Потомъ, всякая страсть, хотя дикая, не говоритъ о себѣ, не остритъ надъ пряничными сердцами и не боится попасть въ ихъ число... Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ искусствѣ, все говоритъ само за себя, т. е. дѣломъ, а не словами и не увѣреніями. Что̀ не равно своему идеалу, но силится дотянуться до него,—то необходимо натягивается. Вотъ отчего во многихъ повѣстяхъ такъ много бываетъ натяжекъ. Но обратимся къ повѣсти. Хотя герой ея и божится, что его страсть глубока, какъ море, но мы видимъ въ ней одну чувственность, и больше ничего. Вотъ почему ему видѣлся образъ танцующей Полины, и вотъ почему мучила его мысль, что она слушаетъ ласкательства какого-нибудь счастливца, который вертится съ нею, и можетъ-быть, отвѣчаетъ на нихъ (стр. 203): только истинное, высокое чувство чуждо ревности и полно взаимнаго довѣрія. Оно не жжетъ, но грѣетъ; оно не пылаетъ пожаромъ, но теплится кроткимъ свѣтомъ. Въ немъ все одухотворено, и самое желаніе чисто и дѣвственно. Въ немъ нѣтъ громкихъ фразъ, нѣтъ пышнаго

многословія; взглядъ, брошенный украдкою, недоговоренное слово, кроткая улыбка замѣняютъ въ немъ «рѣчи», а если оно заговоритъ — его рѣчь будетъ полна глубокой, энергической, но, въ тоже время, и свѣтлой, тихой, благоуханной поэзіи, гдѣ все—теплота и свѣтъ, но безъ огня, дыма и чада... Повторяемъ, и страсть имѣетъ свою поэзію и можетъ быть предметомъ поэтическаго изображенія; но только поэтъ долженъ изображать ее, какъ предметъ, внѣ его и самъ по себѣ существующій, а не пѣть ей гимны, не выдавать ее, съ божбою и клятвами, за высшій цвѣтъ человѣческаго чувства, и не дѣлать изъ нея апотеоза.—Посмотрите, что̀ это такое:

„Не умѣю описать, что со мною сталось, когда, обвивая тонкій станъ ея рукою трепетною отъ наслажденія, я пожималъ другой ея прелестную ручку: казалось, кожа перчатокъ приняли жизнь, передавала біеніе каждой фибры... казалось, *весь составъ Полины прыщетъ искрами!* Когда помчались мы въ бѣшеномъ вальсѣ, ея летающіе душистые локоны касались иногда губъ моихъ; я вдыхалъ ароматный *пламень ея* дыханія; *мои блуждающіе взгляды проницали сквозь дымку*—я видѣлъ, какъ бурно вздымались и опадали *бѣлоснѣжные полушары* (!?...), волнуемыя моими вздохами, видѣлъ какъ пылали щеки ея моимъ жаромъ, видѣлъ — нѣтъ, я ничего не видалъ... полъ исчезалъ подъ ногами; казалось, я лечу по воздуху, съ сладостнымъ замираніемъ сердца“ (стр. 235).

Чтобы окончательно выразить нашу мысль, сдѣлаемъ въ pendant къ этой выпискѣ другую:

Испытали ли жажду крови? Дай Богъ, чтобы никогда не касалась она сердцамъ вашимъ; но, по несчастію, я зналъ ее во многихъ и самъ извѣдалъ на себѣ. Природа наказала меня неистовыми страстями, которыхъ не могли обуздать ни воспитаніе, не навыкъ; огненная кровь текла въ жилахъ моихъ. Долго, неимовѣрно долго могъ я хранить хладную умѣренность въ рѣчахъ и поступкахъ при обидѣ, но за то она изчезла мгновенно и бѣшенство овладѣвало мною. Особенно видъ пролитой крови, вмѣсто того, чтобы угасить ярость, былъ масломъ на огнѣ, и я, съ какою-то тигровою жадностію, готовъ былъ источить ее изъ врага капля по каплѣ, подобенъ тигру, вкусившему ненавистнаго напитка“ (стр. 246).

Истинный романтизмъ, какъ понимали его у насъ назадъ тому лѣтъ пятнадцать! Читаете, и невольно переноситесь въ лѣса, гдѣ живутъ тигры, медвѣди и волки, съ ихъ неистовыми страстями, съ ненасытимою жаждою крови. Геній Виктора Гюго—сего свирѣпаго архиромантика—уже пускался было на изображеніе медвѣжьихъ чувствъ и мыслей, сдѣлавъ бѣлаго медвѣдя героемъ перваго своего романа: его подражатели, не столь смѣлые, ограничились изображеніемъ звѣрей подъ человѣческими именами, съ человѣческими обликами, оставивъ имъ только ихъ животныя страсти, чтобъ выдавать ихъ за глубокія ощущенія глубокихъ, «сатаническихъ» душъ...

Гораздо болѣе былъ въ своей колѣе талантъ Марлинскаго въ «Лейтенантѣ Бѣлозорѣ»—этомъ живомъ, легкомъ и шутливомъ разсказцѣ, безъ особенныхъ претензій. Это настоящій родъ таланта Марлинскаго, и,—несмотря на то, что въ повѣсти нѣтъ ни лицъ, ни характеровъ, хоть сколько-нибудь художественно-очерченныхъ, а слѣдовательно, нѣтъ и признаковъ голландской народности,—ибо купецъ, кстати и не кстати говорящій при каждомъ словѣ «два аршина съ четвертью», еще не Голландецъ, такъ же какъ купчиха, которой вся жизнь сосредоточена на кухнѣ, еще не Голландка (перемѣните ихъ имена, и они будутъ принадлежать къ какой угодно націи); несмотря на то, что любовь героевъ повѣсти ужь черезчуръ сладковата и слишкомъ походитъ на канареечную, а представитель французской націи, Монтань Люссакъ, ужь черезчуръ и подлъ, и глупъ, и пошлъ; несмотря на ужасную растянутость и множество ненужныхъ вставокъ и разглагольствованій,—веселенькій разсказецъ читается до конца и не безъ удовольствія. Въ немъ много премиленькихъ подробностей; особенно забавны матросскіе разговоры, и вообще въ тонѣ разсказа много добродушія и непритворной шутливости. Къ числу такихъ же удачныхъ разсказовъ, въ этомъ родѣ, должно отнести «Военный Антикварій» и «Мореходъ Никитинъ».

Собственно русскія повѣсти Марлинскаго, содержаніе которыхъ онъ бралъ изъ русской старины, не выдержатъ никакой критики, даже самой снисходительной. Таковы суть: «Наѣзды», «Романъ и Ольга», «Измѣнникъ», и пр. Въ нихъ рѣчь, повидимому, русская, и имена русскія, даже много русскихъ обычаевъ, повѣрій и ссылокъ на исторію; но ни русскаго лица, ни русской души. Это—Расиновскія трагедіи въ формѣ разсказовъ. Снимите съ дѣйствующихъ лицъ ихъ охабни и фаты, выбросьте изъ рѣчей немногое число русскихъ поговорокъ и пословицъ, и передъ вами очутятся тѣ безличные образы, которымъ къ лицу всякое платье и всякое имя, и которые столько же Русскіе, сколько и Греки, и Нѣмцы, и Англичане, и Татары. То же должно сказать и о рыцарско-ливонскихъ разсказахъ Марлинскаго: его нѣмецкіе рыцари и дамы ничѣмъ не отличаются отъ новогородскихъ молодцовъ и молодицъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ его нѣмецкихъ рыцарей и дамъ. Перечтите «За̀мокъ Эйзенъ», «За̀мокъ Нейгаузенъ», «Латника», «За̀мокъ Венденъ», «Ревельскій Турниръ», и вы увидите въ нихъ поразительную бѣдность изобрѣтенія, удивительное однообразіе въ манерѣ разсказывать, и чрезвычайное сходство въ дѣйствующихъ лицахъ, особенно въ ихъ «рѣчахъ», изъ которыхъ сшиты эти разсказы. Лучшій изъ нихъ «Ревельскій Турниръ»: въ немъ мало сильныхъ страстей, много добродушія и веселости, а потому онъ и читается съ удовольствіемъ, какъ занимательная сказка.

Читатели, можетъ быть, ждутъ отъ насъ подробнаго разбора кавказскихъ повѣстей Марлинскаго, особенно «Аммалатъ-Бека» и «Муллы-Нура»: увы, мы не въ состояніи выполнить ихъ ожиданія! По праву добросовѣстнаго критика, мы хотѣли прочесть эти повѣсти, принимались нѣсколько разъ, но—всякой силѣ есть предѣлы, и мы, послѣ многократныхъ пріемовъ и невѣроятныхъ усилій, принуждены были сознаться въ своемъ безсиліи для совершенія подобнаго

подвига. Конечно, въ нихъ, — особенно въ «Аммалатъ-Бекѣ»—есть удачныя страницы, хотя и въ слишкомъ ограниченномъ числѣ, есть превосходные стихи—переводъ черкесскихъ пѣсень; но цѣлое такъ натянуто, такъ перетянуто и въ изобрѣтеніи, и въ изложеніи, что впечатлѣніе производимое на душу читателя, очень походитъ на давленіе кошемара. Что касается до Муллы-Нура, этого татарскаго Карла Моора, то вотъ онъ вамъ весь—извольте любоваться, сколько душѣ угодно:

„Что на свѣтѣ тайнаго кромѣ нашего сердца. Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство; дремучій лѣсъ-находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями зарождаются въ ней мстители. Я видѣлъ: русскіе узнавали по внутренностямъ тѣлъ прошлое, какъ идолопоклонники предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ?... Тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шопотомъ сказано между двоими.—Нѣтъ, моя жизнь не тайна, мои похожденія можетъ разсказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ.— Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы! Вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли она? но справедливо ли осудитъ меня по этимъ словамъ всякій кто ихъ услышитъ? На это могу отвѣчать только я. Пусть отрубятъ мнѣ голову, что жь найдетъ въ этой головѣ судія для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце, какъ отгадаютъ въ немъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти, все остальное дѣло случая, все остальное пусть какъ хотятъ судятъ въ людскомъ диванѣ. Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе разсказывать, и между тѣмъ оно меня душитъ!... мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять въ ней нестерпимо...“

Кто это говоритъ: ливонскій рыцарь, итальянскій разбойникъ, или французскій литераторъ романтической школы?... Нѣтъ, это «рѣчь» кавказскаго Татарина... Умный Татаринъ! ужь и видно, что наукамъ учился, особенно риторикѣ...

Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, Марлинскій довелъ

до крайности основные элементы своего таланта, т. е. изображеніе неистовыхъ страстей и неистовыхъ положеній, изображеніе высшаго общества, на которое онъ смотрѣлъ изъ-за Кавказа, русскую народность, остроуміе и изысканность языка. Приведемъ образчики нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ доведенныхъ до nec plus ultra.

Если хотите имѣть понятіе о высшемъ обществѣ на балѣ у австрійскаго посланника, — прочтите отрывокъ «Месть»; тутъ вы увидите, какъ «свѣтскій» капитанъ Змѣевъ отпускаетъ лагерныя любезности Надеждѣ Петровнѣ Зоричъ, поминутно называя ее «сударыня», и какъ Надежда Петровна Зоричъ, отвѣчаетъ сему храброму капитану любезностями полковой маркитанки, начитавшейся «свѣтскихъ» романовъ русскаго издѣлія. Въ статьѣ «Новый Русскій Языкъ» вы увидите, какъ говорятъ русскіе купцы; впрочемъ, не трудитесь перечитывать этой «юмористической» статейки; довольно для васъ и этого образчика: «Такъ-съ, виноватъ-съ, дѣло дорожное-съ! Я вѣдь впрочемъ не для ради чего инаго прочаго, а такъ изъ компанства, хотѣлъ только, утрудивъ, побезпокоя васъ, просить соблаговоленія, чтобы нашему чайнику возымѣть соединяемое купносообщеніе съ этимъ самоваромъ-съ. По просту такъ сказать-съ, малую толику водицы-съ!» (т. XII, стр. 76). Такимъ языкомъ проситъ на станціи купецъ у офицера воды изъ самовара для чайника: какая наблюдательность, какъ все это вѣрно подслушано и вѣрно передано, безъ всякаго преувеличенія, безъ всякой натяжки!... Для образчика остроумія перечтите статьи: «Исторія серебрянаго рубля» и «Исторія знаковъ препинанія»: увѣряемъ васъ, что самый отчаянный поставщикъ газетнаго мусора позавидовалъ бы, въ своихъ правоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ статейкахъ, ихъ остроумію и затѣйливости... Для выписокъ дикихъ фразъ и натянутаго высокаго и страстнаго слога у насъ не достаетъ ни силъ, ни терпѣнія... Потрудитесь сами, а мы и безъ того устали.

Такой конецъ авторскаго поприща очень естественъ: онъ необходимое слѣдствіе его начала. Только истинные таланты зрѣютъ и мужаютъ съ лѣтами, только въ ихъ произведеніяхъ изчезаютъ съ годами дымный юношескій пламень и уступаетъ мѣсто ровной теплотѣ, и не ослѣпительному, но лучезарному свѣту—и конецъ ихъ поприща ознаменовывается твореніями глубокими, какъ море, и величественными, какъ звѣздное небо въ тихую и ясную ночь. Внѣшній талантъ скоро высказывается весь, истощаетъ бѣдный запасъ своего внутренняго содержанія, и скоро доходитъ до необходимости перебиваться собственными крохами, собственною ветошью, обновляя ихъ бѣлилами и румянами изысканной фразеологіи дикаго языка. Почти всегда подвергается онъ горькой участи пережить свою славу, умереть послѣ ея кончины, и видѣть въ числѣ своихъ поклонниковъ только людей, которые являются послѣдними участниками въ пирѣ, доканчивая въ заднихъ аппартаментахъ остатки барскаго обѣда... Но, несмотря на все сказанное, такіе внѣшніе таланты необходимы, полезны, а слѣдовательно и достойны всякаго уваженія. Только незаслуженная слава и преувеличенныя похвалы вооружаютъ противъ нихъ, потому что свидѣтельствуютъ объ испорченности вкуса публики. Но отдавать имъ должное пріятно по чувству человѣческому и полезно для истины. Для массы общества все внѣшнее доступнѣе внутренняго,—и она бросается на внѣшнее, а черезъ это въ ней обращаются идеи и проводится въ нее образованность. Но главная заслуга внѣшнихъ талантовъ состоитъ въ томъ, что они отрицательнымъ образомъ воспитываютъ и очищаютъ эстетическій вкусъ публики: пресытясь ихъ произведеніями, многіе обращаются къ истиннымъ произведеніямъ искусства, и научаются цѣнить ихъ. Кто не восхищался романами Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена, г-жъ Жанлисъ и Коттенъ, и даже не предпочиталъ ихъ сначала романамъ Вальтеръ-Скотта и Купера? И эти многіе потому только и поняли впо-

слѣдствіи достоинства британскаго и американскаго романистовъ, что сперва восхищались романами сихъ господъ и госпожъ, а черезъ Вальтеръ-Скотта и Купера поняли ихъ истинную цѣну. Что́ же касается до тѣхъ, которые не пошли далѣе Радклифъ и Дюкре-дю-Мениля съ братіею—пусть себѣ читаютъ во здравіе! Что́ бы ни читать, все лучше чѣмъ играть въ карты или сплетничать. Слуга донашиваетъ платье своего господина: оно и старо и потерто, но все служитъ ему защитою и отъ наготы, и отъ холода...

Мы уже говорили о критическихъ статьяхъ Марлинскаго и указали на нихъ, какъ на важную заслугу русской литературѣ со стороны ихъ автора; съ такою же похвалою должны мы упомянуть и о его собственно-литературныхъ статьяхъ, каковы; «Отрывки изъ разсказовъ о Сибири», «Шахъ Гуссейнъ», «Письмо къ доктору Эрдману», «Сибирскія нравы Исыхъ», и пр. Во всѣхъ сихъ статьяхъ виденъ необыкновенно умный, блестяще-образованный человѣкъ и талантливый писатель, и почти всѣ они отличаются, въ противуположность повѣстямъ, языкомъ простымъ, живымъ и прекраснымъ безъ изысканности. Марлинскій пробовалъ свой талантъ почти во всѣхъ родахъ литературныхъ упражненій, и потому писалъ и стихи, но впрочемъ скоро самъ призналъ въ себѣ отсутствіе положительнаго таланта для этого поприща. Мелкія его стихотворенія рѣдко отличаются даже плавностію стиховъ, а переводы изъ Гёте такъ мало даютъ понятія о достоинствѣ своихъ оригиналовъ, какъ дебелый переводъ Костырова «Иліады», или тяжелый переводъ Мерзлякова Тассова «Освобожденнаго Іерусалима», или разжиженный сахарнымъ сиропомъ переводъ г. Раича того же творенія и поэмы Аріосто. Марлинскій, слѣдуя тогдашнему направленію, написалъ стихами поэму «Андрей Переяславскій»—произведеніе, не стоющее критики и отвергнутое самимъ авторомъ, но мѣстами блещущее искорками поэтическаго чувства.

Мы уже говорили о поэтическомъ достоинствѣ черкесскихъ пѣсенъ переведенныхъ въ «Аммалатъ-Бекѣ».

И вотъ мы кончили нашъ разборъ произведеній Марлинскаго: вывести результатъ изъ всего сказаннаго нами о немъ, какъ о писателѣ, предоставляемъ нашимъ читателямъ. Мы говорили откровенно и прямо, sine ira et studio; но пояснять больше не будемъ, «чтобъ гусей не раздразнить»,—а гуси какъ слышно, уже и безъ того на насъ сердятся за то, что мы видимъ божій свѣтъ не въ одномъ болотѣ, съ муравчатымъ бережкомъ, на которомъ они такъ шумно пасутся всю жизнь свою и добываютъ себѣ обычную пищу.

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ. *Двѣ сказки Гофмана, для большихъ и маленькихъ дѣтей. Спб. 1840.*

ДѢТСКІЯ СКАЗКИ *дѣдушки Иринея. Спб. 1840. Двѣ части.*

Самые, повидимому, простые и обыкновенные предметы часто бываютъ, въ своей сущности, самыми важными и великими. Всѣ говорятъ, напримѣръ, о важномъ вліяніи воспитанія на судьбу человѣка, на его отношенія къ государству, къ семейству, къ ближнимъ и къ самому себѣ; но многіе ли понимаютъ то, что говорятъ? Слово еще не есть дѣло; всякая истина, какъ бы ни была она несомнѣнна, но если не осуществляется въ дѣлахъ и поступкахъ произносящихъ ее—есть только слово, пустой звукъ, — та же ложь. Посмотрите внимательнѣе на отношенія родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, словомъ, посмотрите внимательнѣе на воспитаніе — и у васъ сердце обольется кровью. Ребенокъ ѣстъ что ни попало и сколько хочетъ; что нужды! говорятъ нѣжные родители: вѣдь онъ еще дитя! Ребенокъ мучитъ собаку, или колотитъ двороваго мальчишку; что нужды!

восклицаютъ заботливые родители: вѣдь онъ еще дитя! Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда, или поговорить съ гостями,—что̀ нужды—вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: выростутъ велики не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и матери съ жалобою другъ на друга—и! помилуйте! стоитъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку, или пересѣките всѣхъ розгами, чтобъ никому не было завидно; если вы добры къ дѣтямъ, или воспитываете ихъ на благородную ногу,—дайте имъ игрушекъ или сластей, да, перецѣловавъ ихъ, вышлите отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенокъ не учится, не хочетъ и слышать, чтобъ взять въ руки книгу: что̀ за нужда, вѣдь онъ еще дитя—подростетъ, будетъ поумнѣе, такъ станетъ и учиться! Ребенокъ хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомія съ картинками, или Аретинъ съ гравюрами; что̀ за нужда—вѣдь онъ еще дитя! благо, что охота къ книгамъ есть—пусть лучше навыкаетъ читать, чѣмъ рѣзвиться! Учитель говоритъ отцу, что грамматика, которую онъ купилъ для сына, не годится, что она или ужь устарѣла, или безтолкова, безсмысленна, что ея не понимаетъ самъ авторъ, незнающій ни духа, ни характера языка: это еще что̀ за новости! восклицаетъ опытный и благоразумный родитель; вѣдь онъ дитя—для него всякая книга годится, а за эту я заплатилъ деньгами, стало-быть, хороша!... А между тѣмъ, заговорите съ «дражайшими родителями» о дѣтяхъ и воспитаніи: сколько общихъ фразъ, сколько ходячихъ истинъ наговорятъ или нарезонёрствуютъ они вамъ! «Ахъ, дѣти! да! какъ тяжко имѣть дѣтей! сколько заботъ! надо выростить да и воспитать! Мы ничего не щадимъ для воспитанія своихъ дѣтей! Изъ послѣднихъ силъ бьемся! Я отдалъ своихъ въ училищѣ, покупаю книги — тьма расхо-

довъ! А мы для своихъ пріискали «мадамъ» (или «мамзель»— провинціальныя названія гувернантки), чтобъ они и по-французски знали и на фортопьянахъ играли!» Въ добрый часъ, дрожайшіе родители!...

Но это еще только одна сторона воспитанія, или того, что́ такъ ложно называютъ воспитаніемъ. Это еще только воспитаніе, какъ обыкновенно говорится, на волю Божію, а въ самомъ-то дѣлѣ, на волю случая,—воспитаніе природное, воспитаніе не въ переносномъ, а въ этимологическомъ значеніи этого слова, т. е. воскармливаніе,—воспитаніе простонародное, мѣщанское. Есть еще воспитаніе попечительное, деликатное, строгое, благородное. Въ немъ на все обращено вниманіе, ни одна сторона не забыта. При этомъ воспитаніи дитя ѣстъ и во время и въ мѣру, передъ обѣдомъ непремѣнно ходитъ гулять съ гувернёромъ или гувернанткой, умѣренно рѣзвится, занимается гимнастическими упражненіями на красивыхъ вѣшалкахъ, столбахъ, перекладинахъ, по часамъ учится, въ опредѣленную пору встаетъ и ложится. Физическое воспитаніе въ гармоніи съ нравственнымъ: развитію здоровья и крѣпости тѣла соотвѣтствуетъ развитіе умственныхъ способностей и пріобрѣтеніе познаній. А форма— о, это самое изящество! При опрятности царствуетъ простота и неизысканность, соединенныя съ благородствомъ, достоинствомъ, хорошимъ вкусомъ и хорошимъ тономъ. И это отражается во всемъ: и въ одеждѣ и въ манерахъ. Одно то чего стоитъ, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не обнаруживать удивленія и радости къ тому, что̀ возбуждаетъ въ немъ удивленіе и радость, словомъ—приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!... Короче: даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности, даже китайскіе мандарины ничто передъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми.... И если жизнь человѣ-

ческая есть театральная сцена или салонъ, и если, «казаться» есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть прекраснѣе и очаровательнѣе, напримѣръ, свѣтской дѣвушки?—Она скорѣе согласиться тысячу разъ умереть нежели одинъ разъ въ жизни, въ глазахъ свѣта, показаться смѣшною, т. е. прійдти въ восторгъ отъ созданія искусства, отъ созерцанія явленій природы, или отъ разсказа о высокомъ подвигѣ, и всего, отчего плачутъ и чѣмъ восхищаются люди дурнаго тона. Она столько же развязна и свободна, сколько и граціозна; ничему не удивляясь, она ничего не испугается и ни отчего не прійдетъ въ смущеніе. Въ ней всегда такое спокойствіе, такая ровнота духа, все такъ соразмѣрно и прилично... А сколько въ ней талантовъ, которыхъ она не выставляетъ на видъ, какъ какая-нибудь провинціялка, но за которые она часто слышитъ себѣ «charmant»! Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже невѣста,—а кромѣ Бульи и Беркена еще ничего не читала, и произносите при ней имя Шекспира, она съ милой наивностію спроситъ васъ: mais qu'est ce que c'est?— а когда вы начнете говорить о Шекспирѣ, она съ такою милою разсѣянностію, съ такимъ достоинствомъ и такъ неожиданно для васъ повернетъ разговоръ на погоду или на послѣдній балъ. Виктора Гюго и Поль-де-Кока она будетъ читать уже послѣ замужества, а пока довольно съ нея Бульи и Беркена. Оно и хорошо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ, Гофманъ, Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Пушкинъ—опасны для юнаго дѣвственнаго сердца: чего добраго! они взволнуютъ его какими-то странными желаніями, неясными мечтаніями, произведутъ въ дѣвушкѣ экстазъ, экзальтацію, дадутъ ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь,—и вотъ долго ли до грѣха!—дѣвушка встрѣчаетъ на землѣ какую-то родную душу, безъ копѣйки за душою—

И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ—

какъ сказалъ Пушкинъ... Мечтать и любить—предаться человѣческой страсти — да что же скажетъ свѣтъ?... Нѣтъ, не такова благовоспитанная дѣвушка высшаго тона: она можетъ выдвинуться изъ толпы, но красотою; если Богъ наградилъ ею, нарядомъ, если ея *papa* богаче другихъ, но не душею, не сердцемъ и ни другими мѣщанскими странностями. Она выйдетъ замужъ;—даже если и другіе не похлопочутъ объ этомъ, сама все устроитъ, но это замужство будетъ блестящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вотъ что дѣлаетъ истинное воспитаніе изъ дѣвушекъ! А юноши?—О, объ нихъ я боюсь и говорить: всѣ они и умные и глупые, и ученые и невѣжды—всѣ они съ такимъ философскимъ равнодушіемъ смотрятъ на жизнь, въ которой для нихъ нѣтъ ничего ни таинственнаго, ни удивительнаго, ни непостижимаго; всѣ они съ такою «львиною» нагластію наводятъ на васъ свой лорнетъ... прекрасные молодые люди!... А какъ свободно, съ какою небрежностію говорятъ они по-французски—словно на родномъ языкѣ, и какъ мило не умѣютъ сказать двухъ русскихъ фразъ, написать русской строки безъ орѳографическихъ ошибокъ — педантизма въ нихъ нѣтъ ни тѣни!...

Мы представили двѣ крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, какъ всѣ почти середины, часто бываетъ хуже крайностей. Мы говоримъ о воспитаніи того класса общества, которое на низшіе смотритъ съ благороднымъ презрѣніемъ и чувствомъ собственнаго достоинства, а на высшіе съ благоговѣніемъ. Оно изо всѣхъ силъ хлопочетъ быть ихъ вѣрною копіею; но на зло себѣ, остается какимъ-то среднимъ пропорціональнымъ членомъ, съ собственною характеристикою, которая состоитъ въ отсутствіи всякаго характера, всякой оригинальности, и которую всего вѣрнѣе можно выразить *мѣщанствомъ во дворянствѣ*. Непринужденность и милая наглость переходитъ у него въ жеманство и кривлянье; хорошій тонъ въ обезьянничество. Смѣшно и жалко смотрѣть,

Какъ негодяй оффиціантъ
Ломаетъ барина въ передней!

Но это въ сторону: дѣло въ томъ, что въ этомъ кругу общества воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую жизнь и живость, сдѣлать изъ нихъ попугаевъ и милыхъ куколъ, о которыхъ бы всѣ говорили: ахъ, какъ хорошо они воспитываются!...

Воспитаніе! Оно вездѣ, куда ни посмотрите, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите. Конечно вы его можете увидѣть даже во всѣхъ слояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низкаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго правила. Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество papas et mamans, но мало отцовъ и матерей. «Вотъ прекрасно!»—восклицаете вы: «какая же разница между родителями, и отцомъ и матерью?» — Какъ какая? — взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже сказалъ —

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

Право рожденія—священное право на священное имя отца и матери,—противъ этого никто и не спроситъ; но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще выше животнаго; есть высшее право—родительской любви. «Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей?» — говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить, что̀ вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь! — Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей — ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремѣевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище больно обколотитъ объ нее свои рученки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая

кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая бывши овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкой, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя,—развѣ все это не любовь? — Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей, — безсмысленна, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Павелъ Аѳонасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы повыгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать... Продать?—какое ужасное слово?... Отецъ продаетъ свою дочь, торгуетъ ею, конечно, не по мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!... Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастія?—скажутъ многіе. Прекрасно! Но послѣ этого и разбойникъ, который для приданаго дочери зарѣжетъ передъ ея свадьбою нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, потому что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери? Послѣ этого, и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно-любимую дочь, научитъ, или принудитъ ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты, — то же будетъ права, потому что поступитъ такъ изъ любви къ дочери?... И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подъячій, закоренѣвшій въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ, не поставлялъ первымъ и священнымъ долгомъ своего родительскаго званія, передать свое подлое ремесло нѣжно любимому сынку?—Мы опять соглашается, что источникъ всего этого любовь, но какая—вотъ вопросъ! Откуда она проистекаетъ, куда она стремится, къ кому обращается? Зачѣмъ звѣрь рветъ и губитъ подобныхъ себѣ, а въ голодѣ пожираетъ собственныхъ дѣтей?—Затѣмъ, что онъ любитъ себя,

а любовь къ себѣ есть условіе всякой индивидуальности, которая, въ свою очередь, есть условіе всякаго бытія, основа и законъ жизни. Зачѣмъ собака грызется съ другою изъ-за брошенной кости?—Опять затѣмъ, что любитъ себя. И насъ не оскорбляетъ это въ животныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не винимъ ихъ за это, и не считаемъ злодѣями и преступниками, потому что они живутъ и дѣйствуютъ подъ невольнымъ, рабскимъ вліяніемъ животнаго инстинкта и, кромѣ сохраненія и возрожденія своей индивидуальности, не имѣютъ никакихъ обязанностей. И человѣкъ, подобно животному, замкнутъ въ своей индивидуальности, и безсознательно слѣдуетъ данному ему природою инстинкту самосохраненія и стремленію къ улучшенію своего положенія; но неужели этимъ все и должно въ немъ оканчиваться?—Нѣтъ, разница человѣка съ животными именно въ томъ и состоитъ, что онъ только начинается тамъ, гдѣ животныя уже оканчиваются. Кромѣ обязанностей къ себѣ, онъ имѣетъ еще обязанности къ ближнимъ; кромѣ инстинкта, который есть у животныхъ, онъ имѣетъ еще чувство, разсудокъ и разумъ, которыхъ нѣтъ у животныхъ; будучи существомъ и растительнымъ и животнымъ, будучи плотскимъ организмомъ, онъ есть еще и духъ—искра и обликъ Духа Божія. Слѣдовательно, и его любовь должна быть высшею ступенью той любви, которую мы видимъ во всей природѣ,—отъ сродства стихій,—отъ ихъ безмолвнаго организированія въ минералъ, заключенный въ нѣдрахъ земли, отъ прозябанія дольней лозы, возникающей изъ зерна,—до животнаго, которое добровольно лишается жизни, съ яростію защищая своихъ дѣтей. Человѣкъ есть міръ въ маломъ видѣ: въ его организмѣ всѣ стихіи природы, первосущныя ея силы, вся минеральная природа — металлы и земли; въ жизни его организма всѣ процессы природы—и минеральное срощеніе извнѣ, и прозябаемая растительность и животное развитіе изнутри. Онъ является на свѣтъ животнымъ, которое кричитъ, спитъ, ѣстъ и инстинктивно хватается за грудь, и инстинктивно

сердится, когда его отъ нея отнимаютъ. Но уже съ того мгновенія, какъ языкъ его, отъ безразличныхъ междометій, начинаетъ постепенно переходить къ членораздѣльнымъ звукамъ и лепетать первыя слова,—въ немъ уже оканчивается животное и начинается человѣкъ, вся жизнь котораго, до поры полнаго мужества, есть не что иное, какъ безпрерывное формированіе, дѣланіе, становленіе (das Werden) полнымъ человѣкомъ, для полнаго наслажденія и обладанія силами своего духа, какъ средствами къ разумному счастію. Еще младенецъ, припавъ къ источнику любви — къ груди своей матери, онъ останавливаетъ на ней не безсмысленный взглядъ молодаго животнаго, но горящій свѣтомъ разума, хотя и безсознательнаго; онъ улыбается своей матери, — и въ его улыбкѣ свѣтится лучъ божественной мысли. Во всѣхъ проявленіяхъ его любви просвѣчиваетъ не простое, инстинктивное, но уже не чуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, онъ не можетъ сдѣлать ими шага для вступленія въ жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Такъ неужели, послѣ этого, любовь родителей,—существъ вполнѣ развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособныхъ отдѣлиться отъ самихъ себя и перейдти за околдованную черту замкнутой въ себѣ индивидуальности? Нѣтъ, всякая человѣческая любовь должна быть чувствомъ, просвѣтленнымъ разумною мыслію, чувствомъ одухотвореннымъ. Но что̀ же такое любовь?— Это жизнь, это духъ, свѣтъ луча: безъ нея, все — смерть, при самой жизни, все—матерія, при самомъ органическомъ развитіи, все—мракъ, при самомъ зрѣніи. Любовь есть высшая и единая дѣйствительность, внѣ которой все—призраки, обманывающіе зрѣніе, формы безъ содержанія, пустота въ кажущихся границахъ. Какъ огонь есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота,—такъ и любовь есть осуществившійся, явленный разумъ, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится и весь міръ — ея явленіе. Въ природѣ она разлита

какъ электричество; въ духѣ является разумною мыслію, въ самой себѣ носящею силу своего проявленія въ благомъ дѣйствіи. И потому, человѣкъ полный ею сильнѣе Самсона: съ мучениками первыхъ временъ христіанской церкви безтрепетно шелъ къ дикимъ звѣрямъ и, объятый пожирающимъ пламенемъ, пѣлъ гимны Богу живому и безсмертному, онъ изъ рыбаря становился ловцомъ человѣковъ. Любовь столь сильна, что творитъ непостижимое, торжествуетъ надъ вѣчно неизмѣнными условіями пространства и времени, надъ безсиліемъ плоти, младенцу даетъ львиную силу. Самъ Богъ есть любовь и источникъ любви, изъ котораго все исходитъ и въ который все возвращается. «Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; потому что *Богъ есть любовь*—Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ», говоритъ св. апостолъ Іоаннъ (перв. пос. гл. IV, стр. 7, 8 и 16). И потому, всякая власть и всякая сила только въ любви. И потому слово, проникнутое любовію, горитъ огнемъ неотразимаго убѣжденія, и согрѣваетъ теплотою умиленія сердце услышавшее его, и даетъ ему міръ и счастіе; но слово, лишенное любви, и святыя истины дѣлаетъ холоднымъ и мертвымъ правоученіемъ, и потому безсильно надъ умомъ и сердцемъ

Истина выше человѣка, какъ личности: чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ, — и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому, первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добро-

вольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого,—тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Теперь взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

Отецъ и мать любятъ свое дитя, потому что оно ихъ рожденіе. Родство крови есть первая и, въ то же время, священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отвлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя, если не порочныя и не развратныя. Но, повторяемъ, естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите: сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которые теряютъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія, и къ тому же не ждутъ себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, неоказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями,—даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшаются прибѣгнуть къ гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Бѣдные родители, несчастные дѣти! Да, несчастныя,—и, жалѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ — природа ли создаетъ извергов, или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими? Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила

людей, наклонныхъ къ пороку, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила, и что нѣтъ столь дурнаго человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе дурнымъ дѣтямъ! почему бы они не сдѣлались такими—отъ дурнаго ли воспитанія, по винѣ родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ,—но они несчастны, потому что не знаютъ счастія сыновней любви и не могутъ имѣть надежду вкусить счастіе любви родительской. Но тѣмъ не менѣе должно вникать въ причины ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любитъ свое дитя, потому что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго человѣка, котораго Богъ нарекъ сыномъ своимъ и за спасеніе котораго онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи, отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ,—и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и достойна называться любовію; всякая же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей, и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя,—и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ,—и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви, есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ—любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любитъ ли отецъ своего сына, если заставляетъ

его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные поступки, какъ на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А, между тѣмъ, у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, пріучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семъ-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ жь тутъ любовь?— тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ, судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами; преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти,—и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть, въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь, они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростію, лукавствомъ, скрытностію, лгутъ, обманываютъ, вывертываются... Китайцы, поставляющіе красоту женскихъ ногъ въ миніатюрности, зашиваютъ у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру, и снимаютъ ее, когда уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только въ комнатѣ, и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленной въ свободномъ развитіи природы! Таковы же бываютъ и результаты остановленнаго въ естественномъ и самобытномъ раз-

витіи духа! Но что̀ сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что, для пользы и счастія своихъ дѣтей, они обязаны управлять тѣми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ счастіе или несчастіе цѣлой жизни человѣка? И какъ часто случается, что прекрасная дѣвушка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею, который бы понялъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь глупое животное съ человѣческимъ обликомъ, и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятнаго страданія!... Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастія... Горе человѣку, когда его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое же горе ему когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей!... Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины... Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!... Но что̀ сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастіемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ или на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ при этомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ!... Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрагается человѣческая природа будто при видѣ удава или гремучей змѣи...

Разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность,—и отецъ долженъ быть столько же отцомъ, сколько и другомъ своего сына. Первое попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому

шелъ онъ и съ вѣстью о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе, даже изъ лучшихъ отцовъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлять себя съ дѣтьми строгостію, суровостью, недоступною важностью! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе, и въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно пріучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно проистекаетъ изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства; ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особность отъ всего, что̀ такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ, она пріучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши—свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она—мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы... Если же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ,—и дѣти сдружаются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что̀ никогда до добра не доводитъ. Это

бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ, и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки,—что же, если они дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви—владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія!

Юная душа, неиспытавшая еще отчужденія и сомнѣнія, вся открыта наружу; она не умѣетъ любить въ мѣру, но предается предмету своей любви беззавѣтно и безусловно, видитъ въ немъ идеалъ всевозможнаго совершенства, высшій образецъ для своихъ дѣйствій, вѣритъ ему со всѣмъ жаромъ фанатика. И что́ же, если такая любовь устремлена къ родителямъ, соединяясь съ естественною, кровною любовью къ нимъ! О, для такихъ дѣтей высочайшее счастіе какъ можно чаще быть въ присутствіи родителей, наслаждаться ихъ разговорами, сопровождать ихъ въ прогулкѣ, имѣть свидѣтелями своихъ игръ и рѣзвостей, обращаться къ нимъ въ недоразумѣніяхъ, избирать ихъ въ посредники между собою въ своихъ маленькихъ ссорахъ и неудовольствіяхъ! Нужно ли доказывать, что при такомъ воспитаніи, родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что́ имъ угодно; что имъ ничего не сто́итъ пріучить ихъ съ малолѣтства къ выполненію долга—къ постоянному, систематическому труду въ опредѣленные часы каждаго дня (важная сторона въ воспитаніи: отъ опущенія ея много губится въ человѣкѣ!)? Нужно ли говорить, что такимъ родителямъ очень возможно будетъ обратить трудъ въ привычку, въ наслажденіе для своихъ дѣтей, а свободное отъ труда время—въ высшее счастіе и блаженство? Еще менѣе нужно доказывать, что при такомъ воспитаніи совершенно безполезны всякаго рода унизительныя для человѣческаго достоинства нака-

занія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, и разтлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ, и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать, наконецъ, арестъ въ комнатѣ, — вотъ наказанія, которыя будучи употреблены соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего положенія, если подала къ нему поводъ; душа грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно-безсовѣстною, — и ей ужь скоро ни по чемъ всякое наказаніе. Нужно ли говорить, что такое воспитаніе — легко и возможно, но требуетъ всего человѣка, всего его вниманія, всей его любви? Отцы, которыхъ вся жизнь сосредоточена въ дѣтяхъ, отдана имъ безъ раздѣла — рѣдкія явленія; но для нихъ то и говоримъ мы, къ нимъ и обращаемъ рѣчь нашу, — и дай Богъ, чтобы она принята была ими съ такою же любовію и искренностію, съ какими мы обращаемся къ нимъ!... Всѣ же не такіе могутъ намъ не вѣрить и даже смѣяться надъ нами, если имъ это заблагоразсудится... Въ добрый часъ!...

Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Какъ зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, каждое изъ нихъ есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и процесса человѣчества. «Не вливаютъ вина молодаго въ мѣхи старые», сказалъ намъ божественный Спаситель, и онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ

нему для благословенія: «Таковыхъ есть царствіе небесное». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно исторически развиться изъ стараго,—и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же условливается важность тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Правительство, неусыпно пекущееся о нашемъ благѣ, ничего не щадитъ для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ общественнаго образованія. Несмотря на безчисленное множество уже существующихъ учебныхъ заведеній, оно не перестаетъ учреждать новыя на лучшихъ основаніяхъ, а старыя преобразовывать, соотвѣтственно потребностямъ времени; употребляетъ на нихъ огромныя суммы, замѣщаетъ вакантныя мѣста молодыми людьми, болѣе старыхъ способными удовлетворить современнымъ требованіямъ,—и кто вникалъ со вниманіемъ въ эту отрасль администраціи, тотъ не могъ не дивиться быстрымъ перемѣнамъ въ ней къ лучшему, богатымъ прекрасными результатами. Но общественное образованіе, преимущественно имѣющее въ виду развитіе умственныхъ способностей и обогащенія ихъ познаніями, совсѣмъ не то, что̀ воспитаніе домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другаго замѣнить не можетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ великій германскій мыслитель Гегель, въ своей торжественной рѣчи на актѣ Нюренбергской гимназіи, обязанной его кратковременному управленію теперешнимъ своимъ процвѣтаніемъ: «Въ связи съ этимъ находится еще другой важный предметъ, который ставитъ школу еще въ большую необходимость опираться на домашнія отношенія учениковъ—это дисциплина. Я здѣсь отличаю воспитаніе нравовъ отъ ихъ образованія. Цѣлію учебнаго заведенія можетъ быть не воспитаніе, не дисциплина нравовъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ихъ и притомъ не совсѣми средствами, къ нему ведущими. Учебное заведеніе должно предполагать добрую нравственность въ своихъ учени-

кахъ. Мы должны требовать, чтобы ученики вступающіе къ намъ въ школу, уже получили предварительное воспитаніе. По духу нравовъ нашего времени непосредственное воспитаніе не есть, такъ какъ у Спартанцевъ, публичное, государственное; обязанность и забота воспитанія лежитъ на родителяхъ. Другое дѣло—сиротскіе домы или семинаріи и вообще всѣ заведенія, которыя обнимаютъ цѣлое существованіе юноши».

Такъ! на родителяхъ, на однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего человѣкомъ, тотъ плохой гражданинъ, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ,—словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ, никто ни выше, ни ниже самаго себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою, но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти

трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ напримѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ, безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ, и чѣмъ угодно. Часто, одаренный великими средствами на великое, онъ обнаруживаетъ только дикую силу, которая служитъ ему ни къ чему иному, какъ къ разрушенію всего окружающаго его и даже самого себя. И если бываютъ такія богатыя и могучія натуры, которыя собственною глубокостію и силою спасаются отъ погибели или искаженія вслѣдствіе ложнаго, неестественнаго развитія и дурнаго воспитанія, — то все-таки нельзя же сомнѣваться въ томъ, что тѣ же самыя натуры, но при нормальномъ развитіи и разумномъ воспитаніи прямѣе дошли бы до своей цѣли, съ силами свѣжими и неистощенными въ тяжелой и безплодной борьбѣ съ случайными противорѣчіями. Разумное воспитаніе и злаго по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру; такъ дикое, лѣсное растеніе, когда его пересадятъ въ садъ и подвергнутъ уходу садовника, дѣлается и пышнѣе цвѣтомъ, и вкуснѣе плодомъ. Не всѣ родятся героями, художниками, учеными; геній есть явленіе вѣковое, рѣдкое; сильные таланты то же похожи на исключенія изъ общаго правила,—и въ этомъ случаѣ человѣчество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ солдатъ, но только одинъ фельдмаршалъ, и въ каждомъ полку только одинъ полковникъ, и на сто рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ

такой же пропорціи находится къ большинству, или толпѣ, и число людей съ глубокою и безконечною натурою, которыхъ назначеніе — не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ признаніе генія и таланта, но все понимать, всему сочувствовать и все облагораживать и счастливить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Природа не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ,—и, какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою табель о рангахъ. Но всякое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человѣчествѣ и въ гражданскомъ обществѣ,—почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ. Не мѣста людей, но люди мѣста унижаютъ. Самое приличное мѣсто человѣку—то, къ которому онъ призванъ, а свидѣтельство призванія—его способности, степень ихъ, наклонность и стремленіе. Кто призванъ на великое въ человѣчествѣ, совершай его: ему честь и слава, ему вѣнецъ генія; кому же назначена тихая и неизвѣстная доля—умѣй найдти въ ней свое счастіе, умѣй съ пользою дѣйствовать и на маломъ поприщѣ, умѣй быть достойнымъ, почтеннымъ и въ скромной дѣятельности. Всякое желаніе невозможнаго—есть ложное желаніе; всякое стремленіе быть выше себя, выше своихъ средствъ — есть неблагородный порывъ сознающей себя силы, а претензія жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. Цѣль нашихъ стремленій есть удовлетвореніе, и всякій удовлетворяется ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что ему нужно; а кто нашелъ свое удовлетвореніе на ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найдти своего удовлетворенія. Честный и, по своему, умный сапожникъ, которой въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ и получаетъ отъ него все, что нужно ему для жизни, выше плохаго генерала, хотя бы онъ былъ самъ Меласъ, выше пе-

данта ученаго, выше дурнаго стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣстницѣ общественной іерархіи, быть—человѣкомъ. Но, умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра, природа щедра до безконечности на произведеніе людей и съ душою, и съ способностями и съ дарованіемъ, словомъ со всѣмъ, что̀ нужно человѣку, чтобъ быть достойнымъ высокаго званія человѣка. Люди бездарные, ни къ чему неспособные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды, и ихъ также мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія, и еще оттого, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ. Сознаніе своего назначенія — трудное дѣло, и часто, если не натолкнутъ человѣка на чуждую ему дорогу жизни, онъ самъ пойдетъ по ней, руководимый ими безсознательностію, или претензіями. Но еслибы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе,—число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ. И потому, воспитаніе по отношенію къ большинству, пріобрѣтаетъ еще большую важность: оно все—и жизнь и смерть, спасеніе и гибель.

Но воспитаніе, чтобы быть жизнію, а не смертію, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искусственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ—не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать что́ угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше—только по своему, индивидуально. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣ-

латься. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то — качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть не что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ называемыя врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. А между тѣмъ, есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ!...

Нѣтъ, не бѣлая доска душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности! Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ; но оно глубоко-вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленой ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ нѣжнымъ, возникающимъ растеніемъ. Посредствомъ прививки, и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовые вкусные и большіе; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большей части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности, и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что̀ угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуальною природою каждаго растенія, но и со временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи воз-

растанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стеблю, еще несформировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми можно затушить въ немъ всякое развитіе.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью—человѣчность (die Humanität). Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, — тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго. Человѣкъ есть разумно-сознательная сущность и органъ всего сущаго,—и отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto» т. е. «Я человѣкъ—и ничего человѣческаго не считаю чуждымъ мнѣ». Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ, и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички,

и бурное волненіе страстей въ волканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія и сладость молитвы, и все, что въ жизни, и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ и другимъ, и третьимъ, ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ, лишь бы представилось ему явленіе, а ужь его чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ; и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго, и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважаетъ чувство и друга и недруга; для него святы и горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому; онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и елейности, въ его словахъ такая кротость и задумчивость, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности. Какъ отрадно бываетъ встрѣтить въ старикѣ, который былъ лишенъ

всякаго образованія, провелъ всю жизнь свою въ практической дѣятельности, совершенно чуждой всего идеальнаго, мечтательнаго и поэтическаго, — какъ отрадно встрѣтить теплое чувство, неподавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтренымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ и свѣтлымъ, и пламеннымъ и гордымъ! какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружежеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не разцвѣтши,—этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонёрствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!...

Чтобы не повторять одного и того же, мы перейдемъ теперь къ дѣтскимъ книгамъ—главному предмету нашей статьи, и ихъ характеристикою довершимъ нашу характеристику воспитанія вообще.

На дѣтскія книги обыкновенно обращаютъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на самое воспитаніе. Ихъ просто презираютъ, и если покупаютъ, то развѣ для картинокъ. Есть даже люди, которые почитаютъ чтеніе для дѣтей больше вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Это — грубое заблужденіе, варварскій предразсудокъ. Книга есть жизнь нашего времени. Въ ней всѣ нуждаются—и старые, и молодые, и дѣловые, и ничего недѣлающіе; дѣти—также. Все дѣло въ выборѣ книгъ для нихъ, и мы первые согласны, что читать дурно выбранныя книги для нихъ и хуже и вреднѣе, чѣмъ ничего не читать: первое

зло — положительное, второе только отрицательное. Такъ, напримѣръ, въ дѣтяхъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, должно развивать чувство изящнаго, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы имъ можно было давать въ руки романы, стихотворенія и проч. Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитіе духа. Дитя должно быть дитятею, но не юношею, не взрослымъ человѣкомъ. Первыя впечатлѣнія сильны, — и плодомъ неразборчиваго чтенія будетъ преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращеніе отъ бодрой и здоровой дѣятельности, наклонность къ такимъ чувствамъ и положеніямъ въ жизни, которыя несвойственны дѣтскому возрасту. Юноши, переходящіе въ старость мимо возмужалости—отвратительны, какъ старички, которые хотятъ казаться юношами. Все хорошо и прекрасно въ гармоніи, въ соотвѣтственности съ самимъ собою. Всему своя чреда. Неестественно и преждевременно развившіяся дѣти—нравственные уроды. Всякая преждевременная зрѣлость похожа на растлѣніе въ дѣтствѣ. Искусство въ той мѣрѣ дѣйствительно для каждаго, сколько каждый находитъ въ немъ истолкованіе того, что́ живетъ въ немъ самомъ какъ чувство,—что́ знакомо ему, какъ потребность его души. Когда же онъ этого не находитъ въ искусствѣ, то видитъ въ немъ фразы, увлекается ими, и изъ простаго, добраго человѣка становится высокопарнымъ болтуномъ, пустымъ и докучнымъ фразёромъ. Что же сказать о дѣтяхъ, которыя, по своему возрасту, не могутъ найдти въ поэзіи отраженія внутренняго міра души своей? Разумѣется, они или увлекаются отвратительнымъ въ ихъ лѣта фразёрствомъ и резонёрствомъ, или перетолковываютъ по-своему недоступныя для нихъ чувства и превращаютъ ихъ для себя въ неестественныя и ложныя ощущенія и побужденія. Но въ пользу дѣтей должно исключить изъ числа недоступныхъ имъ искусствъ—музыку. Это искусство, невыговари-

вающее опредѣленно никакой мысли, есть какъ бы отрѣшившаяся отъ міра гармонія міра, чувство безконечнаго, воплотившееся въ звуки, возбуждающее въ душѣ могучіе порывы и стремленіе къ безконечному, возносящее ее въ ту превыспреннюю, надзвѣздную сферу высокихъ помысловъ и блаженнаго удовлетворенія, которая есть свѣтлая отчизна живущихъ дѐлу, и изъ которой слышатся имъ довременные глаголы жизни... Вліяніе музыки на дѣтей благодатно, и чѣмъ ранѣе начнутъ они испытывать его на себѣ, тѣмъ лучше для нихъ. Они не переведутъ на свой дѣтскій языкъ ея невыговариваемыхъ глаголовъ, но запечатлѣютъ ихъ въ сердцѣ,— не перетолкуютъ ихъ по своему, не будутъ о ней резонёрствовать; но она наполнитъ гармоніею міра ихъ юныя души, разовьетъ въ нихъ предощущеніе таинства жизни, совлеченной отъ случайностей, и дастъ имъ легкія крылья, чтобы отъ низменнаго дола возноситься горѐ—въ свѣтлую отчизну душъ... Не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь мѣста изъ статьи одного малочитавшагося журнала, статьи проникнутой мыслію и благороднымъ одушевленіемъ: «Жалко сказать, въ какомъ положеніи находится у насъ музыкальное образованіе. У насъ учатъ музыкѣ не потому что музыка есть великое искусство, которое возвышаетъ, облагораживаетъ душу, развиваетъ въ ней безконечный внутренній міръ, а потому что стыдно же дѣвушкѣ не играть на фортепьяно, не спѣть романса — «это въ жизни хорошо»; какъ не блеснуть въ обществѣ своей игрой, своей музыкальностію [1])! — и у насъ музыка обратилась въ какую-то

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, кому не хочется блеснуть своею музыкальностію?—И вотъ и въ музыку также ввели моду, какъ и въ костюмы и въ свѣтскіе обычаи. Пожалуйте намъ Черни, Герца, Тальберта, Шопена: какъ можно даже говорить о старикахъ Моцартѣ и Бетховенѣ... Соната Бетховена—fi donc!—какъ это старо!... Въ самомъ дѣлѣ, вы стары, простодушные художники!... Посмотрите на природу, какъ она состарѣлась—вѣдь ужь сколько тысячъ лѣтъ живетъ она!...

роскошь воспитанія: папенька тратится и платитъ деньги музыкальному учителю, считая это ужь необходимымъ зломъ для своего кармана. По большей части, дѣвушки наши занимаются музыкою только до замужества, а такъ какъ на музыку смотрятъ, какъ на средство сдѣлать выгодную партію, или даже просто—поскорѣе выйдти замужъ,—цѣль достигнута, и музыка оставлена, фортепьяно держится въ домѣ, какъ необходимая мебель. Да впрочемъ, извѣстно и то, что благородной дѣвицѣ неприлично наслаждаться какою-то превыспреннею любовію, и находить свое счастіе въ природѣ, въ искусствѣ, въ мысли; совсѣмъ нѣтъ; природа, поэзія и умныя сужденія должны быть украшеніями, забавами жизни, а вовсе не сущностью ея.—Пусть бы оставляли музыку для занятій и попеченій материнскихъ (хотя мы думаемъ, напротивъ, что въ долгъ и попеченія матери музыка должна входить первая: она первая должна быть благодатною росою для растительной жизни дитяти, солнечнымъ свѣтомъ, для пробуждающейся юной души, она развиваетъ и укрѣпляетъ цвѣтокъ духовной жизни для плода... впечатлѣнія музыки на душу младенца и плоды ихъ неизчислимы); но дамы наши мало думаютъ объ этомъ, и музыка оставляется для другихъ, важнѣйшихъ предметовъ — нарядовъ, выѣздовъ, собраній, свѣтской литературы; но тихой, задумчивой музыкѣ неловко въ такомъ блистательномъ, шумномъ обществѣ—она улетаетъ...» («М. Н.» 1838. стр. 332).

Шекспиру слишкомъ 200 лѣтъ, а Гомеръ даже сдѣлался миѳомъ... Да, правда—всѣ вы стары, всѣ вы не годитесь теперь, вами вовсе нельзя блеснуть въ обществѣ: вы требуете много труда, размышленія, уединенія; а что-жь вы даете за это?—Какую-нибудь внутреннюю гармонію, одушевленіе, растворяете душу блаженствомъ и жаждою безконечнаго,—намъ совсѣмъ не этого нужно... Но я, право, не знаю, что нужно такимъ артистамъ, и, говоря это, я вовсе не имѣлъ намѣренія говорить о старыхъ германскихъ мастерахъ, и высказалъ это такъ, къ слову, потому что мнѣ всегда очень забавно слышать такіе приговоры въ сферѣ искусства; но Богъ съ ними, съ этими любителями!...

Но что же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ «Басни» Крылова, въ которыхъ даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическія образы, и все такъ рѣзко запечатлѣно печатію русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ «Юрія Милославскаго» г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте «Овсяный Кисель», эту наивную, дышащую младенческою поэзіею піесу Гебеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, напримѣръ, «О Рыбакѣ и Рыбкѣ», которая, при высокой поэзіи, отличается, по причинѣ своей безконечной народности, доступностію для всѣхъ возрастовъ и сословій, и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ, напримѣръ, въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» изображеніе черкесскихъ нравовъ, въ «Русланѣ и Людмилѣ» эпизоды битвъ, о полѣ покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ «Полтавѣ» описаніе битвы, появленіе Петра Великаго; наконецъ, нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», «Женихъ», «Пиръ Петра Великаго», «Зимній Вечеръ», «Утопленникъ», «Бѣсы»: нѣкоторыя изъ пѣсень западныхъ Славянъ, а для болѣе взрослыхъ— «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую Годовщину». Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка—прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно, и даже необходимо зна-

комить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія; часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина, и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Лудовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и развѣ отъ дядекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь— Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцаніе общаго, человѣческаго, міроваго; но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ чрезъ родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ не только о Петрѣ Великомъ, но и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ. Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія, въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ учебными, такъ и литературными дѣтскими книгами. Но это бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы Французовъ, Англичанъ, и даже самихъ Нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего, или по крайней мѣрѣ очень мало. У французовъ, напр., писали для дѣтей Беркенъ, Бульи, г-жа Жанлисъ и прочіе, написали бездну, но дѣти отъ этого нисколько не богаче книгами для своего чтенія. И это очень естественно: должно *родиться*, а не *сдѣлаться*, дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужны душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная младенчески - простодушная, умъ возвышенный, образован-

ный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій.

Цѣлью дѣтскихъ книжекъ должно быть не только занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, не столько предохраненіе ихъ отъ дурныхъ привычекъ и дурнаго направленія, сколько развитіе данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа,—развитіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувство дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея. Въ дѣтскомъ возрастѣ чувство и разсудокъ въ рѣшительной противоположности, въ рѣшительной враждѣ, и одно убиваетъ другое: преимущественное развитіе чувства даетъ имъ полноту, гармонію и поэзію жизни; преимущественное развитіе разсудка губитъ въ ихъ сердцѣ пышный цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ пырей и бѣлену резонёрства. Дѣтскій умъ, предаваясь отвлеченности, въ живыхъ явленіяхъ природы и жизни видитъ однѣ мертвыя формы, лишенныя духа и сущности, и логическія опредѣленія для него—скорлупа гнилаго орѣха, о которую только портятся зубы. Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разсудокъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія — ученію, школѣ. Садясь за грамматику, ребенокъ уже вступаетъ въ міръ отвлеченностей и логическихъ построеній и опредѣленій. Всему свое мѣсто, и ни одна сторона духа не должна мѣшать другой: пусть въ классѣ развивается разсудокъ ребенка и пріучается постепенно къ строгости логической дисциплины; пусть ребенокъ разсуждаетъ съ учебникомъ въ рукахъ, готовясь къ классу; но лишь затворится за нимъ дверь клас-

са, пусть онъ входитъ въ поэтическій міръ дѣйствительныхъ, образныхъ явленій жизни, въ «полное славы творенье»! Книга пусть будетъ у него книгою, а жизнь жизнью, и одно да не мѣшаетъ другому! Увы, пріидетъ время—и скроется отъ него этотъ поэтическій образъ жизни, съ розовыми ланитами, съ сіяющими отъ веселья взорами, съ обольстительною улыбкой счастія на устахъ: подозрительный и недовѣрчивый разсудокъ разложитъ его на мускулы, кровь, нервы и кости, и, вмѣсто прежняго плѣнительнаго образа, покажетъ ему отвратительный скелетъ. Въ душѣ раздадутся тревожные вопросы—и какъ, и отчего, и почему, и зачѣмъ? Живыя явленія дѣйствительности превратятся въ отвлеченныя понятія... Поздравимъ его, если онъ съ честію выдержитъ эту внутреннюю борьбу: если изъ порожденныхъ разрывающею силою разсудка противорѣчій снова войдетъ въ новое и высшее прежняго, разумно-сознательное созерцаніе полноты жизни. Пожалѣемъ о немъ, если ему суждено будетъ на вѣкъ остаться въ односторонней ограниченности разсудочнаго созерцанія жизни... Но пока онъ еще дитя, дадимъ ему вполнѣ насладиться первобытнымъ раемъ непосредственной полноты бытія, этою полною жизнію чистой младенческой радости, источникъ которой есть простодушное и цѣломудренное единство съ природою и дѣйствительностію.

Итакъ, если вы хотите писать для дѣтей, не забывайте, что они не могутъ мыслить, но могутъ только разсуждать, или, лучше сказать, резонёрствовать, а это очень худо! Если несносенъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба, паровыхъ машинахъ, или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонёръ, который «разсуждаетъ», потому что еще не можетъ «мыслить». Резонёрство изсушаетъ въ дѣтяхъ источники жизни, любви, благодати; оно дѣлаетъ ихъ моденькими старичками, становитъ на ходули. Дѣтскія книжки часто развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резо-

нёрства, вмѣсто того, чтобы противудѣйствовать ея возникновенію и развитію. Чѣмъ обыкновенно отличаются, напримѣръ, повѣсти для дѣтей?—дурно склеенным разсказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая въ ихъ глазахъ дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочатъ изъ всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ, словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонёрами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовію и благодатію, то и внѣшность будетъ хороша, и что, наконецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманъ. А потомъ, что еще?—потомъ стараются увѣрять дѣтей, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая—не споримъ; но объяснять дѣтямъ наказаніе и награжденіе въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ, значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію (конечно крайнему) большей части дѣтскихъ книжекъ, награда за добро состоитъ въ долголѣтіи, богатствѣ, выгодной женитьбѣ... Прочтите хоть, напримѣръ, повѣсти Коцебу, написанныя имъ для собственныхъ его дѣтей. Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь не глупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволятъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ и наброситъ въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ

собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лентяй часто получаетъ похвалу на счетъ прилежнаго; что наглый затѣйникъ шалости непризнательностію отдѣлывается отъ наказанія, а чистосердечно признавшійся въ шалости нещадно наказывается; что честность и справедливость часто не только не даютъ богатства, но повергаютъ еще въ нищету. Да, къ несчастію, каждый изъ нихъ узнаетъ все это; но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи—единственныхъ источниковъ истиннаго счастія; что награда за доброе дѣло опять-таки происходитъ отъ самого этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость, и черезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь. А обо всемъ этомъ должны бы дѣтямъ говорить дѣтскія книжки! Онѣ должны внушать имъ, что счастіе не во внѣшнихъ и призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души, — что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, но «сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что̀ драгоцѣнно предъ Богомъ», какъ говоритъ св. апостолъ Петръ. Онѣ должны показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они суть, но что независимость отъ ихъ случайностей состоитъ не въ коврѣ-самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы, вызываетъ легіоны хранительныхъ духовъ съ пламенными мечами, готовыхъ наказать злыхъ преслѣдователей и обидчиковъ, но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая силу въ этой любви. Онѣ должны знакомить ихъ съ таинствомъ страданія, показывая его, какъ другую сторону одной и той же любви, какъ блаженство своего рода, и не какъ непріятную слу-

чайность, но какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не извѣдаетъ и истинной любви, а, слѣдовательно, и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добровольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее. И все это дѣтскія книжки должны передавать своимъ маленькимъ читателямъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ, свободнымъ, игривымъ, цвѣтущимъ въ самой простотѣ своей,—и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія. Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый, и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества. Главное дѣло — какъ можно меньше сентенцій, нравоученій и резонерства: ихъ не любятъ и взрослые, а дѣти просто ненавидятъ, какъ и все, наводящее скуку, все сухое и мертвое. Они хотятъ видѣть въ васъ друга, который забывался бы съ ними до того, что самъ становился бы младенцемъ, а не угрюмаго наставника; требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не столько чувствительное, сколько чувствующее—такое дитя есть дитя Божіе: въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почіетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безрасудно, опрометчиво—лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но

ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по разсчоту... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!... Вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ: вы заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возростили—резонерство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи.

Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Спасителя: «И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ»; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче — сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго, по этому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго, въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины, какъ на фундаментѣ, основывается на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому оно свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ какъ зародышъ,—и развитія этого-то зародыша требуемъ мы отъ воспитанія и дѣтской литературы.

Мы сказали, что живая поэтическая фантазія есть необходимое условіе въ числѣ другихъ необходимыхъ условій, для образованія писателя для дѣтей: чрезъ нее и посред-

ствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ, фантазія есть преобладающая способность и сила души, главный ея дѣятель и первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ діалектическихъ выводовъ и доказательствъ, логической послѣдовательности: ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любитъ отвлеченныхъ идей: ему нужны исторійки, повѣсти, сказки, разсказы,—и посмотрите, какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому, какъ жадно слушаютъ они разсказы о мертвецахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ. Что̀ это доказываетъ?—потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи, которыя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностію идеи и яркостію красокъ. Чтобы говорить образами, надо быть если не поэтомъ, то по крайней мѣрѣ, разкащикомъ и обладать фантазіею живою, рѣзвою и радужною. Чтобы говорить образами съ дѣтьми, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ полномъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разсказомъ, и разговоромъ, и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостію, слушаютъ ихъ со вниманіемъ, и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостію, какъ на своихъ друзей. Про всякаго изъ такихъ у насъ, на Руси, говорятъ: «это дѣтскій праздникъ». Вотъ такихъ-то «дѣтскихъ праздниковъ» нужно и для дѣтской литературы. Да,—много очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, родятся а не дѣлаются...

Но резонерамъ крайне не нравятся подобныя требованія. Въ самомъ дѣлѣ, кому пріятно выслушивать свой смертный приговоръ, свое исключеніе изъ списка живущихъ? Вѣроятно, по этой же причинѣ, плохіе стихотворцы терпѣть не

могутъ разсужденій о высшихъ требованіяхъ искусства: въ нихъ они видятъ свое уничтоженіе. Отнимите у резонера право пересыпать изъ пустаго въ порожнее моральными сентенціями, — что́ же ему остается дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? Вѣдь жизни, любви, одушевленія, таланта не поднимешь съ улицы, не купишь и за деньги, если природа отказала въ нихъ. А резонерствовать какъ легко: сто́итъ только запастись бумагою, перомъ и чернилами, да присѣсть—а оно ужъ польется само! Какой поклонникъ Бахуса не въ состояніи ораторствовать о пагубномъ вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и душу, и о пользѣ трезвости и воздержности? Какой развратникъ не наговоритъ короба три громкихъ фразъ о нравственности? Какой бездушный и холодный человѣкъ не въ состояніи вкось и въ кривь разсуждать о любви, благочестіи, благотворительности, самопожертвованіи и о прочихъ священныхъ чувствахъ, которыхъ у него нѣтъ въ душѣ? Жизнь, теплота, увлекательность и поэзія—суть свидѣтельства того, что человѣкъ говоритъ отъ души, отъ убѣжденія, любви и вѣры, и онѣ-то электрически сообщаются другой душѣ. Мертвенность, холодность и скука показываютъ, что человѣкъ говоритъ о томъ, что̀ у него въ головѣ, а не въ сердцѣ, что̀ не составляетъ лучшей части его жизни и чуждо его убѣжденію. Но повторяемъ — для нѣкоторыхъ людей разсуждать легче, чѣмъ чувствовать, и прѣсная вода резонерства, которой у нихъ вдоволь, для нихъ лучше и вкуснѣе шипучаго нектара поэзіи, котораго — бѣдняки!— они и не пробовали никогда. И вотъ одинъ хочетъ увѣрить дѣтей, что вставать рано очень полезно, ибо-де одинъ мальчикъ, имѣвшій привычку вставать съ солнцемъ, нашелъ на полѣ кошелекъ съ деньгами; а другой хочетъ увѣрить дѣтей, что надо вставать поздно, ибо-де одна дѣвочка, вставши рано, пошла гулять въ садъ, простудилась да и умерла. Одинъ говоритъ дѣтямъ—будьте поспѣшны, другой—не торопитесь, третій—будьте откровенны, ничего не скрывайте,

четвертый—не все говорите, что знаете. Кому вѣрить, кому слѣдовать?... Забавнѣе же всего, что всѣ эти глубокія мысли подтверждаются случайными примѣрами, ровно ничего недоказывающими. Нѣтъ, моральныя сентенціи не только отвратительны и безплодны сами по себѣ, но и портятъ даже прекрасныя и полныя жизни сочиненія для дѣтей, если вкрадываются въ нихъ! Вы разсказываете дѣтямъ сказку или повѣсть: спрячьтесь за нее, чтобъ васъ было невидно, пусть все въ ней говоритъ само за себя, непосредственнымъ впечатлѣніемъ. У васъ есть нравственная мысль—прекрасно; не выговаривайте же ея дѣтямъ, но дайте ее почувствовать, не дѣлайте изъ нея вывода въ концѣ вашего разсказа, но дайте имъ самимъ вывести: если разсказъ имъ понравился, или они читаютъ его съ жадностію и наслажденіемъ—вы сдѣлали свое дѣло. Здѣсь мы повторимъ мысль, уже высказанную въ нашемъ журналѣ и возбудившую негодованіе и ужасъ резонеровъ: «Не нужно никакихъ нагихъ мыслей, и какъ язвы берегитесь нравственныхъ сентенцій. Пусть основная мысль вашего разсказа дѣятельно движется, не давайте ей для ней же самой, пробиваться наружу и выводить дѣтскую душу изъ полноты жизни, изъ борьбы и столкновенія частностей, на отвлеченную высоту, гдѣ воздухъ рѣдокъ и удушливъ для слабой груди еще несозрѣвшаго человѣка; пусть мысль кроется во внутренней, недоступной лабораторіи, и тамъ перерабатываетъ свое содержаніе въ жизненные соки, которые неслышно и незамѣтно разольются по вашему разсказу». Не говорите дѣтямъ о томъ, чего они еще не въ состояніи понять своимъ умомъ; дайте имъ простое катехизическое понятіе о Богѣ, по ученію православной церкви, но не пускайтесь съ ними въ діалектическія тонкости философскихъ опредѣленій, а старайтесь больше заставить дѣтей полюбить Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ задумчивомъ величіи насту-

пающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ моря, и во всемъ, что есть въ природѣ живаго, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей,—и, наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ только, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ; но учите ихъ смотрѣть на Бога, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство онъ искупилъ мученіемъ и смертію на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не рабскій ужасъ наказанія, а сыновняя боязнь оскорбить отца благаго и любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ, и чтобы не лишеніе земныхъ благъ, а отвращеніе отъ виновныхъ лица отчаго почитали они наказаніемъ. Обращайте ваше вниманіе не столько на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, сколько на наполненіе ихъ животворящею любовію: будетъ любовь—не будетъ пороковъ. Истребленіе дурнаго безъ наполненія хорошимъ—безплодно; это производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется—пустотою же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви! — все остальное ничтожно! «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ». Равнымъ образомъ, не искажайте дѣйствительности ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя, но показывайте ее такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкало бы, въ борьбѣ съ ея случайностями, находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизнь и благо: истина не требуетъ помощи у лжи. И потому: конецъ вашей повѣсти можетъ быть и несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ а порокъ

торжествуетъ; но вы вполнѣ достигните вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ маленькихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если, на вопросъ — на чьемъ бы хотѣли они быть мѣстѣ? — они не колеблясь отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ. Не упускайте изъ вида ни одной стороны воспитанія: говорите дѣтямъ и объ опрятности, о внѣшней чистотѣ, о благородствѣ и достоинствѣ манеръ и обращенія съ людьми; но выводите необходимость всего этого изъ общаго и изъ высшаго источника — не изъ условныхъ требованій общественнаго званія, или сословія, но изъ высокости человѣческаго званія, не изъ условныхъ понятій о приличіи, но изъ вѣчныхъ понятій о достоинствѣ человѣческомъ. Внушайте имъ, что внѣшняя чистота и изящество должны быть выраженіемъ внутренней чистоты и красоты, что наше тѣло должно быть достойнымъ сосудомъ духа Божія.... Уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человѣку за то только, что онъ человѣкъ, безъ всякихъ отношеній къ своей личности и къ его національности, вѣрѣ или званію, даже личному его достоинству или недостоинству, словомъ, безконечная любовь и безконечное уваженіе къ человѣчеству даже въ лицѣ послѣднѣйшаго изъ его членовъ (die Menschlichkeit) должны быть стихіею, воздухомъ, жизнью человѣка, а высокое выраженіе поэта—

При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою—

девизомъ всей его жизни...

Но повѣсти и разсказы не суть еще единственная и исключительная форма бесѣдъ съ дѣтьми. Вы можете еще и обогащать ихъ познаніями, расширять кругъ ихъ созерцанія дѣйствительности, знакомя ихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ явленій прекраснаго Божіяго міра. Но и здѣсь одна цѣль — знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ-сказать букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ

сущность и значеніе. Да, вамъ предстоитъ обширное и богатое поле: не говорю уже объ источникѣ собственной вашей фантазіи, — религія, исторія, географія, естествознаніе — умѣйте только пожинать! Для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ; только ихъ дожно излагать сообразно съ дѣтскимъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ этого дѣла! Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія! Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла — не значитъ ли возвысить ее?... Провести дѣтей по всѣмъ тремъ царствамъ природы, пройдти съ ними по всему земному шару, съ его многолюднымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушью и океанами, показать имъ Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ понятіями и вѣрованіями — не значитъ ли это показать имъ Творца въ его твореніи, заставить ихъ возлюбить Его и возблаженствовать этою любовію?... Но для этого надо одушевить для нихъ весь міръ и всю природу, заставить говорить языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и полевую былинку, и журчащій ручей, и тихо вѣющій вѣтеръ, и порхающую по цвѣтамъ бабочку... Надо дать дѣтямъ почувствовать, что все это безконечное разнообразіе имѣетъ единую душу, живетъ одною жизнію, и что жизнь природы является не только подъ тропиками, но и у полюсовъ, не только на землѣ, но и въ нѣдрахъ ея... Вотъ напримѣръ, это писано для взрослыхъ, но мы увѣрены, что музыка этого языка будетъ доступна и для дѣтей: «Тамъ снѣжная, мертвая пустыня полюсовъ... Безотрадна тамъ жизнь. Но эти пустыни имѣютъ свои музыкальныя вьюги, гуляющія съ серебристою пылью по звонкимъ, чистымъ, необозримымъ льдамъ. Тамъ массивная лава металловъ борется съ могучимъ пламенемъ внутри земли... Она можетъ пугать, но и самый испугъ этотъ великъ для души. Лава реветъ, клокочетъ съ шумомъ

неподражаемой глубокой октавы, и съ изумительнымъ грохотомъ и великолѣпіемъ извергается изъ бездиъ своего тайнаго жилища. Вотъ глубь океана. Чувствуете ли, что океанъ можно только любить? что душѣ хотѣлось бы его измѣрить, постигнуть и заглянуть въ пропасть морей? душѣ весело, упоительно, что эта глубь воды не лежитъ въ мертвой тишинѣ, что въ ней родина цѣлой половины существъ одушевленныхъ, быстрыхъ, могучихъ; имъ легокъ путь сквозь плотно сліянную массу волнъ; эти волны текутъ, то уходя на безвѣстное дно, то съ плескомъ, слышимымъ нами, лобзая гранитъ береговъ и снова уносясь въ неизмѣримый свой путь шумно и торжественно... Вотъ могущественный, вѣчно свободный вѣтеръ: наблюдайте этотъ вѣтеръ, возметающій прахъ земли! онъ изумляетъ своими музыкальными вихрями, бурею и быстротою самую скорую мысль; волнуетъ вершины лѣсовъ, поднимаетъ горы средь океана, несетъ на своемъ хребтѣ дикія облака, улетаетъ изъ-подъ громовъ съ воемъ и свистомъ и—исчезаетъ».

Самымъ лучшимъ писателемъ для дѣтей, высшимъ идеаломъ писателя для нихъ можетъ быть только поэтъ. И такимъ явился одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ— Гофманъ, въ своихъ двухъ сказкахъ: «Неизвѣстное Дитя» и «Щелкунъ Орѣховъ и Царекъ Мышей», хотя и написанныхъ не для дѣтей собственно и годныхъ для людей всѣхъ возрастовъ. Нисколько не удивительно, что странный, причудливый и фантастическій геній Гофмана нисиустился до сферы дѣтской жизни: въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, младенческаго, простодушнаго, и никто не былъ, столько какъ онъ, способенъ говорить съ дѣтьми языкомъ поэтическимъ и доступнымъ для нихъ! Сверхъ того, Гофманъ есть по преимуществу воспитатель людей, поэтъ юношества— почему-жь бы ему не быть и поэтомъ дѣтства? Да, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти начинаютъ переставать быть дѣтьми и становятся юношами, Гофманъ долженъ быть ихъ поэтомъ по

преимуществу. Гофманъ поэтъ фантастическій, живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидецъ таинственныхъ силъ природы и духа. Фантастическое есть предчувствіе таинства жизни, противоположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индюстріальность, или сытный обѣдъ съ трюфелями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастіе только во внутренней жизни; слѣдовательно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаній и отрывая отъ живой и полной дѣйствительности. Чтобы дать юной душѣ равновѣсіе, Гофману не должно противопоставлять пошлую повседневность и ея дюжинныхъ представителей; но молодымъ людямъ должно читать всѣ безъ исключенія романы Вальтеръ-Скотта и Купера, которые, по свѣтлому и вѣрному взгляду на жизнь, по геніальной глубокости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойствію и елейности духа, заслуживаютъ названіе представителей разумной дѣйствительности, поэтически воспроизведенной въ великихъ художественныхх созданіяхъ, и непремѣнно должны быть воспитателями юношества, хотя равно существуютъ и для возмужалости и для старости.

Мы не будемъ ничего говорить о художественномъ достоинствѣ двухъ дѣтскихъ сказокъ Гофмана, ибо этотъ вопросъ нисколько не относится къ предмету нашей статьи; но взглянемъ на нихъ только какъ на высокіе образцы повѣстей для дѣтскаго чтенія.

Жилъ былъ когда-то г. Тадеусъ Брокель, съ женою и двумя дѣтьми, въ маленькой деревушкѣ, доставшейся ему отъ отца. Повседневною одеждою онъ не отличался отъ своихъ крестьянъ (ровнымъ счетомъ четыре души), но по праздникамъ надѣвалъ красивый, зеленый кафтанъ и красный жи-

летъ, обложенный золотыми галунами—что̀, говоритъ Гофманъ, очень къ нему шло. Домишко его крестьяне называли, изъ вѣжливости, за̀мкомъ. Но послушаемъ немного самого Гофмана, чтобы не опрозить его поэтическаго языка.

Всякій конечно знаетъ, что за̀мокъ есть большое зданіе, со многими окнами и дверьми, часто даже съ башнями и блестящими флюгерами. Но ничего похожаго не было видно на холмѣ, гдѣ стояли березы. Тамъ былъ только одинъ низенькій домикъ, со многими окошками, такими маленькими, что ихъ нельзя было разсмотрѣть иначе, какъ подойдя близко къ нимъ. Но если мы остановимся передъ высокими стѣнами большаго за̀мка, то холодный вѣтеръ, вырывающійся оттуда, охватываетъ насъ; мрачные взоры чудныхъ фигуръ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, какъ бы для охраненія входа, поражаютъ насъ; мы теряемъ охоту войдти туда, и предпочитаемъ воротиться. Совершенно противное тому чувствуешь при входѣ въ маленькій домикъ г. Тадеуса Брокеля. Еще въ рощѣ, стройныя березы простирали свои зеленыя вѣтви, какъ будто желая обнять васъ, и привѣтствовали своимъ веселымъ шелестомъ, предъ домомъ же, вамъ казалось, что пріятные голоса приглашали васъ изъ свѣтлыхъ какъ зеркало окошекъ; а изъ темной, густой зелени винограда, который покрывалъ стѣны до самой крыши, слышно было: „Войди, войди, милый усталый путешественникъ: все здѣсь хорошо и гостепріимно!“ То же самое подтверждали своимъ веселымъ щебетаніемъ ласточки, то влетая въ свои гнѣзда, то вылетая изъ нихъ,—а старый и важный аистъ, смотря на васъ съ серьёзнымъ и умнымъ видомъ съ вершины трубы, кажется, говорилъ: „Давно я живу здѣсь лѣтомъ, но лучшаго мѣста не находилъ нигдѣ, и еслибы я могъ преодолѣть враждебную страсть свою къ путешествіямъ, и еслибы зимою не было здѣсь такъ холодно—а дрова такъ дороги, то я не тронулся бы съ этого мѣста!“ „Такъ хорошо и такъ пріятно было жилище г. Брокеля: хотя оно и не было за̀мокъ“.

Какая чудесная, роскошная картина! какъ все въ ней просто, наивно и, вмѣстѣ, безконечно! Каждое слово такъ многозначительно, такъ полно жизни: изъ широкихъ воротъ большаго за̀мка такъ и вѣетъ на васъ холодомъ и мракомъ, а маленькій домикъ, съ его березами и виноградникомъ, такъ и манитъ васъ къ себѣ! Этотъ языкъ для дѣтей еще доступнѣе, чѣмъ для взрослыхъ: дайте имъ прочесть,—и клики

ихъ радости покажутъ вамъ, что они поняли, все, что нужно понять...

Однажды утромъ въ домѣ г. Брокеля была большая суматоха: г-жа Брокель пекла пирогъ, г. Брокель чистилъ свое праздничное платье, а дѣти надѣвали свои лучшія платьица. Однако дѣтямъ было какъ-то неловко въ своихъ нарядныхъ платьяхъ, они смотрѣли въ окно съ какимъ-то тоскливымъ стремленіемъ. Но когда Султанъ, большая дворовая собака, съ крикомъ и лаемъ начала прыгать передъ окошкомъ, бѣгать по дорогѣ и назадъ, какъ бы желая сказать Феликсу: «Зачѣмъ не идешь ты въ лѣсъ? Что ты тамъ дѣлаешь въ душной комнатѣ?»—то Феликсъ не выдержалъ и началъ проситься въ лѣсъ. Но г-жа Брокель рѣшительно запретила это дѣтямъ, говоря, что они измараютъ и издерутъ себѣ платье, а дядюшка, котораго они съ часа на часъ ждали, назоветъ ихъ... крестьянскими ребятишками. Феликса это взорвало, и онъ сказалъ матери: «Если нашъ любезный дядюшка называетъ крестьянскихъ дѣтей гадкими, то онъ вѣрно не видалъ ни Петра Фольрада, ни Анны-Лизы Генштель, ни другихъ дѣтей нашей деревни; я не знаю, могутъ ли быть дѣти лучше ихъ». «Конечно, вскричала Кристлиба какъ бы проснувшись: «а Маргарита, дочь деревенскаго судьи, развѣ не хороша, хоть у нея и нѣтъ такихъ чудесныхъ красныхъ бантовъ, какъ у меня?»—Наконецъ «дядюшка» пріѣхалъ въ великолѣпной раззолоченной каретѣ. Онъ былъ высокій и сухой человѣкъ, жена его толстая и низенькая женщина, и съ ними двое дѣтей. Феликсъ и Кристлиба подошли къ дядюшкѣ и тетушкѣ съ заученнымъ привѣтствіемъ, но передъ дѣтьми остановились въ недоумѣніи. Мальчикъ былъ чудесно одѣтъ, на боку у него висѣла сабля, но лице его было желто, и заспанные глаза какъ-то робко смотрѣли вокругъ. Дѣвочка также была прекрасно одѣта; на верху ея искусно-заплетенныхъ волосъ блестѣла маленькая корона. Кристлиба хотѣла взять ее за руку, но та отдернула ее съ кислою миною. Феликсъ хотѣлъ

взять было за саблю своего кузена, чтобы разсмотрѣть ее, но тотъ началъ кричать: «моя сабля, моя сабля» и спрятался за отца. «Мнѣ не нужно твоей сабли, маленькій глупецъ»! съ досадой сказалъ Феликсъ. Отецъ его смутился отъ этихъ словъ, и то разстегивалъ, то застегивалъ свой кафтанъ. Наконецъ пошли въ комнату: дядюшка подъ руку съ тетушкою, а Германъ и Адельгейда держались за ихъ платья.

«Теперь почнутъ пирогъ», шепталъ Феликсъ на ухо сестрѣ. «Ахъ, да, да!» отвѣчала та весело. «А потомъ мы побѣжимъ въ лѣсъ», продолжалъ Феликсъ. «Какое намъ дѣло до этихъ чучелокъ!» прибавила Кристлиба.

И вотъ повѣсть уже завязалась; характеры очерчены предъ вами. Всѣ дѣйствуютъ, а никто не говоритъ. Феликсу и Кристлибѣ не понравились ихъ разодѣтые родственники: на свѣжія и чистыя души пахнуло гнилостію и принужденіемъ. Они весело ѣли пирогъ, котораго нельзя было есть маленькимъ гостямъ,—имъ дали сухарей.

Сухой господинъ, двоюродный братъ г. Тадеуса Брокеля, былъ графъ и носилъ не только на каждомъ своемъ платьѣ, даже на пудромантелѣ, большую серебряную звѣзду. За годъ передъ симъ онъ заѣзжалъ къ г. Брокелю одинъ, безъ жены и дѣтей. «Послушай, любезный дядюшка, ты вѣрно сдѣлался королемъ?» сказалъ Феликсъ, который, въ своей книжкѣ съ картинками, видѣлъ короля съ такою же звѣздою. Дядя очень смѣялся надъ этимъ вопросомъ, и отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой милый, я не король; но самый вѣрный слуга короля, и его министръ, который управляетъ многими людьми. Еслибы ты былъ изъ рода графовъ Брокелей, тоже со временемъ могъ бы имѣть такую звѣзду; но ты только простой дворянинъ, который никогда не будетъ знатнымъ человѣкомъ». Феликсъ ничего не понялъ, что̀ говорилъ дядя, а Тадеусъ Брокель и не почиталъ этого важнымъ. Не правда ли, что въ этихъ немногихъ строкахъ очень много сказано: дядя-гофратъ,—и необра-

зованный, по человѣчный, если можно такъ выразиться, Тадеусъ Брокель—оба передъ вами, какъ на ладони. Знатные супруги въ запуски кричатъ: «о милая природа! о сельская невинность!» и даютъ дѣтямъ по свертку конфектъ, которые Феликсъ начинаетъ грызть. Дядюшка толкуетъ ему, что ихъ надо держать во рту, пока не растаятъ, а не грызть; но Феликсъ со смѣхомъ отвѣчаетъ ему, что онъ не ребенокъ и что у него не слабые зубы. Отецъ и мать конфузятся, послѣдняя даже сказала Феликсу на ухо: «не скрипи такъ зубами, негодный мальчишка!» Тогда Феликсъ выпулъ изо рта конфетку, положилъ въ бумагу и отдалъ дядѣ назадъ, говоря, что они ему не нужны, если онъ не можетъ ихъ ѣсть. Сестра его сдѣлала то же. Брокели извиняются бѣдностію въ невѣжествѣ дѣтей. Сіятельные съ улыбкою самодовольствія говорятъ объ «отличнѣйшемъ» воспитаніи своихъ дѣтей,—и графъ начинаетъ предлагать имъ разные вопросы, на которые они отвѣчаютъ скоро и бойко. Онъ спрашиваетъ ихъ о многихъ городахъ, рѣкахъ и горахъ, которые находились за нѣсколько тысячъ миль, объ иностранныхъ растеніяхъ, о сраженіяхъ и пр. Адельгунда говорила даже о звѣздахъ, и утверждала, что на небѣ находятся различныя странныя животныя и другія фигуры. Феликсу стало страшно отъ всѣхъ этихъ разсужденій, и онъ почелъ ихъ чепухою. Чтобы утѣшить бѣдныхъ родителей, графъ обѣщалъ прислать ученаго человѣка, который даромъ будетъ учить ихъ дѣтей. «Любите-ли вы игрушки, moncher?» спросилъ Германъ у Феликса, ловко кланяясь: «я привезъ вамъ самыхъ лучшихъ». Феликсу было отъ чего-то грустно, и держа машинально ящикъ съ игрушками, онъ бормоталъ, что его зовутъ Феликсомъ, а не mon cher, и что ему говорятъ ты, а не вы. Кристлиба также скорѣе готова была плакать, чѣмъ смѣяться, принимая отъ Адельгунды ящикъ съ конфектами. У дверей прыгалъ и лаялъ Султанъ; Германъ его такъ испугался, что началъ кричать и плакать, и Феликсъ сказалъ ему: «Зачѣмъ

такъ кричишь и плачешь? это просто собака, а ты видалъ самыхъ страшныхъ звѣрей! Да если бы онъ и бросился на тебя, у тебя есть сабля».—Наконецъ гости уѣхали. Г. Брокель тотчасъ скинулъ свое праздничное платье и вскричалъ: «ну, слава Богу, уѣхали!» Дѣти тоже переодѣлись и стали веселы; Феликсъ закричалъ: «въ лѣсъ! въ лѣсъ!» Мать спросила ихъ, развѣ они не хотятъ сперва посмотрѣть игрушки, и Кристлиба сдавалась было на голосъ женскаго любопытства, но Феликсъ не хотѣлъ и слышать, говоря: «Что могъ привезти намъ хорошаго этотъ глупый мальчикъ съ своею сестрою въ лентахъ? Что же касается до наукъ, онъ объ нихъ хорошо болтаетъ; онъ толкуетъ о львахъ и медвѣдяхъ, знаетъ какъ ловятъ слоновъ, а самъ боится моего Султана! У него виситъ съ бока сабля, а онъ плачетъ, кричитъ и прячется подъ столъ? Славный же изъ него будетъ егерь?» Однако Феликсъ сдался на желаніе сестры пересмотрѣть игрушки. Едва упросила его Кристлиба, чтобы онъ не выкидывалъ за окно конфектъ, но онъ бросилъ нѣсколько изъ нихъ Султану, который, понюхавши, отошелъ съ отвращеніемъ: «Видишь ли, Кристлиба», вскричалъ Феликсъ торжествуя: «даже Султанъ не хочетъ ѣсть эту дрянь!» Болѣе всего понравился ему охотникъ, который прицѣливался ружьемъ, когда его дергали за маленькій шнурокъ, спрятанный подъ платьемъ, и стрѣлялъ въ цѣль, придѣланную въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ него; потомъ ружье и охотничій ножъ, сдѣланные изъ дерева и высеребренные, и гусарскій киверъ съ шашкою. Забравъ игрушки, дѣти пошли гулять въ лѣсъ. Вдругъ Кристлиба замѣтила Феликсу, что его арфистъ играетъ вовсе не хорошо, и что птицы, выглядывая изъ-за кустовъ, кажется, смѣются надъ дряннымъ музыкантомъ, который хочетъ подражать ихъ пѣнію. Феликсъ отвѣчалъ, что это правда, и что ему стыдно передъ рябчикомъ, который такъ плутовски на него смотритъ. Чтобы заставить его пѣть лучше, онъ такъ дернулъ пружину, что

вся игрушка разломалась, и Феликсъ забросилъ музыканта, говоря: «этотъ дуракъ скверно игралъ и дѣлалъ такія гримасы, какъ мой двоюродный братъ Германъ». Потомъ онъ хотѣлъ заставить своего егеря стрѣлять не въ одно и то же мѣсто, а куда онъ назначитъ ему, — и егеря постигла та же участь, что и арфиста. «Ага!» вскричалъ Феликсъ: «въ комнатѣ ты хорошо попадаешь въ цѣль; а въ лѣсу, настоящемъ мѣстѣ для егеря, это тебѣ не удается. Ты вѣрно тоже боишься собакъ, и еслибъ на тебя напала какая-нибудь, то ты убѣжалъ бы съ своимъ ружьемъ, какъ маленькій двоюродный братъ съ своею саблею! Ахъ ты, дрянной егерь, негодный егерь!»... Видите ли, для Феликса все мертвое, бездушное и пошлое похоже на двоюроднаго брата, юная душа безъ разсужденій, однимъ непосредственнымъ чувствомъ, поняла фальшивую позолоту, блестящую мишуру ложнаго образованія прикрывавшаго собою чинность и отсутствіе жизни. Какъ мальчикъ, онъ ничего такъ не можетъ простить, какъ трусости. Вотъ дѣти подбѣжали, но—о ужасъ! Кристлиба увидѣла, что платье ея прекрасной куклы было изорвано хворостомъ, а хорошенькаго восковаго личика какъ не бывало. Она заплакала, но Феликсъ сказалъ ей въ утѣшеніе: «Теперь ты видишь, какія дрянныя вещи привезли намъ эти дѣти. Какая глупая кукла! она не можетъ даже съ нами бѣгать, не изорвавши и не изломавши всего! Подай-ко ее сюда!—и кукла полетѣла въ прудъ. Туда же слѣдомъ отправилось и ружье, потому что изъ него нельзя стрѣлять, и охотничій ножъ, за то, что онъ не колетъ и не рѣжетъ. У Феликса своя философія, внушенная ему природою: все поддѣльное, фальшивое, искусственное не нравилось ему; живая природа, лѣсъ и поле, съ своими птичками, букашками и бабочками, громче говорили его сердцу, и онъ лучше понималъ ихъ. Но Кристлиба—дѣвочка, и ей жаль было своей прекрасной куклы, хотя и ея сердцу природа говорила такъ же громко. Гофманъ удивительно вѣрно схватилъ въ дѣтяхъ

мужской и женскій характеръ: Феликсъ не задумывается долго надъ рѣшеніемъ; разрушительный геній, онъ ломаетъ что ему не нравится; но Кристлиба положила бы въ сторону, или спрятала бы свою куклу, еслибъ она ей надоѣла, даже подарила бы другой дѣвочкѣ, но ломать не стала бы.

Когда дѣти возвратились домой печальныя, и Феликсъ откровенно разсказалъ матери о своемъ распоряженіи съ игрушками,—мать начала его бранить, но отецъ, съ примѣтнымъ удовольствіемъ слушавшій разсказъ Феликса, сказалъ: «Пусть дѣти дѣлаютъ, что хотятъ; я таки очень радъ, что они избавись отъ этихъ игрушекъ, которыя только затрудняли ихъ». Ни г-жа Брокель, ни дѣти не поняли, что г. Брокель хотѣлъ этимъ сказать. Мы, такъ думаемъ, что г. Брокель и самъ хорошо не зналъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но что его добрая, любящая натура очень хорошо дѣйствовала за его неразвитый умъ. Пока сіятельные родственники были съ нимъ, онъ и конфузился и робѣлъ, но лишь они уѣхали, ему стало и легко и хорошо, словно онъ избавился отъ давленія кошемара.

На другой день дѣти ранехонько отправились въ лѣсъ, чтобы въ послѣдній разъ наиграться, ибо имъ надо было много читать и писать, чтобъ не стыдно было учителя, котораго скоро ожидали. Вдругъ имъ отчего-то стало скучно, и они приписали это тому, что у нихъ нѣтъ ужь прекрасныхъ игрушекъ, а свое неумѣніе обращаться съ ними—незнанію наукъ. Кристлиба начала плакать, а за нею Феликсъ, восклицая:

«Бѣдныя мы дѣти, мы не знаемъ наукъ!»

Но вдругъ они остановились и спросили другъ друга съ удивленіемъ: „Видишь ли, Кристлиба?"—Слышишь ли, Феликсъ?—

Въ самомъ темномъ мѣстѣ густаго кустарника, который находился передъ ними, сіялъ чудный свѣтъ, и подобно кроткому лучу мѣсяца скользилъ по трепещущимъ листьямъ; а въ тихомъ шелестѣ деревьевъ слышался дивный аккордъ, подобный тому, какъ вѣтеръ пробѣ-

гаетъ по струнамъ арфы и будитъ спящіе въ ней звуки. Дѣти почувствовали что-то странное: печаль ихъ исчезла, но на глазахъ появились слезы отъ сладостнаго чувства, котораго они еще не испытывали. Чѣмъ ярче становился свѣтъ въ кустѣ, тѣмъ громче раздавались дивные звуки, и тѣмъ сильнѣе билось у дѣтей сердце. Они глядѣли внимательно на свѣтъ, и увидѣли прелестнѣйшее въ мірѣ дитя, которое имъ пріятно улыбалось и дѣлало знаки. „О, пріиди къ намъ, милое дитя!“ вскричали вмѣстѣ Феликсъ и Кристлиба, вставая и протягивая къ нему свои ручонки съ невыразимымъ чувствомъ. „Я иду, иду!“ отвѣчалъ пріятный голосъ изъ куста,—и какъ бы несомое утреннимъ вѣтеркомъ, неизвѣстное дитя спустилось къ Феликсу и его сестрѣ.

За симъ слѣдуетъ цѣлая глава о томъ, какъ неизвѣстное дитя играло съ Феликсомъ и Кристлибою какъ оно упрекало ихъ въ сожалѣніи о дрянныхъ игрушкахъ и указало имъ на чудныя сокровища, разсыпанныя вокругъ нихъ, какъ тогда Феликсъ и Кристлиба увидѣли, что изъ густой травы какъ бы выглядывали блестящими глазами разные чудные цвѣты, а между ими искрились цвѣтные камни и блестящія раковины, золотые жуки прыгали и тихо распѣвали пѣсенки; какъ послѣ того неизвѣстное дитя стало строить Феликсу и Кристлибѣ дворецъ изъ цвѣтныхъ камней, съ колоннами, крышею и золотымъ куполомъ; какъ потомъ крыша дворца обратилась въ крылья золотыхъ насѣкомыхъ, колонны— въ серебристый ручей, на берегу котораго росли красивые цвѣты, то съ любопытствомъ смотрясь въ воды, то, покачивая своими маленькими головками, слушая невинное журчаніе ручья, какъ потомъ неизвѣстное дитя надѣлало изъ цвѣтовъ живыхъ куколъ, и куклы рѣзвились около Кристлибы, ласково говоря ей: «полюби насъ, добрая Кристлиба!» и егеря загремѣли ружьями, затрубили въ рога и, крича: Галло! галло! на охоту! на охоту! помчались за зайцами, которые повыскакали изъ-за кустовъ и побѣжали; какъ неизвѣстное дитя понесло Феликса и Кристлибу по воздуху— и чудеса, которые они видѣли въ этомъ воздушномъ путе-

шествіи. Въ этой главѣ каждое слово, каждая черта — чудная поэзія, блещущая самыми дивными цвѣтами, самыми роскошными красками; это вмѣстѣ и поэзія и музыка, — и какая глубокая мысль скрывается въ нихъ!... Пропускаемъ главу, гдѣ, г. и г-жа Брокель разсуждаютъ о неестественности видѣнія дѣтей, и первый выказываетъ свою прекрасную натуру въ ея грубой корѣ, а вторая свою добродушную ограниченность. Пропускаемъ также и дальнѣйшія свиданія Феликса и Кристлибы съ неизвѣстнымъ дитятею, и его фантастическій разсказъ о зломъ министрѣ при дворѣ царицы фей: сокращать ихъ невозможно — не подымется рука, а выписывать вполнѣ намъ тоже не хочется, чтобы не испортить впечатлѣнія для тѣхъ, которые, послѣ нашей прозаической статьи, станутъ читать эту поэтическую повѣсть.

Но вотъ, наконецъ пріѣхалъ и давно ожидаемый учитель, магистръ Тинте, маленькаго роста, съ четвероугольною головою, безобразнымъ лицемъ, толстымъ брюхомъ на тоненькихъ пауковыхъ ножкахъ—воплощенный педантизмъ и резонёрство. Встрѣча его съ дѣтьми, ихъ къ нему отвращеніе, его съ ними обращеніе, все это у Гофмана—живая, одушевленная картина, полная мысли. Вотъ они сѣли учиться, — и имъ все слышится голосъ неизвѣстнаго дитяти, которое зоветъ ихъ въ лѣсъ, а магистръ бьетъ по столу и кричитъ: «шт, шт, брр, брр... тише! что это такое?» а Феликсъ не выдержалъ и закричалъ: «Убирайтесь вы съ вашими глупостями, г. магистръ; я хочу идти въ лѣсъ. Ступайте съ этимъ къ моему двоюродному брату: онъ любитъ эти вещи!» Дѣти побѣжали, магистръ за ними; но Султанъ, добрая собака, съ перваго раза получившій къ педанту и резонёру неодолимое отвращеніе, схватилъ его за воротникъ. Педантъ поднялъ крикъ, но г. Брокель освободилъ его и упросилъ ходить съ дѣтьми въ лѣсъ. Педанту лѣсъ не понравился, потому что въ немъ не было дорожекъ, и птицы своимъ пискомъ не давали ему слова порядочнаго сказать. «Ага, г. магистръ», сказалъ Феликсъ: «я вижу ты ниче-

го не понимаешь въ ихъ пѣсни, и не слышишь даже, какъ утренній вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, а старый ручей разсказываетъ прекрасныя сказки!» Кристлиба замѣтила, что вѣрно г. магистръ не любитъ и цвѣтовъ, и магистра отъ этихъ словъ покоробило; онъ отвѣчалъ, что любитъ цвѣты только въ горшкахъ, въ комнатѣ... Пропускаемъ множество самыхъ поэтическихъ подробностей, дышащихъ глубокою мыслію цѣлаго разсказа, и скажемъ, что г. Брокель наконецъ рѣшился его выгнать; но магистръ обратился мухой и началъ летать—насилу успѣли задѣть его хлопушкою и прогнать. Дѣти повеселѣли, пошли въ лѣсъ, но дитяти тамъ не было. Поломанныя ими куклы оживаютъ, осыпаютъ ихъ упреками и грозятъ магистромъ. Слѣдуетъ чудесное описаніе бури, обморокъ дѣтей, потомъ прекрасное ведро. Отецъ самъ пошелъ съ ними въ лѣсъ, и разсказалъ имъ, что и онъ въ дѣтствѣ зналъ неизвѣстное дитя. Вскорѣ послѣ того г. Брокель умеръ, дѣти остались сиротами, и въ ту минуту, когда имъ было особенно тяжело и они горько плакали, имъ явилось неизвѣстное дитя и утѣшило ихъ, и сказало имъ, что пока они будутъ его помнить, имъ нечего бояться злаго духа Песнера, мухи-магистера. Дружески принялъ ихъ къ себѣ родственникъ и «все сдѣлалось такъ, какъ предсказало имъ неизвѣстное дитя. Чтò бы Феликсъ и Кристлиба ни предпринимали, удавалось вполнѣ: они и мать ихъ сдѣлались веселы и счастливы, и долго въ отрадныхъ мечтахъ играли съ неизвѣстнымъ дитятею, которое показывало имъ чудеса своей родины».

Основная мысль этой чудесной, поэтической повѣсти, этой свѣтлой и роскошной фантазіи, есть та, что первый воспитатель дѣтей — природа и ея благодатныя впечатлѣнія. И первобытное человѣчество воспитывалось природою; и душѣ нашей такъ отрадно читать всѣ преданія о юномъ человѣчествѣ, ее такъ сладостно убаюкиваютъ и священныя сказанія о пастушеской жизни патріарховъ, и колыбельная пѣсня

старца Гомера о царяхъ пастыряхъ и простодушныхъ герояхъ сѣдой древности... Увы! заботы и суеты жизни, искуственная городская жизнь заслоняютъ отъ насъ природу, и мы видимъ на небѣ фонари, а на землѣ полезныя и вредныя травы, прибыльные для торговли лѣса, — а многіе ли изъ насъ знаютъ, что природа жива, что вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, и старый ручей разсказываетъ прекрасныя сказки?... Неужели же и чистыя младенческія души должны быть глухи къ живому голосу прекрасной природы и не знать «неизвѣстнаго дитяти», которое есть — ихъ же собственный откликъ на зовъ природы, свѣтлая радость и чистое блаженство ихъ же собственныхъ, младенческихъ сердецъ?...

Если въ «Неизвѣстномъ Дитяти» развита мысль о гармоніи младенческой души съ природою, какъ объ основѣ воспитанія и условіи будущаго счастія дѣтей, то «Щелкунъ и Царекъ Мышей» есть апотеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ человѣка, и цѣль этой сказки — развитіе въ дѣтяхъ элемента фантастическаго. Когда мы приближаемся къ общему, родовому началу жизни, разлитой въ природѣ, насъ объемлетъ какой-то пріятный страхъ, мы чувствуемъ какое-то сладостное замираніе сердца. Кто не испытывалъ этого при входѣ въ большой темный лѣсъ, или на берегу моря? Шумъ листьевъ и колебаніе волнъ говорятъ намъ какимъ-то живымъ языкомъ, котораго значеніе мы уже забыли и тщетно стараемся вспомнить; лѣсъ и море кажутся намъ живыми, индивидуальными существами. И вотъ откуда произошли у Грековъ живыя поэтическія олицетворенія явленій природы, ихъ дріады, и наяды, и ихъ черновласый царь Посидаонъ, съ трезубцемъ въ рукѣ—

Сей, обымающій землю, земли колебатель могучій!

Жизнь есть таинство, ибо причина ея явленія въ ней самой; переходы общей жизни въ частныя индивидуальныя явленія и

потомъ возвращеніе ихъ въ общую жизнь—то же великое таинство, а впечатлѣніе всякаго таинства—страхъ и ужасъ мистическій. Вотъ почему миѳы младенчествующихъ народовъ дышатъ такою фантастическою мрачностію, и всѣ отвлеченныя понятія являются у нихъ въ странныхъ образахъ. Искусство освобождаетъ духъ отъ рабскаго ужаса, просвѣтляя его предметы свѣтомъ мысли и эстетической жизни. Образованный человѣкъ не боится суевѣрныхъ видѣній кладбища, но это нѣмое кладбище тѣмъ не менѣе вѣетъ на него таинственною жизнію, отъ которой сладостно волнуется его духъ неопредѣленнымъ чувствомъ пріятнаго страха. Бываетъ состояніе души, когда и обыкновенныя вещи оживотворяются и воскресаются фантастическою жизнію: какъ будто выражаемыя этими вещами понятія, отрѣшаясь отъ своей отвлеченности, принимаютъ на себя живые образы, начинаютъ мыслить и чувствовать. Духъ нашъ во всемъ предчувствуетъ жизнь и даетъ ей опредѣленные индивидуальные образы. Такъ и въ «Щелкунѣ и Царькѣ Мышей» оживаютъ куклы и ведутъ войну съ мышами, и самъ Щелкунъ дѣлается рыцаремъ мыши и носитъ ея цвѣтъ. Щелкунъ проводитъ ее въ рукавъ шубы,— и тамъ открывается передъ нею леденцовое поле съ конфектными городами, которые населены конфектными людьми— и въ этихъ городахъ гремитъ музыка, ликуетъ радость, кипитъ жизнь. Мы не будемъ пересказывать содержанія этого чуднаго созданія чуднаго генія — оно непересказываемо, и намъ пришлось бы переписать его все, отъ слова до слова, а подобный разборъ сдѣлалъ бы нашу статью вдвое больше. Скажемъ только, что художественная жизнь образовъ, очевидное присутствіе мысли при совершенномъ отсутствіи всякихъ символовъ, аллегорій и прямо высказанныхъ мыслей или сентенцій, богатство элементовъ—тутъ и сатира, и повѣсть, и драма, удивительная обрисовка характеровъ—противорѣчіе поэзіи съ пошлою повседневностію, нераздѣльная слитность дѣйствительности съ фантастическимъ вымыс-

ломъ, — все это представляетъ богатый и роскошный пиръ для дѣтской фантазіи. Заманчивость, увлекательность и очарованіе разсказа невыразимы. Благодарность переводчику, издавшему отдѣльно эти двѣ превосходныя сказки Гофмана— единственныя во всемірной человѣческой литературѣ! Желаемъ, чтобы родители обратили на нихъ все свое вниманіе, чтобы не было ни одного грамотнаго дитяти, который не могъ бы ихъ пересказать почти слово въ слово!

Въ Россіи писать для дѣтей первый началъ Карамзинъ, какъ и много прекраснаго началъ онъ писать первый. Къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» прилагались листки его «Дѣтскаго Чтенія», въ которомъ замѣчательна «Переписка отца съ сыномъ о деревенской жизни». Много читателей въ послѣдствіи доставилъ Карамзинъ и себѣ и другимъ, подготовивъ этимъ «Дѣтскимъ Чтеніемъ». Послѣ онъ издалъ «Дѣтское утѣшеніе», которое и теперь еще не изгладилось у насъ изъ памяти, хотя мы читали его въ дѣтскомъ возрастѣ; а это большая похвала для дѣтской книжки: память хранитъ въ себѣ только то, что поразило душу сильнымъ впечатлѣніемъ.

Но въ настоящее время русскія дѣти имѣютъ для себя въ Дѣдушкѣ Иринеѣ такого писателя, которому позавидовали бы дѣти всѣхъ націй. Узнавъ его, съ нимъ не разстанутся и взрослые. Мы находимъ въ немъ одинъ недостатокъ, и очень важный: старикъ или очень старъ, и ужь не въ состояніи держать перо въ рукѣ, или лѣнится на старости лѣтъ, оттого мало пишетъ. А какой чудесный старикъ? какая юная, благодатная душа у него, какою теплотою и жизнію вѣетъ отъ его разсказовъ, и какое необыкновенное искусство у него заманить воображеніе, раздражить любопытство, возбудить вниманіе иногда самымъ, повидимому простымъ разсказомъ! Совѣтуемъ, любезные дѣти, получше познакомится съ дѣдушкою Иринеемъ. Не бойтесь его старости: онъ не принадлежитъ къ тѣмъ брюзгливымъ старикамъ, которые своимъ вор-

чаніемъ и наставленіями отнимаютъ у васъ каждую минуту веселости, отравляютъ всякую вашу радость. О, нѣтъ! это самый милый старикъ, какого только вы можете представить себѣ: онъ такъ добръ, такъ ласковъ, такъ любитъ дѣтей; онъ не смутитъ вашего шумнаго веселья, не помѣшаетъ вамъ играть, но съ такою снисходительностію и любовію приметъ участіе въ вашей веселости, вашихъ играхъ, научитъ васъ играть въ новыя, неизвѣстныя вамъ и прекрасныя игры. Если вы пойдете съ нимъ гулять—васъ ожидаетъ величайшее удовольствіе: вы можете бѣгать, прыгать, шумѣть, а онъ между тѣмъ будетъ разсказывать вамъ, какъ называется каждая травка, каждая бабочка, какъ онѣ рождаются, ростутъ, и умирая, снова воскресаютъ для новой жизни. Вы заслушаетесь его разсказовъ, вы сами не захотите шумѣть и бѣгать, чтобъ не проронить ни одного слова!

Лучшія піесы въ «Дѣтскихъ Сказкахъ Дѣдушки Иринея»—«Червякъ» и «Городокъ въ Табакеркѣ».

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. *Соч. М. Лермонтова. Спб. 1840. Двѣ части.*

Отличительный характеръ нашей литературы состоитъ въ рѣзкой противоположности ея явленій. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданій до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря потому, съ котораго конца будете смотрѣть. Подлѣ геніальнаго художественнаго созданія, вы увидите множество созданій, принадлежащихъ сильнымъ художническимъ талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетрическихъ произведеній, такъ что

доходите до порожденій дюжинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самыя посредственныя произведенія иностранной беллетристики носятъ на себѣ отпечатокъ бо́льшей или меньшей образованности, знанія общества, или, по крайней мѣрѣ, грамотности авторовъ. И потому-то всѣ европейскія литературы такъ плодовиты и богаты, что ни на мигъ не оставляютъ своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Самая французская литература, бѣдная и ничтожная художественными созданіями, едва-ли еще не богаче другихъ беллетрическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою. Напротивъ того, наша молодая литература по справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданій, и до нищеты бѣдна хорошими беллетрическими произведеніями, которыя, естественно, должны-бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ вѣкъ Екатерины, литература наша имѣла Державина—и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый нынѣ Фонъ-Визинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственными примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I; Капнистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ), Дмитріевъ, Озеровъ и еще немногіе, блестящимъ образомъ поддерживали беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживилась: еще далеко не кончили своего поэтическаго поприща Крыловъ и Жуковскій, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русскій поэтъ, вполнѣ художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою болѣе или менѣе примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствамъ мѣшаетъ только невыгода быть современниками Пушкина. Но за то, пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавши-

ми и послѣдующимъ) былъ богатъ блестящими беллетрическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возвышались до поэзіи, и хотя другіе теперь уже и не читаются, но въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики и сильно занимали ее своими произведеніями, большею частію мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романическими и драматическимъ движеніемъ и —несбывшимися яркими надеждами: «Юрій Милославскій» подалъ большія надежды, «Торквато Тассо» то же подалъ большія надежды... и многіе подавали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадежными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадежностей блеститъ яркая звѣзда великаго творческаго таланта,—мы говоримъ о Гоголѣ, который, къ сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ «Современникѣ» за 1836 годъ, хотя слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ... Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы: журналы начали прекращаться одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ и прекратились, и въ 1834 году «Библіотека для Чтенія» соединила въ себѣ труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ; на этотъ разъ прямо выскажемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы—внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художническихъ талантовъ и, за немногими исключеніями, вѣчная поговорка читателей: «книгъ много, а читать нечего»... Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ г. Лермонтова.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1845 годъ напечатано было нѣсколько (очень немного) стихотвореній Пушкина и Жуковскаго; послѣ того русская поэзія нашла свое убѣжище въ «Современникѣ», гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появлялись нерѣдко и стихотворенія Жуковскаго и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: «Капитанская Дочка» Пушкина, «Носъ», «Коляска» и «Утро дѣловаго человѣка», сцена изъ комедіи, Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетрическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинымъ; но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то «Современникъ» и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ «Библіотеки для Чтенія». Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго свои лирическія произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностію своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не понятъ, не оцѣненъ, какъ поэтъ, внѣ его личныхъ обстоятельствъ, и только немногіе сознаютъ всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта, и видятъ въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе періодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и г. Бенедиктовъ. Но его муза гораздо больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія г. Бенедиктова явленіе примѣчательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства, и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій внѣшній талантъ, ослѣпляющій глаза внѣшнею

стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко воспламеняющейся натуры, такъ же тихо и незамѣтно сходитъ съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, вслѣдствіе которой въ «Библіотеку для Чтенія» попали стихи г. Красова и явились въ ней съ именемъ г. Бернета, г. Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія только въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и неглубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ г. Красова заслуживаютъ вниманіе стихотворенія подъ фирмою—о—; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностію, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія; находящееся въ томъ же самомъ состояніи духа, естественно, преувеличатъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностію. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія—о— принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.

Можетъ-быть многимъ покажется странно, что мы ничего не говоримъ о г. Кукольникѣ, поэтѣ столь превознесенномъ «Библіотекою для Чтенія». Мы вполнѣ признаемъ его достоинства, которыя неподвержены никакому сомнѣнію, но о которыхъ новаго нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два, три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть

въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати, или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма оттого не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ кѣмъ-либо драмъ также не составляетъ еще достоинства и заслуги, особенно, если всѣ драмы похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта — вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предпріятіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ. — Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастіи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о г. Бернетѣ, во многихъ стихотвореніяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченнаго. Къ тому же, талантъ г. Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можетъ-быть, мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоитъ ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которые такъ не рѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одно мгновеніе! стоитъ ли останавливаться надъ ними, хоть они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И потому, обратимся къ живымъ. Но изъ нихъ только одинъ Кольцовъ обѣщаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не современно-важное, но безотносительно примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ наряду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на гаризонтѣ нашей поэзіи взошло новое яркое свѣтило и тот-

часъ оказалось звѣздою первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1838 года, съ поэмою «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова», а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Поэма его несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Пока оставляя въ сторонѣ сравненія, мы замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергіи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва ли можно бояться чьего-либо соперничества, форма его стихотвореній, не смотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинакова безискуственна. Кольцовъ не есть только народный поэтъ: нѣтъ, онъ стоитъ выше, ибо если его пѣсни понятны всякому простолюдину, то его думы недоступны никому; но въ тоже время, онъ не можетъ назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можетъ выйдти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это геніальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. Поэтому онъ непереводимъ ни на какой языкъ, и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредствен-

ной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно свойственной имъ, тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той обще-міровой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны.

Въ то время, какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенныя въ первыхъ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, возбудили къ Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью «Бэла», написанною въ прозѣ. Это тѣмъ пріятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе обнаружила силу молодаго таланта и показало его разнообразіе и многосторонность. Въ повѣсти, Лермонтовъ явился такимъ же творцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія заинтересовать публику исключительно любимымъ ею родомъ литературы, не изъ слѣпаго подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источника, изъ котораго вышли его стихотворенія—изъ глубокой творческой натуры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соединились въ одномъ талантѣ. Такое соединеніе повидимому столь противоположныхъ родовъ поэзіи не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте были лириками, романистами и драматургами, хотя лирическій элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ «Фаустъ» есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по преимуществу романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому что онъ есть общій элементъ человѣческаго духа. Съ лиризма начинаетъ почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинетъ каждый народъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ перешелъ къ роману

отъ лирическихъ поэмъ. Только литература Сѣверо-американскихъ штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и общество, въ которомъ оно произошло. Можетъ-быть, это оттого, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша литература представляетъ тоже совершенно особенное явленіе: мы вдругъ переживаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на Западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина, наша поэзія была по премуществу лирическою. Пушкинъ недолго ограничивался лиризмомъ и скоро перешелъ къ поэмѣ, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа своего времени, онъ также покушался на романъ: въ «Современникѣ» 1837 года помѣщено шесть главъ (съ началомъ седьмой) изъ неконченнаго романа его подъ названіемъ «Арапъ Петра Великаго», изъ которыхъ четвертая глава была первоначально помѣщена въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однакожь, очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, «Капитанская Дочка», при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами. Это не больше, какъ превосходное беллетрическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно «Повѣсти Бѣлкина», принадлежатъ исключительно къ области беллетристики. Можетъ-быть, въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что, съ большимъ развитіемъ его художнической дѣятельности, онъ непремѣнно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе непроизвольно: оно основывается сколько на полнотѣ драматическаго движенія, замѣтнаго въ повѣстяхъ, Лер-

монтова, столько же и на духѣ настоящаго времени, особенно благопріятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Послѣднее обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякаго народа есть свое историческое развитіе, вслѣдствіе котораго опредѣляется характеръ и родъ дѣятельности поэта. Можетъ-быть, и Пушкинъ былъ бы такимъ же великимъ романистомъ, какъ лирикомъ и драматургомъ, еслибы явился позже, и имѣлъ подобнаго себѣ предшественника.

«Бэла», заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ большаго сочиненія, равно какъ и «Фаталистъ» и «Тамань», въ послѣдствіи напечатанные въ «Отечественныхъ же Запискахъ». Теперь они являются, вмѣстѣ съ другими, съ «Максимомъ Максимычемъ», «Предисловіемъ къ журналу Печорина» и «Княжною Мери» подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Героя Нашего Времени». Это общее названіе—не прихоть автора; равнымъ образомъ, по названію не должно заключать, чтобы содержащіяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были разсказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль разсказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ разсказовъ. Въ «Бэлѣ» онъ является какимъ-то таинственнымъ лицемъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ за отношеній его по Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который разсказалъ ему повѣсть о Бэлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бэлѣ все еще остается для васъ загадочною. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе позна-

комиться съ героемъ романа. Въ высшей степени поэтическомъ разсказѣ «Тамань», герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ «Княжнѣ Мери», и туманъ разсѣевается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаетъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете наконецъ «Фаталиста», и хотя въ этомъ разсказѣ Печоринъ является не героемъ, а только разсказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ «Героя нашего времени», но, странное дѣло! вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе... Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ групу, которой средоточіе есть это одно лице,—вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовію, кто съ ненавистію—какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и замкнутость цѣлаго.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль и, изъ этой благодатной и плодородной почвы, развертывается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полные красоты и жизни, и наконецъ является совершенно особнымъ, цѣльнымъ и замкну-

тымъ въ самомъ себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама по себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ себѣ образъ, въ тоже время существуетъ для цѣлаго, какъ его необходимая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлаго. Такъ точно живой человѣкъ представляетъ собою также особный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества органовъ, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость, оконченность и особность, есть живая часть живаго организма, и всѣ органы образуютъ единый организмъ, единое недѣлимое существо—индивидуумъ. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи — минерала, до ея высшей организаціи — человѣка, нѣтъ ничего ни недостаточнаго, ни лишняго; но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ: такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недоконченнаго, ни недостающаго, ни излишняго, но всякая черта, всякій образъ и необходимъ, и на своемъ мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, вслѣдствіе несовершенства организаціи; если они, несмотря на то, живутъ—значитъ, что получившіе не нормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ неважна для цѣлаго организма. Такъ и въ художественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т. е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ не достаточно выносилъ въ своей душѣ идею созданія, не далъ ей вполнѣ сформироваться въ опредѣленные и окончательные образы. И такія произведенія не лишаются чрезъ подобные недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но, какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ неправильное развитіе органовъ

производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, непереживающія минуты своего рожденія. Вотъ такія-то произведенія искусства могутъ быть и передѣлываемы, и приноравляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты и недостатки. Но истинно-художественныя произведенія не имѣютъ ни красотъ, ни недостатковъ: для кого доступная ихъ цѣлость, тому видится одна красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и теряющаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что ни есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство присутствія духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человѣка, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общей міровой идеи въ частный образъ, въ самомъ себѣ замкнутый. Организація есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и нерукотворное, слѣдовательно, и всѣ произведенія природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, оконченны, словомъ, замкнуты въ самихъ себѣ.

Но что же такое эта «замкнутость?» спросятъ насъ наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудреная,—и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто дѣлаются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ подобные вопросы стремящіеся къ разрѣшенію. И что же? — для многихъ ли

рѣшена загадка и найдено слово? Отчего же такъ? Да оттого, что всѣ вопросы и предлагаются и рѣшаются словомъ, а слово есть или мысль, или пустой звукъ; кто въ самой натурѣ своей, внутри самого себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носитъ возможность рѣшенія такихъ вопросовъ, — возможность, которая называется предощущеніемъ, предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины, врожденными идеями, и проч., — для того слово есть мысль, и, услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой понятливости заключается въ сродствѣ, или лучше сказать въ тождествѣ познающаго съ познаваніемъ. Но и самое это тождество требуетъ большаго развитія: иначе понятливость тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣтны. Но у кого нѣтъ этого тождества съ предметами его познаванія, для того слово — пустой звукъ: ухо его услышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ мы говоримъ, столько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однако-жь, мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ, въ природѣ и искусствѣ, замкнутостію. Посмотрите на цвѣтующее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которою отличается оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній разнаго съ нимъ рода и вида; его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостію, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣленъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ, оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пыль... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!... Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ

обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самодѣятельная лабараторія жизненности, тамъ, по тончайшимъ сосудцамъ дивно правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ немъ самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и всѣ орудія, органы и сосуды растительности: а между тѣмъ, гдѣ вы усмотрите начало или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно само въ себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально; но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они замкнуты въ немъ, и потому оно есть совершенно-цѣлое, оконченное, словомъ—замкнутое въ самомъ себѣ органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалы для развитія и поддержанія его бытія; посмотрите на животное: оно одарено способностію произвольнаго движенія, оно всего носитъ себя съ самимъ собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотря на него извнѣ, мы видимъ явленіе; вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жилками, сгибы членовъ смазаны пасокою, которая заготовляется въ особыхъ желѣзахъ, мускулы проткапы нервами... Но и тутъ вы еще не все видите; возьмите микроскопъ, увеличивающій въ милліонъ разъ—и васъ поразитъ благоговѣйнымъ изумленіемъ эта безконечность организаціи: вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечи-

слить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы,—и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлаго, и не можетъ быть ни исключена, ни замѣнена безъ искаженія цѣлой формы; между малѣйшими органами нѣтъ и такого пустаго пространства, гдѣ бы могъ улечься невидимый для простаго глаза атомъ; все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито внѣшнею формою, что одно замыкаетъ въ себѣ другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ себѣ существо... Человѣкъ представляетъ, въ этомъ отношеніи, несравненно высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы,—онъ во всемъ, внѣ себя, видитъ осуществившіеся законы собственнаго разума, и великое *все* нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ самого себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. Общее и безразличное стало въ немъ частнымъ и особнымъ, чтобы чрезъ эту частность и особность снова возвратиться къ своей общности, сознавъ ее. Законъ обособленія и замкнутости въ частномъ явленіи общаго есть основный законъ міровой жизни!... И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновластіемъ, какъ и въ природѣ: въ уразумѣніи тайны закона обособленія заключается разгадка тайны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, организируется въ полное, цѣлостное, оконченное, особное и замкнутое въ себѣ художественное произведеніе. Обратите все ваше вниманіе на слово «организируется»: только органическое развивается изъ самого себя, только развивающееся изъ самого себя является цѣлостнымъ и особнымъ съ частями пропорціонально и живо сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, напр., романъ Вальтеръ-Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько непохожихъ одно на другое, представляющій такое сцѣпленіе разнообразныхъ происшествій, столкновеній и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ общимъ впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единаго,—вмѣсто того, чтобы спутать и сбить васъ

этимъ калейдоскопическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же причинѣ и каждое лице въ романѣ существуетъ для васъ само по себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характерической особности и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы черезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лице вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но цѣлое романа—его колоритъ, его индивидуальная особенность, его «нѣчто», для выраженія котораго нѣтъ слова,—еще памятнѣе вамъ, нежели каждое слово въ особенности: уже и лица всѣхъ романовъ и содержаніе ихъ, изгладилось изъ вашей памяти, но съ словами: «Ламермурская Невѣста», «Ивангое», «Шотландскіе Пуритане» и пр., никогда не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то неясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышинѣ раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ въ туманѣ, представляться индивидуальная общность каждаго романа...

Все сказанное нами очень нетрудно приложить къ роману г. Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли. Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Кайшаурскую-долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностію. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное—они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его тележку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько Осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его тележкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицемъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему

и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

—„Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

—„Вы вѣрно ѣдите въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

—„Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ Осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

—„Съ годъ" отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

—„А чтожь?

— Да такъ-съ? ужасные бестіи эти Азіяты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что жь съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужь я ихъ знаю, меня не проведутъ.

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа—съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лице такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба? Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце,

но эта душа и это сердце отлились въ особую форму которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны Черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ «чертъ возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака,—а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить» значитъ «служить», и служить на Кавказѣ; «Азіяты»—его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—о нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «Азіяты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого повидимому очерствѣвшаго человѣка; вы увидите какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и

сочувствія, — и вы отъ души полюбите простаго, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: Осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ грозно прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. «Вѣдь этакой народъ», сказалъ онъ: «и хлѣба порусски назвать не умѣетъ, а выучилъ: офицеръ, дай на водку!... Ужь татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

Вотъ наконецъ путешественники наши добрались до станціи и взошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

— Жалкіе люди!—сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.—Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужь покрайней мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно Осетины?*

—„А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

—„Слыхалъ“.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы, ужь гдѣнибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!...*

—„А, чай, много съ вами бывало приключеній?“ сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью, или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лице, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ, три черты — и передъ вами, какъ живая, словно на яву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... «Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался»: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!... Принявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да, бываетъ!» Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

—„Не хотите ли подбавить рома?—сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса: теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

—„Что такъ?“

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятіе. Когда былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтомъ на-веселѣ, да ужь и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть Черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на силу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

—„Какъ же это случилось?“

Вотъ начало поэтической исторіи «Бэлы» Максимъ Мак-

симычъ разсказывалъ ее по своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ съумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?...

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ, славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ—увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть, богатый человѣкъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ?...

—„А долго ли онъ съ вами жилъ?" спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разные необыкновенные вещи

—„Необыкновенныя!" воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ Черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья, и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. «Эй, Азаматъ,—говорилъ ему Максимъ Максимычъ:—не сносить тебѣ головы: ямашъ будетъ твоя башка!» Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. «Погодите, сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ».

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ Черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

— Какъ бы сказать?... въ родѣ комплимента.

—„А что-жь такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ по ихнему. «Какова» шепнулъ онъ Печорину.— Прелесть! А какъ ее зовутъ?—«Бэлою».

«И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной

серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу». Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ Черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хоть онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполнѣ обрисовать это лице, и именно словами Максима Максимыча. «Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужь ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только неудавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—струнки, глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужь выѣзжана—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужь такая разбойническая лошадь»!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться, и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошади Казбича, на которую давно зарился, а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, разсказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомитъ читателя съ Черкесами, какъ съ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистію обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. «Еслибъ

у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего карагёза», сказалъ Азаматъ.—*Іокъ*, не хочу, — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама впивается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышетъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе—медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія, жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать что онъ разсказывалъ о любви или ревности, чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. «На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ-будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. «Послушай!» сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: «видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она

пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стóитъ Бэла твоего скакуна?...»

Казбичъ долго молчалъ, и наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія Черкеса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, льстилъ ему. «Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о кàмни!» «Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. «Будетъ потѣха!» подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздалъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ, Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

—„Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? разскажите, пожалуйста.

—„Ну ужь нечего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У Татар-

ченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ видимо блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужаго коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а карагёзъ такая чудная лошадь!... И вотъ однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меда: Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. «Азаматъ! сказалъ Печоринъ, завтра карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня». Хорошо! сказалъ Азаматъ, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость, вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поперегъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой), лежала женщина, съ связанными ногами и руками, съ головою, опутанною чардой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпости съ своимъ товаромъ; Максимъ Максимычъ попотчивалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ), хотя разбойникъ онъ, «а все-таки былъ моимъ кунакомъ». Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: «моя лошадь! лошадь!» выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промахъ, завизжалъ, въ дребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ. Такъ продолжалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часоваго, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери, ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что Черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу, и пошелъ къ нему.

—„Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жь за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

—„Что за шутки! пожалуйте вашу шпагу!

— Митька шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ. „Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо.

— Что не хорошо?

—„Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужь эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся“, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ въ тупикъ. Однакожь, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо.

—„Да онъ узнаетъ, что она здѣсь?

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ въ тупикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ, сказалъ Печоринъ, приподнявшись: вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— „Да покажите мнѣ ее“ сказалъ я.

— Она за этою дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня“ — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Я и въ этомъ согласился... Что́ же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непремѣнно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжеле и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобъ показать лучшія мѣста: какъ бы нибыло хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отно-

шенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлію—прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнію, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы по прежнему принуждены пересказывать по своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивая ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ, онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрѣдка и посматривать на него, но все изъ подлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, «такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты.» Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любитъ ли она какого-нибудь Чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпуститъ ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой... «Или я тебѣ совершенно ненавистенъ?» Она вздохнула. «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей ска-

залъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретитъ ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. «Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей: я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?» Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ, улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала: она слабо защищалась и только повторяла: «*поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!*» Какая граціозная и, въ то же время, какая вѣрная натурѣ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой Черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что̀ кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное «поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!» вы видите передъ собою эту очаровательную, черноокую Бэлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и васъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?... Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. «Я твоя плѣнница, твоя раба», говорила она: «конечно, ты можешь меня принудить»—и опять слезы. «Дьяволъ, а не женщина!» сказалъ онъ Максиму Максимычу: «только я даю вамъ честное слово, что она будетъ моя...»

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего что̀ имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лице; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только онъ едва коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мущину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ себѣ... Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря иного, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастіе въ жизни?... Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!...

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи карагёза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забылъ для нея охоту, и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. «Нехорошо (подумалъ Максимъ Макси-

мычъ): вѣрно между ними пробѣжала черная кошка!» Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ, и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

— „А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ."

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— „Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!..."

Утѣшая ее Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

— „Правда, правда, отвѣчала она; я буду весела! И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лице руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ.

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ Черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣса и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ какъ бѣшенный кружиться: Бэла узнала въ немъ Казбича...

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Макси-

мыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ быть, и тутъ та-же причина, и въ отношеніи къ автору, и въ отношеніе къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!... Но тѣмъ неменѣе, мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ человѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скораго охлажденія Печорина къ Бэлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго чувства Черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія; тогда какъ духъ Печорина не могъ найдти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа. Къ тому же, вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что́ могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? что́ оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бэлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ глаза на глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ, — вотъ все, чего требовала душа Бэлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бэлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бэлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго

напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра часовъ съ десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. «Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что́ задумаетъ, подавай, видно въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ». Однакожъ, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся — на землѣ лежала раненная лошадь, и возлѣ нея Бэла, а Казбичъ, какъ кошка карабкался на утесъ, и скоро скрылся. Они къ Бэлѣ—она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

—„И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то есть, по нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.— „Я умру!“ сказала она.— Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно, — она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣть собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывалъ.

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: «воды! воды?»

— *Онъ* сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню, какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспоминала обо мнѣ: кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну да Богъ ее проститъ... И въ правду молвить: что́ же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!... Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостный валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину его лице ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно. Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ....

— На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...

Просимъ извиненія за множество выписокъ, и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ «Бэлы»; она напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще въ прошедшемъ году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что́ же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы

только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь перечувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ бо́льшею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія, или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ Черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ Черкесъ увезъ было ее, но видя себя почти пойманнымъ, бросилъ ее, нанесши ей рану, отъ которой она умерла: вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, и все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго, или поэтическаго, напримѣръ, и въ содержаніи Шекспирова «Отелло»? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ — мужъ или любовникъ, убивающій изъ ревности невинную жену или любовницу? Но изъ всей этой тысячи, только одного «Отелло» знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо, словомъ—въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть вполнѣ готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать, для него уже—второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не разчисляетъ,

не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живыя образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т. е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлію роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя «Бэла»: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листахъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть Черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: «Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, что-бы съ ней сталось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!...»

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной Черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живаго существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь—и за что?—спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: «не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла Печорина; ему грустно, что она невспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностію? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большой части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и Англичанину, и Нѣмцу, и Французу, какъ понятны они Русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!...

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одинокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ — тотъ отказывается, говоря,

что, по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что сидя въ дымной и гадкой скалѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ скалы: товарищъ этотъ—пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговорился объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодаго офицера; «А что, много съ вами бывало приключеній?» такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилаго: «Какъ не бывать! бывало...» Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: «почему?» молодаго офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи — тревоги нѣтъ «да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ» отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдруъ онъ обращается къ Черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не хочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: «какъ же это случилось?» — Вотъ изволите видѣть—и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея—страстное желаніе мальчика-Черкеса имѣть лихаго коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выпол-

ненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. И такъ все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: «Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Акександровичу все, что я слышалъ сидя за заборомъ; онъ посмѣялся,—такой хитрый!— а самъ задумалъ кое что». Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ разсчета и соображенія: онѣ плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бэлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Въ Владикавказѣ, авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, «балованнаго слуги лѣниваго барина», Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. «Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ Боже мой!... Да не служилъ-ли онъ на Кавказѣ?» Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. «Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно», отвѣчалъ слуга. «Ну такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ? Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели», прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...—Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете—сказалъ тотъ нахмурившись. «Экой ты, бра-

тецъ!... Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жь онъ самъ остался?» Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?» сказалъ Максимъ Максимычъ: «или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужь онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку...» Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако, увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. «Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!...» сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: «пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!»

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая, и наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью, вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... «Не клопы ли васъ кусаютъ?» спросилъ его новый пріятель.—«Да, клопы...» отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. «Мнѣ надо сходить къ коменданту», сказалъ онъ: «такъ пожалуйста, если Печоринъ прійдетъ, пришлите за мной». Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Мак-

симычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „если вы захотите еще немного подождать", сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ".

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили, — но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— „А ты... а вы?..." пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ... „сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..."

— Ѣду въ Персію — и дальше...

— „Неужь-то сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужь-то сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались..."

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— „Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ улыбаясь...

— „А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охотниковъ!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла!..."

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще

часа два. „Мы славно пообѣдаемъ", говорилъ онъ: „у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?..."

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!"—проворчалъ онъ: „я-то не забылъ ничего. . Ну, да Богъ съ вами!... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: неужели не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— „Постой! постой!" закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: „совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найдти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?. .

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. Прощайте.

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ...

Коляска была уже далеко .. Давно уже не слышно было ни звонка колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ,—а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который говорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ ужь весь передъ вами... Еслибы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не знали лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

— „Максимъ Максимычъ—сказалъ я, подошедши къ нему,—а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки.

— „Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? я велю надѣлать патроновъ.

— „Отдайте пхъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы, и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ: поздравляю васъ съ находкою...

— „И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?"

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся нашъ авторъ собрался въ дорогу, онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля наша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то есть, не прежде, какъ выслушалъ его послѣднее слово... Что дѣлать? есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался...

— „А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?"

— Нѣтъ-съ.

— „А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой какія казенныя вещи.

— „Да вѣдь вы же были у него?"

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ заминаясь: да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ рода, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности,* говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— „Очень жаль", сказалъ я ему, „очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо растаться".

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣсть подъ черкесскими пулями,

такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— „Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ“.

— Да я, знаете, такъ къ слову говорю; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ, и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите, подъ грубою наружностію, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни— горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью — теплоту души, то, вѣрно, скажете: «это Максимъ Максимычъ»?... И дай Богъ вамъ поболѣе встрѣтить, на пути вашей жизни, Максимъ Максимычей!...

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа — «Бэлу» и «Максима Максимыча»: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая— повѣсть; вторая — эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ изчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести во внѣ все внутреннее, крывшееся въ ней какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ — весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами

Ивановичами, Никифорами Ивановичами, Афанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми, и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ «Бэлѣ», и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лице, съ которымъ однакожь незнакомы. Это таинственное лице не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: всѣ они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не чрезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки; а чрезъ его же самаго: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ «запискамъ».

Первое отдѣленіе называется «Тамань» и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой по прежнему остается для насъ лицемъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпаго мальчика лѣтъ 14-ти, и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди—контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою, и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день, она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная

дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку—онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хвать за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ мущина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени, она удалилась съ Янко, какъ видно; съ своимъ любовникомъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ; это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ, или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица—какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари, или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная какъ сирена, неуловимая какъ ундина, страшная какъ русалка, быстрая какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно-хороша она, когда, на крышѣ своей

кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа — онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицемъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностію безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и «Княжна Мери». Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но за то далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ— портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

Начинаемъ съ седьмой страницы. Печоринъ, въ Пятигорскѣ, у Елисаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ—юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію, это лице стоитъ Максима Максимыча; подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій—идеальный молодой человѣкъ, который щеголяетъ своей идеальностію, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а «львы» ослиною глупостію. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, «производить эффектъ» — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ

и романтическихъ провинціяльныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, «не трогаетъ просто-прекрасное и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. — «Въ ихъ душѣ» — прибавляетъ онъ: «часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи». Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: «подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ». Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбливаетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій напалъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. «Нынѣшній годъ, — говорилъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ — тяжело, какъ милостыня». Въ это время прошли мимо ихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что «этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой, и сердце подъ толстою шинелью!» Звонкою фразою, громко сказанною по французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: «эта княгиня Мери прехорошенькая. У нея такія бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ: — нижнія и верхнія рес-

ницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу!»—Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ—Печоринъ надъ нимъ тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княгини не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу, или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіазма обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя на ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы непохожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ

на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лице—медикъ Вернеръ. Въ беллетрическомъ смыслѣ, это лице превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутливости и, вмѣстѣ, полнаго мысли остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное — о Лиговскихъ. «Что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?» спросилъ Печоринъ.— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?—«Совершенно убѣжденъ».—Почему?—«Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ».—У васъ большой даръ соображенія—отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. «Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?»—Разумѣется. — «Завязка есть!» закричалъ Печоринъ въ восторгѣ: «объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботиться о томъ, чтобы мнѣ не было скучно». Далѣе, Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая—этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала свои, а дочка слушала со вниманіемъ;—въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось

отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ, и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину—блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ, онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ—отнестись о немъ дурно. «Пожалуй!» отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая безпокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. «Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю—ничего!»

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ разсказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо его съ матерью,—и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за глаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всего былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею какъ звѣрь, и

лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого, онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ: Грушницкій конфузится, говоритъ: «какой вздоръ!» и самодовольно улыбается. «Другъ мой, Печоринъ», говорилъ онъ: «я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право жаль! потому что Мери очень мила!...»—Да, она недурна!—сказалъ съ важностію Печоринъ: только берегитесь, Грушницкій!—Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ будетъ ей скучно двѣ минуты сряду—онъ погибъ; что, накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть Грушницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Я внутренно хохоталъ (слова Печорина), и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные,—и тутъ-то я буду наслаждаться!»

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ, и думая о женщинѣ съ родинкой, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самою. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятіе о ихъ отношеніяхъ.

—„Вѣра“! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.—Я знала, что вы здѣсь, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

—„Мы давно не видались, сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— „Стало-быть, ужь ты меня не любишь!...

— Я за мужемъ!... сказала она.

— „Опять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...“

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— „Можетъ-быть, ты любишь своего втораго мужа?“

Она не отвѣчала и отвернулась

— „Или онъ очень ревнивъ?“

Молчаніе.

— „Что жь! онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ, и ты боишься...“ Я взглянулъ на нее и испугался: ея лице выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ, прошептала она: тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ кромѣ страданій?... Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— „Можетъ-быть, подумалъ я: „ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!...“

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ «Записки» Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши боль-

шей части повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ—приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію Черкесовъ.

— „И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ, страна гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь,—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— „Напротивъ...“ сказала княжна покраснѣвъ...

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!...—вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня, Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

— „Откуда?“—Отъ княгини Лиговской,—сказалъ онъ очень важно.— Какъ Мери поетъ!—„Знаешь ли что?“ сказалъ я ему: „я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ что ты разжалованный.

— Быть можетъ! Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— „Нѣтъ, я только такъ это говорю...“

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самомъ высокаго мнѣнія.

— „Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

Ого! думалъ я: у него видно есть уже надежда...

— Впрочемъ, для тебя же хуже продолжалъ Грушницкій: теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль? это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся. „Самый пріятный домъ для меня теперь мой“ сказалъ я зѣвая и всталъ чтобы идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?

— „Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...“

— Посмотримъ.

— „Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.

На балѣ, въ рестораціи, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявляла желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что «за этимъ дѣло не станетъ». Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ,—и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервало этотъ разговоръ,— Печоринъ обернулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мущинъ, и, среди ихъ, драгунскій капитанъ потиралъ отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красной рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ, и, заложивъ руки на спину, уставилъ на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: «Пермете... ну, да что тутъ!... просто ангажирую васъ на мазурку...» Матери княжны не было вблизи: положеніе княжны было ужасно, она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Пе-

чорина съ Лиговскими. Въ продолженіе мазурки, Печоринъ говорилъ съ княжною, и нашелъ что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программою той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій по прежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намёкѣ, должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну— нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее? — нѣтъ. Можетъ быть, жениться?—нѣтъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; еслибъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностію предпріятія... Изъ чего же я хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того скверпаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ умножать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: Мой другъ, со мной было то же самое! и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ!»

Потомъ онъ продолжаетъ,—и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется на встрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ ту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждаетъ къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ, еслибъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другаго; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, что бы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія—сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!... Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка? «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!»... хоромъ закричатъ, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не

подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростію: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе,—но за ту смѣлую свободу, за ту жолчную откровенность съ которою онъ говорить о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И за то, ваше инквизиторское ауто-да-фѐ готово для всякаго кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами, и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ негляже, съ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество изввергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти—бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это

лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастіе въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостію, — пусть!... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!... Даже и теперь, онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ, она проникается своей собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣка можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.*

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія — если ему назначено дойдти до него,—онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойдти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный

обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней—аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того—благородный металлъ; кто сгорѣлъ или не очистился, натура того—дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли,—а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но скажутъ, можетъ-быть, резонеры — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и «Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю»?... Литература восьмнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques; однакожь эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ,

тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнію,—тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій—земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица—люди, а не марьйонетки? Принадлежатъ ли эти цари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?... Восьмнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости; онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филлидъ, Дорисъ въ фижмахъ и муш-

кахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ, и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости... Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина— въ сущемъ, т. е. въ томъ, что есть. Потому, и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства—не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлію, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка—въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія,—черезъ то ли, что раззвучная струна снова настрои-

вается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ, въ своемъ произведеніи, доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей,—оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства,—и, какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлію. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?...

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...

„Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и вѣроятно по твоему порядочный человѣкъ долженъ то же молчать о своей страсти?...

—„Эхъ братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается“.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись Грушницкій, она тебя надуваетъ...

—„Она...“ отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: „мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіи всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычекъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко-тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали – и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли — я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти были веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ; и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили; я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искрененъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе,—не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, — но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой, я сдѣлался нравственнымъ калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь—предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся? — Трудно рѣшить опредѣлительно: кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія,—они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать—они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ—они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго,—будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе,—и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный,—не бойтесь слишкомъ далеко зайдти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазѣечка изъ этой западни: «я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы». А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна,—и какъ бы вы не представлялись себѣ дурны, но если и лучшій изъ людей не лучше васъ,—ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ,—имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того: начиная лгать съ сознаніемъ, или начиная шутить—они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду,

когда слова ихъ—вопль души, или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнію души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе, отчего родилось у него отчаяніе? — Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клевещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастія, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого было не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжною, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня!— Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки, она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала,—а это великій признакъ!...

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностію ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ея; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣянна, грустна. «Любили ли вы?» спросилъ ее Печоринъ; она пристально на него посмотрѣла, покачала головой, и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала съ чего начать; грудь ея волновалась.—«Не правда ли, я была сегодня очень

любезна? — сказала она, при разставаньи, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто ея, отвѣтилъ самому себѣ: «Она недовольна собой, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужь знаю наизусть — вотъ что скучно!» — Бѣдная Мери!...

Между тѣмъ, Вѣра мучилась ревностію и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая сбирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ, и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ въ слухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. «Я — говоритъ онъ — такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною.»

На другой день — балъ въ ресторацiи. За полчаса до бала къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира. — Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною? — сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. «Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!» отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій попросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полсклянки за галстухъ, въ носовой платокъ и на рукава, и заключилъ опасеніемъ, что ему прійдется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: «А ты звалъ ее на мазурку?» онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ея у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала, и от-

вѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки «Нѣтъ, говорилъ онъ,—лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...»—Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу—отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. «Я съ вами несогласенъ», отвѣчалъ Печоринъ: «въ мундирѣ онъ еще моложавѣе». Этотъ злой намёкъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею, или vis á vis, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужь его ненавидѣла.

— „Я этого не ожидалъ отъ тебя", сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— „Ты съ нею танцуешь мазурку?" спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. „Она мнѣ призналась..."

— Ну такъ что жь? а развѣ это секретъ?

— „Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки.. отъ кокетки... Ужь я отомщу!"

— Пѣняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?...

— „Зачѣмъ же подавать надежды?"

— Зачѣмъ же ты надѣялся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавило, но что́ же за радость бѣсить добраго, пустаго малаго, и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что́ это: слѣдствіе праздности ума, или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, сбираясь на балъ:

Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели,—думалъ я, мое единственное назначеніе—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ,

какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы не умереть, ни придти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужь не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для Чтенія"?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками. . .

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствіе перваго и разсуждаетъ о нихъ, или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостію натуры и жалкостію дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, жолченъ и ложенъ?... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ—низокъ, зачѣмъ толпа пóшла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя, въ эту эпоху семейной жизни, находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея разсчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни—результатъ первой, когда они или равнодушно

на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ идти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!... Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись надъ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— „Этому виноватъ Грушницкій".

— О нѣтъ!—И лице ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ — теперь настаетъ время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій наконецъ понялъ, что онъ одураченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло прево-

сходство Печорина—и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности... «Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіянски. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ — вотъ что̀ я называю жизнію!»—Ошибочное названіе!—восклицаете вы,—и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечемъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винитъ ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. «Авось — говоритъ онъ — ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы». Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны—она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. «Я не видалъ ее! Она больна! Ужь не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ?» — Видите ли: какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечься и самому!... Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, но отъ нечего дѣлать; однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ *ее* одну. Она была блѣдна и задумчива. «Вы на меня сердитесь?» Она заплакала и закрыла лице руками. «Что̀ съ вами?»—Вы меня не

уважаете!... отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки насчетъ своего характера— и вышелъ; но, уходя, слышалъ какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!... Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ...

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо — скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду.—Мнѣ дурно!—проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... «Что вы со мной дѣлаете? Боже мой!...» говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова — и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она наконецъ сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ-быть вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности:—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, чтобы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!“

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— „Зачѣмъ?“ отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужь она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни раза. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а удочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира!... а еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія.*

Что́ такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самаго себя, чертою изысканною и натянутою; словомъ намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшнаго... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ большую или меньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо поучить, что эти петербургскіе слетки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ

какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго — имя княжны упоминается. Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставить его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что еслибъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ Еслибъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „хорошо, я согласенъ“.

По утру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было страшною развязкою пустой и ничтожной драмы, которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе страшною развязкою.

— „Вы больны?“ сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— „И я также... я васъ обвиняла... можетъ-быть напрасно?—Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...“

— Все ли?

— „Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня не призираете; не правда ли?“

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры, и ничего не видала, но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

Я вамъ скажу всю истину, отвѣчалъ я княжнѣ: не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю.*

Ея губы слегка поблѣднѣли... „Оставьте меня“ сказала она едва внятно... Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатанинское величіе, очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться — прости любовь!... Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы, онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда, еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери, и предрекла ему смерть отъ злой жены... Нѣтъ, это все не то!... Печоронъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, еслибы назвать любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ: бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ, любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду, и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужалаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она, или ненавидитъ бракъ

и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ нему только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернёромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ «несчастныхъ браковъ по любви»... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствтельнымъ, и удивиться, что ея намёкъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?... Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно кипящей пѣны... Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя или приписываетъ себѣ разныя нечеловѣческія свойства и пороки. Но винить ли его за это? — Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ пока не удовлетворится,—и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ несбыться. И вотъ когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его,—ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы предъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хо-

тя и неправы предъ дѣйствительностію. Можно ли винить ихъ за несчастіе? Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностію бросаются на все, что̀ волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго—гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,—и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ, какъ своимъ, такъ и Лиговскихъ, она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги, — и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо его. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка охватила его руку...

Около двухъ часовъ по полуночи, Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что́ увидѣлъ онъ: «Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣнахъ руки; ея густыя волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталася въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову

на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія разсказываютъ онѣ!... Бѣдная Мери!...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. «А-га!» сказалъ грубый голосъ: «попался!... Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!...»—Держи его крѣпче! — закричалъ другой голосъ, — и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. «Воры! караулъ!» кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ и дымящійся пыжъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва человѣкъ его успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: «Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?» —Сплю—отвѣчалъ онъ имъ сердито.—«Вставайте!—воры... Черкесы...»—У меня насморкъ, боюсь простудиться.

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать Черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи Черкесовъ. На другой день утромъ, Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ разсказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. «Надобно жь, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!» говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи,

въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба снова доставила Печорину случай подслушать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не Черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. «Какова княжна?» заключилъ онъ: «а? Ну, ужь признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить; только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ». Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости разсказаннаго имъ, и наконецъ даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто жь онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— „Печоринъ“ отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза, въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ ресторацiи, мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называлъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!...

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказалъ ему

все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. «Противъ васъ точно есть заговоръ сказалъ онъ ему». Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго— на счетъ Черкесовъ. За тѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастія, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. «Что жь» думалъ онъ: «умереть такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужь скучно. Я—какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!... За тѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. «Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но

утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни!...»

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ или убійцею?... Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучь ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившемся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ правоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что̀ жь тутъ дѣлать? разумѣется, идти впередъ, а чтобы вникапіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна. Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не сто̀итъ труда жить, и онъ правъ передъ собою, или покрайней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актёровъ, то аплодируя, то шикая...

Не смотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта «Шотландскіе Пуритане», но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лице его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. «Я, говоритъ онъ, ос-

тался доволенъ собою». Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе?—вдругъ спросилъ Вернеръ.

— „Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— „Наслѣдники отыщутся сами“.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?...

— „Хотите ли, докторъ“, отвѣчалъ я ему, „чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю, объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ, или хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другаго, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужь живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, можетъ-быть чрезъ часъ простится съ вами и міромъ на вѣки, а второй... второй?...

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда

на жизнь: онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщевая другу локонъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ, и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни, и и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это—переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрою», и «ипохондріею», и «мнительностію», и «сомнѣніемъ», и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія; и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи, человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скры-

тый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ, — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть:
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическій апотеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать

...... въ такое время,
Когда не думаетъ никто.

и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть—мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего — онъ слѣдуетъ

чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ, можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостію соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный, или философскій вопросъ. «Фаустъ» Гёте есть поэтическій апотеозъ рефлексій нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная «Сцена Фауста» Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ — апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечта-

тельность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа, въ его чудно поэтической «Думѣ», исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ инаго «господина-сочинителя».

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!...

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, саженъ въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. «Каждый изъ насъ (говоритъ онъ Грушницкому), станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначали шесть шаговъ. Тотъ кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ,

разобьется въ дребезги: пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться...» Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе—лице его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику, или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: «пожалуй!» и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись отъ него съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: «ты дуракъ! ничего не понимаешь!»

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки, спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій—Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтывать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать. «Ни за что на свѣтѣ, докторъ!...» отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку: «вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитымъ...»—О! это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...—отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты, и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, неспособнаго ни къ положительному добру, ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: «не могу!»—Трусъ! отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался—пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлиться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія, ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!...

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостію смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: «Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова,—и хорошенько!» Капитанъ старался казаться обиженнымъ, и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. «Дуракъ же

ты, братецъ», сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою: «пошлый дуракъ!... Ужь положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣло́мъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха!..» Печоринъ снова предложилъ Грушницкому—признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему о ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену, совсѣмъ въ другомъ родѣ, сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностію и своею потрясающею эффектностію, при высочайшей простотѣ и естественности... Лице Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. «Стрѣляйте!» отвѣчалъ онъ: «я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...»

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти!... Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ: онъ не способенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжественное, трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ, и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; са-

молюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка: то-же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію черезъ признаніе. Этотъ человѣкъ—апотеозъ мелочнаго самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки,—и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки—одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, зарапѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ,—и это такъ поразило и взволновало ее, что она не понимала, что́ отвѣчала ему, и только догадывалась, что то̀ было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ, и, вышедъ изъ комнаты велѣлъ, закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину,—и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы разстаемся на вѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другаго: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мущинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что̀ бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не жениться на ней. «Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру, она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что̀ вамъ дано, то не влечетъ:
Васъ безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышетъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Гоптуковъ, казачей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хо-

тѣлъ идти пѣшкомъ, но изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость—плодъ сухаго отчаянія, софизмы свѣтской философіи—все изчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій — передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе изчезли какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и еслибъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй немного бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле,—и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ, и извѣстилъ его что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ, онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ, онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ

прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами, и наконецъ заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что̀ княгиня принуждена была согласиться.

Прошло пять минутъ; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея,—а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большія глаза, наполненные неизъяснимой грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна, сказалъ я, вы знаете, что я надъ вами смѣялся!... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: слѣдственно, вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— „Боже мой!“ произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— И такъ, вы сами видите, сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою, вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Еслибъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что̀ могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ не имѣли, я ему покоряюсь.... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали. „Я васъ ненавижу...“ сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апотеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестію и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?... Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто его, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

„И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя, отчего, я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долею! Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лице, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все передъ нами, во весь ростъ свой. Чрезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца,

со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя «Княжну Мери», мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разскащикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа, ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороха, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ — осѣчка!... Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку, — и когда дымъ разсѣялся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!... Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя — такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицемъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака, если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного

лица. — Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеи разсказа, которая есть — фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпаго случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ — явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ? — Здѣсь мы должны обратиться къ «Предисловію», написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ головою громомъ упрековъ, совѣтовъ, и сожалѣній.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки, — самая же желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой, и силится пересоздать ее по своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ не достаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть разражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою

роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности, или какой-нибудь внѣшней связи,—истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы—и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ и въ ихъ взглядѣ на вещи — удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ «Предисловія» еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

„Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги. — „Да это злая иронія!...“ скажутъ они.—Не знаю.“

Итакъ —«Герой нашего времени» — вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою ироніею, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: «Хорошъ же герой!» — А чѣмъ же онъ дуренъ?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
Затоль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ.
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по-плечу и нестрашна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это тоже самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастія купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?... Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это! развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной. Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и оросить благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ,—и кто же эти «всѣ?»—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушать въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею, и безстыдно ожидавшему отъ него холостаго выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажите вы — холодная разсчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ее, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность? — Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравствен-

ности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и моральносантиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее—обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою?—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жорновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что́ говоритъ о его глазахъ: «Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случилось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ — или злаго нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго, или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—

непродолжительный, но проницательный и тяжелый оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ». — Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло?... Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ, этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ-быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящемъ въ дѣйствіи пустомъ.

«Хорошъ же современный человѣкъ!» воскликнулъ одинъ нравоописательный «сочинитель», разбирая, или лучше сказать, ругая седьмую главу «Евгенія Онѣгина». Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и не одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другаго, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества, или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ.

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ.
Сей ангелъ, сей надмѣнный бѣсъ,

Что жь онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье
Словъ модныхъ полный лексиконъ,—
Ужь не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ, онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подраженіе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ,—и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ для насъ уже прошедшее и прошедшее невозвратное.

Еслибы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить, вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился!
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?—Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной.
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгою и Печорою. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ быть, и невидимая самимъ поэтомъ.

Со стороны художественнаго выполненія, нечего и срав-

нивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что́ такое Онѣгинъ?—Лучшею характеристикою и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: «Petri de vanité il avait encore plus de cette espece d'orgueil pui fait avouer avec la même indifference les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de superiorité, peut-etre imaginaire». Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ «вчужѣ чувства уважалъ и что въ «его сердцѣ была и гордость и прямая честь». Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось, и котораго вся жизнь состояла въ томъ:

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гонятся онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

40*

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви.
И царствуетъ въ душѣ какой то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

«Герой нашего времени» — это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но со стороны формы, изображеніе Печорина несовсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ г. Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія: Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Фарнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ Поля Рихтера, т. е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнію самого поэта.

Вотъ причина неопредѣлённости Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, невидно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ

единствомъ мысли, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ «Вертерѣ» Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ «Онѣгинѣ» всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ изчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. «Герой нашего времени» представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостію; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бъ быть замѣнены другими, ибо вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою, или въ Тамани, могли бъ быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ неменѣе, основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что «Бэла», «Максимъ Максимычъ» и «Тамань», отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица—Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани!

Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но «Княжна Мери», и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лице меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лице Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотверженію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно, по разсчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого, она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко

было обольстить ее: стóило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто-бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лице, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самыя парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ «Предисловіи» къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобъ онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ всегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который гово-

ритъ въ своихъ запискахъ, что: написавъ «Вертера», бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности, и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же г. Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужь не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ быть и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастіе, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, и въ достоинство женщины...

СПИСОКЪ КНИГЪ, ОТЗЫВЫ О КОТОРЫХЪ, ПО НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ СВОЕЙ, НЕ ВОШЛИ ВЪ ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ЭТОГО СОБРАНІЯ.

1839 *Московскій Наблюдатель. Кн. 1.* Искуситель. Соч. Загоскина.—Ледяной домъ и Басурманъ, соч. Лажечникова.—Басни и апологи, И. Дмитріева.—Дурацкій колпакъ.—Стихотворенія А. Вердеревскаго.—Карманный пѣсенникъ.—Дѣдушка Русскаго флота.—Архиваріусъ...—Ложа 1-го яруса.—Дядя Симонъ.—Руководство къ логикѣ.—Новая россійская грамматика Меморскаго.—Ключь къ изъясненію словъ.—*Кн. 2.* Утренняя заря на 1838.—Виндзорскія кумушки, комедія Шекспира.—Проклятое мѣсто. Соч. Воскресенскаго —Дѣвушка въ семнадцать лѣтъ. Соч. Поль-де-Кока.—Катерина, комедія.—Слѣпой или двѣ сестры, комедія.—Воскресенье въ Марьиной рощѣ, интермедія.—Еще Филатка и Мирошка, интермедія.—Быль и заблужденія моего ума и сердца, соч. Башкатова.—*Кн. 3.* Одесскій альманахъ на 1839 г.—Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, соч. Н. Надеждина.—Стихотворенія Д. Сушкова.—Калебъ Вилліамсъ.—Владиміръ и Юлія.—Дѣвичьи интриги.—Вечевой колоколъ, романъ.—Балакирева полное собраніе анекдотовъ.—И то и сё.—Мечты, комедія-водевиль —Маскерадъ въ лѣтнемъ клубѣ, ни то ни сё.—Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ.—Разстроенное сватовство.—*Кн. 4.* Тысяча одна ночь, арабскія сказки.—Басни и сказки А. Измайлова.—Илліада Гомера, пер. Гнѣдича.—Приключеніе съ моими знакомыми, соч. И. Ваненко.—Я рисовалъ очерки.—Пародія, романъ.—Вечерніе разсказы, В. Невскаго.—Повѣсти изъ событій русской старины.—Иванъ Сусанинъ, романъ И. Дмитревскаго.—Невѣста изгнанника, соч. Ев. Фоа.—Разговоры отца съ дѣтьми.—Сказки моей бабушки.—Шесть новыхъ повѣстей для дѣтей.—Всеобщій французскій словарь.—*Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду.* Т. II. № 6. Новѣйшій и самый полный астрономическій телескопъ.—Соперники въ любви, повѣсть.—Повѣсть о томъ, какимъ образомъ пріѣзжіе купцы познакомились съ приказнымъ. № 8. Эдмондъ и Констанція, соч. Поль-де-Кока.—№ 11.

Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики, соч. И. Срезневскаго.— № 12. Стихотворенія Алексѣя Леонова.—Путешествіе въ Смоленскъ, соч. Н. Борорадскаго.—Графиня Евгенія, соч. Петра Евпсихіева.— Дмитрій Іоанновичъ Донской, повѣсть.—Картины бородинской битвы, соч. Ѳ. Кузмичева.—Талисманъ или заклинатель духовъ.—Чижикъ, повѣсть для дѣтей.—Изъясненіе къ прожектированному плану Москвы.—№ 15. Enchyridion medicum, соч. Гуфланда.—Садовникъ, цвѣтоводъ и огородникъ.—Латинская грамматика по Цумпту.—№ 16. Grammaire Russe.—Сынъ милліонера.—№ 19. Таблицы о цѣнности россійской и иностранной монеты.—О болѣзненныхъ вліяніяхъ господствующихъ въ Германіи.—№ 20. Русская грамматика для первоначальнаго обученія.—№ 21. Наказанное преступленіе.—*Отечественныя Записки. Кн. 8.* Сказка о Марьѣ Марсвнѣ.—Жаръ птица.—Соперники въ любви.—*Кн. 9.* Графиня Евгенія.—Талисманъ или заклинатель духовъ.—Картина Бородинской битвы.—*Кн. 10.* Какъ любятъ женщины.—Необыкновенный случай, водевиль.—Второй музыкальный альбомъ всѣхъ куплетовъ изъ этого водевиля.—Предпослѣднее странствованіе Семилассо.—Народный русскій пѣсенникъ.—Разсужденіе о лажѣ.—*Кн. 11.* Шапка юродиваго или трилиственникъ.—Въ день заложенія храма Спасителя въ Москвѣ.—Гробница на Востокѣ.—Вдовецъ и его сынъ, комедія-водевиль.—Кумъ и сватъ, быль.—Недоросль, комедія.—Дѣянія Петра Великаго.—Основанія Русской Статистики.— Лѣкарство отъ задумчивости.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

—

1839.

МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

1

КРИТИКА.

2

БИБЛІОГРАФІЯ.

3

ТЕАТРЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ „РУССКОМУ ИНВАЛИДУ“.

1

БИБЛІОГРАФІЯ.

2

ТЕАТРЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1

КРИТИКА.

2

БИБЛІОГРАФІЯ

1840.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1

КРИТИКА.

—

